Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p2knigadliachtenii02vino

The Institute of Jesuit Studies
LIBRARY
Toronto, Ontario

III. 10.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

СОСТАВЛЕННАЯ КРУЖКОМЪ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА

П. Г. Виноградова.

Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ (вторая половина).

Изданіе третье.

МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

The Institute of Mediaeval Studies
LIBRARY
JUN 9 1989
Toronto, Ontario

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 3 сентября 1903 г.

XXXIV.

Подготовка перваго креетоваго похода.

Анархія во Франціи.

Такъ какъ первый крестовый походъ былъ, главнымъ образомъ, дѣломъ французовъ, то для пониманія тѣхъ мотивовъ, которые двинули огромныя массы народа на далекій Востокъ, необходимо обратить вниманіе на положеніе Франціи въ то время. Въ началѣ XI в. королевская власть страдала полнымъ безсиліемъ, неукротимые мелкіе владѣльцы попирали ногами общественный порядокъ, стремленія къ научному образованію и художественному наслажденію понижались въ одно время съ матеріальнымъ благосостояніемъ народовъ. Для всей западной Европы наступила мрачная и грубая эпоха, богатая насиліями и жестокостями. Главное бѣдствіе эпохи— частныя войны, мелкія ссоры землевладѣльцевъ, занявшія мѣсто крупныхъ нашествій X вѣка, нападеній норманновъ, сарацинъ и венгровъ. Потомки тѣхъ вождей, подъ сѣнью замковъ которыхъ населеніе укрывалось тогда отъ этихъ нашествій, теперь изъ-за ничтожнаго предлога начинаютъ другъ съ другомъ войны. Тяжелому строю закованныхъ въ желѣзо рыцарей предшествуютъ кучки стрѣлковъ, оторванныхъ отъ ихъ работъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ и наемныхъ бродягъ, привлеченныхъ страстью къ грабежу и кровопролитію. Всѣ они кидаются на поля, истребляютъ посѣвы, захватываютъ скотъ, сожигаютъ постройки. Такъ дѣйствуютъ передовыя войска. Дѣло рѣшается схваткой рыцарей, которая можетъ продолжаться нѣсколько часовъ безъ всякаго вреда

Пособія: *Sybel*, Geschichte des ersten Kreuzzugs; *Michelet*, Histoire de France, t. II; *Васильевскій*, Византія и печенѣги.

для сражающихся. Побѣжденные бѣгутъ въ свои замки, рѣдко преслѣдуемые побѣдителями, занятыми разборомъ плѣнниковъ. Изъ послѣднихъ на состоятельныхъ налагается тяжелый выкупъ, другіе должны обрабатывать поля новыхъ господъ, а негодные для этого умерщвляются. Между тѣмъ наемники разсѣиваются въ безпорядкѣ, каждый опустошая мимоходомъ земли и стараясь посредствомъ грабежа извлечь какую-нибудь выгоду изъ похода. Трупы остаются безъ погребенія, земля безъ обработки,—и при такихъ условіяхъ зашедшая съ Востока на Западъ моровая язва производитъ здѣсь страшное опустошеніе.

Естественныя бѣдствія.

Вотъ какъ описываетъ современникъ тѣ бѣдствія, которыя постигли въ это время (1031 — 1033 г.) Бургундію и центральныя области Франціи: „Землю началъ опустошать голодъ, и роду людскому грозила скорая гибель. Вода залила поля, и нельзя было выбрать удобнаго времени, чтобы засѣять поля или убрать жатву. Казалось, стихіи яростно боролись другъ съ другомъ, тогда какъ на дѣлѣ онѣ повиновались волѣ Бога, каравшаго людей за ихъ злобу. Вся земля до того была залита непрерывными дождями, что въ теченіе трехъ лѣтъ нельзя было найти ни одной борозды, пригодной для посѣва. Въ пору жатвы поля оказывались покрытыми сорными травами. Самые лучшіе всходы давали при жатвѣ только одну шестую часть, и эта шестая доставляла самое большее горсть зеренъ. Этотъ мстительный бичъ явился сначала на Востокѣ, опустошилъ Грецію, перешелъ въ Италію, распространился по Галліи, не пощадилъ и Англіи. Никто не ускользалъ отъ его ударовъ. Вельможи, люди достаточные, бѣдняки одинаково испытывали голодъ, у всѣхъ отъ него блѣднѣли лица; общій голодъ прекратилъ наконецъ насилія вельможъ. Всякій продавецъ съѣстного могъ просить самую высокую цѣну и былъ увѣренъ, что получитъ ее безъ спора. Почти всюду мѣра зерна продавалась за 60 золотыхъ; иногда даже шестую часть мѣры покупали за 15 золотыхъ. Голодъ продолжался и тогда, когда былъ съѣденъ весь скотъ и птица; для утоленія его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще, для спасенія отъ смерти, выкапывали корни деревьевъ, рвали траву по берегамъ ручьевъ; но все было тщетно, такъ какъ одинъ Богъ можетъ быть прибѣжищемъ противъ Божьяго гнѣва. Воображеніе отказывается представлять себѣ всѣ ужасы этой страшной годины. Но, о ужасъ, вѣрить ли тому? муки голода заставили людей пожирать человѣческое мясо. Люди нападали на дорогахъ на путниковъ, убивали

ихъ, разрывали тѣла на части, жарили ихъ и пожирали. Другіе покидали родину, чтобы избѣжать голода; имъ давали пріютъ на дорогахъ, но ночью сами хозяева душили ихъ, чтобы питаться ихъ мясомъ. Иные показывали дѣтямъ яйцо или яблоко, заманивали ихъ въ сторону и тамъ пожирали. Во многихъ мѣстахъ вырывали трупы съ тою же ужасною цѣлью. Наконецъ, это безуміе или, вѣрнѣе, бѣшенство дошло до такой степени, что даже животнымъ было легче ускользнуть отъ рукъ убійцъ. Казалось, употребленіе человѣческаго мяса начало обращаться въ обычай. Одинъ злодѣй отважился даже вынести его на рынокъ вареным, все равно какъ мясо животныхъ. Его схватили – онъ даже не запирался—и сожгли. Другой ночью пошелъ и похитилъ мясо, которое зарыли въ землю, съѣлъ его и тоже былъ сожженъ".—Въ лѣсу подлѣ Макона нѣкій злодѣй построилъ себѣ хижину, гдѣ и убивалъ путниковъ, останавливавшихся у него, и затѣмъ пожиралъ ихъ трупы. Одни изъ гостей замѣтили тамъ человѣческія головы и успѣли убѣжать и донести. Въ хижинѣ нашли 48 головъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Лѣтописецъ лично присутствовалъ при сожженіи злодѣя.—„Многіе начали мѣшать остатки муки или отрубей съ бѣлою землею, похожею на глину, и изъ смѣси пекли хлѣбъ. Лица ихъ блѣднѣли и худѣли, кожа натягивалась и пухла, голосъ слабѣлъ и напоминалъ собою жалобный крикъ издыхающей птицы". Пришла новая бѣда: привлеченные множествомъ непогребенныхъ труповъ, начали нападать на людей волки. Тогда люди богобоязненные стали рыть большія ямы и кидать въ нихъ по 500 труповъ и болѣе. „Иногда несчастные, услышавъ, что есть области, гдѣ голодъ не такъ свирѣпствуетъ, покидали для нихъ родину, но на дорогѣ падали отъ истощенія и умирали. Этотъ страшный бичъ свирѣпствовалъ въ теченіе трехъ лѣтъ въ наказаніе за грѣхи людей. На нужды бѣдныхъ жертвовали церковныя украшенія и сокровища, давно назначенныя на такое употребленіе. Но праведное мщеніе неба еще не было удовлетворено, и во многихъ мѣстахъ церковныхъ сокровищъ не хватило на нужды всѣхъ бѣдныхъ".

Ожиданіе конца міра.

Подобныя бѣдствія во Франціи XI в. были явленіемъ вовсе не чрезвычайнымъ: изъ 72 лѣтъ (987—1059 гг.) 48 падаютъ на голодъ и эпидеміи. Понятно, какъ эти невзгоды должны были укрѣплять вѣрованіе въ близкій конецъ міра, присущее древнему христіанству. Средневѣковый строй не имѣлъ внѣшней правильности античнаго общества: въ немъ трудно было уловить внутренній глубокій порядокъ. Міръ этотъ видѣлъ въ себѣ только хаосъ: онъ

стремился къ порядку и ожидалъ его только отъ смерти. Притомъ, въ эту пору чудесъ и легендъ, когда все представлялось въ странномъ свѣтѣ, какъ будто сквозь цвѣтныя стекла, возможно было сомнѣніе, ужъ не сонъ ли одинъ эта видимая дѣйствительность. Чудеса наполняли обыденную жизнь. Самъ діаволъ не старался больше скрываться: въ Римѣ видѣли его торжественное явленіе предъ папою чародѣемъ. Среди столькихъ явленій, видѣній и странныхъ голосовъ, среди чудесъ Бога и ухищреній діавола кто могъ сказать, что земля не обратится на утро въ дымъ при звукѣ роковой трубы? Тогда очень могло бы оказаться, что то, что мы называемъ жизнью, есть на дѣлѣ смерть, и міръ, погибая, подобно легендарному святому, только „началъ бы жить и пересталъ умирать". Такой конецъ міра скорби былъ вмѣстѣ и надеждою, и ужасомъ для среднихъ вѣковъ. Посмотрите на старинныя статуи въ соборахъ X и XI вв., худыя, нѣмыя, съ застывшею на лицѣ гримасою, съ видомъ страдальческимъ какъ жизнь, и безобразныя какъ смерть. Посмотрите, какъ нетерпѣливо онѣ ждутъ этой желанной и страшной минуты, этой второй смерти воскресенія, которая должна вывести ихъ изъ ихъ несказанной скорби, вернуть изъ ничтожества къ бытію, отъ гроба къ Богу. Это изображеніе несчастнаго міра, доведеннаго до отчаянія рядомъ переворотовъ. Рушилась римская имперія; пала и имперія Карла В.; христіанство надѣялось сначала излѣчить земныя бѣдствія, а они продолжались, несчастіе за несчастіемъ, переворотъ за переворотомъ. Перемѣна была необходима, и всѣ ея ожидали. Плѣнникъ ждалъ ея въ мрачной башнѣ, въ гробовой темницѣ; рабъ ждалъ на своей пашнѣ подъ тѣнью ненавистнаго замка; монахъ ждалъ среди монастырскихъ воздержаній, тайныхъ тревогъ сердца, среди искушеній и паденій, угрызеній совѣсти и чудныхъ видѣній, служа жалкою игрушкою для діавола, который жестоко издѣвался надъ нимъ и вечеромъ, сдергивая съ него покрывало, весело шепталъ ему на ухо: „ты осужденъ!" Всѣ желали выйти, во что бы то ни стало, изъ невыносимаго положенія. Они предпочитали предаться разъ въ руки Божіи и успокоиться навѣки, хотя бы на раскаленномъ ложѣ. Притомъ это мгновеніе, когда пронзительный звукъ трубы архангела поразитъ слухъ мучителей, тоже должно было имѣть свою прелесть: тогда изъ подземелья замка, изъ монастыря, съ пашни, среди общаго плача, разнесся бы ужасный хохотъ. При всеобщемъ ужасѣ иные расточали въ отчаянномъ разгулѣ богатство, но большинство, какъ это бываетъ всегда въ великомъ несчастіи, находили себѣ

нѣкоторое успокоеніе только подъ кровомъ церквей. Люди массою несли къ алтарямъ пожертвованія землями, домами, крѣпостными. Всѣ эти дарственныя грамоты носятъ на себѣ отпечатокъ одного и того же вѣрованія: „Вечеръ міра приближается, говорятъ онѣ; каждый день приноситъ новыя бѣдствія; я, графъ или баронъ, далъ такой-то церкви для спасенія своей души...“ Кромѣ религіи, не на что было опереться истомленному народу. Всѣ другіе интересы утратили значеніе, ни жизнь, ни имущество не были защищены отъ грубаго насилія. Такъ создалось настроеніе, относившееся враждебно къ земному міру и въ то же время стремившееся къ небесному блаженству; такъ явилась при общемъ возбужденіи умовъ готовность покинуть всѣ земныя блага, пренебречь всѣми человѣческими привязанностями, лишь бы открыть себѣ путь къ мистическому единенію съ Господомъ Богомъ.

Усиленіе религіознаго настроенія.

Въ своемъ религіозномъ настроеніи большинство людей этой эпохи стремилось погрузиться въ глубочайшія пропасти духа, гдѣ затѣмъ долженъ былъ зажечься и охватить всего человѣка лучъ божественной благодати. Они изгоняли изъ сердца всякую мысль о внѣшнемъ мірѣ, о наслажденіи чувствами, проникались сознаніемъ своей испорченности и грѣховности, обращали взоры къ величію и благодати Божіей; всѣми внѣшними и внутренними средствами поддерживали они уже горѣвшій въ нихъ жарко пылъ, и когда они обливались слезами и въ сокрушеніи падали ницъ, тогда, бывало, ими овладѣвалъ трепетъ восторга, имъ представлялось раскрытое небо и падающіе на нихъ лучи его свѣта. Эти минуты они считали своею настоящею жизнью, а часы, протекавшіе безъ такой смѣны сокрушенія и восторга, представлялись имъ заточеніемъ въ матеріи и грѣхѣ. Такъ содѣйствовали они умерщвленію тѣлеснаго существованія, потому что не могло же сохраниться физическое здоровье при этомъ постоянномъ распаленіи и возбужденіи, при этомъ пылкомъ и мрачномъ энтузіазмѣ, при тѣхъ бурныхъ потрясеніяхъ, которыхъ они требовали ежедневно отъ своихъ нервовъ и духа. Такое повышенное состояніе нашло у людей того времени техническое названіе compunctio (наитіе); они сообщаютъ другъ другу, какъ сегодня отлично оно имъ удалось, какъ вчера оно было невозможно для ихъ закоснѣлаго сердца. Короче сказать, они вели постоянную борьбу противъ міра тѣлеснаго и чувственнаго, даже не подозрѣвая возможности здороваго міросозерцанія, которое можетъ сознавать присутствіе Бога съ веселымъ лицомъ и въ спокойномъ повседневномъ состояніи.

Какъ и слѣдовало ожидать, монахи шли во главѣ своихъ современниковъ по пути умерщвленія плоти ради мистическихъ восторговъ. Дисциплина въ монастыряхъ стала строже не для устраненія непослушанія или безнравственности, а прямо для приведенія каждаго въ такое возвышенное настроеніе. На всемъ Западѣ славился уже тогда строгостью своего устава Клюни. Но мистицизмъ не ограничивался одними монастырями, а разливался широко по всему Западу, выражаясь во всевозможныхъ формахъ. Замѣчательно широкое распространеніе въ то время наклонности къ отшельничеству. Люди бѣгутъ въ лѣса отъ семьи и общества, даже изъ монастырскихъ келій, прибѣгая для устраненія препятствій къ хитрости и силѣ, едва останавливаясь передъ явленіями святыхъ, запрещающихъ имъ бѣгство. Они строютъ себѣ хижины изъ древесныхъ вѣтвей, иногда поселяются по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, убѣгаютъ отъ людей, относящихся къ нимъ съ удивленіемъ, и только голодъ заставляетъ ихъ показывать взорамъ людскимъ свои исхудалыя и одичавшія фигуры. Но нужда для нихъ и высшее наслажденіе; не удивительно, что имъ является Богъ и Его ангелы, если духъ ихъ возбужденъ усиленнымъ размышленіемъ, а тѣло подавлено голодомъ, бичеваніемъ и ночными бдѣніями.

Говорятъ, человѣкъ всегда достигаетъ того, къ чему стремится всѣми силами души. Поистинѣ не напрасны были стремленія и этихъ монаховъ; чудеса стали для нихъ дѣлами столь же обычными, какъ для насъ естественный ходъ вещей. Они бесѣдовали съ Богомъ, съ Спасителемъ и Его Матерью, съ легіонами святыхъ; повседневныя событія превращались въ ихъ рукахъ въ чудеса и знаменія Божіи. Эти чудеса были произведеніями глубокаго убѣжденія и духовнаго страданія живыхъ людей, полныхъ силы и свѣжести духа, людей, призванныхъ къ великимъ дѣламъ и при всѣхъ ихъ заблужденіяхъ совершавшихъ подвиги. Не слѣдуетъ также думать, что этотъ аскетизмъ господствовалъ только въ тѣсномъ кругу; болѣе широкое вліяніе съ его стороны слѣдовало бы предполагать, уже судя по числу монастырей и отшельниковъ и по чрезвычайной силѣ всего направленія. Легко замѣтить на самомъ дѣлѣ, что вызвавшее аскетизмъ настроеніе проявляло свое вліяніе во всѣхъ слояхъ общества.

Вліяніе аскетизма.

Прежде всего, подъ вліяніемъ его стоятъ научное богословіе и философія той эпохи, и притомъ въ большей степени, чѣмъ этого можно было ожидать по существу дѣла, такъ какъ подобный аскетизмъ враждебенъ всякой наукѣ, и представители его, если и за-

нимаются ею, то только съ извѣстными цѣлями, напр., изучаютъ грамматику, чтобы понимать Библію. Несомнѣнно поэтому, что расцвѣтъ схоластики уничтожилъ бы вполнѣ научныя стремленія, если бы они уже тогда не вступили въ союзъ съ іерархіей. Тѣмъ менѣе удивительно, что общее настроеніе стремится въ теченіе XI в. повліять во многомъ на только-что зарождающееся научное движеніе. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно стремленіе знаменитѣйшихъ людей эпохи при толкованіи Библіи на ряду съ буквальнымъ смысломъ выдвигать, по древнему церковному обычаю, смыслъ аллегорическій. Но всего рѣзче проявляется стремленіе къ матеріальному обладанію таинствомъ въ спорѣ о пресуществленіи, привлекшемъ къ себѣ вниманіе всего Запада и замѣчательномъ по тому упорству и горячности, съ какимъ онъ былъ веденъ. Тотъ же мистицизмъ охватываетъ и мірянъ: всюду всѣ сословія выказываютъ къ подвижникамъ безграничный энтузіазмъ. Не довольствуясь этимъ, они стремились сами покинуть міръ и знаки достоинства, уйти къ монахамъ, надѣть ихъ платье; они искали въ монастыряхъ маленькаго уголка, гдѣ бы можно было укрыться. Монахамъ приходилось заботиться объ одномъ, какъ бы мѣшать вступленію въ ихъ среду людей знатныхъ и сильныхъ. По словамъ современника, никогда князья и бароны не основывали на сѣверѣ Франціи столькихъ монастырей, какъ въ послѣдней четверти XI в. Въ простомъ народѣ общее настроеніе выражалось съ исключительною силой и въ самыхъ грубыхъ формахъ. Туда, гдѣ жилъ отшельникъ, стекались массы людей, желая видѣть его, касаться его одежды, слѣдовать его примѣру. Всѣ обязанности отступали передъ этою высшею: земныя узы, даже самыя святыя, люди расторгали, земными радостями и страданіями пренебрегали безъ колебанія. Почитаніе мощей и святыхъ въ то же время достигло высшей степени; достаточно напомнить одинъ часто приводимый фактъ: народъ намѣревался убить уѣзжавшаго угодника, чтобы мощи его сохранить въ городѣ, какъ драгоцѣнность. Въ эпоху набѣговъ норманновъ и венгровъ, въ IX—X вв., настоятели церквей и монастырей особенно заботились о спасеніи отъ хищныхъ язычниковъ мощей, приносившихся нерѣдко изъ Италіи и особенно изъ Рима, гдѣ благочестивые люди доставали ихъ всевозможными способами, не стѣсняясь прибѣгать даже къ воровству. Во избѣжаніе оскверненія ихъ уносили въ безопасныя мѣста. Теперь, когда набѣги язычниковъ прекратились, а религіозное настроеніе усилилось, явилось стремленіе разыскивать спрятанныя мощи, и взамѣнъ разрушенныхъ варварами церквей

и монастырей созидались для нихъ новые. Ко времени этой „строительной горячки“ XI в. и относится начало романской архитектуры.

Паломничество. Вполнѣ естественнымъ выраженіемъ общаго настроенія представляется и паломничество: сколько случаевъ къ самоистязанію представляло странствованіе въ Римъ или даже въ Іерусалимъ, какъ сильно должно было удовлетворяться стремленіе имѣть Бога передъ тѣлесными глазами, когда человѣкъ ступалъ на землю, по которой ходилъ Христосъ, или осязалъ камни Его гробницы. По словамъ лѣтописца первой половины XI в., особенно возросло число паломниковъ, когда до Запада дошла вѣсть о возстановленіи разрушеннаго передъ тѣмъ храма Гроба Господня: отовсюду шли въ Іерусалимъ невѣроятныя массы, неся дары на постройку храма. Разъ толчокъ былъ данъ, движеніе получило такой общій характеръ, какого невозможно было ожидать. Починъ принадлежалъ народнымъ массамъ, за которыми послѣдовали высшія сословія; затѣмъ тронулись въ свою очередь сами короли, графы, епископы; наконецъ, чего никогда не было видано, стали предпринимать это далекое и тяжелое путешествіе даже женщины какъ самыя знатныя, такъ и бѣднѣйшія. Вѣра паломниковъ была такъ крѣпка, что многіе изъ нихъ просили у Господа, какъ милости, смерти у Святого Гроба, жертвуя, такимъ образомъ, жизнью для Бога, Своею кровью искупившаго міръ. Такъ было съ однимъ паломникомъ изъ Бургундіи, по имени Летбальдомъ. Придя въ Іерусалимъ и посѣтивъ всѣ Святыя мѣста, онъ отправился на Масличную гору, съ которой Спаситель вознесся на небеса. Тамъ Летбальдъ простерся на землѣ, раскинувъ руки крестомъ, и погрузился въ восторженное состояніе. Слезы ручьями текли изъ глазъ его, а между тѣмъ душа была объята благоговѣйною радостью. Послѣ долгой молитвы онъ поднялся и, протянувъ руки къ небу, сказалъ: „Господи Іисусе, если мнѣ суждено умереть въ нынѣшнемъ году, дай мнѣ, прошу Твое всемогущее милосердіе, умереть въ виду св. горы. Я твердо вѣрю, что, приведя меня сюда здравымъ и невредимымъ, ты сжалишься надъ моею душою и даруешь ей райское блаженство“. Затѣмъ онъ вернулся съ товарищами въ гостиницу, отказался отъ пищи и, легши въ постель, задремалъ; вѣроятно, ему предстало небесное видѣніе, такъ какъ вдругъ онъ воскликнулъ: „Слава Тебѣ, Боже мой! слава Тебѣ!“ Товарищи разбудили его, и онъ сталъ жаловаться на нездоровье. Къ вечеру онъ попросилъ причастить его, и это было напутствіемъ его въ вѣчность, такъ какъ тотчасъ онъ

почилъ въ Бозѣ. Разсказъ о смерти его лѣтописецъ слышалъ самъ изъ устъ его товарищей.

Среди пилигримовъ встрѣчается не мало людей, потомки которыхъ участвовали впослѣдствіи въ первомъ походѣ, напр., Робертъ, герцогъ Нормандіи, дѣдъ крестоносца,—Робертъ, графъ Фландріи, отецъ участника 1-го похода,—Вильгельмъ, графъ Тулузскій, отецъ графа Раймунда,—великій грѣшникъ Фулько, графъ Анжу,—наконецъ, самъ Адемаръ Монтейль, впослѣдствіи духовный глава похода. Эти аристократы вели съ собою большую свиту; къ ней присоединялись другіе паломники, и такимъ образомъ составлялись отряды въ сотни и даже тысячи человѣкъ. Самый крупный изъ извѣстныхъ намъ доходилъ по скромному расчету до 7.000 человѣкъ; въ составъ его входили нѣмцы и англичане, а руководителями были архіепископъ майнцскій и нѣсколько другихъ нѣмецкихъ епископовъ и вельможъ. Странники достигли своей цѣли, но только послѣ ряда бѣдствій, стоившихъ жизни большей части паломниковъ. Уцѣлѣвшіе считали себя съ этихъ поръ въ непосредственной близости къ Богу. Святость мѣста часто проявлялась въ чудесахъ и видѣніяхъ; пылкое негодованіе на владычество невѣрныхъ вытекало прямо изъ вѣры въ дѣйствительное присутствіе Христа.

Положеніе Востока.

До семидесятыхъ годовъ XI в. почти вся Сирія находилась подъ властью Фатимидовъ, отъ которыхъ иногда тяжело приходилось туземнымъ христіанамъ и западнымъ паломникамъ. Еще хуже стало положеніе тѣхъ и другихъ, когда ею овладѣли дикіе турки сельджуки. За допущеніе въ св. градъ они требовали съ каждаго странника по золотой монетѣ; не могшіе заплатить пошлину,—а такихъ было очень много, такъ какъ паломники были люди большею частью бѣдные и лишались послѣдняго отъ грабежей во время пути,—бродили подъ стѣнами Іерусалима и нерѣдко погибали отъ голода или непріятельскаго меча. Впущенные въ городъ терпѣли со стороны мусульманъ угрозы и преслѣдованія, особенно обрушивавшіяся въ торжественные дни на христіанскіе храмы и духовенство. Понятно, какъ всѣ эти притѣсненія должны были дѣйствовать на восторженно настроенныхъ паломниковъ и какое впечатлѣніе производили ихъ разсказы по возвращеніи на ихъ благочестивыхъ соотечественниковъ.

На пути въ Іерусалимъ и обратно паломники большею частью проходили чрезъ Византію, поклонялись ея святынямъ, дивились ея богатствамъ и великолѣпію, знакомились съ ея политическимъ положеніемъ. Послѣднее за время отъ смерти грознаго Болгаробойцы до выступленія ловкаго Алексѣя Комнина далеко нельзя было на-

звать блестящимъ. Внутри государства происходили частыя смуты, многіе заражались „болѣзнью пурпура“, управленіе было въ разстройствѣ, казна истощена, благосостояніе народа подорвано. Извнѣ ей въ то же время грозили сильные враги и съ сѣвера, и съ востока, и съ запада. Самыя удачи шли во вредъ государству. Конецъ X и начало XI вв. были ознаменованы упорной и въ концѣ-концовъ удачной борьбой Василія II съ болгарской державой Самуила. Противъ болгаръ лукавая политика Византіи пользовалась нерѣдко помощью задунайскихъ варваровъ печенѣговъ, которые такимъ образомъ постепенно втягивались въ дѣла полуострова, дѣйствуя сначала какъ орудіе въ рукахъ грековъ, а потомъ и въ своихъ собственныхъ видахъ. Положеніе измѣнилось, когда съ паденіемъ Болгаріи исчезла стѣна, мѣшавшая прежнимъ союзникамъ сталкиваться. Тогда оказалось, что близость печенѣговъ еще опаснѣе, чѣмъ сосѣдство ославянившихся болгаръ. Дикія орды не разъ проникали на правый берегъ Дуная, переходили черезъ Балканы, опустошали Македонію, Ѳракію и подступали къ стѣнамъ самой столицы. Правда, нашествія кончались обыкновенно тѣмъ, что орды варваровъ, послѣ непривычнаго изобилія и излишествъ, начинали страдать отъ эпидемій и голода въ опустошенныхъ земляхъ; назадъ возвращались немногіе. Тѣмъ не менѣ опустошенія не могли не отзываться гибельно на благосостояніи населенія. Императоры не разъ пытались воспользоваться плѣнными печенѣгами для заселенія опустѣвшихъ земель Болгаріи и для пополненія своихъ войскъ, но при первомъ случаѣ плѣнники обращали свое оружіе противъ Византіи. Особенно опасно было прибѣгать къ услугамъ печенѣговъ въ борьбѣ съ сельджуками: встрѣчаясь на поляхъ М. Азіи, въ рядахъ армій Романа Діогена и султана Альпъ-Арслана, печенѣги и турки легко приходили къ сознанію своего кровнаго родства и понимали другъ друга. И въ Азіи императоры своими ошибками помогали успѣхамъ грозныхъ враговъ, какими были для нихъ турки при первыхъ трехъ султанахъ до распаденія ихъ державы въ началѣ 90-хъ гг. XI в. И въ Азіи императоры сами прорвали плотину, ограждавшую имперію отъ новыхъ враговъ, когда, увлекшись стремленіемъ къ присоединеніямъ, уничтожили независимость Арменіи и, для пополненія своей казны, замѣнили въ пограничныхъ областяхъ службу въ милиціи денежными взносами; такъ при самомъ появленіи турокъ имперія лишилась энергичнаго вассала и 50 т. милиціи, храбро отстаивавшей свою родину. Въ результатѣ бурнаго напора сельджуковъ и ошибокъ и слабости Византіи получилась утрата М. Азіи,

до того служившей для имперіи главной основой могущества, такъ какъ здѣсь была наиболѣе сплошная масса греческаго населенія. Любопытно при этомъ, что это населеніе, повидимому, охотно подчинилось туркамъ, избавлявшимъ крестьянъ отъ власти помѣщиковъ и тяжелаго византійскаго управленія. Такимъ образомъ новые завоеватели приблизились уже къ Босфору и Дарданелламъ.

Кромѣ этихъ враговъ, имперіи въ началѣ правленія Комнина пришлось еще обороняться отъ предпріимчиваго владѣтеля южной Италіи, Роберта Гвискарда, задавшагося цѣлью, съ благословенія Григорія VII, покорить Византію. Разноплеменное войско императора большею частью терпѣло пораженія въ этой борьбѣ, и только ловкая диверсія Комнина въ тылъ непріятеля заставила Гвискарда удалиться въ Италію, оставивъ въ Эпирѣ для продолженія военныхъ дѣйствій своего сына Боэмунда, впослѣдствіи одного изъ главныхъ участниковъ 1-го похода. Заключалась эта диверсія въ союзѣ съ врагомъ папы Генрихомъ IV и въ поддержкѣ возстанія итальянцевъ противъ тяжелаго норманскаго господства. Оборона папы и подавленіе возстанія надолго задержали Гвискарда въ Италіи, а когда онъ уже направился въ Эпиръ, чтобы лично возобновить войну, на пути его постигла неожиданная кончина. Такъ кончилась эта война, навсегда прославившая имя Гвискарда: всѣ были увѣрены, что, не умри онъ, Византія была бы завоевана. Замѣтили еще, что для отраженія флота Гвискарда Алексѣй прибѣгъ къ помощи Венеціи, купивъ ея содѣйствіе за дозволеніе торговать безпошлинно во всѣхъ областяхъ и городахъ имперіи. Благодаря этому Венеція сразу обогнала Амальфи, игравшій до того главную роль въ торговлѣ съ Византіей. Фактъ усиленія Венеціи особенно важенъ потому, что съ этихъ поръ для Византіи получаетъ важное значеніе политика западная.

Вслѣдъ затѣмъ возобновилась борьба съ печенѣгами, которые, разбивъ императора, перешли Балканы, заняли Филиппополь и приблизились къ самымъ стѣнамъ столицы. Въ то же время среди турокъ явился смѣлый вождь, по имени Чаха, который, владѣя побережьемъ М. Азіи и островами, завелъ флотъ и началъ грозить Константинополю съ моря. Кромѣ того, онъ завязалъ сношенія съ печенѣгами и предложилъ имъ напасть на имперію одновременно и съ суши, и съ моря. Какъ разъ въ это время Алексѣй получилъ извѣстіе о приближеніи половцевъ, о которыхъ никакъ нельзя было сказать, на чью сторону они станутъ. Однимъ словомъ, положеніе было таково, что, какъ выражается современникъ, „судя по-чело-

вѣчески, не было спасенія". Въ эту тяжелую минуту Алексѣй послалъ отчаянное письмо съ просьбой о помощи къ Роберту Фризу, графу фландрскому, котораго онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ принималъ въ столицѣ на возвратномъ пути изъ Іерусалима и который уже тогда обѣщалъ ему помощь противъ печенѣговъ и дѣйствительно прислалъ 500 рыцарей. Въ письмѣ говорилось, что имперію греческую сильно тѣснятъ печенѣги и турки, захватившіе почти всѣ области ея, кромѣ Константинополя, которому враги грозятъ теперь и съ суши, и съ моря. „Я самъ, облеченный саномъ императора, принужденъ постоянно бѣгать предъ лицемъ турокъ и печенѣговъ... я лучше хочу быть подъ властью вашихъ латинянъ... лучше, чтобы Константинополь достался вамъ, чѣмъ язычникамъ. Въ немъ находятся драгоцѣнныя святыни Господни". Посланіе оканчивается перечисленіемъ этихъ святынь и богатствъ столицы и повтореніемъ просьбы о помощи. Но прежде, чѣмъ посланіе это могло произвести свое дѣйствіе, положеніе дѣлъ измѣнилось: половцы стали на сторону Алексѣя, и съ ихъ помощью ему удалось сломить навсегда силу печенѣговъ.

Такимъ образомъ создалась та среда, изъ которой естественно развилось крестоносное движеніе, намъ представляющееся невѣроятнымъ. Но очевидно, походъ 1096 г. не могъ быть выполненъ одними аскетами: слишкомъ грузною для нихъ была его земная оболочка. Притомъ, этотъ аскетизмъ по природѣ своей былъ дѣломъ чисто личнымъ: онъ могъ случайно сблизить массу людей, но люди эти не могли единодушно рѣшить и сообща провести походъ. Для всякой крупной войны нуженъ свой руководитель. Между тѣмъ презрѣніе къ міру, вызвавшее этотъ аскетизмъ, не у всѣхъ своихъ послѣдователей было также и бѣгствомъ отъ міра; были и другіе умы, въ которыхъ это презрѣніе вызывало стремленіе къ власти надъ міромъ, а, стало быть, и къ великимъ войнамъ.

Главенство папъ.

Нѣкогда, въ дни Карла и Оттона Великихъ, главою для западнаго христіанства служилъ императоръ, но для XI в. это было уже невозвратимымъ прошлымъ: даже въ Германіи и Италіи знать съ нетерпѣніемъ переносила власть императора, а въ остальной Европѣ ея и совсѣмъ уже не признавали. Дать Западу новаго императора стремилось то же церковное настроеніе, которое влекло къ войнѣ съ исламомъ. Свѣтская монархія вообще представлялась аскетизму неспособной вести людей къ спасенію: носителя ея, какъ и остальной міръ, были земного и грѣховнаго происхожденія; одно только было на землѣ установленіе, въ которомъ непрестанно проявлялся

Духъ Божій, это—церковь съ папою во главѣ. Одна она была призвана къ господству надъ міромъ. Когда императорская власть оказалась неспособной представлять христіанство, папы проявили готовность завладѣть рядомъ съ церковною также и свѣтскою властью и затѣмъ выступить въ роли руководителей похода Западной Европы на мусульманъ въ Азіи. Первый сталъ проводить настойчиво эту идею Григорій VII. Онъ раздѣлялъ основное стремленіе мистиковъ содѣйствовать проявленію Бога на землѣ и нуждался, подобно имъ, для поддержанія своей бодрости въ начатой съ этою цѣлью борьбѣ съ цѣлымъ міромъ, въ мистическихъ восторгахъ; но онъ тотчасъ покидалъ путь аскетизма, какъ только, укрѣпившись въ своемъ главномъ стремленіи, переходилъ къ вопросу о воздѣйствіи на міръ. Мистики хотятъ проложить путь для божественнаго начала уничтоженіемъ матеріи,—они выступаютъ противъ нея, какъ противъ начала цѣликомъ враждебнаго; Григорій старается подчинить себѣ земной міръ, какъ мятежную область: въ его глазахъ онъ негоденъ только потому, что осмѣлился стать самостоятельнымъ или даже заявить притязаніе на господство надъ церковью. Въ этомъ заключается второе различіе: мистики, окружающіе его, признаютъ, правда, внѣшнюю церковь и ея установленія, но внутри ея высшее совершенство достигается только личными подвигами; Григорій самъ опирается постоянно на нихъ, но для него настоящее Богоявленіе это—видимое на землѣ могущество церкви. Не придай онъ извѣстнаго направленія своему вѣку, западная церковь раздробилась бы на безчисленныя кельи отшельниковъ; онъ сдержалъ эти центробѣжныя силы и основалъ на рядъ вѣковъ величавое зданіе своей теократіи. Та же точка зрѣнія замѣтна и въ знаменитомъ призывѣ къ походу на востокъ. Св. Гробъ упоминается въ немъ только разъ, и то мимоходомъ; его исключительная цѣль — отнятіе М. Азіи у сельджуковъ, затѣмъ избавленіе отъ нихъ Греціи и подчиненіе ея римскому престолу. Для Запада было, конечно, очень важно, что папа призвалъ къ общей борьбѣ противъ враговъ вѣры всѣ націи, какъ будто онѣ были членами единаго царства, но мысль о походѣ мистическомъ по его цѣлямъ, безъ ясной связи съ интересами Запада,—о походѣ только ради св. Гроба и спасенія душъ борцовъ,—такая мысль не могла явиться въ умѣ Григорія, соединявшемъ реальную послѣдовательность съ стремленіемъ къ небесному. Борьба съ Генрихомъ IV потребовала вскорѣ всѣхъ силъ Григорія, и о походѣ за море не было уже больше рѣчи.

Въ виду неудачи, какую потерпѣлъ Григорій VII въ борьбѣ за

осуществленіе своихъ колоссальныхъ плановъ, неудачи, зависѣвшей отъ непримиримости ихъ съ господствовавшимъ строемъ,—его болѣе ловкій преемникъ Урбанъ II нѣсколько сузилъ притязанія папства, чтобы тѣмъ легче провести ихъ въ такомъ видѣ. Наперекоръ взглядамъ Григорія, церковь признала теперь существующія формы государства; зато вліяніе ея охватило весь Западъ и отсюда вступило въ тѣсное соприкосновеніе со всѣми проявленіями мірской жизни. Благодаря новой политикѣ, къ концу 1094 г. было достигнуто освобожденіе церкви и установленіе общаго ея господства надъ Западомъ; центру ея, папству, принадлежала вполнѣ верховная власть. Урбанъ отказался отъ полнаго подчиненія свѣтскихъ властей, зато вступилъ всюду съ ними въ союзъ, оказывая на нихъ въ массѣ случаевъ вліяніе и настойчиво удерживая ихъ въ тѣсной связи съ Римомъ. Повиновеніе Риму составляло основу религіознаго сознанія, всюду проявлялась эта вновь созданная власть, Западъ представлялся объединеннымъ до того неизвѣстными или несознававшимися узами. Имѣя въ распоряженіи такую силу, дѣятельный Урбанъ естественно стремился испробовать ее на великомъ предпріятіи. Передъ глазами у него былъ примѣръ Григорія—его мысль о походѣ въ Грецію. Урбанъ воспользовался ею, но придалъ ей иную форму: и здѣсь онъ далъ больше свободы тѣмъ силамъ, которыя должны были ему служить; какъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ Запада, онъ довольствовался верховенствомъ болѣе неопредѣленнымъ, но и менѣе оспариваемымъ. Но прежде всего онъ подошелъ къ аскетизму ближе Григорія: для послѣдняго цѣлью была его церковная монархія; Урбанъ поставилъ цѣль въ той сферѣ, которая была всего пріятнѣе для мистиковъ. Призвавъ Западъ къ освобожденію святого Гроба, онъ создалъ движеніе, связанное съ землею восторженною вѣрою этихъ мечтателей; однимъ словомъ, объектъ борьбы данъ былъ аскетизмомъ, а папѣ принадлежало ея объединеніе и завершеніе.

Роль норманновъ.

Призывъ папы встрѣтился съ воинственнымъ настроеніемъ народовъ Запада. За утратой старыхъ формъ для выраженія единства новое время искало для него новыхъ представителей и въ сферѣ свѣтской. Ими оказались норманны, захватившіе тогда всѣ страны Запада и наложившіе на ихъ стремленія общій отпечатокъ. Съ IX в., когда они впервые столкнулись съ монархіей Каролинговъ, они сильно повліяли на Германію, утвердились во Франціи, основали колоніи въ Италіи, наконецъ, завладѣли вполнѣ Англіей. Ихъ соплеменники плавали до Исландіи и Гренландіи, основали на

широкихъ равнинахъ восточной Европы русскія княжества и отсюда вступили въ непосредственныя сношенія съ Византіей. Повсюду они являются одинаково рѣзкими фигурами: отважные и безпокойные, ловкіе и хищные, они постоянно преслѣдуютъ однѣ и тѣ же цѣли; они упорно сохраняютъ основу своего характера и однако скоро сливаются съ самыми различными элементами. Они относятся почти враждебно къ наличнымъ формамъ политической жизни, къ государственной связи, къ притягательной силѣ родины. Они составляютъ племя героевъ и государей, опирающееся безъ всякаго основанія права и законности только на личную храбрость. При неутомимости ихъ въ одиночку и при распространеніи ихъ шаекъ по всей Европѣ, они довели до высшей степени, когда-либо виданной міромъ, жажду приключеній и войны ради самой войны. Всѣ народы, которыхъ они касались, по доброй волѣ или по принужденію были втянуты въ этотъ круговоротъ, новая тревога охватила съ тѣхъ поръ земли и моря отъ Кіева до Исландіи. По ихъ пылу, распространенію, стремленію къ личному героизму ихъ можно сравнить съ аскетами церкви; по крайней мѣрѣ въ крестовомъ походѣ тѣ и другіе дѣйствовали въ тѣсномъ союзѣ и очень сходнымъ образомъ.

Сначала, правда, казалось, что у норманновъ мало склонности къ союзу съ стремленіями христіанскими и церковными. Извѣстно, какъ крѣпко держались они на родинѣ за служеніе Азамъ, какъ потомъ они принимали новую вѣру только по мірскимъ побужденіямъ. Еще въ началѣ XI в. они такъ же мало чувствовали въ себѣ призваніе къ собственно религіознымъ войнамъ за христіанство, какъ раньше противъ него. Но, сливаясь быстро съ окружающимъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ, они подчинялись такъ же быстро и вліяніямъ духовнымъ и скоро приняли рѣшающее участіе въ ихъ развитіи. Во-первыхъ, они тоже увлеклись господствующимъ мистицизмомъ: съ начала XI вѣка они давали паломниковъ не меньше любой западной націи; одинъ лѣтописецъ жалуется, что когда они впервые столкнулись враждебно въ Апуліи съ греками, то путь въ Іерусалимъ былъ на много лѣтъ загражденъ для норманновъ. Затѣмъ они всюду вступили въ тѣсный союзъ съ стремленіями іерархіи,—результатъ почти одинаковаго отношенія обѣихъ сторонъ къ свѣтскимъ властямъ. Одушевлявшій норманновъ духъ представляетъ, впрочемъ, самую странную смѣсь: они торгуются и спорятъ съ папою, котораго вообще глубоко почитаютъ изъ-за малѣйшаго права, изъ-за всякаго клочка земли. Съ своей стороны,

Григорій отлично понималъ ихъ и не уступалъ своего; онъ часто говорилъ: „я могу быть съ ними въ мирѣ, когда только захочу, но я хочу заключить только выгодный миръ“. Такъ спорили они, пока Генрихъ IV не пошелъ на Римъ; тогда согласіе тотчасъ возобновилось. Точно такъ же относились они и къ монастырямъ: они безъ стѣсненія грабили и разоряли ихъ, но въ то же время заботились и о спасеніи душъ богатыми дарами въ Монте Кассино, глубокимъ почтеніемъ къ святымъ аббатамъ и монахамъ, наконецъ, общимъ разрѣшеніемъ отъ грѣховъ, которое они испрашивали у папы.

Первыя попытки похода.

И вотъ мы видимъ въ XI в. цѣлый рядъ походовъ, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе вновь созданная связь народовъ Запада. Главными дѣятелями въ борьбѣ съ невѣрными являются норманны и вообще романскіе народы, больше нѣмцевъ поддавшіеся аскетизму и норманнскому вліянію. Такъ изъ южной Италіи норманны подъ знаменемъ папы и съ вѣрою въ помощь неба отнимаютъ у сарациновъ Сицилію; изъ сѣверной Италіи соединенный флотъ Генуи и Пизы, съ благословенія папы и подъ знаменемъ св. Петра, идетъ къ варварійскимъ берегамъ, беретъ и разрушаетъ города и налагаетъ на эмира дань; изъ Франціи неоднократно отправляются цѣлыя ополченія на помощь христіанамъ въ Испаніи. Наконецъ, на Балканскомъ полуостровѣ норманны то нападаютъ на восточную имперію съ благословенія папы, то защищаютъ ее вмѣстѣ съ другими выходцами съ Запада противъ сельджуковъ, поступая тысячами въ войска Комнина. О настоящемъ религіозномъ пылѣ тутъ, конечно, мало рѣчи, но все же новые пришельцы постоянно пробуютъ свою силу на магометанахъ. Такъ постепенно Западъ привыкаетъ къ мысли о борьбѣ съ сарацинами для помощи грекамъ. Самъ Алексѣй проситъ о ней Роберта фландрскаго и даже Урбана II. Это послужило рѣшающимъ толчкомъ. Здѣсь соединились іерархическое единство и мистическое воодушевленіе, страсть къ приключеніямъ и страсть къ войнѣ. Весь Западъ проникся стремленіемъ итти общимъ походомъ на общаго врага.

Клермонскій соборъ.

Одержавъ верхъ надъ Генрихомъ IV, Урбанъ II собралъ весною 1095 г. большой соборъ въ Пьяченцѣ, на которомъ былъ осужденъ императоръ, а также король французскій за похищеніе чужой жены и были выслушаны послы императора Алексѣя, призывавшіе западныхъ христіанъ на помощь противъ сельджуковъ. Урбанъ тотчасъ обратился къ вѣрнымъ съ призывомъ, и многіе уже тогда обѣщали ему итти въ Византію на борьбу съ врагами креста. Затѣмъ папа отправился во Францію, гдѣ сторонники

церкви были всего многочисленнѣе и ревностнѣе. Къ 18 ноября по приглашенію папы собрались отовсюду массы духовныхъ и мірянъ на соборъ въ Клермонѣ. Въ день открытія на немъ насчитали 14 архіепископовъ, 250 епископовъ и 400 аббатовъ, а мелкихъ духовныхъ и мірянъ собралось безчисленное множество. Разрѣшивъ церковныя дѣла и отлучивъ короля Филиппа за непокорность отъ церкви, папа созвалъ 20 ноября всѣхъ присутствовавшихъ на торжественное засѣданіе. Стеченіе народа было такъ велико, что не могло умѣститься ни въ одномъ зданіи, и потому собраніе происходило внѣ города, на широкой равнинѣ. Тамъ папа, окруженный епископами и князьями, духовными и рыцарями, обратился къ народамъ Запада съ призывомъ къ походу для освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Еще папа не кончилъ своей рѣчи, какъ слушатели начали шумно выражать свой восторгъ. Мысль эта давно жила въ нихъ, только никто не сознавалъ ея и врядъ ли кто ее предполагалъ; разъ она была высказана, она овладѣла ихъ сердцами, возбуждая въ нихъ и скорбь, и гнѣвъ, и безмѣрный восторгъ. Когда рѣчь кончилась, раздались возгласы: „Такъ Богу угодно“, и толпы духовныхъ и мірянъ кинулись къ Урбану съ изъявленіемъ своей готовности къ походу. Однимъ изъ первыхъ приблизился къ папѣ Адемаръ Монтейль, епископъ Пюи, и, преклонивъ колѣна, просилъ благословенія на походъ. Урбанъ съ радостью исполнилъ его просьбу и тотчасъ назначилъ его своимъ легатомъ, т.-е. руководителемъ будущаго войска. Адемаръ былъ человѣкомъ ученымъ и свѣтскимъ; онъ славился своимъ благочестіемъ и въ то же время умѣньемъ охранять права своего сана и внушать уваженіе сильнѣйшимъ вельможамъ. На другой день пришли вѣстники отъ Раймунда, графа тулузскаго, съ извѣщеніемъ, что и онъ приметъ участіе въ походѣ и надѣется привести значительныя силы. Могущество и примѣръ Раймунда должны были сильно помогать осуществленію похода. Число крестоносцевъ росло со дня на день, и скоро выяснилось, что нельзя и думать о немедленномъ выступленіи. Чтобы облегчить сборы, папа провозгласилъ Божій миръ, поставилъ подъ охрану церкви имущество паломниковъ и приказалъ всѣмъ епископамъ Запада проповѣдывать походъ въ своихъ епархіяхъ. Адемаръ, съ своей стороны, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ участниковъ назначилъ Константинополь, а временемъ выступленія—день Успенія.

Н. Шамонинъ.

XXXV.

Вожди перваго крестоваго похода.

Воодушевленіе, овладѣвшее вслѣдъ за рѣчью папы присутствовавшими на Клермонскомъ соборѣ, въ короткое время передалось тѣмъ странамъ и народамъ, до которыхъ доходила вѣсть о немъ. Особенно всколыхалась, какъ и слѣдовало ожидать, Франція, откуда толчокъ передался съ одной стороны въ Италію и Испанію, съ другой—въ Англію и Скандинавію. Слабѣе отозвался онъ въ Германіи, хотя и тутъ дѣло не обошлось безъ отголосковъ. Поднялись знатные и простые, всѣ дороги покрылись вооружающимися и выступающими, всѣ дѣла остановились, всѣ другіе интересы отошли на задній планъ. Западъ, тревожимый избыткомъ силъ, увидѣлъ открытымъ предъ собой счастливый выходъ: въ борьбѣ между духомъ и матеріей люди нашли, наконецъ, цѣль совершенно идеальную, но достижимую только земнымъ оружіемъ. Произошло въ огромныхъ размѣрахъ то, чего и слѣдовало ожидать: аскетическое направленіе овладѣло цѣликомъ идеей папы, какъ только она выразилась въ словахъ и на дѣлѣ.

Народное движеніе.

Положеніе сельскаго населенія во Франціи было тогда очень печально: всюду нарушался гражданскій порядокъ, и отдѣльное лицо было беззащитно противъ притѣсненій землевладѣльцевъ. Въ Германіи долголѣтняя борьба государства и церкви тоже воскресила величайшую грубость. Полное безначаліе царило въ Италіи; тотъ же результатъ вызвалъ въ Англіи жестокій деспотизмъ, особенно тяготѣвшій надъ народомъ. Повсюду открытіе Востока подавало

Пособіе: *Sybel*, Geschichte des ersten Kreuzzugs.

надежду на освобожденіе изъ тяжелаго положенія. Современникъ такъ описываетъ народное движеніе во Франціи: „Графы еще думали о своихъ приготовленіяхъ, рыцари едва начинали о нихъ помышлять, какъ народъ уже кинулся въ движеніе съ неудержимымъ пыломъ. Никто изъ бѣдняковъ не думалъ о недостаточности своихъ средствъ и о трудностяхъ такого пути. Каждый покидалъ свой домъ, виноградникъ, свое наслѣдіе, продавалъ ихъ за дешевую цѣну и съ радостью шелъ въ походъ. Франція страдала тогда отъ голода; неурожаи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, подняли цѣны на хлѣбъ до необычайной высоты. Жадные купцы, по своему обыкновенію, пользовались общимъ бѣдствіемъ. Хлѣба было мало и онъ былъ дорогъ. Бѣдные замѣняли его кореньями и дикими травами. Какъ вдругъ раздался повсюду въ одно время призывъ къ крестовому походу, и этотъ призывъ разбилъ замки и цѣпи, запиравшіе житницы. Припасы, продававшіеся очень дорого, когда никто не двигался, страшно упали въ цѣнѣ, когда всѣ поднялись и стали готовиться къ походу. Вмѣсто исчезнувшаго голода явилось изобиліе. Такъ какъ каждый спѣшилъ въ богоугодный походъ, то всѣ торопились обратить въ деньги все ненужное для пути. Предметы, нужные для похода, поднялись въ цѣнѣ, остальные шли за ничто. Сначала эти продажи вызывали со стороны сосѣдей безконечныя насмѣшки, но скоро сами они увлекались примѣромъ другихъ. Еще наканунѣ они говорили путникамъ: „Несчастные вы люди: если вы не погибнете отъ бѣдствій, ожидающихъ васъ въ пути, у васъ не окажется ничего по возвращеніи“. А на другой день они сами продавали свое имущество и становились спутниками тѣхъ, кого передъ тѣмъ осыпали насмѣшками. Трудно описать толпы дѣтей, юношей, стариковъ обоего пола, отправлявшихся такимъ образомъ на священную войну. Они, конечно, не имѣли ни намѣренія, ни силъ участвовать въ битвахъ; они обѣщали себѣ только мученичество подъ оружіемъ или въ темницахъ невѣрныхъ. Они говорили воинамъ: „Вы храбры и сильны, вы и будете сражаться; мы раздѣлимъ съ Христомъ его страданія и завоюемъ себѣ небо“. Чрезвычайно трогательное зрѣлище представляли эти бѣдные крестоносцы: они подковывали быковъ, какъ лошадей, запрягали ихъ въ двухколесныя телѣжки и помѣщали на нихъ свои скудные пожитки и маленькихъ дѣтей. На пути, при видѣ каждаго замка, каждаго города, дѣти протягивали руки и спрашивали: „Не это ли тотъ Іерусалимъ, къ которому они направляются?“ Во главѣ этихъ массъ стояли вдохновенные проповѣдники, съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ призы-

Петръ Амьенскій. вавшіе ихъ къ борьбѣ за Спасителя. Изъ нихъ особенно прославился Петръ Амьенскій, такъ описываемый тѣмъ же современникомъ: „Я видѣлъ, какъ онъ проходилъ чрезъ города и селенія, окруженный толпою, осыпаемый подарками, прославляемый всѣми за святого, такъ что я думаю, никогда ни одинъ смертный не былъ предметомъ такого восторга. Всѣ приносимыя ему деньги онъ отдавалъ бѣднымъ или употреблялъ на избавленіе отъ безпорядочной жизни несчастныхъ женщинъ, доведенныхъ бѣдностью до такой крайности. Всѣ признавали его власть. Никто лучше его не умѣлъ улаживать несогласія и мирить самыхъ жестокихъ враговъ. Что-то божественное чувствовалось въ его малѣйшихъ движеніяхъ, во всѣхъ его словахъ. Доходило до того, что народъ вырывалъ, какъ святыню, волоски у мула, на которомъ онъ ѣхалъ. Я не оправдываю такого чрезмѣрнаго восторга, но онъ показываетъ, какое впечатлѣніе производилъ Петръ на народъ“.

Взволнованныя такими проповѣдниками, массы народа вовсе не думали подчиняться опостылѣвшимъ мірскимъ властямъ, да и считали такое подчиненіе совсѣмъ безполезнымъ: онѣ были убѣждены, что самъ Богъ будетъ ихъ вождемъ и защитникомъ, что онъ будетъ заботиться о нихъ и предастъ въ ихъ руки имѣніе безбожныхъ и невѣрныхъ. Къ папѣ эти массы чувствовали, если не сознательную ненависть, то, по крайней мѣрѣ, полное равнодушіе. На это указываетъ любопытный взглядъ на происхожденіе крестоваго похода, сложившійся несомнѣнно среди нихъ и отмѣченный стремленіемъ приписать главную долю папскаго участія идеальному аскету. Взглядъ этотъ приписываетъ починъ похода Петру Амьенскому, которому во снѣ явился Спаситель и велѣлъ призывать вѣрныхъ къ освобожденію св. Гроба. Папа смиренно и радостно услышалъ слова призыва и благословилъ Петра на проповѣдь. И тогда поднялись всѣ страны и всѣ князья и рыцари во всей Франціи на освобожденіе св. Гроба. Движеніе представлено тутъ дѣломъ воли Божіей, дѣйствовавшей чрезъ слабаго отшельника; папа занимаетъ всего третье мѣсто, да и тутъ его роль неважная. Сказаніе это сложилось позднѣе: изъ современниковъ никто не знаетъ Петра, какъ вѣстника Божія, предтечу папы, возбудителя всего Запада. Сѣверъ Франціи знаетъ его за одного изъ народныхъ проповѣдниковъ, англичанамъ и итальянцамъ онъ неизвѣстенъ, у нѣмцевъ его представляютъ вождемъ первыхъ полчищъ. Дальнѣйшая роль его въ походѣ самая незначительная. О смерти его говорится всего нѣсколько словъ. Какъ могъ бы ограничиться ими соотечествен-

никъ и современникъ, если бы приведенное сказаніе было хоть на чемъ-нибудь основано? Важно оно совсѣмъ въ другомъ отношеніи: оно указываетъ еще разъ на силу аскетическаго настроенія. Настроеніе цѣлаго вѣка стремится здѣсь овладѣть всѣмъ крестовымъ походомъ, ставя во главѣ его, вмѣсто папы, простого отшельника. Извѣстно, насколько это ему удалось. Петръ Пустынникъ пріобрѣлъ всемірную славу. Цѣлые вѣка никто не сомнѣвался, что именно онъ толкнулъ Западъ въ крестовые походы. И все это основано на пѣсняхъ, лишенныхъ всякаго фактическаго основанія и выдающихъ за факты поэтическія сказанія. Для всѣхъ современниковъ Петръ просто темный фанатикъ, только послѣ призыва папы собравшій свое ополченіе изъ крестьянъ. Нельзя искать мотивовъ движенія главнымъ образомъ на Востокѣ и связывать подвигъ крестоносцевъ съ прежними паломничествами чрезъ этого паломника-монаха. Движеніе было скорѣе результатомъ великаго внутренняго развитія, нашедшаго для себя высшее выраженіе въ папствѣ, и потому только папа, разъ онъ созналъ свое положеніе, могъ придать этому стремленію плоть и кровь. Одному папѣ принадлежитъ та слава, большую часть которой до нашихъ дней оспаривалъ у него Амьенскій пустынникъ. Папа выступилъ въ Клермонѣ въ то время, когда у всѣхъ было безсознательное стремленіе на Востокъ, но никто не умѣлъ ясно его выразить. Папа выразилъ то, что у всѣхъ было на сердцѣ, и тогда поднялись князья и рыцари, знатные и простые, а среди послѣднихъ и Петръ Пустынникъ.

При тогдашнемъ настроеніи не трудно было взволновать массы призывомъ къ походу на Востокъ, но трудно было удержать въ границахъ толпы людей, отказавшихся отъ всѣхъ гражданскихъ связей и считавшихъ себя въ простотѣ души избраннымъ войскомъ Божіимъ. Въ сознаніи своей привилегированности первые крестоносцы считали себя въ правѣ брать все, что имъ нужно, у жителей тѣхъ областей, черезъ которыя они проходили, и безпощадно карать маловѣрныхъ за всякое оказываемое ими при этомъ сопротивленіе. Отсюда рядъ стычекъ съ туземцами, тѣмъ болѣе ожесточенныхъ, чѣмъ безпорядочнѣе были толпы крестоносцевъ и чѣмъ менѣе туземцы раздѣляли ихъ настроеніе. Въ Венгріи и Болгаріи дѣло дошло до настоящихъ битвъ. Вожди полчищъ, увлекшіе за собою массы, сохраняли вліяніе только до тѣхъ поръ, пока ихъ наставленія отвѣчали желаніямъ увлеченныхъ, а потомъ ихъ совсѣмъ переставали слушать, тѣмъ болѣе, что въ этихъ массахъ, на рядус ъ людьми искренно вѣрующими, должно было попадаться

не мало и такихъ, для которыхъ походъ представлялся удобнымъ случаемъ къ удовлетворенію низкихъ страстей. Самъ Петръ утратилъ вліяніе на свое ополченіе и по переправѣ въ Азію, видя безплодность своихъ настояній, покинулъ его на произволъ судьбы, оказавшейся, какъ извѣстно, очень плачевною.

Рыцарское ополченіе.

Между тѣмъ на Западѣ начались настоящія приготовленія къ походу подъ вліяніемъ папства и рыцарства. Собирались войска; знать, особенно во Франціи, съ вассалами и слугами находилась въ полномъ движеніи. Первые отряды двинулись въ походъ уже въ мартѣ 1096 года, за ними выступали безъ перерыва слѣдующіе. Движеніе продолжалось все лѣто и осень. Большинство направлялось чрезъ Альпы въ Апулію, чтобы оттуда переправиться въ Грецію. Возбужденіе было страшное, города были наполнены вооруженными отрядами, по дорогамъ шло непрерывное движеніе; прохожему приходилось отъ одного лагеря переходить къ другому. Воины были свѣжи и воодушевлены, настоящіе труды и опасности были еще далеко. Оставшіеся смотрѣли съ удивленіемъ, какъ тысячи совершенно чужихъ людей, сегодня отрядъ съ сѣвера, завтра другой съ юга, съ одинаковымъ восторгомъ двигались къ одной цѣли. Большинство снаряжалось такъ, какъ будто не разсчитывало на возвращеніе; они везли съ собою все свое имѣніе, оружіе, утварь, деньги и вели всѣхъ людей. Ихъ палатки блистали золотомъ, въ обозѣ везли рыболовныя сѣти и охотничьихъ соколовъ, религіозныя стремленія не убили въ нихъ любви ко всякой роскоши. Скоро за ними отправились люди, разсчитывавшіе извлечь выгоду изъ этой страсти, пѣвцы, шуты, музыканты, большими толпами обоего пола; среди нихъ тоже раздавался духовный кличъ: „Такъ Богу угодно!“ Всюду, куда приходили отряды, сбѣгался народъ: иному зрителю ихъ прохожденіе могло представляться сновидѣніемъ.

Его вожди.

Въ этомъ рыцарскомъ ополченіи можно различить три главныя группы: лотарингскую, провансальскую и норманскую. Каждая изъ нихъ выставила своего типичнаго вождя, создала особое представленіе о своей роли въ великомъ движеніи. Однимъ изъ первыхъ выступилъ въ походъ Готфридъ Бульонскій, герцогъ Нижней Лотарингіи. Родъ свой онъ велъ отъ Карла В., получилъ рыцарское воспитаніе и подъ вліяніемъ матери проникся церковнымъ благочестіемъ. Когда, спустя много лѣтъ, онъ помогъ своими подвигами успѣху похода и когда, по счастливой случайности и по волѣ своихъ товарищей, онъ сталъ защитникомъ св. Гроба и привлекъ къ себѣ вниманіе всего Запада, тогда и начало его дѣя-

тельности стало представляться его почитателямъ столь же блестящимъ. По ихъ убѣжденію, избраннику Господа приличествовала юность, богатая земными почестями, подготовлявшая къ тѣмъ чудесамъ, какими не могъ похвалиться никто другой изъ смертныхъ. За выдѣленіемъ этихъ поэтическихъ преданій, представляется несомнѣннымъ, что Готфридъ сталъ на сторону Генриха IV въ его спорѣ съ папою и получилъ отъ него санъ герцога, но вовсе не предпринималъ ничего особеннаго въ пользу императора, а жилъ въ своемъ родовомъ замкѣ, занимаясь только фамильными и областными дѣлами; о болѣе широкихъ вопросахъ онъ не заботился и при выборѣ друзей и враговъ мало обращалъ вниманія на интересы императора и папы. Въ эти мелкія дѣла былъ онъ погруженъ до тѣхъ поръ, пока призывъ къ походу на Востокъ не открылъ предъ нимъ сразу новую сферу дѣйствія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Готфридъ былъ очень религіозенъ: уже раньше онъ выражалъ желаніе итти на освобожденіе Палестины; однако онъ вовсе не былъ намѣренъ посвящать на это всю свою жизнь и потому заложилъ свою резиденцію епископу Люттиха съ правомъ выкупа для себя и наслѣдниковъ. До сихъ поръ онъ пользовался репутаціей храбраго, прямого и благочестиваго рыцаря, но не выдавался особенно ни талантами, ни духовнымъ энтузіазмомъ. Въ походъ онъ повелъ съ собою значительное войско, по не особенно надежному указанію, 70 тысячъ человѣкъ.

Изъ прочихъ вождей рыцарскаго ополченія наиболѣе типичными представляются Раймундъ Тулузскій и Боэмундъ Тарентскій, одинъ представитель церковнаго направленія, другой—политикъ норманской школы. Подъ знамя Раймунда Сенъ-Жилля, графа Тулузскаго, стеклась масса провансальскихъ рыцарей. Самъ Раймундъ отличался сильнымъ благочестіемъ; издавна онъ былъ приверженцемъ римской куріи; передъ походомъ онъ старался обезпечить себѣ успѣхъ богатыми вкладами въ церкви и монастыри. Въ отличіе отъ другихъ князей, онъ не терпѣлъ нужды въ деньгахъ и потому не продалъ и не заложилъ ни клочка обширныхъ владѣній для покрытія расходовъ. Передъ выступленіемъ онъ еще разъ отправился на поклоненіе къ наиболѣе уважаемому святому, выпросилъ себѣ частичку мощей его и затѣмъ пустился въ походъ. Подъ его знаменемъ собралось войско болѣе сильное, чѣмъ у кого другого изъ князей: въ составъ его вошли рыцари всей южной Франціи; многіе изъ нихъ продали свои имѣнія, чтобы собрать средства для похода. Съ войскомъ Раймунда шелъ легатъ папы и

два епископа со множествомъ духовныхъ. На знамени графа было изображеніе св. Дѣвы. Изъ Франціи движеніе перешло въ Италію, и здѣсь на него оказали рѣшительное вліяніе норманны. Старшій сынъ Гвискарда, Боэмундъ, уже прославившійся въ войнѣ съ греками, по смерти отца долженъ былъ довольствоваться маленькимъ княжествомъ Отранто. Онъ былъ слишкомъ честолюбивъ, чтобы не искать большаго, и потому, когда Урбанъ провозгласилъ крестовый походъ, рѣшился воспользоваться этимъ движеніемъ и за потери въ Италіи искать возмѣщенія на Востокѣ, котораго онъ, навѣрное, никогда не терялъ изъ виду. Правда, средствъ у него было немного и на нихъ нельзя было собрать большого войска, но онъ отлично умѣлъ пользоваться обстоятельствами для увеличенія его численности. На берегу Италіи скопилось въ это время много мелкихъ отрядовъ, ожидавшихъ переправы въ Грецію; многіе изъ нихъ Боэмунду удалось склонить къ вступленію въ его войско. Затѣмъ онъ привлекъ на свою сторону своего родственника Танкреда, одного изъ знаменитѣйшихъ рыцарей перваго похода, до тѣхъ поръ не выказывавшаго еще никакой склонности къ роли военачальника. Въ-третьихъ, наконецъ, войско Боэмунда было подкрѣплено массою рыцарей, которые какъ разъ въ 1096 г. подъ начальствомъ норманскихъ вождей осаждали мятежный Амальфи, увлеклись общимъ движеніемъ и по приглашенію Боэмунда приняли крестъ. Такъ оказался онъ во главѣ сильнаго войска, при помощи котораго разсчитывалъ завоевать себѣ приличное княжество на Востокѣ. Для этого онъ былъ какъ бы созданъ: у него былъ свободный взглядъ на вещи и умѣнье пользоваться обстоятельствами; онъ сознавалъ свои способности и умѣлъ ими распоряжаться; онъ отличался чрезвычайной ловкостью и неукротимой энергіей, всегда ясно представлялъ себѣ свою цѣль и въ видахъ ея подстраивалъ всѣ мелочи. Огромныя физическія силы благопріятствовали его дѣятельности. Уже современники не признавали въ немъ особеннаго религіознаго энтузіазма; большинство думало, что его оружіе направлено не на Іерусалимъ, а на Византію.

Организація.

Какъ эти, такъ и прочіе князья дѣйствовали самостоятельно. Огромное движеніе, охватившее тогда весь Западъ, именно и замѣчательно по отсутствію верховнаго внѣшняго руководства. Первое мѣсто среди крестоносцевъ занималъ, положимъ номинально, папскій легатъ, но вѣдь не могъ же онъ руководить на дѣлѣ военными дѣйствіями. Каждый баронъ считалъ себя вполнѣ равнымъ князьямъ и присоединялся къ ихъ отрядамъ, только пока это было

ему угодно. Такъ же свободно мѣняли службу и простые рыцари и солдаты. По прибытіи въ непріятельскую страну подчиненіе естественно становилось болѣе прочнымъ, но и здѣсь, особенно въ концѣ похода, часто выступаетъ духъ начальной независимости. При такомъ устройствѣ что сталось бы съ этимъ войскомъ, если бы все оно не было одушевлено одною мыслью, если бы для всѣхъ образъ св. Гроба не былъ главнымъ руководителемъ и постояннымъ напоминаніемъ о порядкѣ и подчиненіи? Только послѣ распаденія внѣшнихъ связей религіозное единство достигло наивысшаго своего выраженія.

Планы Комнина.

По уговору, всѣ войска крестоносцевъ должны были сойтись въ Константинополѣ. Ко времени ихъ прибытія положеніе Византіи было уже далеко не такимъ, какъ за нѣсколько лѣтъ, когда Алексѣй Комнинъ такъ настойчиво просилъ у Запада помощи. Двойное нашествіе печенѣговъ и турокъ было отражено при помощи половцевъ; съ такимъ же успѣхомъ была подавлена и внутренняя смута. Никогда еще Алексѣй не былъ такъ силенъ, какъ въ 1096 и слѣдующихъ годахъ. Крестоносцы съ удивленіемъ увидѣли, что Византію нечего спасать отъ язычниковъ, что съ нею надо считаться, а войско ея нельзя обратить во вспомогательный отрядъ; въ рядахъ этого войска они съ удивленіемъ замѣтили тѣхъ самыхъ мусульманъ, которые притѣсняли христіанъ и отъ которыхъ они собирались освобождать св. Гробъ. Съ своей стороны, императоръ Алексѣй тоже былъ непріятно разочарованъ. Много раньше, въ опасныя минуты онъ просилъ помощи у Запада, разсчитывая на присылку отдѣльныхъ отрядовъ, которые войдутъ въ составъ его арміи. Тогда Западъ не прислалъ никого, а теперь, когда нѣтъ особенной нужды въ его помощи, къ столицѣ приближается громадное войско. Императоръ рѣшился заставить франковъ принести ему ленную присягу за тѣ земли, которыя они отнимутъ у турокъ и которыя принадлежали нѣкогда Византіи: крестоносцы могли распоряжаться ими только съ согласія императора и должны были вообще разсматривать ихъ, какъ области греческой имперіи. На пути къ этой цѣли онъ заранѣе долженъ былъ ожидать непріятныхъ переговоровъ, упорнаго сопротивленія и даже прямо враждебныхъ дѣйствій со стороны грубыхъ и могучихъ пришельцевъ; потому онъ заранѣе принялъ соотвѣтствующія мѣры, насколько то дозволяли силы имперіи: войско и флотъ были приведены въ порядокъ, казна находилась въ сносномъ положеніи, въ провинціяхъ все было подготовлено. Всего опаснѣе было допустить крестонос-

цевъ до соединенія ихъ громадныхъ силъ, а во избѣжаніе этого нужно было прекратить сношенія между отдѣльными отрядами и затѣмъ договориться съ каждымъ вождемъ отдѣльно.

Готфридъ со своимъ войскомъ мирно дошелъ до Филиппополя; здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что Гуго Вермандуа захваченъ императоромъ и вынужденъ принести ему ленную присягу. Это возмутило Готфрида, и онъ допустилъ войско до грабежа. Подъ Константинополемъ посолъ императора пригласилъ герцога на личное свиданіе въ столицѣ; Готфридъ отъ свиданія отказался, но обѣщалъ принести присягу. Затѣмъ императоръ предложилъ войску расположиться въ Перѣ, чтобы изолировать его и предупредить безпорядки. Готфридъ на это согласился, но отклонилъ снова всякіе переговоры и откладывалъ рѣшеніе со дня на день; онъ желалъ дождаться прочихъ князей и избѣгнуть, вопреки обѣщанію, присяги. Императоръ все сильнѣе настаивалъ на рѣшеніи, герцогъ сухо уклонялся, увѣряя, что онъ не настолько еще довѣряетъ императору, чтобы рѣшиться на личное свиданіе. Тогда Алексѣй окружилъ стоянки франковъ турецкими и славянскими войсками, строго приказавъ имъ мѣшать всякому сообщенію Готфрида съ другими князьями, особенно съ Боэмундомъ. Между тѣмъ отовсюду приходили извѣстія о приближеніи прочихъ отрядовъ, и опасность становилась все болѣе грозной. Императоръ медлилъ до послѣдней крайности, наконецъ, когда войско Боэмунда приблизилось къ столицѣ на нѣсколько дней пути, онъ рѣшился на насильственныя мѣры. При этомъ онъ имѣлъ въ виду запереть лотарингцевъ въ Перѣ и постоянными нападеніями принудить ихъ къ покорности, но они выбрались изъ западни и направились къ стѣнамъ столицы, чѣмъ сильно смутили ея населеніе, а затѣмъ, грабя и опустошая, разсѣялись по ея окрестностямъ. Положеніе становилось критическимъ: Боэмундъ, оставивъ войско позади, уже спѣшилъ въ столицу на свиданіе съ императоромъ; къ счастью Алексѣя, ему удалось такъ изолировать князей, что они и не подозрѣвали взаимнаго положенія. Пока не удалось одолѣть упорства герцога и храбрости лотаргинцевъ; чего же нужно было ожидать отъ соединенія его съ хитрецомъ Боэмундомъ и враждебно относившимися къ грекамъ норманнами? Оставалось во что бы то ни стало покончить съ Готфридомъ до прибытія Боэмунда. Алексѣй еще разъ попытался вступить въ переговоры чрезъ посредство Гуго Вермандуа, но Готфридъ принялъ его очень грубо: „Ты, сынъ короля, сдѣлался рабомъ и теперь хочешь и меня сдѣлать имъ?“

Онъ отказался присягнуть и до прибытія прочихъ вождей переправить свое войско въ Азію. Тогда Алексѣй напалъ на франковъ со всѣмъ войскомъ, нанесъ имъ большой уронъ и принудилъ герцога принести ленную присягу, а затѣмъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, одарилъ и обласкалъ Готфрида, такъ что онъ съ этихъ поръ выказывалъ большую преданность императору и помогалъ ему своимъ вліяніемъ на прочихъ князей.

Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, поладить съ Боэмундомъ удалось легко. Для основанія царства на Востокѣ онъ самъ нуждался въ помощи Алексѣя, а потому, когда императоръ потребовалъ отъ него присяги, онъ сначала представилъ нѣсколько возраженій, но потомъ принесъ ее безъ колебанія и ограниченій. Алексѣй былъ очень этимъ обрадованъ и одарилъ его такъ богато, что онъ воскликнулъ: „Будь у меня такія сокровища, я подчинилъ бы себѣ весь свѣтъ“. Тутъ онъ попросилъ императора дать ему званіе главнокомандующаго на Востокѣ. Исполненіе этого желанія измѣнило бы характеръ похода: вмѣсто папы и его легата руководителемъ сталъ бы номинально Алексѣй, а на дѣлѣ честолюбивый князь Тарента. Понятно, императоръ, хоть и въ любезной формѣ, но отклонилъ просьбу. Не такъ легко было поладить съ Раймундомъ, человѣкомъ горячимъ, упрямымъ, глубоко проникнутымъ сознаніемъ религіознаго значенія похода, но въ то же время очень дорожившимъ и мірскими выгодами. Это—прямой контрастъ съ Боэмундомъ, который, имѣя всегда въ виду цѣлое, уступаетъ въ мелочахъ и пользуется всѣмъ, что только ведетъ къ цѣли. Напротивъ, Раймундъ въ одно и то же время и нерѣшителенъ, и упрямъ, ничѣмъ не хочетъ жертвовать, ни въ чемъ уступать и потому на каждомъ шагу самъ ослабляетъ свои успѣхи. Требованіе Алексѣя оскорбило его и съ религіозной стороны — неужели боецъ Господа долженъ брать на себя земное иго? — и со стороны мірского расчета: неужели онъ долженъ заранѣе отказываться отъ плодовъ побѣды? Боэмундъ, не привыкшій стѣсняться, легко вышелъ изъ затрудненія: установивъ возможность прибыли, онъ заботу объ исполненіи клятвы предоставлялъ затѣмъ грекамъ. Раймундъ, у котораго совѣстливость была еще сильнѣе корыстолюбія, остался при разъ выраженномъ безусловномъ отказѣ. Тогда греки напали на неожидавшихъ ничего подобнаго провансальцевъ и нанесли имъ значительный уронъ. Насиліе только усилило гнѣвъ Раймунда, который открыто обвинялъ императора въ измѣнѣ и думалъ только объ отомщеніи за такое вѣроломство. Тутъ вмѣшался Боэмундъ: споръ

этотъ былъ ему противенъ, да и опасенъ для его цѣлей. Онъ объявилъ, что считаетъ императора правымъ и будетъ защищать его противъ всякаго нападенія. Такое вмѣшательство разсердило Раймунда: онъ прервалъ споръ, посовѣтовался со свитой и затѣмъ объявилъ, что согласенъ дать обѣщаніе не предпринимать ничего противъ жизни и чести императора. Алексѣй, которому вмѣшательство Боэмунда внушило нѣкоторыя подозрѣнія, объявилъ себя удовлетвореннымъ. Гнѣвъ Раймунда и подозрѣнія Алексѣя скоро привели того и другого къ союзу противъ ненавистнаго норманна.

Присягнувшимъ князьямъ Алексѣй съ своей стороны обѣщалъ въ скоромъ времени привести лично на помощь войско; уже тогда онъ долженъ былъ понять, что, безъ всякихъ съ его стороны усилій, ему не получить своей доли добычи. Настоящаго соглашенія онъ съ самаго начала не могъ имѣть въ виду; зато онъ добился отъ крестоносцевъ формальнаго признанія своего верховенства и такимъ образомъ обосновалъ на будущее время самыя широкія притязанія.

Споръ изъ-за Антіохіи.

На походѣ чрезъ Малую Азію и при осадѣ Антіохіи Боэмундъ, какъ самый опытный изъ вождей, оказалъ крестоносному ополченію массу услугъ: онъ заботился о снабженіи его припасами, руководилъ военными дѣйствіями, напр., осадой Никеи, сраженіемъ при Дорилеѣ; однимъ словомъ, ему больше кого другого крестоносцы обязаны были своими успѣхами. Но услуги эти онъ оказывалъ не безкорыстно. Съ самаго начала Боэмундъ задался мыслью при помощи крестонесцевъ создать себѣ самостоятельное владѣніе на Востокѣ и, пока его и ихъ интересы совпадали, онъ работалъ энергично и успѣшно. Подъ Антіохіей пришелъ часъ расплаты. Антіохія должна была стать владѣніемъ Боэмунда, и все его искусство направлено было къ тому, чтобы устранить препятствія къ достиженію этой цѣли, а ихъ было не мало. Нужно было добиться согласія князей на то, чтобы городъ, завоеванный ихъ общими трудами, достался одному Боэмунду; нужно было устранить сопротивленіе греческаго посла, требовавшаго передачи города императору; наконецъ, нужно было еще взять самый городъ. И вотъ, когда осада затянулась, а съ Востока появились извѣстія о приготовленіяхъ турокъ къ новому походу на выручку Антіохіи, когда положеніе крестоносцевъ стало критическимъ, Боэмундъ объявилъ, что онъ человѣкъ небогатый, не можетъ больше тратить времени и силъ на осаду и покинетъ ее, если ему не будетъ обезпечено солидное вознагражденіе. Предъявляя свое требованіе, Боэмундъ

зналъ, что его содѣйствіе для успѣха крестоносцевъ необходимо, и что они вынуждены будутъ обѣщать за него все, чего онъ ни потребуетъ. И дѣйствительно, князья принуждены были принять его требованіе и обѣщать ему ключъ къ Сиріи, Антіохію. Одинъ графъ Раймундъ, вѣрный своему упрямству и греческимъ симпатіямъ, отказалъ въ согласіи, но это не имѣло особаго значенія. Затѣмъ Боэмундъ вступилъ въ дружескіе переговоры съ греческимъ посломъ и подъ большимъ секретомъ сообщилъ ему, что князья очень раздражены противъ него, такъ какъ приписываютъ интригамъ грековъ новый походъ турокъ. Опасаясь за жизнь свою, бѣдный посолъ покинулъ лагерь франковъ и оставилъ поле дѣйствія за Боэмундомъ. Тутъ энергія послѣдняго еще болѣе растетъ. Благодаря его содѣйствію, крестоносцамъ удалось отразить новое войско турокъ и окончательно запереть всѣ выходы изъ крѣпости. Счастье снова улыбнулось Боэмунду: считая его, какъ и всѣ непріятели, главою ополченія, къ нему обратился одинъ изъ офицеровъ гарнизона съ предложеніемъ сдать часть городской стѣны, и скоро условіе было заключено. Тогда Боэмундъ снова обратился къ князьямъ и заявилъ, что у него есть возможность легко завладѣть городомъ, но что онъ воспользуется ею только въ томъ случаѣ, если ему предоставятъ владѣніе имъ. Князья снова усомнились въ своемъ правѣ распоряжаться Антохіей въ виду присяги императору и отвергли требованіе Боэмунда, который пересталъ руководить военными дѣйствіями: осада остановилась, а извѣстія съ Востока становились все болѣе грозными. Крестоносцы пришли въ уныніе, князья собрались снова и постановили единогласно отдать Боэмунду Антіохію, если онъ поможетъ имъ завладѣть ею и спасетъ ихъ такимъ образомъ отъ гибели.

Затягивая изъ своихъ видовъ осаду, Боэмундъ, несомнѣнно, страшно рисковалъ своимъ счастіемъ и своими соратниками. Его не безпокоили тѣ потери, отъ которыхъ онъ могъ избавить ополченіе, если бы занялъ городъ при первой возможности; не обращая вниманія на неизбѣжную гибель въ случаѣ неудачи, онъ бездѣйствовалъ до послѣдней минуты; онъ хотѣлъ добиться разъ намѣченной награды во что бы то ни стало, хотя бы изъ-за этого должны были погибнуть и онъ, и всѣ его соратники. Много разъ онъ показывалъ, что онъ одинъ умѣетъ оживить силу войска; безъ сомнѣнія, поэтому у него была возможность останавливать всѣ дѣйствія по своему желанію. Если осада затянулась до того времени, какъ онъ добился согласія князей, то зависѣло это отъ его жела-

нія. Благодаря этому промедленію, городъ былъ взятъ всего за три дня до прибытія полчищъ Кербоги, потерявшаго понапрасну цѣлыхъ три недѣли подъ стѣнами Эдессы.

Въ то время, какъ крестоносцы сами были осаждены въ Антіохіи Кербогою, Боэмундъ снова сдѣлалъ много для ихъ спасенія. Вмѣстѣ съ Адемаромъ онъ остановилъ начавшееся въ моментъ паники безпорядочное бѣгство изъ города, которое должно было предать всѣхъ въ руки турокъ; въ виду общаго безпорядка, ему же совѣтъ князей предоставилъ на двѣ недѣли главное начальство съ неограниченными полномочіями для возстановленія дисциплины. Замѣчателенъ этотъ выборъ самаго способнаго, но и наименѣе религіознаго изъ вождей въ то именно время, какъ, подъ вліяніемъ страшныхъ бѣдствій осады, мистическое настроеніе достигло въ войскѣ необычайной силы и выразилось въ рядѣ разныхъ видѣній. Опасность и нужда были слишкомъ сильны: приходилось обращать вниманіе больше на способности, чѣмъ на настроеніе вождя. И Боэмундъ не обманулъ возлагавшихся на него надеждъ. Въ нѣкоторыхъ отрядахъ люди цѣликомъ разбѣжались и попрятались по домамъ, откуда ихъ ничѣмъ нельзя было вызвать. Боэмундъ, не медля, приказалъ зажечь въ нѣсколькихъ мѣстахъ зданія, огонь быстро распространился, масса домовъ сгорѣла, отовсюду выбѣгали съ добычею бѣглецы; на другой день они собрались толпами предъ жилищами князей и стали настойчиво требовать, чтобы ихъ вели на бой съ Кербогой. Въ главной битвѣ христіане были обязаны побѣдой больше всего искусству и мужеству Боэмунда.

Затѣмъ снова выдвинулся вопросъ объ Антіохіи. Окончательное рѣшеніе его стало еще затруднительнѣе, такъ какъ исчезло всякое сдерживающее вліяніе, и все зависѣло отъ спорящихъ князей. Отъ императора не было отвѣта на посланную ему просьбу о помощи и напоминаніе объ его обѣщаніи принять личное участіе въ борьбѣ съ турками; оказалось потомъ, что, узнавъ отъ бѣглецовъ изъ Антіохіи о безнадежномъ положеніи крестоносцевъ и считая ихъ погибшими, императоръ не сталъ продолжать уже начатаго похода и вернулся съ половины дороги назадъ.

Такимъ образомъ, по феодальнымъ воззрѣніямъ, онъ не исполнилъ первой обязанности сюзерена—защищать своихъ вассаловъ и тѣмъ порвалъ ленныя отношенія съ крестоносцами. Съ другой стороны, умеръ духовный глава похода Адемаръ Монтейль; правда, онъ не оказывалъ большого вліянія на ходъ дѣйствій, но своимъ нравственнымъ вліяніемъ сильно поддерживалъ дисциплину въ войскѣ

и согласіе между князьями, наконецъ, представлялъ постоянно духовный характеръ и духовное единство похода. Особенно важно было то, что онъ умеръ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда наружу выступили мірскіе интересы и раздоръ князей. Боэмундъ осуществилъ широкіе планы съ чрезвычайною послѣдовательностью, смѣлостью и ловкостью; онъ велъ скрытую игру до тѣхъ поръ, пока результаты ея не выяснились несомнѣнно у всѣхъ на глазахъ. Раймундъ тоже желалъ основать въ Азіи самостоятельное владѣніе, но ему недоставало искусства Боэмунда. Еще до осады онъ пытался неудачно захватить врасплохъ Антіохію; затѣмъ онъ успѣлъ завладѣть въ ней двумя укрѣпленіями и хотѣлъ завладѣть кремлемъ, но безъ успѣха: комендантъ настоялъ на сдачѣ его Боэмунду. Когда игра послѣдняго раскрылась, Раймундъ страшно былъ раздраженъ успѣхомъ соперника и рѣшительно отказался сдать ему свои укрѣпленія, ссылаясь на присягу императору. Съ этихъ поръ, подъ вліяніемъ зависти и огорченія, онъ сталъ упорнымъ противникомъ плановъ Боэмунда. У личной вражды была и болѣе широкая подкладка. Уже давно начались столкновенія у провансальцевъ съ норманнами, со временемъ все болѣе ожесточенныя. Современникъ такъ характеризуетъ противниковъ: у норманновъ гордый взглядъ и живой умъ, они скоро хватаются за мечъ, а въ прочемъ расточительны и не умѣютъ наживать; провансальцы, напротивъ, живутъ скупо, жадны къ наживѣ, трудолюбивы, но не такъ воинственны, голодъ только поощряетъ ихъ рвеніе, и они проводятъ весь свѣтъ мелкими хитростями. Столкновенія между ними начались еще во время осады на фуражировкахъ: отдѣльныя партіи грабили другъ друга, и изъ этого развилась настоящая вражда. Новый матеріалъ для ссоръ доставила затѣмъ находка св. копья: едва прошла опасность, какъ сѣверные французы и норманны заговорили объ обманѣ, даже и подстроенномъ-то неловко. Особенно отличился Боэмундъ, рядомъ съ насмѣшками выставлявшій доводы историческіе и догматическіе. Противъ него съ жаромъ выступилъ Раймундъ. За князьями послѣдовали племена, и вопросъ о владѣніи Антіохіей пріобрѣлъ одинаковую важность какъ личную, такъ и національную. На совѣтѣ, созванномъ для рѣшенія его, Боэмундъ доказывалъ необязательность присяги императору и настаивалъ на безусловномъ исполненіи своего договора съ князьями; Раймундъ стоялъ на утвержденіи, что присяга на крестѣ и Евангеліи должна навсегда сохранять свою силу. Большинство склонялось скорѣе на сторону Боэмунда, но не хотѣло открытымъ приговоромъ оскор-

бить одного изъ спорящихъ, и потому вопросъ остался нерѣшеннымъ, и войско не выступало изъ Антіохіи.

Тогда выдвинулась снова та сила, которая создала все движеніе и воспрянула во время послѣднихъ бѣдствій — аскетическое настроеніе массы. Войско уже съ самаго начала было недовольно рѣшеніемъ князей остановиться на нѣсколько времени въ Антіохіи по разнымъ соображеніямъ, военнымъ и политическимъ: оно стремилось достигнуть поскорѣе цѣли похода и разсчитывало на легкую побѣду надъ испуганнымъ врагомъ; къ тому же масса воиновъ не знала, чѣмъ существовать на время перерыва военныхъ дѣйствій. Тогда князья вызвали къ себѣ на службу охотниковъ до войны и добычи, обѣщая имъ жалованье и участіе въ отдѣльныхъ набѣгахъ; изъ этого приглашенія видно, насколько тутъ подчиненіе зависѣло отъ добровольнаго соглашенія. Въ мелкихъ набѣгахъ на земли турокъ прошло лѣто, прошелъ назначенный для выступленія срокъ, а князья все не двигались и спорили изъ-за Антіохіи. Въ войскѣ снова проснулось стремленіе итти въ Іерусалимъ. Сильнѣе всего проявилось оно среди провансальцевъ, какъ ни по сердцу былъ имъ споръ съ ненавистнымъ Боэмундомъ. Сначала ихъ недовольство медленностью князей выражалось тихо въ дружескихъ бесѣдахъ, затѣмъ въ болѣе крупныхъ группахъ, наконецъ—бурное движеніе охватило всю массу. „Князья отказываются вести насъ въ Іерусалимъ, такъ выберемъ себѣ въ вожди храбраго рыцаря, и онъ съ помощью Божіей проведетъ насъ къ св. Гробу“. Скоро послышались и болѣе грозныя рѣчи: „Пусть кто угодно владѣетъ золотомъ кесаря или богатствами Антіохіи; мы пойдемъ впередъ подъ руководствомъ Христа. Если споръ будетъ еще продолжаться, мы разрушимъ городъ, и тогда настанетъ миръ, царившій до завоеванія его“. Услышавъ такія рѣчи, Раймундъ испугался и тотчасъ приказалъ выступать. Съ своимъ отрядомъ онъ направился къ значительному городу Маарѣ и едва началъ осаду его, какъ явился Боэмундъ съ цѣлью помѣшать ему овладѣть одному крѣпостью. Скоро она была взята: провансальцы и норманны заняли ее въ одно время, и изъ-за нея начался такой же споръ, какъ за Антіохію, что задержало на нѣсколько недѣль продолженіе похода. Это страшно раздражило провансальцевъ, поднялся крикъ: „князья спорятъ изъ-за каждаго города, который Богъ предаетъ въ наши руки; такъ разоримъ этотъ, чтобы онъ насъ больше не смущалъ“. Народъ кинулся, разрушилъ почти весь городъ и тѣмъ принудилъ Раймунда двинуться дальше на югъ. Боэмундъ воспользовался этимъ

для того, чтобы произвести нападеніе на тѣ укрѣпленія Антіохіи, которыя еще были заняты оставшимися провансальцами; онъ вытѣснилъ ихъ и сталъ единымъ властителемъ города. Раймундъ былъ сильно возмущенъ этимъ и рѣшился сдѣлать еще попытку: вмѣсто прямого пути въ Іерусалимъ, онъ повелъ войско къ берегу моря, желая покорить себѣ область эмира Триполи. Прибывъ къ замку Аркасъ, Раймундъ, несмотря на мирныя предложенія эмира, сталъ осаждать его. Осада шла медленно, войско было недовольно новой остановкой. Тутъ подошли Готфридъ и Робертъ Фландрскій, тоже спѣшившіе въ Іерусалимъ. Раймундъ, не выясняя своихъ плановъ, настаивалъ на продолженіи осады, прочіе князья по убѣжденію Танкреда, состоявшаго на службѣ у Раймунда, но втайнѣ дѣйствовавшаго наперекоръ его интересамъ по инструкціямъ Боэмунда, хотѣли скорѣе итти въ Іерусалимъ. Масса войска была на ихъ сторонѣ. Единственную поддержку оказали Раймунду явившіеся въ лагерѣ подъ Аркасомъ греческіе послы: отъ имени императора они жаловались на захватъ Антіохіи и просили крестоносцевъ подождать нѣсколько мѣсяцевъ, пока подойдетъ къ нимъ императоръ съ войскомъ и большими подарками. Но большинство князей не желало промедленія, боялось за настроеніе войска и не хотѣло союза съ вѣроломными греками. Кромѣ того, Танкредъ, въ случаѣ прибытія императора и основанія такъ близко отъ Антіохіи тулузскаго княжества, долженъ былъ опасаться за цѣлость владѣній Боэмунда. Несмотря на все это, князья не рѣшались пойти наперекоръ непремѣнному желанію Раймунда, но онъ и на этотъ разъ долженъ былъ уступить стремленію всего войска. Послѣднимъ овладѣло сильное возбужденіе: безпрестанно являлись разсказы о видѣніяхъ, побуждавшихъ итти скорѣе къ св. Гробу. Одинъ изъ нихъ послужилъ послѣднимъ толчкомъ, опрокинувшимъ всѣ мірскіе расчеты. Раздался общій призывъ къ походу; противъ воли Раймунда и даже прочихъ князей, воины зажгли палатки и нестройными толпами двинулись въ походъ. Раймундъ проливалъ слезы гнѣва и скорби, но все было напрасно: движеніе невозможно было остановить. Самъ Готфридъ, до того только споривший, расхаживалъ по лагерю, убѣждая воиновъ настаивать на ихъ похвальномъ рѣшеніи.

Осада и взятіе Іерусалима.

Такимъ образомъ аскетическое настроеніе, вызвавшее самый походъ, одержало въ концѣ его рѣшительную побѣду. Мірскіе интересы, навязанные ему сначала Боэмундомъ, а потомъ графомъ Тулузскимъ, были вырваны съ корнемъ; прочіе князья, у которыхъ не хватало силы противодѣйствовать вліянію обоихъ соперниковъ,

вздохнули теперь свободно, когда вышли изъ сферы вліянія одного, а упрямство другого было сокрушено силою народнаго стремленія. Съ этихъ поръ походъ къ Іерусалиму продолжался уже безъ перерыва. Въ Рамлѣ, въ 16-ти миляхъ отъ цѣли похода, раздалось нѣсколько голосовъ, что нужно сначала сокрушить въ ихъ странѣ силу египтянъ, завладѣвшихъ между тѣмъ Палестиной, и тогда она сама собою подчинится крестоносцамъ. Но какъ можно было при такой близости Іерусалима удержать общее стремленіе исполнить свой обѣтъ? да и вообще какіе рѣшающіе доводы можно было привести въ эту минуту въ пользу такого далекаго предпріятія? Войско рѣшило единодушно итти къ Іерусалиму. Въ послѣднюю ночь народной тревоги нельзя было удержать, толпа за толпою пускалась въ путь. Провансальцы покинули Рамлу раннимъ утромъ безъ всякаго порядка, нѣкоторые съ обнаженными, въ увлеченіи пылкимъ благочестіемъ, ногами, большинство поспѣшнымъ шагомъ, чтобы раньше другихъ достигнуть каждаго мѣстечка, каждаго замка и завладѣть ими. Такъ, волнуемые разнородными страстями, исполненные благочестія и алчности, совершали они послѣдній переходъ; наконецъ, имъ остался только одинъ горный хребетъ, за которымъ лежалъ Іерусалимъ, толпа за толпой взбиралась на гору, и тамъ, взойдя на нее, они увидѣли передъ собою башни священнаго города. Это потрясло ихъ всѣхъ, исчезли мірскія стремленія и соображенія, они пали на колѣна и въ слезахъ прославляли Господа, приведшаго ихъ сюда. Съ удвоеннымъ рвеніемъ стали затѣмъ они спускаться на равнину, чтобы съ послѣднимъ усиліемъ пожать плоды столькихъ трудовъ.

Черезъ недѣлю крестоносцы произвели на городъ первое нападеніе съ восторженнымъ мужествомъ, но и съ полнымъ пренебреженіемъ ко всякимъ приготовленіямъ. На Масличной горѣ жилъ тогда святой отшельникъ; князья обратились къ нему съ вопросомъ, что будетъ съ ними, и онъ предсказалъ имъ, что на другой день въ девятомъ часу Богъ предастъ Іерусалимъ въ ихъ руки. Потому немедленно былъ предпринятъ штурмъ; франки неудержимо подвигались впередъ и скоро заняли наружныя укрѣпленія, но тутъ, имѣя всего одну лѣстницу, они очутились предъ высокою внутреннею стѣною; не колеблясь, они приставили къ ней лѣстницу, по которой пытались безъ успѣха подняться нѣсколько французовъ. Тутъ всѣ убѣдились, что такъ овладѣть городомъ нельзя. Въ страхѣ и трепетѣ войско отступило. Было рѣшено не производить новыхъ нападеній до постройки необходимыхъ машинъ, для чего потребо-

валось преодолѣть рядъ затрудненій, а въ это время между князьями поднялись новые споры. Танкредъ занялъ для себя лично Виѳлеемъ, противъ чего возсталъ Раймундъ, воскрешая старую вражду. Важнѣе былъ другой споръ. Князья были такъ увѣрены въ успѣхѣ своего оружія, что уже тогда возбудили вопросъ, кому изъ нихъ достанется корона св. Гроба. Пригласили на совѣтъ духовенство, и оно тотчасъ заявило протестъ противъ всякихъ выборовъ, такъ какъ прежде всего нужно де назначить духовнаго главу, патріарха, который и будетъ владѣтелемъ Іерусалима и уже отъ себя назначитъ намѣстника для охраны мірскихъ интересовъ страны. Пока остановились на безспорно самомъ разумномъ рѣшеніи—сначала завоевать городъ и потомъ уже заботиться о пріисканіи для него владѣльца. Въ день взятія Іерусалима Готфридъ послѣ полудня, говорятъ, въ тотъ самый часъ, когда окончились страданія Христа, придвинулъ свою осадную башню къ самой стѣнѣ, спустилъ подъемный мостъ и вмѣстѣ съ другими перешелъ на стѣны. Въ то же время Танкредъ и Робертъ Нормандскій съ своей стороны пробили брешь въ стѣнѣ и проникли съ войскомъ въ городъ. Провансальцы все еще не могли подняться; наконецъ, на Масличной горѣ показался всадникъ въ блестящемъ вооруженіи, щитомъ указывая на Іерусалимъ; тогда въ городъ ворвались и они. Гарнизонъ Давидовой башни сдался Раймунду подъ условіемъ безпрепятственнаго отступленія въ Аскалонъ, и графъ захватилъ себѣ башню.

Касательно участія князей въ послѣдовавшемъ за штурмомъ кровопролитіи въ источникахъ даются такія указанія: Готфридъ не думалъ о грабежѣ, а стремился только кровью сарациновъ отплатить за оскверненіе св. города; первыми проникли въ городъ Танкредъ и Готфридъ: невѣроятно много крови пролили они въ этотъ день. Танкредъ, съ своей стороны, спѣшилъ раньше всѣхъ въ мечетъ Омара, о богатствахъ которой до него дошли свѣдѣнія; онъ прибылъ туда раньше массы бѣглецовъ и преслѣдователей и спряталъ въ безопасное мѣсто находившіяся тамъ сокровища. Тотчасъ затѣмъ въ мечеть ворвались густыя толпы противниковъ; рѣзня въ ней и передъ нею продолжалась до вечера, когда уцѣлѣвшіе магометане сдались Танкреду, обѣщавшему имъ, какъ своимъ плѣнникамъ, полную безопасность. Затѣмъ онъ кинулся дальше по городу на поиски за золотомъ и серебромъ, за лошадьми и мулами, за домами, полными всякаго добра. На другое утро толпа франковъ взобралась на крышу храма, куда Танкредъ спряталъ своихъ плѣнниковъ, и перебила несчастныхъ. Сокровищами, похищенными изъ

мечети Омара, князю не долго пришлось пользоваться: было рѣшено обратить языческіе храмы въ христіанскія святилища, и Танкреда принудили вернуть похищенное достояніе церкви.

Правленіе Готфрида Бульонскаго.

Увлеченіе побѣдою и набожностью естественно прошло не сразу: слишкомъ недѣлю стекались толпы къ св. Гробу, а отдѣльныя лица услаждались добычею, захваченною при занятіи города. Наконецъ, князья собрались на совѣтъ объ устройствѣ завоеванной земли, и тутъ тотчасъ съ обычною силою возобновились старые споры. Прежде всего нужно было устранить притязанія духовенства, требовавшаго выбора и господства патріарха; это удалось безъ труда, такъ какъ у него не было въ это время вліятельнаго представителя. Перейдя къ выбору свѣтскаго государя и вождя, князья естественно раньше всѣхъ обратили вниманіе на графа Тулузскаго. Съ удаленіемъ Боэмунда онъ, безъ сомнѣнія, занялъ въ войскѣ самое вліятельное положеніе по числу приверженцевъ и богатству, по неугомонности, съ какою заявлялъ притязанія, и по настойчивости, съ какою старался ихъ провести. Правда, онъ больше вызвалъ вражды, чѣмъ добился успѣховъ, но зато онъ высоко поставилъ свою репутацію. Это доказываетъ прочная память, какую онъ оставилъ по себѣ на Востокѣ. Поэтому ему и предложили прежде всего корону, но онъ отклонилъ ее, говоря, что никогда не будетъ носить здѣсь земного вѣнца, но не будетъ и противникомъ другого, который пожелаетъ надѣть его на себя. Не трудно подыскать для его отказа и другіе мотивы: онъ хорошо зналъ, что у него много сильныхъ противниковъ, а главное—онъ утратилъ поддержку своихъ провансальцевъ, которые старались помѣшать его избранію всевозможными навѣтами. Тогда князья обратились къ герцогу Лотарингіи, онъ изъявилъ согласіе и былъ безъ всякихъ возраженій выбранъ защитникомъ св. Гроба. Отъ титула короля и торжественнаго вѣнчанія Готфридъ уклонился, неизвѣстно, по собственному ли побужденію или слѣдуя благочестивому желанію бароновъ.

Первые шаги новаго государя были направлены на то, чтобы побудить графа Раймунда къ передачѣ захваченной имъ твердыни столицы, башни Давида. Раймундъ въ этомъ отказалъ, объясняя, что онъ намѣренъ до Пасхи оставаться еще въ Іерусалимѣ и желаетъ сохранить до тѣхъ поръ приличное его сану положеніе. Его не испугали сильнѣйшія угрозы Готфрида; прочіе князья, какъ это бывало и прежде, одобряли требованіе короля, но не рѣшались высказаться открыто. До рѣшенія вопроса стороны согласились

передать замокъ непричастному посреднику, одному епископу, а тотъ немедленно отдалъ башню королю. Сильно раздраженный этимъ, Раймундъ тотчасъ оставилъ Іерусалимъ, чтобы, согласно обычаю, побывать на Іорданѣ и тамъ наломать пальмовыхъ вѣтвей. Весь этотъ эпизодъ показываетъ, какое слабое впечатлѣніе произвелъ выборъ Готфрида на его прежнихъ перовъ.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ взятія Іерусалима, и крестоносцамъ пришлось итти къ Аскалону для отраженія грозныхъ силъ египетскаго визиря. Здѣсь между обѣими сторонами оказывается такая же рѣзкая разница, какъ подъ Антіохіей между войскомъ крестоносцевъ и полчищами Кербоги: египтяне, безъ сомнѣнія, превосходили христіанъ вооруженіемъ, обиліемъ припасовъ, пышностью и богатствомъ; въ составъ ихъ войска входили эѳіопы, арабы и даже сельджуки, и потому, при всемъ его внѣшнемъ блескѣ, въ немъ отсутствовали сознаніе общности и преданность вождю и его интересамъ; рядомъ съ этимъ замѣтна была у многихъ заносчивость: они уже везли съ собою цѣпи и веревки для будущихъ плѣнныхъ. Войско крестоносцевъ проявляло теперь не менѣе энергіи, чѣмъ подъ Антіохіей. Какъ тамъ его увлекало впередъ безграничное отчаяніе, такъ здѣсь ликующее воодушевленіе, не признававшее больше никакихъ препятствій, ничего невозможнаго. Они шли въ бой, какъ на пиръ и на праздникъ; враги казались имъ робкими, какъ лани, и невинными, какъ ягнята, потому что, по ихъ убѣжденію, Богъ былъ на сторонѣ христіанъ. Правда, кони ихъ были слабы, оружіе безъ блеска, масса воиновъ выходила въ поле, какъ и подъ Антіохіей, въ бѣдной изорванной одеждѣ, утомленная трудами и лишеніями или истощенная бурными удовольствіями послѣдняго мѣсяца, но въ бой они шли тѣмъ съ большимъ пыломъ, что только тамъ могли они найти добычу, наслажденіе и отдыхъ. Впереди войска несли крестъ и копье Господа, въ Іерусалимѣ духовенство и безпомощные молились о побѣдѣ,—другого гарнизона тамъ не было,—какъ могли они не побѣдить этихъ враговъ? И дѣйствительно, была одержана рѣшительная побѣда. Послѣ сраженія Раймундъ завязалъ переговоры съ комендантомъ Аскалона, въ которомъ господствовало полное уныніе. Туда удалился раньше гарнизонъ Давидовой башни, и онъ выставилъ на стѣнѣ знамя своего спасителя, графа Тулузскаго. Послѣдній тотчасъ сталъ утверждать, что по старому обычаю городъ составляетъ теперь его собственность, но на него, какъ король, заявилъ свои притязанія Готфридъ. Прочіе князья, на этотъ разъ не колеблясь, подтвердили мнѣніе

графа, но Готфридъ ни за что не хотѣлъ уступить. Раймундъ былъ страшно раздраженъ и объявилъ, что онъ намѣренъ тотчасъ удалиться; герцогъ стоялъ на своемъ, и графъ исполнилъ свою угрозу. Аскалониты естественно узнали о спорѣ и его послѣдствіяхъ, отказались отъ сдачи, и столь важный для обороны противъ Египта городъ былъ утраченъ раньше, чѣмъ пріобрѣтенъ.

Въ концѣ 1099 года патріархомъ Іерусалима былъ выбранъ папскій легатъ, архіепископъ Дагобертъ. Онъ объявилъ, что для приличнаго содержанія патріаршаго двора ему необходимо извѣстное количество земли, и потому потребовалъ себѣ сначала четверть города Яффы. Готфридъ тожественно уступилъ ему ее. Тогда Дагобертъ предъявилъ второе болѣе важное требованіе: Іерусалиму, какъ городу, посвященному Господу, нуженъ не свѣтскій глава, но духовный, какъ это утверждало уже до завоеванія духовенство; притомъ же у патріарха есть заслуженное право на него: въ эпоху угнетенія онъ былъ единственнымъ безспорнымъ главою всѣхъ христіанъ Іерусалима; такимъ образомъ онъ требуетъ отъ христіанскихъ князей только возстановленія тѣхъ правъ, которыя оставили неприкосновенными языческіе эмиры. Дѣйствительно, по договору императора Константина Мономаха съ египетскимъ халифомъ, христіанамъ былъ отведенъ въ Іерусалимѣ отдѣльный кварталъ, и судъ надъ ними предоставленъ патріарху. Патріархъ добился своего: въ первый день Пасхи Готфридъ передалъ ему, въ присутствіи духовенства и народа, Іерусалимъ съ башней Давида и всѣмъ округомъ; однако, герцогъ продолжалъ владѣть городомъ до расширенія королевства однимъ или двумя городами, а въ случаѣ его смерти безъ мужскихъ наслѣдниковъ городъ безпрекословно долженъ былъ перейти къ патріарху. Вообще Готфридъ призналъ себя вассаломъ св. Гроба и патріарха и обѣщалъ по мѣрѣ силъ оборонять интересы Бога и патріарха. Такой оборотъ дѣла вполнѣ соотвѣтствовалъ настроенію народа и самымъ опредѣленнымъ образомъ выставилъ духовный характеръ этого государства; впервые, со смерти Адемара Пюискаго, церковная власть вернула себѣ то положеніе, которое она занимала въ началѣ крестоваго похода. Свѣтскій государь былъ съ этихъ поръ только вторымъ человѣкомъ въ королевствѣ.

Прошелъ годъ со времени взятія Іерусалима, и Готфрида не стало.

Разсматривая его роль въ движеніи крестоносцевъ, мы не найдемъ ни одной черты, которая давала бы намъ право назвать его геніальной или даже просто крупной личностью. Подъ Константи-

нополемъ онъ сильно смущаетъ императора своимъ упорствомъ, не обращая вниманія ни на какіе доводы и въ то же время не думая указывать основанія своего образа дѣйствій. Затѣмъ до пораженія Кербоги его совершенно затмеваетъ князь Тарента: планы Боэмунда постоянно опредѣляютъ движеніе ополченія, его дѣятельность непрерывно обусловливаетъ успѣхи крестоносцевъ. Далѣе возгорается споръ изъ-за Антіохіи, на нѣсколько мѣсяцевъ замедляющій походъ; но у Готфрида, какъ и у другихъ князей, не оказывается достаточно энергіи, чтобы вмѣшаться рѣшительно въ распрю. Вскорѣ затѣмъ подъ Триполемъ онъ, несмотря на полную опредѣленность своихъ взглядовъ, является только орудіемъ въ рукахъ норманскихъ политиковъ и подъ конецъ беретъ верхъ только благодаря народному движенію, въ созданіи котораго онъ не принималъ ни малѣйшаго участія. Далѣе, какъ правитель св. Земли, онъ, правда, былъ поставленъ въ тяжелыя условія, но вѣдь условія оставались все тѣми же, когда Балдуинъ Эдесскій вдохнулъ въ королевство новую жизнь. Наконецъ, никто не могъ конечно отвергать его силы и храбрости, но какъ можно было однимъ этимъ пріобрѣсти себѣ особенную славу при такихъ соперникахъ?

Однимъ словомъ, во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ онъ не создалъ ничего крупнаго и даже никогда не пытался протестовать противъ превосходства Боэмунда и Раймунда въ этой области. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ указать, что это превосходство ни на шагъ не совлекло его съ пути, и эта настойчивость вмѣстѣ съ цѣлью, на которую она была направлена, только и объясняютъ положительную основу его характера, а также возможность столь блестящей и прочной извѣстности. По словамъ современника, онъ былъ столь же благочестивъ, какъ и храбръ, онъ былъ настоящимъ монахомъ въ одеждѣ воина, какъ и въ облаченіи герцога; подтвержденіе этого замѣчанія мы находимъ во всѣхъ событіяхъ похода. Болѣе, чѣмъ кто изъ его товарищей, онъ, при всѣхъ столкновеніяхъ съ свѣтскими интересами, старался сохранить религіозный характеръ похода: передъ его глазами стоялъ только св. Гробъ, и онъ совершенно былъ чуждъ всякой мысли о власти и захватѣ земель. Это не такой человѣкъ, который могъ бы оказать рѣшительное вліяніе на ходъ событій, но во всякомъ случаѣ это—человѣкъ съ непоколебимымъ характеромъ, остающійся вѣрнымъ себѣ, несмотря на всѣ внѣшнія вліянія, и строгостью религіозныхъ стремленій далеко превосходящій своихъ болѣе быстрыхъ товарищей. Боэмундъ, безъ сомнѣнія, остроумнѣе и ловче его, Раймундъ отзывчивѣе и по-

движнѣе, но главной награды въ этой религіозной войнѣ заслуживалъ все же больше, чѣмъ они, всѣми затмеваемый, сосредоточивающій свое вниманіе на религіозной цѣли герцогъ Лотарингіи.

Отсюда понятно то пристрастіе, съ которымъ Западъ прославлялъ его память и создалъ для героя новую жизнь: на всемъ Западѣ творцомъ похода было то именно настроеніе, которое доводило Готфрида до несправедливаго пренебреженія къ другимъ силамъ. Если никто изъ блестящихъ и энергическихъ героевъ не могъ въ глазахъ народа затмить Готфрида, то это свидѣтельствуетъ въ пользу безсознательнаго, но и безошибочнаго такта легенды, хотя она и украсила болѣе блестящими цвѣтами завоеваніе Антіохіи, чѣмъ взятіе Іерусалима. Отдѣльныя ея части проникнуты рыцарскимъ и поэтическимъ духомъ, но при всемъ внѣшнемъ блескѣ въ глубинѣ ея проходитъ неизгладимая мистическая мысль, въ концѣ-концовъ вызвавшая ее цѣликомъ на свѣтъ. Легенда прославляетъ одного любимаго Богомъ мужа и окружаетъ его бездѣйствіе такимъ ореоломъ, какого не удостоивается геройство норманновъ и провансальцевъ.

Н. Шамонинъ.

XXXVI.

Іерусалимское королевство.

I.

Страна, населеніе, земледѣліе, торговля, колоніи, образованность.

Населеніе Іерусалимскаго королевства.

Частая смѣна народовъ - завоевателей, приливъ паломниковъ, посѣщенія купцовъ издревле дѣлали населеніе Іерусалима пестрой смѣсью племенъ. Крестовые походы только еще усилили разнообразіе въ народонаселеніи Палестины. Выходцы изъ сѣверной и южной Франціи, бретонцы и провансальцы, ломбардцы, венеціанцы, тосканцы, сицилійцы, лотаргинцы, фрисланцы, нѣмцы, скандинавы, англичане, валлисцы, шотландцы, венгерцы и т. д. слились здѣсь въ господствующія сословія Іерусалимскаго королевства. А подъ ихъ властью или рядомъ съ ними продолжали жить остатки туземныхъ племенъ—сирійцы, армяне, греки, арабы, турки. Среди магометанъ преобладали арабы, какъ старинные завоеватели Сиріи, ставшіе осѣдлымъ, мирнымъ населеніемъ. Напротивъ, турки встрѣчались рѣдко: они вѣдь овладѣли Палестиной незадолго до появленія христіанъ, и ихъ чисто военное господство пало вмѣстѣ съ Іерусалимомъ. Однако и магометанство вообще далеко не было пре-

---

Источники: *Prutz*, Kulturgeschichte der Kreuzzüge; *Prutz* Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens; *Heyd*, Histoire du Commerce du Levant au Moyen-Age; *Beugnot*, Assises de la Haute Cour и Assises de la Cour des Bourgeois; *Röhricht*, Geschichte des Königreichs Jerusalem; *Додю*, Исторія Монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (переводъ съ франц.).

обладающей религіей въ Сиріи. Не говоря уже о евреяхъ и греко-православныхъ, какъ разъ здѣсь удержались остатки древне-христіанскихъ сектъ—яковитовъ, несторіанъ, маронитовъ.

Уроженцы мелкихъ областей западной Европы, раздробленной на феоды, впервые сталкивались здѣсь и замѣчали различіе или сходство между своими нарѣчіями и обычаями; понятіе народа французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго выростало надъ народцами маленькихъ провинцій,—графствъ и герцогствъ. Глубокій знатокъ Палестины Яковъ Витрійскій [1]) высказалъ мнѣніе, что завоеватели сдѣлали бы лучше всего, если бы подѣлили между собой тягла государственной жизни сообразно своимъ способностямъ и характеру: напримѣръ, итальянцы, преимущественно венеціанцы, генуэзцы и пизанцы могли бы взять на себя заботы о матеріальныхъ интересахъ, торговлю и промышленность, а французы и нѣмцы—защиту страны отъ невѣрныхъ, такъ какъ италіанскіе горожане хорошо знали морское дѣло и, отличаясь воздержностью, легко переносили климатъ; французы же выдавались своей воинственностью и хорошими боевыми лошадьми, а нѣмцы—тяжелыми панцырями. Однако, различіе въ способностяхъ и наклонностяхъ не предотвратило враждебнаго соревнованія между націями. Численно всегда преобладали французы, а туземцы-магометане звали вообще всѣхъ пришельцевъ съ запада франками: со временъ Карла В. франкскій народъ олицетворялъ для арабовъ католическую Европу. Продолжительная разлука съ родиной, семьей и обычными занятіями вредно отзывалась на нравахъ жителей Іерусалимскаго королевства, тѣмъ болѣе, что крестоносцы позволяли себѣ многое относительно враговъ-магометанъ, что безусловно было бы преступленіемъ и грѣхомъ на западѣ, напр., нарушеніе договоровъ. По словамъ арабовъ, Жоселенъ III, графъ Эдесскій, заключалъ миръ съ Нуреддиномъ, а какъ только опасность минуетъ, измѣнялъ своимъ клятвамъ. Съ другой стороны, роскошь и утонченныя наслажденія Востока заразительно дѣйствовали на франковъ. Низшіе классы крестоносцевъ ради торговли и промысловъ съ самаго начала стояли гораздо ближе къ туземцамъ-магометанамъ, нежели рыцари. Да и нужда чаще вела ихъ къ отпаденію отъ христіанства, чѣмъ ихъ феодальныхъ сеньёровъ. Во время голода въ 1190—91 гг. изъ лагеря христіанъ передъ Акономъ солдаты толпами бѣжали къ Саладину: кто наѣлся тамъ досыта, тому уже не было охоты ворочаться назадъ.

---

[1]) Jacobus a Vitriaco.

Часто даже рыцари, уличенные въ какомъ-либо преступленіи, слѣдовали примѣру низшихъ и становились отступниками и перебѣжчиками. Такіе ренегаты были естественными посредниками между христіанами и магометанами.

То постоянное населеніе Іерусалимскаго королевства, которое усвоило себѣ смѣшанную полувосточную, полуевропейскую культуру, называлось пулланами. Яковъ Витрійскій разумѣетъ подъ пулланами все то потомство пришлыхъ христіанъ, которое родилось уже въ Палестинѣ [1]). Но историкъ похода Людовика VII Французскаго разумѣетъ подъ пулланами только смѣшанное населеніе Палестины, родившееся отъ франка - отца и матери - сиріянки или наоборотъ; таково и было, вѣроятно, первоначальное, болѣе тѣсное значеніе слова. Подъ вліяніемъ климата и туземнаго населенія пулланы быстро стали терять свои европейскія привычки. Яковъ Витрійскій произноситъ надъ ними строгій приговоръ: пулланы, по его словамъ, не походятъ на своихъ воинственныхъ предковъ; они выросли въ роскоши, изнѣжены, женственны, охотнѣе идутъ въ разслабляющія восточныя бани, чѣмъ на борьбу съ невѣрными; одежды у нихъ пышныя, мягкія, нравы распущенные; они лѣнивы и трусливы, малодушны и боязливы. Магометане не боятся ихъ; если бы не помощь франковъ и не притокъ новыхъ силъ съ Запада, такъ одни пулланы не въ состояніи были бы сопротивляться имъ. Охотнѣе всего пулланы блюдутъ миръ со своими сосѣдями, но между собой они въ постоянныхъ ссорахъ и призываютъ невѣрныхъ на помощь другъ противъ друга. Въ личныхъ сношеніяхъ они лживы, скрытны, ихъ семейная жизнь мало чѣмъ отличается отъ магометанской, и жены ихъ живутъ вдали отъ общества, словно въ гаремѣ. Къ святынямъ Палестины и Іерусалима пулланы равнодушны, религіозное рвеніе паломниковъ для нихъ непонятно; страданія пилигримовъ не трогаютъ этихъ полумагометанъ, которые стараются только правдой и неправдой обогащаться насчетъ странниковъ. Тѣ арабскія женщины, на которыхъ часто женились пулланы, принимали христіанство только внѣшнимъ образомъ, и среди такой смѣшанной семьи не было ни христіанства, ни магометанства, а обыкновенно—только самыя грубыя суевѣрія.

---

[1]) Для самаго слова „пулланы“ Яковъ Витрійскій даетъ двойное объясненіе: или отъ pullus (жеребенокъ), такъ какъ пулланы были „новичками“ сравнительно съ туземнымъ сирійскимъ населеніемъ, или отъ названія италіанской провинціи Апуліи, откуда чаще всего будто бы были родомъ ихъ матери.

А что же сталось съ туземнымъ населеніемъ Палестины? Населеніе въ городахъ и пригородныхъ областяхъ, надъ которыми еще недавно господствовали турки, было попрежнему главнымъ образомъ христіанскимъ и состояло изъ грековъ, армянъ, сирійцевъ, жившихъ промыслами и земледѣліемъ. Только въ немногихъ городахъ (Триполисѣ, Бейрутѣ, Сидонѣ) магометане получили позволеніе жить и заниматься своими промыслами: пряденьемъ шерсти и тканьемъ; вся же масса арабскаго населенія подъ властью франковъ осталась въ селахъ на положеніи колоновъ (крѣпостныхъ), обрабатывавшихъ земли господъ и платившихъ имъ опредѣленную часть своего урожая. При первомъ завоеваніи рыцари присваивали себѣ земли не только враговъ-магометанъ, но и всего христіанскаго населенія. Этимъ крестоносцы какъ бы толкали его въ лагерь турокъ. Съ теченіемъ времени франки замѣтили свою ошибку и сдѣлали христіанамъ рядъ уступокъ. Но сирійцы никогда не получили равенства съ франками и затаили свое недовольство. Франки не могли вполнѣ полагаться на нихъ и считали ихъ лживыми, наклонными къ магометанству и культурѣ арабовъ, на языкѣ которыхъ они и говорили, удерживая греческій только для богослуженія. По городамъ сирійцы занимались промыслами, въ сельскихъ областяхъ садоводствомъ и землепашествомъ, напр., разведеніемъ сахарныхъ плантацій. Какъ разъ въ сельскихъ областяхъ добились они впослѣдствіи, благодаря своему хозяйственному значенію, и большей независимости. По обычаямъ Іерусалимскаго королевства, тамъ, гдѣ они жили густой массой и составляли особыя общины (коммуны), сирійцы имѣли свои собственные суды (cours de reis— отъ арабскаго слова reis, т.-е. староста). Подобныя же уступки, какъ сирійцамъ-христіанамъ, франки сдѣлали и еврейству: и въ Іерусалимскомъ королевствѣ, и на Кипрѣ евреи пользовались неограниченной гражданской свободой. Въ сѣверной части Іерусалимскаго королевства важную долю населенія составляли армяне; съ выдающимися способностями къ торговлѣ они соединяли воинственность, чисто рыцарскую, и подъ властью крестоносцевъ были по своему положенію приравнены къ сирійцамъ.

Земледѣліе.

Паломниковъ и крестоносцевъ, которые приходили въ Палестину изъ сѣверныхъ, болѣе суровыхъ странъ, поражали роскошь и щедрость южной природы въ нѣкоторыхъ частяхъ Сиріи. Буркгардтъ изъ Монте-Сіона, посѣтившій Востокъ около 1280 г., хвалитъ плодородіе густонаселенныхъ частей Ливана и Антиливана съ ихъ пастбищами, садами и виноградниками; мѣстность вокругъ Курд-

скаго укрѣпленія [1]), по его словамъ, густо заселена крестьянскими дворами, покрыта насажденіями маслинъ и виноградниками и богата фруктовыми садами, рощами, лугами и водой. Раемъ показалась ему затѣмъ береговая полоса около Триполиса; нигдѣ онъ не видывалъ такого количества вина, оливокъ, фигъ и сахарнаго тростнику. Собственно земледѣльство далеко не было настолько развито, чтобы избавить страну отъ необходимости ввозить хлѣбъ съ Запада. Сѣяли, какъ и теперь, только пшеницу и ячмень, да нѣкоторыя стручковыя растенія: бобы, горохъ, чечевицу. Но зато садоводство достигало здѣсь высокой степени совершенства. Уже въ началѣ среднихъ вѣковъ вина Палестины считались самыми крѣпкими и благородными при дворѣ византійскихъ императоровъ. Буркгардтъ особенно хвалитъ лозы на высотахъ Виѳлеема и по скатамъ Ливана близъ Сидона. Маслины произрастали не только въ садахъ на равнинѣ Триполиса и по склонамъ Ѳавора; за Іорданомъ эти деревья попадались еще густыми рощами; самыя оливки собирались главнымъ образомъ на масло. Изъ фруктовыхъ деревьевъ обычными были: фиги, лимоны, апельсины, гранаты, миндаль, но для болѣе привычныхъ франкамъ грушъ, яблокъ, вишенъ и орѣховъ условія почвы и климата были здѣсь не такъ благопріятны, и ихъ выписывали изъ Дамаска. Все побережье и въ особенности область Триполиса славились своими плантаціями сахарнаго тростника. Франки научились у сирійцевъ добывать сахаръ, выдавливая сокъ изъ тростника особыми прессами въ родѣ мельницъ; для этихъ работъ употреблялись часто магометане-плѣнники. Тиръ даже славился своими сахароварнями; отсюда выписалъ Фридрихъ II въ 1239 году мастеровъ, чтобы поднять въ Сициліи упавшее было тамъ сахарное дѣло. Франки, какъ ученики и преемники арабовъ въ Палестинѣ, занялись и насажденіемъ плантацій хлопчатника. Но, кажется, эта отрасль земледѣлія не имѣла въ ихъ рукахъ большого успѣха: хлопокъ изъ окрестностей Лаодицеи, Бейрута и Аккона цѣнился всегда ниже привознаго изъ Алеппо и Амаха (Hamah) и не могъ равняться даже съ хлопкомъ Арменіи и Дамаска. Подъ господствомъ христіанъ упала и культура бальзамнаго дерева. Петръ изъ Монте-Кассино въ плодоносной низинѣ Іерихона нашелъ еще плантаціи этихъ деревьевъ; стволы надрѣзывались острыми камнями, и драгоцѣнный сокъ собирался по каплямъ. Однако франки внимательнѣе отнеслись къ другимъ подобнымъ же дере-

---

[1]) Одна изъ главныхъ крѣпостей сѣверной Сиріи (Castrum Curdorum).

вьямъ, изъ которыхъ добывались лѣкарства и благовонныя масла, наприм., мирра, мастика, терпентинъ. На границѣ сельско-хозяйственной и собственно промышленной дѣятельности стояло разведеніе шелковичныхъ червей, достигшее въ Сиріи высокой степени процвѣтанія еще при господствѣ византійцевъ; да и франки знали тутовое дерево уже въ южной Италіи и Сициліи. Средоточіемъ этого промысла былъ Триполисъ, гдѣ въ концѣ XIII в. работало не менѣе 4 тысячъ ткацкихъ станковъ для шелку. Къ ткацкой промышленности примыкали красильни; въ долинѣ Іордана разводилось индиго, а на берегу древней Финикіи попрежнему находили знаменитую пурпуровую улитку. Стеклянными произведеніями все еще славился Тиръ.

Сельское населеніе.

Но франки не внесли въ страну болѣе совершенныхъ пріемовъ хозяйства, развѣ что только италіанскія колоніи (коммуны) и духовно-рыцарскіе ордена примѣняли къ разработкѣ своихъ земель раціональные пріемы: вся масса франкскаго рыцарства не шла далѣе чисто хищническаго отношенія къ угодьямъ и приспособлялась къ тому строю сельской жизни, который сложился еще до крестовыхъ походовъ. Поземельныя отношенія въ сельскихъ областяхъ вели свое начало отъ порядковъ, существовавшихъ подъ византійскимъ владычествомъ. Арабы-завоеватели смѣнили только сирійскихъ и византійскихъ помѣщиковъ въ ихъ власти надъ землями. Колоны (крѣпостные), преимущественно сирійскаго происхожденія, продолжали нести въ пользу арабовъ повинности, къ которымъ они были раньше обязаны относительно грековъ или своихъ единоплеменниковъ. По магометанскому праву, населеніе вновь завоеванныхъ областей должно было платить подушную подать, какъ выкупъ за свою жизнь и свободу, и затѣмъ поземельную подать, которая не должна была превышать половины урожая; то населеніе, которое переходило въ исламъ, попадало еще въ болѣе благопріятныя условія и платило только обычную у магометанъ поземельную десятину. Завоеваніе Палестины турками ничего не измѣнило въ положеніи колоновъ, потому что и среди нихъ господствовали чисто феодальныя отношенія: вождь-завоеватель раздавалъ завоеванныя земли своимъ полководцамъ, которые дробили ихъ далѣе между своими подчиненными. Каждый турокъ-землевладѣлецъ несъ военную повинность по отношенію къ верховному собственнику, отъ котораго получилъ землю, а доходы съ земли и ея населенія давали ему возможность отбывать эту повинность. Поэтому турки, оставаясь чисто военнымъ слоемъ населенія, не вни-

кали въ хозяйственные порядки на своихъ земляхъ, предоставляя ихъ вѣдѣнію самихъ оброчныхъ колоновъ и слѣдя только за правильнымъ поступленіемъ оброка (ренты). Эту оброчную систему хозяйства удержали и рыцари-франки.

Немногочисленные крестьяне, переселявшіеся съ Запада, представляли въ Іерусалимскомъ королевствѣ исключеніе по своему сравнительно независимому положенію. Чаще всего они становились свободными арендаторами и платили за землю франку-рыцарю деньгами или сельско-хозяйственными продуктами. Сохранилась, наприм., грамота Балдуина III отъ 1153 г., опредѣляющая условія, на которыхъ Жираръ-де-Валансъ получилъ отъ короля дозволеніе заселить одинъ хуторъ (casale) латинскими колонистами: колонисты получали отъ предпринимателя усадьбу и участокъ земли въ полную наслѣдственную собственность, но должны были зато платить королю съ урожая своихъ полей $^1/_7$, съ виноградниковъ и садовъ $^1/_4$, а съ насажденій маслинъ даже $^2/_3$; пятнадцатый хлѣбъ изъ ихъ хлѣбныхъ печей принадлежалъ тоже королю.

Напротивъ, масса сельскаго населенія, оставшаяся отъ арабскаго владычества, находилась въ тяжелой крѣпостной зависимости и составляла одно цѣлое съ земельными участками, на которыхъ жила: сирійскій крѣпостной могъ быть даже оторванъ отъ семьи, проданъ, подаренъ или данъ въ обмѣнъ своимъ господиномъ. Кипрскій юристъ Филиппъ Новарскій приравниваетъ такихъ крѣпостныхъ къ рабочему скоту или сельско-хозяйственнымъ орудіямъ; безъ всякихъ личныхъ правъ они были отданы на произволъ рыцарей и фохтовъ. Различіе въ религіи или, по крайней мѣрѣ, въ расѣ между господиномъ и вилланомъ и отсутствіе освященнаго временемъ „обычая“ сдѣлали крѣпостную зависимость на Востокѣ болѣе тягостной. Въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда Ричардъ Львиное сердце предоставилъ Кипръ тампліерамъ, они вызвали возстаніе сельскаго населенія острова, вздумавши было обращаться съ нимъ, какъ со своими колонами въ Сиріи, т.-е. подвергать ихъ побоямъ и облагать податями. Обыкновенно рыцарскій ленъ распадался для цѣлей хозяйства на хутора, а отдѣльный хуторъ (casale) дробился уже на плуги (charrue, carrucata), т.-е. участки земли, для ежегодной обработки которыхъ хватало пары воловъ; къ хутору примыкали лѣса и луга, находившіеся въ общемъ пользованіи крестьянъ, а иногда и виноградники, фруктовые сады, насажденія маслинъ. Крѣпостные, обрабатывавшіе такой хуторъ, несли повинности трудомъ, продуктами земли и даже деньгами. Они до-

ставляли въ замокъ рыцаря куръ, яйца, хлѣбъ, медъ. Хотя путешественникъ XIII в. Рубрукъ (Roubrouque) и отмѣчаетъ, что сирійскіе крѣпостные въ общемъ платили $^1/_3$ урожая, но, кажется, никакихъ твердыхъ предѣловъ для оброка не существовало. Изъ личныхъ повинностей (барщинъ) самая тяжелая—работа надъ проведеніемъ и починкой дорогъ—существовала уже при арабахъ.

Городское населеніе.

Гораздо сильнѣе былъ приливъ западныхъ переселенцевъ въ города, гдѣ прежнее населеніе при первомъ завоеваніи было или перебито, или вытѣснено на окраины. Появленіе крестоносцевъ измѣнило весь строй городской жизни. Какъ разъ здѣсь, однако, чаще всего приходилось сталкиваться и смѣшиваться различнымъ слоямъ пестраго населенія Палестины. Для промысловъ и торговли выходцы съ Запада нуждались на первое время въ переводчикахъ, писцахъ, мѣнялахъ, маклерахъ, стряпчихъ, хорошо знавшихъ мѣстныя условія и обычаи; мелкіе промыслы и ремесла тоже остались въ рукахъ чужеземцевъ. Но и по городамъ завоеватели не сливались съ завоеванными, а потому и здѣсь не могло выработаться никакой цѣльной гражданской жизни. Люди различныхъ національностей не могли, напр., свидѣтельствовать другъ противъ друга въ судахъ. Среди пришлаго населенія тоже господствовали рознь и отчужденіе между представителями отдѣльныхъ народностей Запада: французы, нѣмцы, итальянцы продолжали поддерживать связи съ родиной и не пускали въ городахъ Палестины такихъ прочныхъ корней, чтобы во всѣхъ сосѣдяхъ видѣть согражданъ и соплеменниковъ; а у итальянцевъ и на новыхъ мѣстахъ жительства тлѣло старое соперничество между венеціанцами, пизанцами, генуэзцами и т. д. Въ Акконѣ у италіанскихъ горожанъ были отдѣльные кварталы, у англичанъ и нѣмцевъ ихъ собственные улицы и склады товаровъ; всѣ они жили по обычаямъ своей родины. По образу жизни франки-горожане, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ крупную промышленность и заморскую торговлю, рѣзко отдѣлялись отъ мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ изъ среды туземцевъ. Окруженные рабами и слугами, эти богатые негоціанты добивались иногда привилегій, которыя ставили ихъ почти на одну ступень со знатью, и даже скупали феодальныя земли у обѣднѣвшихъ рыцарей, нанимая ихъ же потомъ на жалованье для отбыванія военныхъ повинностей. Поэтому врядъ ли показалось чѣмъ-либо чрезвычайнымъ, что Баліанъ д'Ибеленъ, найдя въ Іерусалимѣ послѣ пораженія при Гиттинѣ всего только двухъ рыцарей, выбралъ тотчасъ же изъ горожанъ 50 человѣкъ, способныхъ нести военную

службу, и посвятилъ ихъ въ рыцари. Но этому привилегированному гражданству не удалось въ Палестинѣ добиться коммунальной независимости, по примѣру Италіи или французскихъ городовъ. Горожане (bürgenses), какъ члены замкнутой корпораціи, называются на ряду со знатью и духовенствомъ для Антіохіи и Іерусалима уже въ грамотахъ 1135—36 гг. Но такой корпораціи не доставало полнаго самоуправленія. Можетъ быть, ради военныхъ цѣлей іерусалимскіе короли и бароны сосредоточивали всю высшую власть надъ городами въ рукахъ своихъ чиновниковъ. Горожане находились обыкновенно подъ управленіемъ виконта (вицеграфа), назначеннаго сеньёромъ города безъ участія горожанъ. Ему принадлежали въ городѣ высшая гражданская и военная власти, онъ или его бальи предсѣдательствовалъ и въ Cour des bourgeois. Такая „палата горожанъ“ (cour des bourgeois), какъ высшее судебное и административное учрежденіе, состояла изъ 12 присяжныхъ (jurés) горожанъ, но опять-таки по назначенію.

Зато горожанамъ вполнѣ открылось на Востокѣ другое широкое поприще для дѣятельности—это левантская торговля, посредничество между Востокомъ и Западомъ. На берегахъ Палестины совершался теперь обмѣнъ произведеній Европы и Азіи. Купцы Генуи, Пизы, Амальфи, Монпелье и Марселя спускались обыкновенно со своими судами вдоль западнаго берега Италіи до Мессины и послѣ продолжительнаго отдыха держали путь далѣе на греческіе острова: Кандію, Родосъ, Кипръ, откуда уже достигали сирійскаго берега у Тира и Аккона. Съ другой стороны, сюда же приводили караванныя дороги Востока. Изъ Багдада шелъ торговый путь черезъ Эфратъ на Ракку и тамъ раздѣлялся на двѣ вѣтви: одна вела черезъ Алеппо къ Антіохіи и Лаодицеѣ, другая—южная—кончалась у Тортозы и Триполиса. Городъ Алеппо былъ соединенъ караваннымъ путемъ съ Дамаскомъ, откуда ходили караваны паломниковъ въ Мекку. Дамаску, какъ древнему центру восточной торговли, еще легче было питать рынокъ товаровъ на сирійскомъ берегу: знаменитыя затканныя золотомъ матеріи и ковры работались на мѣстѣ въ самомъ городѣ, а пряности шли сюда изъ Индіи. Съ Запада на берега Палестины привозились оружіе, сукна, лошади, хлѣбъ, а изъ Сиріи грузились обратно фрукты, вина, сахаръ, хлопокъ, шелкъ, шерсть армянскихъ овецъ и козъ. Но особенно важна была для Европы закупка тѣхъ пряностей, ароматовъ и красокъ, родиной которыхъ были отдаленныя части Азіи. Перечень левантскихъ товаровъ свидѣтельствуетъ, насколько широко развѣтвля- Торговля.

лась левантская торговля и какъ глубоко проникала она уже на Востокъ.

Знаменитая амбра шла изъ Аравіи. Арабы часто находили куски этого твердаго, сѣроватаго, подобнаго воску, вещества, которое при нагрѣваніи испускало тонкій ароматъ. О ея происхожденіи ходило на Востокѣ много басенъ – и не удивительно: амбра встрѣчалась то въ волнахъ моря; то на берегу, то среди скалъ, куда, можетъ быть, заносили ее птицы, а иногда во внутренностяхъ нѣкоторыхъ рыбъ, проглотившихъ ароматичные кусочки. Въ дѣйствительности это было болѣзненное образованіе въ тѣлѣ одного китовиднаго—кашалота. На востокѣ изъ амбры дѣлали четки, кресты, цѣлыя статуэтки. Бальзамомъ славился Египетъ. Здѣсь въ саду, принадлежавшемъ султану, надрѣзывалась кора деревца или обрывались листья, побѣги и собирался драгоцѣнный сокъ. Этотъ лучшій сортъ бальзама раздавался султаномъ въ подарокъ государямъ, вельможамъ и въ госпитали; въ продажу шелъ только остатокъ или то, что садовники выжимали изъ обрѣзковъ. Это ароматичное вещество употреблялось и какъ лѣкарство, и для цѣлей богослуженія, наприм., въ св. елеѣ. Гвоздика, какъ лѣкарство и приправа, извѣстна была еще со временъ каролинговъ, но она всегда была въ два—три раза дороже перца, потому что единственнымъ мѣстомъ, гдѣ росли гвоздичныя деревья, были отдаленные Молуккскіе острова. Имбирь шелъ изъ Индіи, а корица изъ Китая и съ Цейлона. Лучшій ладанъ добывался изъ древесной смолы на Кипрѣ и въ Малой Азіи, а лучшій мускусъ—въ Тибетѣ изъ сумчатой железы мускуснаго быка (самца кабарги). Мускатный орѣхъ доходилъ, можетъ быть, съ Зондскихъ острововъ, ревень—изъ Китая сухимъ путемъ черезъ пустыни центральной Азіи, а перецъ—съ Малабарскаго берега Индіи и Цейлона; это была наиболѣе распространенная приправа; въ Средніе Вѣка перцемъ оплачиваются иногда пошлины, но цѣна его была настолько высока, что низшимъ классамъ онъ оставался недоступнымъ. Шафранъ и сахарный тростникъ встрѣчались и въ южной Европѣ, и въ Палестинѣ, но лучшіе сорта все-таки доставлялись магометанскими купцами изъ Персіи и Египта. На берегахъ Персидскаго залива открытъ былъ и способъ рафинировки сахара, а оттуда арабы распространили его на З. и на В. Вслѣдствіе своей дороговизны сахаръ употреблялся въ Средніе Вѣка сначала болѣе какъ лѣкарство при грудныхъ болѣзняхъ, и только позднѣе пошли въ торговлю фрукты въ сахарѣ; впрочемъ въ Византіи уже во времена Комненовъ было въ обычаѣ пить воду съ сахаромъ. На-

конецъ, ѳиміамъ, ароматичный сокъ дерева Boswellia, ввозился тоже изъ Аравіи, какъ и амбра. На ряду съ ароматами и пряностями Востокъ доставлялъ и другой москательный товаръ—краски и всякія смолы. Наприм., растеніе алоэ (Aloe) произрастало главнымъ образомъ на островѣ Сокотора; высушенный сокъ различныхъ породъ алоэ (сабуръ) употреблялся какъ лѣкарство или примѣшивался къ нѣкоторымъ краскамъ. Корень галанга, извѣстный какъ лѣкарство и горячительная приправа, привозился изъ Китая и южной Азіи. Индиго удачно разводилось ради краски близъ Кабула и въ Персіи, а камфора доходила лишь изъ Китая, и, можетъ быть, съ Суматры, гдѣ добывались самые дорогіе сорта. Видъ кошенили встрѣчался и въ южной Европѣ, и въ Греціи, и въ Арменіи; это насѣкомое давало красную краску. Точно также и марена разводилась какъ въ Европѣ, такъ и на Востокѣ, наприм., въ Грузіи. Квасцы для крашенія, золоченія и дубленія получались изъ Малой Азіи, камедь—изъ Индо-Китая и Индіи съ Коромандельскаго берега: здѣсь на нѣкоторыхъ породахъ деревьевъ тысячами размножалась особая тля (Coccus Lacca), протачивала кору вѣтвей и, смѣшиваясь съ выступавшимъ на поверхность смолистымъ сокомъ, придавала ему красный цвѣтъ; такая застывшая камедь шла на окраску и полировку. На приготовленіе лаковъ и какъ курево употреблялся и другой смолистый сокъ деревьевъ—мастика, добывавшаяся преимущественно на островѣ Хіосѣ. Красный сандалъ, дававшій краску, средневѣковые путешественники находили на Коромандельскомъ берегу, но арабы чаще всего говорятъ о томъ желтомъ и бѣломъ сандалѣ (Santalum album), душистое дерево котораго шло на курево; его можно было найти въ обѣихъ Индіяхъ. Другое душистое дерево—дерево алоэ (Aquilaria agallocha)—было родомъ изъ Индо-Китая; въ Китай и Индію оно ввозилось, какъ курево при богослуженіи, а въ Европѣ шло на мелкія подѣлки, наприм. ящички, и числилось въ спискѣ лѣкарствъ. Къ левантскимъ товарамъ относили также драгоцѣнные камни, жемчугъ, кораллы, стекло, порцеланъ, слоновую кость, шелкъ, хлопокъ, ковры и восточныя ткани. Въ Египтѣ находили смарагды, въ Персіи—бирюзу, въ Индіи—сафиры и алмазы, на Цейлонѣ—топазы, рубины, гранаты, аметисты, въ Персидскомъ заливѣ и въ проливѣ близъ Цейлона — жемчугъ. Родиной шелка считался Китай, но въ эпоху крестовыхъ походовъ тутовыя деревья и шелковичные черви разводились и въ Средней Азіи, и въ Персіи, и въ Сиріи, и даже въ Сициліи.

Левантская торговля не останавливалась на берегахъ Среди-

земнаго моря: изъ Сѣверной Италіи черезъ Альпы товары Востока шли въ города Германіи: Регенсбургъ, Нюренбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ. Въ Венеціи былъ громадный складъ нѣмецкихъ купцовъ (Fondaco dei Tedeschi), куда стекались какъ произведенія германской промышленности для вывоза, такъ и левантскіе дорогіе товары. Для распространенія восточныхъ тканей и пряностей по Франціи итальянскіе купцы посѣщали не только ея южныя гавани, но и многолюдную ярмарку въ Шампаньи. Эта отрасль торговли была такъ важна для всѣхъ европейскихъ народовъ, что никакія запрещенія и ограниченія со стороны католической церкви не могли ни остановить ее, ни сократить. Церковь вообще находила предосудительными мирныя сношенія съ магометанами, а доставку имъ боевыхъ припасовъ — прямо таки преступленіемъ. Тщетно однако издавали свои запрещенія папы Александръ III и Иннокентій III: Венеція, Генуя, Каталонія попрежнему снабжали Египетъ военными матеріалами. Въ 1308 г., когда уже было поздно, папская курія запретила, наконецъ, всякую вообще торговлю съ невѣрными; но никто не обратилъ на это вниманія; эта мѣра не могла остановить даже позорной торговли рабами. Хотя, по законамъ Генуи, рабы магометане съ береговъ Чернаго моря могли вывозиться въ Египетъ только купцами—магометанами же, однако генуэзскіе судохозяева обходили законъ, отдавая свои корабли въ наймы восточнымъ рабопромышленникамъ. Напротивъ, продажа магометанъ на Западъ въ руки христіанъ была дозволена: рабы, проданные Кипчакской ордой татаръ, или плѣнные сарацины изъ Сиріи тысячами попадали на рынки Генуи и Венеціи. Даже принимая крещеніе, эти несчастные не всегда получали свободу.

Монета. Развѣтвляясь по Европѣ и Азіи, левантская торговля вела къ развитію денежнаго хозяйства, обмѣна различныхъ монетныхъ единицъ и вексельныхъ оборотовъ, вызванныхъ къ жизни уже крестовыми походами. Вѣдь каждый крестоносецъ бралъ съ собой деньги въ монетѣ своей родины. До сихъ поръ въ Палестинѣ находятъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ монеты Фландріи, Артуа, Беарна, Прованса, Кастиліи, Аррагоніи и различныхъ итальянскихъ городовъ, затѣмъ монеты германскихъ императоровъ и архіепископовъ Кёльна и Майнца, монеты англійской чеканки и византійскіе типы, отчеканенные норманнами въ Неаполѣ, Салерно и Беневентѣ. Въ Палестинѣ крестоносцы нашли уже въ обращеніи греческую и арабскую монету, а бароны вновь завоеванныхъ феодовъ вскорѣ стали чеканить свою собственную, по большей части мѣдную и мелкую

серебряную монету для обращенія въ странѣ. Впрочемъ, для крупныхъ торговыхъ оборотовъ, въ особенности съ Востокомъ, возникла особая золотая монета—это Byzantii sarracenati, чеканившіеся въ Акконѣ, Тирѣ, Триполисѣ. На этомъ франкскомъ золотѣ вычеканены были арабскія надписи изъ корана съ именами калифовъ и годовъ геджры. Чеканка „сарацинскихъ бизантіевъ" составляла привилегію венеціанцевъ. Съ Людовикомъ IX прибылъ въ Св. Землю папскій легатъ—кардиналъ и епископъ Тускулума Эдъ де-Шатору; онъ нашелъ, что обращеніе въ странѣ монеты съ надписями изъ корана составляетъ оскорбленіе для христіанства и идетъ въ разрѣзъ съ цѣлями крестовыхъ походовъ; поэтому онъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви запретилъ ихъ употребленіе. По его ходатайству, папа Иннокентій IV подтвердилъ это запрещеніе. Дабы торговыя сношенія съ Востокомъ не терпѣли ущерба отъ недостатка подходящей монеты, венеціанцы продолжали чеканить золото по арабскимъ образцамъ и съ надписями арабскими буквами, однако, по своему содержанію эти надписи стали теперь христіанскими: въ серединѣ монеты можно найти даже крестъ. Обиліе сортовъ денегъ вело къ развитію промысла мѣнялъ и понятію денежнаго курса, т.-е. пропорціи, въ какой обмѣнивались различные сорта монеты. Для перевода въ Палестину большихъ суммъ денегъ стали употреблять векселя и тратты (т.-е. переводъ суммы денегъ, внесенной, наприм., банкиру въ Генуѣ въ одной монетной единицѣ, на другого банкира въ Палермо съ уплатой въ иной монетѣ). Банкирскими операціями, связанными съ крестовыми походами, занимались въ большихъ размѣрахъ тампліеры. Когда сиръ де-Жуанвиль получилъ приказаніе взять у тампліеровъ сумму въ 30 тысячъ ливровъ, которой не хватало для выкупа Людовика Св., то онъ силой проникъ въ сокровищницу магистра ордена и овладѣлъ заимообразно вкладами богатыхъ паломниковъ и крестоносцевъ, положенными туда на храненіе. Однако, храмовники не только принимали вклады, но и давали взаймы: у нихъ занимали Людовикъ VII и Генрихъ III Англійскій; а круглыя суммы, проставленныя въ долговыхъ роспискахъ, наводятъ на мысль, что ссуды дѣлались за проценты, которые ради тайны приписывались къ капиталу. Черезъ посредство духовно-рыцарскихъ орденовъ переводились въ Палестину и пожертвованія, собранныя на Западѣ римскою церковью въ пользу крестоносцевъ.

Итальянскія колоніи.

Левантская торговля вызвала къ существованію цѣлую сѣть европейскихъ колоній на берегахъ Сиріи, Архипелага и Чернаго моря. И въ торговлѣ, и въ городской жизни Палестины видная роль

выпала на долю генуэзцевъ, пизанцевъ и венеціанцевъ. Въ 1097 г. генуэзцы на 12 галерахъ вошли въ гавань св. Симеона и помогли своимъ флотомъ крестоносцамъ при осадѣ Антіохіи; за эти услуги Боэмундъ пожаловалъ имъ въ городѣ 30 домовъ, церковь св. Іоанна, базаръ (фондако) и фонтанъ. Во время осады Іерусалима въ 1099 г. предпріимчивые генуэзцы были со своимъ флотомъ въ Яффѣ и поддерживали оттуда крестоносцевъ; они же завоевали для короля Балдуина въ 1101 г. городъ Арзуфъ и Цезарею, а въ 1104 г. Акконъ (С. Жанъ д'Аркъ). Въ награду генуэзцы получили въ собственность третью долю каждаго изъ этихъ городовъ съ соотвѣтствующей частью подгородной области, кромѣ того, въ Акконѣ одну треть съ пошлинъ, собиравшихся въ гавани, а въ Іерусалимѣ и Яффѣ—особые кварталы и, наконецъ, право на одну четверть въ каждомъ городѣ, который падетъ съ ихъ помощью. Генуэзцы потребовали у Балдуина позволенія прибить въ абсидѣ (нишѣ) церкви Гроба Господня позади главнаго алтаря доску, на которой золотыми буквами вырѣзано было перечисленіе всѣхъ пожалованій короля. Менѣе счастливы въ пріобрѣтеніи колоній были пизанцы; зато венеціанцы съ теченіемъ времени оставили позади себя всѣ другіе италіанскіе города по умѣнію извлекать торговыя выгоды изъ помощи, оказываемой крестоносцамъ. Въ 1100 г. они пристали на 200 судовъ къ гавани Яффа и заключили съ Годфридомъ Бульонскимъ договоръ, по которому блюститель Гроба Господня предоставлялъ имъ въ каждомъ городѣ королевства церковь и мѣсто, удобное для рынка, и полную свободу отъ пошлинъ; кромѣ того, въ каждомъ городѣ, который будетъ взятъ съ ихъ помощью въ ближайшую кампанію, они должны были получить треть въ полную собственность; такъ возникла впослѣдствіи ихъ цвѣтущая колонія въ Сидонѣ. Въ царствованіе Балдуина II за новую помощь противъ невѣрныхъ Венеція добилась и новыхъ льготъ; по договору 1123 г., венеціанцы въ Іерусалимѣ получили кварталъ, равный владѣніямъ самого короля, а въ каждомъ городѣ королевства вообще цѣлую улицу, базарную площадь, церковь, баню и пекарню, полную свободу отъ всякихъ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ и, наконецъ, въ первыхъ двухъ городахъ, которые будутъ завоеваны у невѣрныхъ, имъ и на этотъ разъ обѣщана была треть. Слѣдующей весной палъ Тиръ, и обѣщанная треть тотчасъ же была выдана венеціанцамъ; правда, для защиты города они должны были доставлять воиновъ пропорціонально своей трети. Укрѣпленное положеніе Тира давало Венеціи большое преимущество передъ ея соперницами —

Генуей и Пизой. Торговыя колоніи италіанскихъ горожанъ въ береговыхъ городахъ Сиріи назывались офиціально коммунами, хотя колонисты и не имѣли независимаго самоуправленія. Дома, склады для товаровъ (fondaco), базарныя площади, лавки, церковь и все, что вообще составляло коммуну, не принадлежало жившимъ въ ней гражданамъ, а составляло общественную собственность ихъ государства на Западѣ, т.-е. Венеціи, Пизы и Генуи, которыя и предоставляли угодья колоніи только во временное пользованіе за извѣстную плату. Поэтому и высшія должностныя лица въ коммунахъ назначались метрополіей. Первоначально эти чиновники назывались виконтами, впослѣдствіи у генуэзцевъ и пизанцевъ консулами, а у венеціанцевъ—бальи (bajulus—bailo). Еще позднѣе, надъ всѣми колоніями одной и той же области ставился обыкновенно только одинъ консулъ или бальи, который и жилъ въ главной коммунѣ. Венеція, наприм., назначала въ Сирію одного главнаго бальи изъ знати, который жилъ въ Акконѣ (Bajulus Venetorum in Accon, in Tyro et in tota Siria и т. п.); ему бывали уже подчинены бальи въ Тирѣ и консулъ въ Бейрутѣ. Исключительное положеніе такихъ коммунъ сказывалось преимущественно въ судопроизводствѣ: члены коммуны по гражданскимъ и мелкимъ уголовнымъ дѣламъ не подлежали суду палаты горожанъ всего города, а своимъ собственнымъ присяжнымъ, подъ предсѣдательствомъ виконта коммуны. Но для италіанскихъ городовъ были важны не только ихъ кварталы въ приморскихъ гаваняхъ Сиріи, но и тѣ подгородныя сельскія области, которыя къ нимъ примыкали. Эти земли распадались на отдѣльные хутора (casale), обрабатываемые крѣпостными сирійцами подъ наблюденіемъ гастальдіоновъ (приказчиковъ); здѣсь разводились виноградники и плантаціи сахарнаго тростника. Венеціи, наприм., въ половинѣ XIII в. принадлежало вокругъ Тира около 80 казалій. Коммуны-землевладѣльцы представляли рѣзкую противоположность окружающему чисто-феодальному строю общества XII в.

Смѣшанная культура.

Въ Іерусалимскомъ королевствѣ смѣшались не только племена, но и ихъ языки и культуры. Литература, костюмъ, образъ жизни крестоносцевъ и колонистовъ Сиріи носилъ отпечатокъ взаимодѣйствія Востока и Запада. Изъ Палестины эти заимствованія и новшества быстро заносились въ Италію и Францію. Средневѣковый французскій языкъ обогатился теперь словами арабскаго происхожденія. Наприм., въ горной области на С.-В. отъ Триполиса держалась фанатичная магометанская секта, истреблявшая своихъ противниковъ посредствомъ тайнаго убійства; членовъ ея

звали курильщиками конопли (гашишинъ): отсюда пошло французское слово assassin, какъ названіе для убійцы вообще. Фисташка и лимонъ среди плодовъ, мусселинъ (отъ Мосула) и дама̀ (отъ Дамаскъ) среди тканей, кафтанъ и бурнусъ среди одеждъ вели свое происхожденіе изъ обиходной рѣчи Востока. Одно заимствованіе оказало впослѣдствіи важное вліяніе на вооруженіе войска— это восточный арбалетъ. Еще въ 1097 г. крестоносцы не знали его и бѣжали отъ турокъ, вооруженныхъ арбалетами, а въ 1139 г. второй Латеранскій соборъ грозилъ уже отлученіемъ тѣмъ, кто будетъ употреблять это магометанское оружіе противъ христіанъ; очевидно, что одно время арбалетъ по необходимости былъ дозволенъ, но только крестоносцамъ въ ихъ борьбѣ противъ невѣрныхъ. Глубже, нежели внѣшнія заимствованія, отразилось на личности колонистовъ то, что они пережили въ эпоху крестовыхъ походовъ, и весь тотъ складъ восточной жизни, природы и мысли, который окружалъ ихъ изо дня въ день на новой родинѣ. Грандіозныя событія подняли уровень исторической и географической литературы. Первыя историческія свѣдѣнія записали сами участники крестовыхъ походовъ—провансалецъ Раймундъ Агильскій, Фушэ Шартрскій или, наприм., какой-нибудь норманскій рыцарь изъ отряда Боэмунда Тарентскаго; такія записи живо передавали религіозное одушевленіе первыхъ крестоносцевъ или, по крайней мѣрѣ, точно изображали самыя событія перваго похода. Затѣмъ появились обширные историческіе труды, которые сплетали отдѣльные разсказы въ одно художественное произведеніе. Таковъ былъ трудъ архіепископа тирскаго Вильгельма. Вильгельмъ родился, вѣроятно, въ Іерусалимѣ около 1130 г. Продолжительными научными занятіями на Западѣ онъ подготовилъ себя къ духовной должности, но въ отличіе отъ другихъ хроникёровъ-клериковъ Вильгельмъ Тирскій въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ и даже арабскимъ языкомъ и, кромѣ отцевъ церкви, хорошо зналъ античныхъ латинскихъ поэтовъ, оратора Цицерона и историка Ливія. Чтеніе дало ему художественные образцы, а сама жизнь—болѣе широкіе взгляды на событія. Какъ лицо, близкое къ королю Амальриху, какъ воспитатель и (съ 1174 г.) канцлеръ его сына Балдуина IV, Вильгельмъ Тирскій бывалъ и при дворѣ Византійскаго императора Мануила, и въ Іерусалимѣ, и въ Римѣ. Его литературныя произведенія были такъ же разнообразны, какъ и его дѣятельность. Во время управленія папы Александра III ему поручено было изложить пренія и постановленія Латеранскаго собора 1179 г., въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, а ко-

роль Амальрихъ воодушевилъ его написать (не дошедшую до насъ) исторію магометанскихъ государей съ появленія пророка и доставилъ ему нужные арабскіе источники. Разсказывая исторію крестовыхъ походовъ (Historia Rerum in partibus transmarinis gestarum), Вильгельмъ Тирскій не обнаруживаетъ ни особой ненависти къ исламу, ни наивнаго увлеченія воинскими подвигами, какъ хроникёры, участвовавшіе въ первомъ крестовомъ походѣ. Въ возникновеніи крестовыхъ походовъ онъ видитъ непосредственное вмѣшательство Провидѣнія въ дѣла людей, но разъ движеніе началось, оно, по изложенію Вильгельма Тирскаго, повинуется уже естественнымъ законамъ причины и слѣдствія, а побѣды и пораженія часто объясняются человѣческой доблестью и слабостью. Архіепископъ любитъ Іерусалимское королевство, какъ свою родину, но въ сужденіяхъ о его исторіи не увлекается иллюзіями энтузіастовъ, а произноситъ эти сужденія по соображеніямъ политики и военнаго искусства. Пребываніе въ колоніяхъ давало еще болѣе географамъ: въ трудахъ арабскихъ и греческихъ ученыхъ они находили теорію, а изъ устъ магометанскихъ и христіанскихъ паломниковъ, купцовъ, миссіонеровъ черпали живые разсказы объ отдаленныхъ окраинахъ Азіи. Путешествія Рубрука и Марко Поло естественно вытекали изъ сношеній съ Востокомъ, установленныхъ французскими королями и италіанскими коммунами во время крестовыхъ походовъ. Подъ вліяніемъ арабскихъ переводовъ пробуждался здѣсь на Востокѣ интересъ къ греческимъ классикамъ, въ особенности къ Аристотелю и Птоломею.

Крестовые походы привели къ послѣдствіямъ, неожиданнымъ для ихъ руководителей: они подорвали тѣ основные взгляды западнаго человѣчества, которые вызвали въ концѣ XI в. самую борьбу съ Востокомъ. Вмѣсто вражды къ исламу въ предѣлахъ Іерусалимскаго королевства установились мирныя сношенія съ магометанами. Франки среди благословенной южной природы подпали обаянію утонченной и жизнерадостной арабской культуры, направленной къ изученію и наслажденіямъ земной жизни и видимаго міра. Географическій горизонтъ расширился за предѣлы Средиземнаго моря. Узость воззрѣній римской церкви, отождествлявшей себя съ церковью христіанской вообще, становилась очевидной, когда крестоносецъ видѣлъ греко-православные храмы въ Византіи или богослуженіе древне-христіанскихъ сектъ въ Сиріи. Античной языческой культурой вѣяло на него и отъ архитектурныхъ памятниковъ, и отъ устной рѣчи греческаго населенія, и изъ литературы ара-

бовъ, усвоившей себѣ въ переводахъ древне-классическую философію и науку. Даже смѣшеніе разнообразныхъ племенъ въ одномъ общемъ предпріятіи вмѣсто обезличенія человѣчества подъ міровой властью папъ повело къ сознанію своей національности, а живая человѣческая личность, освободившись отъ вліянія и надзора среды, научалась предъявлять къ жизни свои собственныя требованія. Въ Палестинѣ зарождался тотъ процессъ броженія, который къ XIII в. охватилъ всю культурную массу Западной Европы и породилъ первые проблески Возрожденія (Ранній Ренессансъ, Trecento). Въ этомъ историческая заслуга сирійскихъ колоній, основанныхъ крестоносцами-купцами и рыцарями: онѣ вырабатывали новую закваску для европейскихъ метрополій. Историческая жизнь даетъ, однако, въ итогѣ не только новыя идеи, но и новые типы людей для ихъ осуществленія: какъ разъ эти восточныя колоніи и левантская торговля питали въ теченіе столѣтій торговые и промышленные города Италіи, граждане которыхъ явились носителями идей Возрожденія.

II.

Учрежденія и право. Іерусалимскія ассизы.

Составъ Іерусалимскаго королевства.

Рыцарство перваго крестоваго похода, завоевавшее Палестину, передало вновь основаннымъ государствамъ феодальный строй своей родины. Іерусалимское королевство въ тѣсномъ смыслѣ слова было только одной изъ бароній, основанныхъ крестоносцами, и, даже какъ общее названіе для всѣхъ четырехъ государствъ, не столько господствовало надъ тремя другими (княжествомъ Антіохіей, графствами Триполисомъ и Эдессой), сколько лишь верховенствовало между ними, какъ первое государство между равными. Іерусалимское королевство, въ тѣсномъ смыслѣ слова, составляло только южную часть владѣній крестоносцевъ—приблизительно отъ Аскалона до Бейрута на сѣверѣ. Князь Антіохійскій, графы Триполиса и Эдессы по почету стояли ниже Іерусалимскаго короля, но въ своихъ владѣніяхъ они пользовались такою же властью, какой располагалъ король въ своемъ баронствѣ. Король былъ равнымъ имъ (пэромъ) и въ тоже время сюзереномъ по отношенію къ каждому изъ нихъ. Король дѣйствовалъ въ качествѣ сюзерена, когда выдавалъ замужъ наслѣдницъ большихъ леновъ за людей, способныхъ ихъ защищать. Съ другой стороны король являлся естествен-

нымъ покровителемъ и правителемъ большихъ бароній, когда онѣ временно лишались своего главы. Однако, въ общемъ Іерусалимскіе короли только въ очень слабой степени находили у представителей высшаго феодализма политическую поддержку и матеріальныя средства, необходимыя имъ для охраны и для развитія своей монархіи. Какъ баронія, Іерусалимское королевство распадалось внутри на составныя части уже чисто феодальнаго характера. Изъ городовъ, кромѣ Іерусалима, ему принадлежали Наблусъ, Акконъ и Тиръ, которые вмѣстѣ со многими мѣстечками и селами составляли часть собственно королевскаго удѣла (доменовъ). Вся остальная территорія королевства распадалась на 4 большихъ и нѣсколько мелкихъ бароній, или сеньёрій, которыя въ качествѣ наслѣдственныхъ леновъ были въ рукахъ знатныхъ семействъ и зависѣли отъ Іерусалимскаго короля, какъ верховнаго сеньёра. Таковы были крупныя бароніи: 1) княжество Галилея съ главнымъ городомъ Тиверіадой, 2) графства Яффа и Аскалонъ, 3) сеньёріи Сидонъ (Сеэтъ) и 4) Керакъ (Монрояль). Каждая изъ этихъ бароній дробилась далѣе на лены, напримѣръ, отъ графа Яффскаго зависѣлъ сиръ д'Ибелинъ, а отъ сеньёра Сидонскаго—Цезарея. Трудно сказать, какъ далеко могло идти такое раздробленіе; во всякомъ случаѣ самый малый изъ леновъ долженъ былъ давать достаточный доходъ для того, чтобы его феодальный собственникъ могъ нести военную повинность въ конницѣ. Позднѣе, на островѣ Кипрѣ, куда перешли обычаи Іерусалима, Гвидо Лузиньянъ давалъ каждому рыцарю, поселявшемуся на островѣ по его приглашенію, участокъ земли съ доходомъ въ 400 византіевъ. Крупные лены оцѣнивались по числу вооруженныхъ рыцарей, которыхъ должны были ихъ собственники ставить на службу сеньёру. Графъ Яффы и Аскалона долженъ былъ ставить 100 рыцарей, т.-е., значитъ, графство распадалось на 100 рыцарскихъ леновъ; изъ нихъ 26-ю ленами графъ владѣлъ непосредственно, какъ своимъ удѣломъ, и нанималъ 26 рыцарей, чтобы отбывать за нихъ военную службу, а 74 лена онъ раздавалъ на ленныхъ же условіяхъ: среди его вассаловъ сиръ д'Ибелинъ держалъ, наприм., феодъ въ 10 рыцарскихъ леновъ и ставилъ 10 всадниковъ. Всѣ 4 крупныя бароніи вмѣстѣ ставили Іерусалимскому королю 340 рыцарей. Но, кромѣ того, отъ него же зависѣли маленькія сеньёріи, какъ Акконъ, Тиръ, Бейрутъ, Монфоръ, и всѣ эти сеньёріи на средневѣковомъ феодальномъ языкѣ можно было бы назвать бароніями, такъ какъ въ Палестинѣ всѣ онѣ пользовались правомъ высшаго суда (haute justice)

и чеканки монеты. Тѣ города, которые лежали въ королевскомъ удѣлѣ, тоже были притянуты къ опредѣленнымъ, чисто феодальнымъ повинностямъ. Наприм., Іерусалимъ ставилъ 41 рыцаря, главнымъ же образомъ города ставили пѣхотинцевъ (сержантовъ). Со всей іерусалимской бароніи король набиралъ 5000 пѣхотинцевъ, тогда какъ число рыцарей не превышало 600.

Престолонаслѣдіе.

Власть Іерусалимскаго короля, первоначально избирательная, превратилась постепенно въ наслѣдственную. Въ памятникахъ изъ эпохи крестовыхъ походовъ высказываются иногда взгляды бароновъ, что власть короля всегда покоилась на первоначальномъ выборѣ и была ограниченной по существу. Напримѣръ, въ продолженіи хроники Вильгельма Тирскаго разсказаны переговоры сирійскихъ бароновъ (отъ 1231 года) съ посломъ императора Фридриха II Гогенштауфена, маршаломъ Рикардомъ Филанжери. Вождь бароновъ, Баліанъ Сидонскій, говоритъ здѣсь, что королевство Іерусалимское не было завоевано, какъ иныя государства, однимъ государемъ, который и могъ бы считать себя неограниченнымъ владыкой его судебъ; нѣтъ, войско паломниковъ, стекшееся со всѣхъ странъ христіанскаго міра, создало его подъ руководительствомъ самого Господа. Первый король-сеньёръ былъ избранъ, ассизы и законы были составлены какъ въ интересахъ короля, такъ и для охраны его ленниковъ; торжественной клятвой король скрѣпилъ обѣщаніе добросовѣстно соблюдать ассизы; такую же присягу давали и всѣ слѣдующіе короли, и императоръ Фридрихъ II тоже принесъ ее. Таковъ былъ взглядъ бароновъ. Годфридъ Бульонскій дѣйствительно видѣлъ въ выборѣ баронами источникъ своей власти, а послѣ его смерти норманская партія сдѣлала даже попытку доставить корону Боэмунду Тарентскому и смотрѣла на Балдуина Эдесскаго только какъ на наслѣдника іерусалимской бароніи, но отнюдь не какъ на наслѣдника власти своего брата во всей ея совокупности. И на дѣлѣ Балдуинъ I только черезъ признаніе баронами сталъ королемъ-сеньёромъ надъ баронами Антіохіи, Триполиса и Эдессы [1]). Когда умеръ Балдуинъ I (1118 г.), то нѣкоторые ленники требовали отсрочить выборы короля до прибытія его брата Эсташа де-Булонь, къ которому должна была бы перейти по наслѣдству по крайней мѣрѣ баронія. Но подъ вліяніемъ духовенства

---

[1]) Балдуинъ I называлъ своего брата герцогомъ Годфридомъ, а себя— первымъ іерусалимскимъ королемъ латинянъ. Отсюда титулъ—Rex Hierusalem Latinorum.

право бароновъ на выборъ короля одержало верхъ: церковь хотѣла, чтобы признакъ власти „Божьей милостью“ (Dei gratia) видѣли не въ наслѣдственности престола, а въ помазаніи короля на царствованіе патріархомъ іерусалимскимъ. Такъ былъ избранъ Балдуинъ II. Впослѣдствіи, когда окончательно утвердилась наслѣдственность королевскаго титула, этотъ переходъ власти къ Балдуину II изображался иногда захватомъ (узурпаціей). У Балдуина (ум. 1131 г.) осталась наслѣдница Мелисенда, мужъ которой Фульконъ Анжуйскій и вступилъ за нее въ права наслѣдства. Съ этихъ поръ выборъ превратился просто въ торжественный обрядъ, а къ королевской власти стали прилагаться тѣ обычаи наслѣдованія, которые были дѣйствительны для сеньёріи іерусалимской.

И на Востокѣ—у феодальнаго короля Іерусалима были обычныя должностныя лица: сенешалъ, коннетабль, маршалъ и т. д., былъ свой феодальный дворъ (la haute cour), а въ чрезвычайныхъ случаяхъ по почину короля и патріарха созывались особые „парламенты“ (совѣщанія), въ которыхъ принимали участіе бароны, епископы, аббаты, чужеземные короли-крестоносцы и т. п. Но что же это были за ассизы, которымъ присягали іерусалимскіе короли, какъ основнымъ законамъ государства? До насъ онѣ не дошли, и ихъ приходится возстановлять по тѣмъ частнымъ записямъ, или трактатамъ юристовъ-феодаловъ, которые возникли или по крайней мѣрѣ сохранились на островѣ Кипрѣ. Гвидо Лузиньянъ, послѣдній король іерусалимскій, съ согласія Ричарда Львиное сердце, перекупилъ этотъ островъ у тампліеровъ; сюда, какъ живой обычай, перенесены были и ассизы Іерусалимскаго королевства изъ Аккона, гдѣ засѣдали феодальныя палаты послѣ утраты Св. Града. Вслѣдствіе этого, напримѣръ, подъ именемъ „Ассизъ Верхней Палаты“ (Assises de la Haute Cour), т.-е. палаты ленниковъ, извѣстны главнымъ образомъ трактаты юристовъ-феодаловъ Кипрскаго королевства XIII в.—Филиппа Новарскаго и Жана д'Ибелина. Филиппъ Новарскій [1]) былъ упорнымъ противникомъ Фридриха II Гогенштауфена, а Жанъ д'Ибелинъ сопровождалъ Людовика IX въ крестовомъ походѣ противъ Египта. Подъ именемъ „Ассизъ Палаты буржуа“ (Assises de la Cour des bourgeois), т.-е. палаты горожанъ, сохранился на Кипрѣ трактатъ неизвѣстнаго юриста, возникшій, вѣроятно, еще до утраты Іерусалима на почвѣ самой Палестины. Точно также до основанія Кипрскаго королевства и въ предѣлахъ

---

[1]) Уроженецъ г. Новары въ Ломбардіи.

самого королевства Іерусалимскаго возникла, вѣроятно, небольшая книга, посвященная ленному праву и извѣстная подъ заглавіемъ „le Livre au Roi“; въ этой „книгѣ короля“ изложеніе сжато, и языкъ ближе къ своду законовъ, чѣмъ къ юридическому трактату. Таковы главныя записи Іерусалимскихъ ассизъ. Въ концѣ крестовыхъ походовъ въ маѣ 1291 г. палъ Акконъ (S. Jean d'Acre), последнее владѣніе христіанъ въ Сиріи; съ тѣхъ поръ преданія Іерусалимскаго королевства держались еще только на островѣ Кипрѣ, гдѣ болѣе 300 лѣтъ правила династія Гвидо Лузиньяна. Эта традиція и дошла до насъ въ трудахъ кипрскихъ юристовъ, найденныхъ въ Венеціи [1]). Что же разумѣли *они* подъ Іерусалимскими ассизами? Жанъ д'Ибелинъ разсказываетъ по этому поводу слѣдующее преданіе.

Преданіе о „Письмахъ Гроба Господня“.

Князья и бароны, завоевавшіе Іерусалимское королевство, избрали было королемъ и сеньёромъ герцога Годфрида Бульонскаго, который, впрочемъ, не захотѣлъ носить золотого вѣнца тамъ, гдѣ Іисусъ Христосъ носилъ терновый, и попрежнему называлъ себя только герцогомъ. Желая, чтобы королевство имѣло хорошій строй, а его населеніе управлялось и судилось согласно справедливости и разуму, Годфридъ, по совѣту патріарха, князей, бароновъ и наиболѣе мудрыхъ лицъ, какія только нашлись, избралъ свѣдущихъ людей, дабы они путемъ разспросовъ узнали отъ уроженцевъ различныхъ земель, собравшихся въ Іерусалимъ, обычаи ихъ родины. Свѣдущіе люди собрали эти свѣдѣнія и записи представили герцогу Бульонскому. Тогда Годфридъ опять собралъ патріарха, князей, бароновъ и наиболѣе мудрыхъ лицъ, какія только нашлись, велѣлъ прочесть имъ все записанное и, по ихъ совѣту и съ ихъ одобренія, выбралъ изъ записанныхъ обычаевъ тѣ, которые казались ему хорошими, и сдѣлалъ ихъ ассизами и обычаями, которыхъ должно держаться, соблюдать ихъ и пользоваться ими въ Іерусалимскомъ королевствѣ. Затѣмъ Годфридъ установилъ будто бы двѣ свѣтскія палаты для суда — „Верхнюю Палату“ (la Haute Court) изъ вассальныхъ рыцарей и „Палату горожанъ“ (la Court de la Borgesie) изъ лучшихъ горожанъ. Во главѣ Верхней Палаты, гдѣ разбирались дѣла вассаловъ, сталъ въ качествѣ правителя и судьи самъ Годфридъ; во главѣ „Палаты горожанъ“, гдѣ разбирались дѣла остального населенія, онъ поставилъ своимъ замѣстителемъ зависимаго человѣка (виконта). Все это было установлено

---

[1]) Въ концѣ XV в. Кипръ принадлежалъ Венеціи.

съ общаго согласія сеньёра, его вассаловъ и горожанъ. Для каждой изъ Палатъ были установлены свои особыя ассизы и обычаи (отсюда понятіе Ассизъ Верхней Палаты и Ассизъ Палаты буржуа). Будто бы впослѣдствіи Годфридъ и его преемники исправляли ассизы, съ совѣта патріарха, бароновъ, высшихъ ленниковъ и самыхъ мудрыхъ людей государства, рыцарей, клериковъ и мірянъ. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно при высадкѣ новаго отряда крестоносцевъ (новомъ passage), король собиралъ въ городѣ Акконѣ (С. Жанъ д'Акръ) патріарха и другихъ совѣтниковъ и поручалъ разузнавать отъ свѣдущихъ людей, приходившихъ изъ различныхъ частей свѣта, обычаи этихъ странъ и записывать ихъ. Нѣкоторые короли посылали даже пословъ въ иныя государства, чтобы изучать тамошніе обычаи. Будто бы всѣ установленные въ Іерусалимскомъ королевствѣ ассизы, порядки и обычаи (assises, usages et coutumes) были записаны прописными буквами; при этомъ первая буква каждой ассизы была украшена золотомъ, а всѣ заглавія расписаны алой краской. Такъ были написаны Ассизы Верхней Палаты и Ассизы Палаты буржуа; на каждой изъ хартій находилась печать и подпись короля, патріарха и виконта іерусалимскаго; ихъ называли „Письмами Гроба Господня" (Lettres du S. Sépulcre), потому что онѣ хранились у Гроба въ обширномъ ковчегѣ. Когда для справки приходилось открывать этотъ ковчегъ, то при этомъ должны были присутствовать девять лицъ: самъ король или его замѣститель (кто-либо изъ высшихъ ленниковъ), двое изъ ближнихъ ленниковъ (hommes liges), патріархъ или его замѣститель (пріоръ Гроба Господня), два каноника, виконтъ Іерусалима и двое присяжныхъ изъ Палаты буржуа.

Ассизы какъ позднѣйшія записи обычаевъ.

Таковое преданіе, которое передаетъ Жанъ д'Ибелинъ въ первыхъ статьяхъ своей книги. По этому первому опредѣленію кипрскаго юриста, ассизы — это западно-европейскіе кутюмы, записанные на выборъ при Годфридѣ Бульонскомъ и исправлявшіеся при его преемникахъ. Тотъ же Жанъ д'Ибелинъ приводитъ въ другомъ мѣстѣ коронаціонную присягу іерусалимскаго короля. Какъ понимаетъ ассизы эта королевская присяга? Король обращается съ присягой къ патріарху. Онъ обѣщается блюсти владѣнія и вольности Св. церкви Іерусалимской, и ассизы королевства, короля Амальриха и короля Балдуина, его сына, и старые обычаи, и ассизы королевства Іерусалимскаго. Итакъ, здѣсь ассизы связаны уже съ именами королей Амальриха и Балдуина IV. Дѣйствительно, въ памятникахъ феодальнаго права Іерусалима упоминается рядъ

ассизъ, связанныхъ съ именами опредѣленныхъ королей: напр., ассиза Балдуина II въ le Livre au Roi перечисляетъ проступки противъ ленной присяги (fei mentie), за которые сеньёръ могъ отобрать ленъ у вассала; или самъ Жанъ д'Ибелинъ излагаетъ ассизу короля Амальриха, по которой ленники ленниковъ (arrière—vassaux, вавассеры) должны были принести присягу ближней зависимости (ligèce) главному сеньёру королевства. Но имя Годфрида никогда не встрѣчается въ такомъ сочетаніи. Еще болѣе противорѣчитъ себѣ Жанъ д'Ибелинъ въ концѣ книги, гдѣ онъ какъ бы даетъ отвѣтъ на вопросъ, чѣмъ же была „ассиза" его времени въ эпоху кипрскихъ юристовъ? „Въ правленіе семи королей Іерусалимскихъ,—говоритъ онъ здѣсь,—которые всѣ вмѣстѣ процарствовали 86 лѣтъ (очевидно, Годфрида онъ не считаетъ), были составлены и установлены ассизы, и до утраты Святой Земли ими пользовались такъ, какъ теперь (на Кипрѣ) этого уже нельзя сдѣлать: потому что мы знаемъ ихъ довольно - таки слабо и все, что̀ мы изъ нихъ знаемъ, знаемъ по слухамъ или изъ обычая. И мы принимаемъ за ассизу обычай, который на нашихъ глазахъ дѣйствовалъ, какъ ассиза, говоря, что, по слухамъ, ассиза именно такова". Въ другомъ мѣстѣ это новое опредѣленіе ассизы выражено еще яснѣе: „Во всѣхъ дѣлахъ слѣдуетъ твердо держаться ассизъ, а въ случаяхъ, гдѣ не ясно, какова ассиза, должно держаться обычая и давней практики. Поэтому, каждое соображеніе, свидѣтельство или рѣшеніе (esgart ou conoissance ou recort), которое Палата ленниковъ произнесетъ, какъ ассизу, должно и соблюдаться, какъ ассиза, потому что во многихъ случаяхъ ассиза можетъ быть выяснена только ссылкой на давнюю практику или на обычай палаты. Ассиза — это извѣстная форма закона и должна соблюдаться и дѣйствительно соблюдается въ Іерусалимскомъ королевствѣ и въ королевствѣ Кипрскомъ лучше, чѣмъ законы, декреты и декреталіи".

Если въ частностяхъ и надо признать у Жана д'Ибелина противорѣчія съ самимъ собой и другими источниками по исторіи Іерусалимскаго королевства, то все-таки общее представленіе объ ассизѣ и различныхъ фазахъ ея существованія — выдержано въ его трактатѣ. Вотъ итогъ этого изложенія: Начиная съ Годфрида Бульонскаго и при 7 іерусалимскихъ короляхъ, кромѣ очередныхъ засѣданій Палаты ленниковъ и буржуа, собираются чрезвычайные сеймы (парламентъ) изъ прелатовъ, вассаловъ, горожанъ и вырабатываютъ ассизы [1]), которыя и записываются и хранятся у Гроба

[1]) Впрочемъ, ассиза Амальриха постановлена только Верхней Палатой.

Господня. Но Палаты ленниковъ и буржуа руководятся этими ассизами чаще всего по памяти, истолковываютъ ихъ по усмотрѣнію, дополняютъ по общему духу и изъ обычая. Такъ продолжаетъ вырабатываться, несмотря на существованіе основныхъ писанныхъ законовъ (Lettres du S. Sépulcre), обычное право Іерусалима (us et coustumes, jus consuetudinarium), которое при новыхъ сеймахъ можетъ переходить въ ассизы. Взятіе Іерусалима Саладиномъ въ 1187 г. уничтожаетъ писанное право, и ассизы съ этихъ поръ живутъ наравнѣ съ обычаями только въ традиціяхъ феодальныхъ и городскихъ палатъ (въ Акконѣ и Никозіи на Кипрѣ), въ памяти выдающихся юристовъ изъ среды ленниковъ и буржуа, въ частныхъ записяхъ этихъ грамотныхъ людей.

По отношенію къ Годфриду Бульонскому преданіе, приводимое Жаномъ д'Ибелиномъ, не выдерживаетъ критики: его приходится урѣзывать. Кипрскій юристъ ведетъ отъ Годфрида чуть ли не всѣ основные законы и учрежденія Іерусалимскаго королевства, подобно тому, какъ весь строй Кипрскаго государства преданіе приписывало дѣятельности Гвидо Лузиньяна. Жанъ д'Ибелинъ предполагаетъ съ самаго начала стройную феодальную организацію ленниковъ и коммунальный строй городовъ. Этому представленію объ Іерусалимѣ противорѣчитъ разсказъ Вильгельма Тирскаго; по его словамъ, еще къ концу царствованія Балдуина I городъ былъ такъ скудно населенъ, что жителей едва хватало на защиту воротъ, башенъ и стѣнъ. Сарацины или погибли при паденіи Іерусалима, или были изгнаны, а франковъ было такъ мало и такъ они были бѣдны, что едва могли заселить одинъ кварталъ столицы. Нельзя преувеличивать и числа сирійцевъ, которыхъ турки угнетали по городамъ и избивали при первомъ приближеніи христіанскаго войска. Въ такомъ же положеніи были и другіе города, а многіе вовсе еще не были завоеваны. Правда, у того же Вильгельма Тирскаго въ грамотѣ отъ 1100 г. рыцари (milites) уже противополагаются горожанамъ (burgenses), и упоминается даже виконтъ, вѣроятно, Палаты буржуа, но все это только зачатки городской общины. Итакъ, представленіе Ибелина о городскихъ учрежденіяхъ Годфрида нужно сильно уменьшить: ассизы горожанъ, какъ они дошли, и тѣ 37 палатъ буржуа по городамъ Іерусалимскаго королевства, о которыхъ говоритъ преданіе, могли возникнуть только гораздо позже. То же самое нужно сказать и о Верхней Палатѣ короля (la Haute Cour) и соотвѣтствующихъ ей 22 палатахъ въ бароніяхъ другихъ сеньёровъ. Какіе-нибудь

законы, обязательные для руководства, должны были существовать уже при Годфридѣ, но вѣдь для этого годились отечественные кутюмы. Іерусалимское писанное право, если оно вообще было налицо, могло существовать только въ зародышѣ скромнаго размѣра. Уголовное право, какъ оно изложено у Ибелина и др., во всякомъ случаѣ не могло входить въ ассизы Годфрида. Чѣмъ иначе объяснить, что при Балдуинѣ II сеймъ въ Наблусѣ (Неаполисъ въ Самаріи), созванный въ 1120 г. королемъ и патріархомъ изъ бароновъ, епископовъ, аббатовъ и народа, нашелъ нужнымъ издать въ 25 главахъ постановленія противъ безнравственности, воровства и разбоя? Вильгельмъ Тирскій знавалъ ихъ въ архивахъ церквей. Le Livre au Roi приводитъ еще другую ассизу (establissement) первостепенной важности для феодальнаго общества, но установленную только лишь при Балдуинѣ II: въ ней приведено 12 случаевъ нарушенія ленной присяги (ligèce), т.-е. проступки, за которые конфискуется ленъ.

Дѣйствительныя „Письма Гроба Господня".

Но подвергая сомнѣнію кодификацію ассизъ при Годфридѣ Бульонскомъ, трудно отвергать существованіе самыхъ Lettres du S. Sépulcre [1]) (Писемъ Гроба Господня). О нихъ говоритъ и другой кипрскій юристъ, предшественникъ Жана д'Ибелина, Филиппъ Новарскій, ни словомъ не упоминающій, впрочемъ, о законодательной дѣятельности Годфрида. Этотъ писатель приводитъ даже, откуда самъ онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о существованіи „Писемъ Гроба Господня",—отъ людей, которые видали „Письма" до 1187 г., т.-е. до паденія Іерусалима; но когда Саладинъ взялъ городъ, „Письма" погибли, „и никогда потомъ не было ни письменныхъ ассизъ, ни обычаевъ, ни кутюмовъ". Отъ поколѣнія юристовъ, помнившаго битву при Гиттинѣ, Филиппъ Новарскій въ молодости получилъ вообще всѣ свои свѣдѣнія о Іерусалимскомъ правѣ. Въ 1218 г.

---

[1]) Названіе Lettres могло возникнуть, когда у Св. Гроба хранились еще отдѣльныя ассизы до свода ихъ воедино. Большинство ученыхъ (ф. Зибель, Куглеръ, Пруцъ) отвергаетъ кодификацію ассизъ при Годфридѣ. Нѣкоторые изслѣдователи отвергаютъ вообще существованіе Писемъ Гроба Господня и думаютъ (Додю), что обычное право феодаловъ никогда не было записано въ самой Палестинѣ. Другіе изслѣдователи (Поленъ Пари, Пруцъ) полагаютъ, что подъ именемъ Lettres du S. Sépulcre разумѣлись не собранныя воедино ассизы (законы), а просто Книга ленныхъ владѣній Іерусалимской бароніи, т.-е. списки леновъ, имена вассаловъ, условія ихъ службы и т. п. Напротивъ, редакцію Ассизъ Палаты Горожанъ, сдѣланную какимъ-нибудь частнымъ юристомъ изъ числа судей Палаты, изслѣдователи довольно единогласно относятъ еще ко времени существованія Іерусалимскаго королевства.

онъ участвовалъ въ первой осадѣ Даміэтты Жаномъ де Бріэнъ, какъ оруженосецъ сира Пьера Шапъ, и въ свободное время читалъ ему въ слухъ романы. Здѣсь его услыхалъ однажды Рауль Тиверіадскій, сенешалъ королевства Іерусалимскаго, и похвалилъ, какъ онъ читаетъ. Когда затѣмъ Рауль заболѣлъ, Пьеръ Шапъ посылалъ къ нему Филиппа для чтенія вслухъ. Это продолжалось болѣе трехъ мѣсяцевъ. Раулю обыкновенно не спалось, и онъ послѣ чтенія вслухъ начиналъ разсказывать Филиппу о дѣлахъ Іерусалимскаго королевства, о его обычаяхъ и ассизахъ и наказывалъ запоминать все это. Позднѣе кипрскій юристъ встрѣчался въ Бейрутѣ, Акрѣ и на Кипрѣ со старымъ сиромъ Ибелиномъ Бейрутскимъ, котораго приходилось уже разспрашивать, съ Баліаномъ Сидонскимъ, Николаемъ Антіомомъ изъ среды горожанъ и др., но Рауль Тиверіадскій былъ главный авторитетъ въ области права. Напр., про брата Гвидо Лузиньяна, Амальриха, впослѣдствіи короля кипрскаго (1197—1205), участвовавшаго въ битвѣ при Гиттинѣ въ званіи іерусалимскаго коннетабля, говорили, что онъ зналъ ассизы на память лучше всѣхъ другихъ людей, за исключеніемъ только Рауля. Король Амальрихъ не хотѣлъ оставаться въ зависимости отъ толкованій феодальнаго двора и думалъ было предпринять новую кодификацію ассизъ, утраченныхъ при паденіи Іерусалима; для этого онъ просилъ помощи у Рауля Тиверіадскаго. По словамъ Филиппа Новарскаго, король предложилъ Раулю пригласить къ участію въ кодификаціи еще 10 вавассеровъ и увѣрялъ, что при ихъ поддержкѣ припомнитъ всѣ ассизы. Рауль уклонился подъ предлогомъ, что не хочетъ работать сообща съ какимъ-нибудь Раймундомъ Антіомомъ и тому подобными правовѣдами низкаго происхожденія, въ дѣйствительности, онъ, вѣроятно, желалъ сохранить за Палатой ленниковъ привилегію возстановлять ассизы по памяти. Ученикъ Рауля — Филиппъ Новарскій—написалъ свою книгу о іерусалимскихъ ассизахъ по просьбѣ друга - сеньёра, но сдѣлалъ это неохотно и всегда раскаивался. Итакъ, существованіе Lettres du S. Sépulcre засвидѣтельствовано надежной традиціей, и Жанъ д'Ибелинъ ясно отличаетъ ихъ отъ описей феодовъ и повинностей ленниковъ (писцовыя книги), которыя хранились не у Гроба Господня, а въ приказѣ королевской казны (Secret du Roi, а это — Trésor съ бальи во главѣ). Кому изъ іерусалимскихъ королей принадлежала первая кодификація ассизъ и обычаевъ, сказать трудно. Такъ какъ Балдуинъ II (ум. 1131 года) еще издаетъ отдѣльныя постановленія о воровствѣ, разбоѣ, кон-

фискаціи леновъ, а съ именами Амальриха и Балдуина IV опять связаны особыя ассизы, которыя въ коронаціонной присягѣ противополагаются „старымъ“, то сводъ воедино „старыхъ ассизъ“ правдоподобно отнести къ царствованію Фулькона Анжуйскаго и Балдуина III (1131—1162). Историкамъ же приходится возстановлять феодальные порядки Іерусалимскаго королевства по кипрской традиціи.

Общій характеръ Ассизъ.

Первая половина книги Ибелина посвящена уголовному и гражданскому процессу, вторая—представляетъ собой цѣльный трактатъ леннаго права. Эта часть заслуживаетъ наибольшаго вниманія историка какъ по особенностямъ феодальныхъ отношеній на Востокѣ, такъ и по своеобразности ихъ обработки въ систему права. Нигдѣ въ Европѣ феодальный принципъ не достигалъ такого крайняго развитія, какъ въ областяхъ, завоеванныхъ крестоносцами. Здѣсь, кромѣ привычки къ феодальнымъ учрежденіямъ, вынесенной съ Запада, были налицо всѣ тѣ внѣшнія условія, которыя обыкновенно обостряли эту систему: фактъ завоеванія и раздѣла, подборъ ополченій изъ наиболѣе предпріимчивыхъ, подвижныхъ элементовъ Европы; постоянная борьба съ сарацинами; слабость королевской власти, не освященной традиціей; довольно независимое положеніе свѣтскихъ бароновъ вдали отъ честолюбивой Римской церкви. Съ другой стороны, феодальныя учрежденія все-таки не были здѣсь естественнымъ произведеніемъ туземной почвы, а занесены сюда съ Запада. Когда движеніе крестовыхъ походовъ стало улегаться и пестрая толпа крестоносцевъ начала складываться въ организованное общество, тогда, именно вслѣдствіе разнообразія обычаевъ (кутюмовъ) въ средѣ ополченій и необходимости считаться съ особыми мѣстными условіями Палестины, рыцарство должно было сознательно и съ разборомъ (критически) отнестись къ отношеніямъ, ускользавшимъ на Западѣ отъ вниманія вслѣдствіе давней привычки къ нимъ. Въ связи съ вдумчивымъ отношеніемъ къ своимъ привычкамъ должно было явиться желаніе закрѣпить ихъ (кодифицировать). На Западѣ обработка и сводъ ленныхъ кутюмовъ производились чаще всего юристами, которые стояли уже на точкѣ зрѣнія королевской власти, вступившей въ борьбу съ феодалами. Въ этой теоретической борьбѣ съ феодальнымъ принципомъ легисты (законники) опирались на римское право, которое сообщало особую окраску ихъ мышленію о людскихъ отношеніяхъ и отучало понимать средневѣковую дѣйствительность такъ, какъ она сама себя понимала. Напротивъ, на Востокѣ (въ

особенности на Кипрѣ) феодальный дворъ ленниковъ взялъ верхъ надъ королемъ, и юристы-вассалы изучали us и coutumes и assises въ тѣхъ видахъ, чтобы не дать возможности королевской власти разрастаться путемъ мелкихъ правонарушеній. Самые пріемы мышленія о феодальныхъ отношеніяхъ и учрежденіяхъ вырабатывались здѣсь не на враждебномъ римскомъ правѣ, а повторяли собой ходъ феодальной мысли, какъ она раскрывалась во время судебныхъ преній передъ Палатой ленниковъ. Все, что могъ дать организованнаго феодализмъ, предоставленный самому себѣ, онъ далъ это на Востокѣ. Какъ будто ради всесторонняго изученія этого начала историку въ видѣ исключенія дана была возможность произвести опытъ и искусственно создать среду, особенно благопріятную для кристаллизаціи феодальнаго общества.

Сердцемъ феодальнаго общества въ Сиріи былъ не столько король, сколько его Палата, т.-е. совокупность ленниковъ. Палата хранила ассизы и обычаи въ своей памяти, толковала ихъ, а позднѣе стала даже источникомъ закона, потому что послѣ гибели „Писемъ Гроба Господня“ обычаи, признаваемые Палатой за ассизы, были приравнены пропавшимъ „Письмамъ“. Гарантіей Палаты держались всѣ пожалованія въ странѣ: раздачи леновъ, производившіяся сеньёромъ безъ поручительства вассаловъ (hommes liges), имѣли силу только, пока самъ онъ былъ живъ; напротивъ, лены, розданные за порукой Палаты, обязательно утверждались и его наслѣдникомъ. Трактатъ объ ассизахъ горожанъ объявляетъ незаконнымъ поборъ въ $7^1/_2$ су за уклоненіе отъ очистки улицъ только потому, что король Балдуинъ I установилъ его безъ совѣта своихъ вассаловъ и своихъ горожанъ. Нечего говорить о томъ, что вся юрисдикція исходила отъ Палаты; ея свидѣтельство (recort) о фактѣ даренія и владѣнія замѣняло собой письменную привилегію. Какія же средства были въ рукахъ отдѣльнаго вассала, чтобы принудить сеньёра подчиниться приговору Палаты и какая гарантія у отдѣльнаго ленника противъ произвола этого всемогущаго собранія?

Принудительныя средства противъ сеньёра.

Если сеньёръ не исполняетъ рѣшенія или постановленія Палаты, то есть три средства понудить его къ тому (destraindre le seignor): 1) заклиная его честью и клятвой, которую онъ далъ — блюсти ассизы; 2) созывая и заклиная своихъ пэровъ (т.-е. другихъ ленниковъ того же сеньёра)—понудить сеньёра къ соблюденію постановленій Палаты (par semondre et conjurer ces pers); 3) отказываясь отъ службы, къ которой обязывалъ ленъ (par lui gager de son service). Прежде однако чѣмъ прибѣгнуть къ одному изъ этихъ

способовъ, надо сперва нѣсколько разъ повторить свое требованіе въ присутствіи двора (requerre). Къ этимъ способамъ понужденія ленникъ можетъ прибѣгать, если сеньёръ не платитъ ему ренты, составляющей ленъ, или удерживаетъ часть земельнаго лена и т. п. Порядокъ принужденія былъ таковъ: ленникъ трижды требуетъ удовлетворенія передъ Палатой; затѣмъ беретъ себѣ совѣтника изъ ея среды и дважды назначаетъ сеньёру срокъ. Когда эти сроки пройдутъ, ленникъ приходитъ къ нему и говоритъ: „я отказываюсь отъ службы, которую я долженъ вамъ за этотъ ленъ". Когда ленникъ откажется отъ службы (gager le service), онъ ждетъ годъ и день, не удовлетворитъ ли сеньёръ его требованія, и не является ни на какіе призывы сеньёра. Затѣмъ если сеньёръ все-таки не платитъ, тогда ленникъ можетъ выбрать одинъ изъ трехъ обычныхъ путей—усовѣщивать сеньёра, обратиться къ помощи ленниковъ или уже окончательно отказаться отъ службы, поступить куда-либо наемникомъ, взять ленъ у другого сеньёра и т. п. Заклинаніе пэровъ (esconjurement) состоитъ въ томъ, что обиженный созываетъ ихъ и разсказываетъ все дѣло; всѣ пэры тогда въ свою очередь должны временно отказаться отъ феодальной службы (gager le seignor), пока сеньёръ не заплатитъ должнаго обиженному.

Какая же, съ другой стороны, была гарантія у отдѣльнаго ленника противъ произвола всей Палаты? Онъ могъ только объявить всю Палату „безчестной" (fausser la cour,) но это средство было почти неисполнимо. Если ленникъ хочетъ обезчестить Палату и скажетъ, что ея судъ или соображенія, или свѣдѣнія, или рѣшеніе несправедливы или незаконны, тогда, чтобы доказать свое заявленіе, онъ долженъ выйти на поединокъ со всей Палатой и побѣждать по очереди, одного за другимъ, всѣхъ ея членовъ, даже тѣхъ, кто не участвовалъ въ разборѣ дѣла.

Ассизы короля Амальриха.

Зависимость короля отъ своего феодальнаго двора, который всегда могъ прибѣгнуть къ стачкѣ (gager le service), чтобы настоять на своемъ, должна была вредно отзываться на оборонѣ Іерусалимскаго королевства. Поэтому заслуживаетъ вниманія попытка короля Амальриха—оставаясь на почвѣ феодальныхъ отношеній, укрѣпить свою власть и создать себѣ особую военно-политическую силу изъ вавассеровъ, которую всегда можно было бы противопоставить Палатѣ изъ ленниковъ первой руки. Ассиза короля Амальриха 1162 года составляетъ коренную особенность феодальнаго строя въ Палестинѣ. Поводомъ къ изданію этой ассизы

послужила война между Амальрихомъ и Жираромъ, сеньёромъ Сета (Сидона) и Бофора. Война возгорѣлась вслѣдствіе того, что Жираръ лишилъ одного изъ своихъ вассаловъ лена безъ вѣдома и рѣшенія двора. По миру, заключенному между королемъ и сеньёромъ Сета, Жираръ вернулъ своему вассалу ленъ и вознаградилъ его за всѣ убытки. При этомъ случаѣ феодальный дворъ, состоявшій изъ короля, Жирара, всѣхъ бароновъ, высшихъ вассаловъ и вообще всѣхъ тѣхъ ленниковъ, отъ которыхъ въ свою очередь зависѣли вассалы второй руки (вавассеры), составилъ и установилъ новую ассизу. Ассиза гласила, чтобы всѣ вавассеры королевства принесли присягу ближней зависимости (ligèce) главному сеньёру (королю) за лены, которые они держали отъ его вассаловъ, и что если король хочетъ имѣть присягу въ вѣрности отъ людей, живущихъ по городамъ, замкамъ, бургамъ, то пусть всѣ они дадутъ ему присягу и несутъ въ силу нея тѣ же обязанности, которыми связаны вавассеры въ силу присяги о ближней зависимости. Что же такое эта ligèce? Описывая обрядъ, посредствомъ котораго устанавливалась вассальная зависимость (колѣнопреклоненіе, вложеніе рукъ въ руки сеньёра, поцѣлуй въ губы), Жанъ д'Ибелинъ различаетъ два типа вассальной зависимости на Востокѣ: болѣе обыкновенная (между вавассерами и вассалами первой руки) устанавливается посредствомъ hommage, болѣе тѣсная зависимость (hommage lige, ligèce) допускалась въ Іерусалимскомъ королевствѣ только по отношенію къ главному сеньёру. Дѣло въ томъ, что hommage можно было приносить нѣсколькимъ сеньёрамъ, отъ которыхъ вассалъ держалъ лены; надо было только при каждой новой присягѣ оговаривать свой первый hommage или ligèce, (sauver son premier seignor), т.-е. своему второму сеньёру вассалъ давалъ обѣщаніе помогать противъ всѣхъ, кромѣ своего перваго сеньёра. Но присягу ближней зависимости (ligèce) можно было на Востокѣ произносить только одинъ разъ, и поэтому вассалы и вавассеры (по ассизѣ Амальриха) давали ее главному сеньёру (королю): противъ него они никогда не должны были помогать вооруженной рукой. Ассиза Амальриха дала возможность королю опираться на вавассеровъ и даже на горожанъ противъ непокорныхъ ленниковъ первой руки. Если, напр., главный сеньёръ призываетъ своего непосредственнаго вассала къ участію въ Верхней Палатѣ, а тотъ не идетъ, тогда король можетъ (опираясь на hommage lige) обратиться за содѣйствіемъ къ вавассерамъ непокорнаго вассала. Эти hommes liges (вавассеры) должны явиться

къ своему непосредственному сеньёру и требовать, чтобы тотъ въ теченіе сорока дней непремѣнно явился къ королю. Когда сорокъ дней прошли, тогда всѣ вавассеры должны покинуть своего непосредственнаго сеньёра и идти къ сеньёру верховному; при этомъ они, конечно, теряютъ свои лены и терпятъ убытки, за которые ихъ долженъ вознаградить король. Но такъ какъ всѣ феодальныя повинности обоюдны, то въ силу той же ассизы главный сеньёръ долженъ оказывать поддержку вавассерамъ противъ ихъ непосредственныхъ сеньёровъ. Если кто-либо изъ непосредственныхъ ленниковъ короля наложитъ руку на личность или ленъ вавассера безъ постановленія своего двора (палаты) или откажетъ ему въ судѣ или исполненіи приговора, тогда верховный сеньёръ долженъ освободить неправильно заключеннаго или помочь ему вернуть ленъ. Вслѣдствіе ассизы Амальриха ленники второй руки, давшіе главному сеньёру королевства присягу ближней зависимости, могли сидѣть въ Верхней Палатѣ короля наравнѣ съ непосредственными вассалами его; ассиза эта объединяла между собой всѣхъ вавассеровъ, дѣлала ихъ „пэрами“ другъ для друга и связывала обязанностью взаимной поддержки противъ непосредственныхъ сеньёровъ.

Къ особенностямъ феодализма въ Палестинѣ надо отнести и крайнее развитіе денежныхъ леновъ. Крестоносцы-рыцари не входили въ подробности сельскаго хозяйства, а довольствовались только рентой отъ сирійцевъ и арабовъ, оставшихся на земляхъ въ качествѣ крѣпостныхъ. Поэтому рыцари и своимъ вассаламъ отводили часто въ ленъ не опредѣленный участокъ земли, а извѣстную часть ренты. Между ленниками и ленами съ крѣпостнымъ населеніемъ не устанавливалось никакихъ прочныхъ отношеній, и о патріархальномъ духѣ феодальной жизни здѣсь не могло быть и рѣчи. Съ другой стороны, точное опредѣленіе суммы, составлявшей денежный ленъ, давало вассалу право требовать недоборъ съ сеньёра и грозить въ противномъ случаѣ отказомъ отъ службы.

Вообще феодальный строй, подававшій часто поводы къ внутреннимъ раздорамъ, ослаблялъ Іерусалимское королевство и въ значительной степени содѣйствовалъ его паденію. Но вѣдь первые крестоносцы, создавшіе его, были убѣждены, что само Провидѣніе непосредственно ведетъ ихъ къ побѣдамъ и торжеству, и не придавали цѣны соображеніямъ мірской политики и тактики. И новый приливъ рыцарей съ Запада, и вниманіе палестинскихъ бароновъ всегда устремлялись къ Іерусалиму — по соображеніямъ религіи:

тамъ была главная святыня — гробъ Господень. Ленники не были даже обязаны служить сеньёру за предѣлами государства, хотя внутри границъ ихъ можно было задержать на дѣйствительной службѣ до году. А между тѣмъ, если бы какой-нибудь государственный человѣкъ или стратегъ отрѣшился отъ привязанности къ Іерусалиму, какъ религіозному центру, ему стало бы ясно, что Гробъ Господень надо было завоевывать на Эвфратѣ и въ Мосулѣ, гдѣ было средоточіе могущества сельджуковъ, а не на берегахъ Іордана. На Югѣ, въ Египтѣ, калифатъ Фатимидовъ былъ въ упадкѣ, и самыя опасныя границы христіанскихъ государствъ находились на Сѣверѣ и на Востокѣ. Вполнѣ разумно было стремленіе завоевать Сирійское побережье, дабы обезпечить сношенія съ Западомъ, но для укрѣпленія границъ слѣдовало еще овладѣть эмиратами Дамаскомъ и Алеппо, захватить Гарранъ и Ракку и всѣ переправы черезъ Эвфратъ. Но эпоха крестовыхъ походовъ умѣла цѣнить только Іерусалимъ.

III.

Духовно-рыцарскіе ордена. Процессъ тампльеровъ.

Идея крестовыхъ походовъ всего цѣльнѣе воплотилась и долѣе всего держалась въ духовно-рыцарскихъ орденахъ. Жертвуя собой и своими деньгами ради борьбы съ невѣрными, эти ордена заняли исключительное положеніе и на Востокѣ и на Западѣ, сосредоточивши въ своихъ рукахъ крупныя поземельныя пожертвованія щедрыхъ благотворителей; въ силу этого они на ряду съ итальянскими купцами стали посредниками между двумя культурами—Европы и Азіи. Но міровая извѣстность и политическое могущество отвлекали ихъ отъ первоначальныхъ скромныхъ цѣлей. Вѣрнѣе другихъ оставался преданію орденъ іоаннитовъ. Выросши изъ общины, посвятившей себя уходу за бѣдными и больными, въ рыцарскій союзъ для борьбы съ невѣрными, онъ всегда продолжалъ развивать свою полезную дѣятельность въ обоихъ направленіяхъ и въ Палестинѣ, и на Родосѣ, и даже на Мальтѣ, постепенно суживаясь и замирая. По противоположному пути пошелъ орденъ тампльеровъ: опираясь на поземельную собственность и на исключительныя привилегіи, дарованныя церковью, онъ развился въ независимую политическую силу, на которую съ опасеніемъ и завистью стали

Іоанниты.

глядѣть и свѣтскія власти, и католическое духовенство; могущество и стремленіе обособиться погубили тампльеровъ. Больше политическаго смысла и дальновидности обнаружилъ самый молодой изъ орденовъ—нѣмецкій. Еще раньше, чѣмъ утрачены были христіанами ихъ послѣднія владѣнія на Востокѣ, рыцари нѣмецкаго ордена нашли за Вислой новое поприще для борьбы съ невѣрными и сумѣли развитіе политическаго вліянія совмѣстить съ прежней культурно-религіозной цѣлью.

Колыбелью ордена іоаннитовъ былъ страннопріимный домъ (госписъ), основанный частнымъ жертвователемъ въ Іерусалимѣ. Незадолго до начала крестовыхъ походовъ богатый горожанинъ Амальфи Панталеонъ Мауро основалъ госписъ съ пріютомъ для купцовъ и паломниковъ въ Антіохіи; затѣмъ, получивъ въ даръ отъ калифа Мостансеръ Билла участокъ земли въ христіанскомъ кварталѣ Іерусалима, онъ основалъ и здѣсь монсстырь S. Maria latina, который долженъ былъ служить убѣжищемъ для купцовъ изъ Амальфи, ведшихъ въ XI в. левантскую торговлю; рядомъ возникъ позднѣе и женскій монастырь S. Maria Magdalena съ пріютомъ для паломницъ. Оба учрежденія въ Іерусалимѣ распространили вскорѣ свою благотворительность на всѣхъ римско-католиковъ, но они далеко не могли удовлетворять всѣхъ нуждавшихся въ помощи съ тѣхъ поръ, какъ послѣ завоеванія Св. Града въ 1099 г. усилился приливъ паломниковъ. И вотъ, девять знатныхъ юношей съ Гергардомъ во главѣ соединились въ общину ради ухода за паломниками. Подъ охраной св. Іоанна Милостиваго, котораго замѣстилъ впослѣдствіи Іоаннъ Креститель, они поселились въ госписѣ не далеко отъ монастырей Панталеона Мауро. Слухи о ихъ самоотверженной дѣятельности проникли на Западъ, и пожертвованія стали сыпаться на нихъ. Въ южной Франціи они получили въ даръ земли еще въ началѣ XII столѣтія. Но паломничество въ предѣлахъ Палестины не было безопасно; община должна была расширить кругъ своихъ заботъ и стала съ оружіемъ въ рукахъ охранять пилигримовъ на пути отъ береговыхъ пристаней къ Св. Граду. Отсюда выросъ мало-по-малу обѣтъ всѣхъ рыцарей Госпиталя — биться противъ невѣрныхъ; образцомъ могъ служить при этомъ только что возникшій орденъ тампльеровъ. Такъ сложился цѣлый духовно-рыцарскій орденъ, первымъ магистромъ котораго сталъ преемникъ Гергарда — Раймундъ дю-Пюи. При Раймундѣ данъ былъ и уставъ ордену, но подлинникъ хартіи съ папскимъ утвержденіемъ погибъ при паденіи Аккона въ 1291 г., и въ 1300 г.

Бонифацію VIII пришлось еще разъ подтвердить копію съ утраченнаго документа. Раймундъ, „бѣдный рабъ Христа и хранитель Госписа въ Іерусалимѣ“, требуетъ, по этому уставу, обѣта непорочности, послушанія и отреченія отъ собственности ото всѣхъ, кто хочетъ посвятить себя служенію бѣднымъ. Они должны довольствоваться водой и хлѣбомъ и ходить въ самой простой одеждѣ, такъ какъ, вѣдь, ихъ господа-нищіе, которымъ они должны служить, терпятъ отъ нужды и наготы, а рабу не подобаетъ роскошествовать, когда господинъ бѣдствуетъ. Мысль, что бѣдняки — господа для рыцарей [1]), легла въ основаніе всего учрежденія. Она выражалась въ цѣломъ рядѣ символическихъ обрядовъ; наприм., когда братья, собиравшіе пожертвованія, возвращались домой, то они клали сборы въ больничной палатѣ передъ своими „господами“, т. е. призрѣваемыми. Призрѣніемъ бѣдныхъ и больныхъ орденъ іоаннитовъ не пренебрегалъ и тогда, когда уже достигъ богатства. Кругъ его дѣятельности съ годами даже расширился, тщательность ухода усилилась. По правиламъ Раймунда дю-Пюи, больной, нуждавшійся въ помощи Госпиталя, долженъ былъ сначала исповѣдаться передъ духовникомъ ордена и пріобщиться: тогда ему отводили койку и снабжали всѣмъ нужнымъ, какъ своего „господина“.

Но въ 1181 году при Госпиталѣ іоаннитовъ было уже четыре ученыхъ врача, чтобы опредѣлять болѣзни и дѣлать братьямъ ордена указанія относительно приготовленія лѣкарствъ. Собранія капитула ордена издаютъ точныя постановленія о размѣрахъ коекъ для больныхъ, о теплой одеждѣ, пищѣ и т. п. По обычаю, больнымъ давали трижды въ недѣлю свѣжую свинину и баранину, а кто былъ на діэтѣ, тому курицу. Каждая провинція ордена должна была доставлять въ Госпиталь тѣ произведенія, которыми она особенно славилась, наприм., пріоръ владѣній ордена во Франціи посылалъ ежегодно въ Іерусалимъ 100 кусковъ зеленаго сукна на одѣяла больнымъ; пріоры Пизы и Венеціи доставляли крашеныя бумажныя ткани, а бальи Тиверіады—сахаръ. Всю черную работу по уходу за больными несли не сами рыцари, а причисленные къ ордену „служащіе братья“. Такая систематичность въ благотворительности производила сильное впечатлѣніе на паломниковъ, посѣщавшихъ Св. Землю. Іоаннъ Вюрцбургскій слышалъ, наприм., отъ служащей братіи, что число призрѣваемыхъ въ Госпиталѣ

---

[1]) Quia domini nostri pauperes.

больныхъ доходило до 2000; кромѣ того, Госпиталь раздавалъ милостыню какъ по домамъ бѣдняковъ, такъ и нищимъ, ходившимъ отъ дверей къ дверямъ; наконецъ, іоанниты поддерживали своей помощью еще многихъ людей, жившихъ въ укрѣпленіяхъ и защищавшихъ Св. Землю отъ сарацинъ.

Однако съ теченіемъ времени вся эта благотворительная дѣятельность стала падать исключительно на служащую братію и духовенство; напротивъ, сами рыцари превратились въ привилегированный классъ и чуждались обязанностей, противныхъ, какъ имъ казалось, рыцарской чести. Это раздвоеніе въ средѣ ордена вывело его на новую дорогу и существенно измѣнило общій его характеръ. Когда къ обязанностямъ рыцаря Госпиталя прибавилась военная охрана паломниковъ и борьба съ невѣрными, тогда военное начало взяло въ орденѣ верхъ, а монашеское отодвинулось на задній планъ. Особые клерики ордена приняли теперь на себя всѣ заботы о богослуженіи: они стояли во главѣ церквей и часовенъ іоаннитовъ, отправляя требы среди населенія принадлежавшихъ ордену казалій, и, какъ полковые священники, шли всѣ за рыцарями въ битву. Стремленіе ордена обособиться отъ католическаго духовенства сказывалось въ запрещеніи рыцарямъ исповѣдоваться у священника, не принадлежавшаго къ клерикамъ іоаннитовъ. Съ другой стороны, къ лицамъ, вновь поступавшимъ въ орденъ, стали предъявлять требованія болѣе строгія и чисто рыцарскія, напр., родовитость. Обязанность предварительнаго постриженія превратилась въ формальность, и молодая знать, воспитавшаяся въ домѣ ордена, легко становилась іоаннитами, въ особенности, если выражала желаніе плыть за море на Востокъ для борьбы съ невѣрными. Но съ утратой Палестины и переѣздомъ магистра іоаннитовъ на Мальту эта забота о продолженіи дѣла крестовыхъ походовъ исчезаетъ; самъ орденъ перестаетъ нуждаться на Западѣ въ многочисленныхъ воинахъ, и доступъ въ рыцари Іоанна Крестителя становится крайне затруднителенъ; наприм., пріоры теряютъ право принимать новыхъ членовъ, и оно остается привилегіей магистра. Только въ Испаніи, гдѣ продолжалась война съ маврами, и на Востокѣ пріоры могли попрежнему поставлять въ новые рыцари столько воиновъ, сколько нужно было для поддержанія боевой силы. Усиленіе военнаго начала отразилось и на одеждѣ рыцарей. Только бѣлый крестъ на груди рясы, установленный еще правилами Раймунда дю-Пюи, остался навсегда отличительнымъ признакомъ іоаннитовъ; онъ сохранялся позднѣе и на красномъ

кафтанѣ и черномъ плащѣ, которые рыцари надѣвали на битву. Нѣкоторыя дорогія ткани и яркіе цвѣта были запрещены іоаннитамъ, но имъ разрѣшался, наприм., черный, сѣрый и коричневый камлотъ. Правила генеральнаго капитула точно опредѣляли, какое оружіе, сколько лошадей и прислуги могъ получить іоаннитъ, сообразно своему чину въ орденѣ. Рыцарь обязанъ былъ содержать въ исправности оружіе, выданное изъ арсеналовъ ордена, а старое сдавалось по счету каждый разъ, когда онъ получалъ взамѣнъ новое. Впрочемъ, могущество іоаннитовъ за предѣлами Св. Земли покоилось не столько на самихъ рыцаряхъ, сколько на группахъ лицъ, стоявшихъ подъ охраной ордена: это—такъ называемые донаты и „собратья“ (Confratres). Донаты приносили ордену присягу на вѣрность, не бросая мірской жизни; если же они принимали монашество, то легко становились полноправными іоаннитами. Подъ именемъ „собратьевъ“ къ ордену примыкали государи и высшая знать, жертвуя ему при этомъ земли или доходы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они становились членами ордена, напр., исповѣдовались у орденскаго духовенства и погребались на кладбищахъ іоаннитовъ; глава ордена возлагалъ даже на нихъ руки въ знакъ торжественнаго принятія въ лоно общины. Такъ какъ „собратья“ помогали ордену пожертвованіями, то въ такое отношеніе къ іоаннитамъ могли становиться и женщины.

Владѣнія іоаннитовъ.

Къ концу крестовыхъ походовъ орденъ іоаннитовъ владѣлъ на Востокѣ обширными угодьями на всемъ протяженіи Сиріи отъ горъ Арменіи и до границъ Египта, съ вилланами и свѣтскими рыцарями-ленниками, домами, лавками, мельницами, хлѣбными печами, банями и всякими доходными статьями. Кромѣ общежитій рыцарей въ Іерусалимѣ, Акконѣ, Тирѣ, Монте Пелегрино, близъ Триполиса и Антіохіи, орденъ владѣлъ зданіями почти во всѣхъ городахъ Палестины, употребляя ихъ для благотворительныхъ цѣлей или сдавая внаймы. Въ общемъ система хозяйства на орденскихъ земляхъ была та же, какъ и въ казаліяхъ бароновъ или италіанскихъ коммунъ, т.-е. іоанниты раздавали земли то на ленныхъ условіяхъ, то въ аренду, преимущественно наслѣдственную. Но ордену былъ чуждъ хищническій взглядъ на свои угодья, обычный среди бароновъ за моремъ. Іоанниты старались, напротивъ, найти равновѣсіе между своими доходами и благосостояніемъ зависимыхъ людей. Наравнѣ съ феодалами, орденъ владѣлъ и доходными статьями, и крѣпостными, и рабами; напр., въ 1160 г. король Балдуинъ подарилъ ордену 60 палатокъ, т.-е. семействъ бедуиновъ,

а въ Акконѣ іоанниты получали извѣстную долю пошлинъ въ гавани. Благодаря всѣмъ своимъ доходамъ, орденъ св. Іоанна сталъ крупной денежной силой своего времени и ссужалъ большими суммами бароновъ Палестины. Въ XIII в. въ его распоряженіи на Западѣ и Востокѣ насчитывали 19 тысячъ земельныхъ единицъ (manoirs), а каждаго мануара было достаточно, чтобы содержать вооруженнаго рыцаря [1]). Своими пограничными казаліями орденъ пользовался не только для цѣлей хозяйственныхъ, но и для защиты предѣловъ крестоносцевъ. Въ трехъ мѣстахъ сосредоточены были хозяйственныя и боевыя силы іоаннитовъ: вдоль Египетской границы между Аскалономъ и Хеврономъ, затѣмъ вокругъ горы Ѳавора и Тиверіадскаго озера на опасныхъ пунктахъ восточной границы и на сѣверѣ въ области Триполиса и Антіохіи. Во всѣхъ трехъ центрахъ орденъ воздвигъ крѣпкіе замки: таковъ былъ Кратумъ, или Курдскій замокъ на сѣверѣ (Castrum Curdorum). Бревэ папы Александра IV отъ 1254 г. освободило отъ десятины всѣ земли іоаннитовъ, лежавшія вокругъ его замка, въ виду громадныхъ жертвъ, принесенныхъ тамъ орденомъ, и обѣщанія держать и на будущее время 60 рыцарей въ Курдскомъ замкѣ. Совершенно независимаго положенія добился орденъ для своихъ владѣній въ княжествѣ Антіохійскомъ. Для области Апамейской, доставшейся ему здѣсь въ 1167 г., онъ получилъ право войны и мира и могъ проводить свою собственную политику по отношенію къ магометанскимъ государямъ. Перемирія, которыя заключалъ здѣсь орденъ, считались обязательными для всего княжества; напротивъ, договоры князя Антіохіи съ невѣрными не имѣли такого же значенія для іоаннитовъ. Съ согласія Боэмунда Антіохійскаго сеньёръ Маргата уступилъ въ 1186 г. ордену эту крѣпость съ городомъ Валеніей и окружающими ихъ угодьями за опредѣленную ренту, потому что ему самому не хватало ни денегъ, ни войска для защиты. Орденъ, въ виду его общеполезной дѣятельности, не обязанъ былъ отдавать князю обычную долю съ добычи, которую рыцари отнимали здѣсь у сарацинъ. Договоры, заключавшіеся здѣсь іоаннитами съ врагами-магометанами, должны были соблюдаться князьями Антіохіи; напротивъ, для ордена въ Маргатѣ не были обязательны договоры князя, хотя тотъ и обѣщалъ испрашивать на нихъ совѣта у рыцарей св. Іоанна. Чисто государственное верховенство ордена

---

[1]) Статистическія данныя средневѣковыхъ источниковъ не надежны, но они даютъ общее представленіе современниковъ о богатствѣ ордена.

надъ этой областью выражалось и въ томъ, что епископъ Валенiи съ 1215 г. утверждался магистромъ ордена iоаннитовъ. Въ центрѣ этой области на трехугольномъ плато высокой скалы въ недоступномъ замкѣ Маргатѣ съ его колоссальной башней было мѣстопребыванiе магистра ордена.

Уже въ 1211 г. паломникъ Вильбрандъ Ольденбургскiй любовался на эту громаду зданiй; по его свѣдѣнiямъ, гарнизонъ этой крѣпости доходилъ до тысячи человѣкъ, а въ ея складахъ лежали запасы провiанта на пять лѣтъ впередъ. И все-таки султанъ Келуанъ овладѣлъ этой твердыней: его осадныя машины по частямъ были подняты на высоты, а подкопы, подведенные съ южной стороны, гдѣ плато соединялось съ окрестными горами, разрушили здѣсь бастiонъ и грозили паденiемъ главной башнѣ. Гарнизонъ поспѣшилъ тогда сдаться (въ маѣ 1285 года). Неудачная защита Триполиса въ 1289 г. подорвала вѣру въ будущность ордена, а съ утратой послѣднихъ христiанскихъ владѣнiй въ Сирiи началось его вѣковое разложенiе [1]). Но эта попытка iоаннитовъ создать орденъ-государство не прошла безслѣдно и послужила примѣромъ для другихъ подобныхъ ему общинъ, напр., для нѣмецкаго ордена на берегахъ Вислы.

Нѣмецкiй орденъ.

Хотя участiе нѣмецкихъ рыцарей въ завоеванiи Палестины и было незначительно, но зато паломники изъ Германiи посѣщали въ большомъ числѣ Св. Мѣста. Поэтому одинъ уроженецъ Германiи, переселившiйся совсѣмъ съ своей женой въ Iерусалимъ, еще при Балдуинѣ I основалъ здѣсь на свои средства странноприимный домъ для паломниковъ, а рядомъ построилъ часовню. Госписъ сталъ разростаться благодаря пожертвованiямъ; благочестивые люди шли туда въ услуженiе. Въ сороковыхъ годахъ XII столѣтiя папа Целестинъ II подчинилъ это благотворительное учрежденiе магистру ордена iоаннитовъ, который назначалъ прiора этой „служащей братiи“ нѣмецкаго происхожденiя. Участiе нѣмецкаго рыцарства

---

[1]) Въ 1309 г. iоанниты завладѣли Родосомъ и подъ именемъ Родосскихъ рыцарей бились съ Османскими турками до 1522 г., когда островъ пришлось сдать Сулейману II. Тогда Карлъ V предоставилъ ордену островъ Мальту подъ условiемъ продолжать борьбу съ невѣрными. Въ 1798 году Наполеонъ Бонапартъ взялъ Мальту, а Мальтiйскiе рыцари выбрали себѣ вскорѣ гросмейстеромъ русскаго императора Павла I. Послѣ его смерти орденъ управлялся только „намѣстниками“ и продолжалъ свою благотворительную дѣятельность по уходу за больными и паломниками и въ Iерусалимѣ и въ Западной Европѣ. Въ 1879 г. папа Левъ XIII возобновилъ санъ гросмейстера Мальтiйскаго ордена.

во второмъ крестовомъ походѣ подняло было положеніе госписа, но катастрофа 1187 г. отозвалась на немъ сильнѣе, чѣмъ на другихъ уже окрѣпшихъ орденахъ. Бѣглецы, потерявшіе съ паденіемъ Іерусалима всѣ свои доходы, возобновили, однако, труды по уходу за больными въ лагерѣ подъ Акконом и на судахъ любекскихъ и бременскихъ купцовъ, приплывшихъ въ Сирію. Гвидо Лузиньянъ отвелъ мѣсто для новаго госписа въ Акконѣ, а братъ императора Генриха VI, герцогъ Фридрихъ Швабскій, принялъ его подъ свое покровительство. Смѣлые планы Гогенштауфеновъ стали распространяться и на Востокъ; для ихъ осуществленія нѣмецкій орденъ могъ стать опорной точкой. Когда въ 1197 г. германскіе князья появились въ Палестинѣ съ Конрадомъ Майнцскимъ, дабы подготовить почву для крестоваго похода самого императора, тогда нѣмецкій госписъ окончательно былъ расширенъ въ духовно-рыцарскій орденъ, по образцу италіанскаго и французскаго: нѣмецкіе рыцари должны были ухаживать за больными, какъ іоанниты, и сражаться съ невѣрными, какъ тампльеры. Въ ихъ уставѣ, утвержденномъ Иннокентіемъ III, смѣшались статуты обоихъ другихъ орденовъ. Теперь сама собой пала и зависимость отъ іоаннитовъ. Во главѣ нѣмецкихъ рыцарей появляется вскорѣ въ званіи гросмейстера одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей того времени—Германъ ф. Зальца. Этотъ гросмейстеръ сумѣлъ жить въ ладахъ съ римской церковью, какъ іоанниты и храмовники, и въ то же время тѣсно примкнулъ къ Гогенштауфенамъ и ихъ политикѣ, враждебной папамъ. Тщетно возстали іоанниты противъ самостоятельности новаго ордена, и безуспѣшно отрицали тампльеры его право на бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ [1]). Въ 1229 г. Германъ ф. Зальца сталъ воздвигать близъ Аккона и особый замокъ для ордена—Монфоръ или Штаркенбергъ, а папа Григорій IX взывалъ ко всему христіанскому міру о денежной помощи для „Новыхъ Маккавеевъ“. До 1271 г. Штаркенбергъ былъ мѣстопребываніемъ магистра ордена: гарнизону пришлось, наконецъ, покинуть его вслѣдствіе тяжкаго натиска султана Бибара.

Но ту военную организацію, систему хозяйства и культурныя цѣли, которыя нѣмецкій орденъ выработалъ себѣ на Востокѣ, онъ перенесъ впослѣдствіи и на берега Вислы. Язычниковъ пруссовъ нѣмецкіе рыцари часто называли здѣсь сарацинами, а географическія имена Палестины появились вблизи Балтійскаго моря.

---

[1]) У тампльеровъ былъ бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ.

До сихъ поръ въ предѣлахъ Пруссіи можно найти и Іерусалимъ (близъ Кёнигсберга) и Эммаусъ (близъ Данцига). Въ Палестинѣ рядомъ съ маршаломъ ордена ѣхалъ, бывало, со знаменемъ Туркопулъ [1]), а начальникъ наемныхъ войскъ, состоявшихъ на службѣ у маршала, назывался Туркопуліемъ; и вотъ еще въ XV в. въ областяхъ прусскаго ордена былъ въ ходу грубый „хлѣбъ Туркопуловъ", выдававшійся прислугѣ. Въ войнѣ съ невѣрными орденъ и на берегахъ Вислы примѣнялъ ту же систему, какъ крестоносцы въ Сиріи. Подъ защитой цѣлаго ополченія крестоносцевъ воздвигался прежде всего замокъ на высотахъ, господствовавшихъ надъ обширною областью, намѣченной для распространенія христіанства. Когда язычникамъ уже нанесенъ первый тяжелый ударъ и крестоносцы разойдутся, въ замкѣ остается гарнизонъ, чтобы путемъ постоянной мелкой войны принудить жителей области подчиниться или выселиться. Тогда замокъ становился центромъ для колонизаціи управленія. Таково было назначеніе Кульма, Маріенвердера, Кёнигсберга: они соотвѣтствовали Маргату и Монфору въ Палестинѣ. Та система хозяйства, которую нѣмецкій орденъ примѣнялъ и на Востокѣ, и на Сѣверѣ, была заимствована у іоаннитовъ. Небольшая часть земель подъ садами (въ Палестинѣ подъ виноградниками и плантаціями сахарнаго тростника) оставлялась обыкновенно въ непосредственномъ управленіи ордена. Пастбища сдавались на Востокѣ на съемъ бедуинамъ, платившимъ ренту скотомъ и кожами. Часть пашенъ обрабатывалась на средства ордена для удовлетворенія его собственныхъ потребностей, а всѣ остальныя поля снимались на аренду или общинами виллановъ или отдѣльными свободными хозяевами. Рента за пашни чаще всего уплачивалась курами, яйцами, сырами; кромѣ того, крестьяне орденскихъ земель и въ Палестинѣ и въ Пруссіи обязаны были помогать при постройкѣ замковъ и въ случаѣ вторженія непріятеля браться даже за оружіе.

Возникновеніе ордена тампльеровъ.

Іоанниты пережили другіе ордена и послужили образцомъ при созданіи гуманныхъ орденовъ и общинъ новаго времени. Нѣмецкій орденъ, правда, разложился, но его рыцари успѣли создать Пруссію, какъ свѣтское государство. Одни только тампльеры трагично погибли въ средніе вѣка и не оставили ни традиціи, ни преемниковъ. Между тѣмъ, одно время орденъ храмовниковъ сіялъ могуществомъ

[1]) Туркопулами называли на Востокѣ легкую конницу изъ туземцевъ, сирійцевъ и магометанъ, въ родѣ нашихъ казаковъ. Первоначально это были дѣти греческихъ матерей и отцовъ изъ турокъ или арабовъ. Туркопулы хорошо знали мѣстность и военныя хитрости сарацинъ.

и славой ярче своихъ собратьевъ. Его вызвали къ жизни вскорѣ послѣ основанія Іерусалимскаго королевства тѣ разбои, которые дѣлали опасными всякія сообщенія между Яффой и Св. Градомъ. Грабители, магометане и сирійцы, отваживались приближаться къ самымъ воротамъ Іерусалима и здѣсь у цистернъ подкарауливали франковъ, приходившихъ поить лошадей. Для борьбы съ этими разбойниками бургундскій рыцарь Гюго де Пэнъ (Payns) соединился съ уроженцемъ сѣверной Франціи Годефруа де С.-Омеръ; къ нимъ примкнуло еще шесть другихъ рыцарей, и основаніе для ордена тампльеровъ было заложено такимъ образомъ въ 1119 г. Правда, ни устава, ни монастырскаго обѣта на первое время не было. Еще въ 1123 г. самъ руководитель общины называется міряниномъ, живетъ въ бракѣ и имѣетъ сына. Но вскорѣ рыцари принесли іерусалимскому патріарху обѣтъ охранять безопасность дорогъ и провожать паломниковъ на пути отъ берега къ Св. Граду. Тогда Гюго де Пэнъ выбралъ изъ устава св. Бенедикта нѣсколько правилъ, которыя стали обязательными для всѣхъ „бѣдныхъ рыцарей Христа“. Членамъ общины запрещены были роскошь въ одеждѣ, безцѣльные разговоры и смѣхъ, охота и т. п.; обѣты цѣломудрія, бѣдности и послушанія дѣлали рыцарей отнынѣ монахами. Король Балдуинъ предоставилъ въ ихъ распоряженіе домъ рядомъ съ бывшей мечетью, которая, по преданью, стояла на мѣстѣ храма Соломонова. Тогда братія Гюго де Пэна стала называться „бѣднымъ рыцарствомъ Христа изъ храма Соломонова“ или просто „храмовниками“ (тампльерами). Это необычайное соединеніе рыцарства и монашества поражало современниковъ, польза отъ трудовъ храмовниковъ была для всѣхъ очевидна, и пожертвованія въ пользу ордена стали стекаться со всѣхъ сторонъ. Орденъ тампльеровъ, въ отличіе отъ іоаннитовъ, уже при самомъ основаніи далъ рыцарскому началу въ своей средѣ перевѣсъ надъ монашескимъ и умѣлъ этимъ привлекать къ себѣ полудикихъ феодаловъ, являвшихся на Востокѣ безъ глубокаго пониманія крестовыхъ походовъ и искавшихъ прежде всего приключеній. Бернардъ Клервоскій особенно цѣнилъ орденъ тампльеровъ за то, что онъ далъ разумную и христіанскую цѣль этой грубой силѣ, легко подпадавшей на Востокѣ всякимъ искушеніямъ. По просьбѣ Гюго де Пэнъ этотъ великій аскетъ и мистикъ въ особомъ трудѣ „De laude novae militiae“ („Хвала новому рыцарству!“) обратилъ вниманіе христіанскаго міра на новое рыцарство. Бернардъ Клервоскій изображаетъ, какъ въ противоположность одичавшему свѣтскому „феодальному рыцарству“

эти рыцари-монахи живутъ въ братской любви, смиренномъ послушаніи магистру и добровольной бѣдности. Храмовники обитаютъ въ палатахъ, лишенныхъ всякихъ украшеній; на стѣнахъ развѣ только панцыри и оружіе. Они не знаютъ праздности: кто свободенъ отъ воинскихъ обязанностей, тотъ чинитъ оружіе и одежды. Ни болтовни, ни суетливости, ни громкаго смѣха, ни шушуканья и бормотанія не допускается; волоса у нихъ коротко обстрижены; шахматы и игральныя кости въ презрѣніи, соколы и всякая охота запрещены, представленія скомороховъ избѣгаются. Люди, которые на Западѣ были безбожниками и распутниками, разбойниками и клятвопреступниками, становятся полезными тружениками въ лонѣ ордена тампльеровъ. Такова была характеристика новыхъ рыцарей у св. Бернарда.

Въ январѣ 1128 г. Гюго де Пэнъ съ пятью другими рыцарями появился на своей родинѣ на провинціальномъ синодѣ въ Труа, чтобы добиться для новаго ордена освященія церковью. Здѣсь выработанъ полный уставъ ордена (первоначально чуть ли не на французскомъ языкѣ) въ формѣ заповѣдей рыцарямъ отъ имени синода. Кромѣ того, прелаты, собравшіеся на синодъ въ Труа, обратились съ пастырскимъ посланіемъ ко всему свѣтскому рыцарству, призывая его къ подражанію и на поддержку новому возрождающемуся рыцарству духовному. Какъ и св. Бернардъ, синодъ въ Труа призываетъ храмовниковъ обращать на путь христіанской дѣятельности рыцарей порочныхъ, даже отлученныхъ отъ церкви. Но новый уставъ точно опредѣлилъ, въ какой мѣрѣ и какимъ путемъ тампльеры имѣютъ право допускать въ свой орденъ людей, отлученныхъ церковью за различныя преступленія [1]). Виновный рыцарь (вѣроятно, уже заявившій себя какими-либо подвигами на службѣ ордену) долженъ былъ сначала сообщить о своемъ намѣреніи епископу; если магистръ и другіе храмовники считаютъ отлученнаго рыцаря вообще достойнымъ войти въ ихъ среду, то епископъ могъ снять съ него отлученіе. Другія статьи устава опредѣляли въ духѣ первоначальныхъ правилъ Гюго де Пэна образъ жизни рыцарей, ихъ одежду, общую дисциплину и права магистра, положеніе духовенства ордена и тѣхъ рыцарей, которые служили храмовникамъ, не давая монашескаго обѣта, и всей „служащей братіи“. Уставъ этотъ долженъ былъ идти на утвержденіе папы

---

[1]) Вообще же сношенія съ отлученными навлекали въ средніе вѣка отлученіе на мірянъ.

Гонорія II, но, кажется, онъ никогда не получилъ формальнаго освященія Римской куріи. По крайней мѣрѣ, уставъ не считался чѣмъ-либо неизмѣннымъ; уже его послѣдняя статья ставила гросмейстера выше буквы закона, а впослѣдствіи, съ согласія здравомыслящей части капитула, магистръ прямо таки могъ измѣнять обычаи ордена. Отсутствіе устава, утвержденнаго папами, дало тампльерамъ возможность уклоняться отъ первоначально намѣченныхъ цѣлей и всю внутреннюю жизнь ордена приспособлять къ новымъ широкимъ условіямъ дѣятельности, которыя открылись ему вмѣстѣ съ богатствомъ и могуществомъ.

Возвышеніе тампльеровъ.

На родинѣ Гюго де Пэна въ Шампаньѣ тампльеры впервые пріобрѣли обширную поземельную собственность, благодаря щедрости Тибо IV (съ 1125 г.); городъ Провенъ (Provins), извѣстный своими многолюдными ярмарками, сталъ центромъ здѣшнихъ владѣній ордена. Связи Годефруа де С.-Омеръ въ области Нижней Лотарингіи открыли ордену доступъ въ Артуа и Фландрію. Графъ Дитрихъ Фландрскій уже въ сентябрѣ 1128 г., когда у него гостили Гюго де Пэнъ и Годефруа де С.-Омеръ, подарилъ ордену Relief de Flandre, т.-е. поборъ, который долженъ былъ уплачиваться храмовникамъ каждый разъ, когда ленъ переходилъ по наслѣдству не по прямой линіи. Раймундъ Беренгарій III, графъ Барцелоны и маркграфъ Прованса, своими пожертвованіями укрѣпилъ положеніе ордена въ южной Франціи и за Пиринеями, гдѣ въ немъ нуждались для борьбы съ маврами. Въ эту эпоху молодое Португальское государство расходовало свои силы всецѣло на борьбу съ невѣрными и предоставило храмовникамъ область между Коимброй и Лейрой, которую они должны были еще защищать противъ сарацинъ. Совершенно какъ въ Палестинѣ, орденъ строилъ здѣсь крѣпости и привлекалъ колонистовъ. Первыя церковныя привилегіи ордена разсчитаны были тоже на Пиринейскій полуостровъ: церкви въ тѣхъ областяхъ, которыя храмовники отнимали у мавровъ, становились независимыми отъ епископской власти. Міряне изъ всѣхъ классовъ населенія примыкали здѣсь къ ордену подъ именемъ „домочадцевъ“ (familiares) и становились почти въ вассальную зависимость отъ него, чтобы только пользоваться охраной рыцарей. Графство Тулузское, Иль-де-Франсъ, Бретань, Нормандія и т. д. стали тоже поприщемъ для мирныхъ завоеваній ордена. Въ Англіи храмовники утвердились въ Лондонѣ, въ Италіи — на Авентинѣ. Но первыя пожертвованія въ предѣлахъ Франціи, наприм., при Людовикѣ VII, состояли исключительно изъ доходовъ и не удѣляли

еще ордену никакой государственной власти надъ землями, принесенными въ даръ. Число рыцарей возростало не такъ быстро, какъ площадь ихъ поземельныхъ владѣній. Орденъ принималъ новыхъ членовъ въ свою среду съ большой разборчивостью и требовалъ отъ нихъ непремѣнно знатности. Для борьбы съ невѣрными онъ держалъ на жалованіи наемныхъ рыцарей и экюйэ, служившихъ подъ началомъ рыцарей—храмовниковъ. Заботы по управленію имѣніями заставили, наконецъ, тампльеровъ допустить въ орденѣ и болѣе низменные слои общества, но лишь на положеніи „служащихъ братьевъ", сервіентовъ, т.-е. членовъ ордена съ уменьшенными правами. Изъ этой „служащей братіи" набиралось впослѣдствіи и войско ордена. Число должностныхъ лицъ тоже возросло: кромѣ гросмейстера, маршала и сенешала ордена, было много магистровъ и прокураторовъ во главѣ областныхъ капитуловъ. Въ силу буллы Александра III, всѣ провинціальные дома ордена были подчинены „Тамплю" (рыцарскому дому) въ Іерусалимѣ.

Соревнуя съ свѣтскими князьями, и папы осыпали храмовниковъ своими щедротами. Повинуясь буллѣ Целестина II (отъ 1144 г.), прелаты должны были увѣщевать свою паству собирать пожертвованія въ пользу храмовниковъ, и жертвователямъ отпускалась за это $^1/_7$ церковныхъ пеней, наложенныхъ на нихъ за годъ. Епископы и священники были недовольны сборами такихъ пожертвованій, истощавшихъ кошельки и щедрость паствы въ ущербъ ея непосредственнымъ пастырямъ. Но въ глазахъ вѣрующихъ половины XII в. орденъ храмовниковъ вполнѣ заслуживалъ такихъ исключительныхъ милостей: въ нихъ видѣли еще „атлетовъ Христа", „Новыхъ Маккавеевъ"; ученый другъ папы Александра III, Іоаннъ Салисберійскій, назвалъ ихъ „единственными людьми, ведшими справедливыя войны". Папа Евгеній III (1145—53) даровалъ имъ красный крестъ на ихъ бѣлыя одежды: это былъ обычный символъ борцовъ за церковь. Вскорѣ за пожертвованіями послѣдовали политическія права и внутреннее самоуправленіе. Прокураторы, которыхъ орденъ держалъ при Римской куріи въ качествѣ политическихъ агентовъ (Procurator in Curia Romana), заботились при восшествіи на престолъ новаго папы о расширеніи правъ храмовниковъ и утвержденіи ихъ старыхъ привилегій. Такъ возникъ цѣлый рядъ папскихъ грамотъ. Онѣ даровали ордену право пріобрѣтать или строить вновь церкви и основывать кладбища, а главное, независимость и обезпеченность отъ интердикта. Если тампльеры, собиравшіе подаяніе, приходили къ церкви, подвергшейся

интердикту [1]), то, по привилегіи папы Евгенія III, церковь открывалась въ честь ордена и отлученные допускались къ участію въ богослуженіи; въ теченіе года такое нарушеніе интердикта допускалось дважды. Понятно, что въ такихъ случаяхъ на храмовниковъ щедро сыпались подаянія. Уже Евгеній III позволилъ тампльерамъ завести свои собственныя кладбища для погребенія членовъ ордена, но затѣмъ это право было распространено и на сервіентовъ, на зависимыхъ людей ордена и вообще на всѣхъ оказавшихъ ему какую-либо услугу. Благочестивые люди изъ всѣхъ сословій добивались чести быть похороненными на кладбищахъ ордена и за это оговаривали въ своихъ завѣщаніяхъ вклады въ пользу его церквей. Вообще Римская курія стала рано распространять на всѣ классы зависимыхъ отъ ордена людей права и привилегіи, касавшіяся, бывало, только рыцарей храма. По буллѣ Александра III отъ 1160 г., архіепископы и епископы не смѣли ни привлекать къ суду, ни облагать штрафами людей ордена, провинившихся въ чемъ-либо. Папы поддерживали и обычай храмовниковъ не допускать разъ принятаго въ орденъ рыцаря до перехода въ другія корпораціи, ни даже въ общину Бернарда Клервоскаго. Право ордена давать убѣжище людямъ и ихъ имуществу было иногда неудобно и для свѣтскихъ вельможъ. Собственность тампльеровъ, наприм., хлѣбъ, платье и весь скотъ, отмѣченный выжженными крестами, находилась подъ особой охраной Римской куріи.

Булла Александра III.

Всѣ права и привилегіи, дарованныя ордену папами, были, наконецъ, собраны воедино и подтверждены буллой Александра III отъ 1163 г., которая по первымъ словамъ называется Omne datum optimum; для ордена она была своего рода Великой Хартіей вольностей. Эта булла призывала тампльеровъ на защиту церкви въ такое время, когда ей угрожали не только невѣрные, но и свѣтская власть императоровъ изъ дома Гогенштауфеновъ. Какъ защитники церкви, они должны и жить на счетъ церковныхъ имуществъ, а потому вся движимая и недвижимая собственность ордена освобождалась отъ десятины въ пользу церкви; напротивъ, десятины, которыя собиралъ орденъ, утверждались за нимъ. Папа пытался опереться на орденъ, какъ на любимое дѣтище католической церкви, и старался обезпечить его противъ всякаго вліянія свѣтскихъ властей и епископовъ. Въ магистры всего ордена могъ быть избранъ только храмовникъ и притомъ непремѣнно лишь своими

---

[1]) Запрещеніе богослуженія.

товарищами-рыцарями. Законы и обычаи, установленные магистромъ съ совѣта капитула, не могли быть измѣнены никакой другой властью, стоящей внѣ ордена. Наконецъ, тампльерамъ запрещалось приносить кому-либо ленную присягу или клятву на вѣрность. Дабы освободить излюбленный орденъ отъ давленія прелатовъ, папа Александръ III создаетъ своей буллой особыхъ орденскихъ священнослужителей. Право строить себѣ собственныя церкви и основывать кладбища распространяется на всѣ владѣнія тампльеровъ безъ исключенія. Первоначально такія церкви ордена не были изъяты изъ подъ вѣдѣнія епископовъ, которые и ставили туда священниковъ. Напротивъ, булла 1163 г. дала ордену право принимать въ свою среду клериковъ и священниковъ, откуда бы они ни приходили, если только сами рыцари были убѣждены въ законности ихъ посвященія. Предварительное согласіе мѣстныхъ епископовъ испрашивалось, но оно перестало быть обязательнымъ. Эти орденскіе священники вели тотъ же образъ жизни, какъ и рыцари, носили такую же одежду, правда, застегнутую до верху, и обязаны были безусловно повиноваться магистру, но они все-таки не были полноправными членами ордена и не имѣли голоса въ капитулѣ. Хотя храмовники въ случаѣ необходимости могли исповѣдоваться и причащаться и у чужихъ священниковъ, внѣ орденскаго духовенства, но зато священники-тампльеры совершали требы не только для рыцарей, но и для всѣхъ людей, зависимыхъ отъ ордена. Самъ папа становился какъ бы единственнымъ епископомъ тампльеровъ. Булла Omne datum optimum обособляла орденъ почти въ независимую церковь. Современное духовенство съ тѣмъ большимъ неудовольствіемъ смотрѣло на эту новую привилегію, что тампльеры оставались для него все-таки по преимуществу мірянами, а между тѣмъ могли они теперь повелѣвать своими клериками. Злоупотребленіе новыми привилегіями переполнило чашу терпѣнія епархіальнаго духовенства, и на Латеранскомъ соборѣ 1179 г. ордену пришлось выдержать цѣлую бурю нападокъ; несмотря на сопротивленіе рыцарей, соборъ принялъ рядъ мѣропріятій противъ самовольнаго расширенія и безъ того чудовищныхъ правъ ордена.

Управленіе ордена.

Пожертвованія и привилегіи XII в. опредѣлили положеніе храмовниковъ въ слѣдующемъ столѣтіи. Двадцать пять лѣтъ, которыя отдѣляли годъ буллы Александра III отъ времени Саладина и утраты Іерусалима, дали возможность ордену выработать внутренній строй въ соотвѣтствіи съ своимъ новымъ могуществомъ. Центръ

тяжести ордена все еще лежалъ въ Палестинѣ. Отсюда управлялъ магистръ всѣхъ храмовниковъ, здѣсь были ихъ сенешалъ и маршалъ. Но у Іерусалимскаго королевства, какъ одной изъ провинцій ордена, былъ свой особый комтуръ, зависимый отъ магистра. Съ десятью рыцарями комтуръ поддерживалъ традицію первыхъ храмовниковъ и провожалъ паломниковъ, снабжая ихъ лошадьми и провизіей. Такими же провинціями ордена были еще Триполисъ, Антіохія, Франція, Англія, Пуату, Аррагонія, Португалія, Апулія и Венгрія; у каждой былъ свой комтуръ (или магистръ провинціи), который для мѣстныхъ храмовниковъ замѣнялъ магистра всего ордена и утрачивалъ свою власть, какъ только являлся въ его область самъ глава рыцарей. При магистрахъ провинцій, или комтурахъ, были тѣ же должностныя лица, какъ и при главномъ магистрѣ. Изъ „служащей братіи“ набирались менѣе важныя должностныя лица, наприм., знаменосецъ, наблюдавшій за оруженосцами, комтуръ гавани въ Акконѣ, глава кухни, глава кузнецовъ и т. п. Богатство ордена казалось современникамъ необычайнымъ, но опредѣлить его теперь можно только приблизительно. Въ 1191 г. храмовники были въ состояніи купить у Ричарда Львиное Сердце островъ Кипръ за сто тысячъ византіевъ (по количеству содержимаго золота эта сумма равняется 950,000 франковъ, а сравнительно съ покупательной силой того времени можетъ быть даже 8 милл. франковъ); при этомъ 40 тысячъ византіевъ были уплачены тотчасъ же. Хроникеръ Матвѣй Парижскій опредѣлялъ количество земельныхъ угодій ордена въ 9,000 мануаровъ; число это съ 1291 г. по 1307 г. возросло до 10,500, несмотря на утрату владѣній въ Сиріи.

Однако, ордену далеко не во всѣхъ провинціяхъ удалось достичь политической самостоятельности. Такъ, въ Португаліи тампльеры попали прямо-таки въ зависимость отъ королей, напротивъ, во Франціи во многихъ областяхъ къ нимъ перешли чисто государственныя права. Въ Португаліи всѣ рыцари ордена были ленниками короля (вопреки буллѣ Александра III) и исключительно португальцы по происхожденію; выборъ магистра производился лишь съ разрѣшенія монарха, равно какъ и отсылка денегъ въ главный госписъ въ Іерусалимѣ; новый магистръ долженъ былъ приносить присягу на вѣрность королю и его наслѣднику. Но во Франціи вслѣдъ за доходами съ земель, пожертвованныхъ ордену, переходили къ храмовникамъ и сеньёріальныя права. Ссылаясь на буллу Александра III, запрещавшую тампльерамъ становиться въ ленную

зависимость, рыцари превращали принесенные имъ въ даръ лены въ безвозвратное владѣніе (main morte). Съ другой стороны, феодальные вельможи, жертвуя земли ордену, выговаривали себѣ обыкновенно лишь высшую юрисдикцію или же въ другихъ случаяхъ право суда, и судебныя пошлины и пени дѣлились между территоріальнымъ сюзереномъ и рыцарями. Даже самъ французскій король шелъ на такое размежеваніе: въ 1279 году Филиппъ III покончилъ свои распри съ парижскими тампльерами полюбовной сдѣлкой. Право суда надъ домами, улицами и доходами ордена внутри Парижа осталось за королемъ; напротивъ, въ своихъ владѣніяхъ за стѣнами города (здѣсь лежалъ главный Тампль, служившій сокровищницей и крѣпостью) рыцари творили судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ; король не могъ собирать съ этихъ владѣній ни taille, ни поборовъ на содержаніе стражи.

Обособленность ордена.

Внѣшнее могущество ордена продолжало расти въ XIII в., но его нравственное значеніе и уваженіе къ нему въ обществѣ поколебались. Неудачи христіанъ въ Св. Землѣ ставились на Западѣ въ связь съ своекорыстной политикой тампльеровъ; уже двусмысленное поведеніе рыцарей подъ Дамаскомъ въ 1148 г. набросило на нихъ подозрѣніе въ прямой измѣнѣ. Первоначальныя цѣли ордена раньше всего пришли въ забвеніе среди его членовъ, и вмѣстѣ съ погоней за богатствомъ и властью закралась туда и симонія. Булла Иннокентія III отъ 1213 г. предписывала патріарху слѣдить, чтобы орденъ не бралъ никакихъ поборовъ со вновь принимаемыхъ въ рыцари Храма. Рано появились слухи и о ереси въ средѣ ордена. Обряды, противные не только ученію католической церкви, но и христіанству вообще, могли зародиться среди тампльеровъ только благодаря тому, что римская курія мирволила своему излюбленному ордену и дала ему возможность обособиться отъ церкви и міра и замкнуться въ своей эгоистичной независимости. Постепенно утвердилось правило, что храмовники вовсе не имѣютъ права исповѣдоваться у какихъ-либо другихъ священниковъ, внѣ своего орденскаго духовенства. Это расширеніе привилегіи Александра III дало ордену возможность щадить нѣкоторыя порочныя наклонности и суевѣрія своихъ членовъ, близкія къ ереси. Къ тому же, храмовники были изъяты изъ-подъ обыденной церковной юрисдикціи: они не могли быть отлучены отъ церкви мѣстными епископами, даже патріархъ іерусалимскій не могъ налагать на нихъ кары (по буллѣ папы Гонорія III отъ 1217 г.). Только папа былъ еще для ордена

„епископомъ“. Но отдѣльные рыцари начинали уже заявлять требованія на безусловную свободу даже передъ лицомъ самого епископа-папы и колебать власть римскаго первосвященника, призвавшую орденъ къ независимости и господству. Во время правленія Урбана IV (1261—64) маршалъ ордена Этьенъ де-Сисси совершилъ преступленіе, неизвѣстное намъ по существу, но побудившее папу вмѣшаться въ дѣла тампльеровъ, отлучить маршала и потребовать его удаленія въ посланіи на имя магистра Ѳомы Берара. Письмо Климента IV на имя того же магистра тампльеровъ свидѣтельствуетъ, что орденъ не торопился исполнить повелѣнія папы. Климентъ IV высказываетъ магистру свое изумленіе, что Этьенъ де-Сисси попрежнему числится маршаломъ и даже былъ посланъ со своей должностной печатью въ Римъ. Здѣсь онъ явился къ папѣ. Когда Климентъ IV потребовалъ, чтобы маршалъ сложилъ съ себя званіе и выдалъ печать, то Этьенъ де-Сисси отказался повиноваться и дерзко заявилъ, что печать возвратитъ онъ только тому, отъ кого ее получилъ, и называлъ вообще неслыханнымъ такое вмѣшательство папы въ дѣла ордена. Въ письмѣ къ магистру Ѳомѣ Берару Климентъ IV напоминаетъ храмовникамъ свою власть вязать и разрѣшать и всѣ благодѣянія римской куріи относительно ордена: вѣдь, если папы лишатъ рыцарей своего покровительства, то имъ не удержаться противъ натиска епископовъ и нападеній свѣтскихъ князей. Тѣмъ болѣе не должны они бросать Риму вызовъ своей заносчивостью; ибо папа и церковь только изъ снисхожденія терпѣли до сихъ поръ многое такое въ средѣ ордена, чего нельзя будетъ Клименту IV терпѣть долѣе, не отягощая своей совѣсти, разъ онъ самъ подыметъ рѣчь объ этихъ заблужденіяхъ, вызванный на то неповиновеніемъ храмовникомъ. Но и на этотъ разъ Климентъ IV не хотѣлъ прибѣгать къ суровости; онъ готовъ былъ даже снять съ Этьена де-Сисси отлученіе, произнесенное Урбаномъ IV, и ждать, пока магистръ самъ наложитъ на него кару. Что же это были за заблужденія ордена, разслѣдованіемъ которыхъ грозилъ Климентъ IV?

Уклоненія отъ христіанства.

По ученію римской церкви, отъ неповиновенія папѣ, намѣстнику Христа, былъ какъ бы одинъ шагъ и до отреченія отъ Іисуса. Таковъ и былъ въ дѣйствительности путь ордена къ ереси. Дорожа своей безусловной независимостью, храмовники, преимущественно во Франціи, стали требовать отъ вновь поступающихъ членовъ въ доказательство ихъ полнаго повиновенія ордену двухъ кощунствен-

ныхъ обрядовъ: отреченія отъ Іисуса Христа и оскверненія его креста плеваніемъ [1]); но требованія эти предъявлялись не всегда, и самое кощунство служило только порукой въ томъ, что новый храмовникъ и тѣломъ, и душой будетъ принадлежать ордену. Многіе вновь поступающіе съ ужасомъ узнавали въ послѣднюю минуту посвященія тайну французскаго ордена, растерявшись или уступая насилію, произносили отреченіе и затѣмъ всю жизнь мучились сознаніемъ своего грѣха. Другіе принимали весь обрядъ за пустую внѣшность, а нѣкоторые подъ покровомъ отреченія давали волю своимъ суевѣріямъ или тѣмъ еретическимъ ученіямъ, которыя они усвоили раньше. Не придавая этому кощунству никакого догматическаго значенія, руководители тампльеровъ дали, однако, поводъ отдѣльнымъ братьямъ и цѣлымъ общинамъ ордена свободнѣе относиться къ ученію церкви, нежели это было въ обычаѣ. Не понимая богослуженія на латинскомъ языкѣ, не имѣя ни права, ни возможности читать латинскую Библію, храмовники, въ особенности „служащіе братья“, вышедшіе изъ низшихъ классовъ народа, легко подпадали подъ вліяніе народныхъ суевѣрій и еретическихъ ученій, распространенныхъ на Востокѣ и въ южной Франціи. Съ другой стороны, болѣе развитые рыцари пользовались независимостью ордена, чтобы вопреки запрещенію церкви удовлетворять свою религіозную любознательность изученіемъ Библіи въ пересказахъ на народный языкъ. Во время слѣдствія надъ тампльерами въ Провансѣ въ 1308 г. въ главномъ домѣ рыцарей въ Арлѣ найдена была книжка съ толкованіями на Библію (Liber interpretationis super libris Bibliae). Можетъ быть, книга эта служила для чтенія во время трапезы рыцарей. Среди рукописей Парижской Національной библіотеки есть пергаментъ изъ 248 листовъ, исписанный въ два столбца на французскомъ языкѣ. По содержанію, это—переложеніе пяти книгъ Моисея, книги Іисуса Навина, книгъ Судей, Царей и Маккавеевъ, Товіи и Юдиои. Книгѣ Судей предпосланъ прологъ въ французскихъ стихахъ, объясняющій поводъ и цѣль автора работы. Переводъ книги Судей сдѣланъ, какъ оказывается, по порученію „магистра Рихарда“ и „брата Оттона“, членовъ „достопочтеннаго Общества“, „Святого Братства“. Они побудили автора перевести книгу Судей, дабы ихъ товарищи черпали оттуда примѣры гордаго рыцарства. Такъ какъ авторъ превозноситъ затѣмъ орденъ Рихарда и Оттона

---

[1]) Такое объясненіе давалъ кощунственнымъ обрядамъ гросмейстеръ Яковъ Молэ.

за его готовность жертвовать жизнью для защиты вѣры, называетъ его избраннымъ рыцарствомъ Господа, крестъ котораго они носятъ на себѣ, а charité et humilité считаетъ главными добродѣтелями этого ордена, то рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о французскихъ тампльерахъ [1]). На поляхъ Библіи тампльеровъ попадаются толкованія, а къ книгамъ Моисея и Іисуса Навина приложены введенія. Хотя въ нихъ и нѣтъ прямо-таки еретическихъ ученій, но истолкованіе библейскихъ событій поражаетъ свободнымъ, разсудочнымъ отношеніемъ къ буквѣ Закона. Толкователь, напр., настаиваетъ на томъ, что Богъ создалъ весь міръ видимый и невидимый сразу, а если книга Бытія говоритъ о дняхъ творенія, то тутъ надо понимать только постепенное размѣщеніе существъ и приведеніе въ порядокъ того, что уже было создано. И самый переводъ Библіи для рыцарей, и эти толкованія шли въ разрѣзъ съ общимъ духомъ католической церкви XIII в. Между тѣмъ число тампльеровъ вмѣстѣ со всей служащей братіей и зависимыми людьми ордена было такъ значительно, что кощунственные обряды и свободное отношеніе къ требованіямъ церкви не могли оставаться тайной. Если папы рѣшили смотрѣть сквозь пальцы на порядки среди храмовниковъ, то, вѣдь, была еще королевская власть, которая могла вмѣстѣ съ инквизиціей взять во Франціи въ свои руки изобличеніе ордена. Филиппъ IV Красивый, сидѣвшій на французскомъ престолѣ съ конца XIII в., имѣлъ въ прошедшемъ примѣръ истребленія еретиковъ: это—крестовый походъ противъ альбигойцевъ при Филиппѣ Августѣ.

Филиппъ Красивый и орденъ.

Какъ носитель монархическаго начала, Филиппъ Красивый всегда былъ радъ усилить обаяніе королевской власти или ограничить государственныя права какой-либо монашеской общины. Но онъ не былъ безусловнымъ врагомъ тампльеровъ. Еще его предшественникъ, Филиппъ III Отважный (1271—85), издалъ ордонансъ „Ecclesiarum utiliati“, запрещавшій духовнымъ корпораціямъ и орденамъ пріобрѣтать лены, но относительно тампльеровъ ордонансъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Тотчасъ послѣ восшествія на престолъ Филиппъ IV рѣшился, было, осуществить волю предшественника и положить конецъ переходу леновъ въ „мертвую руку“ ордена храмовниковъ. Въ силу этого король наложилъ секвестръ

---

[1]) Среди магистровъ тампльеровъ былъ Рихардъ де-Бюръ (de Bures) (1256—57), но магистрами называли и комтуровъ какъ провинцій, такъ и отдѣльныхъ домовъ ордена.

на всѣ земли, пріобрѣтенныя тампльерами за послѣднія тридцать лѣтъ, и приказалъ чиновникамъ взять ихъ въ свое управленіе. Но это первое столкновеніе между привилегированнымъ орденомъ и королевской властью окончилось мирно. Указомъ отъ 1292 г. король отложилъ до другого времени изслѣдованіе вопроса о правахъ храмовниковъ на секвестрованные лены и вернулъ ихъ ордену за порукой казначея парижскаго Тампля. Можетъ быть, уступчивость Филиппа IV въ концѣ XIII ст. объясняется той распрей, которая разыгралась между королемъ и папой Бонифаціемъ VIII. Въ теченіе этой борьбы излюбленный орденъ римской куріи стоялъ на сторонѣ свѣтскаго монарха, расшатывавшаго папскій престолъ. Черезъ посредство визитатора ордена храмовниковъ во Франціи Гюго де-Перодо (Peraudo) состоялся въ 1303 г. договоръ между королемъ и тампльерами о взаимной охранѣ и поддержкѣ, направленной прямо противъ папы Бонифація VIII. Въ слѣдующемъ году обѣ верховныя власти— новый папа и король—осыпаютъ орденъ своими милостями. Бенедиктъ XI подтверждаетъ тампльерамъ всѣ ихъ привилегіи, а Филиппъ IV издаетъ въ ихъ пользу грамоту вольностей, которой устраняетъ передъ ними всѣ препятствія къ расширенію поземельной собственности и усиленію своихъ исключительныхъ правъ. Всѣ земли, пріобрѣтенныя до сихъ поръ тампльерами, были признаны „мертвой рукой“, юрисдикція ордена — утверждена и расширена. Напр., лица, входившія такъ или иначе въ составъ ордена, освобождались отъ обязанности являться по призыву въ свѣтскіе суды, если тяжба касалась частныхъ дѣлъ; королевскіе бальи и сержанты могли назначать и вести судебныя засѣданія въ областяхъ орденской юрисдикціи только тамъ, гдѣ это было въ обычаѣ съ давнихъ поръ и т. д. Слухи о ереси ордена положили конецъ союзу между королемъ и храмовниками.

Начало процесса тампльеровъ инквизиціей.

Филиппъ IV по природѣ былъ склоненъ къ рѣшительнымъ, насильственнымъ мѣрамъ въ борьбѣ со своими соперниками, но цѣли для своихъ насилій король выбиралъ, руководясь государственными соображеніями; онъ совершалъ ихъ, сохраняя всю внѣшность законности, опираясь на общественное мнѣніе и на учрежденія, пользовавшіяся довѣріемъ своего времени. Такимъ былъ Филиппъ въ удачной борьбѣ съ папой Бонифаціемъ VIII, такимъ остался онъ и въ процессѣ тампльеровъ. Могущество ордена шло въ разрѣзъ съ идеей монархической власти, которую проводили французскіе короли и ихъ легисты, а отъ его уничтоженія Филиппъ IV могъ ждать только выгоды. Но не король создалъ по-

водъ для гибели храмовниковъ: онъ явился ему самъ собой. Южная Франція была уже раньше театромъ безконечныхъ процессовъ противъ еретиковъ. Инквизиція пріобрѣла себѣ тамъ навыкъ на низшихъ и среднихъ классахъ общества и какъ бы право требовать жертвъ болѣе высокопоставленныхъ. Къ храмовникамъ она, впрочемъ, могла примѣнить только все тѣ же возмутительныя формы уголовнаго процесса, которыя казались ея жестокому времени дозволительными противъ еретиковъ вообще. Процессы о ереси (acta fidei) вели тогда инквизиторы (слѣдственные судьи, inquisitores haereticae pravitatis), непосредственно назначавшіеся папами. Во Франціи ихъ было нѣсколько, но съ Иннокентія IV пріоръ парижскихъ монаховъ ордена предикантовъ (доминиканцевъ) былъ обыкновенно главой учрежденія. Положеніе инквизиціи было такое же привилегированное, какъ и у ордена храмовниковъ; только папа могъ, наприм., налагать на нихъ отлученіе. Не даромъ косились на инквизиторовъ епископы, юрисдикція которыхъ уменьшилась. Зато новая сила—государственная власть французскихъ королей—охотно поддерживала инквизицію своей свѣтской вооруженной рукой. Для того, чтобы начать процессъ, инквизиторы могли не дожидаться прямого доноса, достаточно было, если о комъ-либо шла худая молва (diffamatio). Тогда инквизиторъ „инструировалъ“ процессъ, т.-е. приступалъ къ допросу заподозрѣннаго лица, которое привлекалось къ слѣдствію пока какъ бы на правахъ свидѣтеля (testis), и предъявлялъ ему пункты обвиненія. Въ дѣйствительности уже на этой ступени процесса сознаніе „свидѣтеля“ вынуждалось сплошь и рядомъ пытками. Въ случаѣ сознанія „свидѣтеля“ церковь давала кающемуся отпущеніе грѣха и принимала опять въ свое лоно, предоставляя себѣ затѣмъ право все-таки наказать его. Между тѣмъ нотаріусы, записывавшіе показанія свидѣтелей, по окончанія допроса обрабатывали ихъ въ офиціальный протоколъ. По инструкціи, инквизиторамъ былъ предоставленъ произволъ выбирать и вносить въ протоколъ только тѣ изъ показаній обвиняемаго, которыя казались имъ наиболѣе правдоподобными и касались прямо сущности преступленія, короче говоря, только то, что подтверждало его вину. Теперь только послѣ примиренія съ церковью начинался самый „судъ“ инквизиціи, вторая ступень процесса. Обвиняемому прочитывался (обыкновенно на народномъ языкѣ) протоколъ съ его показаніями. Если обвиняемый отказывался отъ нихъ, то это считалось отпаденіемъ въ прежнюю ересь и влекло за собой сожженіе или другую кару, по приговору суда; поэтому

жертвы инквизиторовъ обыкновенно клятвенно скрѣпляли такой протоколъ. Въ протоколахъ дѣлалась теперь даже приписка, что всѣ изложенныя показанія обвиняемый призналъ добровольными, не вынужденными ни угрозами, ни пытками, ни подкупомъ. Такъ было и съ тампльерами, хотя изъ показаній нѣкоторыхъ рыцарей ясно, что они подверглись пристрастному допросу. Степень наказанія тоже была предоставлена инквизитору на произволъ. Государство помогало инквизиціи на всѣхъ ступеняхъ процесса и вознаграждалось за это имуществомъ, конфискованнымъ у обвиненнаго. Таково было учрежденіе, которое устами инквизитора Франціи Гильома Имбера (Imbert) потребовало у Филиппа IV слѣдствія надъ храмовниками.

„Диффамація", худая слава объ орденѣ, уже давно была налицо. Климентъ V получилъ первыя свѣдѣнія о его заблужденіяхъ незадолго до восшествія на престолъ. Когда магистръ ордена Яковъ Молэ прибылъ съ Кипра въ 1306 г., чтобы совѣщаться съ папой о новомъ крестовомъ походѣ, онъ узналъ, что передъ королемъ и папой выставлены тяжелыя обвиненія противъ храмовниковъ. При дворѣ Филиппа IV шесть мѣсяцевъ обсуждали вопросъ, прежде чѣмъ начать самое слѣдствіе. Король совѣтовался съ вельможами, свѣтскими и духовными, и сообщилъ обвиненіе даже папѣ. Глава ордена, вѣроятно, увѣдомленный о приближающейся грозѣ самимъ папой, обратился къ римской куріи съ просьбой произвести слѣдствіе, дабы положить конецъ слухамъ, которые онъ считалъ ложными. Поэтому въ концѣ августа 1307 г. Климентъ V писалъ королю, что новыя свѣдѣнія поколебали его увѣренность въ невиновности ордена и что онъ теперь же самъ намѣренъ приступить въ Пуатье къ разбору дѣла о тампльерахъ. Но тѣмъ временемъ предварительныя обсужденія сдѣлали для короля и инквивитора Франціи самый фактъ ереси очевиднымъ. Гильомъ Имберъ рѣшилъ начать слѣдствіе, но не противъ всего ордена, а противъ отдѣльныхъ подозрительныхъ членовъ его, и потребовалъ содѣйствія у Филиппа. Вопросъ могъ теперь только итти о компетенціи инквизиціи по отношенію къ ордену, который былъ изъятъ своими льготами отъ всякаго церковнаго суда, кромѣ папскаго. Но инквизиція была сама учрежденіемъ привилегированнымъ, предполагаемая ересь грозила опасностью христіанству, а Филиппъ IV могъ, правда, унижать папство, но не прочь былъ при этомъ созидаемой имъ власти французскаго короля сообщить и ореолъ защитника вѣры. Своимъ вмѣшательствомъ онъ рѣшилъ спорный вопросъ въ пользу

инквизиціи и 14 сентября изготовилъ инструкцію для королевскихъ чиновниковъ объ арестованіи храмовниковъ; здѣсь были уже высказаны всѣ обвинительные пункты противъ ордена: отреченіе отъ Христа, поруганіе креста, другіе непристойные обряды при пріемѣ въ орденъ и разрѣшеніе порочной жизни его членамъ. Ударъ былъ хорошо подготовленъ и удался: въ ночь съ 12 на 13 октября были одновременно арестованы всѣ храмовники въ тогдашней Франціи, а на ихъ имущество наложенъ секвестръ.

Инквизиціонный процессъ не исключалъ гласности. Черезъ два дня (14 окт.) въ залѣ капитула Парижской Божьей Матери собрались его кононики и магистры университета и узнали изъ устъ канцлера Гильома Ногарета и инквизитора Имбера объ арестѣ рыцарей и выставленныхъ противъ нихъ обвиненіяхъ. Засѣданіе возобновилось затѣмъ въ зданіи самого Тампля, захваченнаго королемъ, и здѣсь въ присутствіи прелатовъ, магистровъ и бакалавровъ парижскаго университета магистръ тампльеровъ Яковъ Молэ призналъ, что отреченіе отъ Христа и поруганіе креста были обычными обрядами ордена при посвященіи новаго члена; онъ оправдывалъ ихъ тѣмъ, что это было только испытаніе повиновенія. Нѣсколько другихъ тампльеровъ подтвердили показаніе своего магистра; кажется, они разсчитывали своими объясненіями кощунственныхъ обрядовъ спасти орденъ и уладить дѣло полюбовно. Черезъ три дня послѣ этого начался формальный инквизиціонный процессъ противъ арестованныхъ. Съ 19 окт. по 24 ноября выслушаны были показанія 138 тампльеровъ. Здѣсь были налицо представители всѣхъ разрядовъ ордена: среди „служащей братіи“— простые пахари, пастухи, а съ другой стороны — должностныя лица съ магистромъ Яковомъ Молэ во главѣ. По инструкціи, „въ случаѣ надобности“ должна была примѣняться пытка, и слѣды пристрастнаго допроса отразились на нѣкоторыхъ протоколахъ противорѣчіями. Но масса показаній сохранила живой личный характеръ допрашиваемыхъ и даетъ мелкія подробности ихъ пріема въ орденъ, оттѣнки ихъ тогдашняго настроенія; все это не похоже ни на заученный урокъ, продиктованный инквизиторомъ во время пытокъ, ни на единообразную форму протокола, заранѣе написаннаго въ духѣ обвиненія. Правда, объясненія, которыя могли бы служить извиненіемъ, пропускаются, но важно, что почти всѣ обвиняемые безъ исключенія признали только два пункта обвиненія, какъ и ихъ магистръ: отреченіе отъ Христа и поруганіе креста; напротивъ, показанія о поклоненіи идолу, о двоевѣріи

(дуализмѣ, т.-е. признаніи двухъ началъ въ мірѣ, Бога Высшаго и Бога Преисподняго, въ духѣ катаровъ и богомиловъ), о дозволеніи порочной жизни и т. п. встрѣчались только изрѣдка.

Вмѣшательство папы.

Хотя Климентъ V и былъ въ зависимости отъ короля, но извѣстіе, что орденъ тампльеровъ во Франціи уже изобличенъ, и что его богатства въ рукахъ Филиппа IV, должно было все-таки задѣть папу за живое. Честь спасенія вѣры вмѣстѣ съ существенной наградой доставались не Клименту V, епископу храмовниковъ, а свѣтскому монарху. Въ посланіи къ Филиппу IV папа поспѣшилъ выразить свое изумленіе по поводу его незаконнаго образа дѣйствій и надежду, что рыцари вмѣстѣ съ ихъ собственностью тотчасъ же будутъ выданы своему естественному судьѣ — папѣ. Дабы овладѣть движеніемъ, начавшимся уже помимо него, Климентъ V пошелъ далѣе короля и въ буллѣ отъ 22 ноября 1307 г. обратился ко всѣмъ государямъ вообще съ требованіемъ арестовать тампльеровъ въ ихъ государствахъ, въ виду данныхъ, обнаруженныхъ французскимъ процессомъ. Тогда послѣдовало задержаніе храмовниковъ въ Англіи, Провансѣ, Неаполѣ; въ Арагоніи и на Кипрѣ рыцари укрылись въ свои замки и пошли на сдѣлку только послѣ долгаго сопротивленія. Но португальскій король Денисъ не внялъ ни внушеніямъ Филиппа IV, ни буллѣ папы и взялъ сторону ордена, въ полномъ послушаніи служившаго ему противъ мавровъ.

Какъ только верховный глава церкви взялъ въ свои руки преслѣдованіе тампльеровъ и объявилъ образъ дѣйствій Филиппа IV и инквизиціи незаконнымъ, король уступилъ и принялъ выжидательное положеніе. Онъ даже далъ завѣренія въ томъ, что рыцари и ихъ земли будутъ выданы папѣ и его кураторамъ; но Филиппъ IV зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы позволить Клименту V спасти орденъ. 27 іюня 1308 г. были представлены въ Пуатье къ папскому допросу первые 8 или 9 храмовниковъ; число ихъ скоро возросло до 72: рыцарей, клериковъ, сервіентовъ. Слѣдствіе поручено было нѣсколькимъ кардиналамъ, велось безъ пытки и только подтвердило данныя парижскаго процесса, т.-е. существованіе въ средѣ ордена обрядовъ отреченія отъ Христа и поруганія креста. Въ Шинонѣ допрошены были высшіе сановники тампльеровъ: прецепторы Кипра, Нормандіи, Пуату, генеральный визитаторъ ордена, онъ же верховный прецепторъ Франціи—Гюго де Перодо и, наконецъ, магистръ Яковъ Молэ. Они не отрицали кощунственныхъ обрядовъ, а Перодо и Молэ повторили показанія, которыя

они уже раньше дали въ Парижѣ. Послѣднія сомнѣнія относительно виновности ордена разсѣялись у папы, и онъ рѣшился возобновить пріостановленный было процессъ. Но Климентъ V попытался отдѣлить преслѣдованіе заподозрѣнныхъ тампльеровъ поодиночкѣ отъ слѣдствія надъ всѣмъ орденомъ, какъ учрежденіемъ. Епископамъ совмѣстно съ инквизиціей папа предоставилъ въ ихъ епархіяхъ преслѣдованіе отдѣльныхъ храмовниковъ, а приговоры надъ изобличенными должны были произноситься на провинціальныхъ синодахъ; только рѣшеніе участи Якова Молэ и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ ордена папа выговорилъ себѣ самому. Напротивъ, вопросъ о виновности ордена въ его совокупности долженъ былъ (по мысли, поданной Филиппомъ IV) рѣшиться на особомъ всеобщемъ соборѣ, и комиссіи изъ архіепископовъ и папскихъ комиссаровъ поручено было собрать для будущаго собора предварительныя свѣдѣнія. Сначала комиссія предполагала было объѣзжать Францію изъ епархіи въ епархію и всюду производить слѣдствіе надъ заключенными, которые офиціально уже были сданы королемъ во власть папы въ лицѣ его представителя—кардиналъ-епископа Петра изъ Пренесте, но затѣмъ рѣшено было вызвать всѣхъ тампльеровъ къ допросу въ Парижъ.

Съ тѣхъ поръ какъ процессъ противъ ордена огласился, перешелъ въ руки папы и охватилъ всю Западную Европу, тампльеры съ магистромъ ордена во главѣ измѣнили свою тактику въ защитѣ. Уже изъ перваго инквизиціоннаго допроса стало ясно, что никакія объясненія кощунственныхъ обрядовъ не могутъ оправдать ихъ въ глазахъ церкви, свѣтской власти и общественнаго мнѣнія; съ другой стороны, явилась надежда, что римская курія еще разъ проявитъ относительно ордена свою обычную снисходительность и благополучно проведетъ его черезъ всѣ подводные камни формальнаго процесса. Надо было, во что бы то ни стало, доказать, что орденъ во всей совокупности былъ чуждъ ереси, а обряды, признанные самимъ магистромъ передъ членами парижскаго университета, были только заблужденіями отдѣльныхъ его членовъ. Въ надеждѣ на папу и на синоды, многіе тампльеры при допросѣ по епархіямъ отказываются отъ своихъ прежнихъ сознаній, жалуются на пытки, застращиванье, жестокое обращеніе въ тюрьмахъ. Другіе, не отвергая прямо своихъ первыхъ показаній, стараются не возвращаться къ нимъ, а говорятъ только о незаконности всего парижскаго процесса инквизиціи, о заслугахъ ордена, завѣряютъ въ своей вѣрности ученіямъ церкви вообще, хватаются за юриди-

ческія формальности, чтобы ставить препятствія комиссіи и сдѣлать преслѣдованіе всего ордена въ совокупности невозможнымъ. Таково было, наприм., поведеніе самого магистра ордена передъ папской комиссіей. Яковъ Молэ былъ родомъ изъ бургундской знати, въ 1265 г. принятъ въ орденъ въ епархіи Отена и могъ еще участвовать въ послѣднихъ войнахъ рыцарей на Востокѣ. Послѣ утраты Сиріи онъ перебрался вмѣстѣ съ другими рыцарями на Кипръ, затѣмъ былъ провинціальнымъ магистромъ Англіи и, наконецъ, благодаря ловкой интригѣ, избранъ магистромъ всего ордена, несмотря на то, что южно-французская партія была тогда среди храмовниковъ сильнѣе бургундской и намѣтила своимъ кандидатомъ Гюго де Перодо. Ставши магистромъ, Яковъ Молэ не сдѣлалъ никакой попытки уничтожить кощунственные обряды, распространенность которыхъ была ему хорошо извѣстна, да и врядъ ли бы могъ провести какую-нибудь коренную реформу, такъ какъ въ важныхъ вопросахъ зависѣлъ отъ большинства капитула. Въ своихъ показаніяхъ передъ парижскимъ университетомъ и передъ кардиналами въ Шинонѣ, Молэ уже дважды призналъ обряды отреченія отъ Христа и поруганія креста, однако все еще надѣялся оправдать ихъ своими толкованіями. Только теперь, когда въ ноябрѣ 1309 г. магистръ ордена предсталъ передъ комиссіей, и ему прочитанъ былъ протоколъ его шинонскаго допроса, онъ понялъ, какой опасности подвергъ онъ своей наивностью весь орденъ. Оказывалось, что налицо оставался только голый фактъ кощунства: то, что̀ онъ довѣрилъ кардиналамъ снисходительнаго къ ордену папы, какъ семейное дѣло, обращено было въ оружіе противъ него и тампльеровъ. „Другимъ людямъ“, говорилъ онъ теперь съ негодованіемъ, онъ „отвѣтилъ бы на это вызовомъ на поединокъ; такое невѣроятное коварство даже у сарацинъ и татаръ стоило бы виновному жизни“. Молэ еще не отвергалъ своего сознанія, но онъ уже не твердъ въ своей тактикѣ: говоритъ о заслугахъ ордена, требуетъ, чтобы его пытали, и только одному папѣ хочетъ сдѣлать сообщенія, которыя, по его словамъ, послужатъ къ славѣ Бога и церкви. Въ мартѣ 1310 г. всѣ тампльеры, съ которыми имѣла дѣло комиссія, въ количествѣ 546 человѣкъ, были сразу собраны въ саду позади епископскаго дворца. Здѣсь имъ прочитаны были обвинительные пункты, а затѣмъ они должны были выбрать изъ своей среды прокураторовъ для отвѣта, по одному уполномоченному отъ каждыхъ 6—10 храмовниковъ. Но эта попытка комиссіи начать такимъ путемъ слѣдствіе противъ всего

Institut

ордена сразу не удалась: тампльеры уклонились отъ выбора прокураторовъ подъ предлогомъ, что не имѣютъ на то разрѣшенія магистра, и комиссіи пришлось довольствоваться допросомъ отдѣльныхъ лицъ.

Между тѣмъ епископы, давніе враги ордена, воспользовались правомъ преслѣдовать отдѣльныхъ тампльеровъ въ своихъ епархіяхъ и вели дѣло съ энергіей, часто съ жестокостью, какъ бы доканчивая первый инквизиціонный процессъ. Особенную настойчивость обнаруживалъ епископъ Санса (Sens), братъ могущественнаго министра Филиппа IV—Ангеррана де Мариньи. Не дожидаясь исхода общаго слѣдствія папской комиссіи, онъ созвалъ въ Парижѣ провинціальный синодъ и произнесъ смертный приговоръ надъ 54 тампльерами, которые въ надеждѣ на новый характеръ процесса отреклись было отъ своихъ первыхъ показаній передъ инквизиторами. Тѣ, кто и раньше не сознавался, были снова обречены на заключеніе, а раскаявшіеся возсоединены съ церковью и до поры до времени въ ожиданіи наказаній отпущены на волю. 11 мая 1310 г. состоялось страшное ауто-да-фэ, и осужденные возведены на костеръ; на слѣдующій день за ними послѣдовало еще 4 тампльера. Ужасъ объялъ храмовниковъ, продолжавшихъ еще свои пререканія съ комиссіей. 13-го мая передъ ней предсталъ тампльеръ Венсенъ де Виллэ, какъ олицетвореніе безысходнаго отчаянія и страха передъ мучительной смертью. Рыцарь заклиналъ, что орденъ невиновенъ, хотя онъ самъ подъ пыткой показалъ противное, но съ тѣхъ поръ какъ на его глазахъ повезли на казнь этихъ 54, онъ, кажется, готовъ признать всякое обвиненіе, хотя бы даже въ томъ, что онъ лишилъ жизни Спасителя. Подъ впечатлѣніемъ этого жестокаго событія заканчивала комиссія свое слѣдствіе. Она не добыла свѣдѣній, достаточныхъ для осужденія всего ордена. Кощунственные обряды были доказаны во множествѣ случаевъ, но встрѣчались храмовники, которые вошли въ орденъ и безъ нихъ. Ни одинъ изъ этихъ обрядовъ не былъ внесенъ въ статуты ордена, а тайнаго устава вообще не существовало. Не было налицо и особой орденской ереси, потому что отреченіе отъ Христа не имѣло догматическаго характера. Но, конечно, примѣненіе позорныхъ обрядовъ не оставалось тайной для самого ордена, и собору предстояло рѣшить, насколько можно было осудить его за это во всей совокупности.

Между тѣмъ папа, кажется, вполнѣ увѣровалъ въ виновность ордена и старался свое прежнее бездѣйствіе загладить усердіемъ,

Institute o

съ которымъ побуждалъ епископовъ по отдѣльнымъ государствамъ доводить храмовниковъ до сознанія. Въ Англіи пытка была не въ обычаѣ; и вотъ Климентъ V въ августѣ 1310 г. выставляетъ въ духѣ инквизиціи положеніе, что по отношенію къ еретикамъ всѣ законы, всѣ привилегіи, всѣ обычаи падаютъ сами собой; онъ осуждаетъ архіепископовъ Кентерберійскаго и Іоркскаго за то, что они не произвели давленія на прелатовъ, воздержавшихся отъ пытки храмовниковъ. Но ожиданія папы не оправдались. На Пиренейскомъ полуостровѣ орденъ оказался совершенно чистымъ отъ всѣхъ заблужденій французской вѣтви; здѣсь онъ продолжалъ свою полезную дѣятельность въ борьбѣ противъ мавровъ, и три государя: Яковъ II арагонскій, Фердинандъ IV кастильскій и Денисъ португальскій заранѣе условились между собой, чтобы богатства храмовниковъ ни въ какомъ случаѣ не перешли въ распоряженіе къ папѣ. И въ Германіи слѣдствіе ни къ чему не привело, а общественное мнѣніе было на сторонѣ ордена. Въ Англіи тампльеры почти единогласно отвергали свою виновность; церковь не могла осудить ихъ, а довольствовалась тѣмъ, что уклончивымъ приговоромъ какъ бы наложила на нихъ охулку (диффамацію). На Кипрѣ опять таки не оказалось никакихъ слѣдовъ ереси, и храмовники подверглись здѣсь пыткѣ и осужденію изъ политическихъ соображеній—по обвиненію въ заговорѣ противъ короля Генриха. Только въ отдѣльныхъ областяхъ Италіи, гдѣ среди ордена низшій разрядъ „служащихъ братьевъ“ бралъ верхъ надъ рыцарствомъ, инквизиторы обнаружили тѣ же уродливыя явленія, какъ и во Франціи.

Уничтоженіе ордена.

Таково было положеніе дѣлъ, когда осенью 1311 г. собрался соборъ въ Вьеннѣ. Подъ предсѣдательствомъ самого Климента V здѣсь было на лицо болѣе сотни прелатовъ Франціи, Италіи, Германіи, Англіи, Шотландіи, Даніи, Венгріи. Комиссіи, избранной изъ среды собора, и были предъявлены всѣ документы, касавшіеся процесса противъ тампльеровъ. Соборъ, однако, не находилъ въ нихъ достаточно данныхъ для осужденія всего ордена. Дѣло готово было затянуться, и непримиримый врагъ тампльеровъ Филиппъ IV поспѣшилъ произвести давленіе на папу. Онъ писалъ, что вина ордена доказана, а его уничтоженіе неизбѣжно; что владѣнія храмовниковъ папа можетъ передать какому-либо другому изъ существующихъ орденовъ или нарочно для этого случая создать еще новый рыцарскій орденъ. Весной 1312 г. король самъ появился въ Вьеннѣ съ братьями, сыновьями, свитой и засѣдалъ рядомъ съ папой

на престолѣ, нѣсколько болѣе низкомъ. Но папа и безъ того своимъ усердіемъ въ послѣдній періодъ процесса отрѣзалъ себѣ путь къ отступленію; къ тому же, большинство собора вмѣстѣ съ упорствомъ въ вопросѣ о тампльерахъ стало обнаруживать вообще нѣкоторую наклонность къ ограниченію папскаго произвола. Подъ такими вліяніями Климентъ V издалъ буллу „Vox in excelso“ отъ 22 марта 1312 г., уничтожавшую орденъ тампльеровъ. Онъ признавалъ, что канонически орденъ нельзя было осудить за ересь, но храмовники подпали диффамаціи, худой молвѣ, многіе братья ордена съ магистромъ, визитаторомъ Франціи и другими сановниками во главѣ принесли добровольное сознаніе въ заблужденіяхъ; тампльеры стали предметомъ отвращенія для церкви, прелатовъ и свѣтской власти; никто не захочетъ отнынѣ поступать въ ихъ орденъ, такъ что онъ станетъ излишнимъ и не будетъ въ состояніи исполнять свой долгъ относительно Св. Земли. Въ силу всего этого папа „съ согласія собора“ (котораго вовсе не было дано) объявлялъ орденъ уничтоженнымъ. Булла была обнародована въ торжественномъ засѣданіи собора 3 апрѣля 1312 г. Дальнѣйшія буллы рѣшали участь рыцарей и ихъ богатствъ. Всѣ владѣнія и доходы тампльеровъ повсюду (за исключеніемъ Испаніи) передавались ордену іоаннитовъ. Магистра ордена, визитатора Франціи и другихъ сановниковъ Климентъ V привлекалъ къ своему собственному суду, дѣла объ остальныхъ членахъ ордена предоставлялись рѣшенію провинціальныхъ синодовъ.

Впослѣдствіи по причинѣ своей болѣзни папа поручилъ судъ надъ сановниками ордена тремъ кардиналамъ и далъ имъ право вязать и разрѣшать и карать на основаніи раньше добытыхъ данныхъ. На 11 марта 1314 г. назначенъ былъ заключительный актъ инквизиціоннаго процесса. На площади передъ соборомъ Парижской Божіей Матери были воздвигнуты трибуны для кардиналовъ и прелатовъ Франціи. Вельможи и народъ спѣшили сюда, какъ на зрѣлище. Прево Парижа подвелъ къ кардиналъ-епископу Сабинскому и архіепископу Санса Якова Молэ, Гюго де-Перодо и ихъ товарищей. По обычаю инквизиціоннаго процесса, имъ прочли перечисленіе всѣхъ ихъ преступленій, основанное на собственномъ сознаніи, и приговорили къ пожизненному заключенію. Тогда вдругъ заговорили Молэ и Годефруа де-Шарнэ, прецепторъ Нормандіи, оспаривали справедливость приговора, брали назадъ не только свое прежнее сознаніе, но объявляли недѣйствительными враждебныя ордену показанія всѣхъ другихъ храмовниковъ. Было ясно, что магистръ

тампльеровъ, погубившій ихъ своими разоблаченіями, въ послѣднюю минуту нашелъ, наконецъ, еще достаточно мужества въ себѣ, чтобы покончить жизнь мученичествомъ за орденъ. По взглядамъ инквизиціи, за новое отпаденіе въ ересь Якову Молэ и Шарнэ грозила смерть; впрочемъ, приговоръ должны были бы произнести надъ ними все-таки кардиналы. Но Филиппъ IV не могъ уже болѣе сдерживать себя и дожидаться. Еще вечеромъ того же 11-го марта Молэ и Шарнэ по его волѣ были возведены на костеръ. Король какъ бы торопился похоронить весь орденъ со смертью его главы. Это вмѣшательство свѣтской власти было незаконно, но римская курія приняла его спокойно. Зато преданіе стало видѣть съ этихъ поръ въ лицѣ Филиппа IV—палача тампльеровъ, а въ папѣ Климентѣ V—его послушное орудіе.

Судьба ордена храмовниковъ—историческая трагедія: они нашли свою гибель въ томъ, чѣмъ возвысились,—въ своихъ неограниченныхъ правахъ. Съ утратой Сиріи орденъ потерялъ поприще для войны съ невѣрными, главную цѣль своего существованія. Благотворительность и уходъ за больными не были въ обычаѣ у тампльеровъ. Найти новое приложеніе для своихъ силъ или поставить себѣ иныя нравственныя задачи,—на это у ордена не хватило ни сердечныхъ, ни умственныхъ способностей. Права безъ обязанностей стали разнуздывать личность—и личность грубую. Рыцари, обособившись отъ міра, теряли людскую мѣрку для своихъ поступковъ и считали себѣ все дозволеннымъ; наивно сознавались они въ кощунствѣ, и смерть явилась для нихъ неожиданностью. Но мученія въ тюрьмахъ, подъ пытками, на кострѣ не дали имъ права на мученическій вѣнецъ; они пострадали даже не за убѣжденія, а какъ-то случайно, по распущенности. Еще при жизни храмовники давно перестали служить ближнему и не уменьшали болѣе ничьихъ страданій; а своею смертью они и въ будущемъ никому не дали ни счастья, ни истины, ни духовной свободы. Ауто-да-фэ тампльеровъ возмущаетъ безсмысленностью, жестокостью, но оно не можетъ навѣять благоговѣнія, какъ костры Жанны д'Аркъ и Яна Гуса.

Евг. Щепкинъ.

XXXVII.

Андроникъ Комнинъ.

I.

Задачи Византійской имперіи въ XI вѣкѣ.

Въ концѣ XI вѣка на византійскій престолъ вступилъ императоръ Алексѣй I Комнинъ. Его царствованіе начинаетъ собою столѣтній періодъ, который не безъ основанія считаютъ послѣднимъ вѣкомъ блеска и могущества Византіи,—періодъ, неразрывно связанный съ именемъ Комниновъ. Энергичный, предпріимчивый и неутомимый Алексѣй въ теченіе своего почти сорокалѣтняго правленія (1080—1118) сумѣлъ упрочить престолъ за своимъ потомствомъ, искусно справившись съ значительной частью тѣхъ задачъ, какія въ его время предстояли византійскому императору. А задачи эти были не легки.

Съ прекращеніемъ (въ началѣ XI вѣка) мужской линіи македонской династіи для Византіи наступила смутная эпоха. Цѣлые полвѣка престоломъ распоряжались то императрицы, вмѣстѣ съ своею рукою передававшія его людямъ, которые удовлетворяли болѣе ихъ

Источники: *Nicetae Choniat.* Historia (ed. Bonn. 1835; есть русск. пер.); *Joannis Cinami*, Historia (ed. Bonn. 1835; есть русск. пер.). **Пособія:** *Ѳ. Успенскій*, Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины (Ж. М. Н. П., т. 212 (1880 г.) и 214 (1881 г.)—не окончено); *F. Wilken*, Andronicus Komnenus (Raumer's Historisches Taschenbuch. Zweiter Jahrgang, 1831); *Hertzberg*, Geschichte d. Byzantiner und d. osmanischen Reiches, 1882; *Скабалановичъ*, Византійское государство и церковь въ XI в., Спб. 1884 г.; *А. Куникъ*, Основаніе Трапезундской имперіи въ 1204 г. (Ученыя записки Императорской Академіи наукъ по 2-му и 3-му отдѣленіямъ. Т. II, вып. 3, Спб. 1854); см. также „Исторію Трапезундской имперіи“ *Fallmerayer*'а.

личнымъ вкусамъ, чѣмъ потребностямъ государства [1]), то знать, сложившаяся уже къ этому времени въ могущественную землевладѣльческую аристократію, то войско. Частыя и неожиданныя смѣны императоровъ [2]) вели къ разстройству правильнаго хода государственнаго управленія, къ уничтоженію дисциплины въ войскѣ. Важныя должности въ центральномъ и областномъ управленіи часто попадали въ руки людей, случайно возвысившихся и мало пригодныхъ для своего назначенія. Между начальниками войскъ, разсѣянныхъ по провинціямъ и нерѣдко своимъ вмѣшательствомъ помогавшихъ возведенію и низверженію императоровъ, попадались люди, подчасъ готовые не признавать совершавшихся въ Константинополѣ перемѣнъ, сопротивляться новымъ, неожиданно появлявшимся императорамъ и даже, при удобномъ случаѣ, попытаться захватить престолъ въ свои собственныя руки. Государственное казначейство было истощено — въ значительной мѣрѣ тратами императоровъ на своихъ любимцевъ и любимицъ или на тѣхъ, чьею приверженностью имъ приходилось дорожить; а между тѣмъ доходы получались туго, такъ какъ многія провинціи были опустошены и разорены иноземными вторженіями и междоусобными войнами, наполнявшими эпоху, предшествовавшую воцаренію Алексѣя.

Внѣшнее положеніе государства было также очень тяжелое. Съ сѣвера угрожали имперіи какъ славянскія племена Сербіи и Далмаціи, такъ еще болѣе печенѣги, за которыми съ тыла надвигались половцы (куманы). Съ запада для Византіи являлась страшная опасность въ лицѣ италіанскихъ норманновъ, стремившихся завладѣть землями имперіи и мечтавшихъ объ основаніи государства въ Малой Азіи. Наконецъ, самый опасный врагъ надвигался съ востока. Сельджукскіе турки, двинувшись въ концѣ X вѣка съ первоначальныхъ мѣстъ своего поселенія между Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей и распространившіе постепенно свою власть на значительную часть Ирана и Месопотаміи уже около половины XI-го вѣка, при императорѣ Константинѣ Мономахѣ, столкнулись съ византійцами

---

[1]) Таковы были Зоя, дочь послѣдняго императора изъ македонской династіи Константина VIII, бывшая три раза замужемъ, и Евдокія, вдова императора Константина Дуки, вышедшая вторично замужъ за Романа Діогена.

[2]) За время отъ смерти Константина VIII (1028) до вступленія на престолъ Алексѣя Комнина (1080) въ Византіи смѣнилось 10 императоровъ и, кромѣ того, около двадцати мѣсяцевъ (янв. 1055—авг. 1056) управляла государствомъ императрица Ѳеодора.

въ восточныхъ провинціяхъ Малой Азіи [1]). Среди неурядицъ 50—70-хъ годовъ XI вѣка, быстро смѣнявшіеся императоры не могли сдержать напора страшныхъ кочевниковъ, и богатыя малоазійскія области, доставлявшія имперіи наибольшіе доходы и лучшихъ солдатъ, стали добычею турокъ. Они надвигались все далѣе и далѣе на западъ, безпощадно истребляя населеніе, опустошая цвѣтущія мѣстности, превращая воздѣланныя поля въ луга и пастбища. Къ началу царствованія Алексѣя турки успѣли уже изъ Месопотаміи продвинуться въ Сирію, Киликію, Каппадокію, Ликаонію, Фригію, проникали въ Виѳинію и Мизію, простирая свои набѣги и распространяя свои владѣнія до самыхъ береговъ Мраморнаго моря, а затѣмъ въ первые годы правленія Алексѣя захватили даже западные берега полуострова—древнюю Лидію и многіе изъ Спорадскихъ острововъ [2]).

Алексѣй Комнинъ.

Съ замѣчательной настойчивостью и неутомимостью обратился Алексѣй къ исправленію того положенія, въ какомъ засталъ государство. Главное свое вниманіе при этомъ онъ обратилъ на охрану имперіи отъ внѣшнихъ враговъ. Почти все его царствованіе прошло въ борьбѣ противъ нихъ, въ борьбѣ, которая велась столько же оружіемъ, сколько хитрыми пріемами византійской дипломатіи. Алексѣй совершилъ нѣсколько походовъ противъ печенѣговъ и половцевъ и, несмотря на отдѣльныя неудачи, сумѣлъ, въ концѣ концовъ, съ замѣчательной ловкостью, разъединивши кочевниковъ, дѣйствовавшихъ сначала вмѣстѣ, оградить отъ нихъ имперію на довольно долгій срокъ. Ради защиты Византіи отъ грознаго норманна Роберта Гвискарда, котораго византійцамъ не легко было одолѣть однимъ своимъ оружіемъ, Алексѣй возбуждалъ къ возстанію противъ него обитателей южной Италіи и сближался съ враждебными норманнамъ венеціанцами и императоромъ Генри-

---

[1]) Византіи принадлежала въ это время почти вся Малая Азія. Крайней осмой (провинціей) на юго-востокѣ былъ Васпураканъ (къ востоку отъ оз. Ванъ). Отсюда граница шла къ западу по верховьямъ Тигра и Евфрата до Антіохіи.

[2]) Здѣсь указаны древнія названія малоазійскихъ областей. Въ Византійской имперіи, какъ извѣстно, постепенно установились (на смѣну діоклетіано-константиновскаго устройства) дѣленія на такъ называемыя ѳемы (см. вып. I, статья XII: „Левъ III Исавръ и начало иконоборства“, стр. 303). Нѣкоторыя изъ ѳемъ сохранили древнія названія (напр., Каппадокія, Пафлагонія), большинство же носило новыя (напр., Анатоликъ на мѣстѣ древней Фригіи, Буккеларіи и Оптиматы въ древней Виѳиніи, Опсикій и Абидосъ въ древней Мизіи и др.). Ср. Скабалановичъ, стр. 193—209.

хомъ IV. Наконецъ, напоръ турокъ былъ въ нѣкоторой мѣрѣ ослабленъ движеніемъ участниковъ перваго крестоваго похода, и благодаря этому Алексѣю удалось вернуть многія земли, такъ что къ концу его царствованія за Византіей оставалось сѣверное побережье Чернаго и Мраморнаго морей [1]); а борьба съ турками въ свою очередь отвлекала крестоносцевъ отъ нападеній на Византію, уже тогда казавшуюся заманчивой добычей для западныхъ искателей приключеній, славы и богатствъ.

Непрерывная борьба съ внѣшними врагами лишала Алексѣя возможности посвящать много времени и вниманія внутреннимъ дѣламъ; онъ рѣдко бывалъ въ столицѣ и даже въ виду этого въ началѣ царствованія офиціально передалъ внутреннее управленіе своей матери. Но самая внѣшняя борьба была возможна только при извѣстныхъ внутреннихъ мѣрахъ. Прежде всего необходимо было упрочить за собою власть, захваченную силой [2]). Для этой цѣли Алексѣй постарался стать въ хорошія отношенія къ духовенству, а это было вначалѣ не трудно для человѣка, всегда выказывавшаго себя ревностнымъ поборникомъ православія и непримиримымъ противникомъ ересей. Еще важнѣе было заручиться преданностью свѣтской, военной и придворной аристократіи. Но Алексѣй не думалъ достигнуть такой преданности дарованіемъ знати какихъ-нибудь правъ и привилегій, которыя могли бы стѣснять его власть. Онъ только постарался привлечь на свою сторону небольшое число самыхъ крупныхъ и могущественныхъ представителей аристократіи (особенно тѣхъ, съ которыми былъ связанъ родствомъ), давая имъ почетные титулы [3]), награждая ихъ землями и доходами съ городовъ. Войско состояло въ громадной части изъ иноземныхъ наемниковъ, отъ которыхъ нельзя было ждать патріотической преданности, и потому, несмотря на всю энергію и популярность Алексѣя, какъ полководца, главнымъ средствомъ для поддержанія

---

[1]) На востокъ отъ Архипелага владѣнія имперіи шли до линіи, соединяющей города Синопъ, Аморіонъ и Филомеліонъ (послѣдніе два города въ древней Фригіи). Такимъ образомъ, Византіи въ это время принадлежали сѣверо-восточныя части древней Арменіи, сѣверныя части древняго Понта и Пафлагоніи, древнія Виѳинія, Мизія, Фригія и Лидія.

[2]) Алексѣй достигъ престола, поднявъ вооруженное возстаніе противъ императора Никифора Вотаніата.

[3]) Алексѣй увеличилъ число высшихъ чиновъ тремя новыми: *севастократора, панперсеваста и протосеваста.* Санъ севастократора занялъ въ византійской „табели о рангахъ“ первое мѣсто, принадлежавшее ранѣе сану *кесаря.* Всѣ эти чины давались обыкновенно членамъ императорской фамиліи.

вѣрности и дисциплины было хорошее содержаніе солдатъ, хорошая оплата военной службы. Дипломатическія сношенія, привлеченіе на свою сторону союзниковъ требовали также большихъ денежныхъ затратъ. Хорошее состояніе финансовъ было, такимъ образомъ, необходимо для успѣха внѣшней борьбы, и Алексѣй, болѣе или менѣе укрѣпившись на престолѣ, не стѣснялся затѣмъ уже никакими средствами, чтобы наполнять государственное казначейство: онъ распоряжался по своему усмотрѣнію богатыми имуществами церкви, сокращалъ размѣры жалованья и наградъ чиновникамъ, облагалъ населеніе новыми налогами, развивалъ систему монополій, выпускалъ монету плохого качества. Не удивительно, что эти мѣры вызвали къ концу его царствованія недовольство въ Византіи какъ среди аристократіи, властолюбивыя стремленія которой онъ всячески старался ограничить, такъ и среди духовенства, затронутаго въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, и низшихъ классовъ, угнетенныхъ налогами. Не удивительно также, что его хитрая, иногда, можетъ быть, слишкомъ двоедушная дипломатія стяжала ему нелестную репутацію обманщика и измѣнника, особенно у крестоносцевъ и западныхъ историковъ перваго похода. Но, во всякомъ случаѣ, дѣятельность Алексѣя имѣла въ виду насущныя нужды государства, и благодаря ей преемникъ и сынъ Алексѣя Іоаннъ нашелъ при вступленіи на престолъ и войско, и финансы, и внѣшнія дѣла государства въ гораздо лучшемъ положеніи, нежели Алексѣй.

Іоаннъ. Императоръ Іоаннъ (1118—1143) съ большимъ успѣхомъ продолжалъ политику, начатую отцомъ. Онъ также обращалъ главное свое вниманіе на хорошее состояніе казначейства и войска и на внѣшнее положеніе государства. Онъ удачно боролся съ печенѣгами, которые снова рѣшились перейти Дунай и потерпѣли отъ Іоанна такое пораженіе, что имя ихъ почти исчезло съ того времени въ исторіи. Съ неменьшимъ успѣхомъ дѣйствовалъ онъ въ теченіе всего царствованія противъ турокъ, возвращая одинъ за другимъ занятые ими города и провинціи Малой Азіи [1]). Благодаря тому, что Іоаннъ развивалъ свою дѣятельность на прочномъ основаніи, созданномъ Алексѣемъ, ему сравнительно легко давались—особенно при его бережливости и замѣчательныхъ военныхъ способностяхъ—всѣ эти успѣхи; а эта легкость успѣховъ неудержимо влекла къ расширенію задачъ внѣшней политики, къ созданію заманчивыхъ,

[1]) Іоаннъ вернулъ имперіи городъ Лаодикею въ древней Фригіи, южную часть Пафлагоніи (съ городами Кастамономъ и Гангрой), часть Писидіи и Памфиліи и др.

хотя и трудно выполнимыхъ плановъ. Правда, и Алексѣй Комнинъ былъ не чуждъ широкихъ замысловъ: и онъ мечталъ о возстановленіи древнихъ предѣловъ государства, и онъ раздѣлялъ никогда не умиравшее въ Восточной имперіи воззрѣніе, что византійскіе императоры—единственные законные императоры, которымъ должна принадлежать власть надъ Италіей, и что перенесеніе титула римскихъ императоровъ на франкскихъ и германскихъ королей есть несправедливость и насиліе противъ „Новаго Рима"; и онъ готовъ былъ поддерживать притязанія Византіи, съ одной стороны, на земли, захваченныя крестоносцами въ Сиріи и Палестинѣ, а съ другой — на Италію. Но затруднительное положеніе, въ какомъ Алексѣй нашелъ имперію, необходимость въ теченіе всего царствованія бороться противъ близкихъ враговъ и опасностей не позволяли ему почти ничего дѣлать для осуществленія этихъ притязаній. Это было уже доступнѣе для Іоанна, который въ концѣ царствованія вмѣсто того, чтобы окончательно укрѣпить за собою отнятыя имъ и Алексѣемъ у турокъ и драгоцѣнныя для имперіи провинціи Малой Азіи, стремился къ распространенію своей власти далѣе, на Сирію и Палестину. Онъ прошелъ въ отдаленную Киликію и уже собирался итти на Іерусалимъ, чтобы, съ одной стороны, помочь королю Фульку противъ турокъ, а съ другой, подчинить короля своему суверенитету, когда, случайно ранивъ себя на охотѣ отравленной стрѣлою, умеръ весной 1143 года.

Его наслѣдникъ, императоръ Мануилъ (1143—1180), нашелъ финансы и войско не въ худшемъ состояніи, чѣмъ Іоаннъ, а внѣшнія дѣла въ значительно лучшемъ. Ему ничто уже не мѣшало приступить къ осуществленію широкихъ политическихъ плановъ, а онъ еще притомъ былъ человѣкъ склонный къ грандіознымъ фантазіямъ, до крайности увлекавшійся мечтами о славѣ и величіи Византіи и своего имени. Мануилъ.

Мануилъ направилъ всѣ свои стремленія на Западъ, пренебрегши гораздо болѣе важными восточными малоазійскими дѣлами. Громадную часть своего царствованія провелъ онъ въ самыхъ разнообразныхъ военныхъ и дипломатическихъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ одну конечную цѣль—возстановленіе византійскаго господства въ Италіи и признаніе въ ней Мануила императоромъ. Онъ вступалъ въ сношенія то съ Гогенштауфенами, то, видя, что интересы ихъ расходятся, – съ италіанскими городами, съ папой и даже съ норманнами; онъ захватывалъ области въ Италіи, вмѣшивался въ борьбу папы и италіанскихъ городовъ противъ Фридриха Барбаруссы,

помогалъ возстановленію Александра III на престолѣ св. Петра и даже предлагалъ папѣ гигантскій планъ объединенія стараго и новаго Рима путемъ соединенія имперіи и церкви, — словомъ, являлся, по выраженію одного новѣйшаго историка, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ центромъ тогдашней всемірной политики [1]). Но эта блестящая роль со всѣми ея военными предпріятіями и дипломатическими комбинаціями, стоившими громадныхъ денегъ, не приносила никакихъ положительныхъ результатовъ и только влекла за собою цѣлый рядъ послѣдствій, справедливо возбуждавшихъ недовольство среди византійской знати и народа.

Прежде всего, недостаточное вниманіе императора къ восточнымъ дѣламъ позволяло усиливаться самому страшному врагу Византіи въ Малой Азіи—иконійскому султану.

Пристрастіе Мануила къ Западу.

Далѣе, постоянныя сношенія съ Западомъ вели къ тому, что Мануилъ, воспитанный отчасти въ духѣ западнаго рыцарства, связанный разнообразными отношеніями съ западными императорами и французскими королями, оказывалъ людямъ западнаго происхожденія—„латинянамъ“—слишкомъ много предпочтенія передъ византійцами, которые гордо называли себя „ромэями“, римлянами, а западныхъ пришельцевъ — „варварами“. Младшій современникъ Мануила, историкъ Никита Акоминатъ, жалуется, что императоръ окружалъ себя иноземцами, тратилъ на нихъ массы денегъ, такъ что они собирали громадныя сокровища, точно „вельможи у великихъ народовъ“, а между тѣмъ это были люди, лишенные всякаго образованія, почти не умѣвшіе говорить по-гречески. „И довѣряя больше всѣхъ такимъ людямъ, какъ самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугамъ, онъ не только поручалъ имъ высшія должности, но и ставилъ ихъ во главѣ судебныхъ учрежденій, гдѣ не скоро освоиваются съ дѣлами даже и люди, спеціально изучившіе право“.— „Если нужно было (какъ это часто случалось) произвести опись какой-нибудь провинціи (съ цѣлью податного обложенія), то и въ такихъ дѣлахъ подобные люди предпочитались людямъ болѣе способнымъ; а если иногда и присоединяли къ нимъ „благороднаго ромэя“, образованнаго и талантливаго, то только для того, чтобы производить переписи и опредѣлять, съ какихъ статей собирать налоги; собиралъ же деньги и прикладывалъ печати къ тюкамъ, предназначеннымъ для отсылки императору, варваръ“. Такое недовѣріе и пренебреженіе императора къ ромэямъ вызывало въ нихъ

---

[1]) Hertzberg, S. 305.

равнодушное и небрежное отношеніе къ дѣлу сбора податей, благодаря чему въ казну доходила только малая часть сборовъ, остальное же оставалось въ рукахъ варваровъ [1]). Въ связи съ такими дѣйствіями императора стояли и другія, вызывавшія неменьшее неудовольствіе. Тратя на своихъ фаворитовъ и фаворитокъ и всего болѣе на „латинскія толпы“ (Λατινικαὶ ὁμηγύρεις) массы денегъ, императоръ собиралъ въ свою казну, „какъ воду въ водохранилище“, и тѣ деньги, которыя должны были итти на содержаніе войска, а потребности войска удовлетворялъ поборами съ населенія, носившими скромное названіе добровольныхъ приношеній (δωρεαί). При прежнихъ царяхъ такія приношенія лишь изрѣдка служили наградой тѣмъ, кто особенно отличился въ борьбѣ съ непріятелемъ. Теперь же, благодаря раздачѣ ихъ всѣмъ безъ разбора, съ одной стороны, утрачивалось для солдатъ побужденіе къ военной доблести, а съ другой, разорялись провинціи, такъ какъ ненасытные солдаты не только отнимали у провинціаловъ деньги, но и „снимали послѣднюю рубашку“. А такъ какъ при этомъ еще вербовки производились небрежно, безъ всякаго испытанія, то въ солдаты поступалъ всякій, кто хотѣлъ, и кому тяжело было отбывать государственныя повинности: портные, конюхи, каменщики, кузнецы, и этимъ людямъ отводили земли, съ населенія которыхъ они брали денежные сборы. Такимъ образомъ, иногда почтенному ромэю, опытному въ военномъ дѣлѣ, приходилось платить подати какому-нибудь „презрѣнному полуварвару“, не имѣвшему понятія о томъ, что такое боевой строй. Все это вело къ совершенному разоренію провинцій [2]).

Венеціанцы.

Недовольство сближеніемъ императора съ Западомъ, съ людьми „латинскаго рода“, возникавшее въ придворныхъ и чиновныхъ кругахъ, распространялось, такимъ образомъ, и дальше, сообщалось въ провинціи, передавалось всему населенію. Для торгово-промышленнаго класса, особенно въ столицѣ, былъ еще одинъ очень важный поводъ къ недовольству. Вмѣшательство въ италіанскія дѣла и въ особенности борьба съ норманнами требовали значительныхъ морскихъ силъ, а между тѣмъ собственный военный флотъ Византіи былъ очень слабъ. Поневолѣ приходилось искать

---

[1]) Nicet., ed. Bonn., p. 266 — 268. На приливъ западныхъ пришельцевъ во времена Мануила и на раздраженіе противъ нихъ во всѣхъ слояхъ указываетъ также Вильгельмъ Тирскій. См. ст. Ѳ. Успенскаго въ Ж. М. Н. П. 1881 г., т. 214, стр. 63.

[2]) Nicet., p. 272 – 274.

морскихъ союзниковъ. Это обстоятельство и привело имперію къ сближенію съ Венеціей. Уже Алексѣй I въ борьбѣ съ Робертомъ Гвискардомъ обратился, какъ замѣчено выше, къ помощи Адріатической республики. Но венеціанцы дорого продавали свои услуги. Въ 1082 г. былъ заключенъ договоръ, по которому имперія получала право располагать венеціанскимъ флотомъ для защиты своихъ береговыхъ областей, но зато представляла республикѣ не только безпошлинно торговать въ имперіи, ввозить и вывозить товары, но и основывать факторіи и поселенія въ главнѣйшихъ торговыхъ городахъ имперіи, не исключая столицы [1]). Этотъ договоръ, дававшій средства для могущественнаго развитія венеціанской торговли въ имперіи и на отдаленномъ востокѣ, помогъ Венеціи сдѣлаться въ XII в. первостепенной морской державой, но Византіи онъ оказалъ очень мало услугъ. Служба венеціанцевъ имперіи была часто ненадежна, помощь ихъ не отвѣчала ожиданіямъ и нуждамъ византійскаго правительства, а привилегіи, данныя республикѣ, естественно, должны были оказывать вредное вліяніе на промышленность и торговлю имперіи и вызывать неудовольствіе торгово-промышленнаго класса. Не удивительно поэтому, что впослѣдствіи и самъ Алексѣй и его преемники не разъ пытались освободиться отъ тяжелаго договора и ограничить созданное имъ преобладающее торговое значеніе Венеціи. Но эти попытки не достигали цѣли. Заключенный въ концѣ царствованія Алексѣя договоръ съ пизанцами, предоставлявшій имъ нѣкоторыя торговыя льготы, хотя и не такія значительныя, какъ венеціанцамъ, возбудилъ большое недовольство послѣднихъ, а когда императоръ Іоаннъ при своемъ вступленіи на престолъ попытался было отказаться отъ подтвержденія договора 1082 г. и затѣмъ въ 1123 г. изгналъ венеціанскихъ купцовъ изъ Константинополя, то венеціанцы начали нападать на острова Іоническаго моря и Архипелага, на города Пелопоннеса и предавать ихъ грабежу и пожарамъ, такъ что, въ концѣ концовъ, Іоаннъ, не имѣя достаточнаго флота для борьбы съ республикой, долженъ былъ пойти на уступку: въ 1126 г. имъ были подтверждены прежнія привилегіи Венеціи. Жители лагунъ снова наводнили имперію и въ особенности Константинополь. Одержанная побѣда располагала венеціанцевъ, которые и раньше, по словамъ византійскаго историка Іоанна Киннама, „обращались съ гра-

[1]) Въ Константинополѣ венеціанцамъ былъ отведенъ кварталъ въ Перѣ, гдѣ они жили какъ бы совершенно самостоятельнымъ, независимымъ отъ общеимперскаго и городского управленія поселеніемъ.

жданами, какъ съ рабами", къ еще большей заносчивости и высокомѣрію, „потому что,—замѣчаетъ Киннамъ,—высокомѣріе, видя свои успѣхи, доходитъ обыкновенно до безумія. И дѣйствительно, венеціанцы многимъ знатнымъ и близкимъ по родству къ царю лицамъ наносили удары и жестоко оскорбляли иными способами". — „Такъ продолжали они поступать,—говоритъ онъ далѣе,—и во времена царя Мануила, когда женаты уже были на римлянкахъ и жили въ домахъ своихъ женъ, подобно другимъ ромэямъ, слѣдовательно, внѣ назначеннаго имъ отъ царя пребыванія" (т.-е. внѣ отведеннаго для нихъ при Алексѣѣ квартала)" [1]. — „Они начали не только презрительно относиться къ ромэямъ, — добавляетъ Никита Акоминатъ,—но и пренебрегали распоряженіями и повелѣніями императора" [2]. Не довольствуясь такого рода выходками, венеціанцы позволяли себѣ производить настоящія смуты въ столицѣ: одинъ разъ (въ 1162 г.) вмѣстѣ съ пизанцами, другой разъ (1170 г.), кажется, уже вполнѣ самостоятельно, они устроили побоище съ генуэзцами, которымъ Мануилъ также предоставилъ торговыя льготы. По словамъ Киннама, это второе побоище сопровождалось даже разрушеніемъ домовъ въ генуэзскомъ кварталѣ. На требованіе Мануила возмѣстить убытки, причиненные генуэзцамъ, венеціанцы отвѣчали отказомъ. Тогда Мануилъ, къ большой радости населенія, рѣшилъ захватить въ опредѣленный день всѣхъ находящихся въ имперіи венеціанцевъ и конфисковать ихъ имущество. Въ отвѣтъ на это Венеція вооружила большой флотъ, который опустошилъ Далмацію, напалъ на Эвбею и, остановившись затѣмъ у Хіоса, завелъ съ Мануиломъ переговоры о выдачѣ захваченныхъ имъ венеціанцевъ. Впрочемъ, флотъ долженъ былъ вернуться въ Венецію, ничего не добившись, такъ какъ среди экипажа началась страшная чума, занесенная потомъ и въ Венецію. Но въ 1175 г., когда злѣйшему врагу Византіи (впослѣдствіи дожу) Энрико Дандоло,—по разсказамъ современниковъ, измѣннически ослѣпленному во время пребыванія при византійскомъ дворѣ въ качествѣ посла, — удалось заключить союзъ съ сицилійскимъ королемъ Вильгельмомъ II, Мануилу, какъ раньше Іоанну, пришлось уступить: онъ заключилъ съ венеціанцами договоръ, по которому возстановлялись всѣ ихъ прежнія права и въ возмѣщеніе убытковъ уплачивалась значительная сумма денегъ. Снова Византія была на-

---

[1]) Cinn., ed. Bonn., l. 6, c. 10.

[2]) Nicet., p. 223.

водпена западно-европейскими купцами, подрывавшими византійскую торговлю, и взаимное раздраженіе и недовѣріе византійскаго торговаго класса и купцовъ-латинянъ достигло крайняго напряженія.

Война съ Килиджъ-Арсланомъ.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Мануила въ различныхъ слояхъ византійскаго общества проявлялось значительное недовольство положеніемъ дѣлъ. Разнообразное по своему происхожденію и по своимъ проявленіямъ, оно сводилось, въ концѣ концовъ, къ одному: къ тому, что царь увлекается фантастическими, безполезными планами, мечтаетъ только о Западѣ, сближается съ нимъ, жертвуетъ для него насущными нуждами государства, окружаетъ себя западными людьми, отъ которыхъ нѣтъ житья ромэямъ; всѣ бѣды происходятъ отъ этого увлеченія Западомъ. О необходимости измѣнить политику, удѣлять больше вниманія внутреннимъ дѣламъ, заботиться объ огражденіи спокойствія и благосостоянія населенія и бороться съ болѣе близкими врагами, чѣмъ германскій императоръ или норманны,—о всемъ этомъ къ концу царствованія Мануила говорили все громче и громче. Большинство ромэевъ осыпали царя „насмѣшками за то, что онъ по самолюбію питаетъ чрезмѣрныя желанія и устремляетъ взоры на края земли, пускается на дѣла, необузданныя и смѣлыя, выступаетъ далеко за предѣлы, установленные прежними царями, и издерживаетъ совершенно безполезно деньги, которыя собираетъ, изнуряя подданныхъ и истощая ихъ необычными поборами и податями“ [1]).

Въ послѣдніе годы Мануилъ, повидимому, самъ понялъ свои ошибки и рѣшилъ болѣе серьезно заняться восточными дѣлами, недостаточное вниманіе къ которымъ вызывало то, что турки все болѣе и болѣе проникали къ западу, все болѣе и болѣе распространяли и укрѣпляли свое владычество въ Малой Азіи. Особенно грозными стали они, когда иконійскій султанъ Килиджъ-Арсланъ II усилился на счетъ каппадокійскихъ, понтійскихъ и пафлагонскихъ турецкихъ владѣтелей и объединилъ подъ своею властью значительную часть полуострова. Противъ Килиджъ-Арслана Мануилъ и предпринялъ войну въ 1176 году. Но война эта, начатая безъ достаточнаго званія дѣла, кончилась очень печально: въ 1177 году въ горномъ проходѣ около Маріокефала (въ древней Фригіи, недалеко отъ Келенъ) византійское войско, по неосторожности императора, было окружено турками и чуть не поголовно истреблено въ тѣснинахъ, гдѣ нельзя было двинуться ни взадъ, ни впередъ.

---

[1]) Nicet., p. 265.

„Ромэевъ избивали, какъ ягнятъ въ хлѣву“; принужденные бороться среди овраговъ и ущелій, всадники вмѣстѣ съ лошадьми летѣли въ пропасть. Самъ Мануилъ подвергался опасности быть убитымъ или взятымъ въ плѣнъ; послѣ избіенія войска онъ думалъ даже о бѣгствѣ. Переговоры, которые завязались съ Килиджъ-Арсланомъ, окончились позорнымъ для царя миромъ: онъ обязывался срыть крѣпости Дорилею и Сувлей (во Фригіи), незадолго передъ тѣмъ возстановленныя, чтобъ сдерживать напоръ турокъ на западную часть Малой Азіи. Невыполненіе этого условія относительно Дорилеи повело къ новымъ нападеніямъ турокъ; они опустошили всю долину рѣки Меандра и проникли почти до Архипелага.

Алексѣй II.

Всѣ эти обстоятельства могли только усиливать броженіе въ Византіи. Со смерти Мануила, когда въ итогѣ блестящаго на видъ царствованія оказалась полная необезпеченность государства отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннее разореніе, естественно, большинство, раздраженное противъ „западныхъ“ людей и не замѣчавшее, что и Западъ угрожаетъ немалыми опасностями, находило, что некуда итти далѣе по начатому пути и что надо повернуть на иную дорогу: надо оградить государство отъ болѣе близкихъ опасностей и позаботиться объ его внутреннемъ благосостояніи. Эта задача представлялась какъ поворотъ къ политикѣ „противозападнической“. А между тѣмъ отъ лицъ, ставшихъ во главѣ правленія послѣ смерти Мануила, нельзя было ждать такого поворота. За малолѣтствомъ сына Мануила, Алексѣя II, власть сосредоточилась въ рукахъ регентши, вдовы Мануила, Маріи, дочери Антіохійскаго князя,— „латинянкѣ“, ненавистной ромэямъ уже по одному своему происхожденію да, кромѣ того, „совершенно неспособной къ личному веденію государственныхъ дѣлъ“. Все управленіе она передала въ руки одного изъ родственниковъ Мануила, протосеваста Алексѣя, человѣка тоже малоспособнаго, но пользовавшагося личнымъ расположеніемъ императрицы. Алексѣй, какъ и многіе другіе изъ придворной знати, больше думалъ о личной карьерѣ и захватѣ власти въ свои руки, чѣмъ о нуждахъ государства и желаніяхъ народа; для крутого поворота въ политикѣ этотъ развращенный, изнѣженный, двоедушный и деспотичный человѣкъ былъ совершенно непригоденъ; онъ, къ тому же, не пользовался расположеніемъ византійской знати: наиболѣе крупныхъ и именитыхъ представителей ея оскорбляло и раздражало его возвышеніе не по заслугамъ, и потому протосевасту приходилось искать себѣ опоры главнымъ образомъ въ тѣхъ же ненавистныхъ Византіи иностранцахъ. Тогда въ

столицѣ стало все чаще и чаще повторяться имя того, кто одинъ, по мнѣнію патріотовъ, могъ понять задачи времени и повернуть Византію съ пути, ведшаго ее къ неминуемой гибели, но кто былъ тогда вдали и отъ правленія, и отъ столицы. Это былъ Андроникъ Комнинъ.

II.

Исаакъ Комнинъ.

Изъ рода Комниновъ самымъ близкимъ къ императору Іоанну въ началѣ царствованія былъ его братъ, севастократоръ [1]) Исаакъ. Воцареніе Іоанна совершилось не совсѣмъ спокойно. Въ августѣ 1118 года, когда умиралъ императоръ Алексѣй, его жена, императрица Ирина, усердно хлопотала о томъ, чтобы осуществить свой давній замыселъ: поставить во главѣ государства вмѣсто нелюбимаго ею Іоанна его старшую сестру, знаменитую Анну Комнину, и ея мужа, кесаря Никифора Вріеннія. Повидимому, партія Ирины и Анны была довольно сильна: Іоанну, несмотря на то, что онъ уже при жизни отца носилъ пурпурныя туфли [2]) и былъ называемъ царемъ, пришлось прибѣгать къ уловкамъ и исключительнымъ мѣрамъ; дѣло не обошлось даже безъ столкновенія сторонниковъ Іоанна съ дворцовой стражей. Въ это-то критическое для молодого императора время Исаакъ рѣшительно сталъ на его сторону. Это участіе Исаака, повидимому, сильно помогло Іоанну: по словамъ хорошо освѣдомленнаго историка, Исааку былъ обязанъ Іоаннъ „исключительно или главнымъ образомъ“ своимъ вступленіемъ на престолъ. Не удивительно поэтому, если „казалось, что Іоаннъ, будучи неразлученъ съ братомъ, точно сросся съ нимъ и дышалъ однимъ дыханіемъ, раздѣлялъ съ нимъ и трапезу, и сѣдалище“ [3]). По впослѣдствіи отношенія между братьями круто измѣнились: по словамъ Никиты Акомината, изъ-за какого-то ничтожнаго огорченія Исаакъ разошелся съ братомъ, убѣжалъ изъ предѣловъ имперіи, скитался среди разныхъ народовъ, побывалъ, между прочимъ, у иконійскаго султана, всюду подбивая къ нападенію на римскіе предѣлы, очевидно, съ цѣлью свергнуть Іоанна и занять

---

[1]) Ср. выше, стр. 546, прим. 3.

[2]) Отличительный знакъ царской власти. Въ Византіи императоры нерѣдко при своей жизни провозглашали своихъ преемниковъ императорами и дѣлали ихъ, такимъ образомъ, титулярными, а иногда и фактическими участниками правленія. Ср. вып. I, ст. XII, стр. 311, пр. 1.

[3]) Nicet., 13,7.

его мѣсто. Затѣмъ братья временно примирились, и Исаакъ вернулся въ Константинополь, но къ воцаренію Мануила мы застаемъ его въ ссылкѣ въ Ираклеѣ Понтійской, гдѣ онъ содержался за то, что, снова „стремясь къ царствованію, не переставалъ строить Іоанну козни за кознями". Освобожденный Мануиломъ, онъ, однако, и впослѣдствіи не оставлялъ своихъ замысловъ, сохранивъ за собой навсегда репутацію неблагонадежнаго человѣка, вѣчно таящаго желаніемъ завладѣть престоломъ. „Отъ него это желаніе,—замѣчаетъ современникъ [1]),—какъ отцовское наслѣдіе, перешло къ его дѣтямъ".

Судьба и характеръ двоихъ сыновей Исаака, дѣйствительно, могли навести писателя на такое сопоставленіе. Это были такіе же энергичные, привлекательные и по наружнымъ и по внутреннимъ качествамъ, такіе же смѣлые и честолюбивые и такъ же мало стѣснявшіеся въ средствахъ люди, какъ и отецъ. Заботы о своемъ личномъ достоинствѣ и объ удовлетвореніи своихъ личныхъ честолюбивыхъ стремленій и широкихъ вкусовъ всѣ трое они ставили выше государственныхъ и общественныхъ интересовъ; такъ, по крайней мѣрѣ, представляютъ этихъ Комниновъ современные или близкіе къ нимъ византійскіе историки. Впрочемъ, за ихъ неяснымъ, все сводящимъ къ личнымъ мотивамъ изображеніемъ можно предполагать фонъ и иного характера: весьма вѣроятно, что во всей оппозиціонной, на извѣстный взглядъ даже измѣннической и мятежнической дѣятельности Исаака и Іоанна (какъ и въ дѣятельности Андроника, относительно котораго извѣстія яснѣе и полнѣе) были болѣе широкіе политическіе и національные мотивы. Во всякомъ случаѣ, однако, для нихъ политическая программа такъ тѣсно сплеталась съ видами личнаго возвышенія, что политическая борьба постоянно принимала личный характеръ, а личная пріязнь и непріязнь превращались въ политическія симпатіи и антипатіи.

О старшемъ изъ братьевъ, Іоаннѣ, мы знаемъ, впрочемъ, очень немногое. По словамъ византійскаго историка, онъ, какъ и отецъ, „изъ-за ничтожнаго оскорбленія" [2]) со стороны императора, въ послѣдніе годы царствованія Іоанна, во время войны въ Малой Азіи, открыто перешелъ на сторону его враговъ, иконійскихъ турокъ, отрекся отъ христіанства и женился на дочери султана Масуда.

---

[1]) Cinn., l., c. 7, въ концѣ. Ср. Nicet., 363,10–11.

[2]) Nicet., 72. Интересно, что поводомъ къ разрыву послужило униженіе императоромъ Іоанна передъ какимъ-то знатнымъ иностранцемъ, выходцемъ изъ Италіи. Ср. Nicet., 47—49.

Онъ, повидимому, навсегда остался у турокъ и, вѣроятно, приносилъ немало вреда „римлянамъ“ во время войнъ, благодаря освѣдомленности о состояніи ихъ войскъ и о положеніи государства.

Андроникъ. Гораздо разнообразнѣе и сложнѣе была судьба второго сына Исаака, Андроника. Андроникъ былъ и сверстникомъ, и почти ровесникомъ царя Мануила [1]); они вмѣстѣ росли и воспитывались, да и отъ природы въ нихъ было много общаго: ихъ красота, сила и смѣлость, ихъ живость и блестящія способности невольно обращали на нихъ общее вниманіе и невольно вызывали на сравненіе. Своеобразныя условія той эпохи, въ какую росли и воспитывались двоюродные братья, наложили особый отпечатокъ на весь ихъ складъ. XII-й вѣкъ былъ временемъ оживленія литературныхъ, философскихъ и богословскихъ интересовъ въ Византіи. Свѣтскіе и духовные писатели этого вѣка: Анна Комнина, Никита Акоминатъ, Евстаѳій Солунскій и мн. др. были тонкими знатоками древнегреческой поэзіи и философіи, а среди описываемыхъ ими событій эпохи Комниновъ то здѣсь, то тамъ отмѣчаются оживленные религіозные и философскіе споры, въ которыхъ принимали участіе не только присяжные философы и богословы, но и члены императорскаго дома и придворные. Съ другой стороны, къ тому времени, когда росли Мануилъ и Андроникъ, византійцы хорошо познакомились и съ западными „латинскими“ народами. Прошелъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ передъ стѣнами Константинополя промелькнули крестоносцы перваго похода; въ Азіи давно уже существовали западно-европейскія владѣнія; черезъ имперію постоянно шли сношенія между европейскимъ Западомъ и оевропеившеюся Малой Азіей; не одни враждебныя столкновенія происходили между „римлянами“ и „латинянами“: подчасъ имъ вмѣстѣ приходилось бороться противъ турокъ; въ торговой жизни Константинополя своими людьми были венеціанцы; наконецъ, аристократія и императорскій домъ начали заводить родственныя связи съ Западнымъ міромъ. Знакомство съ этимъ міромъ, являвшимся византійцамъ всего чаще въ лицѣ рыцарства, отразилось на воспитаніи молодыхъ Комниновъ не меньше, чѣмъ оживленіе языческой и христіанской греческой образованности: Мануилъ и Андроникъ не менѣе блистали знаніемъ Священнаго Писанія,—Андроникъ особенно

---

[1]) См. Cinn., l. 3, c. 17. Мануилу при вступленіи на престолъ въ 1143 г. было около 20-ти лѣтъ.

любилъ и превосходно зналъ ап. Павла,—или умѣніемъ разрѣшать „труднѣйшіе аристотелевскіе вопросы“, чѣмъ своей ловкостью въ военныхъ играхъ, выносливостью и неутомимостью въ военныхъ предпріятіяхъ; и—характерная черта рыцарства—они совершаютъ чудеса храбрости въ рукопашной схваткѣ, наносятъ удары изумительной силы, смѣло нападаютъ въ одиночку на цѣлыя толпы, но они—плохіе полководцы: они терпятъ позорнѣйшія пораженія отъ неумѣнія выбрать мѣсто битвы, обдуманно расположить войско, осмотрительно вести походъ въ чужой странѣ. Однако, съ этими свойствами закаленныхъ и неутомимыхъ рыцарей-варваровъ они соединяли всю любовь къ изысканно-роскошной и развращенной придворной жизни, какая выработалась вѣками вмѣстѣ съ другими оборотными сторонами не только древней, но уже и ветшавшей греко-римско-византійской культуры. Даже современниковъ-византійцевъ поражала эта способность братьевъ Комниновъ безъ малѣйшаго труда быстро переходитъ отъ лѣни и роскоши во вкусѣ Востока и императорскаго Рима къ самой суровой походной жизни съ ея безсонными ночами, тяжелыми переходами, утомительными битвами, для которыхъ нужны были гигантская сила и гигантское здоровье. Черты рыцарской доблести, впрочемъ, болѣе характерны для Мануила, чѣмъ для его двоюроднаго брата. Андроникъ, повидимому, никогда не былъ большимъ любителемъ военнаго дѣла; правда, это не мѣшало и ему совершать рыцарскіе подвиги, но придворная обстановка, изящные и утонченно-образованные дамы и кавалеры, которые могли по достоинству оцѣнить блестящіе таланты и изысканно-модные наряды Андроника,—вотъ та сфера, гдѣ онъ чувствовалъ себя всего пріятнѣе; здѣсь никто не могъ съ нимъ сравняться: всѣхъ очаровывали его изящество, краснорѣчіе и остроуміе, никто не умѣлъ удачнѣе его подмѣтить дурную или смѣшную сторону событія или человѣка и заклеймить ее колкой остротой, быстро облетавшей византійскій придворный и чиновный міръ и подчасъ попадавшей, въ концѣ-концовъ, и на страницы лѣтописи [1]). Но подъ этими блестящими свѣтскими свойствами крылась глубокая натура: Андроникъ умѣлъ подмѣчать не однѣ смѣшныя стороны; онъ внимательно слѣдилъ за государственной и общественной жизнью и чутко схватывалъ характерныя черты возникающихъ политическихъ теченій, угадывалъ еще только слагавшіяся общественныя настроенія. Вотъ почему онъ умѣлъ иногда

---

[1]) См., наприм., Nicet., p. 160.

подать совѣтъ, рѣзко не сходившійся со взглядомъ императора и покорнаго ему правительства,—совѣтъ, вызывавшій крутой отпоръ, но пророчески угадывавшій запросы общества и потребности государства [1]).

Плѣнъ Андроника у турокъ.

Выросши, братья вмѣстѣ принимали участіе въ походахъ императора Іоанна, но со вступленіемъ на престолъ Мануила пути ихъ сильно разошлись. Положеніе Мануила позволяло ему, всецѣло слѣдуя своимъ взглядамъ и вкусамъ, отдаваться сложной и обширной дѣятельности, вызванной его широкими политическими планами. Между тѣмъ, честолюбивому, живому и богато одаренному Андронику приходилось довольствоваться или придворной ролью императорскаго кузена, или чиновной ролью управителя какой-нибудь провинціи. Ни то, ни другое не могло вполнѣ его удовлетворить, и потому съ его стороны скоро начались попытки, какими бы то ни было средствами, выбиться изъ этого положенія, гдѣ онъ чувствовалъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Къ тому же, отношенія его къ Мануилу стали ухудшаться. Начало разрыву положило случайное обстоятельство. Во время возвращенія изъ азіатскаго похода, въ которомъ умеръ императоръ Іоаннъ, Андроникъ съ нѣсколькими спутниками отправился на охоту и, отдалившись отъ войска, попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, которые передали его иконійскому султану. Императоръ, по выраженію Никиты Акомината, „не позаботился, какъ слѣдовало, о захваченныхъ и не помогъ имъ по-царски“. Правда Андронику едва ли жилось плохо у иконійскаго султана: какъ мы знаемъ, отецъ Андроника жилъ нѣкогда у султана Масуда, а его братъ Іоаннъ даже приходился Масуду зятемъ. Изучивъ въ это время турецкій языкъ, часто помогавшій ему въ его послѣдующихъ приключеніяхъ, Андроникъ завязалъ знакомства съ вліятельными турками, въ общество которыхъ былъ введенъ своимъ братомъ [2]).

Но все же невниманіе императора, конечно, должно было раздражить Андроника. Съ другой стороны, возможно, что и сближеніе Андроника съ иконійской знатью возбудило нѣкоторую подозрительность въ Мануилѣ. Впрочемъ, пока эта подозрительность еще не проявлялась рѣзко: возвращенный вскорѣ изъ плѣна, Андроникъ принималъ попрежнему участіе въ походахъ и особенно въ придворной жизни. Но мало-по-малу общее вниманіе, какое онъ

---

[1]) См., напр., случай, приведенный у Никиты (Nicet., 179).

[2]) См. Ѳ. Успенскій, Ж. М. Н. П., т. 214 (1881 г., мартъ), стр. 57, пр. 1.

привлекалъ къ себѣ своими блестящими талантами, его слишкомъ безнравственная жизнь, которой онъ нисколько не скрывалъ и на которую лицемѣрно или нелицемѣрно негодовали и оскорблялись другіе члены дома Комниновъ, наконецъ, колкія насмѣшки, предметомъ которыхъ иногда былъ и императоръ,—все это должно было значительно усилить подозрительность и непріязнь Мануила и заставлять его желать удаленія Андроника изъ столицы. Впрочемъ, важность и отвѣтственность возлагавшихся на него порученій показываетъ, что императоръ высоко цѣнилъ таланты своего кузена и все еще готовъ былъ оказывать ему значительное довѣріе, котораго тотъ, однако, не оправдалъ.

Андроникъ въ Киликіи и Сербіи.

Въ началѣ 50-ыхъ годовъ XII-го вѣка онъ былъ посланъ въ Киликію и Исаврію для веденія борьбы противъ армянскаго князя Тороса [1]), который поднималъ возмущеніе въ Киликіи и хотѣлъ побудить ее отложиться отъ Византіи. Недовольный этимъ назначеніемъ, Андроникъ очень небрежно отнесся къ возложенному на него порученію. Приступивъ къ осадѣ города Мопсуэстіи (на югѣ Киликіи), гдѣ находился Торосъ, Андроникъ вмѣсто того, чтобы энергично вести дѣло, предался „лѣни и сценическимъ играмъ“. Отъ Тороса не укрылась небрежность Андроника. Выбравъ темную, дождливую ночь, онъ со всѣмъ своимъ войскомъ сдѣлалъ вылазку и на голову разбилъ византійское войско. Андроникъ узналъ о вылазкѣ слишкомъ поздно, бросился въ схватку, рыца на конѣ съ копьемъ въ рукахъ, совершалъ чудеса храбрости, но, конечно, этимъ не помогъ дѣлу и долженъ былъ, едва не попавъ въ плѣнъ, спасаться въ Антіохію [2]), откуда затѣмъ вернулся въ Византію. При дворѣ ходили слухи, что наединѣ Андронику пришлось выслушать отъ Мануила жестокую брань и упреки за „нерадѣніе о воинскихъ дѣлахъ и за свои неблаговременныя удовольствія“. Однако, офиціально императоръ оказывалъ ему большой почетъ, дѣлалъ подарки, и вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшилъ назначить его на важный постъ дукса городовъ Ниша, Браничева и Бѣлграда, т.-е. обширной области къ югу отъ Савы и Дуная, пограничной съ опасными врагами имперіи—уграми (венграми) [3]).

---

[1]) Этотъ Торосъ (II) владѣлъ такъ называемой Малой Арменіей, при чемъ владѣнія его захватывали, вѣроятно, и восточныя части древней Каппадокіи и Киликіи. Ср. Nicet., 134.

[2]) Она была въ то время въ рукахъ западныхъ владѣтелей.

[3]) Кромѣ того, ему былъ данъ городъ Касторія на югѣ древней Иллиріи. Такимъ образомъ, область, подвѣдомственная Андронику, захватывала ны-

Но несмотря на все это, несмотря даже на то, что Андронику, котораго подозрѣвали въ сношеніяхъ съ іерусалимскимъ королемъ и съ иконійскимъ султаномъ во время пребыванія въ Киликіи, нужно было очень заботиться о своей политической репутаціи, онъ здѣсь дѣйствовалъ такъ, что долженъ былъ окончательно вооружить противъ себя императора и побудить его къ крутымъ мѣрамъ. Онъ завелъ сношенія съ венгерскимъ королемъ Гейзою II, убѣждалъ его помочь ему овладѣть престоломъ Византіи, обѣщая, по достиженіи цѣли, уступить Гейзѣ Браничевъ и Нишъ, и съ Фридрихомъ Барбаруссой, приглашая и его въ извѣстное время на помощь. Когда извѣстія объ этомъ дошли до Мануила, тотъ сначала не показалъ вида, что знаетъ объ его замыслахъ, и дружелюбно принялъ Андроника, пріѣхавшаго въ Византію, но затѣмъ,—когда онъ два раза не безъ основанія былъ заподозрѣнъ въ покушеніи на жизнь Мануила, когда его попрежнему открыто развратная жизнь продолжала приводить въ негодованіе всѣхъ членовъ императорскаго дома, не скупившихся на наговоры, а, можетъ быть, и клевету, чтобы выставить его передъ императоромъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ,—Мануилъ рѣшился заключить Андроника въ Константинополѣ въ тюрьму.

Тюрьма и бѣгство изъ нея.

Конечно, Мануилъ могъ пойти на такую рѣзкую мѣру противъ выдающагося члена императорскаго рода только при полной увѣренности въ измѣнническихъ планахъ Андроника; и увѣренность эта вполнѣ оправдалась, когда Гейза, не знавшій объ участи Андроника, дѣйствительно началъ войну противъ императора. „Около девяти лѣтъ, кажется, провелъ Андроникъ въ тюрьмѣ“ [1]). Разъ онъ пытался бѣжать оттуда, достигъ Малой Азіи, но тамъ его узнали, схватили, несмотря на „ужасное сопротивленіе съ его стороны“, связали и отправили въ Византію, гдѣ заключили въ тюрьму „въ двойныхъ желѣзныхъ кандалахъ подъ гораздо большимъ и суровымъ надзоромъ, чѣмъ прежде“. Но Андроникъ сумѣлъ освободиться и изъ-подъ этого надзора. Для этого онъ притворился больнымъ. Тогда къ нему приставили слугу, которому Андроникъ поручилъ „унести ключи отъ тюрьмы въ то время, когда стражи, чрезмѣрно выпивъ, заснутъ“, сдѣлать съ этихъ ключей восковые слѣпки и передать ихъ сыну Андроника.

нѣшнюю Сербію, Боснію и южную Далмацію. Дуксъ (dux)—названіе начальниковъ нѣкоторыхъ изъ ѳемъ, обыкновенно пограничныхъ, болѣе обширныхъ и сосредоточивавшихъ въ себѣ болѣе военныхъ силъ, нежели остальныя. Ср. Скабалановичъ, стр. 187—188.

[1]) Такъ сообщаетъ Киннамъ (5,10).

Сдѣланные по этимъ слѣпкамъ ключи, а также веревки были принесены Андронику на днѣ амфоры съ виномъ. Ночью Андроникъ тихо отперъ двери своей тюрьмы, вышелъ изъ нея, заперъ снова двери и скрылся въ густой травѣ на огромномъ примыкавшемъ къ тюрьмѣ дворѣ [1]), куда обыкновенно никто не заходилъ. Выждавъ здѣсь, когда горячіе розыски прекратились, онъ влѣзъ на стѣну, выходившую прямо къ морю, и спустился съ нея по веревкѣ. У подножія стѣны его уже ждала по уговору лодка. Но здѣсь Андроникъ чуть не попался. Лодку замѣтила стража, наблюдавшая обыкновенно въ этомъ мѣстѣ всю ночь и не позволявшая ни одной лодкѣ проплыть мимо дворца [2]). Однако, Андроникъ, притворившись бѣглымъ слугой-варваромъ, плохо говорящимъ по-гречески, съ большимъ самообладаніемъ и ловкостью сумѣлъ обмануть стражей. Умилостивленные особенно кошелькомъ, даннымъ Андроникомъ, они пропустили его, и Андроникъ благополучно пріѣхалъ домой. Здѣсь были разбиты кандалы, затѣмъ онъ снова сѣлъ въ лодку и выѣхалъ за предѣлы города; тамъ ждали его заранѣе приготовленныя лошади; на нихъ онъ поѣхалъ въ Анхіалъ (городъ во Ѳракіи на берегу Чернаго моря), а оттуда, получивъ отъ одного изъ своихъ доброжелателей съѣстные припасы и проводниковъ, направился на Русь, въ Галицкое княжество. На дорогѣ онъ снова былъ пойманъ валахами, до которыхъ дошли вѣсти объ его бѣгствѣ, и только благодаря своей необыкновенной изобрѣтательности ускользнулъ и изъ ихъ рукъ. Прибывъ, наконецъ, къ Ярославу Осмомыслу (вѣроятно, въ 1164 г.), „онъ былъ принятъ, — по словамъ византійскаго историка, — съ распростертыми объятьями, пробылъ у него довольно долго и до того привязалъ его къ себѣ, что вмѣстѣ съ нимъ охотился и засѣдалъ въ совѣтѣ, вмѣстѣ жилъ и вмѣстѣ обѣдалъ“ [3]). Эта фраза едва ли страдаетъ преувеличеніемъ. Кажется, Андроникъ дѣйствительно пріобрѣлъ большое вліяніе на

---

[1]) Тюрьма находилась въ зданіяхъ Большого константинопольскаго дворца. Этотъ дворецъ, тянувшійся на огромное пространство и состоявшій изъ многихъ построекъ, находился у берега Босфора, занимая вмѣстѣ съ храмомъ св. Софіи, Ипподромомъ, „Манганскимъ дворцомъ“ (къ сѣверу отъ Большого дворца) и другими зданіями (дворцами и церквами) юго-восточный уголъ треугольника, образуемаго Константинополемъ.

[2]) Nicet., 170. „Съ тѣхъ поръ, — прибавляетъ Никита, — стали ставить эту стражу, какъ Іоаннъ Цимисхій ночью напалъ на Никифора Фоку, поднятый (на стѣну) въ корзинѣ“.

[3]) Nicet., 172. Относительно хронологіи см. Куникъ, „Основаніе Трапезундской монархіи, стр. 715—717 и 788—789.

князя Ярослава и, преслѣдуя свои всегдашнія цѣли, возбуждалъ его помогать венграмъ снова вести войну противъ Мануила [1]); ходили даже слухи, что самъ Андроникъ „собираетъ"—вѣроятно, при содѣйствіи Ярослава—„многочисленную скиоскую (т. - е. русскую) конницу съ намѣреніемъ вторгнуться въ римскіе предѣлы" [2]). Во всякомъ случаѣ, Андроникъ затѣвалъ какіе-то опасные для Мануила планы, такъ какъ послѣдній поспѣшилъ „съ дружескими увѣреніями" пригласить Андроника вернуться. Андроникъ согласился на приглашеніе, и въ 1165 г. мы видимъ его энергично дѣйствующимъ при осадѣ Зевгмина (Землина) [3]) во время войны съ венграми.

Второе командованіе въ Киликіи.

Но и на этотъ разъ онъ не долго пробылъ при дворѣ Мануила. Былъ ли въ эту эпоху Андроникъ вообще слишкомъ подозрительнымъ человѣкомъ, чтобы его надолго оставлять въ столицѣ, или же онъ раздражилъ императора рѣзкими возраженіями противъ плана Мануила,—выдать свою дочь за младшаго сына Гейзы II [4]), Белу, и передать ему впослѣдствіи, если у императора не будетъ мужского потомства, византійскій престолъ,—какъ бы то ни было, но вскорѣ послѣ взятія Зевгмина Андроникъ снова долженъ былъ покинуть столицу: онъ получилъ отвѣтственное назначеніе въ Киликію, которую приходилось защищать отъ стараго врага, армянскаго князя Тороса. Такъ какъ охрана крѣпостей и защита страны требовали большихъ расходовъ, то Андронику, кромѣ податей съ Киликіи, были предоставлены еще доходы съ острова Кипра [5]). На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что

---

[1]) Ср. Cinn., 510—12 и Nicet, 172—173.

[2]) Nicet., 173.

[3]) Ср. Nicet., 172: Ζεῦγμινον... ὅπερ νῦν λέγεται Σίρμιον. Это мѣсто Никиты требуетъ разъясненія: древній Сирмій находился на р. Савѣ нѣсколько къ востоку отъ устья р. Дрины. Зевгминъ (Землинъ) лежитъ у Дуная близъ устья Савы, противъ Бѣлграда. Ср. Куникъ, op. cit., стр. 716, пр. 12.

[4]) Умершаго въ 1161 г. Ему наслѣдовалъ старшій его сынъ, Стефанъ III, а затѣмъ (съ 1173 г.) Бела III.

[5]) „Византійская финансовая система двумя путями направляла платежныя силы извѣстной мѣстности на покрытіе мѣстныхъ государственныхъ расходовъ, минуя государственнод казначейство: во - первыхъ она устанавливала „кормленіе" для правителей ѳемъ: стратеговъ, катепановъ, дуксовъ (а также и для другихъ, подчасъ, можетъ быть, уже не служащихъ, но заслуженныхъ лицъ, для которыхъ такое кормленіе являлось своего рода пенсіей); во - вторыхъ, такъ какъ византійское правительство на свой счетъ содержало и, кромѣ того, платило денежное жалованіе „стратіотамъ", т. - е. солдатамъ, пока они были подъ оружіемъ (въ другое время для матеріальнаго обезпеченія ихъ служили земельные, такъ называемые „воинскіе участки". См. вып. I, ст. XII.

императоръ предпочиталъ видѣть такого подозрительнаго человѣка, какъ Андроникъ, въ далекой области, на посту почти совершенно самостоятельнаго, попреимуществу военнаго правителя, а не у себя на глазахъ, въ роли придворнаго кавалера безъ опредѣленнаго служебнаго положенія. Но въ Восточной имперіи столица такъ сильно притягивала къ себѣ всѣ политическія и общественныя силы, играла такую рѣшающую роль въ государственныхъ переворотахъ, что здѣсь, гдѣ уже и въ то время, вѣроятно, существовала значительная оппозиція противъ политики Мануила, Андроникъ съ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ своей непобѣдимой логикой и необыкновеннымъ умѣньемъ угадывать общественныя теченія, казался императору гораздо опаснѣе, чѣмъ въ полудикой, далекой азіатской провинціи. Самъ Андроникъ смотрѣлъ на назначеніе въ Киликію, какъ на почетную ссылку, былъ имъ раздраженъ и, кажется, рѣшилъ на этотъ разъ покончить счеты съ Мануиломъ. Онъ не только небрежно велъ борьбу съ Торосомъ, но, повидимому, почти щеголялъ этою небрежностью, превращая битвы въ какую-то потѣху для удовлетворенія своей прихотливой, капризной фантазіи. По крайней мѣрѣ, Никита Акоминатъ разсказываетъ, что послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ схватокъ, потерпѣвъ, наконецъ, отъ Тороса постыднѣйшее пораженіе, Андроникъ замыслилъ нѣчто невѣроятное. Сойдясь съ Торосомъ для рѣшительной битвы, онъ построилъ войско „такъ, что оно походило на животное, имѣло и голову, и заднюю часть, и остальные члены“ [1]). Изъ этой фантазіи не вышло, конечно, ничего хорошаго: войско, построенное такимъ страннымъ образомъ, было смято армянами и обратилось въ бѣгство, и хотя самъ Андроникъ съ отчаянной смѣлостью бросился на Тороса, окруженнаго свитой, и сбилъ его съ лошади, однако, эта выходка, конечно, не спасла ромэевъ отъ новаго постыднаго пораженія.

Андроникъ на чужбинѣ.

Послѣ этой необыкновенной битвы Андроникъ окончательно забросилъ порученное ему дѣло. Онъ покинулъ даже Киликію и перебрался въ Антіохію, задумавъ, несмотря на то, что ему было уже

„Левъ III Исавръ и начало иконоборства“, стр. 310), то въ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ почти постоянно приходилось держать солдатъ подъ оружіемъ, иногда—для ускоренія процедуры—подати, собираемыя съ жителей, помимо центральнаго казначейства, направлялись прямо на содержаніе стратіотовъ, т.-е. въ руки того же стратега“. — Скабалановичъ, стр. 281—282 и стр. 308 сл.

Nicet., 180.

около 50 лѣтъ, жениться на молодой, отличавшейся красотой дочери антіохійскаго князя Раймунда, сестрѣ второй жены Мануила, Филиппѣ[1]), „хотя,—замѣчаетъ Киннамъ,—нашъ законъ и не допускаетъ такого брака". И, конечно, этому первому византійскому щеголю и придворному законодателю модъ, сохранившему благодаря великолѣпному здоровью и замѣчательно воздержной жизни и въ эти годы моложавость, красоту и стройность, этому знатоку человѣческаго сердца, тонкому, остроумному и блестящему оратору, не трудно было настолько очаровать молодую принцессу, что и она готова была принадлежать ему, несмотря на то, что этотъ союзъ долженъ былъ оскорбить и раздражить византійскій дворъ. Дѣйствительно, Мануилъ, узнавъ о дѣйствіяхъ Андроника, немедленно отправилъ въ Азію одного изъ придворныхъ, севаста [2]) Константина Каламана, съ двоякимъ порученіемъ: во-первыхъ, замѣнить Андроника въ управленіи Киликіей и въ борьбѣ съ Торосомъ, и, во-вторыхъ, разстроить скандальный для императорской семьи союзъ Андроника съ Филиппой и съ этой цѣлью самому предложить ей руку. Хотя Каламанъ и потерпѣлъ неудачу и здѣсь и тамъ, однако, Адроникъ, очень непостоянный въ своихъ привязанностяхъ, боясь угрозъ Мануила и опасаясь, по выраженію византійскаго историка, „какъ бы ласки Филиппы не смѣнились прежнею тюрьмой", покинулъ принцессу и Антіохію и удалился въ Іерусалимъ (въ 1167 году). Здѣсь онъ сумѣлъ очаровать свою дальнюю родственницу, дочь старшаго брата императора Мануила Исаака, и вдову іерусалимскаго короля Балдуина III, Ѳеодору. Благодаря ей, Андроникъ своевременно узналъ о присылкѣ Мануиломъ грамоты, въ которой поручалось захватить его, какъ злоумышленника, и ослѣпить. Не чувствуя себя безопаснымъ и въ предѣлахъ іерусалимскаго королевства, бывшаго сравнительно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Византіей, онъ, въ сопровожденіи привязавшейся къ нему Ѳеодоры, покинулъ предѣлы и этого государства.

Съ тѣхъ поръ [3]) начались его долгія скитанія по восточнымъ нехристіанскимъ странамъ. Онъ побывалъ и въ Дамаскѣ у султана Нурредина, и въ Багдадскомъ халифатѣ, и, наконецъ (около 1170 года), въ Иверіи и „вездѣ, гдѣ останавливался,—замѣчаетъ

---

[1]) Андроникъ былъ уже въ это время вдовцомъ. Ср. Wilken, стр. 476, пр. 1, и Куникъ, op. cit., стр. 714 сл.

[2]) Важный чинъ византійской „табели о рангахъ", слѣдующій за „кесаремъ". См. выше, стр. 546, пр. 3.

[3]) Т.-е., вѣроятно, съ того же 1167 г.

византійскій историкъ,—принимаемъ былъ съ почетомъ, уваженіемъ и съ величайшею привѣтливостью и получалъ богатые дары". Наконецъ, онъ водворился (на сѣверо-востокѣ Малой Азіи) на границѣ Византійской имперіи, во владѣніяхъ иконійскихъ турокъ. Занявъ съ ихъ согласія одну крѣпость, Андроникъ укрѣпилъ ее и сталъ дѣлать частые набѣги на „ромэйскіе предѣлы", порабощая множество людей и передавая военную добычу туркамъ. Такимъ образомъ, Андроникъ сталъ открытымъ врагомъ не только императора, но и христіанъ, и церковь не замедлила предать его анаѳемѣ. Почти до самаго конца царствованія Мануила продолжалась эта жизнь эмигранта и измѣнника.

Лишь незадолго до смерти Мануила братья снова примирились, и Андроникъ вернулся въ Константинополь. Но затѣмъ, давъ присягу въ томъ, что „будетъ всѣми силами противодѣйствовать тому, что клонится ко вреду для Мануила и его сына Алексѣя и ко вреду для ихъ вѣнца", онъ былъ препровожденъ въ городъ Иней (Οἶναιον), въ Малой Азіи, на берегу Чернаго моря (между Синопомъ и Трапезундомъ), чтобы тамъ, по словамъ византійскаго историка, „отдохнуть послѣ многолѣтнихъ скитаній". „И оба они, и Мануилъ, и Андроникъ, знали", прибавляетъ историкъ, „что пребываніе въ одномъ и томъ же мѣстѣ снова приведетъ ихъ къ прежнимъ столкновеніямъ" [1]). Въ Инеѣ и жилъ Андроникъ, когда въ сентябрѣ 1180 г. скончался императоръ Мануилъ.

III.

Національная политика.

Насколько можно догадываться, Андроникъ изъ своего уединенія внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ Константинополѣ. Это было для него тѣмъ легче, что въ столицѣ было не мало и близкихъ родственниковъ, и выдающихся людей среди свѣтской знати и константинопольскаго духовенства, преданныхъ ему. Можно думать, что въ моментъ смерти Мануила уже образовалась цѣлая партія, враждебная императрицѣ и протосевасту Алексѣю и готовая признать своимъ главою Андроника. На чемъ же основывалась приверженность этой партіи къ малоазійскому изгнаннику? Прежде всего, личное несочувствіе Мануила и стремленіе Андроника захватить власть заставляли предполагать нелюбовь Андроника и къ

---

[1]) Nicet., 294—296. Примиреніе и поселеніе Андроника въ Инеѣ произошло, вѣроятно, въ первой половинѣ 1180 года. См. Ж. М. Н. П., т. 214, стр. 58, пр. 1.

тѣмъ лицамъ, которыя по смерти императора захватили эту власть; люди, лично не симпатизировавшіе императрицѣ и протосевасту, такимъ образомъ, разсчитывали найти сочувствіе въ Андроникѣ, каковы бы ни были ихъ политическія воззрѣнія. Но этого мало: насколько можно судить по нѣкоторымъ указаніямъ византійскихъ историковъ, у Андроника была своего рода политическая программа; его имя служило знаменемъ, вокругъ котораго могли собраться люди, не симпатизировавшіе правительству и не по личнымъ мотивамъ. Въ изложеніи Никиты сообщенію о вторичномъ назначеніи въ Киликію предшествуетъ разсказъ объ упомянутомъ выше [1]) планѣ Мануила, выдать свою дочь Марію за венгерскаго принца Белу и признать Белу и Марію своими наслѣдниками. При этомъ Мануилъ взялъ со всѣхъ близкихъ людей, т.-е., вѣроятно, съ членовъ императорскаго дома, высшихъ членовъ правительства и придворныхъ, присягу въ томъ, что послѣ его смерти они признаютъ Марію и Белу наслѣдниками его власти и будутъ повиноваться имъ и чтить ихъ, какъ „римскихъ императоровъ". Всѣ дали эту присягу. Одинъ Андроникъ не согласился на это, рѣзко выставивъ причины своего отказа: прежде всего, у императора можетъ еще родиться сынъ; а затѣмъ, „что за возмутительное дѣло, что за преступленіе со стороны царя считать всякаго „римлянина" недостойнымъ дочери, а этого пришельца и чужеземца на позоръ „римлянамъ" избрать, чтобы царствовать надъ „римлянами", и ставить его выше всѣхъ „римлянъ", какъ господина!" Мануилъ не менѣе рѣзко отнесся къ „дѣльнымъ", по выраженію Никиты, словамъ своего кузена, считая ихъ пустыми рѣчами противорѣчиваго упрямца, но многіе согласились со взглядами Андроника даже и послѣ присяги, и одни тотчасъ же высказали свое согласіе, а другіе, хотя и не высказали, но примкнули къ мнѣнію, „что не будетъ пользы для „Римскаго государства", если къ плодовитой маслинѣ привить вѣтвь отъ иноплеменнаго дерева" [2]). Въ этомъ столкновеніи взглядовъ, оказавшемъ, можетъ быть, немалое вліяніе на послѣднюю размолвку Мануила съ Андроникомъ, ярко выразилась черта того націонализма, той враждебности къ западнымъ иноземцамъ, которая стала основнымъ элементомъ политической программы Андроника и собрала около него людей, усердно работавшихъ въ столицѣ въ его пользу въ концѣ 1180 и въ началѣ 1181 года.

---

[1]) См. выше, стр. 124.

[2]) Nicet., 179—180 (русск. перев., 174—175).

Съ своей стороны, Андроникъ также не терялъ времени. Найдя въ приведенной выше присягѣ удобный поводъ вмѣшаться въ дѣла имперіи, онъ началъ посылать письма и молодому императору, и тогдашнему константинопольскому патріарху Θеодосію, и различнымъ представителямъ византійской аристократіи. Въ этихъ письмахъ высказывалось негодованіе противъ протосеваста Алексѣя, говорилось, будто царю угрожаютъ опасности и гибель. Написанныя съ обычными для Андроника убѣдительностью и краснорѣчіемъ, письма эти производили сильное впечатлѣніе. Все большее и большее число людей начинало смотрѣть на Андроника, какъ на единственнаго человѣка, истинно преданнаго „римскимъ" интересамъ, какъ на единственнаго „филоромэя" [1]), и притомъ, „благодаря своему возрасту и благодаря обширной опытности, соединяющему въ себѣ самыя лучшія качества". Вѣроятно, въ началѣ 1181 года онъ двинулся изъ Инея. Распространяемые самимъ Андроникомъ слухи, что онъ идетъ въ силу своей присяги для освобожденія императора отъ опасности, и древнее предсказаніе о томъ, что Андроникъ будетъ нѣкогда царствовать, собирали вокругъ него толпы людей, „питавшихъ стремленіе къ новому порядку вещей".

Возстаніе Маріи.

Между тѣмъ въ столицѣ партія Андроника составила заговоръ съ цѣлью сверженія протосеваста. Во главѣ этого заговора стояли старшая сестра императора,—та самая Марія, которую Мануилъ собирался выдать за Белу, но которая вышла впослѣдствіи замужъ за маркграфа монферратскаго Райнеріо,—ея мужъ и два сына Андроника, Мануилъ и Іоаннъ. Рѣшено было въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста 1181 года во время церковной службы покончить съ протосевастомъ при помощи наемныхъ убійцъ. Однако, заговоръ былъ открытъ, большинство участниковъ его, которыхъ пристрастные судьи старались обвинить въ оскорбленіи величества, потерпѣли жестокія наказанія, а Марія и ея мужъ, благодаря патріарху Θеодосію, стоявшему на сторонѣ заговорщиковъ, нашли себѣ убѣжище въ церкви св. Софіи. Все это произошло еще великимъ постомъ. Къ Пасхѣ, по обыкновенію, собрались въ Константинополь цѣлыя массы богомольцевъ изъ различныхъ частей имперіи. Но то, что они увидали здѣсь на этотъ разъ, было совсѣмъ необычно: торжественная процессія съ патріархомъ во главѣ, ежегодно отправлявшаяся изъ церкви св. Софіи во дворецъ, чтобы поздравить императора съ праздникомъ, была, по распоряженію па-

---

[1]) Nicet., 298: μονώτατον ὡς φιλορώμαιον ἄνδρα.

тріарха, отложена. Самая ограда „Великой церкви“, гдѣ скрывались Марія и ея мужъ, становилась все болѣе и болѣе похожею на укрѣпленный лагерь: Марія, не перестававшая требовать удаленія протосеваста отъ дѣлъ, умѣла привлечь на свою сторону и часть италіанскихъ наемныхъ войскъ, и часть „римскаго“ войска, и, наконецъ, ту сбродную, состоявшую изъ низшихъ слоевъ ремесленнаго и рабочаго класса толпу, которая почти всегда принимала дѣятельное участіе въ политическихъ переворотахъ, разыгрывавшихся въ столицѣ; привлечь ее было тѣмъ легче, что ненависть къ богатымъ купцамъ и придворнымъ западнаго происхожденія и раздраженіе противъ правительства, пренебрегавшаго интересами народа, давно уже накоплялись въ низшихъ слояхъ столичнаго населенія. Деньги, раздаваемыя Маріей, увеличивали число ея приверженцевъ. Приверженцы Андроника, бывшаго въ оживленной перепискѣ съ Маріей и принимавшаго, очевидно, издали весьма дѣятельное участіе въ развитіи константинопольскаго движенія, распространяли молву о томъ, что онъ не допуститъ поруганія престола, что онъ приближается къ столицѣ, чтобы наказать протосеваста. Повсюду начали составляться сборища и сходки, гдѣ открыто выражалось негодованіе противъ императрицы и протосеваста и сожалѣніе о Маріи. Постепенно дѣло дошло до открытаго мятежа. Священники являлись среди толпы съ крестомъ, съ изображеніемъ Христа, съ хоругвями и призывали народъ къ „священной войнѣ“ [1]), т.-е. къ войнѣ съ ненавистными и церкви и народу иноземцами. Народъ собирался въ центральныхъ частяхъ города, поднималъ крики, выражая добрыя пожеланія императору и осыпая проклятіями императрицу и протосеваста, наконецъ, толпа начала грабить и разрушать дома приверженцевъ правительства, и тѣ должны были спасаться бѣгствомъ.

До сихъ поръ протосевастъ пытался прійти къ соглашенію съ Маріей, но встрѣтилъ съ ея стороны рѣзкій отпоръ. Теперь онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ вооруженной силѣ. Собравъ къ такъ называемому „Большому дворцу“, какіе было можно, отряды войска и разсчитывая на помощь латинскаго населенія столицы, понявшаго, какая опасность грозитъ ему со стороны мятежниковъ, онъ рѣшилъ захватить главное убѣжище послѣднихъ—мѣсто въ оградѣ церкви св. Софіи, лежавшей противъ Большого дворца. Мятежники, съ своей стороны, укрѣпились, какъ могли. На разсвѣтѣ 2-го

---

[1]) Nicet., 306. Ср. Ѳ. Успенскій, Ж. М. Н. П., т. 214, стр. 64.

мая 1181 года на площади Августеонѣ, отдѣлявшей „Великую церковь“ отъ Большого дворца, и на прилегавшихъ къ ней улицахъ завязалась ожесточенная битва; сначала приверженцы протосеваста и Маріи перестрѣливались съ крышъ церквей и башенъ, окружавшихъ площадь, а затѣмъ сошлись въ рукопашную. Наконецъ, послѣ полудня войско протосеваста стѣснило противниковъ и загнало ихъ въ притворъ храма св. Софіи; битва угрожала продолжаться въ самомъ храмѣ. Тогда патріархъ Ѳеодосій вышелъ въ притворъ, чтобы остановить сражающихся, а мужъ Маріи Райнеріо съ небольшимъ отрядомъ бросился на Августеонъ и очистилъ его отъ противниковъ. Ночь прервала битву, и патріархъ, не теряя времени, послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ для переговоровъ во дворецъ. На слѣдующій день, 3-го мая, переговоры эти, въ которыхъ приняли участіе многіе изъ вліятельныхъ сановниковъ, кончились: мятежникамъ была дарована полная амнистія, а Маріи и ея мужу гарантирована полная безопасность. Съ наступленіемъ ночи на 4-е мая Райнеріо и Марія вышли изъ храма св. Софіи и водворились въ Большомъ дворцѣ. Послѣ прекращенія мятежа первымъ дѣломъ протосеваста было заточеніе патріарха въ одинъ изъ константинопольскихъ монастырей; Алексѣй задумывалъ даже свергнуть Ѳеодосія съ патріаршаго престола. Но, очевидно, онъ не чувствовалъ подъ собой прочной опоры: не сумѣвъ найти противъ Ѳеодосія достаточныхъ обвиненій, онъ долженъ былъ вернуть его въ „Великую церковь“, что дало поводъ къ грандіозной демонстраціи въ честь патріарха.

Походъ Андроника на Константинополь.

Многочисленныя письма „изъ знатныхъ домовъ“ постоянно увѣдомляли Андроника о томъ, что происходило въ столицѣ, а, наконецъ, въ Синопѣ онъ получилъ и самыя вѣрныя извѣстія отъ своей дочери Маріи, бѣжавшей изъ Константинополя къ отцу. Узнавши отъ нея, какъ увеличивается его популярность въ столицѣ и какъ сильна его партія, Андроникъ рѣшилъ дѣйствовать энергичнѣе. Изъ Пафлагоніи онъ двинулся черезъ Виѳинію по направленію къ Босфору. Но прежде чѣмъ направиться прямо къ столицѣ, онъ попытался заручиться преданностью малоазійскихъ провинцій, имѣвшихъ такое важное значеніе для имперіи въ военномъ отношеніи: привлекши на свою сторону стратеговъ и сильныя войска малоазійскихъ ѳемъ, можно было чувствовать себя уже почти господиномъ имперіи. Но сдѣлать это было не легко. Правда, слухи о томъ, будто Андроникъ идетъ спасать царя отъ гибели и будто бы даже царь Мануилъ взялъ съ него слово раздѣлять съ

другими бремя регентства, привлекли къ нему довольно много народа и войска въ Пафлагоніи и Виѳиніи. Но во главѣ области города Никеи [1]) и обширной ѳемы Ѳракисія [2]) стояли люди, преданные протосевасту, его родственники Іоаннъ Дука и Іоаннъ Комнинъ Ватаца. Несмотря на всѣ убѣжденія Андроника, они сохранили вѣрность Алексѣю. Однако за эту неудачу Андроникъ былъ немедленно вознагражденъ. Протосевастъ поручилъ одному изъ очень вліятельныхъ въ Византіи людей, Андронику Ангелу, съ войскомъ преградить дорогу Андронику. Потерпѣвъ пораженіе отъ приверженцевъ Андроника и уклоняясь дать отчетъ въ расходованіи денегъ, полученныхъ на военныя издержки, Ангелъ передался Андронику вмѣстѣ съ шестью сыновьями. Переходъ этой вліятельной семьи, родственной Комнинамъ, былъ большимъ ударомъ для протосеваста и очень ободрилъ Андроника. Не смущаясь болѣе сопротивленіемъ Никеи, онъ направился прямо къ Константинополю, и скоро жители столицы увидѣли на противоположномъ берегу Босфора, около города Халкидона, множество сторожевыхъ огней по линіи лагеря, нарочно растянутой какъ можно длиннѣе.

Жители столицы толпами собирались на берегу, смотрѣли на противоположную сторону, дѣлали знаки, точно призывая Андроника, „дабы онъ низвергъ уже напиравшую латинскую тираннію“ [3]). Скоро по проливу замелькали лодки, и установились сношенія одного берега съ другимъ. И знатные, и незнатные являлись къ Андронику. Онъ былъ со всѣми привѣтливъ и всѣмъ говорилъ о скоромъ вступленіи въ городъ. „Его чуть не на рукахъ носили не только... родъ Ангеловъ, но и остальная знать, сенатъ и другіе жители столицы“ [4]). Протосевастъ растерялся и пропустилъ много времени, прежде чѣмъ прибѣгнуть къ послѣднему остававшемуся въ его рукахъ средству: ему былъ еще вѣренъ флотъ,—флотъ, въ значительной части иностранный, „латинскій“, щедро награжденный Алексѣемъ. Но и здѣсь оппозиція знати дала себя почувствовать. Главнымъ начальникомъ флота, „великимъ дуксомъ“, былъ въ то

---

[1]) Въ XI в. эта область называлась ѳема Опсикій. См. Скабалановичъ, стр. 204—205.

[2]) Занимавшей южную часть древней Мизіи отъ города Адрамитія и древнюю Лидію; главные города этой ѳемы были: Смирна, Эфесъ, Милетъ, Филадельфія, Іераполь. См. Скабалановичъ, стр. 206.

[3]) Nicet., 320. Михаилъ Акоминатъ въ рѣчи къ претору Дрими—цитир. у Ѳ. Успенскаго, ор. с., стр. 62, пр. 3.

[4]) Eusthat. Thessal. de Thessalonica a Latinis capta—цитир. у Ѳ. Успенскаго, стр. 69, пр. 1.

время одинъ изъ крупныхъ представителей византійской знати, Андроникъ Контостефанъ. Протосевастъ охотно замѣнилъ бы нерасположеннаго къ нему „дукса“ кѣмъ-нибудь изъ своихъ родственниковъ, но не рѣшился на немотивированную отставку крупнаго и смѣло защищавшаго свое положеніе сановника. Эта нерѣшительность окончательно погубила Алексѣя: черезъ нѣсколько дней Контостефанъ со всѣми кораблями, на которыхъ было „римское“ войско, перешелъ на сторону Андроника. Теперь уже ничто не сдерживало противниковъ правительства: цѣлыя толпы являлись въ лагерь Андроника, народъ массами собирался на площадяхъ Константинополя и открыто обсуждалъ распускавшіеся партіей Андроника слухи о томъ, будто правители, утративъ любовь народа, ищутъ спасенія въ латинянахъ, „обѣщая отдать имъ городъ и обратить грековъ въ рабство“ [1]). Эти слухи сильно волновали массу, и скоро въ столицѣ произошелъ открытый переворотъ: изъ тюрьмы были освобождены сыновья Андроника и другіе участники заговора противъ Алексѣя, а на ихъ мѣсто заключены приверженцы правительства; затѣмъ и самъ протосевастъ былъ схваченъ и отданъ подъ охрану варяжской стражи; черезъ нѣсколько дней его въ шутовской процессіи отправили къ Андронику и, по его приказанію, ослѣпили.

Избіеніе латинянъ.

Главный врагъ, особенно непріятный аристократическимъ элементамъ оппозиціи, былъ, такимъ образомъ, сломленъ. Оставалось разсчитаться съ тѣми, кто возбуждалъ ненависть въ массѣ городского населенія. Находясь еще на азіатской сторонѣ пролива, Андроникъ приказалъ флоту двинуться къ Константинополю и напасть на бывшихъ тамъ иноземцевъ. Столичная толпа съ восторгомъ встрѣтила прибывшихъ и вмѣстѣ съ ними направилась къ Золотому Рогу, гдѣ была колонія западныхъ купцовъ, наполненная роскошными домами и заключавшая до 60.000 населенія. Здѣсь началась звѣрская расправа. Дома разграбляли, всѣхъ, кто попадался, избивали, не щадя ни пола, ни возраста; тѣхъ, кто не успѣлъ или не хотѣлъ выйти изъ жилищъ, запирали и сжигали, разрушали церкви и благотворительныя учрежденія, убивали духовенство; въ страннопріимномъ домѣ іоаннитовъ перебили больныхъ; нѣсколько тысячъ иностранцевъ было захвачено живыми и продано въ рабство восточнымъ народамъ; кто успѣвалъ спастись, тѣ бросались на корабли и поспѣшно направлялись въ Пропонтиду.

---

[1]) Eusthat. Thessal., op. c., цитир. у Ѳ. Успенскаго, ibid., стр. 71, пр. 1.

Населеніе Константинополя ликовало: совершилось освобожденіе отъ „латинянъ“, и, кромѣ того, въ руки толпы попала богатая добыча. Но за это торжество предстояла дорогая расплата: уже бѣглецы, ушедшіе въ Пропонтиду, постарались по мѣрѣ своихъ силъ отмстить за испытанное насиліе: они разграбили берега Босфора и Принцевы острова, сожгли немало монастырей и перебили монаховъ. Худшее, однако, было еще впереди и разразилось тогда, когда вѣсти объ избіеніи „латинянъ“ дошли на Западъ, разожгли старую вражду къ Византіи и подготовили нашествіе сицилійцевъ въ 1185 году и четвертый крестовый походъ. Но въ то время, въ 1182 году, едва ли многіе въ Византіи предугадывали послѣдствія латинскаго избіенія. Всѣ отдались пріятному сознанію освобожденія отъ „латинской тиранніи“, каждымъ по-своему понимаемаго, каждымъ толкуемаго въ своихъ интересахъ, и, конечно, съ признательностью смотрѣли на руководителя новаго направленія— Андроника. Теперь въ его рукахъ были и аристократія, и народная масса; оставалось сблизиться только съ носителемъ высшей духовной власти, столь вліятельной въ Византіи,—съ патріархомъ Ѳеодосіемъ.

Какъ мы знаемъ, Ѳеодосій не оставался безучастнымъ ко всему, что происходило въ Византіи со смерти Мануила. Взявъ подъ свою защиту Марію и ея приверженцевъ, онъ ясно показалъ, что его симпатіи на сторонѣ противозападнической партіи. Эти симпатіи должны были вести Ѳеодосія къ сближенію и съ Андроникомъ. Но, насколько можно судить по изложенію Никиты, патріархъ былъ человѣкъ высоконравственный и принадлежалъ къ наиболѣе безкорыстнымъ и искреннимъ приверженцамъ „національной“ партіи. Знамя, выставленное Андроникомъ, было ему по душѣ, но вопросъ о томъ, каковы пріемы его дѣятельности, какова ея нравственная основа, оставался неразрѣшеннымъ и возбуждалъ въ тонкомъ и наблюдательномъ Ѳеодосіи сильное недовѣріе къ инейскому изгнаннику. Послѣ сверженія протосеваста, когда вся знать и чиновничество перебывали у Андроника, отправился къ нему и Ѳеодосій. Личное впечатлѣніе, произведенное ими другъ на друга, было неблагопріятное: бесѣда свелась къ тому, что среди утонченныхъ, изысканно-замаскированныхъ колкостей Андроникъ настаивалъ на обязанности патріарха имѣть попеченіе объ императорѣ, а Ѳеодосій слагалъ эту обязанность на Андроника, ссылаясь и на свой санъ, и на свои годы, и на умѣнье Андроника устроить государственныя дѣла. Патріархъ, очевидно, быстро составилъ себѣ опредѣленное мнѣніе

объ Андроникѣ, понялъ, что имъ невозможно будетъ итти рука объ руку, и рѣшился отстраниться отъ дѣятельнаго участія въ политикѣ, однако, не только не мѣшая Андронику продолжать начатое, но даже и признавая себя какъ бы солидарнымъ съ нимъ. Для Андроника это было важнымъ успѣхомъ: церковь играла важную роль въ противозападническомъ движеніи, и ея высшій представитель могъ имѣть значительное вліяніе не только на духовенство, но и на низшіе слои столичнаго населенія, такъ охотно слушавшаго призывъ священниковъ къ борьбѣ противъ протосеваста и императрицы.

Партія Андроника.

Теперь все было подготовлено въ Константинополѣ къ прибытію Андроника, и въ апрѣлѣ 1182 года онъ переплылъ проливъ и явился къ молодому императору Алексѣю II, который въ это время, по желанію Андроника, переселился изъ Большого Дворца въ Манганскій [1]). Холодное, почти презрительное обращеніе съ Маріей при этомъ свиданіи ясно показывало, что Андроникъ чувствовалъ себя господиномъ положенія. Но ему еще нужно было вполнѣ укрѣпиться въ этой роли. Средства для этого были подсказаны Андронику, съ одной стороны, тогдашней группировкой партій, съ другой, обычной практикой византійскихъ государственныхъ переворотовъ. Какъ указано выше, сторонники Андроника дѣлились на нѣсколько разрядовъ: въ первомъ ряду стояли сестра императора Марія и ея мужъ, боровшіеся съ партіей протосеваста чисто изъ личныхъ видовъ; къ нимъ примыкали тѣ изъ придворной и чиновной аристократіи, кто руководился или также чисто-личными симпатіями и антипатіями, или, если и ссылался на свою ненависть къ „латинянамъ“, то все-таки имѣлъ, въ концѣ концовъ, въ виду свое личное положеніе, заслоненное иноземцами. Людей, сознательно стоявшихъ за „противозападничество“, какъ за средство возродить государство, едва ли здѣсь было много. Но за этими группами стояло гораздо болѣе многочисленные ряды духовенства, торговаго, промышленнаго, ремесленнаго и рабочаго населенія столицы. Протестъ этихъ слоевъ, интересы которыхъ часто шли въ разрѣзъ съ интересами высшихъ, принималъ болѣе широкую окраску, нежели протестъ послѣднихъ: здѣсь выставлялись интересы православной церкви, интересы цѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 562, пр. 1. Мѣстность, гдѣ находился Манганскій дворецъ (сѣверная оконечность мыса, образуемаго Золотымъ Рогомъ и Босфоромъ), называется „внутренній Филопатій“. Въ западной части города, уже за городской стѣной, была мѣстность, называвшаяся „внѣшній Филопатій“, гдѣ также былъ дворецъ. См. Nicet., 331,11–13 и 380,17–22.

лаго „римскаго“ народа. Современныя лѣтописныя изложенія почти совершенно скрываютъ отъ насъ участіе провинціальнаго населенія въ политическихъ событіяхъ эпохи. По отрывочнымъ указаніямъ можно думать, что, непривычное къ политической дѣятельности, оно часто и въ дѣйствительности было заслоняемо расположенными въ провинціяхъ войсками и ихъ предводителями, стремленія которыхъ опредѣляли и отношенія самихъ провинціаловъ къ тому или другому политическому явленію. Однако, можно сказать, что здѣсь интересы высшихъ слоевъ, бюрократическаго и крупно-землевладѣльческаго, шли, по большей части, въ разрѣзъ съ интересами низшихъ, промышленнаго и земледѣльческаго, и что, слѣдовательно, политика, благопріятная для однихъ, естественно, оказывалась неблагопріятною для другихъ и обратно. Угодить тѣмъ и другимъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи, было едва ли возможно. Поневолѣ приходилось выбирать, и Андроникъ, хорошо знакомый съ стремленіями и привычками византійской аристократіи, повидимому, скоро рѣшилъ, на какой сторонѣ искать опоры.

Пока ему приходилось пріобрѣтать себѣ силу и возможность утвердиться въ Константинополѣ, онъ не пренебрегалъ ни аристократіей, ни партіей духовенства и народа. Теперь, когда онъ почувствовалъ себя могущественнымъ, — хотя формально его право на захватъ государственной власти все еще заключалось только въ его присягѣ Мануилу [1]),—онъ рѣшилъ сокрушить силу аристократіи и опираться на низшіе слои. Это была смѣлая и своеобразная попытка, шедшая въ разрѣзъ съ политикой большинства императоровъ Византіи, гдѣ придворныя интриги и борьба партій оказывали чрезмѣрное и, по большей части, разлагающее вліяніе на ходъ политической жизни. Удача этой попытки могла бы оказать сильное вліяніе на судьбу Византіи, и, вѣроятно, затѣянная Андроникомъ, такъ сказать, самодержавно-демократическая монархія привела бы имперію не къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ она пришла въ концѣ своей исторіи. Но неудача Андроника лишній разъ подтвердила, насколько безсильна отдѣльная, хотя бы самая могучая личность въ борьбѣ съ естественнымъ ходомъ историческаго развитія. А въ Византіи этотъ ходъ слагался такъ печально, во внутреннемъ строѣ и особенно во внѣшнихъ отношеніяхъ государства было столько препятствій къ осуществленію плановъ, подобныхъ планамъ Андроника, что такая попытка могла кончиться только кру-

---

[1]) См. выше, стр. 128.

шеніемъ. Къ тому же, навѣянные византійской практикой способы осуществить эту попытку были уже сами по себѣ способны привести къ цѣлому возстанію и къ сверженію императора. Этими способами были: постриженіе въ монахи, ослѣпленіе, жестокія казни и убійства, и Андроникъ широко пользовался ими противъ аристократіи. Современный византійскій историкъ, въ сочиненіи котораго нестройно, постоянно противорѣча другъ другу, отразились и аристократическія тенденціи того времени и народныя воззрѣнія на Андроника, съ необыкновенной пестротой чередуетъ въ своемъ разсказѣ восторженныя похвалы Андронику съ самыми рѣзкими порицаніями его безнравственности, тиранническимъ замашкамъ, его жестокости и безчеловѣчію [1]). Новѣйшіе историки страннымъ образомъ обращали вниманіе почти исключительно на эту послѣднюю сторону изображенія и представляли Андроника отвратительнымъ злодѣемъ, чуть ли не готовымъ жертвовать всѣмъ для узкихъ личныхъ видовъ. Конечно, Андроника нельзя заподозрить въ особенной мягкости и кротости. Жестокость, мстительность, почти полное отсутствіе нравственныхъ принциповъ составляютъ несомнѣнныя черты его характера. Но средства, употреблявшіяся Андроникомъ, были свойственны не только всей Византіи на всемъ протяженіи ея исторіи, но и вообще средневѣковому міру, и если Андроникъ пользовался ими шире, чѣмъ многіе, такъ это (помимо указанныхъ свойствъ его характера) главнымъ образомъ потому, что и задачи, которыя онъ себѣ поставилъ, были исключительныя, и борьба, вызванная его дѣятельностью, была ожесточенная и разгоралась постепенно все съ большею и большею силою, невольно превративъ послѣдніе моменты его царствованія дѣйствительно въ какую-то кровавую эпопею [2]).

Преслѣдованіе знати.

Какъ бы то ни было, Андроникъ сразу пошелъ прямо по намѣченному пути. Какова была въ это время его популярность среди низшихъ слоевъ столичнаго населенія и насколько въ то же время были страшны и жестоки эти союзники, это рѣзко проявилось въ одномъ случаѣ, происшедшемъ во время пребыванія Андроника въ Филопатіи передъ вступленіемъ въ городъ. Около его палатки былъ схваченъ какой-то подозрительный бродяга, просившій милостыню.

---

[1]) Nicet., passim. Въ 2 книгахъ, посвященныхъ спеціально царствованію Андроника (pp. 356—463), преобладаетъ отрицательный взглядъ, кромѣ, однако, нѣкоторыхъ главъ (3—5, 13) второй книги.

[2]) Наиболѣе правильный взглядъ на Андроника встрѣчается у Фалльмерайера и у русскихъ изслѣдователей: акад. А. Куника и проф. Ѳ. Успенскаго.

„Слуги Андроника сначала обвиняли его въ занятіи колдовствомъ, а потомъ безразсудно выдали его городской черни, а та, смотря на Андроника, какъ на лицо божественное, не разслѣдовавъ вины, отвела его (бродягу) въ театръ и тамъ, наложивъ сухихъ дровъ и хвороста, сожгла, въ угожденіе Андронику“ [1]). Рядомъ бьющихъ въ глаза, подкупавшихъ массу дѣйствій Андроникъ продолжалъ укрѣплять свою популярность. Вступивъ въ городъ, онъ прежде всего поспѣшилъ на мѣсто погребенія Мануила и тамъ на виду у всѣхъ горько рыдалъ надъ гробницей; родственники долго не могли убѣдить его отойти отъ могилы. „Вотъ какъ онъ любилъ Мануила“, — шелъ говоръ среди присутствовавшихъ при этомъ, — „хотя тотъ и былъ его жестокимъ гонителемъ“. Вскорѣ затѣмъ народъ сталъ очевидцемъ другого, еще болѣе поразительнаго зрѣлища. Андроникъ предложилъ Алексѣю короноваться самодержцемъ [2]), и въ день совершенія обряда, „на глазахъ у многихъ тысячъ городского и пришлаго народа“, поднявъ Алексѣя на плечи „съ теплыми слезами“, принесъ его къ амвону Великой церкви и затѣмъ, по окончаніи обряда, также отнесъ его обратно. Толпа была такъ поражена этимъ, что готова была думать, будто Андроникъ „любитъ царя больше отца и будетъ правой рукой молодой царственной отрасли“. Всѣ эти выходки, приводившія въ изумленіе и восторгъ простодушную массу константинопольскаго населенія, вызывали скептическое отношеніе и подчасъ ядовитую иронію и сплетню въ придворномъ и чиновномъ кругу, гдѣ Андроникъ сразу же показалъ себя совсѣмъ съ иной стороны.

Тотчасъ по вступленіи въ столицу, наградивъ за преданность „пафлагонцевъ“, т.-е. приставшіе къ нему малоазійскіе отряды, Андроникъ принялся за систематическое преслѣдованіе византійской знати. Начались изгнанія, конфискаціи, заключенія въ тюрьму, ослѣпленія. Первыми, конечно, должны были пострадать тѣ, кто стоялъ въ открытой оппозиціи Андронику, а между ними были такіе сильные люди, какъ упомянутый выше „великій доместикъ“ Іоаннъ Комнинъ Ватаца [3]), начальникъ оемы Ѳрасикія, упорно отстаивавшій противъ войска Андроника городъ Филадельфію вплоть до своей смерти, послѣдовавшей, къ счастью для Андроника, довольно скоро [4]). Борьба эта

---

[1]) Nicet., 332 (русск. пер., 328).

[2]) Nicet., 333: στεφθῆναι αὐτοκράτορα εἰσηγεῖται τὸν βασιλέα Ἀλέξιον.

[3]) См. с. 132; о значеніи термина „великій доместикъ“ см. ниже, с. 152, пр. 2.

[4]) Вѣроятно, еще въ 1182 году. Филадельфія немедленно послѣ того передалась Андронику.

требовала большого напряженія силъ: благодаря организаціи оемъ, сосредоточивавшей въ рукахъ ихъ начальниковъ обширную власть и предоставлявшей въ ихъ распоряженіе значительныя военныя силы, люди, подобные Іоанну Ватацѣ, могли поднять цѣлыя области, возбудить настоящую междоусобную войну, что и пришлось испытать Андронику въ Малой Азіи. Но ему нельзя было ограничиться удаленіемъ такого открыто оппозиціоннаго элемента изъ областного и центральнаго управленія и изъ придворнаго круга. Скоро и тѣ изъ аристократіи, кто перешелъ на сторону Андроника въ надеждѣ, съ перемѣной правителя, усилить и улучшить свое личное положеніе, увидали, что ошиблись въ расчетахъ: Андроникъ былъ слишкомъ мало расположенъ поступаться полнотою своей власти ради ихъ олигархическихъ вкусовъ; ему была несвойственна политика слабыхъ императоровъ, чувствовавшихъ себя всецѣло зависящими отъ этой, правда, очень сильной и тѣсно сплотившейся аристократіи и старавшихся упрочить свое положеніе милостями и уступками ея представителямъ; да, собственно говоря, онъ и былъ обязанъ-то этой аристократіи слишкомъ немногимъ: его подняли на верхъ власти не столько ея интриги и своекорыстныя политическія затѣи, сколько широкая популярность среди малоазійскихъ войскъ, среди низшихъ слоевъ народа и среди низшаго духовенства столицы. Какъ бы то ни было, но византійская аристократія, эта многочисленная толпа крупныхъ землевладѣльцевъ, перероднившихся между собой, поддерживавшихъ другъ друга и склонныхъ къ непотизму въ высшихъ чинахъ и должностяхъ, требовала противъ себя, на взглядъ Андроника, рѣшительныхъ и быстрыхъ мѣръ,—и онъ не поскупился на такія мѣры чисто въ средневѣковомъ духѣ. Прежде всего онъ постарался отдѣлаться отъ своей временной союзницы, сестры императора, Маріи. Она была отравлена медленно дѣйствующимъ ядомъ. Вскорѣ не стало и ея мужа Райнеріо. „Говорили, что и онъ умеръ не естественной смертью, а передавали, что одна чаша, усыпляющая жизнь, покрыла мракомъ смерти обоихъ...“ [1]). Далѣе, ссылаясь на то, что интриги императрицы-матери противодѣйствуютъ всякой мѣрѣ и начинанію, предпринимаемымъ имъ для блага государства и государя, Андроникъ поднялъ противъ нея обвиненіе на судѣ. Нѣкоторые изъ участниковъ суда выражали сомнѣніе въ законности самаго созванія этого суда безъ повелѣнія императора, но Андроникъ, прика-

---

[1]) Nicet., 337, 11—13.

завъ тѣлохранителямъ схватить ихъ и чуть не отдавъ ихъ на народную расправу, добился,—между прочимъ, съ согласія и патріарха,—отстраненія Маріи отъ сына и удаленія ея изъ дворца.

Заговоръ противъ Андроника.

Вѣроятно, осужденіе Маріи и крутая расправа съ судьями послужили послѣднимъ толчкомъ для составленія среди высшаго сановнаго круга заговора противъ Андроника. Любопытно, что главными участниками этого заговора были Андроникъ Ангелъ съ сыновьями и великій дуксъ Андроникъ Контостефанъ, еще такъ недавно предательски покинувшіе протосеваста Алексѣя ради Андроника [1]). Очевидно, что послѣднему приходилось въ этомъ случаѣ имѣть дѣло съ самыми безсовѣстными карьеристами высшаго полета, ошибшимися въ своихъ расчетахъ и готовыми на все ради достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Заговоръ былъ открытъ. Ангелу съ сыновьями удалось бѣжать. Контостефанъ, его сыновья, логоѳетъ дрома [2]) Василій Каматиръ и „многіе другіе, находившіеся въ родствѣ съ ними и сами по себѣ люди знаменитые“, были схвачены и ослѣплены, заключены въ тюрьму или изгнаны.

Этотъ заговоръ, въ свою очередь, повелъ къ новому суду надъ императрицей Маріей, обвинявшейся на этотъ разъ въ сношеніяхъ съ своимъ зятемъ, венгерскимъ королемъ Белою, и въ подстрекательствѣ его къ нападенію на Браничевъ и Бѣлградъ. Отведенная въ тюрьму, гдѣ съ нею очень жестоко обращались, Марія скоро еще разъ подверглась суду. Андронику, повидимому, не трудно было заставить Алексѣя, совершенно отстраненнаго отъ государственныхъ дѣлъ и занятаго лишь охотой и другими развлеченіями, подписать смертный приговоръ его собственной матери, но не такъ легко было найти исполнителей этого приговора: предназначенные Андроникомъ для этого его собственный сынъ Мануилъ и шуринъ Георгій наотрѣзъ отказались отъ ужаснаго порученія. Тогда пришлось прибѣгнуть къ

---

[1]) См. выше, стр. 1323—.

[2]) Логоѳетами назывались въ Византіи чиновники, стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ вѣдомствъ центральнаго управленія, такъ называемыхъ секретовъ (нѣчто въ родѣ современныхъ министерствъ). Въ вѣдѣніи логоѳета дрома, министра почтъ и путей сообщенія, находилась государственная почта, служившая не для надобностей частныхъ лицъ, а для перевозки чиновниковъ, иностранныхъ пословъ и ссыльныхъ и разсылки императорскихъ указовъ. Затѣмъ онъ долженъ былъ представлять императору иностранныхъ пословъ и вести съ ними сношенія отъ лица императора. Наконецъ, на его обязанности лежало доносить императору объ „общемъ состояніи государства“, для чего въ его распоряженіи была полиція и особые надсмотрщики, въ родѣ шпіоновъ. См. Скабалановичъ, 175—176.

содѣйствію нѣкоего Птеригіонита,—темной личности, которой молва приписывала отравленіе и сестры императора и одного изъ начальниковъ лейбъ-гвардіи, Константина Трипсиха [1]). Эти люди по приказу Андроника задушили Марію. Около того же времени покинулъ патріаршую каѳедру столицы „скрытный армянинъ"—Ѳеодосій, и на его мѣсто былъ возведенъ человѣкъ, вполнѣ преданный Андронику.

Вѣнчаніе на царство.

Теперь Андроникъ могъ думать, что почва достаточно подготовлена для того, чтобы онъ принялъ императорскій титулъ [2]). Дѣло было поведено довольно искусно. Приверженцами Андроника былъ поднятъ вопросъ о томъ, какъ быть съ мятежными малоазійскими городами Никеей и Бруссой, принявшими къ себѣ бѣглецовъ Ангеловъ. При обсужденіи этого вопроса на собраніи государственныхъ сановниковъ въ домѣ Андроника было рѣшено, что единственное спасеніе—назначеніе въ соправители Алексѣю Андроника. Присутствовавшіе тотчасъ же провозгласили: „Алексѣю и Андронику, великимъ императорамъ и самодержцамъ римскимъ, Комнинамъ, многія лѣта!". Слухи о происшедшемъ быстро разнеслись по городу; къ жилищу Андроника собрались толпы людей „всякаго рода, всякихъ профессій, всякаго возраста" и, подъ руководствомъ двухъ особенно рьяныхъ сенаторовъ, устроили радостное пѣніе и пляски. Затѣмъ Андроникъ отправился во дворецъ, гдѣ, очевидно, вполнѣ ему подчинявшійся Алексѣй сталъ также упрашивать его принять соправительство. Андроникъ не соглашался. Тогда приверженцы схватили его за руки, силой посадили на тронъ, надѣли ему на голову „огненнаго цвѣта" повязку и облекли его въ царскую одежду [3]). Вслѣдъ затѣмъ надъ Андроникомъ совершено было церковное вѣнчаніе въ „Великой церкви", а послѣ него—торжественный въѣздъ въ „Большой дворецъ".

За этимъ послѣдовалъ еще одинъ, можетъ быть, лишній шагъ со стороны Андроника къ окончательному упроченію власти. Ссы-

---

[1]) Трипсихъ занималъ должность великаго этеріарха, начальника великой этеріи, одной изъ частей лейбъ-гвардіи. По мнѣнію Скабалановича, подъ надзоромъ великаго этеріарха были всѣ „варяги" (т.-е. иноземные отряды, бывшіе на службѣ имперіи какъ при дворѣ, такъ и внѣ столицы). Въ противоположность иноземной стражѣ была еще „ромэйская гвардія". См. Скабалановичъ, 329, 332.

[2]) Двоевластіе не составляло въ Византіи исключительнаго явленія. Ср. выше, стр. 116, пр. 2.

[3]) Она была изъ золотой парчи и пурпура, украшалась жемчугомъ и пр. См. Скабалановичъ, 145.

лаясь на Гомеровскій стихъ: „не хорошо многовластіе; пусть будетъ одинъ повелитель, одинъ царь“ (οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη, εἷς κοίρανος ἔστω, εἷς βασιλεύς),—приверженцы Андроника, составлявшіе его сенатъ, сначала опредѣлили императору Алексѣю вести жизнь частнаго человѣка и затѣмъ произнесли ему смертный приговоръ. Константинъ Трипсихъ и нѣкіе Стефанъ Агіохристофоритъ и Дадивринъ напали ночью на Алексѣя и удавили его тетивой лука. Никита Акоминатъ передаетъ отвратительныя подробности этого темнаго дѣла. По его словамъ, когда тѣло Алексѣя принесли къ Андронику, онъ толкнулъ его ногой и назвалъ его отца клятвопреступникомъ и оскорбителемъ, а мать—безстыдною развратницей; потомъ отрубили голову и бросили ее отдѣльно, а тѣло закупорили въ свинцовый ящикъ и опустили на дно моря. Два „знаменитыхъ человѣка“ изъ приверженцевъ Андроника съ пѣніемъ и плясками управляли судномъ, везшимъ трупъ...

Съ этой минуты началось единодержавное правленіе императора Андроника Комнина (1183—1185).

IV.

Возстаніе въ Малой Азіи.

Андроникъ достигъ престола путемъ насилія и кровавой борьбы. Этимъ же путемъ пришлось ему итти и дальше.

Добившись отъ патріарха и синода [1]) разрѣшенія отъ клятвы, данной Мануилу и его сыну, и взявши себѣ въ жены невѣсту погибшаго Алексѣя Анну, дочь французскаго короля Людовика VII,

---

[1]) „При константинопольскомъ патріархѣ былъ синодъ, такъ называемый σύνοδος ἐνδημοῦσα, представлявшій собою какъ бы всю помѣстную автокефальную церковь и образовавшійся изъ повременныхъ соборовъ, которые въ древности, смотря по требованію обстоятельствъ, собирались вокругъ автокефальныхъ церквей, а потомъ (какъ полагаютъ, съ конца IV в.) превратились въ постоянное учрежденіе, синодъ. Синодъ состоялъ изъ членовъ дѣйствительныхъ (каковыми могли быть всѣ лица, имѣвшія санъ не ниже епископскаго), выбираемыхъ и назначаемыхъ патріархомъ, а въ исключительныхъ случаяхъ императоромъ, и изъ членовъ присутствующихъ (каковыми были патріаршіе сановники первой пентады, т.-е. стоявшіе во главѣ патріаршихъ приказовъ, завѣдовавшихъ свѣтскою стороной церковнаго управленія: канцелярскими дѣлами, финансовыми и пр.); сверхъ того, въ синодѣ могли засѣдать и представители правительства (δεσποτικοὶ ἄρχοντες), которые, однакожъ, не были постоянными представителями, а являлись и засѣдали тогда, когда въ синодѣ рѣшались вопросы, имѣвшіе отношеніе къ области государственной жизни. Синодъ былъ высшею административною и судебною инстанціей, наблюдалъ

Андроникъ долженъ былъ почти тотчасъ же обратиться къ борьбѣ съ тѣмъ движеніемъ, опасность котораго и послужила поводомъ къ провозглашенію его императоромъ: возстаніе въ Малой Азіи разгоралось все сильнѣе. Тотчасъ по распространеніи извѣстія о воцареніи Андроника и объ убійствѣ Алексѣя къ этому возстанію попытался пристать Андроникъ Лапарда, одинъ изъ двухъ „стратиговъ тагмъ“ [1]), ведшихъ около Ниша и Браничева войну съ Белой венгерскимъ. Подъ предлогомъ поѣздки въ столицу онъ передалъ все руководство войной своему сослуживцу, преданному Андронику, Алексѣю Вранѣ, и направился въ Малую Азію. Но въ городѣ Адрамитіи Лапарда былъ схваченъ. Его отправили въ Константинополь, тамъ ослѣпили и заключили въ монастырь. Весной 1184 года, собравъ „всѣ войска, какія на западѣ и на востокѣ оставались ему вѣрными“, Андроникъ лично отправился въ Малую Азію, гдѣ къ ранѣе возставшимъ Никеѣ и Бруссѣ присоединился городъ Лопадій (къ востоку отъ Бруссы). Лопадій скоро сдался, но Никея защищалась гораздо упорнѣе. Руководимые Исаакомъ Ангеломъ и Ѳеодоромъ Кантакузиномъ, никейцы удачно отбивали приступы императорскихъ войскъ, во время вылазокъ жгли и разрушали осадныя машины и со стѣнъ осыпали Андроника насмѣшками и бранью. Это раздражало Андроника и вызывало на жестокости: онъ приказалъ привезти изъ Византіи мать Исаака Ангела, Евфросинію, и подставлялъ несчастную женщину подъ выстрѣлы, помѣщая ее на осадныя машины, которыя придвигались прямо къ стѣнѣ. Но никейцамъ во время ночной вылазки удалось увести Евфросинію въ городъ. Безсильная досада Андроника разгоралась все болѣе и начала уже обращаться на собственныхъ военачальниковъ и солдатъ, подвергавшихся упрекамъ въ небрежности и трусости, когда смерть Ѳео-

---

за чистотой вѣры и поддержаніемъ церковныхъ порядковъ, за назначеніемъ епископовъ на мѣста, ихъ перемѣщеніемъ, разсматривалъ жалобы на духовныхъ лицъ и пр., при чемъ обыкновенныя постановленія утверждались патріархомъ и объявлялись отъ его имени, а болѣе важныя, въ томъ числѣ касавшіяся самого патріарха, восходили на утвержденіе императора (Скабалановичъ, стр. 363). Настоящее дѣло, хотя и очень „важное“, очевидно, могло быть утверждено только патріархомъ, а не императоромъ.

[1]) Т.-е. военачальникъ, командующій отрядомъ сухопутныхъ войскъ, выставляемыхъ ѳемами. Нѣкоторыя ѳемы, менѣе населенныя, выставляли по одной тагмѣ, болѣе населенныя—по нѣскольку тагмъ. Скабалановичъ приводитъ примѣръ (относящійся къ 1040 г.), изъ котораго видно, что тагма заключала 300 всадниковъ и 500 пѣхотинцевъ. Подробности см. Скабалановичъ, стр. 317 слл. Ср. выше, стр. 106, пр. 2.

дора Кантакузина во время новой вылазки круто перемѣнила положеніе дѣла: нерѣшительный, а, можетъ быть, и расчетливый Исаакъ Ангелъ уклонился отъ предложеннаго ему жителями города главнаго начальства надъ ними. Тогда, никейцы, по почину архіерея Николая, рѣшили сдаться на милость Андронику. Въ торжественномъ шествіи, безъ оружія, съ масличными вѣтвями въ рукахъ, босые, съ непокрытою головой, двинулись они въ лагерь Андроника. Императоръ принялъ ихъ благосклонно, но возстаніе не осталось вполнѣ безнаказаннымъ, и это наказаніе очень характерно для политики Андроника: кромѣ турокъ, которые оказались въ городѣ и были перевѣшаны, преслѣдованію подверглись „въ особенности тѣ, кто выдавался почетнымъ положеніемъ и знатностью рода"; духовенство, войско, торговый, ремесленный или рабочій классы, повидимому, почти не пострадали. Любопытно, кромѣ того, что Андроникъ не подвергъ наказанію Исаака Ангела. Хваля его за отказъ продолжать возстаніе послѣ смерти Кантакузина и отсылая въ Византію, Андроникъ, очевидно, думалъ привлечь на свою сторону этого безхарактернаго и нерѣшительнаго, но вліятельнаго по связямъ и родовитости человѣка. Отъ Никеи императоръ отправился къ Бруссѣ. Городъ не сдавался добровольно, былъ взятъ штурмомъ, и жители подверглись гораздо болѣе жестокой расправѣ, чѣмъ въ Никеѣ: мятежникамъ отрубали пальцы, руки, ноги, выкалывали глаза, но и здѣсь, кажется, самыя жестокія наказанія постигли людей высшаго класса—Ѳеодора Ангела, брата Исаака, и др. Затѣмъ послѣдовала подобная расправа въ Лопадіи, гдѣ, между прочимъ, былъ ослѣпленъ одинъ епископъ за то, что не обличалъ бунтовщиковъ, возставшихъ противъ императора. Возстаніе въ Азіи было, такимъ образомъ, подавлено. Радостно привѣтствуемый народомъ, Андроникъ вернулся въ Константинополь, гдѣ онъ могъ теперь, казалось, направить свою сильную и неоспоримую власть всецѣло на осуществленіе того, къ чему стремился и чего желалъ, добиваясь этой власти.

Цѣли Андроника.

Но чего же желалъ Андроникъ? Какимъ цѣлямъ должна была служить его въ полномъ смыслѣ самодержавная власть? Обладаніе этой властью, конечно, давало возможность въ широкой мѣрѣ удовлетворить тому вкусу къ изысканной роскоши и чувственнымъ наслажденіямъ, который былъ въ такой же степени свойственъ Андронику, какъ и Мануилу и всему придворному кругу ихъ времени. И Андроникъ охотно пользовался этой возможностью, проводя свободное время на знаменитыхъ своею роскошной при-

родой островахъ Пропонтиды въ кругу придворныхъ, пѣвицъ, танцовщицъ, среди пировъ и оргій,—своеобразный отдыхъ, къ которому прибѣгалъ и императоръ Мануилъ. Далѣе, Андроникъ хотѣлъ не только обладать властью, но и упрочить ее за своимъ потомствомъ. Среди византійской знати, вѣчно готовой на заговоры, на явныя и тайныя убійства, на подстрекательство перемѣнчивой, сбродной и дикой константинопольской толпы къ бунту, приходилось уже, въ виду стремленія охранить себя и потомство, дѣйствовать не только осторожно, но подозрительно и подчасъ круто. А частыя бѣгства, попытки заговоровъ, возстаній, подтверждая плохую репутацію этой знати, должны были, естественно, держать Андроника въ вѣчномъ напряженіи, развивать въ немъ подозрительность, раздражать и ожесточать этого безъ того уже не мягкаго человѣка. Эта подозрительность и неувѣренность въ окружающихъ заставляли Андроника отдаляться отъ придворной знати, окружать себя наемными отрядами, предпринимать казнь за казнью, совершая подчасъ почти безцѣльныя жестокости. Впрочемъ, отвѣтственность за жестокіе способы, какими казнили виновныхъ и заподозрѣнныхъ въ государственной измѣнѣ людей, падаетъ не только на самого Андроника, но и на его клевретовъ, на его, такъ сказать, тайную полицію, среди которой первое мѣсто занималъ уже упомянутый Стефанъ Агіохристофоритъ,—Антихристофоритъ, какъ его прозвали константинопольскіе остряки. Они не только усердно выполняли такія казни, какъ сожженіе на кострѣ, избіеніе камнями, но и самовольно, усердствуя для Андроника, предпринимали аресты опасныхъ, по ихъ мнѣнію, людей и дѣлали наказанія болѣе жестокими и утонченными. Но почему же Андроникъ вступилъ на этотъ путь для обезпеченія престола своему потомству, почему онъ не избралъ болѣе, казалось бы, надежнаго пути милостей, наградъ и уступокъ византійской знати и подачекъ низшимъ классамъ константинопольскаго населенія? Этого нельзя объяснить только свойствами его характера, отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ и жестокостью. Андроникъ былъ человѣкъ съ громаднымъ самообладаніемъ, умѣвшій, когда нужно, сдержаться, быть кроткимъ и милостивымъ; если въ послѣдніе моменты своего правленія онъ и потерялъ, повидимому, это самообладаніе, то едва ли такъ было въ началѣ, когда онъ свободно могъ выбрать тотъ или иной путь. Единственное, на нашъ взглядъ, объясненіе выбора Андроника—и не только выбора, но и неуклоннаго слѣдованія по выбранному пути—заключается въ томъ, что выставленное имъ

анти-западническое знамя и защита интересовъ низшихъ сословій не были только средствомъ осуществить личныя, своекорыстныя цѣли. Андроникъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ хорошо зналъ византійскія отношенія, чтобы не понимать, что миръ съ аристократіей лучше обезпечитъ выгоды его и его семьи, чѣмъ борьба съ ней. Но онъ, полагаясь на свои недюжинныя силы, предпочелъ такую борьбу, потому что поставилъ себѣ задачей упорядоченіе всего государственнаго строя въ интересахъ тѣхъ элементовъ общества, которые составляли истинную жизненную силу государства и которые безсовѣстно эксплуатировались чиновной и землевладѣльческой аристократіей: мы знаемъ, что въ началѣ борьбы съ протосевастомъ онъ опирался на часть аристократіи и низшіе слои столичнаго населенія: далѣе, отстранившись отъ аристократіи, взявъ на себя „дѣло народа“, онъ, повидимому, скоро отстранился и отъ константинопольскаго „плебса“; очевидно, онъ скоро понялъ, что сила государства, его спасеніе не въ этихъ, если не одинаково поставленныхъ матеріально, то одинаково развращенныхъ, изжившихъ и непостоянныхъ элементахъ общества, а въ провинціи, въ ея торгово-промышленномъ и земледѣльческомъ населеніи. На такой взглядъ наводятъ, по крайней мѣрѣ, тѣ замѣчательныя перемѣны въ византійскомъ управленіи, какія успѣлъ произвести Андроникъ въ свое короткое правленіе. Къ сожалѣнію, объ этихъ реформахъ, поставившихъ Андроника даже въ глазахъ современнаго ему, далеко не всегда къ нему благосклоннаго историка, на значительную высоту, мы имѣемъ только очень скудныя свѣдѣнія: мы знаемъ о результатахъ его реформъ, но не знаемъ, какими средствами эти результаты были достигнуты [1]).

Отношеніе къ чиновничеству.

Прежде всего, личныя свойства, проявлявшіяся Андроникомъ, когда дѣло шло о людяхъ низшихъ слоевъ, о „бѣднякахъ“ и „поселянахъ“, были мало похожи на тѣ качества тиранна, какія онъ выказывалъ въ отношеніяхъ къ аристократіи. Никита отмѣчаетъ его широкую благотворительность. Изъ его изложенія мы также узнаемъ, что Андроникъ не былъ изъ тѣхъ императоровъ, которые предоставляли руководство „императорскимъ судомъ“ эпарху или друнгарію виглы, ограничиваясь подписываніемъ рѣшеній этого

---

[1]) До насъ не дошло ни одной новеллы Андроника (см. Zachariae, op. cit., стр. 37). Почти всѣ наши свѣдѣнія о внутренней дѣятельности его ограничиваются тѣмъ, что сообщается въ 3—5, 13 гл. 2-ой книги исторіи царствованія Андроника Никиты Акомината (Nicet., 421—431, 458—463).

суда [1]). Онъ лично разсматривалъ дѣла по жалобамъ императору—по „прошеніямъ на высочайшее имя“ (δεήσεις)—и постановлялъ рѣшенія, не стѣсняясь рангомъ виновнаго и имѣя въ виду только интересы правосудія. Такъ, разъ поступила жалоба на Θеодора Дадиврина, одного изъ участниковъ въ убійствѣ императора Алексѣя: этотъ фаворитъ Андроника, проѣзжая гдѣ-то со свитой и остановившись у крестьянъ (ἐξ ἀγροικίας τινές), взялъ у нихъ все, что ему понадобилось, и уѣхалъ, ничего не заплативъ. Андроникъ присудилъ Дадиврина къ палочнымъ ударамъ и возмѣстилъ крестьянамъ ихъ убытки.

Уже одна эта возможность найти всегда управу на произволъ аристократовъ и чиновниковъ заставляла послѣднихъ сдерживаться. Но Андроникъ принималъ и болѣе систематическія мѣры для улучшенія администраціи, страдавшей массой всякихъ злоупотребленій, продажа должностей, такъ называемыя „добровольныя приношенія“ жителей въ пользу администраціи и солдатъ [2]), вымогательства сборщиковъ податей, обиравшихъ плательщиковъ, по выраженію Никиты: до послѣдней рубашки и доводившихъ ихъ до смерти,—вотъ что

---

[1]) Въ „императорскомъ судѣ“ (τὸ αὐτοκρατορικὸν καὶ βασιλικὸν δικαστήριον καὶ τὸ βῆμα τῆς βασιλείας) разсматривались дѣла, касавшіяся высшихъ сановниковъ, и кромѣ того, дѣла 1) по докладамъ (ἀναφοραί, ὑπομνήσεις) должностныхъ лицъ, обращавшихся къ высшему источнику власти и закона въ сомнительныхъ случаяхъ, 2) по апелляціямъ (ἔκκλητοι) отъ всякихъ другихъ инстанцій, 3) по прошеніямъ на высочайшее имя (δεήσεις). Собирался этотъ судъ на засѣданія (σελέντιον) по приказу императора подъ его личнымъ предсѣдательствомъ или подъ предсѣдательствомъ эпарха (должность, въ которой слились римскіе praefectus urbi и praefectus praetorio), а съ XI в. подъ предсѣдательствомъ начальника императорской охраны (друнгарія) или (съ конца XI в.) великаго друнгарія виглы (δρουγγάριος (μέγας δ.) τῆς βίγλης, т.-е. vigiliarum). Въ тѣхъ случаяхъ, когда императоръ не присутствовалъ, рѣшеніе представлялось на его утвержденіе. Составъ этого суда, кажется, не былъ вполнѣ постояннымъ: въ немъ участвовали нѣкоторые чины сената, нѣкоторые изъ высшихъ чиновъ центральнаго управленія (напр., начальникъ императорской канцеляріи—протоасикритъ хранитель каниклія, т.-е чернильницы съ пурпурными чернилами, которыми императоръ подписывалъ бумаги, далѣе—нѣкоторые чины судебнаго вѣдомства (напр., съ XI в., вѣроятно, „министръ юстиціи“—ὁ ἐπὶ τῶν κρίσεων), затѣмъ судьи, разбиравшіе, по порученію императора, дѣла по прошеніямъ на высочайшее имя, такъ называемые „судьи вила на ипподромѣ“ (κριταὶ τοῦ βήλου καὶ ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου). Иногда въ этихъ засѣданіяхъ принимали участіе и носители духовныхъ сановъ. (См. Zachariae v. Lingenthal, Geschichte d. griechisch-römischen Rechts, 3-te Aufl. (Berl., 1892), 335—361, и Скабалановичъ, 347—350).

[2]) См. выше, стр. 111.

разоряло провинціи во времена Мануила, заставляло жителей разбѣгаться, скрываясь отъ вымогателей, и, слѣдовательно, вело къ застою и въ торговлѣ, и въ промышленности, и въ сельскомъ хозяйствѣ. Прекращеніемъ продажи должностей и сдѣланнымъ имъ самимъ новымъ подборомъ личнаго состава администраціи Андроникъ достигъ уже многаго. Но онъ понялъ, что для уничтоженія взяточничества и вымогательствъ этого мало: онъ давалъ чиновникамъ областной администраціи настолько значительное жалованье, что большинство, повидимому, предпочитало довольствоваться имъ, чѣмъ стремиться къ большему, рискуя подвергнуться тѣмъ крутымъ наказаніямъ, на которыя былъ такъ скоръ, въ случаѣ нужды, Андроникъ. Но и наказанія эти примѣнялись не безъ разбора: Андроникъ прекрасно понялъ ту тайну бюрократическаго управленія, что взыскивать нужно съ высшихъ и наиболѣе самостоятельныхъ его органовъ, а не съ послѣднихъ на ступеняхъ іерархической лѣстницы. „Наказаніе негоднаго господина вразумляетъ подвластнаго“, говорилъ онъ, „и какъ подчиненные любятъ подражать начальнику, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь дурное, такъ они послушно пойдутъ по его слѣдамъ, словно дитя за матерью, если онъ, неся наказаніе, поневолѣ станетъ служить общественной пользѣ“ [1]). Наши источники не выясняютъ, какъ практически Андроникъ достигалъ того, что представители администраціи постоянно чувствовали надъ собой его надзоръ, и потому рѣзко перемѣнили свой образъ дѣйствій. Очевидно, доступность для всѣхъ императорскаго суда, возможность для низшихъ агентовъ ссылаться на высшихъ и стремленіе послѣднихъ не допускать ничего противозаконнаго въ дѣлахъ, непосредственно отъ нихъ зависящихъ, съ тѣмъ, чтобы въ остальныхъ случаяхъ имѣть возможность, съ своей стороны, сослаться на низшихъ, дѣлали свое дѣло: всѣ чувствовали себя подъ взаимнымъ контролемъ. Но немало приходится отнести и на долю той необычайной наблюдательности и неутомимой энергіи, которая не покидала Андроника, хотя ему было уже за 60 лѣтъ, и поддерживала въ немъ непоколебимую вѣру въ могущество, почти во всесиліе самодержавной власти: „нѣтъ ничего непоправимаго для императора“, говорилъ онъ, „нѣтъ никакого беззаконнаго дѣла, уничтожить которое было бы выше его силъ“. Но цари должны, на его взглядъ, дѣйствовать не грамотами, которыя лучше бы бросить, какъ „совершенно безполезныя бумаги“, а дѣломъ.

---

[1]) Nicet., 426 (рус. пер., 413).

Изъ реформъ Андроника, кромѣ указаннаго измѣненія системы вознагражденія областной администраціи, мы имѣемъ возможность отмѣтить только отмѣну такъ называемаго берегового права,—реформу, которой, по выраженію одного новѣйшаго историка, Андроникъ опередилъ свое время нѣсколькими вѣками [1]). Предшественники Андроника издали немало указовъ, воспрещавшихъ варварскій обычай грабить выбрасываемыя на берегъ суда. Но указы эти не помогали, и обычай, распространенный тогда повсюду въ береговыхъ странахъ Европы, продолжалъ существовать, нанося страшный вредъ мореплаванію и торговлѣ имперіи. Придворный и административный круги, повидимому, твердо увѣровали, что это зло неисправимо, и выразили этотъ взглядъ и Андронику. Но Андроникъ нашелъ средство для исправленія „непоправимаго“ зла, и это средство характерно для пріемовъ его борьбы съ злоупотребленіями: онъ заявилъ, что наказаніе за ограбленіе судовъ будетъ падать не на самихъ грабителей, а или на правителей тѣхъ областей, гдѣ произойдетъ ограбленіе, или на тѣхъ землевладѣльцевъ, имѣнія которыхъ, примыкая къ морскому берегу, станутъ мѣстомъ преступленія. Наказаніе состояло въ повѣшеніи на мачтѣ ограбленнаго корабля или просто на висѣлицѣ, водруженной на высокомъ морскомъ берегу. „Пусть, такимъ образомъ, онъ (повѣшенный) будетъ виденъ и плывущимъ въ открытомъ морѣ“, закончилъ Андроникъ свою рѣчь по этому поводу въ сенатѣ, „какъ парусъ на реѣ, и, потерпѣвъ „кораблекрушеніе на сушѣ“, пусть служитъ символомъ того, что и впредь не удастся (безнаказанно) ломать корабли и грабить то, что на нихъ находится,—подобно тому, какъ Богъ поставилъ на небѣ радугу въ знакъ того, что не будетъ болѣе потопа“ [2]). Дѣйствіе этой рѣчи было ошеломляющее: „слушатели чуть не окаменѣли отъ страха, зная по опыту, что Андроникъ не умѣлъ шутить и одно говорить, а другое думать въ такого рода дѣлахъ; наконецъ, едва придя въ себя, они съ курьерами отправили письма къ управляющимъ своими имѣніями и къ своимъ замѣстителямъ въ государственныхъ должностяхъ (областной администраціи), строго наказывая имъ и всячески умоляя, чтобы корабли, потерпѣвшіе крушеніе, не потерпѣли какого-нибудь вреда“ [3]). Съ тѣхъ поръ, по словамъ Никиты, произошла такая рѣзкая пере-

Отмѣна берегового права.

---

[1]) А. Куникъ, op. cit., стр. 720, пр. 24.

[2]) Nicet., 426 (рус. пер., 414).

[3]) Nicet., 427 (рус. пер., ibid.).

мѣна въ отношеніи къ потерпѣвшимъ, къ нимъ были такъ предупредительны и администрація, и само населеніе, что происшедшее казалось дѣломъ „божественной десницы“.

Подъемъ благосостоянія.

Результаты, къ какимъ привело управленіе Андроника, несмотря на то, что его царствованіе было такъ коротко [1]), поистинѣ поразительны. Никита указываетъ, что благодаря прекращенію вымогательствъ бѣглые возвращались на свои мѣста, населеніе городовъ увеличивалось, возстановлялся правильный ходъ экономической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и государственные доходы. Накопленію государственныхъ средствъ, помимо конфискацій имущества потерпѣвшихъ аристократовъ, способствовало, повидимому, и то обстоятельство, что, при всей своей любви къ изысканной роскоши и утонченному разврату, Андроникъ едва ли истощалъ государственные финансы тратами на себя и на свой дворъ: его времени было чуждо наиболѣе пагубное въ этомъ отношеніи явленіе эпохи Мануила—фаворитизмъ; у Андроника деньги не „текли къ латинскимъ толпамъ“; едва ли также при Андроникѣ могло случиться, какъ это зачастую бывало при Мануилѣ, что „благородный римлянинъ“, оскорбленный подчиненіемъ какому-нибудь фавориту, „презрѣнному варвару“, старался какъ можно хуже исполнить возложенное на него порученіе по сбору податей и задержать въ своихъ рукахъ какъ можно больше изъ собраннаго. Увеличеніе государственныхъ доходовъ давало возможность предпринимать общеполезныя сооруженія (напримѣръ, водопроводъ въ Константинополѣ). Благоустройство столицы и благосостояніе провинцій, платившихъ теперь лишь законные налоги, быстро возрастало: улучшалось земледѣліе, подешевѣли жизненные припасы; кто отдалъ „кесарево кесареви“, съ того больше ничего не спрашивали.

Война съ сицилійскими норманнами.

Такъ было въ провинціяхъ, гдѣ среди торгово-промышленнаго и земледѣльческаго класса Андроникъ, очевидно, снискалъ себѣ самую искреннюю симпатію и преданность. Но не таково было положеніе дѣлъ въ столицѣ. Жизнь при дворѣ, куда умный и образованный Андроникъ охотно привлекалъ ученыхъ, знатоковъ философіи и юридическихъ наукъ, осыпая ихъ почестями, эта жизнь становилась все угрюмѣе. Андроникъ становился все подозрительнѣе и раздражительнѣе—и не даромъ: оппозиція аристократіи все разрасталась, вспыхивая заговорами и возстаніями. Вскорѣ послѣ усми-

---

[1]) Андроникъ былъ единодержавнымъ императоромъ 2 года (сент. 1183—1185 г.) и передъ тѣмъ годъ правилъ при жизни Алексѣя.

ренія малоазійскаго возстанія Исаакъ, по матери изъ рода Комниновъ, внучатный племянникъ императора Мануила, долго управлявшій Арменіей, нѣсколько лѣтъ бывшій въ плѣну у армянъ и возвращенный оттуда благодаря стараніямъ своей тетки Ѳеодоры Комнины, фаворитки Андроника, захватилъ въ свои руки Кипръ, предъявивъ подложныя грамоты, которыми онъ будто бы назначался стратигомъ этого острова, и отложился отъ Андроника, который не имѣлъ возможности тотчасъ же отправить войско на отдаленный Кипръ и ограничился казнью своихъ придворныхъ: Константина Макродуки, дяди Исаака, и Андроника Дуки, убѣдившихъ Андроника, что Исаакъ будетъ вѣрнымъ и полезнымъ слугой [1]). Около того же времени былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью свергнуть Андроника и возвести на престолъ мужа его дочери Ирины, побочнаго сына императора Мануила, Алексѣя Комнина; Андронику пришлось пережить тяжелыя минуты, отправляя въ заточеніе мужа дочери; изъ остальныхъ участниковъ нѣкоторые были повѣшены, другіе ослѣплены и одинъ сожженъ. Все это не могло не ожесточать Андроника, на котораго, повидимому, начали находить порывы отчаянія, когда онъ бросался изъ стороны въ сторону, не зная, гдѣ искать средствъ противъ аристократіи, оказавшейся сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Но самое ужасное было еще впереди [2]).

Другой Алексѣй Комнинъ, племянникъ императора Мануила, занимавшій при его дворѣ должность виночерпія и сосланный Андроникомъ въ „Скиѳію“, бѣжалъ оттуда въ Сицилію къ королю Вильгельму II и здѣсь началъ совершенно предательскую работу, хорошо характеризующую византійскую аристократію: онъ сталъ убѣждать Вильгельма начать походъ противъ Андроника и увѣрять его, что римскія области—легкая и привлекательная добыча. Вильгельмъ, побуждаемый къ тому же „латинянами“, изгнанными изъ Константинополя Андроникомъ, лѣтомъ 1185 г. переправился въ Иллирію, взялъ Эпидамнъ (Диррахіумъ) и направилъ флотъ противъ Ѳессалоники. Вся страна между этими двумя пунктами подчинилась ему

---

[1]) Константинъ и Андроникъ были побиты камнями по почину Агіохристофорита. Исаакъ независимо правилъ Кипромъ, пока въ 1191 г. его не взялъ въ плѣнъ Ричардъ Львиное Сердце во время 3-го крестоваго похода.

[2]) Основываясь на общей послѣдовательности изложенія Никиты, мы устанавливаемъ такую хронологію для событій царствованія Андроника: сент. 1183 г.—убійство Алексѣя; весна 1184 г.—походъ въ М. Азію (обыкновенно относимый къ 1185 г.); конецъ 1184 г.—отпаденіе Кипра; 30-е мая 1185—казнь К. Макродуки и А. Дуки; августъ 1185—взятіе Ѳессалоники норманнами; 12 сентября 1185 г.—сверженіе Андроника.

безъ боя, а въ августѣ послѣ полуторанедѣльной осады была взята и самая Өессалоника, ставшая театромъ самыхъ неистовыхъ звѣрствъ: норманны не только разграбили городъ, лишивъ жителей крова и имущества, но и всячески издѣвались надъ ними и производили изысканныя истязанія, оскверняли церкви, кощунствовали надъ святынями [1]). Причину легкаго успѣха сицилійцевъ Никита видитъ главнымъ образомъ въ негодности стратига Өессалоникійской өемы, Давида Комнина. Но можно думать, что Андроникъ, никогда не отличавшійся талантами полководца, просто не умѣлъ такъ удачно организовать военное дѣло, какъ организовалъ администрацію и финансовое управленіе, а войско европейскихъ провинцій, кажется, всегда было болѣе слабымъ, чѣмъ византійскіе восточные отряды. Какъ бы то ни было, но страшные норманны, оставивъ гарнизонъ въ Өессалоникѣ, двинулись далѣе къ сѣверу и востоку и, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія Андроника собравшаго теперь, по словамъ Никиты, уже всѣ войска, и восточныя, и западныя [2]), византійцы оказывались совершенно неспособными оказывать сопротивленіе, подвигались все ближе къ столицѣ, гдѣ Алексѣй Комнинъ наивно разсчитывалъ занять, съ помощью норманновъ, императорскій престолъ. Приближеніе норманновъ страшно тревожило константинопольцевъ, знавшихъ, какую ненависть питаютъ къ нимъ „латиняне“ за недавнюю расправу съ ихъ единоплеменниками, и на примѣрѣ Өессалоники видѣвшихъ, какъ они готовы отплатить за эту расправу. Перемѣнчивая толпа, волнуемая, очевидно, достигавшими до нея порицаніями Андронику со стороны оппозиціонной аристократіи, готова уже была обвинять его въ незаботливости о защитѣ государства. Между тѣмъ Андроникъ дѣлалъ все, что могъ сдѣлать, хотя онъ, повидимому, былъ совершенно потрясенъ происходившимъ: онъ

---

[1]) Прекрасное описаніе бѣдствій Өессалоники находится у Никиты (Nicet., p. 381—401.) См. также Евстаөія Солунскаго, De Thessalonica a latinis capta (изд. Тафеля).

[2]) См. Скабалановичъ, 322. „Өемы въ силу географическаго положенія распадались на двѣ части (τμήματα), на восточную и западную, и они (востокъ и западъ) имѣли своихъ особыхъ начальниковъ, а именно: войско восточныхъ, азіатскихъ өемъ было подчинено доместику восточныхъ сколъ (δομέστικος τῶν σχολῶν τῆς Ἀνατολῆς), а войско западныхъ, европейскихъ өемъ— доместику Запада (δομέστικος τῆς δύσεως).—См. П. Безобразовъ. „Византія въ XI. в.“ (Ж. М. Н. П., 236, отд. 2, стр. 170, пр. 2). Въ XII в. является для обозначенія главнокомандующаго восточными войсками названіе „великій доместикъ“—μέγας δομέστικος. См. Скабалановичъ, 233, пр. 6.

укрѣпилъ константинопольскія стѣны, собралъ къ столицѣ флотъ, какой было возможно (около 100 военныхъ судовъ). Но все это мало успокаивало и его самого; и хотя онъ старался дѣлать равнодушный видъ и увѣрялъ, что опасность не велика и что норманны скоро будутъ уничтожены, однако, повидимому, совершенно терялъ голову, выходилъ изъ себя отъ каждаго непріятнаго слуха, начиналъ чувствовать, — и не безъ основанія, — что недовольство противъ него все разрастается; наконецъ, когда разнеслись вѣсти, что одни отряды норманновъ уже перешли линію рѣки Стримона, опустошаютъ окрестности Серръ (др. Sirrae, нын. Сересъ, на лѣвомъ берегу рѣки Стримона) и взяли Амфиполь, а другіе, занявъ Мосинополь (на среднемъ теченіи рѣки Места, нынѣшней рѣки Карасу, къ востоку отъ Стримона), идутъ прямо на столицу, онъ рѣшился на послѣднее, поистинѣ отчаянное средство, вызванное, очевидно, крайнимъ ожесточеніемъ противъ предателей, которыхъ онъ видѣлъ и въ Исаакѣ Комнинѣ, и въ Давидѣ Комнинѣ, и въ ихъ роднѣ, и во всей аристократіи. На „внутреннемъ высочайшемъ выходѣ“ [1]) рѣшено было, по свидѣтельству Никиты, перебить всѣхъ „дерзкихъ мятежниковъ“, т.-е. политическихъ преступниковъ и, такъ сказать, политически неблагонадежныхъ людей, заключенныхъ въ тюрьмы или отправленныхъ въ ссылку, и „ихъ близкихъ и родственниковъ“. Любопытно, что составленное въ этомъ смыслѣ „сенаторами и судьями“ постановленіе начиналось приблизительно такъ: „по внушенію Божію, а не по повелѣнію великаго святого самодержца и императора нашего, опредѣляемъ и постановляемъ“... Несмотря на то, что это постановленіе вызвало протестъ даже со стороны собственнаго сына Андроника, севастократора Мануила, находившаго, что, если казнить „близкихъ и родственниковъ“ подозрительныхъ и преступныхъ лицъ, то не будетъ конца убійствамъ,

---

[1]) Скабалановичъ, стр. 146. „На внутреннихъ высочайшихъ выходахъ“ (обыкновенно въ дворцовую палату, называвшуюся „хрисотриклиномъ“) — „находили себѣ примѣненіе всѣ главнѣйшія функціи императорской власти: императоръ, сидя на тронѣ, окруженный почетною стражей и сенаторами, совершалъ тѣ дѣйствія, совокупность которыхъ составляла его верховную власть,—принималъ и отправлялъ пословъ, возводилъ въ чины и назначалъ на должности, производилъ судъ и произносилъ рѣшенія, распоряжался дѣлами относительно податей и налоговъ“.—Обсужденіе дѣлъ на „высочайшемъ выходѣ“ происходило въ присутствіи высшихъ чиновъ центральнаго управленія, которые всѣ назначались изъ сенаторовъ (Скабалановичъ, 162), между прочимъ, и судей императорскаго суда; оттого-то Никита ($439_{,12-13}$) говоритъ о „судьяхъ и сенаторахъ“.

и что постановленіе осуждаетъ на смерть „почти всѣхъ римлянъ“ (σχεδὸν τὸ Παντώμαιον),—несмотря на это, ужасное рѣшеніе предполагалось привести въ исполненіе.

Но раньше, чѣмъ начались казни, поднялось возстаніе, сокрушившее Андроника. Нужно думать, что слухи о предполагавшемся избіеніи подняли почти всю остававшуюся въ Константинополѣ аристократію, послужили для нея прекраснымъ поводомъ взволновать и безъ того уже возбужденную народную массу столицы, что они, словомъ, вполнѣ подготовили почву для возстанія, создали крайне напряженное состояніе; и достаточно было одного толчка, чтобы разразился страшный взрывъ. Толчекъ этотъ былъ совершенно случайный, но само возстаніе, его ходъ и результатъ вовсе не были такою чистою случайностью, какъ, пожалуй, можно подумать на основаніи изложенія Никиты Акомината. Вотъ что онъ разсказываетъ.

Возстаніе Исаака Ангела.

Въ отчаяніи отъ норманскаго нашествія и перемѣны въ настроеніи столичнаго населенія, Андроникъ, при всѣхъ своихъ нравственныхъ свойствахъ, столь же набожный и столь же суевѣрный, какъ и большинство его современниковъ, у которыхъ формальная религіозность отлично уживалась съ полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ принциповъ, рѣшилъ, что онъ покинутъ Богомъ, и что ему нужно обратиться „къ нечистымъ демонамъ и чрезъ служеніе имъ узнать будущее“. Поэтому онъ поручилъ Агіохристофориту обратиться къ нѣкоему Сиѳу Склиру, предсказателю, ослѣпленному за ворожбу при Мануилѣ [1]), съ вопросомъ о томъ, кто будетъ царствовать по смерти Андроника или кто похититъ у него власть. Въ сосудѣ на поверхности мутной воды, посредствомъ которой гадалъ Сиѳъ, въ отвѣтъ появились буквы *іота* и *сигма* (Ισ), указывавшія и на имя Исаака, и по мнѣнію Андроника, на Исаврянина. Императоръ поэтому думалъ, что ему грозитъ опасность со стороны кипрскаго мятежника Исаака, изъ рода Комниновъ, управлявшаго, какъ указано выше, областью Тарса, соприкасавшейся съ Исавріей [2]). Дѣло было въ началѣ сентября, и Андроникъ го-

---

[1]) Имъ же былъ ослѣпленъ и другой предсказатель, Ааронъ, также бывшій въ сношеніяхъ съ Андроникомъ и, по словамъ Никиты, побуждавшій его подвергать особенно жестокимъ наказаніямъ своихъ противниковъ. См. Nicet., 191—193.

[2]) Предсказаніе Сиѳа совпадало съ болѣе раннимъ предсказаніемъ, что *іота* гибельна для Андроника (см. Nicet., 378—379). Въ Византіи были цѣлые циклы предсказаній, касавшихся судьбы имперіи и отдѣльныхъ императоровъ

товъ былъ нѣсколько успокоиться и заподозрить правдивость предсказанія, когда Сиоъ на новый вопросъ отвѣтилъ, что опасность грозитъ императору въ дни Воздвиженія Креста (14 сентября). „Развѣ возможно“, говоритъ онъ, „чтобы въ эти немногіе дни Исаакъ успѣлъ приплыть съ Кипра и низложить меня?“ Одинъ изъ близкихъ къ Андронику людей, судья вила Іоаннъ Тиранинъ указалъ было Андронику, что есть и другой Исаакъ—Исаакъ Ангелъ, и что не мѣшаетъ на всякій случай задержать и казнить и его. Но Андроникъ со смѣхомъ отвергъ предосторожности противъ изнѣженнаго и пустого, на его взглядъ, Ангела, и, несмотря на приближеніе предсказанныхъ „дней Воздвиженія“, не считалъ даже нужнымъ оставаться въ столицѣ: онъ отдыхалъ въ Милудійскомъ дворцѣ, на восточной (азіатской) сторонѣ Пропонтиды. Между тѣмъ Агіохристофоритъ, по суевѣрію ли или по болѣе осязательнымъ основаніямъ, не спокойный насчетъ Исаака Ангела, рѣшилъ самовольно арестовать его. Вечеромъ 11-го сентября 1185 г. онъ съ своими людьми явился во дворъ дома Исаака и пригласилъ его слѣдовать за собой. Зная, чѣмъ можетъ кончиться такое приглашеніе, Исаакъ рѣшился отбиваться: вскочивъ на коня, онъ со смѣлостью отчаянія бросился на Агіохристофорита, нанесъ ему мечомъ смертельный ударъ въ голову, заставилъ разбѣжаться его слугъ и самъ поскакалъ къ церкви св. Софіи. По дорогѣ онъ громко кричалъ встрѣчнымъ, что убилъ Агіохристофорита. Молва объ этомъ быстро облетѣла городъ; тысячи народа стали стекаться къ Великой церкви. Сюда явились и родственники Исаака, Іоаннъ и Исаакъ Дука. Никто не мѣшалъ этому сборищу; очевидно, весь дворъ, всѣ чины, которые могли бы принять какія-нибудь мѣры противъ сборища, или были вмѣстѣ съ Андроникомъ внѣ города, или оказались на сторонѣ мятежниковъ. Прямая обязанность воспрепятствовать стеченію народа лежала, надо думать, на Агіохристофоритѣ, этомъ, такъ сказать, начальникѣ тайной полиціи Андроника, но онъ былъ убитъ.

и не остававшихся, повидимому, безъ вліянія на ихъ образъ дѣйствій и на народное настроеніе.— См. объ этомъ у Ѳ. Успенскаго (Ж. М. Н. П., ч. 214, стр. 77—85).—Изъ предсказаній, относящихся къ дому Комниновъ, можно указать, напр., на прорицаніе, указывавшее начальныя буквы именъ царей изъ потомства Алексѣя Комнина (сл. *'AIMA*—Алексѣй I, Іоаннъ, Мануилъ, Алексѣй II, по прямой линіи), на относившееся къ Мануилу предсказаніе: „ты попадешь въ западню на самомъ концѣ слова“; по толкованію современниковъ, этимъ указывалось на число годовъ правленія Мануила — 38, выражаемое по-гречески буквами ηλ, составляющими послѣдній слогъ имени Μανου—ήλ, и т. п.

Такъ прошла цѣлая ночь, и за эту ночь произошло многое: среди толпы въ оградѣ Великой церкви начались рѣчи, которыя становились все смѣлѣе, количество народа все увеличивалось, и къ утру „не было ни одного жителя, который бы не пришелъ сюда и не молилъ Бога, чтобы Исаакъ сдѣлался императоромъ, а Андроникъ былъ низложенъ“.

Между тѣмъ Андроникъ, узнавъ объ убійствѣ Агіохристофорита, прислалъ въ столицу грамоту, въ которой убѣждалъ народъ прекратить мятежъ, обѣщая не наказывать виновныхъ. Но ни грамоты, ни уговоры приверженцевъ Андроника не оказывали никакого дѣйствія. Когда вслѣдъ затѣмъ и самъ онъ, наконецъ, приплылъ къ Большому дворцу, было поздно: народное движеніе разлилось уже неудержимымъ потокомъ, стало вполнѣ стихійнымъ. Уже были разломаны тюрьмы, и выпущены заключенные, уже толпа въ Великой церкви провозглашала Исаака „императоромъ и самодержцемъ римскимъ“; одинъ изъ церковныхъ прислужниковъ, взобравшись на лѣстницу, снялъ висѣвшій надъ престоломъ вѣнецъ Константина Великаго и возложилъ его на Исаака. Исаакъ отказывался отъ этого вѣнчанія. Тогда старый Іоаннъ Дука предложилъ народу выбрать его въ императоры, но народъ съ негодованіемъ кричалъ, что не хочетъ опять видѣть на престолѣ старика, и, въ концѣ концовъ, заставилъ Исаака принять корону. Въ это время черезъ проливъ отъ Милудійскаго дворца переправляли царскихъ лошадей. Когда причалили къ берегу, одна изъ „златосбруйныхъ“ лошадей вырвалась и помчалась по улицамъ, толпа ее схватила и привела къ Исааку. Исаакъ сѣлъ на нее и, окруженный знатью, среди которой находился и патріархъ, вынужденный силой слѣдовать за новымъ императоромъ, и безчисленной толпой, вооруженной мечами, щитами, кольями, обрубками дерева, двинулся къ Большому дворцу. А тамъ, между тѣмъ, Андроникъ приготовлялся къ сопротивленію. Собрать много людей ему не удалось: вѣроятно, часть лейбъ-гвардіи оставалась на азіатскомъ берегу, часть перешла на сторону Ангела; другихъ войскъ не могло быть подъ рукой: всѣ они были отправлены противъ норманновъ. Однако, Андроникъ попытался выступить съ оружіемъ противъ приближавшейся толпы и даже самъ началъ стрѣлять съ башни въ Большомъ дворцѣ. Но это только разъярило народъ. Видя свое безсиліе, Андроникъ сдѣлалъ послѣднюю попытку остановить возстаніе—объявилъ, что отказывается отъ власти и передаетъ ее своему сыну Мануилу. Но его уже не слушали: толпа разломала ворота и во-

рвалась во дворецъ. Андронику оставалось только бѣжать. Сбросивъ пурпурныя туфли [1]) и украшавшій его крестъ, чтобы меньше обращать на себя вниманія, онъ поспѣшно сѣлъ на корабль, на которомъ пріѣхалъ, снова переправился къ Милудійскому дворцу и, захвативъ свою молодую жену, одну любимую флейтщицу и немногихъ слугъ, немедленно продолжалъ путь по проливу, разсчитывая бѣжать къ „тавро-скиѳамъ", т.-е. къ русскимъ, у которыхъ онъ уже разъ нашелъ себѣ пріютъ.

Въ это время толпа въ Большомъ дворцѣ предавалась дикому грабежу: не только были расхищены всѣ сокровища и деньги, которыя тамъ хранились, но не пощадили и самыхъ храмовъ, находившихся во дворцѣ: срывали украшенія съ иконъ, крали священные сосуды и между ними украли и тотъ, въ которомъ, по преданію, хранилось „письмо Господа, собственноручно писанное имъ къ Авгарю".

Гибель Андроника.

Между тѣмъ Андроникъ добрался до мѣстечка Хилы (на европейскомъ берегу Чернаго моря, къ западу отъ Босфора) [2]). Жители Хилы узнали бѣглеца, но хотя и видѣли, что на немъ нѣтъ знаковъ царскаго достоинства, не рѣшились задержать его. Ему приготовили корабль. Андроникъ выѣхалъ въ море, но разыгравшаяся буря погубила его. Корабль нѣсколько разъ отбрасывало къ берегу, время шло, и, наконецъ, бѣглеца настигла посланная изъ столицы погоня. Андроника схватили, связали и вмѣстѣ съ его спутницами бросили въ лодку. Затѣмъ его заключили въ тюрьму, надѣвъ тяжелую шейную цѣпь и кандалы. Въ такомъ видѣ Андроника привели къ Исааку, который, пробывъ „не мало дней" въ Большомъ дворцѣ, переѣхалъ затѣмъ во дворецъ во Влахернахъ [3]). Здѣсь началась отвратительная расправа, превзошедшая всѣ жестокости самого Андроника: его били по щекамъ, ему вырывали зубы, волосы на бородѣ и на головѣ и, наконецъ, отдали толпѣ на поруганіе. Послѣ новыхъ побоевъ ему отсѣкли правую руку и снова заключили въ тюрьму, гдѣ нѣсколько дней мучили голодомъ; затѣмъ ему выкололи лѣвый глазъ

---

[1]) „Самою важною изъ царскихъ одеждъ были багряныя туфли. О томъ, чтобы облечься въ нихъ, болѣе всего заботились и никогда съ ними не разставались, такъ что по пурпуровымъ туфлямъ можно было отличить императора въ массѣ лицъ". Скабалановичъ, стр. 145.

[2]) Отъ Хилы (также Хела, Кила) нужно отличать Хилу (Chelae) въ Виѳиніи, которая ошибочно указана у Вилькена, 539, и Герцберга, 328.

[3]) Влахерны — мѣстность около городской стѣны въ сѣверномъ углу треугольника, образуемаго Константинополемъ, близъ Золотого Рога.

и, посадивъ на верблюда, повезли по городу. Видъ измученнаго, изуродованнаго, прикрытаго жалкимъ рубищемъ, еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ могущественнаго императора вызывалъ жалость и слезы у всѣхъ, у кого была хоть капля человѣческаго чувства. „Но безсмысленные и наглые жители Константинополя, особенно колбасники и кожевники и тѣ, которые проводятъ цѣлый день въ лавченкахъ и харчевняхъ и кое-какъ живутъ починкою обуви и едва добываютъ себѣ хлѣбъ иголкою, сбѣжавшись на это зрѣлище... нисколько не подумали о томъ, что это—человѣкъ, который такъ недавно былъ царемъ и украшался царской діадемой, что его всѣ прославляли, какъ спасителя, привѣтствовали благопожеланіями и поклонами, и что они дали ему страшную клятву на вѣрность и преданность; въ безсмысленномъ гнѣвѣ и въ дикомъ порывѣ они напали на Андроника, и не было зла, котораго бы они ему не сдѣлали. Одни били его по головѣ палками, другіе пачкали ему лицо навозомъ... иные осыпали бранью его родныхъ, иные кололи его въ бока рожнами (ὀβελίσκοις), еще болѣе безстыдные бросали въ него камни и называли его бѣшеной собакой; одна развратная женщина, схвативъ горшокъ съ горячей водой, вылила ему на лицо“ [1]). Такъ его привезли къ театру, тамъ стащили съ верблюда и повѣсили за ноги между двухъ столбовъ, соединенныхъ наверху камнемъ. „Перенесши такое множество страданій, вытерпѣвъ тысячи и другихъ мученій... Андроникъ мужественно выносилъ новыя страданія и сохранялъ полное сознаніе. Обращаясь къ нападавшимъ на него и бившимъ, онъ говорилъ только: „Господи помилуй!“ и—„зачѣмъ вы ломаете уже сокрушенную трость?“ Но безсмысленная чернь и послѣ того, какъ повѣсили его за ноги, не оставила многострадальнаго Андроника и не пощадила его тѣла. Какой-то негодяй вонзилъ ему длинный мечъ черезъ горло до самыхъ внутренностей; а нѣкоторые изъ „латинянъ“ вонзили въ него сзади кинжалы и наносили ему удары мечами, пробуя чей мечъ острѣе и хвалясь ловкостью удара. Наконецъ, послѣ столькихъ мученій и страданій онъ съ трудомъ испустилъ духъ“ [2])... Черезъ нѣсколько дней тѣло Андроника сняли и бросили на ипподромѣ; наконецъ, какіе-то люди, сжалившись, положили его около одного монастыря. „Исаакъ, безупречный во всемъ и справедливый, на свой собственный взглядъ, не соизволилъ, чтобы Андроникъ былъ

---

[1]) Nicet., 456—457 (рус. пер., 440—441).
[2]) Nicet., 457—458 (рус. пер., 441—442).

преданъ погребенію или чтобы тѣло его было перенесено въ храмъ „Сорока мучениковъ“, который Андроникъ возобновилъ съ такимъ великолѣпіемъ, такъ блистательно украсилъ и одарилъ богатыми приношеніями и въ которомъ онъ предполагалъ положить свой прахъ“ [1]).

Причины неудачи Андроника.

Таковъ былъ конецъ императора Андроника. Отчего же такъ трагически сокрушились всѣ его начинанія, такъ рѣзко оборвалась его долго подготовлявшаяся и хорошо обдуманная работа? Причины этой неудачи довольно сложны. Лишь незначительную долю ея, какъ намъ кажется, можно отнести на счетъ личныхъ качествъ Андроника, насчетъ того отсутствія нравственныхъ принциповъ, которое приводило его къ страшной жестокости, къ безчисленнымъ казнямъ и становилось съ его положительными качествами въ рѣзкое противорѣчіе, заставившее Никиту, въ окончательной оцѣнкѣ Андроника, сказать, что этотъ императоръ, который безъ своей жестокости и казней былъ бы не только не послѣдній изъ царей Комниновъ, но и вполнѣ сравнялся бы съ остальными изъ нихъ, что онъ, „подобно фантастическимъ созданіямъ съ двумя природами, будучи отчасти звѣремъ, былъ украшенъ человѣческимъ лицомъ“. Гораздо болѣе значенія имѣли тѣ сложныя затрудненія во внутренней и внѣшней политикѣ, которыя достались Андронику въ наслѣдство отъ предшественниковъ и которыя онъ смѣлою рукою попробовалъ разрубить. Онъ попытался выступить на открытую борьбу противъ двухъ враговъ, противъ придворной и чиновной аристократіи, своими стремленіями олигарховъ и временщиковъ истощавшей жизненные соки государства, и противъ „латинянъ“, своимъ преобладаніемъ въ торговлѣ и промышленности подрывавшихъ экономическія силы имперіи. Андроникъ изгналъ латинянъ изъ Константинополя и началъ систематическое истребленіе аристократіи. Но онъ не соразмѣрилъ своихъ силъ: отреченіе отъ традиціонной политики Комниновъ было слишкомъ рѣзко, чтобы не вызвать сильной оппозиціи. Въ этой оппозиціи соединились оба враждебные Андронику элемента: византійская аристократія, въ лицѣ Алексѣя Комнина, вступила въ союзъ съ „латинянами“, въ лицѣ Вильгельма II сицилійскаго. Между тѣмъ элементы, на которые опирался Андроникъ, не могли дать ему надежной защиты: низшіе слои константинопольскаго населенія были слишкомъ разнузданы и перемѣнчивы, чтобы не отшатнуться отъ него за его

---

[1]) Nicet., 460—461 (рус. пер., 444).

суровость и строгость, чтобы не стать при первой неудачѣ изъ союзниковъ врагами, чтобы не пойти за тѣмъ, благодаря кому надѣялись поживиться грабежомъ и деньгами, чего константинопольцы не видали при Андроникѣ со временъ изгнанія латинянъ въ 1182 году. Провинціалы, поистинѣ облагодѣтельствованные Андроникомъ, не успѣли стать силой за короткій срокъ его правленія, да они обыкновенно и принимали слишкомъ мало участія въ политической жизни страны. Наконецъ, войско всецѣло должно было направиться на борьбу съ одной половиной враговъ Андроника, съ чужеземцами, и не могло защитить его отъ другой—отъ аристократіи. Подъ ударами этой послѣдней, сумѣвшей найти себѣ союзниковъ въ низшихъ слояхъ столицы, и палъ Андроникъ. Его попытка была сокрушена слишкомъ могущественными враждебными силами. Но можно сказать, что вмѣстѣ съ тѣмъ была сокрушена и сама Восточная имперія. Мимолетный успѣхъ Исаака Ангела въ борьбѣ съ сицилійцами не могъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, когда вслѣдъ затѣмъ Исаакъ вернулся на путь прежней византійской политики и сталъ истощать денежныя силы государства,—конечно, на счетъ благосостоянія провинцій; его неудачная внѣшняя политика привела къ его сверженію, а дальнѣйшія интриги въ самой семьѣ Ангеловъ снова дали поводъ „латинамъ“ ворваться въ ненавистную имъ имперію: сами Ангелы помогли крестоносцамъ четвертаго похода отплатить Византіи за смѣлую попытку Андроника и нанести имперіи ударъ, отъ котораго она никогда уже не могла вполнѣ оправиться.

Ѳ. Смирновъ.

XXXVIII.

Четвертый крестовый походъ и Латинская имперія.

Преемникъ Андроника Исаакъ Ангелъ былъ выдвинутъ совершенно случайно народнымъ возмущеніемъ, стало быть, находился въ такомъ же положеніи, какъ Андроникъ. Только жестокостей въ его правленіе было меньше, потому что страсти уже улеглись. Но зато у Исаака не было ни способностей, ни энергіи его предшественника. Главный вопросъ, который приходилось разрѣшать новой династіи, былъ вопросъ финансовый: откуда достать денегъ? Андроникъ уменьшилъ налоги, но не успѣлъ, повидимому, найти другихъ средствъ для покрытія государственныхъ расходовъ. Исаакъ попробовалъ вернуться къ политикѣ Комниновъ и возвысилъ подати. Это вызвало возстаніе въ сѣверныхъ провинціяхъ имперіи: поднялись болгары, а на помощь къ нимъ изъ-за Дуная явились половцы. Въ борьбѣ съ метежомъ случайный императоръ обнаружилъ полное отсутствіе не только способностей, но даже простого мужества; послѣ двухъ неудачныхъ походовъ его приближенные вышли, наконецъ, изъ терпѣнія и свергли его. Исаакъ былъ ослѣпленъ и заключенъ подъ стражу вмѣстѣ съ сыномъ (Алексѣемъ); его родной братъ, тоже Алексѣй (III), былъ провозглашенъ императоромъ.

Исаакъ Ангелъ и Алексѣй III.

Источники и пособія: *Niketas Akominatos*, rec. I. Bekker, Bonnae, 1835 *); *Villehardouin*, Histoire de la conquête de Constantinople, ed. N. de Wailly, Paris, 1870; *Riant*, Innocent III, Philippe de Souabe, Boniface de Monferrat et la 4-ème croisade, Paris, 1878 (Revue des questions historiques XVII—XVIII); *Heyd*, Histoire du commerce du Levant, trad. de l'all. par Furcy Reynaud, Paris, 1885, 2 vols.

*) Рус. пер.: Византійскіе историки, изд. Петерб. Дух. Акад. 4. *Никита Хоніатъ*, 2 тома, Спб., 1860—62.

Этотъ государь еще меньше былъ способенъ поправить дѣла имперіи. По свидѣтельству очевидца (Никиты Хоніата), онъ почти вовсе не занимался дѣлами, все время отдавая удовольствіямъ, особенно охотѣ. Лично это былъ человѣкъ очень добрый, мягкій и ласковый въ обращеніи. Ослѣпленіе брата постоянно мучило его совѣсть; онъ все боялся какого-нибудь наказанія свыше, какой-нибудь нежданной бѣды,—и это отнимало у него всю энергію. Чтобы загладить свое преступленіе, онъ никого не казнилъ и не ссылалъ. Это было, конечно, очень выгодно для его придворныхъ, — одинъ изъ нихъ, написавшій исторію своего времени (Никита Хоніатъ), очень хвалитъ его за это,—но государству отъ снисходительности Алексѣя III было больше вреда, чѣмъ пользы. Злоупотребленія въ государственномъ управленіи достигли невѣроятныхъ размѣровъ. Адмиралъ Стрифносъ, напримѣръ, завелъ правильную торговлю казенными парусами, веслами, снастями и т. д., такъ что, когда началась война, Византія не могла снарядить ни одного военнаго корабля. Денегъ, между тѣмъ, при томъ образѣ жизни, какой велъ Алексѣй, нужно было еще больше. Не осмѣливаясь увеличить налоги туземнаго населенія, рѣшили, вопреки трактатамъ, возвысить пошлины съ венеціанскихъ торговцевъ. На протесты республики императоръ отвѣтилъ тѣмъ, что пересталъ платить Венеціи долгъ, сдѣланный еще Мануиломъ; а затѣмъ заключилъ договоръ съ Генуей, старинной соперницей Венеціи на восточномъ рынкѣ. Минута была критическая для венеціанцевъ: торговля съ Византіей давала имъ огромные барыши, которые теперь неизбѣжно должны были перейти въ руки генуэзскихъ купцовъ. Въ это время дѣлами республики правилъ Генрихъ Дандоло, одинъ изъ величайшихъ людей венеціанской исторіи. Онъ лично былъ непримиримымъ врагомъ грековъ, измѣннически ослѣпившихъ его въ то время, когда онъ, какъ посолъ Венеціи въ Константинополѣ, слишкомъ усердно отстаивалъ интересы своей родины. Какъ разъ теперь (1202 г.) въ его распоряженіи находилась большая военная сила: крестоносное ополченіе, въ четвертый разъ шедшее освобождать Святую землю, стояло лагеремъ на о. Лидо, подъ Венеціей, и по особымъ обстоятельствамъ не могло двинуться съ мѣста безъ согласія республики. Его-то Дандоло и двинулъ противъ Константинополя.

Проповѣдь 4-го крестоваго похода.

Исторія четвертаго крестоваго похода начинается со вступленія на папскій престолъ Иннокентія III (9 января 1198 г.). Освобожденіе Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ было, можно сказать, первымъ словомъ новаго папы: на другой день послѣ своего избранія

онъ уже писалъ латинскому патріарху Іерусалима о необходимости проповѣдовать новый походъ на Востокъ. Проповѣдь была особенно успѣшна во Франціи. Тогдашній король Франціи, Филиппъ-Августъ, былъ въ ссорѣ съ англійскимъ государемъ, знаменитымъ Ричардомъ Львиное Сердце. Многіе французскіе бароны держали въ спорѣ сторону послѣдняго противъ своего короля: внезапная смерть Ричарда (16 апрѣля 1199 г.) поставила этихъ бароновъ въ крайне затруднительное положеніе. Крестовый походъ далъ имъ прекрасное средство избавиться отъ мести Филиппа-Августа: рыцарь, принявшій крестъ, становился неприкосновеннымъ для христіанъ на все время похода, и на его владѣнія никто не смѣлъ нападать. На турнирѣ въ Экри въ Шампани (декабрь 1199 года) множество непокорныхъ вассаловъ французскаго короля выразили желаніе итти отбивать у мусульманъ Гробъ Господень. Во главѣ крестоноснаго ополченія сталъ шампанскій графъ Тибо, а однимъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ былъ маршалъ Жоффруа де-Вильгардуэнъ, оставившій намъ самый лучшій разсказъ объ этомъ походѣ.

Наученные горькимъ опытомъ предшествовавшихъ походовъ, крестоносцы рѣшили идти не въ Сирію, гдѣ ихъ навѣрное ждалъ голодъ, а въ Египетъ или Вавилонію, какъ они его тогда называли по городу Вавилону, бывшей римской крѣпости на Нилѣ (тамъ, гдѣ теперь Каиръ). Завоеваніе Египта давало имъ сразу три преимущества. Они обезпечивали себѣ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, — долина Нила была житницей Сиріи, — лишали этой выгоды мусульманъ и заходили имъ во флангъ, съ юга. Опираясь на Египетъ, не трудно уже было перенести войну и въ Палестину.

Но въ Египетъ можно было проникнуть только моремъ, а кораблей у французскихъ рыцарей не было: необходимо было обратиться къ помощи какого-нибудь государства, располагавшаго флотомъ. Крестоносцы выбрали Венецію, и въ февралѣ 1201 г. посольство отъ ополченія, съ Вильгардуэномъ во главѣ, явилось къ Дандоло.

Венеціанцы были въ большомъ затрудненіи. Съ одной стороны, имъ представлялся случай заключить необыкновенно выгодную сдѣлку. Въ походѣ участвовали самые богатые бароны Франціи, не жалѣвшіе денегъ на святое дѣло. Дожъ запросилъ за перевозъ арміи въ Египетъ 85.000 марокъ серебра (1.105.000 руб. металл., — по тому времени очень большая сумма), и послы на это согласились безъ торгу. Но республика никакъ не могла сочувствовать

цѣли похода. Торговля съ Египтомъ доставляла Венеціи неисчислимыя выгоды,—въ тѣ времена путь въ Индію и на дальній Востокъ шелъ черезъ Египетъ. Терять эти выгоды ради освобожденія Гроба Господня въ Венеціи вовсе не желали; равнодушіе къ дѣлу крестоносцевъ доходило здѣсь до того, что немного раньше венеціанцы снабжали оружіемъ и провіантомъ мусульманскія арміи. Къ сожалѣнію, источники не даютъ прямого отвѣта, какъ вышли изъ этого затрудненія дожъ и его совѣты. Но достовѣрно одно, что контрактъ съ крестоносцами былъ подписанъ (апрѣль 1201 года), и что это нисколько не повредило дружественнымъ отношеніямъ Венеціи къ Египту. Напротивъ, въ теченіе послѣдующихъ 5 или 6 лѣтъ (неизвѣстно въ точности, когда именно), республика заключила съ султаномъ новый договоръ, которымъ утверждались и расширялись привилегіи венеціанскихъ купцовъ. Очевидно, что нападеніе на Египетъ отнюдь не входило въ планы Дандоло: дожъ разсчитывалъ,—и совершенно вѣрно, какъ показали послѣдствія,—что, разъ собравшись въ Венеціи, крестоносцы будутъ въ рукахъ республики и пойдутъ туда, куда повезутъ ихъ венеціанцы.

Швабская политика.

Трудно сказать, былъ ли уже съ самаго начала рѣшенъ походъ противъ Алексѣя III, или же Дандоло только воспользовался нѣсколькими благопріятными случайностями. Дѣло въ томъ, что какъ разъ около этого времени (іюнь—іюль 1201 г.) сынъ свергнутаго императора Исаака, принцъ Алексѣй, воспользовался тѣмъ, что тюрьму, гдѣ онъ содержался вмѣстѣ съ отцомъ, стерегли очень небрежно, и бѣжалъ на одинъ италіанскій корабль, который отвезъ его въ Анкону. Оттуда пробрался онъ въ Германію, гдѣ у него было вѣрное убѣжище: братъ императора Генриха VI, Филиппъ Швабскій, былъ женатъ на дочери Исаака Иринѣ, родной сестрѣ Алексѣя. Филиппъ не отказалъ своему шурину въ помощи противъ дяди; но онъ былъ слишкомъ слабъ и имѣлъ достаточно враговъ дома, въ Германіи, чтобы начинать еще войну съ Византіей. Крестоносное ополченіе являлось очень удобнымъ орудіемъ въ этомъ случаѣ. Какъ представитель Гогенштауфеновъ, какъ глава партіи гибеллиновъ, противниковъ папы, Филиппъ не могъ смотрѣть равнодушно на предпріятіе, которое было начато Иннокентіемъ III и обѣщало, въ случаѣ успѣха, еще увеличить авторитетъ папскаго престола. Захватить это предпріятіе въ свои руки, направить его къ достиженію своихъ цѣлей,—лучше этого ничего не могъ и желать Филиппъ Швабскій. Дѣло принца Алексѣя давало удобный случай: рыцарей не трудно было убѣдить, что Алексѣй—законный

наслѣдникъ престола, лишенный своего права узурпаторомъ. Съ феодальный точки зрѣнія это такъ и было, а византійскаго права,— въ сущности не знавшаго закона престолонаслѣдія,—въ западной Европѣ не понимали. Но тутъ было одно затрудненіе: Филиппъ не могъ самъ руководить походомъ: явный врагъ папы, въ это время отлученный отъ церкви, онъ, конечно, не могъ надѣяться, чтобы крестоносцы признали его своимъ вождемъ. Нужно было дѣйствовать черезъ третье лицо. Подходящій человѣкъ какъ разъ въ это время выступилъ на сцену.

Въ маѣ 1201 г., вскорѣ по возвращеніи посольства изъ Венеціи, умеръ шампанскій графъ Тибо, главнокомандующій крестоносной арміей. Нужно было избрать новаго предводителя. Тутъ вмѣшался въ дѣло Филиппъ-Августъ. Большая часть вліятельныхъ французскихъ бароновъ, принявшихъ крестъ, были ему враждебны,— а онъ не могъ допустить, чтобы такая значительная власть перешла въ руки его враговъ. По его настоянію былъ избранъ одинъ изъ иноземныхъ, италіанскихъ князей, маркизъ Монферратскій Бонифацій. Онъ принадлежалъ къ гибеллинской партіи и потому не могъ быть пріятнымъ кандидатомъ для Иннокентія III. Но маркизъ не даромъ считался искуснѣйшимъ дипломатомъ своего времени. Онъ велъ себя такъ осмотрительно и сдержанно, выказывалъ такую готовность во всемъ повиноваться папскому престолу, что Иннокентій, не желавшій, къ тому же, ссориться съ французскимъ королемъ, утвердилъ его избраніе. Новый главнокомандующій не замедлилъ показать, куда онъ поведетъ свою армію. Едва принявъ въ Суассонѣ начальство надъ войсками, онъ отправился въ Германію къ Филиппу Швабскому и заключилъ съ нимъ,— такъ, по крайней мѣрѣ, думали многіе въ то время, по словамъ современника,— договоръ, которымъ обязался за себя и за крестоносцевъ помочь принцу Алексѣю овладѣть византійскимъ престоломъ.

Такъ соединились двѣ силы, опредѣлившія направленіе четвертаго крестоваго похода: венеціанская политика, въ лицѣ Дандоло, и германская,—въ лицѣ Бонифація Монферратскаго. Въ совокупности, этихъ двухъ силъ оказалось достаточно, чтобы перевѣсить вліяніе третьяго фактора,—личной воли папы Иннокентія.

Бонифацій сдѣлалъ попытку привлечь папу на сторону своего проекта: принцъ Алексѣй ѣздилъ въ Римъ и обѣщалъ папѣ въ обмѣнъ за содѣйствіе соединеніе церквей. Иннокентій отвѣчалъ уклончиво: онъ надѣялся добиться соединенія церквей и безъ по-

хода на Византію, посредствомъ переговоровъ съ Алексѣемъ III. Немного спустя, по одному постороннему поводу, онъ высказался болѣе рѣшительно.

Взятіе Зары.

Весной 1202 г. крестоносцы стали собираться въ Венецію и располагаться лагеремъ на островѣ св. Николая (теперь Лидо). Скоро обнаружилось, что Вильгардуэнъ и его товарищи нѣсколько опрометчиво согласились на условія, предложенныя дожемъ. Наличныхъ денегъ не хватило для уплаты всей условленной суммы. Затрудненіе осложнялось тѣмъ, что самого Бонифація, въ распоряженіи котораго находилась военная касса, не было налицо,— онъ отсталъ по какому-то своему дѣлу. Венеціанцы, конечно, могли бы и подождать уплаты, имѣя въ залогѣ все ополченіе, не могшее двинуться съ мѣста безъ ихъ согласія. Но имъ нуженъ былъ предлогъ, чтобы отвлечь походъ отъ Египта и направить его въ другую сторону. Не рѣшаясь сразу заводить рѣчь о Константинополѣ, они предложили крестоносцамъ выплатить остатокъ долга натурой,—завоевать для Венеціи крѣпость Зару (въ Далмаціи), захваченную венгерскимъ королемъ.

Здѣсь въ первый разъ политика Венеціи натолкнулась на сопротивленіе папы и сумѣла преодолѣть это сопротивленіе. Венгерскій король самъ принялъ крестъ; Иннокентій, черезъ своего уполномоченнаго при арміи [1]), строго воспретилъ крестоносцамъ касаться венгерскихъ владѣній. Сильная партія въ войскѣ держала сторону аббата; но сторонники Венеціи одолѣли въ военномъ совѣтѣ. Зара была осаждена и взята, несмотря на положительное запрещеніе папы.

Черезъ двѣ недѣли послѣ взятія города туда пріѣхалъ маркизъ Монферратскій, который благоразумно воздержался отъ участія въ дѣлѣ, неугодномъ папѣ. А еще черезъ двѣ недѣли явилось посольство отъ Филиппа Швабскаго и его шурина, молодого Алексѣя Ангела. Совѣтъ бароновъ собрался во дворцѣ Дандоло, принимавшаго живое участіе въ переговорахъ. Здѣсь послы изложили свое порученіе. Филиппъ предлагалъ рыцарямъ чрезвычайно выгодныя условія, „какихъ никогда еще не было предложено никому въ мірѣ“, говорили послы. Въ вознагражденіе за помощь принцу Алексѣю предлагали 200,000 марокъ серебра [2]). Чтобы успокоить ихъ религіозныя сомнѣнія насчетъ справедливости войны съ христіа-

---

[1]) Аббата цистерціанскаго монастыря Vaux de Cernay. Легатъ Пьетро Капуано былъ тогда въ Римѣ.

[2]) 10.400.000 франк., считая марку = 52 fr., или около 2.600.000 р. зол.

нами, обѣщали соединеніе церквей и могучую поддержку будущаго императора въ походѣ противъ Египта. Выходило, такимъ образомъ, что дѣло всего христіанства не только не страдало, а, напротивъ, выигрывало отъ предлагаемаго измѣненія цѣли похода.

Непріязнь противъ Византіи.

Богатая Восточная имперія давно уже раздражала жадность западныхъ рыцарей. Еще во время перваго похода Боэмундъ Тарентскій не прочь былъ вмѣсто Іерусалима завоевать Царьградъ. Съ тѣхъ поръ отношенія все ухудшались, и уже во время второго похода (1147 г.), когда армія Людовика VII французскаго проходила черезъ византійскія владѣнія, та же мысль высказывалась съ гораздо большей настойчивостью и опредѣленностью. Чѣмъ ближе обѣ стороны узнавали другъ друга, тѣмъ сильнѣе становилась ихъ взаимная антипатія. Рыцари не безъ большого основанія обвиняли грековъ въ вѣроломствѣ, но и греки, съ своей стороны, не могли быть довольны такими гостями. Недисциплинированныя средневѣковыя войска плохо умѣли отличать союзниковъ отъ непріятелей, и во время похода крестоносныхъ ополченій черезъ имперію византійское правительство должно было отряжать цѣлыя арміи, на словахъ—для охраны крестоносцевъ, а на дѣлѣ — для защиты населенія отъ крестоносцевъ. Дѣло дошло до того, что когда въ 1189 г. въ Константинополѣ узнали о приближеніи Фридриха Барбаруссы, императоръ Исаакъ Ангелъ поспѣшилъ заключить формальный союзъ съ султаномъ Саладиномъ. Германскому императору пришлось прокладывать себѣ дорогу силой, и если Константинополь не былъ взятъ тогда же, то единственно потому, что Исаакъ поспѣшилъ согласиться на всѣ требованія нѣмцевъ. Съ тѣхъ поръ мысль о необходимости наказать коварныхъ византійцевъ прочно укрѣпилась въ сознаніи западныхъ европейцевъ, и разъ представлялся удобный случай, трудно было удержаться отъ этого. Одно только было затрудненіе: папскій уполномоченный и на этотъ разъ былъ противъ измѣненія цѣли похода. Крестоносцы уже разъ ослушались папы; дальнѣйшее непослушаніе могло навлечь на нихъ отлученіе отъ церкви,—венеціанцевъ Иннокентій уже отлучилъ,—а въ XIII вѣкѣ это имѣло еще большое значеніе. Много было споровъ: „говорили не въ одномъ смыслѣ“, какъ выражается Вильгардуэнъ. Организація крестоноснаго ополченія была республиканская: вся армія принимала участіе въ обсужденіи дѣла. Не все духовенство согласно было съ папскимъ уполномоченнымъ: аббаты и монахи обѣихъ партій говорили проповѣди, одни—за, другіе—противъ похода. Шумъ стоялъ надъ лагеремъ, и онъ становился чѣмъ дальше,

тѣмъ больше. А дѣло между тѣмъ было уже рѣшено втайнѣ: Дандоло, конечно, былъ за предложеніе Алексѣя, Бонифацій тоже; но и остальное высшее начальство, особенно три графа: Балдуинъ Фландрскій, Людовикъ Блуаскій и Гюгъ де-сенъ-Поль, занимавшіе въ войскѣ первое мѣсто послѣ маркиза, были на ихъ сторонѣ. Договоръ былъ подписанъ, но такъ какъ наступила зима, то походъ остановился, и крестоносцы расположились на зимнихъ квартирахъ въ Зарѣ (1202—1203 г.).

Въ теченіе этой зимы рыцари посылали посольство въ Римъ просить извиненія у папы за взятіе Зары. Иннокентій простилъ крестоносцамъ ихъ ослушаніе, но подъ условіемъ—отнюдь болѣе не нападать на христіанскія земли. Это былъ положительный приказъ оставить Византію въ покоѣ. Но какъ было его исполнить? Выбраться изъ Зары сухимъ путемъ можно было только черезъ владѣнія венгерскаго короля, съ которымъ только что воевали; бросить своихъ товарищей, чтобы уйти къ недавнему непріятелю,— на такой поступокъ рѣшились очень немногіе, во главѣ ихъ—Симонъ де-Монфоръ, будущій истребитель альбигойцевъ, всегда покорный папскому престолу. Большинству показалось слишкомъ унизительнымъ просить помощи у только что побѣжденнаго врага; послѣ нѣкотораго колебанія рыцари рѣшились отправиться съ венеціанскимъ флотомъ, который 7 апрѣля 1203 г. отплылъ къ о. Корфу. Но здѣсь совѣсть опять стала мучить крестоносцевъ; поднялись прежніе споры, и дѣло едва не дошло до открытаго возмущенія. Недовольные Бонифаціемъ и Дандоло,—а къ нимъ принадлежала бо́льшая половина крестоносной арміи,—собрали сходку въ одной изъ долинъ острова. Тогда изобрѣтательный маркизъ прибѣгнулъ къ театральному эффекту: съ вождями ополченія, съ принцемъ Алексѣемъ, съ епископами и съ аббатами своей партіи онъ отправился туда, гдѣ собралась сходка. Тамъ всѣ они со слезами на колѣняхъ стали умолять своихъ товарищей не покидать ихъ и юнаго, невинно-обиженнаго принца. Выдумка Бонифація удалась: рыцари согласились итти въ Константинополь, но подъ условіемъ— оставаться тамъ не долѣе мѣсяца, а затѣмъ продолжать походъ на востокъ. 24 мая, наканунѣ Троицына дня, венеціанскій флотъ вышелъ въ море. Былъ прекрасный, солнечный день; дулъ слабый попутный вѣтеръ; всюду, куда только хваталъ взглядъ, море бѣлѣлось парусами кораблей; „никогда еще не было видано такого прекраснаго зрѣлища“, говоритъ Вильгардуэнъ. Около мыса Малеи флотилія встрѣтила два корабля, плывшіе изъ Сиріи съ пилигри-

мами. Графъ Балдуинъ послалъ лодку спросить, кто на кораблѣ,— въ это время его жена была въ Сиріи. Когда лодка подошла къ сирійскому судну, одинъ изъ его пассажировъ спрыгнулъ въ нее и крикнулъ своимъ товарищамъ: „берите все, что есть моего на кораблѣ; я иду съ этими людьми: я увѣренъ, что они покорятъ весь міръ“. Цѣлый мѣсяцъ продолжалось плаваніе. Наконецъ, 23 іюня увидали крестоносцы Константинополь. Можно себѣ представить, какъ смотрѣли на Царьградъ люди, никогда его не видавшіе. „Они и не воображали, чтобы могъ быть на свѣтѣ такой богатый городъ. Когда они увидѣли высокія стѣны и великолѣпныя башни, окружавшія столицу со всѣхъ сторонъ, богатые дворцы и высокія церкви, — ихъ было столько, что никто бы не повѣрилъ, не видѣвши собственными глазами;—когда они охватили взоромъ всю громаду царственнаго города: не было человѣка, который не задрожалъ бы отъ страха, потому что никогда еще не было предпринято никѣмъ такое дѣло съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ свѣтъ“.

Крестоносцы высадились сначала на азіатскомъ берегу Босфора, въ Скутари, и тутъ явилось къ нимъ посольство отъ Алексѣя III. Посолъ, — онъ былъ ломбардецъ, соотечественникъ Бонифація,— сначала польстилъ рыцарямъ: „императоръ знаетъ“, говорилъ онъ, „что вы — самые знатные люди въ своей странѣ послѣ короля, и что ваша страна — лучшая изъ всѣхъ странъ; но, — продолжалъ онъ,—очень его удивляетъ вашъ приходъ: вѣдь, вы христіане, и онъ христіанинъ; онъ знаетъ, что вы идете освобождать Святую землю, и если вы обѣднѣли и издержали запасы въ дорогѣ, онъ вамъ дастъ продовольствія и денегъ, потому что онъ не хочетъ вамъ дѣлать зла“. Подъ конецъ византійскій посолъ похвастался: „если бы у васъ было въ двадцать разъ больше людей, то ни одинъ не ушелъ бы отсюда, если бы императоръ этого захотѣлъ“.

Рыцари отвѣчали надменно и заносчиво: они потребовали безусловной покорности и возвращенія имперіи „законному наслѣднику“, т.-е. принцу Алексѣю. Въ случаѣ, если императоръ на это согласенъ, крестоносцы великодушно обѣщали ходатайствовать за него передъ его племянникомъ. Если же онъ не согласенъ, то ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры они вступать не намѣрены. Послѣ такого отвѣта война была неизбѣжна.

Она была непродолжительна и некровопролитна. Босфоръ крестоносцы перешли безъ боя; затрудненія встрѣтили ихъ только подъ стѣнами города, но и здѣсь дѣло было не такъ трудно, какъ казалось имъ сначала. Численное неравенство силъ было

огромно [1]). Но у грековъ не было своей національной арміи. Главныя силы Алексѣя III состояли изъ наемныхъ англичанъ, датчанъ и союзныхъ пизанцевъ; Пизѣ императоръ всегда покровительствовалъ, и проживавшіе въ Царьградѣ пизанскіе купцы были его вѣрными защитниками. Но эти люди защищали не свое, а чужое дѣло. Они дрались добросовѣстно, но одушевленія отъ нихъ нельзя было ждать. Это была механическая сила, все значеніе которой зависѣло отъ того, въ чьихъ рукахъ она находится. А теперь она была въ рукахъ человѣка безхарактернаго и вдобавокъ не вѣрившаго въ правоту своего дѣла. Алексѣй III ограничился пассивной обороной изъ-за городскихъ стѣнъ. Если бы передъ Константинополемъ стояли одни французскіе рыцари, такой тактики, быть можетъ, оказалось бы достаточно, чтобы отразить нападеніе. Феодальная конница не умѣла брать городовъ; къ тому же, у крестоносцевъ не было провіанта, и они уже принимались за лошадиное мясо... Но съ другой стороны города, на морѣ, былъ венеціанскій флотъ съ цѣлымъ арсеналомъ средневѣковой артиллеріи: съ камнеметными и стрѣлометными машинами, съ штурмовыми лѣстницами, поднимавшимися выше стѣнъ города. При первомъ же натискѣ 25 башенъ перешли въ руки венеціанцевъ. Тогда только, чтобы отвлечь непріятеля отъ города, Алексѣй III рѣшился вывести къ поле свою армію. Византійскія войска, построившись въ боевой порядокъ, нѣсколько часовъ простояли передъ крестоносцами, но не рѣшились напасть на тѣхъ, кого трусливые греки называли „мѣдными статуями“ и „ангелами смерти“. Эта послѣдняя неудачная попытка истощила мужество императора. Въ ту же ночь, захвативъ свою казну и свое семейство, онъ бѣжалъ изъ Константинополя (конецъ іюля 1203 г.).

Бунтъ и пожаръ Константинополя.

Не желая впускать въ Константинополь крестоносцевъ, греки поспѣшили возстановить на престолѣ слѣпого Исаака, у котораго въ городѣ было много приверженцевъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, прекратило военныя дѣйствія. Рыцари, однако, согласились признать совершившійся переворотъ не прежде, какъ добились отъ Исаака утвержденія договора, заключеннаго въ Зарѣ. Старый императоръ,

---

[1]) Въ крестоносномъ ополченіи съ самаго начала считалось около 4.500 рыцарей и 20.000 пѣхотинцевъ и стрѣлковъ. Потомъ нѣкоторые оставили армію, нѣкоторые совсѣмъ не попали въ Венецію; но во всякомъ случаѣ крестоносцы не были въ 200 разъ слабѣе грековъ, какъ увѣряетъ Вильгардуэнъ. По нѣкоторымъ даннымъ его же можно заключить, что византійцы были въ 7 или 8 разъ сильнѣе французовъ (не считая венеціанцевъ).

впрочемъ, напередъ заявилъ французскимъ посламъ, что договоръ этотъ невыполнимъ, и его предсказаніе оправдалось. Труднѣе всего на первыхъ порахъ оказалась уплата вознагражденія (о соединеніи церквей, повидимому, не особенно заботились). Наличность византійскаго казначейства, за послѣдніе годы всегда болѣе или менѣе пустого, скоро изсякла; принялись за частное достояніе членовъ императорскаго дома, но и этого хватило ненадолго. Тогда кому-то пришла въ голову несчастная мысль воспользоваться драгоцѣнною утварью константинопольскихъ церквей. Стали сдирать съ образовъ золотыя ризы, отбирать священные сосуды и переплавлять все это въ слитки, которые затѣмъ отвозились въ лагерь крестоносцевъ. Когда народъ увидалъ такое оскорбленіе своей святыни, поднялся ропотъ. Ненависть къ франкамъ, обнаружившаяся уже въ самомъ началѣ войны, когда чернь разрушила дома италіанскихъ торговцевъ,—въ томъ числѣ и ни въ чемъ неповинныхъ пизанцевъ, — эта ненависть получила теперь новую пищу. Скоро (въ августѣ того же года) одинъ случай ухудшилъ отношенія до крайности. Въ Константинополѣ, между прочимъ, былъ кварталъ, населенный сарацинами, и въ немъ мечеть. Нѣсколько французовъ (считавшихъ своимъ долгомъ бить мусульманъ всюду, гдѣ бы они ни встрѣтились) напали на сарацинъ и стали грабить мечеть. Населеніе города, какъ видно, больше сочувствовало своимъ давнимъ сосѣдямъ—невѣрнымъ, чѣмъ единовѣрнымъ разбойникамъ. Толпы грековъ поспѣшили на помощь мусульманамъ. Тогда франки, стѣсненные со всѣхъ сторонъ, прибѣгли къ страшному средству, уже употребленному венеціанцами при первомъ штурмѣ: они зажгли городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пламя быстро распространилось, и вспыхнулъ пожаръ, длившійся два дня и двѣ ночи. По свидѣтельству очевидца, огонь захватилъ въ ширину мѣсто на полъ-льё (болѣе двухъ верстъ); едва не сгорѣла св. Софія. Послѣ этого народное броженіе до того усилилось, что иностранцы латинскаго происхожденія опасались дольше оставаться въ городѣ и большею частью переселились въ лагерь крестоносцевъ. Такъ раздѣлились греки и франки на два стана. Открытая война еще не началась, но была, очевидно, близка. Одни только византійскіе правители этого не понимали.

Одинъ изъ этихъ правителей, слѣпой Исаакъ, не могъ принимать большого участія въ дѣлахъ. Народъ больше видѣлъ и зналъ молодого Алексѣя, который, по настоянію крестоносцевъ, былъ провозглашенъ соправителемъ отца и коронованъ (1 августа). Молодой

императоръ возбудилъ противъ себя своихъ единоплеменниковъ своей близостью къ франкамъ, въ лагерѣ которыхъ онъ проводилъ цѣлые дни. Но и крестоносцамъ онъ тоже не угодилъ, потому что, несмотря на всѣ усилія, не могъ удовлетворить ихъ денежныхъ требованій. Золото, которое онъ нашелъ въ церквахъ, было каплей въ морѣ. Новые налоги не дали почти ничего и только еще болѣе раздражали народъ. Бароны, глубоко убѣжденные, что Восточная имперія—самая богатая страна на свѣтѣ, никакъ не могли понять финансовыхъ затрудненій Алексѣя и обвиняли его въ вѣроломствѣ. Наскучивъ ждать, они рѣшились на странную выходку, немало удивившую цивилизованныхъ грековъ. Два посла отъ рыцарей явились въ императорскій дворецъ и объявили, что, такъ какъ византійское правительство не сдержало своего слова, не выплатило обѣщанной суммы, то рыцари намѣрены сами взять свое вознагражденіе. А чтобы не оставить сомнѣній въ серьезности этого заявленія, они немедленно же принялись жестоко опустошать константинопольскія окрестности. Положеніе Алексѣя IV стало теперь совершенно невыносимо. Продолжать союзъ съ крестоносцами было, конечно, уже нельзя, а начать съ ними войну онъ боялся, да и не имѣлъ для этого достаточныхъ средствъ. Единственнымъ выходомъ для Византіи была перемѣна государя. Въ январѣ 1204 г. духовенство, знать и народъ Константинополя сошлись въ св. Софіи для совѣщанія о выборѣ новаго императора. Но никто не хотѣлъ принять на себя такую тяжелую должность: всѣ понимали, что придется вести отчаянную борьбу съ франками, и ни у кого не хватало на это мужества. Притомъ же очевидно было, что хозяйкой города опять, какъ во дни Андроника, стала толпа: безпорядокъ былъ такъ великъ, что кандидатовъ на тронъ хватали за полы и угрожали имъ мечами, въ случаѣ отказа. При такихъ условіяхъ нуженъ былъ не государь, а военачальникъ, который умѣлъ бы бить франковъ и прежде всего умѣлъ бы заставить народъ повиноваться. Такой человѣкъ нашелся въ лицѣ одного изъ родственниковъ императорскаго дома, Алексѣя Дуки, прозвищемъ Мурзуфла (т.-е. съ густыми бровями). Онъ склонилъ на свою сторону наемныя войска, заключилъ въ темницу Алексѣя IV [1]) и заставилъ провозгласить себя императоромъ. Тогда началась открытая борьба съ врагомъ, сразу принявшая характеръ національный и религіозный.

---

[1]) Впослѣдствіи Мурзуфлъ велѣлъ его задушить, за что и былъ казненъ крестоносцами, когда попалъ въ ихъ руки. Исаакъ II умеръ около этого времени своей смертью.

Первымъ дѣломъ Мурзуфла было изданіе указа, которымъ изгонялись изъ города всѣ еще остававшіеся въ немъ франки (Georg. Acropol., 8, 9). Въ то же время католическое духовенство въ лагерѣ крестоносцевъ торжественно объявило, что, такъ какъ греки свергли своего законнаго императора и отложились отъ римской церкви, то война съ ними—война справедливая и законная; всѣ, кто падетъ въ этой войнѣ, получатъ отпущеніе грѣховъ, какъ если бы они пали въ бою съ невѣрными. Такъ крестовый походъ, начатый противъ невѣрныхъ, обратился въ крестовый походъ противъ христіанъ.

Второе взятіе Византіи.

Считая Византію вѣрной добычей, крестоносцы напередъ условились объ ея раздѣлѣ. Рѣшено было тотчасъ по взятіи города выбрать императора изъ числа высшихъ бароновъ, назначивъ для выборовъ шесть представителей отъ крестоносцевъ и шесть отъ Венеціи. Императоръ долженъ былъ получить въ собственность $^1/_4$ всего, что удастся завоевать, и, кромѣ того, два дворца въ Константинополѣ, Буколеонъ и Влахернскій. Остальныя $^3/_4$ дѣлились пополамъ, половина венеціанцамъ, половина крестоносцамъ. Само собою разумѣется, что имперія получала при этомъ ленное устройство, превращалась въ рядъ отдѣльныхъ княжествъ, связанныхъ только общимъ верховенствомъ сюзерена - императора. Заключивъ такой договоръ, приступили къ осадѣ. Она, однако, пошла далеко не такъ успѣшно, какъ прежде: первый приступъ былъ отбитъ. Теперь во главѣ грековъ стоялъ человѣкъ, которому никакъ нельзя было отказать ни въ храбрости, ни въ умѣньи командовать войсками. Вооруженный тяжелой палицей, которой онъ очень искусно владѣлъ, Мурзуфлъ впереди всѣхъ въ бою подавалъ примѣръ своимъ солдатамъ. Франкамъ помогла хроническая болѣзнь Византіи — безденежье. За Мурзуфла была масса простого народа, очень его любившаго. Но это было не войско, это была недисциплинированная толпа, которая не могла выдержать напора „желѣзныхъ когортъ“ франковъ. Главную силу составляли все тѣ же наемники, а они требовали прежде всего исправной уплаты жалованья. Чтобы добыть денегъ, императоръ прибѣгнулъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ: онъ конфисковалъ имущество константинопольской знати въ пользу государства. Но и этого хватило не надолго. Безпорядокъ въ городѣ все возрасталъ. Наконецъ, отчаявшись въ возможности дальнѣйшей защиты, Мурзуфлъ ночью тайно уѣхалъ изъ Константинополя. Наступила полная анархія, наемники отказались сражаться, и, вос-

пользовавшись этимъ, рыцари ворвались въ городъ (13-го апрѣля 1204 года).

Началось знаменитое въ лѣтописяхъ средневѣковой исторіи опустошеніе Царьграда, надолго оставшееся памятнымъ всему православному Востоку. Далеко на сѣверѣ, въ Новгородѣ, съ ужасомъ говорили о разгромѣ св. Софіи, и повѣсть объ этомъ въ нашей Новгородской лѣтописи — одна изъ самыхъ подробныхъ. Во время грабежа городъ опять зажгли, — въ третій разъ съ начала войны. Послѣ этихъ трехъ пожаровъ на мѣстѣ великолѣпныхъ дворцовъ и церквей, такъ поразившихъ Вильгардуэна, возвышались однѣ обгорѣлыя развалины. Бо̀льшая часть памятниковъ искусства, доставшихся Византіи въ наслѣдство отъ античнаго міра, погибла въ это время, и европейскіе рыцари больше повредили въ этотъ разъ европейской цивилизаціи, чѣмъ впослѣдствіи турки, ничего, по крайней мѣрѣ, не разрушавшіе.

Бонифацій Монферратскій.

Если бы это былъ простой разбойничій набѣгъ, рыцари не могли бы желать ничего лучшаго. Они получили такую добычу, какой, по словамъ одного изъ ихъ историковъ, никто еще не получалъ отъ сотворенія міра. Но они разсчитывали прочно утвердиться въ Византіи, и Константинополь былъ столицей ихъ будущихъ владѣній: разрушать его значило грабить самихъ себя. Тутъ уже самое начало Латинской имперіи свидѣтельствовало о недальновидности ея основателей. Когда они, какъ было условлено, приступили къ выбору императора, это качество ихъ обнаружилось еще сильнѣе. Самымъ подходящимъ кандидатомъ былъ маркизъ Бонифацій, изъ всѣхъ бароновъ выдававшійся своими политическими дарованіями. У него, къ тому же, были старинныя связи въ Византіи: Монферратскій домъ былъ въ свойствѣ съ Комнинами, и одинъ изъ членовъ этого дома, Райнеріо, зять императора Мануила, пріобрѣлъ даже большую популярность среди населенія Восточной имперіи. Не мудрено, что греки встрѣтили Бонифація, какъ своего заступника. Наивно принимая его титулъ за личное имя, народъ привѣтствовалъ его громкими криками: „Aiios (ἅγιος) basileos marchio“ (святой царь маркизъ), разсказываетъ хронистъ Гюнтеръ. Бонифацій самъ, конечно, очень желалъ надѣть византійскую корону. Вступивъ въ городъ, онъ предусмотрительно занялъ Буколеонскій дворецъ, предназначенный для императора. Но противники Бонифація имѣли сильную партію въ войскѣ, особенно между французами, для которыхъ маркизъ былъ иностранцемъ. Его поддерживали нѣмцы, какъ гибеллина, ломбардцы —

какъ своего земляка, но и тѣ и другіе составляли ничтожное меньшинство арміи. Главнымъ же противникомъ Бонифація былъ Дандоло, а именно потому, что маркизъ былъ самымъ способнымъ изъ бароновъ. Единственнымъ мотивомъ дѣятельности венеціанцевъ въ этомъ походѣ была надежда сдѣлаться хозяевами Константинополя. Они не требовали себѣ политической власти и охотно готовы были уступить ее другимъ, но имъ нужно было захватить въ свои руки византійскую торговлю, чтобы избѣжать на будущее время такихъ непріятныхъ случайностей, какой былъ, напримѣръ, договоръ Алексѣя III съ Генуей. Маркизъ Монферратскій былъ, конечно, не такой человѣкъ, чтобы пустить кого бы то ни было распоряжаться въ своихъ владѣніяхъ, и венеціанцы всѣми силами старались его устранить. На выборахъ (9 мая) Бенифацій получилъ только 3 голоса изъ 12: всѣ представители Венеціи и 3 крестоносца высказались за Балдуина, графа фландрскаго [1]).

Балдуинъ фландрскій.

Балдуинъ былъ типичнымъ представителемъ лучшихъ сторонъ средневѣковаго рыцарства. Онъ самъ отличался безукоризненной нравственностью и строго слѣдилъ за нравственностью своей свиты: людей безпорядочнаго образа жизни онъ не терпѣлъ въ своемъ дворцѣ. Онъ раздавалъ много милостыни и былъ очень набоженъ. Единственнымъ удовольствіемъ, которое онъ себѣ дозволялъ, было церковное пѣніе: онъ даже самъ сочинилъ нѣсколько гимновъ. Онъ считался однимъ изъ самыхъ храбрыхъ рыцарей ополченія, и въ бою обыкновенно предводительствовалъ авангардомъ. Но политическія дѣла онъ плохо понималъ, и старый дожъ дѣлалъ изъ него все, что хотѣлъ... При раздѣлѣ Венеція забрала на свою долю всѣ лучшіе приморскіе города, всѣ наиболѣе плодородныя или важныя въ торговомъ отношеніи мѣстности; забрала такъ много, что скоро должна была отказаться отъ большей части своихъ владѣній, не имѣя достаточно войска для ихъ защиты. Самымъ важнымъ изъ ея владѣній сдѣлался островъ Критъ (вымѣненный у Бонифація), гдѣ сходились дороги изъ Венеціи, Константинополя и Египта. Онъ принадлежалъ венеціанцамъ до половины XVII в., а двѣ изъ его крѣпостей (Суда и Спиналонга) даже до 1718 г. (Пассаровицкій миръ). Константинополь же сдѣлался какъ бы второй столицей республики, и заходила даже рѣчь о переселеніи

---

[1]) По тогдашнему обычаю, рѣшеніе было объявлено единогласно, а о происходившей въ избирательной коллегіи борьбѣ мы можемъ только догадываться.

туда дожа,—такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали потомъ. Это, однако, не состоялось; въ Константинополѣ помѣстился подестá, представитель республики, а глава ея принялъ только довольно странный титулъ „повелителя одной четвертой и одной восьмой всей римской имперіи“.

Изъ другихъ участниковъ раздѣла больше всѣхъ получилъ все-таки Бонифацій. Потерпѣвъ неудачу на выборахъ, онъ поспѣшилъ жениться на вдовѣ императора Исаака, которая была сестрой короля Венгерскаго. Унаслѣдовавши такимъ путемъ права низложенной греческой династіи и породнившись въ то же время съ могущественнымъ сосѣднимъ государемъ, маркизъ заявилъ весьма обширныя притязанія, и крестоносцы должны были ихъ удовлетворить. Ему уступили всѣ области, сопредѣльныя съ Венгріей, главную часть которыхъ составляла Македонія — съ королевскимъ титуломъ (такъ называемое королевство Ѳессалоникійское) [1]).

Война съ болгарами.

Бонифацій былъ единственнымъ изъ бароновъ, который пользовался симпатіями мѣстнаго населенія и умѣлъ его привлечь на свою сторону. Остальные, не исключая и новаго императора, относились къ грекамъ съ глубокимъ презрѣніемъ, за что греки имъ платили не менѣе глубокой ненавистью. Основаніемъ владычества франковъ былъ страхъ: пока греки были ошеломлены константинопольскимъ погромомъ, они пассивно повиновались побѣдителямъ. Но одна неудача крестоносцевъ могла измѣнить все дѣло. Это обнаружилось очень скоро. Царь болгарскій Іоаннъ (Асѣнь), издавна находившійся въ ссорѣ съ Византіей и видѣвшій поэтому въ рыцаряхъ своихъ естественныхъ союзниковъ, прислалъ къ Балдуину посольство для заключенія договора. Балдуинъ на свою бѣду вспомнилъ, что Болгарія была прежде византійской провинціей, и отвѣтилъ посламъ такъ: „Іоаннъ не имѣетъ никакого права называть себя царемъ: его земля принадлежитъ имперіи. Какъ смѣетъ онъ говорить съ нами, какъ равный? Онъ долженъ обращаться къ намъ, какъ рабъ къ господину“.

Іоаннъ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ такой отвѣтъ за объявленіе войны, что, нужно замѣтить, вовсе не было непріятно крестоносцамъ, ожидавшимъ легкихъ побѣдъ. (Балдуинъ говорилъ: „Куда мнѣ пойти ударить копьемъ?“.) Но царь поспѣшилъ завязать сношенія съ греческимъ населеніемъ. Во Ѳракіи началось

---

[1]) Бонифацій былъ убитъ въ 1208 г. въ войнѣ съ болгарами.

возстаніе, и Адріанополь скоро попалъ въ руки мятежниковъ. Крестоносцы, разсѣявшіеся маленькими отрядами по всей странѣ, потерпѣли большой уронъ. Съ трудомъ удалось Балдуину собрать достаточныя для войны силы, съ которыми онъ и выступилъ къ Адріанополю. Здѣсь легкая половецкая конница, нанятая болгарскимъ царемъ, заманила рыцарей въ засаду, гдѣ они потерпѣли жестокое пораженіе. Людовикъ Блуаскій и 300 рыцарей пали въ битвѣ. Балдуинъ былъ взятъ въ плѣнъ и скоро умеръ отъ ранъ. Это пораженіе сразу уничтожило все обаяніе франковъ въ глазахъ туземцевъ. Возстаніе быстро разрослось, и уже скоро всѣ владѣнія крестоносцевъ ограничивались непосредственными окрестностями Константинополя и нѣсколькими приморскими пунктами, гдѣ утвердились венеціанцы.

Генрихъ, братъ и наслѣдникъ Балдуина, отвоевалъ обратно часть отпавшихъ провинцій, но далеко не всѣ. Крестоносцамъ удалось утвердиться только на обоихъ берегахъ Мраморнаго моря, — и въ Европѣ и въ Азіи, — и въ южной части Македоніи (королевство Ѳессалоникійское); кромѣ того, нѣсколько феодальныхъ бароній было основано въ собственной Греціи (герцогство Ахаія и сеньёрія Аѳины). Адріанополь сталъ крайнимъ пунктомъ Латинской имперіи на сѣверѣ, но онъ находился подъ управленіемъ грека Ѳеодора Браны, который признавалъ только верховенство латинскаго императора. Изъ другихъ провинцій имперіи образовались греческія княжества, уже совершенно не зависѣвшія отъ Константинополя: въ Европѣ — эпирское, гдѣ утвердился одинъ изъ родственниковъ династіи Ангеловъ; въ Азіи— трапезундское, основанное сыновьями Андроника Комнина, и никейское,—зятемъ Алексѣя III, Ѳеодоромъ Ласкарисомъ. Это послѣднее, правители котораго приняли вскорѣ императорскій титулъ, стало самымъ грознымъ противникомъ новыхъ властителей Византіи. Западная часть Малоазійскаго полуострова представляла гораздо большую національную цѣльность, чѣмъ европейскія провинціи имперіи. Византійскія владѣнія въ Европѣ съ VI в. были наводнены славянами, которые по большей части тамъ и остались и такъ перемѣшались съ туземнымъ населеніемъ, что даже относительно собственной Греціи въ научной литературѣ былъ споръ: кто предки ея нынѣшняго населенія, древніе эллины или славяне? Кромѣ того, много варваровъ было поселено здѣсь самими императорами, которые давали имъ земли внутри имперіи, чтобы сдѣлать ихъ безвредными. Въ самомъ Константинополѣ, особенно съ

Владѣнія крестоносцевъ.

начала крестовыхъ походовъ, осѣла масса иноземцевъ (см. выше). Такимъ образомъ, населеніе европейской части имперіи было пестрою смѣсью, лишь поверхностно окрашенной греческимъ элементомъ. Возрожденіе *греческой* имперіи должно было совершиться не здѣсь, а въ Малой Азіи, сохранившей гораздо болѣе слѣдовъ греческой культуры и къ тому же менѣе истощенной войнами и поборами. Войска никейскихъ императоровъ вербовались изъ мѣстныхъ уроженцевъ; особенно Виѳинія доставляла превосходныхъ стрѣлковъ. Такимъ образомъ, у грековъ понемногу создавалась національная армія, недостатокъ которой такъ ощутительно давалъ себя чувствовать во время осады Царьграда крестоносцами. Постепенно возстановлялось и государственное хозяйство, пришедшее въ совершенный упадокъ при Ангелахъ. Особенно важна была въ этомъ случаѣ дѣятельность второго никейскаго императора, Іоанна Ватацы.

Никейская имперія.

Ватаца былъ человѣкъ чрезвычайно разсчетливый и въ то же время очень широко понимавшій свои обязанности. Онъ самъ велъ хозяйство въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ и велъ его такъ, что императорскія имѣнія стали образцомъ для всѣхъ сельскихъ хозяевъ страны. Какъ велика была его внимательность въ этомъ случаѣ, видно изъ того, что даже торговля куриными яйцами давала ему очень значительные барыши. Налоги, которые прежде разоряли населеніе безъ всякой выгоды для правительства, онъ умѣлъ распредѣлить такъ, что они давали большой доходъ, никого не разоряя. Но онъ не ограничивался этимъ и старался создать новые источники дохода, поощряя промышленность; для этой цѣли служила ему такъ называемая покровительственная система: онъ облагалъ высокими таможенными пошлинами тѣ иностранные товары, которые на рынкѣ могли соперничать съ произведеніями туземной промышленности. На случай неурожаевъ онъ устроилъ запасные хлѣбные магазины, которыми пользовались даже сосѣднія страны, наприм., послѣ опустошеній, произведенныхъ монголами, при чемъ Ватаца продалъ хлѣбъ, конечно, съ хорошей прибылью. Постепенно онъ довелъ свое казначейство до такого блестящаго состоянія, что Никея отъ обороны скоро могла перейти въ наступленіе противъ франковъ. Этому не мало способствовали, впрочемъ, личные таланты никейскихъ правителей. За Ватацей слѣдовалъ Михаилъ Палеологъ, родоначальникъ послѣдней династіи восточныхъ императоровъ, истый византійскій грекъ, человѣкъ съ неособенно чуткой совѣстью, но замѣчательно талантливый дипло-

матъ. Онъ очень ловко умѣлъ пользоваться никогда не прекращавшимся торговымъ соперничествомъ Генуи и Венеціи и дѣйствовалъ постоянно въ союзѣ съ первой противъ венеціанцевъ. При этомъ императорѣ и Константинополь перешелъ обратно въ руки грековъ (25 іюля 1261 г.). Это было, впрочемъ, совершенно случайное событіе. Жители воспользовались тѣмъ, что французскія войска были отправлены на помощь венеціанцамъ, осаждавшимъ одну гавань на Черномъ морѣ, и впустили въ городъ отрядъ никейской конницы. Но паденіе Латинской имперіи было неизбѣжно подготовлено всей ея исторіей: ей не на что было существовать. Провинціи, доставшіяся на долю франкамъ, были страшно опустошены еще при Ангелахъ. Разрушивъ византійскую административную систему, латинскіе завоеватели не сумѣли замѣнить ее чѣмъ-нибудь лучшимъ. Въ результатѣ финансовыя затрудненія стали еще значительнѣе, чѣмъ были въ эпоху Исаака и Алексѣя. Въ послѣднее время своего существованія, латинскіе императоры жили только субсидіями, которыя имъ присылали съ родины, и должны были заложить все, что возможно: даже терновый вѣнецъ Спасителя, хранившійся въ Царьградѣ, былъ заложенъ Венеціи за большую сумму. Очевидно, конецъ обнищавшей имперіи былъ только вопросомъ времени.

Значеніе Латинской имперіи.

Франки ушли, не достигнувъ ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которыя они себѣ поставили передъ завоеваніемъ. Имъ не удалось основать феодальную имперію. Но нужно замѣтить, что изъ западныхъ учрежденій феодализмъ все-таки лучше всего принялся на византійской почвѣ. Въ этомъ случаѣ крестоносцы нашли въ Византіи готовый матеріалъ. Еще съ X вѣка стало развиваться въ имперіи служилое землевладѣніе: военнымъ людямъ за службу давалась земля, которую обрабатывали поселенные на ней крестьяне; доходъ съ этой земли замѣнялъ имъ жалованье. Получались отношенія, по внѣшности чрезвычайно похожія на феодальныя, на отношенія вассала къ сеньёру; вассалъ также получалъ отъ сеньёра землю подъ условіемъ военной службы. Французы такъ и поняли дѣло и признали византійскихъ служилыхъ людей за феодальное дворянство. Рядомъ съ этими мелкими помѣщиками были и очень крупные. Нѣкоторыя семейства изъ византійской знати владѣли огромными земельными имѣніями и, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, распоряжались въ своихъ владѣніяхъ вполнѣ самостоятельно. Такіе землевладѣльцы ничѣмъ, въ сущности, не отличались отъ крупныхъ феодальныхъ бароновъ. Таковъ былъ, напримѣръ, Левъ Сгуръ

въ Пелопоннесѣ, который,—совсѣмъ какъ западно-европейскіе феодалы, — велъ правильную войну съ императоромъ Алексѣемъ III (въ 1202 г.) и отнялъ у него два города: Аргосъ и Коринѳъ. Латинское владычество упрочило эти уже ранѣе существовавшіе зачатки мѣстной самостоятельности. Палеологамъ нечего было и думать о возстановленіи прежней строгой централизаціи: связь отдѣльныхъ частей имперіи навсегда была ослаблена, — и это, конечно, немало повредило имперіи въ начавшейся вскорѣ борьбѣ съ турками.

Полной неудачей кончилась другая попытка латинскихъ завоевателей,—попытка соединенія церквей, т.-е. въ сущности, подчиненія Восточной церкви Риму. Иннокентій III долженъ былъ примириться съ непріятнымъ для него событіемъ, взятіемъ Константинополя. Даже больше: по требованію тѣхъ самыхъ венеціанцевъ, которыхъ онъ отлучилъ отъ церкви за нападеніе на Зару, онъ долженъ былъ поставить латинскимъ патріархомъ въ Царьградѣ ихъ земляка (Томмазо Морозини). Всѣ эти уступки были вызваны надеждой на церковную унію. Но унія всегда осталась чисто внѣшней, формальной, и греки ей никогда не подчинились. Напротивъ, съ этой поры самая мысль объ уніи стала ненавистна византійцамъ, такъ какъ неизбѣжно соединялась въ ихъ умѣ съ разграбленіемъ Царьграда. Никогда еще греки не были такъ преданы своей религіи, никогда вліяніе православной церкви на политику не было такъ сильно, какъ послѣ латинскаго завоеванія. Мы увидимъ впослѣдствіи, что и это обстоятельство не осталось безъ сильнаго вліянія на исходъ борьбы съ турками. Можно сказать, что латинское завоеваніе Царьграда подготовило завоеваніе его турками въ 1453 году.

М. Покровскій.

XXXIX.

Цезарій Гейстербахскій.

(Черты средневѣковаго настроенія и міровоззрѣнія.)

Церковь и просвѣщеніе въ средніе вѣка.

Церковь была носительницей умственнаго просвѣщенія въ средніе вѣка; его представителемъ было духовенство. Тогда не существовало образованія внѣ церкви, и не было образованнаго класса помимо духовенства. Не было другой науки, кромѣ той, что разрабатывалась въ стѣнахъ монастырей „во славу Божію“ (ad majorem Dei gloriam), другой философіи, кромѣ той, которая была „служанкой богословія“ (ancilla theologiae), другого искусства, кромѣ того, что служило къ украшенію великолѣпныхъ соборовъ. Писатели, историки, философы среднихъ вѣковъ, это — по преимуществу монахи; они были мыслителями среднихъ вѣковъ, они руководили мыслью средневѣковаго человѣка, давали тонъ и направленіе всей умственной жизни средневѣковаго общества и налагали свою печать на все міросозерцаніе эпохи. Вотъ почему, если мы хотимъ познакомиться съ послѣднимъ, если желаемъ проникнуть во внутренній міръ средневѣковаго человѣка, мы должны обратиться къ средневѣковому монашеству и въ его средѣ искать матеріала для характеристики средневѣковаго настроенія и міровоззрѣнія. Такой матеріалъ мы находимъ, напримѣръ, въ лицѣ Цезарія Гейстербахскаго, одного изъ характерныхъ представителей средневѣковаго монашества и наиболѣе типичныхъ выразителей міросозерцанія эпохи.

Пособія: *Caesarii Heisterbacensis,* Dialogi miraculorum; *Kaufmann*, Caesarius von Heisterbach, ein Beitrag zur Culturgeschichte des XII und XIII Jahrh., Cöln, 1862.

Личность Цезарія.

Цезарій не принадлежитъ къ числу крупныхъ историческихъ личностей; его имя не связано ни съ какимъ выдающимся событіемъ. Онъ былъ скромнымъ цистерціанскимъ монахомъ,—однимъ изъ множества тѣхъ людей, жизнь которыхъ протекала въ тиши уединенной кельи, между алтаремъ и библіотекой. Какъ историческая личность, какъ историческій характеръ, Цезарій не представляетъ поэтому никакого интереса; но онъ въ высшей степени интересенъ, какъ историческій типъ, какъ одна изъ тѣхъ личностей, въ которыхъ наиболѣе отчетливо выступаютъ общія черты эпохи.

Свѣдѣнія о жизни Цезарія очень скудны. Извѣстно только, что онъ жилъ въ концѣ XII и первой половинѣ XIII вѣковъ, слѣдовательно, въ ту пору, которая относится къ „классическому вѣку“ среднихъ вѣковъ.. Около 1200 года онъ вступилъ въ число цистерціанскихъ монаховъ Гейстербахскаго монастыря, близъ Кёльна, гдѣ и провелъ большую часть жизни, въ качествѣ „пріора“ и „наставника новиціевъ“ (вновь вступившихъ монаховъ). Свой монашескій досугъ онъ посвящалъ чтенію и литературному труду. Чтеніемъ онъ настолько обогатилъ свои свѣдѣнія, что стоялъ вполнѣ на высотѣ современнаго образованія. Его сочиненія обнаруживаютъ выдающуюся для того времени начитанность; не говоря уже о церковныхъ писателяхъ, мы встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Цезарія ссылки на такихъ классическихъ авторовъ, какъ Вергилій, Овидій, Сенека.

„Бесѣды о чудесахъ“.

Среди его многочисленныхъ сочиненій,—всѣ они церковнаго характера и написаны средневѣковой варварской латынью,—особенною популярностью среди современныхъ читателей пользовались его „Бесѣды о чудесахъ“ (Dialogi miraculorum). Это сочиненіе наиболѣе важно для характеристики какъ самого писателя, такъ и его міросозерцанія, которое, въ свою очередь, интересно для насъ, какъ отраженіе господствующихъ понятій и представленій средневѣковаго общества. „Бесѣды о чудесахъ“ — это обширный сборникъ разсказовъ о разныхъ необычайныхъ событіяхъ и явленіяхъ, о которыхъ въ разное время пришлось слышать автору или отъ очевидцевъ, или отъ людей, которые передавали слышанное отъ другихъ. Нужно замѣтить, что терминъ „чудо“ у Цезарія далеко не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ, которое соединяется съ этимъ словомъ въ настоящее время; въ „Бесѣдахъ о чудесахъ“ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, разсказъ о землетрясеніи на островѣ Кипрѣ, о затменіи солнца и т. п. Вообще, воображеніе средневѣковаго человѣка работало гораздо напряженнѣе, нежели разумъ, и ему на

каждомъ шагу чудилось необычайное, сверхъестественное, чудесное. Чудо окружало человѣка съ колыбели до могилы. Чудесно исцѣлялся человѣкъ отъ болѣзни, приключившейся какимъ-нибудь необычайнымъ образомъ; чудеснымъ образомъ спасался отъ сверхъестественной опасности; чудесное видѣніе или разсказъ о немъ рѣшали участь человѣка, заставляя его отречься отъ міра и уйти въ монастырь. Такъ было, напримѣръ, и съ Цезаріемъ: чуду обязанъ былъ онъ въ дѣтствѣ спасеніемъ отъ смертельной болѣзни, разсказъ о чудесномъ видѣніи склонилъ его къ принятію „ангельскаго чина". Послѣ своего „обращенія", въ монастырѣ, человѣкъ начинаетъ дышать еще болѣе сгущенной атмосферой чудеснаго. Читаетъ ли книгу—тамъ разсказывается о чудесахъ; бесѣда между „братьями"—о чемъ? о чудесахъ; прохожій-странникъ передаетъ о видѣнныхъ или слышанныхъ необычайныхъ явленіяхъ или событіяхъ; наконецъ, человѣкъ пытливо смотритъ вокругъ себя—и видитъ чудо, чудо на каждомъ шагу. Ниже мы увидимъ это на живыхъ примѣрахъ; здѣсь отмѣтимъ пока только, что этимъ духомъ чудеснаго проникнуто все сочиненіе Цезарія, который въ данномъ случаѣ раздѣляетъ лишь общее настроеніе эпохи, заключающееся въ крайне напряженной работѣ воображенія и въ необыкновенной склонности видѣть всюду чудесное. Въ книгѣ Цезарія, точно въ зеркалѣ, отражается это господствующее *настроеніе* средневѣковаго человѣка; но важнѣе для насъ тѣ черты средневѣковаго *міросозерцанія,* которыя не менѣе отчетливо отразились въ этомъ зеркалѣ.

Чудесное въ жизни средневѣковаго человѣка.

Нѣтъ той области, которая бы не была затронута въ „Бесѣдахъ о чудесахъ", начиная съ самыхъ мелочныхъ явленій повседневной жизни и кончая самыми высшими областями человѣческаго познанія,—всюду писатель ведетъ за собой читателя, сознательно и безсознательно высказывая свои взгляды на всѣ явленія и вопросы жизни, вводя насъ въ свой внутренній міръ,—внутренній міръ средневѣковаго человѣка. Всего рельефнѣе выступаетъ передъ нами этотъ внутренній міръ въ воззрѣніяхъ Цезарія на жизнь человѣка, въ его представленіяхъ о значеніи, смыслѣ и содержаніи человѣческой жизни. Основная и характерная особенность средневѣковаго міросозерцанія заключается въ своеобразномъ соединеніи христіанскихъ понятій, воспринятыхъ отъ церкви, съ языческими представленіями, унаслѣдованными отъ дохристіанскихъ временъ и сохранившимися въ народной поэзіи (въ особенности въ германскихъ сагахъ). Изъ церковно-христіанскихъ идей средневѣковый человѣкъ

Внутренній міръ средневѣковаго человѣка.

получилъ аскетическое пониманіе жизни, которое облеклось у него въ совершенно несоотвѣтствующія ему формы, заимствованныя изъ народно-поэтическихъ представленій языческой эпохи. Книга Цезарія представляетъ собою яркій образчикъ этого своеобразнаго сочетанія церковно-аскетическаго пониманія жизни съ языческо-поэтическими представленіями. Мы сейчасъ увидимъ, въ чемъ состоитъ то и другое.

Аскетическое пониманіе жизни.

Сущность церковно-аскетическаго пониманія жизни заключалась въ противоположеніи жизни земной, плотской — съ одной стороны, и жизни загробной, духовной — съ другой. Насколько безсмертный духъ выше бренной плоти, настолько же загробная жизнь, жизнь вѣчная, важнѣе жизни земной, скоропреходящей. Сама по себѣ земная жизнь не имѣетъ никакой цѣны; она получаетъ смыслъ и значеніе лишь постольку, поскольку является приготовленіемъ къ жизни загробной. Въ чемъ же должно заключаться это приготовленіе? Въ умерщвленіи плоти. Плоть — врагъ человѣка; она — источникъ грѣха и виновница вѣчной погибели человѣка; она — темница души, связывающая послѣднюю своими оковами.

Отсюда, умерщвленіе плоти — основная мысль аскетизма; логическій выводъ изъ этой мысли есть монашество: для умерщвленія плоти необходимо отреченіе отъ міра, который есть царство плоти. Монахъ — это послѣдовательный аскетъ. Такимъ, именно, былъ Цезарій въ своей жизни, такимъ онъ является и въ своей книгѣ.

„Обращеніе“.

Изъ двѣнадцати главъ, на которыя раздѣляется сочиненіе Цезарія, первая трактуетъ объ „обращеніи“, послѣдняя о загробной жизни, въ остальныхъ главахъ распредѣлено прочее содержаніе человѣческой жизни. „Обращеніе“, то-есть вступленіе въ монашество, есть тотъ моментъ, съ котораго человѣческая жизнь пріобрѣтаетъ смыслъ и значеніе; „обращеніе“—это духовное рожденіе человѣка, — эра, откуда человѣкъ начинаетъ лѣтосчисленіе своей жизни. Этимъ важнымъ шагомъ въ своей жизни человѣкъ бываетъ обязанъ нерѣдко особенному вмѣшательству существъ изъ загробнаго міра: ангеловъ, святыхъ, которые являются во снѣ и наяву, чтобы склонить колеблющагося къ принятію „ангельскаго чина“.

Уже самый фактъ „обращенія“ налагаетъ на человѣка особую печать святости и очищаетъ пятно предшествующей порочной жизни. „Разъ св. Бернардъ,— разсказываетъ Цезарій,— встрѣтилъ присужденнаго къ висѣлицѣ вора; послѣдній обратился къ святому съ просьбой спасти его, принявъ въ свой орденъ. На это судья: „но,

господинъ, это—воръ, заслуживающій висѣлицы". Отвѣчалъ блаженный аббатъ: „предоставь мнѣ его повѣсить". Святой разумѣлъ подъ висѣлицей орденскую дисциплину".

Самое одѣяніе монашеское осѣнено особенною святостью. Цезарій разсказываетъ о монахѣ, „спустившемся, съ разрѣшенія своего аббата, въ чистилище". Дьяволы настаивали, чтобы монахъ снялъ съ себя свое иноческое одѣяніе; послѣдній наотрѣзъ отказался и провелъ въ чистилищѣ всю ночь „въ словесномъ состязаніи съ дьяволами, изъ которыхъ ни одинъ не дотронулся до него".

Главное содержаніе человѣческой жизни послѣ „обращенія" составляютъ: сокрушеніе (contritio), покаяніе (confessio), искушеніе (tentatio). „Contritio dicta est, quasi simul tritio; componitur autem a con, quod est simul, et tritio, eo quod de omnibus peccatis cor simul teri debet per dolorem". Сокрушеніе о грѣхахъ сопровождается слезами. Gratia lacrimarum, „благодать слезъ", есть особенный даръ, которымъ особенно дорожитъ „обращенный", и который ниспосылается свыше въ видѣ особой милости. Одинъ монахъ просилъ „одну святую женщину" помолиться за себя. „Чего желали бы вы отъ Господа?" спросила монахиня.—„Хочу, чтобъ вы исходатайствовали мнѣ у Господа даръ плакать трижды въ недѣлю, т.-е. по понедѣльникамъ, пятницамъ и субботамъ, на всенощномъ богослуженіи". Возвратившись въ свой монастырь, монахъ стоялъ за всенощной, ожидая обѣщанной благодати. И вдругъ, по молитвамъ этой святой женщины, онъ получилъ отъ Господа слезы въ изобиліи. Сокрушеніе и покаяніе.

Другому монаху на молитвѣ является Христосъ. „Проси у меня, чего хочешь".—„Господи, ничего я не прошу у Тебя, кромѣ того, чтобы имѣть столько слезъ, сколько заслуживаетъ воспоминаніе о твоихъ страданіяхъ". И Господь: „да будетъ тебѣ эта благодать". И отъ этого часа всякій разъ, какъ ему случалось вспомнить или заговорить о страданіяхъ Христовыхъ, у него слезы текли ручьемъ.

Очистившись отъ грѣха сокрушеніемъ и покаяніемъ, человѣкъ подвергается опасности впасть немедленно въ новый грѣхъ, такъ какъ на каждомъ шагу, каждую минуту его подстерегаетъ искушеніе. „Жизнь человѣка есть непрерывное искушеніе", въ особенности жизнь „обращеннаго", т.-е. монаха. „Мірскіе и плотскіе,—говоритъ Цезарій,—послушествующіе плоти, не переживаютъ искушенія въ собственномъ смыслѣ, потому что они, едва почувствуютъ Искушеніе.

искушеніе, какъ уже готовы немедленно склониться къ нему, а если и сопротивляются, то слабо, подобно лошади или мулу, у которыхъ нѣтъ разума". Совсѣмъ другое дѣло—жизнь монаха: она есть непрерывная и неустанная борьба противъ искушеній, которыми усѣянъ его жизненный путь. Не говоря уже о плоти съ ея грѣховными вожделѣніями; не говоря о мірѣ съ его соблазнами, противъ которыхъ подчасъ и стѣны монастырскія безсильны, — не говоря уже объ этихъ двухъ неизсякаемыхъ источникахъ постоянныхъ искушеній, смущающихъ духъ инока,—послѣдній вѣчно окруженъ еще цѣлымъ сонмомъ особыхъ существъ, нарочитое призваніе которыхъ—искушать человѣка; эти существа—злые духи, демоны.

Смерть.

Такова, по представленію Цезарія, жизнь человѣка, въ особенности человѣка „обращеннаго", монаха,—эта безпрерывная борьба съ плотью, съ міромъ, съ дьяволомъ,—жизнь, протекающая между грѣхомъ и покаяніемъ, между сокрушеніемъ и искушеніемъ. Естественно, что при такомъ взглядѣ на жизнь смерть представлялась человѣку чѣмъ-то желаннымъ, радостнымъ; въ самомъ дѣлѣ, она приносила съ собою освобожденіе души отъ тяжкихъ узъ плоти, міра, грѣха, искушенія. „Мнѣ случалось нерѣдко,— говоритъ Цезарій, — у многихъ изъ нашихъ монаховъ, когда они заболѣвали, наблюдать такое желаніе умереть ради будущей жизни, что ихъ искренно огорчало, если имъ желали выздоровленія".

Вся книга Цезарія проникнута этимъ аскетическимъ презрѣніемъ къ жизни и идеализаціей смерти. Самый моментъ смерти, особенно смерти „обращеннаго", окруженъ ореоломъ особенной прелести и поэзіи. Умирающій юноша „слышитъ дивное пѣніе ангельскихъ хоровъ, неизъяснимая прелесть котораго доставляетъ ему великое наслажденіе". „Обращенный", по имени Обертъ, умирая, „созерцаетъ ангеловъ, слышитъ небесную гармонію, видитъ себя соучастникомъ славы святыхъ".

Матеріализація христіанскихъ представленій.

Таково это аскетическое пониманіе жизни, насколько оно выразилось въ книгѣ Цезарія. Но что особенно характерно для Цезарія и для средневѣковаго міровоззрѣнія вообще, такъ это то своеобразное сочетаніе этихъ аскетическихъ понятій съ языческо-поэтическими представленіями, о которомъ было упомянуто выше. Вліяніе послѣдняго выразилось прежде всего въ матеріализаціи христіанскихъ представленій и затѣмъ въ своеобразномъ направленіи и развитіи чувства чудеснаго.

Матеріализація христіанскихъ представленій выразилась въ перенесеніи на нихъ чувственныхъ образовъ языческой миѳологіи. По-

слѣднее отразилось въ особенности на представленіяхъ о св. Дѣвѣ, о добрыхъ и злыхъ духахъ. На св. Дѣву переносятся черты отчасти языческой богини, отчасти сказочной героини. Подобно миѳической воинственной богинѣ германскихъ сагъ, св. Дѣва помогаетъ покровительствуемому ею рыцарю одержать побѣду въ турнирѣ; подобно сказочной богинѣ, она спасаетъ своего поклонника отъ опасности, освобождаетъ отъ плѣна, помогаетъ достигнуть успѣха въ задуманномъ предпріятіи. На все это у Цезарія немало живыхъ примѣровъ. Онъ же разсказываетъ случай, когда св. Дѣва приняла наружность одной монахини, бѣжавшей изъ монастыря, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ служила въ монастырѣ вмѣсто нея до тѣхъ поръ, пока та не возвратилась снова въ монастырь; благодаря св. Дѣвѣ, никто не замѣтилъ отсутствія бѣжавшей монахини, которая, возвратившись въ монастырь, заняла свое прежнее мѣсто какъ ни въ чемъ не бывало.

Злые духи.

Но особенно рѣзкую печать наложили миѳическіе образы на средневѣковыя представленія о злыхъ духахъ, на которыхъ средневѣковое воображеніе перенесло черты низшихъ божествъ или полубожествъ языческой миѳологіи: эльфовъ, домовыхъ, великановъ, оборотней и т. п. „Злой духъ“ Евангелія утратилъ совершенно въ представленіи средневѣковаго человѣка свой духовный обликъ; онъ облекся въ плоть и кровь, размножился. У Цезарія міръ кишитъ демонами, и человѣкъ уже не духовными очами зритъ ихъ: онъ видитъ ихъ плотскими глазами и ощущаетъ ихъ присутствіе чуть не всѣми своими пятью чувствами; видитъ ихъ наяву, чувствуетъ ихъ прикосновеніе къ своему тѣлу, слышитъ ихъ голосъ и разговариваетъ съ ними. Дьяволъ у Цезарія является человѣку то въ звѣриномъ образѣ: медвѣдемъ, обезьяной, лошадью, собакой, кошкой, крысой, свиньей; то въ образѣ человѣка: мужчины, женщины, дѣвицы, великана; иногда онъ принимаетъ наружность какой-нибудь опредѣленной личности, живущей или умершей; наконецъ, есть случаи, что дьяволъ принимаетъ образъ ангела: это—высшая степень дьявольскаго коварства. Когда демонъ является въ своемъ собственномъ видѣ, онъ имѣетъ обыкновенно наружность безобразнаго, приземистаго человѣка, плечистаго, съ короткой шеей; волосы взъерошены, цвѣтъ кожи напоминаетъ вынутое изъ горна желѣзо. Въ одномъ мѣстѣ Цезарій описываетъ цѣлую группу дьяволятъ, которые были усмотрѣны епископомъ на шлейфѣ пришедшей въ церковь щеголихи. „Они были ростомъ съ крысу и черны, какъ эѳіопы; склабясь своими мордами, они хлопали въ ладоши и

прыгали, точно рыбы въ неводѣ". Другой монахъ имѣлъ случай видѣть демоновъ въ иной обстановкѣ. „Онъ увидѣлъ пятнистыхъ кошекъ, или, точнѣе говоря, демоновъ подъ видомъ кошекъ; мурлыкая и помахивая своими хвостами, по обычаю кошекъ, они ласково терлись боками другъ о друга".

Борьба съ демонами.

Главное призваніе демоновъ—искушать людей, преимущественно — монаховъ; жизнь послѣднихъ есть повседневная ожесточенная война съ демонами, которые особенно назойливо осаждаютъ монастырскія кельи. Непримиримая ненависть демоновъ къ человѣку засвидѣтельствована однимъ дьяволомъ, подлинныя слова котораго приводятся Цезаріемъ, на основаніи достовѣрнаго, по его мнѣнію, источника. „Я предпочелъ бы,—сказалъ одинъ демонъ,—если бы пришлось выбирать, возвратиться въ преисподнюю съ одною соблазненною душой, нежели получить снова доступъ на небо". Впрочемъ, съ добросовѣстностью ученаго изслѣдователя, Цезарій отмѣчаетъ разногласіе между демонами въ данномъ пунктѣ: „Huic verbo,—говоритъ онъ,—alterius cujusdam daemonis sermo non concordat, qui contraria dicebat", т. е. „съ этими словами находится въ противорѣчіи свидѣтельство другого демона, утверждавшаго какъ разъ противоположное".

Вмѣстѣ съ матеріализаціей демона, и борьба съ нимъ человѣка принимаетъ чувственныя, матеріальныя формы: это часто — борьба въ рукопашную, борьба нерѣдко кровопролитная—въ буквальномъ смыслѣ, съ поломанными ребрами, окровавленнымъ лицомъ, вывороченными внутренностями,—борьба, кончающаяся сплошь да рядомъ увѣчьемъ и даже смертью отъ руки дьявола. Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ нѣсколько живыхъ примѣровъ „искушеній" и борьбы съ искусителемъ со стороны человѣка, какъ это представлено у Цезарія.

Рыцарь, по имени Менгоцъ, исполняя свой давній обѣтъ, собирается въ путь къ св. Ремигію въ Реймсъ. Вдругъ прилетаетъ дьяволъ и говоритъ: „къ чему спѣшить? впереди всегда найдется достаточно времени для исполненія обѣта"... Ни слова не говоря болѣе, дьяволъ схватилъ рыцаря за ноги и такъ нещадно поволокъ его по мостовой, что земля обагрилась кровью, которая лилась изъ изуродованнаго лица несчастнаго. Другой разъ, одинъ монахъ „такъ варварски изувѣченъ былъ демономъ, что на третій день скончался". Рыцарь, по имени Тіело, близъ Кёльна, былъ варварски умерщвленъ демономъ. Послѣдній забрался къ рыцарю въ комнату, гдѣ и провелъ всю ночь, а подъ утро, схватилъ ры-

царя, потащилъ его сквозь щели потолка, при чемъ у несчастной жертвы были выдавлены внутренности. Что сталось съ его тѣломъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ; только утромъ нашли висѣвшія на доскахъ крыши разорванныя внутренности, которыя и предали погребенію. Случалось, что дьяволъ прибѣгалъ къ помощи отравы. Явившись одному неопытному новицію въ образѣ ангела, онъ предложилъ ему ломоть хлѣба; новицій съѣлъ, заболѣлъ и зачахъ. Иногда простое прикосновеніе демона причиняетъ человѣку болѣзнь и даже смерть, чему имѣется немало примѣровъ у Цезарія.

Впрочемъ, увѣчья и смерть отъ руки дьявола — сравнительно исключительныя явленія; въ большинствѣ же случаевъ дьявольскія „искушенія“ не идутъ далѣе болѣе или менѣе коварныхъ, но неопасныхъ для тѣлеснаго здоровья козней, которыя носятъ подчасъ характеръ школьническихъ проказъ. „Въ боннской епархіи жилъ одинъ благочестивый инокъ. Дьяволъ до такой степени былъ противъ него озлобленъ, что часто, когда послѣдній раскрывалъ молитвенникъ для утренней молитвы, дьяволъ то закрывалъ ему буквы, то перевертывалъ страницу, а то и свѣчу задувалъ“. Вообще на молитвѣ монахъ служитъ мишенью особенно назойливыхъ козней и всякаго рода издѣвательствъ со стороны демона. Во время церковнаго богослуженія онъ взлѣзаетъ монаху на спину въ видѣ змѣи; другому вскарабкивается на голову въ видѣ кошки; третьему надѣваетъ на лицо конскую узду; четвертый стоитъ, окруженный цѣлою толпой демоновъ, подъ видомъ свиней, хрюканье которыхъ слышно для окружающихъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ результатъ получается одинаковый: монахи начинаютъ дремать или и совсѣмъ засыпаютъ, а дьяволу только этого и нужно.

Одна женщина видѣла въ Ахенѣ монаховъ: „на плечахъ и капюшонахъ у нихъ сидѣли демоны въ образѣ обезьянъ и кошекъ“. Ей же другой разъ случилось видѣть „еще болѣе ужасную картину: впереди монаховъ шли огромные, страшнаго вида псы съ цѣпями, одни концы которыхъ были прикрѣплены къ ихъ ошейникамъ, а противоположные концы опутывали шеи монаховъ: такъ дьяволы влекли послѣднихъ къ соблазнамъ“.

Монашескій постъ — тоже одинъ изъ главныхъ пунктовъ, на которые направлены усилія искусителя. Одному дьяволу удалось подсунуть монаху мяса, да еще сырого, которое тотъ и съѣлъ невзначай; но другой дьяволъ имѣлъ менѣе успѣха у монахини, которую тщетно пытался соблазнить поѣсть гуся, якобы присланнаго ей отъ родителей. Еще менѣе посчастливилось искусителю

съ монахиней Елизаветой, которую онъ долго и неотступно осаждалъ въ Ховенскомъ монастырѣ. Разъ, увидѣвъ его у себя и догадавшись, кто это такой, она дала ему пощечину. „Зачѣмъ ты такъ больно дерешься?“ сказалъ дьяволъ.—„Потому что ты часто надоѣдаешь мнѣ“, отвѣтила она. На это дьяволъ: „Вчера я гораздо болѣе надоѣлъ твоей сестрѣ, пѣвчей, и однако она меня не ударила“.

Другой разъ аббатисса того же монастыря, разсказывая про явленіе ей дьявола въ образѣ человѣка, прибавила: „Жаль, что не знала я тогда, что это былъ дьяволъ, а не человѣкъ: дала бы ему хорошую пощечину“... Не менѣе рѣшительный отпоръ встрѣтилъ врагъ рода человѣческаго со стороны Бертрады, монахини Вольмунтштейнскаго монастыря въ Вестфаліи. Замѣтивъ дьявола, который пытался проникнуть къ ней черезъ окно, „она плюнула ему въ лицо и, понося его позорными словами, заклинала именемъ св. Троицы не искушать ея болѣе“.

Добрые и благочестивые демоны.

Далеко однако не всѣ демоны злы; есть даже прямо добрые демоны. Цезарій готовъ былъ бы усомниться въ возможности столь невѣроятной вещи, если бы она не доказывалась многими, по мнѣнію автора, не подлежащими никакому сомнѣнію фактами и наглядными примѣрами „дьявольской доброты“ (bonitatis diabolicae). Цезарію, напримѣръ, извѣстенъ случай, какъ одинъ демонъ, въ образѣ молодого человѣка, нанялся въ слуги къ одному рыцарю. „Онъ началъ служить рыцарю съ такимъ усердіемъ, почтительностью, преданностью и готовностью, что тотъ не могъ надивиться. При этомъ, всегда скроменъ, предусмотрителенъ, веселъ“. Разъ онъ сверхъестественнымъ образомъ спасъ жизнь рыцаря отъ неминуемой смерти; другой разъ вылѣчилъ его жену отъ опасной болѣзни львинымъ молокомъ, котораго онъ добылъ въ Аравіи, слетавъ туда въ одинъ часъ. Это послѣднее обстоятельство и выдало настоящее происхожденіе слуги. По настоятельному требованію рыцаря, онъ вынужденъ былъ сознаться: „Да, я—демонъ, одинъ изъ тѣхъ, что пали съ Люциферомъ“.—„Если ты по природѣ дьяволъ, то что это значитъ, что ты служишь вѣрой - правдой человѣку?“ спросилъ изумленный рыцарь. Демонъ отвѣчалъ: „Великая для меня отрада быть съ сынами человѣческими“.

Демонъ оказался не только добрымъ, но и благочестивымъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующаго. Получивъ отъ рыцаря за свою службу пять золотыхъ, демонъ возвратилъ ихъ ему, со словами: „Сооруди на эти деньги колоколъ, который повѣсь надъ кровлей

этой бѣдной и запущенной церкви, чтобы по воскресеньямъ онъ созывалъ вѣрныхъ къ божественной службѣ"... Съ этими словами онъ исчезъ изъ глазъ рыцаря.

Другой благочестивый демонъ перенесъ рыцаря Эбергарда по воздуху въ Іерусалимъ во мгновеніе ока. Цезарій передаетъ даже случай, что демонъ пришелъ на исповѣдь къ священнику. Послѣдній пришелъ въ ужасъ отъ той подавляющей массы смертныхъ грѣховъ, которые повѣдалъ ему кающійся.—„Если бы тебѣ было тысяча лѣтъ, — сказалъ священникъ, — и тогда количество твоихъ грѣховъ было бы изумительно". Тотъ отвѣчалъ: „Мнѣ болѣе тысячи лѣтъ". Еще болѣе пораженный, священникъ сказалъ: „Кто же ты такой?"—„Я—демонъ, одинъ изъ тѣхъ, что пали съ Люциферомъ". Священникъ согласился отпустить грѣхи дьяволу подъ условіемъ тяжкой эпитиміи, но дьяволъ наотрѣзъ отказался отъ выполненія послѣдней и исчезъ не прощенный.

Матеріализація чуда.

Помимо того, что Цезарій всюду готовъ видѣть чудесное, самое чудо получаетъ у него совсѣмъ иной характеръ, нежели оно имѣло въ первобытномъ христіанствѣ. У Цезарія оно утрачиваетъ свой духовный и наставительный характеръ и пріобрѣтаетъ отчасти сказочно-фантастическій, отчасти языческо-миѳологическій обликъ. Къ „чудесамъ" послѣдней категоріи принадлежатъ, напримѣръ, тѣ многочисленныя и многообразныя проявленія волшебства, которыя занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто среди цезаріевскихъ „чудесъ". Что касается перваго, т.-е. сказочно-фантастическаго элемента, то онъ всего нагляднѣе выступаетъ въ той роли, какую Цезарій отводитъ животнымъ во многихъ изъ своихъ „чудесъ". Однажды „пчелы построили изъ воска базилику чудной архитектуры для тѣла Господня, которое и возложили на алтарь, воздвигнутый изъ того же матеріала". Домашнюю птичку одной дамы, усердно молившейся св. Ѳомѣ, схватилъ коршунъ. Въ когтяхъ коршуна птичка закричала, такъ что всѣ слышали: „Святой Ѳома, помоги мнѣ!" Муха, пытавшаяся сѣсть на чашу съ эвхаристіей, внезапно упала мертвая.

Такъ, въ головѣ средневѣковаго человѣка народно-поэтическія представленія самымъ неожиданнымъ образомъ переплетаются съ богословско-аскетическими идеями, образуя то своеобразное смѣшеніе понятій и представленій, которое составляетъ, какъ было замѣчено, основную черту средневѣковаго міросозерцанія.

Павелъ Ардашевъ.

XL.

Францискъ и Доминикъ.

Возникновеніе нищенствующихъ орденовъ.

Монашескіе ордена въ средніе вѣка.

Въ теченіе среднихъ вѣковъ монашество нѣсколько разъ поднимается съ особою силою, и каждый разъ новой, болѣе строгой или болѣе чистой его формѣ отвѣчаетъ новое настроеніе въ народѣ или потребность преобразованія церкви. Въ XI вѣкѣ суровые и дѣятельные клюнійцы среди дикаго разлада феодальнаго общества подготовили реформу Григорія VII, клонившуюся къ подчиненію міра умершимъ для міра представителямъ іерархіи. Въ началѣ XIII в., въ виду грозныхъ успѣховъ ересей, поднимавшихся противъ церкви, и отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ же стремленій, которыя выражали еретики, появились два нищенствующихъ ордена, францисканцы и доминиканцы.

Около 1200 г. въ лицѣ Иннокентія III папство осуществляетъ самыя смѣлыя свои цѣли. Римскій первосвященникъ правитъ христіанскимъ міромъ и раздаетъ короны. Но могущественная, богатая церковь забываетъ о своемъ призваніи и замыкается въ гордую, привилегированную касту. Чѣмъ матеріальнѣе становилась церковь, тѣмъ живѣе чувствовалась въ народѣ потребность непосредственнаго знакомства съ источникомъ вѣры, съ Евангеліемъ, и тѣмъ легче люди чуткой души переходили на путь самостоятельнаго исканія евангельскаго житія. Ліонскій купецъ Петръ Вальдъ, отвергнутый папою, основалъ „общество бѣдныхъ“, стремившихся къ подражанію Христу, и его послѣдователи въ южной Франціи и Италіи отклонились отъ церкви. Еще рѣзче порвали съ церковью альбигойцы, удалившіеся отъ самыхъ догматовъ христіанства. Сила еретиковъ заключалась въ доступности ихъ ученія, въ отсутствіи

властолюбиваго и чуждаго народу духовенства, а главное—въ проповѣди на народномъ языкѣ, которой не знала церковь. Преимущества были таковы, что церковь не находила средствъ для борьбы: въ Монпелье на съѣздѣ прелатовъ и цистерціанскихъ монаховъ, явившихся для искорененія альбигойства, Доминикъ встрѣтилъ у духовенства сознаніе полнаго безсилія. Онъ подалъ совѣтъ заимствовать у еретиковъ главное ихъ орудіе—проповѣдь; надо монахамъ выйти изъ келейнаго заключенія и итти въ самую среду свѣтскаго общества. Францисканцы еще ближе подошли къ ереси: у нихъ уже не одно заимствованіе пріемовъ для борьбы; они проникаются тѣмъ же духомъ евангельскаго христіанства бѣдныхъ, что и вальденцы. Въ ихъ лицѣ церковь приняла идеи, сначала грозившія подорвать ее. Новые два ордена принялись за реформу нравовъ и вѣрованій: они спасли господство церкви, но внесли въ нее совершенно новую жизненную струю. Прежде монашество само себѣ было цѣлью, и люди постригались ради спасенія души своей. Въ орденахъ XIII в. оно становится средствомъ проповѣди Евангелія въ народѣ и воздѣйствія на свѣтское общество.

Францискъ Ассизскій.

На характерѣ двухъ нищенствующихъ орденовъ отразились оригинальныя черты личности ихъ основателей. Во Францискѣ Ассизскомъ мы встрѣчаемъ мягкую, полную искренняго, глубокаго чувства, любвеобильную и радостную, подвижную и восторженную натуру италіанца (съ примѣсью, можетъ быть, южно-французской крови). Въ его лицѣ возрождается вѣчно возвращающійся идеалъ—водворить на землѣ настоящее царство Христово.

Земной образъ Христа, бѣднаго и милосердаго, простого, смиреннаго и близкаго къ грѣшникамъ, его странствованія и страданія постоянно привлекали и возбуждали къ подражанію. Какъ у древнихъ евіонитовъ, какъ у вальденцевъ, такъ еще болѣе у Франциска цѣль состояла въ томъ, чтобы приблизиться ко Христу всѣмъ складомъ жизни, всѣмъ душевнымъ настроеніемъ. Какъ этотъ взглядъ Франциска, такъ же проста и наивно-трогательна исторія его обращенія и вся его жизнь.

Францискъ принадлежалъ къ зажиточному городскому классу. Онъ родился въ 1182 г. въ Ассизи, небольшомъ городкѣ Умбріи, въ семьѣ торговца сукномъ Піетро Бернардоне. Мать его была, повидимому, родомъ изъ южной Франціи; этимъ, вѣроятно, объясняется его любовь къ провансальскому языку и пѣснямъ, а, можетъ быть, и самая близость къ вальденству. Францискъ не получилъ образованія. Онъ провелъ безпечную и веселую молодость,

развозя товары отца и пируя съ многочисленными товарищами и знакомыми, при чемъ онъ былъ всегда первымъ въ затѣяхъ и избирался царемъ праздника. Въ эту пору сказались въ немъ и рыцарскія наклонности: онъ не удержался отъ участія въ кипѣвшей всюду въ Италіи борьбѣ гибеллиновъ и гвельфовъ и пробылъ годъ въ плѣну. Но среди этой шумной жизни въ немъ пробудилась мысль о другомъ, болѣе высокомъ назначеніи. Жизнеописаніе его разсказываетъ, что завѣса спала внезапно. Францискъ однажды возвращался съ товарищами съ богатой пирушки, на которой, по обыкновенію, занималъ первое мѣсто. Спутники его, распѣвавшіе пѣсни, вдругъ замѣтили, что онъ отсталъ въ глубокомъ раздумьи. На ихъ разспросы и насмѣшливыя замѣчанія, не хочетъ ли онъ жениться, онъ отвѣтилъ, что дѣйствительно задумалъ взять невѣсту, но болѣе благородную, богатую и красивую, чѣмъ кто-либо видѣлъ. Францискъ въ этомъ образѣ разумѣлъ Христову нищету; онъ говорилъ потомъ, что въ эту минуту его посѣтило свыше откровеніе, которое онъ давно предчувствовалъ и которое указало ему жизненный путь. Исполнить завѣтъ Христа, все отдать бѣднымъ, пойти въ ихъ среду,—вотъ какъ онъ понялъ свое призваніе. Житіе говоритъ, что однажды среди горячей молитвы онъ услышалъ свыше слова: „все, что ты любилъ до сихъ поръ, Францискъ, земной любовью и желалъ имѣть, тебѣ слѣдуетъ презирать и ненавидѣть, если хочешь знать Мою волю. Если ты начнешь исполнять ее, то все, что тебѣ теперь кажется сладкимъ и пріятнымъ, станетъ для тебя горькимъ и невыносимымъ“. Въ своемъ рвеніи Францискъ сталъ исполнять эту заповѣдь буквально. Онъ не только отрекся отъ богатства, наслѣдія отца, отъ веселой жизни; онъ смѣшался съ толпою грязныхъ, больныхъ нищихъ на богомольѣ въ Римѣ, раздавъ всѣ деньги изъ кошелька, онъ обмѣнялся платьемъ съ однимъ изъ нихъ и провелъ цѣлый день въ лохмотьяхъ на виду у всѣхъ; мало того, одолѣвъ отвращеніе, онъ обнялъ прокаженнаго и поцѣловалъ у него руку. Душевный переворотъ въ Францискѣ повелъ къ разрыву его съ семьей. Образъ жизни его казался отцу сумасбродствомъ. Однажды Францискъ распродалъ отцовскій товаръ, порученный ему, и отдалъ всѣ вырученныя деньги священнику на возстановленіе разрушенной церкви. Въ другой разъ, въ отсутствіе отца, онъ пригласилъ въ его домъ нищихъ и устроилъ имъ богатый пиръ. Отецъ билъ его и запиралъ, но Францискъ не поддавался и наконецъ ушелъ; когда же отецъ, жалѣя потерянныхъ денегъ, потребовалъ ихъ судомъ, Францискъ передъ наро-

домъ и епископомъ Ассизи торжественно отдалъ все, что у него было, снявши съ себя даже одежду, со словами: „до сихъ поръ я называлъ Піетро Бернардоне отцомъ своимъ, отнынѣ же я рѣшилъ служить одному Богу, и на устахъ моихъ будетъ лишь: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ“ (1207 г.).

Уйдя отъ мірской суеты, Францискъ не идетъ, однако, въ монастырь, не надѣваетъ рясы. Первое время его служеніе Богу выражается въ сборѣ подаяній на обновленіе старыхъ обветшавшихъ церквей. Въ это же время начата была постройка храма Пресвятой Дѣвы Порціункульской (in Portiuncula), который сталъ потомъ центромъ и главной святыней ордена. Но Францискъ не остановился на этомъ: глубоко поразили его слова Христа: „не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха“. Онъ увидалъ въ нихъ прямое указаніе: одѣвшись въ грубую шерстяную тунику, подпоясавшись веревкой, босой, бросивъ палку и мѣшокъ, рѣшилъ онъ слѣдовать Христу, быть его вѣрнымъ апостоломъ и разносить всюду благую вѣсть и миръ.

Первая община францисканцевъ.

Къ нему скоро примкнули послѣдователи: одинъ богатый гражданинъ Ассизи, по евангельскому завѣту, продалъ все имущество, роздалъ деньги бѣднымъ и сталъ жить съ Францискомъ въ шалашѣ около часовни Порціункулы. Присоединеніе третьяго францисканцы считали потомъ началомъ ордена (1209 г.). Учениковъ своихъ, которыхъ становилось все болѣе, Францискъ разсылалъ подобно тому, какъ Христосъ апостоловъ. Потомъ они сходились опять и жили вмѣстѣ, повинуясь простому уставу, составленному Францискомъ на основаніи нагорной проповѣди. Легенда упоминаетъ въ числѣ первыхъ послѣдователей двухъ разбойниковъ, какъ бы стремясь воспроизвести кругъ Христовыхъ учениковъ и вспоминая обращеніе преступника на крестѣ.

Новая община мало походила на монастырь,—напротивъ, она была очень близка къ вальденству. Какъ у общества ліонскихъ бѣдняковъ, на первомъ мѣстѣ была не одинокая, личная молитва для спасенія души, а всенародная проповѣдь странствующихъ апостоловъ. Самая бѣдность не вытекала изъ монашескаго обѣта, изъ насильственнаго подавленія плоти; въ отсутствіи собственности францисканцы видѣли лишь приближеніе къ апостольскому совершенству и искали ея добровольно. Сходство простиралось до внѣшнихъ признаковъ: у францисканцевъ была одинаковая съ вальденцами одежда—черная или сѣрая ряса, одинаковое привѣтствіе при

входѣ: „миръ дому сему“. Прося у папы разрѣшенія свободной проповѣди, Францискъ добивался лишь того, за что преслѣдовали вальденцевъ. Братья, подобно еретикамъ, не отдавались созерцанію: они чередовали молитву съ работой и, уставши отъ дневного труда, поднимались ночью съ плачемъ о грѣхахъ своихъ на новую молитву. Вся жизнь ихъ должна была служить живымъ и буквальнымъ воспроизведеніемъ пребыванія Христа на землѣ и странствованій Его съ апостолами. Понятно, что легенда перенесла потомъ на Франциска черты самого Христа и приписала ему, какъ высшее торжество святости, стигматы, т. е. кровавые знаки на тѣлѣ, соотвѣтствующіе ранамъ Христа. Проповѣдь Франциска, удивительная по своей яркости, силѣ и чувству, также вращалась около простого, безхитростнаго разсказа о жизни Христа и о его страданіяхъ; она была далека отъ обычныхъ туманныхъ аллегорій, сухихъ разсужденій, путаницы хитрыхъ выраженій, которыя вплетались церковными проповѣдниками. Впечатлѣнію проповѣдей сильно содѣйствовала необыкновенная живость натуры Франциска: онъ переживалъ то, что разсказывалъ, неудержимо плакалъ и смѣялся на каѳедрѣ; выраженіе лица, жесты, вся фигура служили для передачи горячаго чувства, восторга, умиленія, состраданія, которыя его охватывали. Одинъ очевидецъ сознавался, что, какъ ни запоминалъ онъ слова Франциска, но проповѣдь не поддавалась воспроизведенію, какъ у другихъ проповѣдниковъ: не въ словахъ состояла сила ея. Передача евангельскихъ сценъ была не только доступна народу своей житейской правдивостью, она была согрѣта поэзіей. Любовь къ нѣжной провансальской пѣснѣ не умерла у Франциска: онъ только сталъ Божьимъ трубадуромъ. Среди лишеній, нищеты и страданій не погибло у Франциска и радостное, свѣтлое отношеніе къ окружающему міру, —и этимъ онъ отличался отъ угрюмыхъ аскетовъ прежняго времени. Одному новичку Францискъ сказалъ: „братъ мой, зачѣмъ этотъ печальный видъ? Ты совершилъ грѣхъ? Это—дѣло Божье и твое. Пойдемъ молиться. Передъ братьями же проявляй святую радость“.

Утвержденіе ордена.

Не трудно понять и необычайную популярность Франциска и его „братьевъ“, „нижайшихъ во Христѣ“ (миноритъ), какъ онъ называлъ себя съ послѣдователями. Ростъ первоначальной общины побудилъ Франциска добиваться у папы утвержденія ея устава и возведенія ея въ орденъ. Это случилось въ 1209 году, во время наибольшаго могущества всесильнаго Иннокентія III. Легенда разрисовываетъ благодарный сюжетъ встрѣчи властолюбиваго, неогра-

ниченнаго въ своей мощи первосвященника и смиреннаго сына народа, не имѣвшаго крова, не считавшаго себя достойнымъ даже священническаго сана. Вѣрно то, что Францискъ здѣсь, какъ и вездѣ, проявилъ полную покорность властвующей іерархіи, и что папа отнесся къ идеѣ Франциска съ большимъ недовѣріемъ, можетъ быть, не понялъ ея. Папа разрѣшилъ орденъ только на словахъ и поставилъ условіемъ, чтобы число учениковъ Франциска постоянно умножалось. Такой же уклончивый отвѣтъ далъ сначала его преемникъ Гонорій III, и лишь въ 1223 г. орденъ получилъ настоящее утвержденіе.

Послѣдніе годы жизни Франциска мало извѣстны и, по преимуществу, разукрашены легендой. Онъ отдалъ дань жаждѣ миссіонерства, отправлялся съ крестоносцами въ Египетъ (1219 г.) и пытался обратить въ христіанство султана и его приближенныхъ. Скоро, однако, убѣдившись въ безплодности предпріятія, онъ вернулся къ своему истинному дѣлу—отыскиванію и возвращенію заблудшихъ овецъ въ самомъ стадѣ Христовомъ. Но жизнь, полная лишеній и неимовѣрнаго труда, быстро подкосила его здоровье: въ послѣднее время Франциска видѣли разъѣзжающимъ на ослѣ со смертельно-блѣднымъ лицомъ умирающаго. Дѣла ордена онъ уже лѣтъ за 5 до смерти вполнѣ предоставилъ вѣдѣнію другихъ. По временамъ онъ удалялся въ уединеніе, на горы, и отдавался мистическому восторгу, въ которомъ ему чудилось сліяніе души его съ Христомъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ велѣлъ своимъ ученикамъ снести себя къ родному городу, благословилъ Ассизи и скончался на ступеняхъ Порціункулы въ 1226 г., на 44 году жизни.

Смягченіе аскетизма.

Францискъ завѣщалъ своимъ ученикамъ новый взглядъ на жизнь: въ его лицѣ смягчился, переродился старый аскетизмъ. Франциску чуждо тяжелое состояніе духа, неустанное истребленіе плотскихъ влеченій, вѣчная война съ самимъ собою. Онъ не боялся соблазновъ на каждомъ шагу, не отворачивался отъ жизни: онъ просто презиралъ ея матеріальныя блага. Изнуряя себя постомъ, онъ не считалъ нужнымъ рѣзко отказываться отъ угощеній, если приходилось бывать у богатыхъ людей. Не требовалъ онъ чрезмѣрнаго напряженія въ лишеніяхъ и отъ своихъ учениковъ. Увидавъ разъ одного изъ нихъ въ полномъ упадкѣ силъ вслѣдствіе долгаго поста, Францискъ велѣлъ поставить на столъ хлѣба и сталъ ѣсть вмѣстѣ съ другими, чтобы побудить несчастнаго бросить опасный искусъ и подкрѣпиться. Правда, онъ относился къ своему тѣлу,

какъ къ чему-то постороннему, однако безъ ненависти, скорѣе добродушно: на своемъ простонародномъ языкѣ онъ называлъ его братомъ и осломъ и говорилъ, что „его надо подвергать тяжелой ношѣ, часто бить бичемъ и кормить плохимъ кормомъ“. Но передъ смертью онъ признался, что „истязуя себя въ здоровомъ состояніи и въ болѣзни, онъ такимъ изнуреніемъ согрѣшилъ противъ брата своего, осла“. Францискъ не возставалъ съ ожесточеніемъ противъ семьи и имущества, а только считалъ ихъ препятствіемъ религіозному назначенію человѣка.

Поэтому онъ и возвелъ нищенство въ основу ордена: у монаховъ не должно быть не только личной, но и общей, монастырской собственности, чтобы они были вполнѣ свободны отъ какихъ-либо мірскихъ заботъ. Нищенство обращено было въ основную добродѣтель, въ своего рода богослуженіе, еще по другой причинѣ: „Братья, – говорится въ уставѣ Франциска,— ничего не должны пріобрѣтать, ни дома, ни земли для себя, ни чего-либо другого, но, какъ странники въ этомъ мірѣ, служа Господу въ бѣдности и смиреніи, они должны просить милостыню, не стыдясь этого, ибо Господь ради насъ сдѣлался нищимъ на этой землѣ“. Одному монаху, который отказалъ навязчивому нищему, Францискъ велѣлъ, обнажившись, пасть ницъ передъ нищимъ, просить у него прощенія и прибавилъ къ этому: „когда ты видишь нищаго, тебѣ представляется, какъ въ зеркалѣ, Господь и бѣдная Мать Его“. По этому убѣжденію, собственность принадлежитъ тому, кто болѣе всего въ ней нуждается. Однажды зимой Францискъ въ пути захотѣлъ отдать нищему свой плашъ, которымъ покрылся въ виду болѣзни; на энергичныя возраженія своего спутника, онъ отвѣтилъ: „я думаю, что всякій милостивецъ долженъ былъ бы счесть за воровство, если бы я не отдалъ того, что несу на себѣ, тому, кто болѣе въ этомъ нуждается“.

Другой существенный завѣтъ Франциска состоялъ въ любви и состраданіи къ грѣшникамъ и преступникамъ. Монахи не должны кичиться своей святостью и замыкаться въ ней. Своему преемнику, Иліи изъ Кортоны, онъ говорилъ передъ отъѣздомъ своимъ: „я по тому буду узнавать, дѣйствительно ли ты слуга Господень, если ты станешь возвращать заблуждающихся братьевъ милосердіемъ на путь къ Богу и не перестанешь любить тяжело согрѣшившихъ“. У Франциска исчезъ разладъ между духомъ человѣка, измученнымъ самоистязаніемъ, и окружающимъ его міромъ, въ которомъ прежде монахи видѣли одинъ источникъ соблазна. Онъ любилъ природу,

любилъ все живое тѣмъ же наивнымъ, трогательнымъ чувствомъ. Францискъ кормитъ зимою пчелъ медомъ и виномъ, потому что ихъ искусная работа славитъ Творца; червяковъ съ дороги онъ относитъ въ сторону, чтобы ихъ не раздавили; ягненка, котораго собираются зарѣзать, онъ выкупаетъ, отдавши зимнюю одежду. Житіе разсказываетъ, какъ Францискъ, встрѣтивъ однажды на дорогѣ множество птицъ, почувствовалъ къ неразумной твари состраданіе и обратился къ нимъ съ проповѣдью: „сестрицы мои, птички, вамъ слѣдуетъ громко восхвалять Творца вашего и любить Того, Кто одѣлъ васъ перьями, далъ крылья для полета и снабдилъ всѣмъ, что вамъ нужно". Птицы, прибавляетъ біографъ, слушали съ большимъ вниманіемъ, и только, когда Францискъ благословилъ ихъ, онѣ улетѣли.

Точно новая вѣра открывалась людямъ, болѣе чистая, болѣе естественная. По взгляду Франциска, не во внѣшнихъ дѣлахъ, не въ исполненіи обрядовъ, постовъ, не въ богомольяхъ въ Римъ и т. п. спасеніе: „не льстите себя мыслью, — говорилъ онъ ученикамъ, — что вы достигли совершенства, исполнивъ все, что можетъ сдѣлать и злой человѣкъ: онъ также можетъ поститься, молиться, плакать, истязать плоть: одно ему недоступно — быть вѣрнымъ Господу нашему, Христу". Францискъ молится непрестанно, но его молитва непринужденная: онъ думаетъ, что нѣмая молитва сердца лучше, чѣмъ заученныя слова, сходящія съ устъ.

Устройство и развитіе ордена.

Устройство ордена отразило въ себѣ идеи основателя. Первоначально предполагалось вовсе не основывать монастырей: монахи должны были все время проводить среди народа, и они селились въ самыхъ скученныхъ кварталахъ города. Развитіе нищенствующихъ орденовъ совпадаетъ съ ростомъ класса горожанъ и отвѣчаетъ новому быту. Скоро „братья" въ народной одеждѣ, сами большею частью люди простого званія, говорившіе на образномъ языкѣ народа, полюбились ему. Орденъ получилъ вполнѣ демократическій обликъ. Францискъ запрещалъ своимъ ученикамъ принимать какой-либо церковный санъ. Въ ихъ средѣ отсутствовали аристократическіе титулы аббатовъ и пріоровъ, какъ это было въ старыхъ бенедиктинскихъ общинахъ, отвѣчавшихъ строю феодальныхъ мірковъ. Провинціальныя и общія собранія францисканцевъ составлялись изъ выборныхъ отъ отдѣльныхъ общинъ. Но ни въ чемъ такъ не выразилось призваніе новаго ордена воздѣйствовать на свѣтское общество, какъ въ учрежденіи, рядомъ съ миноритами и клариссами (монахини ордена, получившія названіе отъ св. Клары, также

уроженки Ассизи, родины Франциска), еще третьяго отдѣла — терціаріевъ. Это была община мірянъ, члены которой, одинаково мужчины и женщины, могли сохранять свое состояніе, общественное положеніе и оставаться въ супружествѣ. Терціаріи, такимъ образомъ, не подчинялись монашескимъ обѣтамъ, хотя и состояли подъ общимъ руководствомъ францисканскаго ордена: отъ нихъ требовали только соблюденія извѣстныхъ нравственныхъ правилъ: вступая въ орденъ, они должны были примириться съ врагами и возвратить все, что неправильно себѣ присвоили. Далѣе, они должны были подвергаться частому посту, воздерживаться отъ развлеченій, уклоняться отъ судебныхъ процессовъ, по возможности не употреблять оружія: они носили темную одежду, разъ въ недѣлю посѣщали больныхъ и должны были побуждать ихъ къ исповѣди. Этотъ третій орденъ пріобрѣлъ скоро широкое распространеніе: въ его ряды вступали видные люди, даже государи, какъ Людовикъ Святой, императоръ Карлъ IV и др.

Францисканскій орденъ развился съ необычайною быстротой и изъ Италіи перешелъ въ другія страны. Въ моментъ смерти Франциска онъ располагалъ 8,000 монастырей и насчитывалъ въ своей средѣ 200,000 монаховъ. Его успѣху много содѣйствовали льготы и привилегіи, которыя сыпались со стороны папскаго престола. Уже въ 1222 г. францисканцамъ было позволено въ областяхъ, подверженныхъ интердикту, произносить проповѣди и совершать богослуженія при закрытыхъ дверяхъ. Они получили право давать прощеніе грѣховъ всѣмъ, кто придетъ на ежегодный праздникъ освященія церкви въ Порціункулѣ; францисканцы могли, далѣе, вообще проповѣдывать, исповѣдывать и отпускать грѣхи всюду, безъ позволенія мѣстнаго духовенства, если только находились на землѣ своего монастыря или въ публичномъ мѣстѣ. Въ 40-хъ годахъ XIII в. папа предписалъ допустить нищенствующихъ монаховъ въ Парижскій университетъ, въ то время главный центръ богословской науки.

Чѣмъ шире становился орденъ, тѣмъ болѣе замѣчалось отклоненія отъ первоначальной идеи Франциска. Рядомъ съ бѣдными, грубоватыми проповѣдниками, не знавшими ничего, кромѣ Евангелія, появились широко-образованные ученые или люди церковной карьеры; у монаховъ явились богатства, роскошная обстановка; изъ обильныхъ пожертвованій возникали монастыри. Уже въ 1245 г. папа Иннокентій IV уничтожилъ въ сущности для францисканцевъ запрещеніе имѣть собственность: они были признаны пожизненными

пользователями, а по имени имущество считалось принадлежностью престола св. Петра. Но часть ордена осталась вѣрна завѣтамъ Франциска, и такимъ образомъ возникла долгая борьба конвентуаловъ, умѣренныхъ, болѣе свѣтскихъ членовъ, и спиритуаловъ (или обсервантовъ), непримиримо-строгихъ. Строгіе сохранили свою близость къ ересямъ, враждебнымъ *омірщенной*, богатой, властолюбивой церковной іерархіи: они служили ей живымъ укоромъ и не разъ поднимали протестъ и возбуждали массы. Папы держали сторону умѣренныхъ и своими буллами (напр., Николай III въ 1279 г.) старались сгладить рѣзкія черты францисканской ревности и ввести безпокойный, народный орденъ въ границы обычной церковной жизни, подчинить безусловно своему авторитету. Въ первой половинѣ XIV в. ярые францисканцы (особенно Вильгельмъ Оккамъ) выступили главными противниками испорченной римской церковной монархіи во имя первоначальной чистоты и простоты демократической церкви апостольской.

Доминикъ.

Одновременно съ францисканскимъ орденомъ и частью подъ вліяніемъ той же потребности возникъ другой—доминиканскій. Его основатель во многомъ—полная противоположность Франциска. Въ Доминикѣ сказываются черты испанской религіозности: безусловная преданность авторитету церкви, неумолимо-строгое слѣдованіе извѣстнымъ началамъ, вѣра дѣятельная, воинственная и безпощадная.

Францискъ былъ безхитростнымъ сыномъ народа, который зналъ и любилъ свою среду и въ своей проповѣди былъ совершенно равнодушенъ къ ересямъ и догматическимъ спорамъ. Доминикъ былъ ученымъ богословомъ, вышедшимъ изъ тиши кабинета, священникомъ-аскетомъ, спустившимся въ толпу для того, чтобы истреблять въ народѣ проповѣдью и полемикой ученія, отступившія отъ церкви. Его ранняя жизнь мало извѣстна. Доминикъ (родился въ 1170 г. въ Старой Кастиліи, около города Осмы, происходилъ, повидимому, изъ фамиліи Гузмановъ, умеръ въ 1221 г.) учился долго въ Паленсійскомъ университетѣ; неудовлетворенный философскими науками, онъ перешелъ къ богословію. Въ молодости уже онъ выдавался своею благотворительностью; но характерною чертой его была неотступная мысль о наказаніяхъ, которыя ждутъ еретиковъ и грѣшниковъ: постоянно проливалъ онъ о нихъ горючія слезы. Первые шаги его практической дѣятельности относятся къ его пребыванію въ соборномъ капитулѣ города Осмы, при благочестивомъ епископѣ Діэго Азеведо: Діэго и Доминикъ, тѣсно связанные общими стремленіями, преобразовали капитулъ въ духѣ строгой августин-

ской общины. Позднѣе Доминикъ выдвигается во время путешествія Діэго за Пиренеями, приводящаго обоихъ въ южную Францію, гдѣ кипѣла борьба съ альбигойцами. Растерявшемуся духовенству Доминикъ предлагаетъ (въ 1205 г. въ Монпелье) возстановить апостольскія миссіи, въ духѣ дѣятельности св. Павла: проповѣдь, личный примѣръ простой и благочестивой жизни, въ которой духовныя лица раздѣляютъ лишенія и страданія массы,— все это должно показать, что церковь не забыла простого народа. Совѣтъ произвелъ впечатлѣніе: епископъ Осмы отослалъ домой свою свиту, лошадей, богатое облаченіе, прелаты и цистерціанцы принялись за проповѣди. Но дѣло не пошло, и участники разъѣхались. Скоро остался одинъ Доминикъ, увидавшій необходимость спеціальной подготовки ученыхъ, искусныхъ въ полемикѣ и безстрашныхъ проповѣдниковъ, чтобы тягаться съ развитыми, наметавшимися въ разсужденіяхъ и спорѣ учителями еретиковъ. Опираясь на покровительство епископа тулузскаго Фулькана, Доминикъ основалъ въ Prouille убѣжище для дѣвушекъ, обращаемыхъ изъ альбигойства, и къ этому учрежденію примкнула возникшая вскорѣ небольшая община его послѣдователей. Доминикъ ввелъ очень строгій уставъ: замкнутость, почти полное молчаніе и работу. Сначала не имѣлось въ виду образованіе особаго ордена, и Доминикъ предполагалъ лишь борьбу посредствомъ слова съ заблужденіями. Но цѣли папской политики, кровавый оборотъ столкновенія съ альбигойцами, а съ другой стороны, успѣхъ и вліяніе наростающаго францисканскаго ордена повели къ измѣненію первоначальной мысли Доминика. За крестовымъ походомъ противъ альбигойцевъ послѣдовало учрежденіе инквизиціи, и, хотя идея суда надъ еретиками возникла раньше (ее можно искать въ соглашеніи папы съ императоромъ въ 1184 г.), но Доминикъ и его ученики содѣйствовали могущественно развитію инквизиціи. Слѣдуя своему влеченію искоренять заблужденія, Доминикъ обличалъ плѣнниковъ въ ереси и готовилъ ихъ такимъ образомъ къ костру; члены инквизиціоннаго суда прямо набирались (что особенно было рекомендовано буллой Григорія IX въ 1232 г.) изъ богословски развитыхъ и начитанныхъ учениковъ Доминика.

Въ 1215 г. онъ сталъ добиваться у папы Иннокентія III утвержденія ордена. Устрашенный ересями, Латеранскій соборъ этого года постановилъ не разрѣшать новыхъ монашескихъ соединеній. Новый папа Гонорій III оцѣнилъ, однако, значеніе для церкви ордена „проповѣдниковъ“ и разрѣшилъ его буллой 1216 г. Доми-

никанцы, усвоившіе широкую бѣлую одежду, выбрали себѣ воинствующій девизъ собаки, съ горящимъ факеломъ во рту.

Устройство доминиканскаго ордена

Устройство ихъ соединило въ себѣ демократическое выборное начало францисканцевъ съ началомъ авторитета, централизаціи. Орденъ дѣлился на провинціи, провинціи на монастырскія общины, монастырскіе пріоры избирались братіей и утверждались провинціальнымъ пріоромъ; послѣдній избирался настоятелями монастырей и въ свою очередь утверждался генераломъ ордена, его верховнымъ владыкой. Всего рѣзче они отличались отъ францисканцевъ своей обязательной научной подготовкой и своими полемическими задачами. Но уже Доминикъ принужденъ былъ, въ виду популярности миноритовъ, ввести у себя чуждыя вначалѣ его обществу черты нищенствующаго ордена (въ 1220 г. на общемъ собраніи въ Болоньѣ). Однако, будучи внѣшнимъ придаткомъ, бѣдность во Христѣ скоро исчезла у доминиканцевъ. Зато орденъ усвоилъ себѣ другую цѣль, вполнѣ отвѣчавшую его духу. Замѣтивъ полную заброшенность въ отношеніи вѣры и просвѣщенія многочисленнаго штата служителей при папскомъ дворѣ, Доминикъ сталъ ихъ собирать на проповѣдь; это дало ему званіе придворнаго проповѣдника, съ которымъ само собой соединялось важное дѣло цензуры книгъ, направляемой въ интересахъ строгаго католичества.

Такимъ образомъ доминиканцы пошли во главѣ воинствующей церкви: они принимали цѣликомъ установившееся ученіе и формы и становились на стражѣ ихъ; при этомъ они соединяли въ себѣ высшее знаніе вѣка съ искусствомъ практическихъ пріемовъ борьбы противъ враговъ церкви, съ жаждой пропаганды и обращенія: личность и задачи Доминика во многомъ напоминаютъ Игнатія Лойолу, основателя іезуитскаго ордена. Доминиканцы забрали скоро въ свои руки все богословское преподаваніе: особенно важно ихъ водвореніе въ парижскомъ университетѣ; ихъ учителя, особенно Ѳома Аквинскій, стояли въ XIII вѣкѣ во главѣ науки. Но за ними всегда оставалась практическая черта—стремленіе служить церкви опредѣленнымъ, видимымъ дѣломъ, энергическимъ вмѣшательствомъ въ жизнь во имя церковнаго авторитета; таковы были: реформаторъ Флоренціи Савонарола, противникъ рабства индійцевъ въ колоніяхъ Ласъ - Казасъ. Эта черта проявилась и въ главной дѣйствительной заслугѣ доминиканскаго ордена, въ обширнѣйшей миссіонерской дѣятельности по всему почти земному шару, въ которую они внесли столько рвенія и самопожертвованія: доминиканцы распространили свои монастыри и свою проповѣдь по всей Америкѣ,

начиная съ Гренландіи, по Индіи, Китаю; въ то же время они вели энергичную полемику съ исламомъ.

Въ Европѣ, въ средѣ самой церкви, они представляли начало, прямо противоположное францисканцамъ: какъ послѣдніе выражали народныя желанія и мечты, частью неясныя и бурныя, толкали церковь впередъ, поднимали дѣло реформы, такъ первые выражали властныя требованія самихъ руководителей церкви, обращенныя къ массамъ, защищали неприкосновенность безусловнаго господства церкви, безъ всякихъ послабленій и уступокъ; для однихъ дѣло вѣры—живое, принимающее разныя формы, идущее навстрѣчу человѣческому чувству, для другихъ — замкнутое въ строгія рамки ученіе, доказуемое отъ разсудка, но облекшееся въ непререкаемыя предписанія.

Р. Випперъ.

XLI.

Средневѣковыя ереси и инквизиція.

Аскетическіе идеалы.

На долю западной церкви выпала великая задача: среди всеобщаго разложенія сохранить христіанскую культуру и передать ее тѣмъ свѣжимъ племенамъ, которыя заняли мѣсто Римской имперіи. Къ половинѣ XI вѣка эта задача была уже разрѣшена, варвары давно стали христіанами, власть церкви никѣмъ не оспаривалась. Вскорѣ крестовые походы показали, что военный классъ, старшій въ свѣтской іерархіи среднихъ вѣковъ, послушно повинуется духовенству. „Духовенство въ здѣшнемъ мірѣ,—говоритъ одинъ средневѣковый писатель,—то же, что „власти“ (высшій чинъ) между ангелами“. Другой шелъ еще дальше: „самый плохой человѣкъ, если онъ принадлежитъ къ духовенству, лучше самаго благочестиваго изъ мірянъ“. Церковь не подвластна никакой свѣтской власти, напротивъ: „какъ духъ господствуетъ надъ тѣломъ..., такъ церковь надъ королевской властью“. Не только личность клирика, но даже

Источники и пособія: a) общая характеристика: *Eicken, H. V.* Geschichte und System der Mittelalterlichen Weltanschauung. Stuttgart, 1887. *Laurent*, Etudes sur l'histoire de l'humanité, t. VIII; b) богомилы: поученіе *пресвитера Козьмы* (Православный Собесѣдникъ за 1864 г.); *Euthymii Zygabeni*, Narratio de Bogomilis, ed. Gieseler. Житіе препод. Ѳеодосія Терновскаго (Чтенія въ общ. истор. и древн. Росс. 1860, кн. 1-я); c) катары: *Döllinger, I. V.* Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters. B. I. Gnostisch - Manichäische Sekten. B. II. Dokumenten zur Gesch. d. Waldenser u. Katharer. München, 1890 — 91; *Schmidt*, Histoire et doctrine de la secte des Cathares, 2 vols. Paris, 1849; d) инквизиціи: *Lea, H. C.* A History of the Inquisition, 3 vols. London, 1888.

имущество клира было защищено иммунитетомъ отъ вмѣшательства свѣтскаго закона.

Такая власть должна была имѣть какое-нибудь нравственное оправданіе: если „міръ“ повиновался „клиру“, то не изъ рабскаго страха, конечно, потому что матеріальной силы у духовенства не было. Люди среднихъ вѣковъ вѣрили въ необходимость и спасительность этого повиновенія. Церковь, т.-е. духовенство, руководила обществомъ въ дѣлѣ спасенія души, на пути къ царству небесному. А такой путь, по средневѣковымъ понятіямъ, былъ только одинъ: отреченіе отъ земной жизни, со всѣми ея заботами и со всѣми ея радостями. Для современныхъ намъ людей эта жизнь сама по себѣ имѣетъ цѣль, имѣетъ извѣстную цѣнность. Для средневѣковаго человѣка она имѣла цѣну лишь настолько, насколько приготовляла къ жизни загробной. Язычество видѣло въ смерти конецъ всякаго счастія: Ахиллъ лучше желалъ бы быть на землѣ поденщикомъ, чѣмъ въ Адѣ царемъ. Папа Иннокентій III писалъ въ одномъ изъ раннихъ своихъ сочиненій: „мы умираемъ, пока мы живы, и только тогда перестаемъ умирать, когда перестаемъ жить“; для него смерть была началомъ счастья въ царствѣ небесномъ, счастья, которому мѣшала земная жизнь, исполненная грѣха. Отсюда, дурно было все, что привязываетъ человѣка къ жизни земной: средневѣковые проповѣдники осуждаютъ одинаково любостяженіе и любовь къ роднымъ, — патріотизмъ, жажду личной и народной славы и чувственныя влеченія; отъ всего этого одинаково нужно было воздерживаться. Вся нравственность и сводилась къ воздержанію, т.-е. къ аскетизму“; другіе мотивы — общая польза, напримѣръ, если и имѣли значеніе, то совсѣмъ второстепенное.

Аскетическое воспитаніе общества было дѣломъ духовенства,— предполагалось, стало быть, что духовенство въ нравственномъ отношеніи стоитъ выше общества, т.-е. ближе къ аскетическому идеалу. Относительно отдѣльныхъ представителей церкви это и было справедливо. Одинъ изъ противниковъ Григорія VII, написавшій цѣлый трактатъ „О расколѣ, произведенномъ Гильдебрандомъ“, вотъ какъ, въ то же время, описываетъ его образъ жизни. Гильдебрантъ,—говоритъ онъ,—„добровольно голодалъ, хотя могъ бы имѣть въ изобиліи самыя тонкія блюда; онъ терпѣлъ жажду и всякія матеріальныя лишенія, хотя ему стоило только сдѣлать знакъ, чтобы все было къ его услугамъ“. Самые простые овощи составляли его пищу. „Между тѣмъ, какъ всѣ вокругъ него были

заняты мірскими заботами, жили свѣтскими помыслами и интересами, Григорій VII оставался чуждъ всему этому, потому что онъ считалъ землю не отечествомъ человѣка, а только мѣстомъ, гдѣ суждено ему странствовать". Въ св. Норбертѣ, основателѣ ордена премонстратовъ, презрѣніе къ жизни доходило до того, что онъ намѣренно выбралъ для постройки своего монастыря нездоровую мѣстность.

Но характеровъ такого закала было немного, а церкви, для разрѣшенія ея воспитательной задачи, нужна была масса лицъ. Какъ сдѣлать аскетизмъ не исключеніемъ, а общимъ правиломъ повседневной жизни для цѣлаго общественнаго класса,—къ этому основному вопросу нравственной дисциплины церковь постоянно возвращалась съ XI вѣка, съ клюнійской реформы, вплоть до тридентскаго собора въ XVI столѣтіи. Постоянное повтореніе попытокъ уже само по себѣ свидѣтельствуетъ объ ихъ неудачѣ. Начиная съ клюнійцевъ (X в.) и кончая нищенствующими орденами XIII в., мы видимъ цѣлый рядъ уставовъ, одинъ другого строже, и каждый новый орденъ обвиняетъ всѣ предшествующіе въ нравственной распущенности, чтобы самому стать предметомъ такихъ же обвиненій немного десятилѣтій спустя. Какъ только проходило первое увлеченіе, слабости человѣческой природы брали верхъ надъ уставомъ. Вотъ какъ описываетъ повседневную жизнь своего монастыря одинъ аббатъ XIII вѣка, вовсе не думавшій, конечно, написать сатиру на своихъ подчиненныхъ: его цѣлью было показать, какими искушеніями дьяволъ уловляетъ души людей въ свои сѣти. Жизненная практика.

Колоколъ призываетъ братію на утреннюю молитву; едва успѣли монахи собраться, какъ толпа демоновъ устремляется на нихъ и погружаетъ ихъ въ глубокій сонъ; они не могутъ сопротивляться потому, объясняетъ аббатъ, что ночью тѣ же демоны не давали имъ спать. Итакъ, братія проводитъ ночи безъ сна и спитъ въ церкви. Не лучше удаются другія благочестивыя занятія. Аббатъ только что собрался перечитать какое-то богословское сочиненіе; заранѣе предвидя козни лукаваго, онъ принялъ свои мѣры, высвободилъ изъ-подъ рясы одну руку и держалъ ее открытою, чтобы холодъ не давалъ ему заснуть. Но дьяволъ догадался и сталъ кусать руку аббата, подобно блохѣ; волей-неволей аббатъ долженъ былъ спрятать руку подъ рясой, согрѣлся — и уснулъ. Иное средство употреблялъ злой духъ, когда монахамъ нужно было работать; тутъ онъ хваталъ ихъ за руки и за ноги, такъ что они не могли двинуться съ мѣста и сидѣли праздные. Дьяволъ не

оставлялъ ихъ ни на минуту: садились ли они за столъ, онъ побуждалъ ихъ наѣдаться до того, что ихъ тошнило; а по большимъ праздникамъ, когда за столомъ подавали вино, они напивались до безчувствія. Словомъ, искушеній было такъ много, что для объясненія ихъ аббату пришлось привлечь къ дѣлу милліоны нечистыхъ духовъ. „Обыкновенно думаютъ,—говоритъ онъ,—что всякаго человѣка мучаетъ только одинъ демонъ: глубокое заблужденіе. Вообрази, что ты погруженъ въ воду съ головой; вода надъ тобою, подъ тобой, направо, налѣво: вотъ точное изображеніе злыхъ духовъ, которые насъ окружаютъ и осаждаютъ со всѣхъ сторонъ. Они безчисленны, какъ тѣ пылинки, которыя мы видимъ въ солнечномъ лучѣ; весь воздухъ наполненъ ими“.

Бороться съ грѣшными наклонностями своей физической природы было трудно,—бороться съ юридическими и общественными условіями жизни было еще труднѣе. Богатый человѣкъ, умирая, хотѣлъ спасти душу пожертвованіемъ: онъ отказывалъ свою землю монастырю. Цѣль была благая, доходы должны были итти на добрыя дѣла. Но монахи должны были управлять имѣніемъ, а землевладѣніе въ то время обыкновенно было связано съ политическою властью. Аббатъ какого-нибудь знаменитаго монастыря, получившаго много пожертвованій, былъ похожъ больше на крупнаго феодальнаго барона, чѣмъ на отшельника и руководителя другихъ отшельниковъ. А такъ какъ онъ не передавалъ своей власти по наслѣдству, то всякая перемѣна аббата должна была возбуждать въ братіи уже совсѣмъ мірскія чувства: надежда сдѣлаться изъ простого монаха почти государемъ должна была соблазнять многихъ. Оттого такъ часты въ средневѣковыхъ монастыряхъ безпорядки при выборѣ настоятеля. Это давало поводъ вмѣшиваться мѣстной церковной власти,—епископу, тоже не всегда равнодушному къ богатствамъ монастыря. Но обитель недаромъ была укрѣплена не хуже феодальнаго замка; заставить монаховъ повиноваться какой бы то ни было власти было не легче, чѣмъ принудить къ повиновенію рыцаря, привыкшаго быть „государемъ въ своемъ имѣніи“ (chaque baron est souverain dans sa baronie). И вотъ, епископъ долженъ былъ иногда итти на аббатство съ войскомъ и начинать правильную осаду. По средневѣковому обычаю, земли монастыря, конечно, опустошались, а потомъ несчастные обитатели этихъ земель должны были платить контрибуцію побѣдоносному епископу.

Впрочемъ, епископы, во всякомъ случаѣ, еще больше были погружены въ свѣтскіе интересы, чѣмъ монахи. Феодальная сто-

рона власти у нихъ обыкновенно перевѣшивала ея духовную сущность. Въ качествѣ землевладѣльцевъ они были обязаны нести извѣстныя повинности въ пользу сюзерена, между прочимъ, и военную службу. Въ XIII вѣкѣ во Франціи вполнѣ опредѣленно ставился вопросъ: обязанъ ли епископъ *личной* военной службой королю или нѣтъ? и, повидимому, рѣшался утвердительно. Нѣкоторыхъ прелатовъ это смущало; но большинство чувствовало себя вполнѣ на своемъ мѣстѣ во главѣ вооруженныхъ рыцарей. Когда папа Целестинъ III потребовалъ у короля Ричарда освобожденія захваченнаго этимъ послѣднимъ въ плѣнъ епископа города Бовэ, король послалъ папѣ въ отвѣтъ броню епископа, — и Целестинъ долженъ былъ признать, что Ричардъ былъ правъ, поступая съ этимъ прелатомъ по законамъ войны. Епископъ Беранжеръ Нарбонскій содержалъ на жалованьи шайку разбойниковъ и, чтобы добыть денегъ для своихъ свѣтскихъ предпріятій, открыто продавалъ церковныя должности. Поземельные споры, неизбѣжные при чересполосицѣ феодальныхъ правъ, особенно часто подавали поводъ епископамъ проявлять ихъ воинственныя наклонности. Въ концѣ XII вѣка городскія общины Ломбардіи были въ открытой борьбѣ съ епископами изъ-за феодальныхъ правъ; епископы отлучали городскихъ магистратовъ отъ церкви, а тѣ отвѣчали на это приговорами объ изгнаніи епископовъ. Епископъ города Беллуно напалъ съ вооруженнымъ отрядомъ на Тревизо и былъ убитъ въ схваткѣ. Не лучше были отношенія духовной власти къ городамъ и во Франціи, гдѣ иногда епископы не рѣшались выходить изъ дому безъ конвоя. Спорамъ съ свѣтскими феодальными владѣльцами не было конца. Всего тяжелѣе было при этомъ положеніе низшаго духовенства: поставленные между епископомъ и мѣстнымъ землевладѣльцемъ, приходскіе священники должны были угождать обѣимъ враждующимъ сторонамъ; но такъ какъ баронъ былъ ближе, легче могъ и повредить, и оказать поддержку, то волей или неволей приходилось ему подчиняться. Болѣе способные и образованные старались просто поступить въ замокъ въ качествѣ капелланов, учителей, секретарей и т. п.; при своихъ приходахъ оставались только болѣе невѣжественные и тупые, отчего, конечно, не могли выиграть ихъ прихожане: въ XI вѣкѣ встрѣчались въ Италіи священники, не знавшіе символа вѣры.

Отрицательное отношеніе къ церкви.

Итакъ, чѣмъ дальше стоялъ человѣкъ отъ міра, чѣмъ ближе онъ былъ къ аскетическому идеалу, тѣмъ выше онъ стоялъ въ глазахъ средневѣковаго общества; духовенство должно было осу-

ществлять этотъ идеалъ, оттого оно и пользовалось такимъ уваженіемъ: но оно отъ этого идеала было такъ же далеко, какъ и міряне. Да настоящее ли это духовенство? подлинная ли это христіанская церковь? Вотъ вопросы, которые могли, наконецъ, представиться благочестивымъ мірянамъ, размышлявшимъ надъ тѣмъ, что они видѣли. Въ XI—XII вѣкахъ все чаще стали появляться люди, которые брались отвѣтить на эти вопросы, — и отвѣчали отрицательно. Церковь называла этихъ людей *еретиками* и была права съ своей точки зрѣнія: ихъ ученіе, въ самомъ дѣлѣ, было ересью, искаженіемъ христіанства; но народъ прозвалъ ихъ „добрыми людьми“ (les bons hommes во Франціи), и одинъ вполнѣ католическій современникъ долженъ былъ согласиться съ этой характеристикой: „не знаю, что и сказать объ этихъ людяхъ“, отвѣтилъ одинъ священникъ на вопросъ о еретикахъ, „они никогда не лгутъ“.

Дѣйствительно, въ томъ, что они говорили о католической церкви, было много правды.

„Вожди церкви должны быть *совершенны*“, говорили они: „въ Писаніи сказано: „Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ Небесный совершенъ“. Таковы были апостолы; римская церковь заявляетъ притязаніе на происхожденіе отъ апостольской церкви: но есть ли между ними сходство? Апостолы жили трудами рукъ своихъ и все, что имѣли, раздавали бѣднымъ; римскіе прелаты ничего не дѣлаютъ и живутъ на деньги, собираемыя съ бѣдняковъ. Апостоловъ гнали и обижали, и они благословляли своихъ преслѣдователей; римская церковь сама преслѣдуетъ тѣхъ, кто ей не повинуется, да еще проклинаетъ ихъ. Апостолы проповѣдывали миръ и непротивленіе насилію, а папы, будто бы ихъ преемники, только и дѣлаютъ, что возбуждаютъ войны. Что же они унаслѣдовали отъ апостольской церкви? Они увѣряютъ, будто первымъ епископомъ римской церкви былъ апостолъ Петръ: это неправда, въ Писаніи этого не сказано. Сами папы проговариваются, что ихъ (свѣтская) власть языческаго происхожденія: Италію, говорятъ они, подарилъ папѣ Сильвестру императоръ Константинъ (этой сказкѣ, опровергнутой еще въ XV вѣкѣ, въ то время всѣ вѣрили); а Константину Италія досталась отъ языческихъ кесарей, которые пріобрѣли ее насиліемъ и обманомъ. „Истинная церковь— наша“, заключали еретики: „если насъ мало, то это говоритъ въ нашу пользу: „тѣсны врата, и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ“ (Мато., 7,14). Если насъ преслѣдуютъ, то

это такъ и должно быть: первыхъ христіанъ также гнали и преслѣдовали".

Катары.

Само собою разумѣется, что они тщательно умалчивали о томъ, что сближало средневѣковую церковь съ апостольской, — въ чемъ католицизмъ былъ, дѣйствительно, наслѣдникомъ первыхъ христіанскихъ общинъ: о миссіонерской дѣятельности римской церкви, о благотворительныхъ учрежденіяхъ, которыя этой церкви были обязаны своимъ существованіемъ, и т. д. Не менѣе старательно прикрывалось то различіе, какое существовало между ученіемъ апостольскимъ и собственнымъ ученіемъ еретиковъ. Въ различныхъ сектахъ искаженіе христіанскаго ученіи было различное: въ то время, какъ *вальденцы*, напримѣръ, буквально принимаютъ Писаніе, не признавая другихъ авторитетовъ, и ближе всего примыкаютъ къ позднѣйшимъ протестантамъ,—другіе сектанты толковали Писаніе крайне произвольно, далеко отступая не только отъ католицизма, но и вообще отъ христіанства. Таковы были самые страшные противники римской церкви въ средніе вѣка, „*катары*", имя которыхъ въ нѣмецкомъ языкѣ стало синонимомъ еретика вообще (ketzer отъ kazar, какъ произносили названіе сектантовъ). Это имя они сами себѣ дали; оно — греческое: καθαρός значитъ „чистый". Народъ звалъ ихъ „болгарами", а ученіе ихъ „болгарской ересью". У нихъ былъ переводъ Священнаго Писанія на народный языкъ, но не съ латинскаго текста Вульгаты, а съ греческаго, съ той редакціи, которая легла въ основу славянскаго перевода Кирилла и Меѳодія. Глава ихъ „церкви"—„еретическій папа", какъ звали его католики, — жилъ въ Константинополѣ. Всего этого было бы достаточно, чтобы искать источникъ этого ученія на востокѣ. Одна характерная черта устраняетъ въ этомъ случаѣ всѣ сомнѣнія. Катары были *дуалисты*, признавали существованіе не одного Бога, а двухъ, одного—добраго, другого—злого. Для средневѣковыхъ богослововъ этого было довольно, чтобы признать въ новомъ врагѣ католицизма отпрыскъ старинной ереси, волновавшей христіанскую церковь въ первые вѣка ея существованія,—ереси *манихейской*.

Ученіе Мани.

Ученіе перса *Мани* (жившаго въ III вѣкѣ по Р. Х.) было попыткой слить христіанство съ религіей Зороастра, древне-персидской. Какъ извѣстно, у персовъ всего дальше и полнѣе было развито обще-арійское представленіе о міровой жизни, какъ постоянной борьбѣ двухъ началъ—свѣта и мрака. Чисто-физическая противоположность получила въ этой религіи нравственное значеніе. Богъ свѣта Ормаздъ былъ, по взгляду персовъ, охранителемъ

мірового порядка, отцомъ и покровителемъ всего добраго, — т.-е. поддерживающаго этотъ порядокъ, — олицетвореніемъ созидающаго труда и справедливости. Его постояннымъ противникомъ является духъ тьмы Ариманъ, представитель всякаго зла, матеріальнаго и нравственнаго, — злобы, зависти и т. п. Обязанность человѣка на землѣ состояла въ томъ, чтобы служить Ормазду, т.-е. дѣлать добро, и бороться съ Ариманомъ, т.-е. преслѣдовать зло. Для языческой религіи это была очень возвышенная мораль; она объясняетъ намъ, почему у перса Мани могла явиться мысль о сліяніи, прилаженіи, такъ сказать, его національнаго вѣроученія къ христіанству, которое, впрочемъ, онъ узналъ изъ довольно мутнаго источника: на него сильное вліяніе имѣлъ восточный *гносисъ*. *Гностическими* называли тѣ секты первыхъ временъ христіанства, которыя видѣли въ Христѣ не искупителя, а только учителя человѣческаго рода, принесшаго на землю особенное таинственное познаніе о сущности міра (по греч. ἡ γνῶσις). Восточные гностики большею частью примѣшивали къ христіанскимъ догматамъ языческую мистику, особенно древне-халдейскую, за что православная церковь и признала ихъ еретиками. Изъ этой смѣси гностицизма, христіанства и парсизма Мани создалъ довольно стройную религіозную систему, основнымъ положеніемъ которой было двоебожіе, какъ у персовъ. Она была очень заманчива тѣмъ, что просто и ясно отвѣчала на вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ: оттого, несмотря на преслѣдованія какъ со стороны христіанъ, такъ и со стороны персовъ (самъ Мани былъ казненъ царемъ Бахрамомъ въ 276 г.), она быстро распространилась и на Востокѣ, и на Западѣ, гдѣ ея вліянію подпалъ,—правда, на короткое время,—даже блаженный Августинъ. Въ Италіи встрѣчали *манихеевъ* еще въ VI вѣкѣ, а на Балканскомъ полуостровѣ дуалистическія секты существовали непрерывно до конца среднихъ вѣковъ, и второе еретическое повѣтріе, гораздо болѣе важное, вышло именно отсюда въ XI вѣкѣ.

Богомилы.

Толчекъ этому движенію дали невольно византійскіе императоры, особенно Константинъ V (741—775). Въ его время въ Арменіи была очень распространена дуалистическая ересь *павликіанъ*, выводившихъ себя непосредственно отъ христіанскихъ общинъ, основанныхъ апостоломъ Павломъ. Эти павликіане были люди безпокойные и часто переходили отъ Византіи къ арабамъ и обратно, что было очень неудобно въ пограничной мѣстности. Константинъ сталъ переселять ихъ во внутреннія провинціи, гдѣ за ними удобнѣе было наблюдать, между прочимъ, во Ѳракію. Здѣсь, у сво-

ихъ славянскихъ сосѣдей, отчасти только недавно покинувшихъ язычество, отчасти даже вовсе не крещеныхъ, восточные дуалисты нашли, по всей вѣроятности, прекрасную почву для своей пропаганды. По крайней мѣрѣ, въ X вѣкѣ мы встрѣчаемъ уже среди славянскаго населенія, въ Болгаріи, чрезвычайно распространенное дуалистическое ученіе, подробности котораго мы узнаемъ отъ его обличителя, священника Козьмы. Его проповѣди противъ „новоявившейся ереси *богомилы*“ еще въ XI вѣкѣ списывались и у насъ въ Россіи, какъ списывались и нѣкоторыя *богомильскія* произведенія (апокрифы). Все это дѣлаетъ болгарскую секту для насъ вдвойнѣ интересной. По словамъ Козьмы, *богомилы* считали творцомъ всего матеріальнаго міра — „строителемъ земныхъ веществъ“ — дьявола: онъ же научилъ людей „жены поимати, мясо ясти и вино пити“. Отсюда матерія, какъ произведеніе злого духа, сама по себѣ есть зло. Изъ этого основного положенія очень стройно и послѣдовательно развивалось все еретическое ученіе. Соприкосновеніе съ матеріей оскверняетъ человѣка; но онъ осужденъ жить въ матеріальной оболочкѣ, это—наказаніе ему за грѣхопаденіе; избавиться совсѣмъ отъ оболочки нельзя, можно только уменьшить ея вліяніе на нашу душу, заключенную въ ней, какъ въ темницѣ. Нужно ослабить по возможности тѣло, изнурить его постомъ и воздержаніемъ. „Еретики по внѣшности, какъ овца“, говоритъ Козьма: „кротки, смирны, молчаливы и блѣдны отъ лицемѣрнаго поста“. Эта блѣдность до такой степени характерный признакъ средневѣковыхъ дуалистовъ, что на западѣ инквизиція по этому признаку разыскивала еретиковъ. Но не только пища, и одежда способствуетъ сохраненію тѣла,—не надо одежды. Преподобный Ѳеодосій Терновскій, жившій лѣтъ четыреста послѣ Козьмы, встрѣтилъ однажды цѣлую толпу совсѣмъ голыхъ людей: это были еретики; они оправдывали свое поведеніе евангельскимъ текстомъ: „блаженны нищіе духомъ“, при чемъ намѣренно пропускали послѣднее слово и читали: „блаженны нищіе“. Работа имѣетъ цѣлью увеличить матеріальное благосостояніе человѣка, значитъ, работать грѣшно. „Уловляютъ души грубыхъ (невѣжественныхъ) людей“, разсказываетъ Козьма, „говорятъ: не слѣдуетъ трудиться, заботиться о земномъ... и ходятъ нѣкоторые изъ нихъ праздные, ни за что не хотятъ приняться своими руками, но ходятъ изъ дома въ домъ, поѣдая чужое имѣніе прельщаемыхъ ими людей“. Мы присутствуемъ здѣсь при образованіи секстантской іерархіи, получившей окончательное устройство у западныхъ *катаровъ*: всѣмъ не работать было нельзя,

поэтому большинству дѣлались уступки на счетъ нравственныхъ требованій, - позволялось вступать въ бракъ и т. д.; зато это большинство должно было своей работою кормить немногихъ „совершенныхъ“, которые были свободны отъ всякихъ мірскихъ заботъ.

Всѣ гражданскія отношенія, включая и государство, направлены, прежде всего, къ охранѣ вещественныхъ благъ,—имущества гражданъ и ихъ физической личности. Все это относится къ области дьявола: „учатъ своихъ послѣдователей (еретики) не повиноваться властямъ, хулятъ богатыхъ, царя ненавидятъ, надъ старѣйшинами смѣются, бояръ укоряютъ, повинующихся царю считаютъ грѣшниками, и рабамъ не велятъ работать на господъ своихъ“. Въ особенности послѣднее ученіе должно было доставить богомиламъ много сторонниковъ: какъ разъ въ X вѣкѣ въ Болгаріи сильно стало распространяться крѣпостное право, и свободные прежде крестьяне превращались въ „париковъ“. (Πάροικοι,—такъ называлось въ Византіи сельское населеніе, прикрѣпленное къ землѣ и подчиненное землевладѣльцу). Отрицаніе власти, естественно, вело къ отрицанію всякаго внѣшняго, формальнаго законодательства: еретики не дѣлали исключенія и для закона Моисеева, считая его произведеніемъ не Бога, а злого духа. Это сближаетъ богомиловъ съ нѣкоторыми гностическими сектами, маркіонитами, напримѣръ, которые видѣли въ ветхозавѣтномъ законѣ произведеніе низшаго бога (Деміурга), тупого и ограниченнаго.

Этотъ низшій, а у богомиловъ и прямо злой, властитель вселенной былъ тѣмъ „княземъ міра сего“, котораго пришелъ изгнать Христосъ своимъ поученіемъ. Какъ и гностики, богомилы не вѣрили въ искупленіе; Христосъ не могъ воплотиться, потому что плоть—дѣло дьявола: Его тѣло было призрачное. Онъ только *казался* человѣкомъ. Это—такъ называемый *докетизмъ* (отъ греческ. δοκεῖν—казаться). Отсюда получалось чрезвычайно важное въ нравственномъ отношеніи слѣдствіе: если Спаситель могъ обмануть злого духа призрачнымъ своимъ тѣломъ, чтобы освободить родъ человѣческій, то, стало быть, вообще обманъ дозволителенъ для благой цѣли. Еретики, поэтому, считали себя въ правѣ притворяться православными, ходить въ церковь, участвовать въ таинствахъ и т. д., хотя сами отвергали всю формальную, обрядовую сторону религіи, не признавали мощей, иконъ, даже распятія, но покланялись имъ, чтобы обманомъ избавиться отъ наказанія и съ большимъ удобствомъ распространять свое ученіе.

Сектанты старались подтвердить свои положенія текстами изъ

Сотвореніе міра и человѣка.

Писанія, толкуя ихъ крайне произвольно, какъ мы уже видѣли выше. Иногда они притчи Евангелія принимали буквально, иногда самыя ясныя и положительныя слова толковали, какъ притчу. Но, несмотря на все это, Писанія оказалось недостаточно для обоснованія ихъ фантастическаго міросозерцанія: стали выдавать за Откровеніе то, что вовсе имъ не было. Такъ образовалась литература *апокрифовъ* или „отреченныхъ"—запрещенныхъ православной церковью—книгъ: на нихъ, главнымъ образомъ, опиралась еретическая догматика. Краеугольный камень ихъ ученія составляло не христіанское, а чисто-восточное, персидское вѣрованіе: что сатана—сынъ Бога Отца, притомъ старшій, а Христосъ—младшій. Здѣсь только имена взяты изъ Библіи, а самая сказка цѣликомъ заимствована изъ позднѣйшаго парсизма: Верховный богъ, Zŕvana Akarana (олицетвореніе безконечности), началъ созданіе міра съ того, что сотворилъ міроправителя Ормазда; но, когда онъ это дѣлалъ, нашло на него сомнѣніе; и такъ какъ каждый актъ божьей мысли былъ актомъ творчества, то сомнѣніе стало духомъ сомнѣнія, Ариманомъ,—который появился, такимъ образомъ, на свѣтъ раньше Ормазда. Но персидское сказаніе все-таки разумнѣе богомильскаго, потому что оно, по крайней мѣрѣ, самому Ариману не приписываетъ творческой дѣятельности: онъ только разрушаетъ. Болгарскіе и, вслѣдъ за ними, западные дуалисты считали сатану создателемъ видимаго міра и, не найдя ничего похожаго въ Библіи, ссылались на одно апокрифическое сказаніе. Іоаннъ Богословъ на Тайной Вечери разспрашивалъ будто бы Спасителя о началѣ міра и происхожденіи человѣка, а также о томъ, чѣмъ былъ прежде врагъ рода человѣческаго. На латинской рукописи этихъ „Вопросовъ Іоанна Богослова Господу" стоитъ надпись—для предохраненія читателей отъ еретической заразы: „Hoc est secretum haereticorum portatum de Bulgaria Nazario suo episcopo, plenum erroribus" [1]); подобнымъ образомъ и русскіе списыватели апокрифовъ предупреждали своихъ читателей: „То Іеремія, попъ болгарскій, солгалъ".

На первый вопросъ, чѣмъ былъ діаволъ до своего паденія, апокрифъ отвѣчаетъ любопытной космогонической сказкой, нѣкоторыя черты которой порешли и въ наше народное міросозерцаніе. Сатанаилъ будто бы былъ первымъ лицомъ на небѣ послѣ Бога и

---

[1]) „Это—тайное ученіе еретиковъ, принесенное изъ Болгаріи ихъ епископомъ Назаріемъ, исполненное заблужденій".

начальствовалъ надъ всѣми ангелами, стоявшими во главѣ отдѣльныхъ областей небеснаго царства. Онъ возгордился этимъ и сталъ думать: „поставлю престолъ мой надъ облаками и буду подобенъ Высочайшему“. Желая знать, будутъ ли его слушаться подчиненные ему ангелы, онъ обошелъ всѣ области міра; а міръ устроенъ такъ: на самомъ верху воздухъ, ниже—вода, еще ниже—земля (тогда она вся была покрыта водой); Сатана спустился подъ землю и нашелъ тамъ двухъ рыбъ, на которыхъ она держалась: рыбы лежали на водѣ, а вода на слоѣ облаковъ. Спустившись еще ниже, Сатана нашелъ огонь,—будущее свое жилище, геенну огненную, и дальше уже не пошелъ, потому что было очень жарко. Вездѣ ангелы, управлявшіе отдѣленіями міра или „небесами“,—наше видимое небо, твердь (firmamentum) въ ихъ число не входитъ,—вездѣ ему оказали повиновеніе. Это ободрило Сатанаила, и онъ сталъ склонять ангеловъ къ измѣнѣ, обѣщая раздѣлить съ ними царство. Онъ успѣлъ соблазнить ангеловъ трехъ небесъ и дошелъ уже до четвертаго, когда Богъ—„Отецъ Невидимый“ (Pater Invisibilis)—замѣтилъ коварство Сатаны и низвергъ его на землю: „и отнялъ у него сіяніе славы его, и стало лицо его, какъ раскаленное желѣзо, а образъ подобенъ человѣческому“; семью своими хвостами онъ увлекъ за собою третью часть всѣхъ ангеловъ. Здѣсь Сатана помѣстился на тверди, т.-е. видимомъ небѣ, и не было покоя ни ему, ни тѣмъ, кто былъ съ нимъ, и взмолился онъ къ Отцу, говоря: „согрѣшилъ, потерпи на мнѣ, все отдамъ тебѣ“ (слова изъ притчи о жестокомъ рабѣ, Матѳ., 18,23—35). Отецъ сжалился надъ нимъ и далъ ему возможность въ теченіе семи дней дѣлать спокойно все, что хочетъ. Тогда Сатана при помощи двухъ старшихъ изъ отпавшихъ ангеловъ создалъ солнце, луну, звѣзды и всѣхъ живыхъ тварей. Затѣмъ онъ сдѣлалъ двѣ глиняныхъ формы, по образу и подобію своему, т.-е. человѣческому, и велѣлъ ангелу перваго неба войти въ одну, ангелу второго неба въ другую. Горько плакали ангелы, видя, что Сатана обманулъ ихъ и заключилъ въ смертную форму, но должны были повиноваться; они образовали первую пару людей на землѣ, и весь родъ человѣчеслій отъ нихъ произошелъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ человѣкѣ есть искра небесная, происшедшая отъ заключенныхъ въ глиняную оболочку небесныхъ духовъ, потому что оба начала, плотское и духовное, не смѣшались между собою: отъ тѣла рождается тѣло, а отъ души—душа.

Эта легенда ограничиваетъ творчество Сатаны однимъ человѣ-

ческимъ тѣломъ (кромѣ небесныхъ свѣтилъ), матеріалъ для котораго онъ нашелъ уже готовымъ. Отъ Козьмы мы знаемъ, что богомилы приписывали злому духу созданіе всего видимаго міра. И въ другомъ отношеніи они отступали отъ приведеннаго сказанія: здѣсь говорится, что Сатана поставилъ свой престолъ на тверди небесной; богомилы, открытые царемъ Алексѣемъ Комниномъ въ началѣ XII вѣка, на вопросъ, гдѣ же находится „князь міра сего", отвѣчали, что прежде онъ жилъ въ Іерусалимѣ, но былъ изгнанъ оттуда І. Христомъ и въ настоящее время поселился въ Константинополѣ, въ храмѣ св. Софіи. Хотя еретики, говорившіе это, были греки по происхожденію, но такое мнѣніе вышло, конечно, не изъ греческой среды Здѣсь мы имѣемъ уже второй періодъ развитія богомильскаго движенія, когда оно перестало быть исключительно религіознымъ и приняло рѣзкій національный отпечатокъ.

Судьба богомильства.

Нужно имѣть очень мрачный взглядъ на жизнь, чтобы повѣрить, что міръ есть созданіе злой силы. Пресвитеръ Козьма рисуетъ современное ему положеніе Болгаріи очень темными красками. „Господь попусти скорбемъ приходити на рабы своя! Велики бѣды ратныя и всѣхъ настоящихъ золъ земли сей помысли каждо изъ насъ... Отъ дружины пакость всяка и насиліе отъ старѣйшинъ, денье *работы властель* земныхъ, *нищета* и строенье человѣческо (т. е. государственныя повинности)... Поистинѣ многа лесть и многа неправда прозябе на земли". Скоро все это разнообразное зло сосредоточилось около одного центра: притѣсненій и жестокостей византійскаго правительства, послѣ завоеванія Болгаріи, сначала Цимисхіемъ, потомъ Василіемъ II Болгаробойцей. Не говоря уже объ отдѣльныхъ случаяхъ, въ родѣ ослѣпленія тысячъ болгарскихъ плѣнныхъ Василіемъ II, вся война, по своему ходу и послѣдствіямъ, должна была усилить до крайней степени ненависть болгарскаго народа къ грекамъ, — ненависть, воспитанную десятками лѣтъ ожесточенной вражды при Симеонѣ [1]). Еще противъ царя Петра Симеоновича (927 — 968), женатаго на византійской принцессѣ и расположеннаго къ грекамъ, три раза поднималось возстаніе; въ третій разъ вождю возстанія Шишману удалось основать свое особое царство изъ Македоніи и сосѣднихъ округовъ (963 г.). Одинъ изъ сыновей этого Шишмама, Самуилъ, покровитель богомиловъ, царствовалъ надъ всей Болгаріей и стоялъ во главѣ сопротивленія Византіи. Въ это время въ Болгаріи уже

---

[1]) См. ст. „Симеонъ, царь болгарскій".

не безопасно было носить греческое платье, что доказала печальная судьба одного изъ сыновей царя Петра, воспитаннаго въ Константинополѣ. Сопротивленіе, наконецъ, было сломлено; Болгарія, разоренная и обезлюдѣвшая,—тысячи болгаръ были, по византійскому обычаю, переселены въ другія провинціи имперіи,—подчинилась греческому императору. Болгарская церковь сохранила свою независимость; но высшія церковныя должности замѣщались только греками. Между тѣмъ, какъ видно изъ многихъ мѣстъ поученія Козьмы, народъ еще во времена своей самостоятельности былъ нерасположенъ къ православному духовенству, — всего вѣроятнѣе, именно потому, что въ немъ преобладалъ греческій элементъ. Передать всю іерархію въ руки грековъ значило окончательно слить богомильское и національное движеніе. Между тѣмъ, „строенье человѣческое“, всякаго рода налоги и поборы, давали себя чувствовать болгарамъ во много разъ больше, чѣмъ при туземныхъ царяхъ. Уже одно то, что натуральныя повинности были замѣнены денежными, было крайне тяжело для населенія непромышленнаго, занимавшагося исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, притомъ же истощеннаго войной. По мѣрѣ развитія внѣшней политики Византіи въ XI—XII вѣкахъ требованія становились все больше и больше. Отвѣтомъ на эти вымогательства со стороны болгарскаго населенія были возстанія, и всякій разъ въ нихъ видную роль играли богомилы. Возстановленіе болгарскаго царства Асѣнями (въ 1186 г.) произошло также не безъ ихъ участія, и даже вполнѣ православный царь Іоаннъ (или Іоанникій, Іоанниша) Асѣнь, собиравшій во время своихъ походовъ мощи изъ всѣхъ греческихъ провинцій, даже онъ долженъ былъ покровительствовать богомиламъ: до того сильно было ихъ вліяніе на народныя массы. Это вліяніе стало роковымъ для Болгаріи: анархическая секта, не признававшая ни церкви, ни государства, могла руководить возстаніемъ, но тотчасъ же должна была сдѣлаться разлагающимъ элементомъ, какъ только возстаніе кончилось и нужно было установить прочный порядокъ. Болгарія никогда не могла подняться до прежняго политическаго могущества власти временъ царя Симеона (888—927). Религіозная распря ослабляла ее все болѣе и болѣе и была одною изъ главныхъ причинъ ея быстраго паденія въ эпоху борьбы съ османами.

Такимъ образомъ, полуторастолѣтнее господство Византіи было, въ сущности, самымъ благопріятнымъ временемъ для богомиловъ. Постоянно поддерживаемая у себя на родинѣ національнымъ бро-

женіемъ, ересь распространилась по всему Балканскому полуострову. Особенно процвѣтала она въ Босніи (гдѣ богомилы были извѣстны подъ итальянскимъ названіемъ Patareni). Здѣсь въ концѣ XIII вѣка самъ правитель страны, банъ Кулинъ, вассалъ венгерскаго короля, держалъ сторону еретиковъ. Извѣстія о боснійскихъ патаренахъ идутъ до половины XV вѣка, а окончательно они исчезли только въ наше время: немного ранѣе 1867 г. послѣднее богомильское семейство перешло въ магометанство. Черезъ Боснію еретическія ученія проникали въ Италію; оттого патарены обращали на себя большое вниманіе папъ, въ томъ числѣ Иннокентія III. Но для западной Европы гораздо важнѣе было другое теченіе, которое шло, повидимому, черезъ Константинополь. Въ столицѣ имперіи ересь была обнаружена императоромъ Алексѣемъ Комниномъ въ 1111 году. Распространялъ ее здѣсь нѣкто Василій, монахъ и врачъ, со своими двѣнадцатью учениками, которыхъ онъ называлъ апостолами. Чтобы уличить его, Алексѣй прибѣгнулъ къ хитрости, совсѣмъ недостойной главы государства. Именно, онъ притворился, что хочетъ самъ присоединиться къ сектѣ, и пригласилъ къ себѣ Василія. Тотъ сначала держалъ себя уклончиво, но подъ конецъ, успокоенный кажущейся искренностью императора и его брата Исаака, подкупленный ихъ лестью, — они называли его достопочтеннымъ отцомъ, просили научить ихъ добродѣтели и т. п., — Василій поддался и подробно изложилъ свое ученіе. Писецъ, помѣщенный такъ, что его не могъ видѣть гость, все это записалъ. Тогда императоръ сбросилъ маску; по его знаку былъ открытъ занавѣсъ въ сосѣднюю залу, гдѣ тѣмъ временемъ собрались всѣ высшіе духовные и свѣтскіе сановники Византіи. Передъ ними Алексѣй тутъ же, на мѣстѣ, обличилъ еретика, который не могъ отрицать своей вины, ибо всѣ рѣчи его были записаны. Онъ былъ приговоренъ къ смерти и сожженъ, его ученики, разысканные по нѣкоторымъ, неосторожно вырвавшимся у него указаніямъ, были заключены въ темницу и тамъ, по бо́льшей части, умерли. При слѣдствіи обнаружилось, что сторонники ереси были и среди высшаго византійскаго общества. Какъ и нужно было предполагать, насильственныя мѣры ни къ чему не привели: секта продолжала держаться въ столицѣ, и въ XII вѣкѣ здѣсь проживалъ глава всѣхъ европейскихъ катаровъ, нѣкій Никита, въ 1167 г. пріѣзжавшій во Францію.

Переходъ ереси на Западъ.

Во время крестовыхъ походовъ множество западныхъ европейцевъ прошло черезъ Константинополь на востокъ и обратно; въ

городѣ постоянно проживало немало „франкскихъ“ купцовъ, а на службѣ греческихъ императоровъ находилось много наемниковъ изъ западной Европы. Эти люди, наживъ себѣ состояніе въ Византіи, возвращались къ себѣ на родину, неся, вѣроятно, не однѣ деньги, но и новые мнѣнія и взгляды, пріобрѣтенные на востокѣ. Только этимъ способомъ передачи и можно объяснить, почему ересь не подвигалась постепенно съ востока на западъ, а сразу появилась въ центральной Европѣ, притомъ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ: во Фландріи, въ Реймсѣ, въ Кельнѣ, въ Лангедокѣ. Въ самомъ ученіи западныхъ дуалистовъ есть нѣкоторыя черты, которыя показываютъ, что на пути изъ своей первоначальной родины оно прошло чрезъ болѣе просвѣщенную среду, чѣмъ болгарское общество X в. Основной догматъ секты, двоебожіе, на Западѣ чище, чѣмъ у богомиловъ. Западные „катары“ признавали два вѣчныхъ, независимыхъ другъ отъ друга начала добра и зла, были, стало быть, сторонниками *абсолютнаго дуализма*. Замѣчательно, что въ Италіи преобладало болгарское ученіе: очевидно, сюда ересь зашла непосредственно съ Балканскаго полуострова, черезъ Далмацію, а въ центральную Европу какимъ-нибудь другимъ путемъ. Вообще, въ западномъ ученіи логика преобладаетъ надъ фантазіей и сказочнаго элемента меньше: очень вѣроятно, что тутъ на богомильскую догматику повліяла философія, въ то время довольно высоко стоявшая въ Византіи,—особенно много тамъ занимались логикой. На соборѣ St. Félix de Caraman (въ южной Франціи, близъ Тулузы) много разъ упомянутый „папа“ Никита отстаивалъ абсолютный дуализмъ, который ему казался истиннымъ преданіемъ дуалистической церкви; но онъ долженъ былъ согласиться, что этого ученія не знаютъ въ Болгаріи; слѣдовательно, „истинное преданіе“ было константинопольской особенностью.

На той дорогѣ, по которой ересь шла изъ Константинополя, она не могла встрѣтить сильнаго сопротивленія. Дорога вела черезъ торговые города сѣверной Италіи и южной Франціи, — обѣ мѣстности скоро были наводнены еретиками. Благодаря развитію торговли и промышленности, здѣсь на первое мѣсто выдвинулись свѣтскіе, хозяйственно-политическіе интересы; эти интересы заставляли иногда города становиться на сторону папы, напримѣръ, во время борьбы папъ съ Гогенштауфенами: но въ общемъ, они должны были охлаждать религіозное усердіе; громадная для средневѣковаго человѣка пропасть между правовѣрнымъ и еретикомъ понемногу сглаживалась: состояніе, принадлежность къ извѣстной

партіи, политическія способности больше принимались въ расчетъ, чѣмъ религіозныя убѣжденія. Отсюда замѣчательное равнодушіе городскихъ капитуловъ къ еретикамъ: французскіе сектанты смотрѣли на ломбардскіе города, какъ на вѣрное убѣжище, куда всегда можно переселиться въ случаѣ нужды, и послѣ введенія доминиканской инквизиціи въ Лангедокѣ, массы катаровъ нашли спасеніе въ сѣверной Италіи. Но и въ Южной Франціи преслѣдованіе велось не туземными властями, а пришедшими съ сѣвера Франціи крестоносцами: среди мѣстной знати свѣтское направленіе было едва ли не сильнѣе, чѣмъ среди ломбардскихъ купцовъ. Провансальская культура выросла на развалинахъ античной цивилизаціи, и уже поэтому не заключала въ себѣ ничего церковнаго. Насмѣшки надъ ревностными католиками, путешествовавшими на богомолье въ Римъ, надъ romipètes, были любимой темой сатирической поэзіи трубадуровъ. Постоянныя столкновенія съ церковью изъ-за феодальныхъ правъ,—неизбѣжное слѣдствіе церковнаго землевладѣнія,—поддерживали такое настроеніе: обвиненія бароновъ въ захватѣ церковныхъ земель почти неизмѣнно сопровождаются обвиненіемъ въ покровительствѣ еретикамъ.

Города и замки были очагами сектантскаго движенія: большое участіе, какое принимали въ немъ ремесленники, засвидѣтельствовано однимъ изъ французскихъ названій секты (tisserands или téxerands—ткачи); рыцарскіе замки играютъ въ его исторіи самую видную роль: Монвимеръ (въ Шампани), Монтефорте (близъ Турина), Монсегюръ (въ Лангедокѣ). Отсюда ересь распространилась среди окрестнаго сельскаго населенія, гдѣ и держалась всего упорнѣе: глухія горныя деревушки южной Франціи, хижины лѣсныхъ сторожей и пастуховъ, уединенныя формы, были послѣдними прибѣжищами сектантовъ, когда и города и замки уже уступили римской церкви.

Благопріятныя условія для распространенія ереси.

Главная причина быстраго успѣха ереси была въ то же время и самой слабой ея стороной: катары, мѣтко и безпощадно критикуя дѣйствительное состояніе церкви, не только не оспаривали міровоззрѣнія, на которомъ церковь держалась, но проводили его еще послѣдовательнѣе самого католицизма. Изъ того, что міръ созданъ злымъ духомъ, вытекало такое полное отрицаніе всего мірского, до котораго далеко было католическимъ монахамъ. Церковные проповѣдники говорили, что міръ лежитъ во злѣ,—и народъ видѣлъ всюду подтвержденіе этого. Общественный строй средневѣковой Европы страшной тяжестью ложился на низшіе классы. По-

стоянныя войны мелкихъ феодальныхъ владѣльцевъ дороже всего обходились ихъ вилланамъ, которые покрывали всѣ издержки этихъ войнъ и въ заключеніе бывали ограблены или той, или другой стороной. Страшная грязь и нечистота, всегдашнее послѣдствіе бѣдности населенія, были источникомъ всевозможныхъ заразныхъ болѣзней. Эпидемія всегда производитъ сильное впечатлѣніе на умы, даже въ наши дни, когда извѣстны болѣе или менѣе ея причины и знаютъ, какъ отъ нея себя предохранить: 800 лѣтъ назадъ причины были совершенно таинственны, опустошенія въ десять разъ громаднѣе, и паника, повальный страхъ, стало быть, несравненно сильнѣе. Вдобавокъ, преобладаніе земледѣльческой культуры и слабое развитіе путей сообщенія между отдѣльными странами ставили жизнь и смерть сотенъ тысячъ людей въ зависимость отъ урожая, т.-е. отъ погоды, отъ такихъ случайностей, которыя и въ наше время довольно таинственны. Словомъ, зла было въ жизни столько, что средневѣковый человѣкъ былъ склоненъ вѣрить, когда ему говорили, что дьяволъ принимаетъ большое участіе въ дѣлахъ этого міра. Это убѣжденіе пережило даже средніе вѣка: вѣра въ колдовство и преслѣдованіе людей, „знающихся съ нечистой силой“, были бичомъ еще реформаціонной эпохи (XVI—XVII вв.). Почва для дуализма была готова; если прибавить къ этому ту необыкновенную ловкость и беззастѣнчивость, съ какими еретики приспособляли къ своимъ мнѣніямъ тексты Писанія, мало знакомаго средневѣковому католику, то мы поймемъ, что ученіе катаровъ должно было легко найти доступъ въ умы населенія, особенно тамъ, гдѣ правительственная власть этому не мѣшала. Труднѣе было завоевать нравственное вліяніе: здѣсь требовался аскетизмъ еще болѣе строгій, чѣмъ въ господствующей церкви. Еретическіе проповѣдники сумѣли удовлетворить этому требованію: они были, въ самомъ дѣлѣ, образцомъ „чистой“ жизни, по понятіямъ среднихъ вѣковъ. Но для этого имъ пришлось дать такое устройство своей сектѣ, которое чрезвычайно затруднило ея развитіе и въ концѣ концовъ отдало ее на жертву католической церкви.

Совершенные и вѣрующіе.

Мы уже видѣли, что богомилы (а еще болѣе патарены въ Босніи) допускали „прельщаемыхъ ими людей“ работать, т.-е. входить въ общеніе съ грѣшнымъ міромъ, чтобы дать возможность вести вполнѣ созерцательную жизнь немногимъ избраннымъ. Эта система была доведена до полнаго совершенства западными дуалистами. Требуя отъ „истинныхъ христіанъ“ высокаго личнаго со-

вершенства, катары ограничили ихъ число небольшимъ кружкомъ лицъ, которыми и держалась вся секта. Они такъ и назывались „совершенными“ (perfecti) и одни они дѣйствовали, спасали души: подъ ними стояла пассивная масса просто „вѣрующихъ“ (credentes), которые могли спастись, только получивъ отъ совершенныхъ *„утѣшеніе“*, *consolamentum*, послѣ чего они сами становились „совершенными“. Казалось бы, судя по строгимъ нравственнымъ требованіямъ, какія предъявлялись къ „совершенному“ катару, „утѣшеніе“ должно было быть наградой чрезвычайно добродѣтельной жизни или очень глубокой вѣры: на дѣлѣ не требовалось ни того, ни другого. Въ вопросѣ о consolamentum со всей ясностью выступаетъ крайняя узкость дуалистической точки зрѣнія, принижавшей земную, тѣлесную сторону человѣка безъ всякой выгоды для его нравственной стороны. Катары безусловно отрицали свободу воли, а слѣдовательно и покаяніе. „Въ нашей вѣрѣ всякій можетъ спастись“, говорили они. Для этого нужно было не сокрушеніе о своихъ прежнихъ грѣхахъ, а чисто механическое дѣйствіе, которому сами катары не придавали никакого нравственнаго значенія. Всѣ наши грѣхи—неизбѣжныя послѣдствія одного, первороднаго грѣха, который, въ сущности, сводился къ тому, что ангелы допустили сатану при помощи хитрости увлечь на землю ихъ души; но всякій ангелъ состоялъ изъ двухъ частей: духа (πνεῦμα гностиковъ) и собственно *души* (ψυχή гностиковъ); первый принадлежитъ къ высшему міровому порядку, поэтому совершенъ и недоступенъ грѣху: онъ остался на небѣ, оплакивая паденіе своей души; одна лишь послѣдняя пала и соединилась съ земнымъ тѣломъ. Когда человѣкъ вступалъ въ число „совершенныхъ“, его духъ, оставшійся на небѣ, опять соединялся съ душой, а когда послѣдняя освобождалась отъ узъ тѣла, духъ увлекалъ ее съ собою на небо. Выходило, слѣдовательно, что люди, не получившіе „утѣшенія“, не были виноваты въ своихъ грѣхахъ, а получивъ его, становились безгрѣшными. Никакой внутренней перемѣны при этомъ не требовалось: чтобы сдѣлать человѣка безгрѣшнымъ, нужно было одно условіе,—участіе тоже безгрѣшнаго лица, т.-е. „совершеннаго“, который одинъ могъ помочь душѣ соединиться съ духомъ. Спасеніе души обусловливалось не нравственными достоинствами человѣка, а просто внѣшнимъ, случайнымъ обстоятельствомъ,—присутствіемъ или отсутствіемъ при умирающемъ „утѣшеннаго“ катара. Когда графъ Раймундъ VI тулузскій, тяжко заболѣлъ въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ не было „совершен-

ныхъ“, онъ приказалъ немедленно отвезти себя въ Тулузу, хотя въ его положеніи это было очень опасно. Кто-то спросилъ его, для чего онъ такъ рискуетъ своей жизнью: „я рисковалъ бы потерять жизнь вѣчную“, отвѣтилъ графъ, „если бы умеръ безъ „утѣшенія“. Въ самомъ дѣлѣ, для человѣка, не подвергшагося этому обряду, оставалась одна надежда—получить впослѣдствіи consolamentum въ другомъ тѣлѣ, куда перейдетъ его душа: прожитая имъ жизнь была для него потеряна.

Послѣдствія „утѣшенія“.

Повидимому, у вѣрующихъ было простое средство предохранить себя отъ такого несчастія—принять „утѣшеніе“ заблаговременно, не дожидаясь предсмертной болѣзни. Самый обрядъ былъ крайне несложенъ и не могъ представить никакихъ затрудненій. Сущность его сводилась къ тому, что посвящаемому клали на голову евангеліе отъ Іоанна,—особенно чтимаго еретиками апостола,—и читали первую главу: „Въ началѣ бѣ Слово“; затѣмъ совершающій обрядъ perfectus давалъ новому собрату „поцѣлуй мира“. Посвящаемый при этомъ давалъ обѣтъ не ѣсть никакой животной пищи, кромѣ рыбы, не лгать и не клясться, не убивать никакого живого существа, не позволять себѣ чувственныхъ удовольствій, не идти одному, если онъ можетъ имѣть спутника его вѣры, не ѣсть неосвященной пищи,—для этого „совершенные“ и ходили всегда вдвоемъ, при чемъ одинъ освящалъ пищу другого. Но главное, ни въ какомъ случаѣ не отрекаться отъ своей вѣры, „изъ страха воды, огня или какого другого вида смерти“. Только послѣдняя часть обѣта могла представить значительное затрудненіе, но при одушевленіи, господствовавшемъ среди сектантовъ, нашлось бы много охотниковъ принять на себя подобное обязательство. Между тѣмъ, тогда какъ монаховъ были десятки тысячъ, въ эпоху наибольшаго развитія ереси, въ XIII вѣкѣ, во всей Европѣ „совершенныхъ“ насчитывали не болѣе 4.000 человѣкъ. Объясняется это не недостаткомъ охотниковъ, а тѣмъ, что consolamentum давалось крайне скупо и почти исключительно умирающимъ, при послѣднемъ издыханіи. Это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того взгляда на таинство,—consolamentum, собственно, замѣняло христіанское крещеніе,—который объясненъ выше. Человѣкъ, соединившійся съ своимъ духомъ, не могъ грѣшить; если онъ нарушалъ хотя въ чемъ-нибудь свой обѣтъ, это служило доказательствомъ, что духа въ немъ нѣтъ: а такъ какъ соединеніе души съ духомъ обусловливалось не качествами получающаго, а „совершенствомъ“ дающаго consolamentum, слѣдовательно, дающій утѣ-

шеніе былъ несовершенъ. Ничтожный проступокъ „утѣшеннаго“ разрушалъ всю репутацію давшаго ему утѣшеніе, лишалъ значенія всѣ совершенныя послѣднимъ consolamenta, осуждалъ на странствованіе по другимъ тѣламъ души тѣхъ, кого онъ утѣшитъ на смертномъ одрѣ, а другихъ заставлялъ вновь искать „утѣшителя“. Поэтому только люди испытанной твердости характера и притомъ нужные для секты по своимъ дарованіямъ или высокому общественному положенію допускались къ consolamentum при обыкновенныхъ условіяхъ; простымъ людямъ оно давалось лишь на смертномъ одрѣ, при чемъ, во избѣжаніе будущихъ затрудненій, еретическіе проповѣдники поощряли обычай, напоминающій мрачную практику нѣкоторыхъ русскихъ сектантовъ. Обычай этотъ назывался *endura*. Такъ какъ больной могъ выздоровѣть, потомъ нагрѣшить и скомпрометтировать своего „утѣшителя“, то устроивали такъ, что онъ не выздоравливалъ, и для этого не давали ему ѣсть. Случалось, что и здоровые, изъ религіознаго усердія, налагали на себя *enduram* и умирали голодною смертью; особенно часто были такіе случаи въ тюрьмахъ инквизиціи, гдѣ нельзя было достать освященной пищи. Здѣсь очень отчетливо выразился характерный для катаровъ взглядъ на грѣхъ: нравственная сторона отступала на второй планъ, на первомъ—было нарушеніе формальнаго предписанія. Иначе и быть не могло, конечно, при отрицаніи свободы воли: для людей, признающихъ нравственную отвѣтственность, есть огромное различіе между убійствомъ и простымъ несоблюденіемъ обрядности, но для катаровъ оно было несущественно; всякое нарушеніе закона свидѣтельствовало, что consolamentum не удалось, что духъ не соединился съ душой, и что необходимо новое „утѣшеніе“, иначе—спасенія нѣтъ. Для секты строгое проведеніе этого основного принципа было выгодно въ томъ отношеніи, что помогало поддерживать ту желѣзную дисциплину среди адептовъ, которая впослѣдствіи изумляла самихъ инквизиторовъ. Отказаться отъ исповѣданія своей вѣры, солгать для спасенія своей земной жизни, т.-е. нарушить послѣдній пунктъ обѣта, который давалъ посвящаемый, было невозможно: это значило навѣки погубить свою душу, и никакое раскаяніе не спасло бы ея; прежнее consolamentum утратило бы свою силу, а новаго катары такому отступнику никогда не дали бы. Оттого только немногіе „совершенные“, искренно увѣровавшіе въ превосходство католичества, отказывались отъ своей религіи. Западные катары въ этомъ случаѣ выгодно отличаются отъ своихъ восточныхъ единомышлен-

никовъ, которые не отказывались и солгать, чтобы избѣжать преслѣдованія. Во время перваго крестоваго похода противъ лангедокскихъ еретиковъ былъ такой случай. При взятіи одного замка папскій легатъ обѣщалъ пощадить жизнь тѣмъ изъ катаровъ, которые согласятся отречься отъ своей ереси. Одинъ изъ вождей крестоноснаго ополченія былъ очень этимъ недоволенъ. „Что же это такое, — говорилъ онъ, — мы пришли сюда истреблять еретиковъ, а ихъ отпускаютъ на волю“.—„Не безпокойся, — отвѣтилъ ему легатъ, — могу увѣрить тебя, что никто не отречется“. Дѣйствительно, изъ сотни слишкомъ „совершенныхъ“, находившихся въ замкѣ, ни одинъ не согласился перейти въ католичество, и всѣ были сожжены.

Громадная была власть, которую „утѣшеніе“ давало „совершеннымъ“ надъ „вѣрующими“. Только perfectus могъ спасти душу „вѣрующаго“; обыкновенно сектанты, не желавшіе подвергаться всѣмъ тяжелымъ обрядностямъ, опутывавшимъ жизнь „совершеннаго“, заключали съ руководителями общины особаго рода условіе (*la convenenza*): имъ разрѣшалось жить, какъ они хотятъ, не стѣсняясь никакими особыми нравственными требованіями, передъ смертью же имъ давалось consolamentum, которое спасало всякаго, какъ бы грѣшенъ онъ ни былъ. Очевидно, что „вѣрующій“, заключившій такое условіе, былъ душою и тѣломъ въ рукахъ „совершенныхъ“, которые могли лишить его царства небеснаго, можетъ быть, навсегда. Отсюда необыкновенное почтеніе „вѣрующихъ“ къ посвященнымъ катарамъ: при встрѣчѣ съ ними обязательно было стать на колѣни и три раза произнести „benedicite“; не исполнившіе этого обряда подвергались суровому наказанію. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что почтеніе относилось не къ личности катара, а къ духу, обитавшему въ немъ.

Ученіе о consolamentum со всѣми его послѣдствіями неразрывно связывало существованіе секты въ какой-либо мѣстности съ присутствіемъ въ этой мѣстности „совершенныхъ“, которые одни могли исполнять главный обрядъ; здѣсь была слабая сторона всей организаціи, и въ эту сторону направила свои удары католическая церковь. Борьба съ ересью свелась въ концѣ концовъ къ истребленію „совершенныхъ“; съ исчезновеніемъ ихъ исчезла и секта; некому было совершать consolamentum, и „вѣрующимъ“ не оставалось никакого выхода, кромѣ присоединенія къ католической церкви. Спасти душу собственными усиліями они все равно не могли, и принадлежать къ сектѣ для нихъ больше не имѣло смы-

сла. Теорія катаровъ, что дѣйствительность таинства зависитъ отъ личныхъ свойствъ совершающаго его, дала имъ вначалѣ могущественное орудіе противъ католической церкви; изъ негодности ея представителей они вывели заключеніе, что вся ея дѣятельность не имѣетъ смысла и что, стало быть, нельзя считать ее продолженіемъ истинной, апостольской церкви. Катары съ гордостью могли сказать, что ихъ вожди не таковы, какъ римскіе прелаты, но зато имъ трудно было поддерживать непрерывность своей іерархіи. „Совершенные“ настолько выдѣлялись своими безчисленными обрядностями, цѣль которыхъ была предохранить ихъ отъ оскверненія, что инквизиціи не трудно было ихъ открыть при сколько-нибудь внимательномъ надзорѣ. Съ постепеннымъ ростомъ преслѣдованія, „совершенныхъ“ становится все меньше и меньше. Въ 1250 году ихъ было еще 4.000 чел. [1]), пятьдесятъ лѣтъ спустя, въ южной Франціи они были уже рѣдкостью. Къ половинѣ XIV вѣка относятся послѣдніе процессы противъ нихъ въ Лангедокѣ, и въ то же время прекращаются всѣ извѣстія объ ереси.

Альбигойство.

Нужно, однако, сказать въ защиту католической церкви, что она не сразу пришла къ такому варварскому средству подавленія ереси, и что оно все же было менѣе жестоко, чѣмъ нѣкоторыя другія средства, допускавшіяся нравами той эпохи. Постепенную смѣну этихъ средствъ хорошо можно видѣть на одномъ изъ эпизодовъ борьбы церкви съ ересями, охватившими Европу, на исторіи такъ называемой „*альбигойской*“ ереси. Альби, одинъ изъ городовъ Лангедока, былъ почти сплошь заселенъ катарами; здѣсь жилъ ихъ епископъ, стоявшій во главѣ одной изъ епархій, на которыя распадалась еретическая церковь южной Франціи; центрами трехъ другихъ были Тулуза, Каркассонна и Val d'Aran. Епархіи имѣли совершенно правильное и очень своеобразное устройство. Епископу помогали два его „сына“,—„старшій“ и „младшій“,—которые жили во второстепенныхъ городахъ епархіи. Хозяйственными дѣлами церкви управляли діаконы и діакониссы: по примѣру древне-христіанской церкви, эта должность у катаровъ была доступна лицамъ обоего пола. Отсутствіе діакониссъ у католиковъ служило въ глазахъ еретиковъ однимъ изъ признаковъ того, что католическая церковь происходитъ не отъ апостольской. Сектанты дѣйствовали въ Лангедокѣ совершенно открыто: произносили публичныя проповѣди, имѣли особыя кладбища (постройка церквей противорѣчила ихъ воззрѣніямъ), держали даже одинъ разъ нѣчто въ родѣ все-

[1]) Въ томъ числѣ сотни въ Лангедокѣ.

ленскаго собора (въ 1167 г. въ S. Felix de Caraman), гдѣ присутствовалъ ихъ константинопольскій глава. Мѣстное католическое духовенство, невѣжественное, опутанное мірскими заботами, находившееся по большей части во враждебныхъ отношеніяхъ къ мѣстному дворянству, не могло соперничать съ еретиками. По его просьбѣ папа отправилъ туда своего легата, который пригласилъ съ собою самаго знаменитаго проповѣдника и одного изъ самыхъ популярныхъ людей того времени (это было въ 1145 году)—Бернарда Клервальскаго. Бернардъ произнесъ нѣсколько одушевленныхъ проповѣдей, которыя, по словамъ его біографа, произвели большое впечатлѣніе на слушателей, и даже будто бы совершилъ нѣсколько чудесъ. Но, несмотря на все это, еретики обнаружили „упорство и закоснѣлость"; св. Бернардъ не смутился этимъ, явился въ ихъ главное гнѣздо, мѣстечко Verfeuil, близъ Тулузы, и началъ здѣсь обличать ересь. Послушать знаменитаго проповѣдника въ церковь собралось много народа, въ томъ числѣ всѣ окрестные бароны съ ихъ семьями. Но какъ только они услыхали, о чемъ идетъ рѣчь, тотчасъ одинъ за другимъ стали уходить изъ церкви, а за ними сталъ выходить и простой народъ, оставивъ проповѣдника одного. Бернардъ послѣдовалъ за ними на улицу, продолжая свои обличенія; но тутъ еретики подняли такой шумъ, что нельзя было разслышать ни одного слова; клервальскому аббату ничего больше не осталось дѣлать, какъ проклясть нечестивцевъ и отрясти прахъ отъ ногъ своихъ. Повидимому, его проповѣдь не оставила въ Лангедокѣ никакого слѣда, и черезъ 20 лѣтъ католическая церковь подверглась еще бо́льшему униженію. Въ 1165 г. католическіе епископы страны должны были, по настоянію мѣстной знати, согласиться на публичное собесѣдованіе съ еретиками, т.-е. какъ бы признать ихъ воюющей стороной. Сначала они хотѣли сохранить нѣкоторое достоинство и произвести нѣчто въ родѣ допроса, но катары требовали диспута, и епископы должны были подчиниться. Выбрана была комиссія судей, поровну изъ правовѣрныхъ и еретиковъ, что было новымъ униженіемъ. Катары очень хорошо понимали, что сочувствіе свѣтскихъ зрителей на ихъ сторонѣ, и широко воспользовались выгодами своего положенія. Они объявили между прочимъ, что прелаты, не соотвѣтствующіе идеалу епископа, начертанному апостоломъ Павломъ (1 Тимоѳ., гл. III), — очень прозрачный намекъ на ихъ оппонентовъ, — суть волки, расхитители стада Христова, соблазнители „малыхъ сихъ", лицемѣры, ищутъ только мірскихъ почестей, привѣтствій на ули-

цахъ и первыхъ мѣстъ на праздникахъ сильныхъ міра сего, носятъ дорогія одежды и золотые перстни съ драгоцѣнными каменьями,—словомъ, поступаютъ совершенно противно тому, чему училъ Христосъ. Католики не нашлись ничего возразить на это, и только торжественно провозглашали своихъ противниковъ еретиками, что, впрочемъ, не имѣло никакихъ послѣдствій, и „совершенные", участвовавшіе въ диспутѣ, безпрепятственно ушли домой, сопровождаемые ликующей толпой своихъ сторонниковъ. Полнаго торжества достигли катары, когда тулузское графство перешло къ Раймунду VI (1194 г.), который самъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ къ ихъ сектѣ, хотя гласно всегда отрицалъ это. Говорили, что однажды, когда онъ ожидалъ нѣсколькихъ лицъ, а тѣ долго не приходили, онъ воскликнулъ: „вотъ и видно, что этотъ міръ сотворенъ злымъ духомъ: никогда въ немъ ничего не случится во̀-время". Другой разъ, играя съ своимъ капелланомъ въ шахматы, графъ спросилъ его: „не думаете ли вы, что Богъ Моисея, въ котораго вы вѣруете, поможетъ вамъ въ этой игрѣ? Я не желалъ бы получить помощь отъ этого Бога". Но это, конечно, шутки; гораздо больше значенія имѣетъ случай, разсказанный нами выше, когда Раймундъ совершилъ очень трудное, при состояніи его здоровья, путешествіе, чтобы не умереть безъ consolamentum. „Я знаю, — сказалъ онъ однажды, — что я когда-нибудь потеряю мою землю изъ-за этихъ „добрыхъ людей" (le bons hommes, т.-е. катаровъ). Ну что же! потерю моей земли, даже моей головы,— я все готовъ за нихъ перенести".

Слова Раймунда оказались пророческими: скоро надъ его головой разразилась гроза, которая заставила его покинуть свою землю и вести жизнь изгнанника. Въ его владѣніяхъ дѣла приняли такой оборотъ, что нельзя было сказать, какая церковь господствуетъ, католическая или катарская. Такое положеніе самаго крупнаго государства южной Франціи не могло не встревожить Рима; какъ разъ въ это время (1198 г.) папскій престолъ занялъ Иннокентій III; для католическаго принципа нельзя было найти лучшаго олицетворенія: въ первый разъ послѣ Григорія VII идея папскаго всемогущества, казалось, готова была перейти въ дѣйствительность; ересь должна была побѣдить церковь или исчезнуть: компромисса съ Иннокентіемъ быть не могло.

Борьба католиковъ противъ ереси.

Въ первое время политика новаго первосвященника была продолженіемъ прежняго: опять появились въ Лангедокѣ монахи-проповѣдники, и попрежнему не имѣли успѣха. „Но уже самый вы-

боръ монашескаго ордена былъ угрозой", говоритъ одинъ новѣйшій историкъ [1]): порученіе было возложено на цистерціанцевъ, обычныхъ проповѣдниковъ крестоваго похода. И обязанности этихъ монаховъ не ограничивались проповѣдью: съ помощью мѣстныхъ епископовъ они должны были отыскивать еретиковъ, отлучать ихъ отъ церкви и „употреблять противъ нихъ самыя суровыя мѣры, если они не покинутъ страны послѣ отлученія". На епископовъ обязанность эта была возложена еще раньше Веронскимъ соборомъ 1184 г., но они мало внушали довѣрія папской власти. Въ 1203 г. явились въ Лангедокѣ легаты Иннокентія III, Петръ Кастельно и немного спустя Арнольдъ Амальрикъ (Arnaud Amori), аббатъ цистерціанскаго ордена; они начали съ того, что отрѣшили епископовъ, особенно вредныхъ для католической церкви по своей бездѣятельности или порочной жизни. Затѣмъ они принялись за прежнія средства, проповѣди и отлученія, но ничего не могли добиться, потому что свѣтская власть, хотя и не открыто, была на сторонѣ ихъ противниковъ. Раймундъ не мѣшалъ легатамъ дѣлать свое дѣло, но и не помогалъ имъ; гласно обѣщалъ ловить и преслѣдовать еретиковъ, но не могъ будто бы найти ни одного,—въ странѣ, гдѣ ихъ были сотни тысячъ. Католическіе проповѣдники стали, наконецъ, подражать своимъ врагамъ: подобно „совершеннымъ", босые и въ бѣдномъ платьѣ, безъ всякой свиты, ходили они изъ города въ городъ, обличая еретиковъ и распространяя истинную вѣру; среди нихъ особенно отличались испанцы Діэго д'Азебезъ, епископъ Осмы, которому первому пришла эта мысль, и особенно его помощникъ Доминикъ, впослѣдствіи знаменитый основатель ордена доминиканцевъ. Результатъ былъ тотъ, что надъ ними перестали смѣяться, но обращались въ католичество все-таки очень немногіе. Легаты приходили въ отчаяніе; это пассивное сопротивленіе до того раздражало ихъ, что они лучше предпочли бы открытую борьбу, которая могла бы доставить имъ мученическій вѣнецъ. Петръ Кастельно не разъ выражалъ это: „Я знаю,—говорилъ онъ,—что дѣло Христа не преуспѣетъ въ этой странѣ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ насъ не пострадаетъ за вѣру. Дай Богъ, чтобъ я былъ первой жертвой!" Не трудно понять, какими глазами люди подобнаго закала смотрѣли на вялое равнодушіе лангедокскихъ католиковъ. Все ихъ раздраженіе сосредоточивалось на одной личности, на тулузскомъ графѣ, упорно не желав-

---

[1]) H. Martin.

шемъ исполнить обязанности католическаго государя. Наконецъ, Петръ Кастельно вышелъ изъ терпѣнія и отлучилъ его отъ церкви. Раймундъ далъ тогда клятву не оставить ни единаго еретика въ своихъ владѣніяхъ, но, разумѣется, не могъ ея исполнить, ибо въ такомъ случаѣ онъ остался бы безъ подданныхъ. Фанатическому легату не было до этого дѣла: при первой же встрѣчѣ онъ осыпалъ Раймунда жестокими укоризнами и вновь отлучилъ его; графъ не сдержался, и съ его языка сорвалось нѣсколько неосторожныхъ угрозъ. Къ его несчастію, одинъ изъ его приближенныхъ понялъ ихъ слишкомъ буквально: повторилась исторія Ѳомы Бекета. На другое утро Петръ Кастельно былъ убитъ (15 января 1208 г.); эта катастрофа рѣшила судьбу Лангедока.

Крестовый походъ противъ альбигойцевъ.

Иннокентій III давно уже былъ раздраженъ поведеніемъ южнофранцузскихъ сеньёровъ; легаты, чтобы оправдать свою неудачу, не жалѣли черныхъ красокъ въ своихъ донесеніяхъ. Мысль о крестовомъ походѣ противъ ослушниковъ церкви не разъ уже приходила ему въ голову, но онъ не рѣшался первый употребить насиліе. Убійство его легата разрѣшило его сомнѣніе: еретики сами подняли мечъ и должны были отъ меча погибнуть. 10 марта того же 1208 года появилось необыкновенное воззваніе, своимъ бурнымъ тономъ ясно свидѣтельствовавшее, до чего былъ раздраженъ римскій первосвященникъ. „Нельзя быть вѣрнымъ тому, кто не вѣренъ Богу“, писалъ папа. „Объявляемъ посему свободными отъ своихъ обязательствъ всѣхъ, кто связанъ съ графомъ тулузскимъ феодальною присягою, узами родства, союза или какими другими, и разрѣшаемъ всякому католику, не нарушая правъ сюзерена (французскаго короля), преслѣдовать личность сказаннаго графа, занимать его земли и владѣть ими.—Возстаньте, воины Христовы! Истребляйте нечестіе всѣми средствами, которыя откроетъ вамъ Богъ! Далеко простирайте ваши руки и бейтесь бодро съ распространителями ереси; поступайте съ ними хуже, чѣмъ съ сарацинами, потому что они сами хуже ихъ. Что касается графа Раймунда... выгоните его и его сторонниковъ изъ ихъ замковъ, отнимите у нихъ земли для того, чтобы правовѣрные католики могли занять владѣнія еретиковъ“. Всѣмъ участникамъ этого благочестиваго похода было обѣщано отпущеніе грѣховъ; а чтобы подѣйствовать на нихъ всѣми средствами, мірскими и духовными, они получили разрѣшенія не платить процентовъ по долгамъ во все время похода. И до того велико было въ то время вліяніе церкви, что ни одинъ человѣкъ не усомнился въ справедливости этого манифеста, которымъ цер-

ковная власть упраздняла основные политическіе и гражданскіе законы, право собственности и феодальную вѣрность, и изъ Рима ограничивала права совсѣмъ не подвластныхъ Риму въ политическомъ отношеніи французскихъ заимодавцевъ. Тысячи рыцарей вооружились въ защиту истинной вѣры: всякому было пріятно заслужить вѣчное спасеніе тутъ же, у себя дома, не ходя за море,—не менѣе пріятна была возможность не платить долговъ. Еще больше было всякаго сброда, крестьянъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, ремесленниковъ безъ работы и просто разбойниковъ, надѣявшихся поживиться въ богатыхъ провинціяхъ юга. Во главѣ этого пестраго ополченія шелъ самый послушный изъ воиновъ церкви, отказавшійся незадолго передъ тѣмъ отъ похода на богатую Византію, чтобы не преступить папскаго приказанія,—Симонъ де-Монфоръ: въ немъ Иннокентій III нашелъ достойнаго исполнителя своихъ приказовъ, можетъ быть, даже болѣе ревностнаго, чѣмъ онъ самъ желалъ. Изъ сѣверной Франціи, которая поставила бо̀льшую часть арміи, черезъ Монпелье ополченіе двинулось на владѣнія Раймунда. Графъ испугался приближавшейся бури и имѣлъ малодушіе подчиниться требованіямъ легата, отдавъ въ залогъ добросовѣстнаго исполненія ихъ 7 своихъ лучшихъ за̀мковъ. Онъ надѣялся спасти этимъ свои владѣнія отъ разгрома и жестоко ошибся: легатъ просто обманулъ его, чтобы, обезпечивъ себя со стороны Тулузы, вѣрнѣе покончить съ другимъ еретическимъ сеньёромъ въ Лангедокѣ—Раймундомъ Рожеромъ, виконтомъ Безье и Каркассоны. Въ срединѣ лѣта 1209 года войска Монфора подступили къ Безье, гдѣ искало убѣжища все окрестное населеніе; папскій легатъ (все тотъ же Арнольдъ Амальрикъ) потребовалъ сдачи города и выдачи еретиковъ; жители отказались. Тогда начались военныя дѣйствія. Гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, но очень неудачно: толпы arlots—пѣшихъ волонтеровъ, набранныхъ изъ подонковъ населенія, ворвались въ городъ вслѣдъ за отступавшими жителями Безье и начали безъ разбору бить всѣхъ, кто попадался подъ руку; болѣе осторожные спрашивали легата, какъ имъ отличить еретиковъ отъ правовѣрныхъ. „Бейте ихъ всѣхъ“, отвѣтилъ Арнольдъ: „Господь узнаетъ своихъ!“ Перебили даже тѣхъ, кто искалъ спасенія въ католическихъ церквахъ; всего погибло до 60,000 человѣкъ. „Не осталось ни одного живого существа“, говоритъ современный хроникеръ. Послѣ того, городъ ограбили и подожгли со всѣхъ концовъ. Къ чести сѣверо-французскаго рыцарства нужно сказать, что оно не успѣло принять участія въ

рѣзнѣ: arlots все покончили раньше, чѣмъ подоспѣло рыцарское ополченіе. Но это была случайность: самъ Симонъ де-Монфоръ, гдѣ ему приходилось дѣйствовать, нисколько не уступалъ легату. Въ Кастрѣ къ нему привели двухъ еретиковъ: одного—„совершеннаго", другого—„вѣрующаго". Первый былъ непоколебимъ, второй изъявилъ готовность принять католицизмъ. Монфоръ велѣлъ сжечь обоихъ: „если онъ лжетъ", сказалъ онъ, „это ему послужитъ наказаніемъ за обманъ; а если говоритъ правду, то онъ искупитъ этой казнью свой прежній грѣхъ". Если это можно еще объяснить фанатизмомъ, то систематическое ограбленіе страны не допускаетъ даже и этого объясненія. Тутъ была совершенно правильная организація: все награбленное отправлялось къ банкиру крестоносцевъ, одному богатому кагорскому торговцу, который заключилъ съ Монфоромъ особаго рода условіе: онъ далъ на военныя издержки извѣстную сумму денегъ, а крестоносцы уступили ему за это всѣ вещественные плоды своей экспедиціи. Тутъ уже не при чемъ было религіозное усердіе: мірскіе интересы, возбужденные самимъ папою, брали верхъ надъ церковными и кончили тѣмъ, что подавили ихъ совершенно.

Пораженіе еретиковъ.

Покончивъ съ Безье, крестоносцы взяли, послѣ продолжительной осады Каркассону и захватили въ плѣнъ Раймунда Рожера. Тогда легатъ обнаружилъ истинныя свои намѣренія. Графу тулузскому былъ предъявленъ цѣлый рядъ условій: кромѣ обычныхъ,—истребленія еретиковъ, покровительства католической церкви и т. п.,—здѣсь были еще такія: графъ сроетъ всѣ крѣпости и замки въ своей странѣ; онъ будетъ продовольствовать даромъ Монфора и его людей, пока они будутъ находиться въ его владѣніяхъ (Лангедокѣ); онъ обложитъ все населеніе тулузскаго графства особою высокою податью въ пользу церкви; затѣмъ онъ самъ покинетъ страну и отправится воевать съ невѣрными и не вернется, пока не получитъ особаго разрѣшенія отъ легата. Это значило сдаться на волю крестоносцевъ. Раймундъ не былъ еще доведенъ до такой крайности; онъ рѣшился сопротивляться. Въ Тулузѣ знали объ участи безьерскихъ католиковъ, и поведеніе Арнольда Амальрика принесло достойные плоды. Католическая партія, сначала было вооружившаяся на защиту своего епископа, узнавъ о движеніи крестоносцевъ на Тулузу, соединилась съ катарами: движеніе изъ религіознаго стало національнымъ; стояли уже не еретики противъ католиковъ, а южные французы противъ сѣверныхъ. Все это значительно замедлило успѣхи Монфора, тѣмъ болѣе, что Раймундъ

нашелъ себѣ сильнаго союзника, въ лицѣ короля Петра Арагонскаго. Арагонія въ культурномъ, отчасти и въ національномъ отношеніи, представляла одно цѣлое съ южной Франціей; языкъ Лангедока хорошо понимали по ту сторону Пиренеевъ, и лучшій южнофранцузскій разсказъ объ альбигойскихъ войнахъ принадлежитъ испанцу—Гвилельму Тудельскому. Побѣда Монфора означала подчиненіе Тулузы французскому королю; вмѣсто слабаго Раймунда, королю Петру пришлось бы имѣть дѣло съ воинственнымъ вассаломъ Филиппа-Августа. Оттого, несмотря на свои католическія убѣжденія, арагонскій король не отказалъ въ помощи еретикамъ, когда графъ тулузскій призналъ его своимъ сюзереномъ. Но эта помощь только отсрочивала развязку: въ битвѣ при Мюре союзники были наголову разбиты Монфоромъ, и самъ король Петръ убитъ (12 сент. 1213 года). Дѣло Арагоніи было проиграно навсегда въ южной Франціи; Тулуза была занята крестоносцами, и Раймундъ съ своимъ сыномъ (впослѣдствіи Раймундъ VII) должны были отправиться въ изгнаніе. Для нихъ оставалась еще надежда: въ 1215 г. долженъ былъ открыться соборъ (въ Латеранской базиликѣ въ Римѣ), гдѣ должно было разбираться и ихъ дѣло. На соборъ явились, съ одной стороны, легаты съ представителемъ Монфора, его братомъ, съ другой—южно-французскіе бароны, лишенные своихъ владѣній. Стороны спорили долго и горячо; бароны отстаивали свои права и обвиняли Арнольда въ безполезныхъ и ничѣмъ не вызванныхъ жестокостяхъ, Арнольдъ и тулузскій епископъ обвиняли ихъ въ преслѣдованіи католической церкви. Папа, повидимому, сочувствовалъ обиженнымъ лангедокцамъ, но, въ концѣ концовъ, церковные интересы взяли верхъ. Раймунду и его вассаламъ не были возвращены ихъ владѣнія; ихъ обѣщались вернуть его сыну, „если онъ будетъ того достоинъ“. Въ то же время былъ изданъ рядъ суровыхъ постановленій противъ еретиковъ. Принципъ преслѣдованія былъ безусловно одобренъ соборомъ. „Еретики, осужденные церковью,—говорилось здѣсь,—будутъ выданы свѣтской власти для того, чтобы подвергнуться соотвѣтствующему наказанію; имущества свѣтскихъ лицъ будутъ конфискованы, а духовныхъ—отданы ихъ церквамъ. Подозрѣваемые въ ереси, если они не представятъ приличныхъ оправданій, будутъ подвергнуты отлученію, и если они пробудутъ подъ отлученіемъ годъ (т.-е. не оправдаются въ теченіе года), будутъ осуждены, какъ еретики. Свѣтскій сеньёръ, который, послѣ достаточныхъ увѣщаній, не постарается очистить свою землю отъ еретиковъ, будетъ отлученъ помѣстнымъ соборомъ,

и если онъ не исправится въ теченіе года, папа объявитъ его вассаловъ свободными отъ присяги, а его землю—открытой для всякаго католика, который пожелаетъ ее занять. „Вѣрующіе“, покровители или укрыватели еретиковъ будутъ отлучены, объявлены лишенными гражданскихъ правъ, исключенными отъ всѣхъ должностей, неспособными наслѣдовать, дѣлать завѣщанія, быть свидѣтелями и пр. Всякій, кто вступитъ въ сношенія съ отлученными отъ церкви, будетъ самъ отлученъ. — Всякій, кто присвоитъ себѣ право проповѣдовать, не имѣя на то особаго дозволенія, будетъ отлученъ.—Каждый епископъ, по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, обязанъ посѣтить тѣ части своей епархіи, гдѣ, по слухамъ, укрываются еретики; онъ долженъ выбрать трехъ мѣстныхъ жителей, пользующихся доброю славою, и привести ихъ къ присягѣ, что они будутъ ему доносить о еретикахъ, людяхъ, устраивающихъ тайныя совѣщанія или ведущихъ образъ жизни, отличный отъ большинства католическаго населенія“. Сверхъ того, всякій католикъ обязывался исповѣдываться у своего приходскаго священника, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ, и причащаться, по крайней мѣрѣ, на Пасхѣ; не исполняющіе этого требованія лишаются церковнаго погребенія. Эта *обязательная* исповѣдь для всѣхъ впослѣдствіи, какъ увидимъ, была дополнена *принудительною* исповѣдью для особенно подозрительныхъ, въ чемъ, собственно, и заключалась обязанность *инквизиціи*.

Конецъ крестоваго похода.

Но, прежде чѣмъ католическая церковь пришла къ этому радикальному средству искорененія ереси, она должна была убѣдиться въ полной безплодности своего прежняго средства, крестоваго похода. Именно то, чѣмъ Иннокентій думалъ обезпечить торжество правовѣрія,—замѣна сомнительныхъ въ отношеніи правовѣрія мѣстныхъ сеньёровъ рыцарями изъ сѣверной Франціи, — это средство испортило все дѣло. Новые землевладѣльцы унаслѣдовали отъ прежнихъ всѣ поземельные споры и, какъ и прежніе, недолго ужились въ мирѣ съ сосѣдними епископами.

Теперь дѣло приняло еще болѣе соблазнительный видъ. Достаточно одного примѣра. Арнольдъ Амальрикъ занялъ городъ Нарбонну, и принялъ титулъ герцога нарбоннскаго, видимо, намѣреваясь основать нѣчто въ родѣ духовнаго княжества. По старому феодальному праву, Нарбонна зависѣла отъ тулузскаго графства, теперь принадлежавшаго Монфору. Узнавъ о поступкѣ легата, Монфоръ съ отрядомъ войска отправился туда и выгналъ Амальрика, который немедленно отлучилъ вождя кресто-

носнаго воинства отъ церкви. Но, не говоря уже объ отдѣльныхъ случаяхъ, преслѣдованіе еретиковъ вообще стало невыгодно для крестоносцевъ, потому что оно разоряло земли, ставшія ихъ собственностью. Къ тому же, имъ и некогда было заниматься еретиками. Большая часть арміи состояла изъ рыцарей, выступившихъ въ походъ, по средневѣковому обычаю, на сорокъ дней; по истеченіи этого срока, и уже во всякомъ случаѣ на зиму, они возвращались домой. У Монфора оставалось всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ едва могъ удержаться противъ окружившаго его отовсюду непріятеля. Религіозный вопросъ отступилъ совсѣмъ на задній планъ; главное дѣло заключалось для Монфора и его товарищей въ томъ, чтобы удержать завоеванныя земли, а для населенія Лангедока, безъ различія исповѣданія,—въ томъ, чтобы выгнать непріятеля. Когда сынъ стараго тулузскаго графа высадился въ Марсели, то весь католическій Провансъ всталъ на его защиту противъ крестоносцевъ. Монфоръ долженъ былъ оставить Тулузу и уже не могъ снова завладѣть ею; девять лѣтъ безуспѣшной борьбы надломили даже его желѣзную энергію: приближенные не разъ слышали, какъ онъ молилъ себѣ у Бога смерти. Во время второй осады столицы Лангедока его желаніе исполнилось. Какъ послѣднее средство пробить брешь въ городской стѣнѣ, рѣшено было употребить особаго рода подвижную башню (la bate) изъ толстыхъ брусьевъ, обитыхъ желѣзомъ, въ нижнемъ этажѣ которой былъ поставленъ таранъ. Въ то утро, когда машина должна была начать дѣйствовать, осажденные сдѣлали храбрую вылазку и едва не отняли башню у крестоносцевъ. Вѣстникъ прискакалъ къ Монфору, который слушалъ обѣдню. Несмотря на важность дѣла, графъ не захотѣлъ оставить для него церковь. Черезъ минуту явился другой вѣстникъ, крича: „спѣшите, спѣшите, государь! Ваши люди едва могутъ держаться!“— „Я не уйду“, отвѣтилъ Монфоръ, „пока не увижу моего Господа“. Когда священникъ совершилъ таинство, Монфоръ сталъ на колѣни и громко воскликнулъ: „Нынѣ ты отпускаешь, Господи, раба Твоего по слову Твоему“. Потомъ онъ сѣлъ на коня и повелъ свои войска въ бой. Тулузцы были отбиты отъ башни, но засѣли во рву, подъ прикрытіемъ града стрѣлъ и камней, сыпавшихся на крестоносцевъ со стѣнъ. Одна изъ стрѣлъ поразила брата Монфора Гюи. Симонъ сошелъ съ коня и подошелъ къ раненому: „Братъ, вѣрно, Богъ прогнѣвался на насъ“, сказалъ онъ. Въ это время камень, пущенный изъ камнемета, попалъ ему въ голову,

и онъ упалъ мертвый (25 іюня 1218). „Когда изъ города увидали, что графъ Симонъ убитъ, тамъ такъ обрадовались, что никогда не было видано такой радости“, говоритъ одинъ современникъ. „Колокола звонили по-праздничному, весь городъ былъ наполненъ звуками роговъ, трубъ, тамбуриновъ, флейтъ и радостными криками всѣхъ жителей. Всѣ, отъ мала до велика, бросились къ подвижной башнѣ и подожгли ее такъ, что уже нельзя было потушить; потомъ побѣжали въ церковь благодарить Бога за то, что онъ избавилъ ихъ отъ графа“. Радовались, стало быть, главнымъ образомъ, католики, потому что катары, конечно, не ходили въ церковь.

Симонъ Монфоръ былъ единственною крупною личностью среди крестоносцевъ; начатое имъ дѣло умерло вмѣстѣ съ нимъ. Его сынъ Амори долженъ былъ ограничиться оборонительными дѣйствіями и держался только благодаря помощи французскаго короля. Война тянулась еще около 10 лѣтъ и окончилась договоромъ въ Мо (1229 г.), который больше всего былъ выгоденъ для Франціи. Большая часть графствъ Лангедока прямо отошла къ королю; присоединеніе остальной части было подготовлено бракомъ дочери Раймунда VII съ Альфонсомъ французскимъ, третьимъ сыномъ Людовика VIII. Южно-французскимъ баронамъ были возвращены ихъ владѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ, оставшихся за родственниками Монфора. Но зато преслѣдованіе еретиковъ было обезпечено введеніемъ въ Лангедокѣ *доминиканской инквизиціи*.

Происхожденіе инквизиціи.

Инквизиціей, какъ показываетъ самое слово, называлось, собственно, „разысканіе“ еретиковъ, или, какъ выражалась церковь, „еретической неправды“, haereticae pravitatis. Съ точки зрѣнія самой церкви, разысканіе и преслѣдованіе были два различныя дѣйствія; но, въ сущности, второе было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перваго. Разъ еретикъ былъ отысканъ и изобличенъ, свѣтская власть обязана была подвергнуть его наказанію. Инквизиціонный процессъ состоялъ изъ двухъ частей: судебнаго слѣдствія и приговора; суда, въ нашемъ смыслѣ этого слова, не было. Слѣдователь, непремѣнно духовное лицо, установлялъ фактъ преступленія и передавалъ обвиняемаго въ руки свѣтской власти, обыкновенно съ увѣщаніемъ обходиться съ послѣднимъ возможно кротко, безъ пролитія крови. Но свѣтская власть очень хорошо понимала, что это значитъ, и наказывала еретика „безъ пролитія крови“, т.-е. сжигала его живымъ.

Такая жестокая казнь, въ наши дни не существующая ни въ

одномъ культурномъ государствѣ, притомъ казнь за ошибку, за увлеченіе, кажется гуманнымъ людямъ нашего времени чѣмъ-то чудовищнымъ. Инквизиція, въ глазахъ огромнаго большинства,— главный грѣхъ средневѣковаго католицизма, лучшее доказательство того, какъ пагубно было господство церкви для тогдашней Европы. Если бы, дѣйствительно, церковь придумала это страшное учрежденіе для поддержанія своей власти, то, конечно, ее пришлось бы признать самымъ свирѣпымъ деспотомъ, какого только видѣлъ свѣтъ, а исполнителей ея велѣній самыми безжалостными людьми, какіе только когда-нибудь существовали. Этимъ людямъ должно было быть совершенно незнакомо чувство справедливости, не говоря уже о любви къ ближнему. Дѣйствительно ли все это было такъ?

Въ XIII столѣтіи жилъ въ Италіи одинъ доминиканскій монахъ по имени Джованни Скіо (Fra Giovanni Schio da Vicenza). Глубоко огорченный положеніемъ сѣверной Италіи, гдѣ тогда свирѣпствовала борьба гибеллиновъ и гвельфовъ, раздѣлившая не только города, но даже семьи, онъ рѣшился всецѣло посвятить себя проповѣди мира. Въ 1233 г. въ Болоньѣ, благодаря его краснорѣчію, враждующія партіи сложили оружіе и простили другъ другу нанесенныя обиды. Такъ велико было возбужденное имъ одушевленіе, что власти города представили на его разсмотрѣніе городскіе законы, разрѣшивъ ему внести туда поправки, какія онъ найдетъ нужными. Тотъ же успѣхъ ждалъ его въ Падуѣ, Тревизо, Фельтро и Беллуно; князья и городскія республики выбирали его посредникомъ въ ихъ спорахъ, обращались къ нему за совѣтами при измѣненіи своего политическаго устройства. Онъ созвалъ народъ со всей Ломбардіи на равнину Пакваро, близъ Вероны; здѣсь безчисленная толпа, увлеченная его краснорѣчіемъ, какъ голосомъ съ небесъ, единодушно поклялась прекратить всѣ раздоры. И этотъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь дѣлу христіанской любви, велѣлъ сжечь въ Веронѣ 60 мужчинъ и женщинъ, которыхъ онъ уличилъ въ ереси.

Братъ Скіо, конечно, не былъ ни жестокъ по натурѣ, ни несправедливъ; если онъ такъ поступилъ, стало быть, считалъ это своимъ долгомъ. Но онъ былъ, вѣроятно, простой человѣкъ, и, можетъ быть, его взглядъ на еретиковъ былъ личной его особенностью. Вотъ что, однако, говоритъ по этому поводу писатель, мнѣнія котораго были приняты всей католической Европой того времени и который стоялъ на высотѣ современной ему науки: „Еретиковъ

должно принуждать къ исполненію тѣхъ обязательствъ, которыя они приняли на себя по отношенію къ церкви, прежде чѣмъ изъ нея вышли", писалъ Ѳома Аквинскій. „Ибо, если принять вѣру есть дѣло свободной воли, то сохраненіе принятой вѣры есть дѣло необходимости. Ересь есть грѣхъ; тѣ, которые его совершаютъ, заслуживаютъ не только исключенія изъ церкви, но исключенія изъ міра путемъ смерти. Извращать религію, отъ которой зависитъ жизнь вѣчная, гораздо болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ поддѣлывать монету, которая служитъ для удовлетворенія потребностей временной жизни. Слѣдовательно, если фальшивыхъ монетчиковъ, какъ и другихъ злодѣевъ, свѣтскіе государи справедливо наказываютъ смертью, еще справедливѣе казнить еретиковъ, какъ скоро они уличены въ ереси.

Что касается церкви, она исполнена милосердія и стремится обратить заблуждающихся; оттого она не тотчасъ осуждаетъ, но послѣ перваго и второго увѣщанія, какъ учитъ апостолъ. Если же еретикъ и послѣ этого продолжаетъ упорствовать, церковь, не надѣясь на его обращеніе, заботится о спасеніи другихъ, устраняетъ его изъ церкви посредствомъ отлученія, а затѣмъ передаетъ его свѣтскому судьѣ, чтобы онъ устранилъ его изъ міра посредствомъ смерти... Если бы и всѣ еретики были истреблены подобнымъ образомъ, это не было бы противно велѣніямъ Божіимъ..." [1]).

Инквизиція и аскетизмъ.

Инквизиція является здѣсь прямымъ, естественнымъ выводомъ изъ того положенія, которое господствуетъ надъ всѣмъ средневѣковымъ міросозерцаніемъ: земная жизнь не имѣетъ сама по себѣ цѣны, она—только приготовленіе къ царству небесному. Спасеніе души было единственной цѣлью, все остальное ничего не стоило: ересь грозила погубить душу, значитъ, тѣхъ, кто распространяетъ ересь, нужно наказывать, какъ самыхъ опасныхъ злодѣевъ. А костеръ въ средніе вѣка былъ обычной казнью за наиболѣе тяжкія преступленія: въ Англіи—за убійство феодальнаго сеньёра, а также за убійство мужа женой, въ Германіи—за ночной поджогъ. Подавленіе ереси всѣми мѣрами было такимъ же долгомъ для истинно вѣрующаго, какъ и умерщвленіе плоти. Аскетизмъ и инквизиція тѣсно связаны между собою: это два разныхъ поля битвы съ однимъ и тѣмъ же врагомъ рода человѣческаго, который стремится погубить нашу душу. Оттого самые жестокіе преслѣдователи еретиковъ обыкновенно бывали самыми безупречными аскетами. Кон-

---

[1]) Summa; secunda secundae II—46, quaest. 10—11.

радъ Марбургскій, ужасъ Германіи XIII вѣка, „презиралъ богатства, свѣтскія имѣнія и церковные бенефиціи; онъ довольствовался простой скромной одеждой священника; его образъ жизни былъ достойный, безукоризненно нравственный. Суровый на видъ, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ добръ, признателенъ и ласковъ къ хорошимъ христіанамъ; а для дурныхъ и вѣроломныхъ онъ былъ справедливымъ и строгимъ судьей". Такъ изображаетъ его современный лѣтописецъ. Какъ высоко цѣнились нравственныя качества Конрада, видно изъ того, что онъ былъ духовникомъ Елисаветы, ландграфини тюрингенской,—знаменитой подвижницы, одной изъ тѣхъ немногихъ, кому почти удалось осуществить аскетическій идеалъ [1]). Въ то же время, Конрадъ былъ увѣренъ, что лучше убить 60 человѣкъ, чѣмъ одну церковь поручить недостойному священнику. Его дѣятельность, какъ инквизитора, показывала, что это не были пустыя слова. Чтобы быть имъ осужденнымъ, довольно было простого подозрѣнія. Если несчастный, попавшій въ его руки, со страху признавался въ ереси,—въ которой иногда вовсе не былъ повиненъ,—Конрадъ запиралъ его на всю жизнь въ тюрьму; если онъ не признавался, его сжигали. Никакое общественное положеніе не спасало обвиняемаго: Конрадъ привлекалъ къ своему суду высшихъ представителей нѣмецкаго дворянства. Эта непреклонность стоила ему жизни: во время одного изъ своихъ объѣздовъ онъ былъ убитъ озлобленными рыцарями. Но опасность не останавливала этихъ людей. Въ Лангедокѣ, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, свѣтская власть,—особенно капитулы городовъ,—почти открыто покровительствовала еретикамъ, дѣятельность инквизитора была особенно трудна и опасна. Когда одинъ доминиканецъ, присланный для разысканія еретиковъ въ Тулузу, потребовалъ къ своему суду нѣсколькихъ изъ числа самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ гражданъ, противъ дерзкаго пришельца поднялась цѣлая буря негодованія. Консулы изгнали изъ города инквизитора и грозили смертной казнью тому, кто осмѣлится исполнять его приказы; всякія сношенія съ доминиканцами и даже съ епископомъ, который ихъ поддерживалъ, были строго воспрещены. Епископъ долженъ былъ уѣхать изъ Тулузы, потому что ни одинъ булочникъ не соглашался теперь печь для него хлѣбъ, ни одинъ мясникъ не брался доставлять провизію; толпа избила слугъ епископа и ограбила его дворецъ. Но домини-

---

[1]) См. ст. В. И. Герье: „Св. Елисавета, ландграфиня тюрингенская" (Сборникъ „Помощь голодающимъ". М. 1892 г.).

канцы, несмотря на все это, остались въ городѣ. Немногіе преданные люди украдкою доставляли имъ жизненные припасы, несмотря на запрещеніе; когда же консулы оцѣпили стражей домъ, гдѣ жили монахи, пищу ухитрялись перебрасывать имъ черезъ стѣну. Воду, конечно, нельзя было доставлять такимъ путемъ; доминиканцы страдали отъ жажды, но тѣмъ не менѣе, стойко выдерживали осаду. Между тѣмъ, изгнанный инквизиторъ не думалъ отказаться отъ начатаго дѣла. Изъ Каркассоны, гдѣ онъ временно поселился, онъ прислалъ письмо пріору, требуя, чтобы, въ виду непослушанія вызванныхъ имъ на судъ гражданъ Тулузы, вызовъ былъ повторенъ: четыре монаха должны были обойти дома привлеченныхъ къ суду и повторить приказъ инквизитора. Можно себѣ представить, что ожидало этихъ пословъ при тогдашнемъ настроеніи жителей Тулузы. Пріоръ понималъ это; онъ созвалъ своихъ монаховъ и сказалъ имъ: „Радуйтесь, братья, я долженъ послать четырехъ изъ васъ къ престолу Всевышняго. Вотъ приказъ брата нашего, инквизитора; онъ долженъ быть исполненъ, хотя консулы грозятъ за это позорной казнью. Итакъ, кто готовъ умереть за Христа, пусть простится съ нами!“. Всѣ монахи, какъ одинъ человѣкъ, преклонились до земли передъ пріоромъ, какъ дѣлали, прощаясь, доминиканцы; онъ долженъ былъ самъ выбрать четырехъ, которые обошли дома обвиняемыхъ, повторяя вызовъ инквизитора. Въ одномъ мѣстѣ на нихъ бросились съ ножами, и только случайное обстоятельство спасло ихъ отъ смерти.

Отъ людей, которые не жалѣли себя, трудно было ждать, чтобы они пожалѣли другихъ. Благочестивая ограниченность большинства нищенствующихъ монаховъ еще болѣе поддерживала въ нихъ непримиримую вражду къ „плевеламъ Христовой нивы“. Многіе изъ нихъ были убѣждены, что инквизиція не только благое, угодное Богу дѣло, но что она прямо, буквально предписана Евангеліемъ; въ этомъ смыслѣ они толковали 6-й стихъ 15-й главы отъ Іоанна: „кто не пребудетъ во Мнѣ, извергнется вонъ, какъ вѣтвь, и засохнетъ; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и горятъ“. Менѣе аскетическое и болѣе образованное высшее духовенство обнаруживало болѣе терпимости, особенно въ первое время, когда ересь еще не казалась опаснымъ врагомъ для церкви. Въ 1031 г. открыты были сектанты-дуалисты въ замкѣ Монтефорте, близъ Турина,—они были сожжены мѣстными властями противъ воли епископа Гериберта, который хотѣлъ обратить ихъ къ истинной вѣрѣ увѣщаніями. Епископъ люттихскій Вазонъ, умершій въ 1048 г., писалъ ша-

лонскому епископу Рожеру: „мы, епископы, должны помнить, что мы не имѣемъ права употреблять меча; мы помазаны не для того, чтобы убивать людей, а для того, чтобы возвращать ихъ къ жизни (ad vivificandum)“. Приведя притчу о пшеницѣ и плевелахъ (Матѳ. XIII, 24—30), которые хозяинъ оставилъ на полѣ до жатвы, чтобы, выдергивая плевелы, не выдергать вмѣстѣ съ ними пшеницы, Вазонъ добавляетъ, что въ этомъ случаѣ нужно быть особенно осторожнымъ, потому что плевелы могутъ завтра стать пшеницею, т.-е. еретики могутъ обратиться. Передъ крайними послѣдствіями аскетическаго начала отступали даже такіе непреклонные люди, какъ Григорій VII, писавшій въ 1077 г. парижскому епископу, что сожженіе еретиковъ—дѣло „нечестивое и жестокое“. Св. Бернардъ училъ, вмѣсто того, чтобы убивать или изгонять сектантовъ, стараться привлечь ихъ къ церкви, дѣйствуя не оружіемъ, а доказательствами, способными разсѣять ихъ заблужденія и привести ихъ къ истинной вѣрѣ, „ибо такова воля Того, Кто хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и познали истину“.

Уже разсказанная нами неудача Бернарда на этомъ пути можетъ служить образчикомъ тѣхъ разочарованій, которыя толкали церковь на путь насилія и преслѣдованія. На отдѣльныхъ фактахъ можно прослѣдить, какъ постепенно воинствующее, нетерпимое направленіе завладѣваетъ папской политикой. Уже въ 1184 г. Люцій III предписываетъ выдавать еретиковъ свѣтской власти для наказанія; но предварительно дѣло долженъ былъ изслѣдовать мѣстный епископъ, что было еще очень выгодно для обвиняемаго, потому что епископы были слишкомъ тѣсно связаны съ мѣстнымъ населеніемъ, чтобы возбуждать его противъ себя жестокостями. Папы, видимо, старались быть умѣренными, насколько можно: еще Иннокентій III запрещалъ употреблять по отношенію къ еретикамъ испытаніе водою и раскаленнымъ желѣзомъ. Альбигойская война унесла послѣдніе остатки этой умѣренности. Въ 1232 г. Григорій IX передалъ все дѣло преслѣдованія сектантовъ въ руки доминиканцевъ. Орденъ, образовавшійся и выросшій на полѣ битвы съ еретиками, не стѣсняемый никакими мірскими соображеніями и заботами, былъ настолько же неумолимѣе епископа, насколько выше его въ аскетическомъ отношеніи. Замѣну епископской инквизиціи доминиканской мы имѣемъ полное право разсматривать, какъ новый шагъ на пути усиленія нетерпимости. Въ 1252 г. Иннокентій IV разрѣшилъ пытать подозрѣваемыхъ въ ереси; съ этимъ инквизиціонный процессъ получилъ свою окончательную форму. Всѣ колебанія мало-по-малу

были устранены. „Убивайте еретиковъ“, писалъ въ 1445 г. папа Евгеній IV своему легату въ Босніи, преслѣдовавшему патареновъ: „ихъ преступленіе достойно смерти“.

Логическій выводъ аскетизма не былъ, такимъ образомъ принятъ церковью безъ борьбы: подобно целибату, другому естественному послѣдствію аскетическаго міросозерцанія, инквизиція осуществилась далеко не сразу. Но разъ то и другое принято церковью, она уже не отступала ни отъ того, ни отъ другого. Только когда католицизмъ лишился матеріальной поддержки свѣтской власти, преслѣдованіе прекратилось, потому что стало физически невозможно.

Организація „инквизиціоннаго“ трибунала.

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ принципъ преслѣдованія примѣнялся на практикѣ, какъ дѣйствовала инквизиція. Внѣшнее устройство „Святого Учрежденія“ (Sanctum Officium) до нѣкоторой степени опредѣлялось устройствомъ того ордена, въ руки котораго учрежденіе было отдано: округа инквизиціи совпадали съ „провинціями“ доминиканцевъ. Но инквизиторы, въ предѣлахъ этихъ округовъ, не сосредоточивались въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, а переѣзжали изъ города въ городъ, по мѣрѣ надобности. Мѣстныя власти, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, должны были оказывать имъ всякое содѣйствіе и исполнять всѣ ихъ распоряженія. Они стояли внѣ обычнаго порядка церковной іерархіи: инквизиторъ, хотя бы простой монахъ, могъ наложить отлученіе, котораго епископъ не могъ снять. Эта независимость инквизиціи отъ обычнаго порядка управленія придавала ей совсѣмъ особый характеръ: предъ лицомъ ея человѣкъ чувствовалъ себя лишеннымъ всякихъ правъ, всего, что охраняло его личность въ обычное время. Самая неопредѣленность положенія уже наводила страхъ; эту неопредѣленность какъ будто нарочно старались увеличивать. Инквизиторъ, явившись въ городъ, объявлялъ, черезъ посредство мѣстнаго духовенства, чтобы всѣ, знающіе за собой или за кѣмъ-нибудь другимъ какое-либо прегрѣшеніе противъ церкви, немедленно о томъ объявили. Не послушавшійся этого приказанія тѣмъ самымъ считался уже отлученнымъ отъ церкви,—и этого отлученія никто не могъ съ него снять, кромѣ самого инквизитора. Для еретиковъ это не могло быть страшно, но не трудно себѣ представить, что должны были чувствовать искренніе католики, жившіе въ еретической мѣстности. Одинъ могъ имѣть еретика въ числѣ знакомыхъ, другой могъ видѣть его случайно, третій могъ также случайно слышать какое-нибудь еретическое мнѣніе. Утайка самой ничтожной подроб-

ности дѣлала его несчастнымъ навѣкъ—и въ этой, и въ будущей жизни. Инквизиція все ставила на счетъ, ничего не пропускала. Вотъ, для примѣра, нѣсколько случаевъ изъ десятковъ тысячъ, имѣвшихъ мѣсто въ южной Франціи. Одинъ изъ жителей Советерра (Sauveterre) видѣлъ, какъ три еретика-катара вошли въ домъ одного больного, и слышалъ, будто они дали ему „утѣшеніе"; онъ, впрочемъ, не зналъ навѣрно, были ли это еретики, и что они въ домѣ дѣлали, а говорилъ по слухамъ; тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ искупить свою „вину", сходивъ на поклоненіе одной изъ мѣстныхъ святынь. Другой, врачъ, однажды перевязалъ руку еретику,—онъ долженъ былъ совершить такое путешествіе три раза. Одна женщина ѣла и пила съ другой, про которую слышала, что та придерживается еретическихъ мнѣній,—ей пришлось сходить на богомолье дважды. Никакая давность не могла погасить подобнаго „преступленія"; у инквизиторовъ были особыя книги, куда записывались всѣ подозрительные люди, и кто разъ попалъ въ эту книгу, могъ быть увѣренъ, что рано или поздно ему придется отвѣчать передъ духовнымъ судьею. Въ 1316 г. была привлечена къ суду одна старуха; при слѣдствіи открылось, что на нее было заявлено подозрѣніе еще въ 1268 г., чуть не за 50 лѣтъ, и тогда она отреклась отъ ереси,—что дѣлали многіе убѣжденные католики, чтобы не попасть въ число „нераскаянныхъ" еретиковъ. И это полвѣка назадъ заявленное подозрѣніе не прошло даромъ для подсудимой: ее приговорили къ пожизненному заключенію въ цѣпяхъ, хотя она вторично покаялась; иначе ее сожгли бы.

Послѣдствіемъ такой системы была цѣлая туча доносовъ: всякій спѣшилъ довести до свѣдѣнія инквизиціи все, что онъ видѣлъ или слышалъ, или даже только воображалъ, что слышалъ,—касающагося ереси. Такимъ путемъ у инквизитора составлялся обширный списокъ—пока еще не еретиковъ, а людей, которыхъ общественное мнѣніе той мѣстности считало „неблагонадежными". Оставался вопросъ, какъ выдѣлить изъ числа ихъ дѣйствительныхъ вѣроотступниковъ, подлежащихъ „исключенію изъ міра" тѣмъ или другимъ путемъ? Было два средства: милость и застращиваніе. Раскаявшимся обѣщали помилованіе; правда, что для настоящихъ еретиковъ, напримѣръ, для „совершенныхъ" катаровъ, это помилованіе равнялось очень тяжкому гражданскому наказанію: ихъ на всю жизнь запирали въ тюрьму (*murus*, отсюда immuratio и наше „замуровать"). „Вѣрующихъ" не подвергали заключенію, но обставляли ихъ жизнь всевозможными стѣснительными условіями: они

должны были носить особенную одежду, съ нашитыми на ней крестами, сразу отличавшую ихъ на улицѣ; каждое воскресенье они должны были являться въ церковь и получать отъ священника нѣсколько ударовъ розгою, въ знакъ покаянія: то же повторялось во время крестныхъ ходовъ; они не могли быть избираемы ни въ какую общественную должность; наконецъ, нерѣдко ихъ для большей вѣрности переселяли въ города, населенные исключительно католиками, гдѣ положеніе „бывшаго еретика“ оказывалось, конечно, очень незавиднымъ. Для человѣка, отъ котораго требовали измѣны убѣжденіямъ, все это было не слишкомъ большою наградой. „Милосердіе“ инквизиціи плохо удавалось; страхъ былъ болѣе вѣрнымъ средствомъ, чтобы заставить еретика признаться. Какъ примѣнялось это средство, лучше всего покажетъ образчикъ допроса, сохранившійся въ одномъ руководствѣ для инквизиторовъ.

Инквизиціонный допросъ.

Нужно прежде всего вспомнить, что призванный къ допросу ниоткуда не могъ ждать поддержки. На судѣ никого не было изъ постороннихъ людей; законъ требовалъ присутствія двухъ „свидѣтелей“, не принадлежавшихъ къ суду, но ихъ, обыкновенно, выбирали изъ числа монаховъ, преимущественно тѣхъ же доминиканцевъ. Защиты не допускалось: защитникамъ церковь грозила такимъ же наказаніемъ, какъ и укрывателямъ еретиковъ. И, наконецъ, при малѣйшей уликѣ подсудимаго ждала пытка. Не трудно представить себѣ душевное состояніе подозрѣваемаго, когда онъ являлся къ слѣдователю.

„Когда ко мнѣ приводятъ въ первый разъ еретика для допроса“, говоритъ авторъ руководства, „онъ принимаетъ довѣрчивый и откровенный видъ человѣка, убѣжденнаго въ своей невинности. Я спрашиваю его, для чего онъ приведенъ ко мнѣ? Онъ отвѣчаетъ, съ вѣжливою улыбкою: „я очень радъ былъ бы узнать это отъ васъ“.

Инквизиторъ. Вы обвиняетесь въ ереси, въ томъ, что вы вѣруете и учите иначе, чѣмъ вѣруетъ святая церковь. *Допрашиваемый* (поднимаетъ глаза къ небу, съ видомъ глубочайшей вѣры). Господи, ты знаешь, что я невиненъ въ этомъ, и что я никогда не вѣрилъ иначе, чѣмъ должны вѣрить истинные христіане. *И.* Вы называете вашу вѣру христіанской, потому что нашу вы считаете ложной и еретической. Но я спрашиваю, считали ли вы когда-нибудь истинной иную вѣру, чѣмъ та, которую признаетъ истинной римская церковь? *Д.* Я считаю истинной вѣрой ту, которой держится римская церковь, и которую вы намъ проповѣдывали. *И.* Можетъ быть изъ вашей секты кто-нибудь есть въ Римѣ, кого

вы и называете „римской церковью“. Я, когда проповѣдывалъ, высказалъ нѣкоторыя мнѣнія, общія намъ обоимъ, напримѣръ, что существуетъ Богъ, и вы поэтому вѣрите кое-чему изъ того, что я проповѣдывалъ. Тѣмъ не менѣе вы можете быть еретикомъ, потому что не вѣруете во многое другое, во что нужно вѣровать. *Д.* Я вѣрую во все, во что долженъ вѣровать христіанинъ. *И.* Знаю я ваши уловки! То, во что вѣруютъ члены вашей секты, по вашему и есть христіанская вѣра. Но мы теряемъ время въ этомъ препирательствѣ. Скажите просто, вѣруете ли вы въ Бога Отца, Сына и Святого Духа? *Д.* Вѣрую. *И.* Вѣруете ли вы во Христа, рожденнаго отъ Дѣвы, страдавшаго, воскресшаго и вознесшагося на небо? *Д.* (живо). Вѣрую! *И.* Вѣруете ли, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи, совершаемой священникомъ, превращаются въ истинное тѣло и кровь Христову? *Д.* Да развѣ я не долженъ въ это вѣровать? *И.* Я васъ не спрашиваю, должны ли вѣровать, а вѣруете ли? *Д.* Я вѣрю всему, чему приказываете вѣрить вы и другіе добрые учители. *И.* Эти добрые учители — проповѣдники вашей секты; вѣруете ли въ то же, во что и я? Да или нѣтъ? *Д.* Охотно, если то, чему вы учите, хорошо для меня. *И.* Для васъ хорошо, если я учу тому же, чему и ваши проповѣдники... Скажите тогда, вѣруете ли вы, что тѣло Господа Іисуса Христа находится на алтарѣ? *Д.* (быстро). Вѣрую. *И.* Вы знаете, что тамъ есть что-то и что все на свѣтѣ принадлежитъ Господу. Я спрашиваю, находится ли тамъ тѣло Господа нашего, рожденнаго отъ Дѣвы, распятаго, воскресшаго и т. д.? *Д.* А вы развѣ въ это не вѣруете? *И.* Я вѣрую вполнѣ. *Д.* Я также вѣрую. *И.* Вы вѣруете въ то, что я этому вѣрю, но я спрашиваю не объ этомъ, а о томъ, вѣруете ли вы? *Д.* Если вы хотите перетолковывать всѣ мои простыя и ясныя слова навыворотъ, то я уже не знаю, что мнѣ и говорить. Я простой и невѣжественный человѣкъ. Прошу не ловить меня на словахъ. *И.* Если вы простой человѣкъ, отвѣчайте просто, безъ увертокъ. *Д.* Охотно. *И.* Хотите ли вы поклясться, что вы никогда не слышали ничего противнаго той вѣрѣ, которую мы считаемъ истинною? *Д.* (поблѣднѣвъ). Если я долженъ поклясться, то охотно сдѣлаю это. *И.* Я васъ не спрашиваю, должны ли вы, а хотите ли вы? *Д.* Если вы приказываете мнѣ поклясться, я готовъ. *И.* Я не долженъ васъ принуждать, потому что клятва тогда не будетъ имѣть силы, и грѣхъ клятвопреступленія падетъ на меня; но если вы хотите поклясться, я выслушаю васъ.

Тогда, дрожа и запинаясь, какъ будто онъ не можетъ припо-

мнить формулу присяги, допрашиваемый произноситъ ее такъ, чтобы ее можно было отнести не къ нему, а къ другому. Или же онъ придаетъ клятвѣ форму молитвы, напримѣръ: „Господи, помоги мнѣ, чтобы я не былъ еретикомъ!“ и т. п. А когда его переспрашиваютъ, онъ удивляется: „развѣ вы не слышали, какъ я присягнулъ?“ Или же старается разжалобить инквизитора, говоря такъ: „я охотно покаюсь, если я въ чемъ-нибудь согрѣшилъ, только помогите мнѣ освободиться отъ позорнаго обвиненія, которое взвели на меня безъ всякой вины съ моей стороны“. Но дѣльный инквизиторъ не долженъ поддаваться на такія уловки, а неутомимо продолжать допросъ, пока не заставитъ этихъ людей признаться въ ихъ заблужденіяхъ или публично отречься отъ ереси, чтобы, если они впослѣдствіи окажутся присягнувшими ложно, онъ могъ безъ дальнѣйшаго разбирательства передать ихъ въ свѣтскія руки. Если кто-нибудь соглашается присягнуть, что онъ не еретикъ, я говорю ему: „если вы хотите поклясться для того, чтобы избѣжать костра, то знайте, что одной клятвы для меня недостаточно, ни десяти, ни сотни, ни тысячи, потому что вамъ ваши учителя разрѣшаютъ напередъ извѣстное число клятвопреступленій по необходимости. Вы должны будете присягнуть безчисленное количество разъ. Сверхъ того, если противъ васъ будетъ хотя одно свидѣтельство, всѣ ваши клятвы не спасутъ васъ отъ сожженія. Вы только запятнаете свою совѣсть, но не избѣжите смерти. Но если вы просто признаетесь въ своемъ заблужденіи, васъ простятъ“. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, прибавляетъ авторъ, нѣкоторые признавались въ своей винѣ“.

Этотъ діалогъ, какъ видимъ, мало походитъ на судебный допросъ; цѣль инквизитора—не открытіе истины, онъ убѣжденъ, что уже знаетъ ее: не дожидаясь допроса, онъ уже называетъ приведеннаго къ нему человѣка еретикомъ. Нужно не дать ему уйти изъ рукъ; нужно, чтобы онъ какъ-нибудь проговорился, — для этого одинъ и тотъ же вопросъ повторяется въ десяти разныхъ формахъ... Подсудимый, наконецъ, самъ перестаетъ понимать, еретикъ онъ или нѣтъ. Если онъ не еретикъ, то, можетъ быть, слышалъ что-нибудь еретическое: кто можетъ за это поручиться? Въ своемъ наивномъ усердіи инквизиторъ забываетъ, что вѣдь онъ и самъ немало слышалъ еретическихъ мнѣній. Но ему уже не до справедливости: гдѣ дѣло идетъ о вѣчномъ спасеніи, что значатъ временныя страданія хотя бы и вполнѣ невиннаго человѣка. И вотъ на костеръ отправляютъ не того, чья виновность внѣ всякихъ

сомнѣній, а именно того, противъ кого есть только одно свидѣтельство. По этой теоріи „обвиняемый“—значитъ „осужденный“. Правъ былъ тотъ инквизиторъ, который сравнивалъ „Святое Учрежденіе“ съ сѣтью, не пропускающей ни одной рыбы. Кто не хотѣлъ сгорѣть, тому оставался только одинъ исходъ: всенародно отречься отъ ереси; такъ или иначе, церковь никогда не проигрывала.

Но если оставить въ сторонѣ крайнюю несправедливость и жестокость такой системы, нужно признать за ней несомнѣнную цѣлесообразность. Страхъ отлученія доставлялъ инквизиціи десятки тысячъ добровольныхъ шпіоновъ, черезъ которыхъ она знала малѣйшія движенія противниковъ. Свѣтская власть всегда готова была помогать, потому что съ нею дѣлились имуществомъ казненнаго. Особенно выгодно было положеніе инквизиціи въ южной Франціи, гдѣ власть все болѣе и болѣе переходила въ руки короля, смотрѣвшаго на свои новыя владѣнія прежде всего какъ на источникъ доходовъ. Конфискація имѣній, принадлежавшихъ еретикамъ, сдѣлала французскаго короля самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ Лангедока. При такихъ условіяхъ сопротивляться инквизиціи не приходилось; нѣсколько инквизиторовъ, правда, было убито, но эти вспышки безсильной народной ярости только оживляли усердіе монаховъ, которымъ такая смерть обѣщала мученическій вѣнецъ. Облавой шли доминиканцы по Лангедоку, загоняя катаровъ на югъ, въ глухія долины Пиренеевъ. Здѣсь долго укрывался послѣдній изъ „совершенныхъ“, Пьеръ Отьё (Pierre Autier); въ 1309 г. и онъ былъ схваченъ. На предложеніе отречься онъ отвѣчалъ жестокой бранью противъ „синагоги сатаны“, какъ называлъ онъ католическую церковь. Это было послѣднимъ исповѣданіемъ „болгарской ереси“ на югѣ Франціи. Некому было совершать „утѣшеніе“, и „вѣрующіе“ Лангедока волей-неволей слились съ массой католическаго населенія.

М. Покровскій.

XLII.

Мистика и схоластика XI—XII вѣковъ.

(Ансельмъ Кэнтерберійскій, Абеляръ и Бернардъ Клервальскій).

Ансельмъ Кэнтерберійскій.

Около половины XI вѣка грубая борьба всѣхъ членовъ общества между собою немного утихаетъ: являются новые нужды и запросы; выступаютъ на первый планъ болѣе идеальныя потребности; поднимается авторитетъ папства, и оно готовится собрать весь западно-европейскій міръ подъ своей властью, очистить нравы духовенства, освободить его отъ феодальныхъ отношеній къ государямъ и пирамиду феодальнаго общества, основанную на землевладѣніи и завершающуюся императоромъ, перестроить въ теократическую, стоящую на почвѣ истины ученія Христова, скрѣпленную духомъ любви и властью духовенства, съ папой въ качествѣ верхняго камня. Начинаетъ распространяться и образованіе. Оно идетъ на сѣверъ изъ Италіи, гдѣ остатки древней куль-

---

Источники: *Anselmi Cantuariensis Archiepiscopi opera omnia* (Patrologia, Migne, t. 158); *Abelardi opera omnia* (Patrologia, Migne, t. 178). **Пособія:** *Ch. de Rémusat.* St. Ansèlme de Cantorbery. Paris, 1868; *Ch. Rémusat.* Abélard. Paris, 1845, 2 vol.; *Deutsch.* Peter Abälard, ein kritischer Theologe des 12 Jahrhunderts. Leipz., 1883; *Hausrath, A.* Weltverbesserer im Mittelalter. I. Peter Abälard. Leipz., 1895; *Hauréau.* Histoire de philosophie scolastique. 2 éd., 1878 г. и сл., 2 vol.; *V. Cousin.* Histoire générale de la philosophie. Paris, 1868 (5-me leçon); *Ueberweg.* Grundriss der Geschichte d. Philosophie, B. II; *Ланге, Ф. А.* Исторія матеріализма, перев. Н. Н. Страхова. Спб., 1881; *Герье, В. И.* Бернардъ Клервальскій (статьи въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1891 годъ).

туры сохранились въ большей мѣрѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ. Итальянскій ученый юристъ Ланфранкъ изъ Павіи, сдѣлавшись монахомъ въ Бекскомъ аббатствѣ св. Маріи (въ Нормандіи), основываетъ тамъ школу, послужившую разсадникомъ многихъ другихъ.

Изъ многочисленныхъ учениковъ Ланфранка замѣчателенъ Ансельмъ (1033 — 1109), также итальянецъ (изъ Аосты). Благочестивый, мягкій, сострадательный, преданный книжнымъ занятіямъ и размышленію, сильно вліявшій на всѣхъ, кто приходилъ къ нему искать христіанскаго утѣшенія или поученія, Ансельмъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ своего времени. Изъ аббатовъ Бекскаго монастыря онъ былъ сдѣланъ архіепископомъ Кэнтерберійскимъ, примасомъ Англіи, по желанію короля Вильгельма Рыжаго, сына Вильгельма Завоевателя. На этой высокой должности онъ прославился упорной борьбой съ двумя королями за независимость церкви: онъ защищалъ противъ нихъ дѣло Григорія VII, дѣло папства, церковнаго порядка, нравственности и жизненнаго призванія духовенства, противъ грубаго произвола королей... Не только на всемъ западѣ Европы, но и въ самомъ Римѣ онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что его называли „вторымъ Августиномъ“, „папой Запада“. Молва о его святости переходила изъ устъ въ уста. Біографы сообщаютъ много случаевъ изъ его жизни, ярко рисующихъ личность святого.

Такъ, говорятъ, одно время, еще будучи пріоромъ въ аббатствѣ Бекъ, онъ проводилъ цѣлыя ночи въ размышленіяхъ о тайнахъ вѣры. И вотъ, однажды ночью, когда онъ искалъ въ умѣ рѣшенія вопроса о томъ, какимъ образомъ могли пророки видѣть прошедшее и будущее такъ же ясно, какъ настоящее, онъ вдругъ сквозь нѣсколько стѣнъ увидѣлъ, какъ монахи собираются въ церковь къ утренѣ, подходятъ къ алтарю, зажигаютъ свѣчи и лампады, какъ одинъ изъ нихъ дергаетъ за веревку колокола и будитъ спящій монастырь. Послѣ перваго удивленія Ансельмъ понялъ, говоритъ его біографъ, что Богъ могъ дать пророкамъ знаніе скрытаго во времени совершенно такъ же, какъ ему сейчасъ чудесно было дано видѣть скрытое въ пространствѣ. Другой разъ Ансельмъ впалъ въ тяжелую болѣзнь; когда онъ сталъ уже выздоравливать, онъ увидѣлъ однажды во снѣ широкую и быструю рѣку, которая несла въ своемъ руслѣ мужчинъ и женщинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, съ наслажденіемъ плескавшихся въ ея волнахъ. „Это потокъ міра, а вонъ—тихая пристань“, сказалъ ему голосъ. И вдругъ открылся глазамъ Ансельма

обширный монастырь: стѣны его были изъ чистаго золота, на дворѣ росла серебряная трава, тихо склонявшаяся подъ людьми, которые на ней отдыхали... Ансельмъ избралъ себѣ жилищемъ это очаровательное мѣсто. „Хочешь ли узнать, что такое истинное терпѣніе?“ спросилъ его таинственный голосъ. Когда Ансельмъ сказалъ: „хочу“,—все исчезло, и ему стало ясно, что наша земная, скучная и тяжелая жизнь есть не что иное, какъ ожиданіе небеснаго блаженства: мы должны терпѣливо ее переносить, ожидая возвращенія въ наше небесное отечество.

Ансельму приписываютъ много чудесъ; его вѣра, кротость, чистота характера дѣлали иногда удивительныя вещи. Вотъ, напримѣръ, одинъ случай. Въ монастырѣ у Ансельма нашлись завистники, которые подговорили одного очень молодого монаха Осберна бранить Ансельма и смѣяться надъ нимъ. Ансельмъ, какъ бы ничего не замѣчая, продолжалъ относиться къ молодому человѣку попрежнему ласково: терпѣливо переносилъ его дерзости, хвалилъ за умъ, многое извинялъ молодостью и скоро достигъ того, что Осбернъ сдѣлался его преданнѣйшимъ ученикомъ. Тогда Ансельмъ мало-по-малу усилилъ свою строгость къ нему, исправилъ его недостатки и сдѣлалъ изъ Осберна строгаго и ревностнаго исполнителя монашескихъ обѣтовъ и аскетическихъ подвиговъ. И впослѣдствіи Осбернъ просилъ даже Ансельма бичевать его, въ знакъ полнаго своего смиренія и безусловнаго послушанія.

Вообще Ансельмъ очень гуманно относился къ людямъ и, въ частности, къ дѣтямъ. „Что это значитъ?“ спрашивалъ Ансельма одинъ знакомый аббатъ. „День и ночь бьемъ мы порученныхъ намъ мальчиковъ, а они становятся не только не лучше, а все хуже и хуже, и въ концѣ концовъ изъ нихъ вырастаютъ тупоумные и порочные монахи“.—„Дорогой аббатъ“, отвѣчалъ ему Ансельмъ, „это и происходитъ именно отъ того, что вы не знаете другого средства, какъ страхъ, угрозы и побои. Этимъ вы убиваете въ нихъ всякую охоту къ свободной работѣ и извращаете всѣ ихъ помыслы и стремленія. Такъ какъ они не видятъ отъ васъ ни капли любви, нѣжности и расположенія къ себѣ и такъ какъ они къ вамъ не имѣютъ никакого довѣрія, считая, что все, что вы съ ними дѣлаете, вы дѣлаете изъ ненависти къ нимъ, то они растутъ съ сердцемъ, исполненнымъ злобы и подозрительности, и думаютъ только о дурномъ. При вашемъ воспитаніи они не имѣютъ понятія о томъ, что такое настоящая любовь; оттого они и выходятъ мрачными и на всѣхъ смотрятъ косо“.

Ансельма, по возвышенности его мысли и по его значенію для католическаго богословія, на Западѣ ставятъ рядомъ съ Отцами церкви и называютъ „философомъ Христа“. Основой его теологическаго ученія было положеніе: „Я вѣрую, чтобы понимать, а не стараюсь понять, чтобы потомъ увѣровать“ (Credo, ut intelligam, neque quaero intelligere, ut credam). Ансельму принадлежитъ такъ называемое „онтологическое доказательство“ бытія Божія. Вотъ какъ пришелъ къ нему Ансельмъ, по словамъ его біографа.

Онтологическое доказательство.

Ансельму запала въ душу мысль доказать существованіе Бога такъ, чтобы оно сдѣлалось для всякаго яснымъ и неопровержимымъ. Эта мысль безпокоила его ежеминутно; отъ нея онъ потерялъ аппетитъ, сонъ, не могъ сосредоточенно молиться. Тогда онъ сталъ бояться, не демонъ ли внушилъ ему эту идею,—сталъ отгонять ее отъ себя. Но, вопреки всѣмъ его усиліямъ, она вновь и вновь вставала въ его умѣ. И вотъ, однажды ночью, во время всенощной, свѣтъ озарилъ его: все стало ему ясно; его сердце наполнилось великою радостью. Онъ увидѣлъ въ этомъ чудо благодати и въ пылу восторга тутъ же набросалъ основы своего разсужденія на навощенныхъ дощечкахъ, которыя отдалъ потомъ на сбереженіе одному монаху. Но когда черезъ нѣсколько дней стали искать эти дощечки, ихъ нигдѣ не могли найти. Ансельмъ записалъ тогда еще разъ свои мысли и отдалъ тому же монаху, а этотъ спряталъ ихъ въ самый дальній уголъ своей кельи,—и вдругъ на другое утро дощечки оказались разбитыми на мелкіе куски. Ансельмъ рѣшилъ тогда, что это дѣло духа злобы, который не можетъ вынести того, чтобы было доказано существованіе Бога. Затѣмъ онъ собралъ и сложилъ эти куски, прочелъ написанное и велѣлъ переписать на пергаментъ „во имя Господне“ (in nomine Domini). Съ тѣхъ поръ сочиненіе уже не подвергалось болѣе несчастіямъ.

Вотъ, вкратцѣ, въ чемъ состоитъ Ансельмово онтологическое доказательство бытія Божія... Существуетъ безчисленное множество хорошихъ вещей, или *благъ*; но всѣ они потому и блага, что зависятъ отъ единаго, конечнаго блага, которое есть благо уже само по себѣ, независимо ни отъ чего другого. Это послѣднее благо есть благо *высшее*, *совершенное*; ему принадлежатъ въ высочайшей степени и всѣ остальныя хорошія качества: истина, красота, сила и проч. Это-то высшее благо, эта совокупность всѣхъ совершенствъ и есть Высшее Существо, духовное, неизмѣнное, вѣчное, всевѣдущее, всемогущее, вездѣсущее... И даже безумный, говорящій въ сердцѣ своемъ: „нѣтъ Бога“, долженъ согласиться, что такое, т.-е.

совершенное, Существо необходимо должно существовать, такъ какъ, если бы Оно не существовало, Оно не было бы совершеннымъ, у него не хватало бы столь важнаго свойства, какъ *существованіе*. Слѣдовательно, это Существо непремѣнно должно существовать; слѣдовательно, оно существуетъ. Впослѣдствіи это ученіе стало извѣстно подъ именемъ „онтологическаго доказательства бытія Божія“ (отъ ὄν, существующее, сущее), т.-е. доказательства на основаніи необходимости *признака существованія* для того, чтобы Высшее Существо было вполнѣ совершеннымъ, т.-е. дѣйствительно Высшимъ.

Ансельмъ былъ, какъ мы уже сказали, преимущественно религіознымъ мыслителемъ. Но въ то же время онъ былъ и однимъ изъ представителей средневѣковой философіи.

Средневѣковая и древняя философія.

Философія среднихъ вѣковъ была наслѣдіемъ классической древности, преимущественно Греціи: тамъ, повидимому, впервые возникла философія, какъ общее, охватывавшее весь міръ и независимое отъ традиціонной, языческой религіи знаніе. Но въ средніе вѣка характеръ и общее значеніе философіи сильно измѣнились, сравнительно съ эпохой древности: философія, не теряя нѣкоторой свободы въ области истолкованія, относительно основныхъ принциповъ должна была всецѣло подчиняться богословію; въ средніе вѣка философія была ancilla theologiae (служанкой богословія). Извѣстно, какое значеніе и вліяніе уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ получила церковь и вообще религіозные интересы. Среди общаго крушенія античной культуры, когда варвары ломали рѣшительно все, что встрѣчалось имъ на пути, когда разрушилось государство и школа, пали наука и искусство, не распался только одинъ союзъ, крѣпкій нравственной связью своихъ членовъ,—христіанская церковь. Полудикимъ германцамъ недоступны были ни соображенія общественнаго блага, ни эстетическое созерцаніе, ни отвлеченная умственная работа; однако и они, хотя и по-своему, хотя и очень грубо, но все-таки восприняли истины Евангелія. Церковь уже давно пользовалась для своихъ цѣлей кое-чѣмъ изъ научныхъ и философскихъ сокровищъ древности: въ своихъ ученіяхъ она познакомила новые народы съ отрывками древняго знанія и тѣмъ ввела новый міръ въ школу стараго.

Схоластика.

Истиннымъ учителемъ среднихъ вѣковъ, творцомъ „христіанской философіи“ является бл. Августинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ [1]) мыслителей вообще. Впослѣдствіи, когда главные пункты

---

[1]) Въ ученіяхъ Августина замѣтно вліяніе одной изъ позднѣйшихъ фило-

вѣроученія были уже окончательно раскрыты, потребовалось представить ихъ въ видѣ научной системы, обосновать и разработать. И поскольку философія среднихъ вѣковъ поставила себѣ эту задачу, она стала церковной „школьной наукой“, *схоластикой*. Но въ средневѣковой философіи было и другое направленіе. Если задачей схоластики было уясненіе и выраженіе въ точныхъ терминахъ и понятіяхъ того, что уже было дано вѣроученіемъ, то *мистика* вела человѣка чрезъ познаніе къ непосредственному восторженному созерцанію Божества, къ блаженному единенію съ Нимъ. Къ этимъ двумъ главнымъ теченіямъ философской мысли среднихъ вѣковъ позже присоединяется третье, имѣющее уже болѣе свѣтскій и собственно научный характеръ. Теперь мы займемся двумя первыми направленіями, въ ихъ взаимной противоположности; о третьемъ же будемъ говорить особо.

Схоластика, или школьная философія среднихъ вѣковъ, зародилась въ XI вѣкѣ. Уже и ранѣе въ епископальныхъ и монастырскихъ школахъ изучались нѣкоторыя изъ логическихъ сочиненій Аристотеля и немногихъ другихъ древнихъ мыслителей (Порфирія, Марціана Капеллы, Боэція, Кассіодорія), съ цѣлью выправки ума учащихся и подготовки къ правильному пониманію и разработкѣ вѣроученія. Но мало-по-малу, сперва робко и неувѣренно, а затѣмъ все сильнѣе и настойчивѣе, стало развиваться и стремленіе къ знанію вообще, наслажденіе знаніемъ ради знанія. Свѣтлая мудрость классической древности начинала интересовать сама по себѣ, и къ XIII вѣку дѣло возстановленія древней философіи было уже закончено: Аристотель сталъ *praecursor Christi in rebus naturalibus* („предтечей Христа въ дѣлахъ природы“). Начавъ, такимъ образомъ, съ истолкованія вѣроученія по правиламъ аристотелевской логики, средневѣковая философія кончила тѣмъ, что признала Аристотеля вторымъ своимъ авторитетомъ.

Первые шаги схоластики были очень трудны. Въ глухую пору среднихъ вѣковъ казалось богопротивнымъ изучать языческихъ писателей,—они были исчадіями ада и діавола, и часто, вѣроятно, любознательный монахъ въ порывѣ религіознаго ужаса отбрасывалъ

софскихъ школъ древности—*неоплатонизма*. Къ этой же школѣ принадлежалъ и первый крупный и довольно самостоятельный мыслитель среднихъ вѣковъ, Іоаннъ Скоттъ Эригена (т.-е. ирландецъ), одиноко стоящій среди своихъ современниковъ. О немъ извѣстно только то, что онъ жилъ въ IX вѣкѣ и Карломъ Лысымъ былъ вызванъ преподавать въ парижской придворной школѣ.

отъ себя, а можетъ быть и жегъ, интересный и глубокомысленный, но полный грѣха и соблазна древній манускриптъ. Однако, необходимость изложить полно и систематически истины вѣры для того, чтобы утвердить ихъ незыблемо на будущее время, чтобы поражать еретиковъ и убѣждать невѣрныхъ, заставила волей-неволей прибѣгнуть къ древности и позаимствовать у нея правила изложенія, доказательства и опроверженія. Содержаніе для средневѣковой мысли было уже дано въ готовомъ видѣ; она должна была только развить, истолковать и изложить его возможно обстоятельнѣе и убѣдительнѣе. Этимъ обусловливалась еще одна основная черта схоластической философіи: ей недоставало свободы, творчества, оригинальности; это была наука толкованія текстовъ; она соглашала тексты и авторитеты (auctoritas отъ auctor), а не изучала прямо дѣйствительность.

Однако, съ теченіемъ времени схоластика становится все болѣе и болѣе самостоятельной въ собственно философской области. Отъ нея стали требовать лишь того, чтобы выработанныя ею воззрѣнія не противорѣчили догматамъ католицизма, строго держались бы въ ихъ рамкахъ; въ этихъ же предѣлахъ она завоевывала себѣ все бо̀льшую и бо̀льшую свободу. Но разъ изъ тѣхъ или другихъ ученій сами схоластики или даже только ихъ недоброжелатели и противники выводили какія-либо слѣдствія, противныя ученіямъ церкви,— эти слѣдствія объявлялись ересью, а породившая ихъ философская система—по меньшей мѣрѣ, подозрительной.

Тотъ фактъ, что схоластика выросла на логикѣ, обусловилъ *формально-логическій* ея характеръ. Схоластики извлекали изъ принятыхъ ими положеній цѣлыя системы выводовъ и заключеній, проводили множество самыхъ тонкихъ различій, безъ конца дѣлили и подраздѣляли... Не надо, конечно, забывать важной стороны этой работы: въ своемъ увлеченіи отвлеченно-логическимъ доказательствомъ, при всѣхъ злоупотребленіяхъ своей *діалектикой*, схоластики выработали удивительно точный языкъ и привычку къ строгому, послѣдовательному мышленію, которые оказали большую пользу въ дальнѣйшемъ развитіи науки.

Вопросъ о природѣ универсалій. Реализмъ (Платонъ).

Однако, при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности въ формально-логической области схоластикѣ пришлось столкнуться и съ однимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ, имѣющимъ уже не одно только формальное значеніе. Это—вопросъ *о природѣ общихъ понятій* (или *универсалій*). Дѣло въ томъ, что уже съ самаго начала утвердился въ философіи совершенно правильный и един-

ственно возможный взглядъ: что настоящій предметъ познанія—не частное, единичное, случайное, а то, что есть въ предметахъ общаго, постояннаго, существеннаго. Что же такое само это общее, постоянное и существенное—тò, благодаря чему предметы и являются именно тѣмъ, что они есть на самомъ дѣлѣ? Опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ впервые Платонъ. Видя, что все на землѣ непрочно и измѣнчиво, что какъ души людей, такъ и внѣшніе предметы какъ бы содержатъ въ себѣ что-то. неудержимо влекущее ихъ къ порчѣ, измѣненію, разрушенію, Платонъ пришелъ къ мысли, что настоящій предметъ познанія — не нашъ земной, доступный чувствамъ міръ. Существуетъ, думалъ онъ, другой міръ вѣчныхъ, чистыхъ, неизмѣнныхъ вещей,—міръ *идей*. Это какъ бы образцы, типы всѣхъ вещей, въ ихъ *настоящемъ* видѣ и значеніи. Нашъ земной міръ есть просто плохая, испорченная копія съ этого міра идей; наши земные, скоропреходящіе предметы — только слабыя тѣни, блѣдныя отраженія дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, *существующихъ* идей. Люди въ теченіе своей жизни на землѣ находятся какъ бы въ пещерѣ, лежащей при дорогѣ; скованные по рукамъ и по ногамъ, они сидятъ спиной ко входу, черезъ который въ пещеру врывается потокъ свѣта. По дорогѣ движутся взадъ и впередъ разные предметы, люди и животныя, отбрасывающіе неопредѣленныя, колеблющіяся тѣни на заднюю стѣну пещеры. Эти-то тѣни и составляютъ нашъ земной міръ; онъ даетъ лишь очень слабое понятіе о красотѣ и стройности своего прототипа. Сидящіе въ пещерѣ люди видятъ однѣ эти тѣни и ошибочно принимаютъ ихъ за что-то дѣйствительно существующее. Но если бы кто-нибудь изъ этихъ людей сбросилъ съ себя оковы и выбрался изъ пещеры, изъ этого міра призраковъ, то онъ могъ бы, освоившись съ непривычнымъ для него яркимъ свѣтомъ, различить и предметы вѣчнаго, подлиннаго міра. Такой человѣкъ могъ бы потомъ вернуться въ пещеру, къ покинутымъ тамъ братьямъ; онъ могъ бы разсказать имъ про то, что онъ видѣлъ; но они, конечно, не поняли бы, не оцѣнили бы его словъ...

Это поэтическое представленіе было не просто плодомъ фантазіи великаго поэта-философа; оно имѣло глубокіе корни въ состояніи знаній и въ общественныхъ условіяхъ той эпохи. Прежде всего, внѣшній міръ, при недостаточности положительныхъ свѣдѣній о немъ, казался древнему греку въ значительной степени случайнымъ; все, что воспринимается посредствомъ чувствъ, представлялось ему недостовѣрнымъ, неточнымъ, ошибочнымъ. Возьмемъ,

напримѣръ, рядъ явленій внѣшней природы... Вотъ дерево; огонь превращаетъ его въ самого себя (сжигаетъ), потомъ самъ превращается въ воздухъ. Воздухъ сгущается въ тучи, тучи проливаютъ дождь; земля покрывается грязью и лужами; въ лужахъ появляются дождевые черви; потомъ лужи высыхаютъ, и на этомъ мѣстѣ вырастаетъ трава и т. д., и т. д., до безконечности. Этотъ хаосъ, этотъ потокъ явленій, казалось, дѣлалъ невозможнымъ настоящее познаніе внѣшняго міра. Надо было остановить этотъ потокъ; нужно было найти дерево, которое всегда было бы самимъ собой, не превращаясь ни во что другое, нуженъ былъ вѣчный огонь, всегда себѣ равный, и т. д. Это постоянство, эту опредѣленность и придавало міру предположеніе о существованіи „идей". Далѣе, важное значеніе имѣло и слѣдующее. Уму грека связь между словомъ и предметомъ казалась гораздо тѣснѣе, чѣмъ теперь намъ. Греки были увѣрены, что не только всякій предметъ имѣетъ имя, но и всякому имени долженъ соотвѣтствовать предметъ. Они вѣрили въ самую тѣсную связь между словами и вещами. Поэтому, разъ есть слово и понятіе „справедливость", должна была, по ихъ представленію, быть и вещь, соотвѣтствующая этому слову. Разъ есть слова „дерево", „человѣкъ", должны быть и соотвѣтствующіе предметы: дерево вообще,—не то или другое отдѣльное дерево (береза, сосна), а просто дерево: человѣкъ вообще,—не Сократъ или Платонъ, а просто человѣкъ. Наконецъ, на возникновеніе „реалистическаго" ученія объ идеяхъ оказали большое вліяніе и общественныя условія времени. Платонъ жилъ въ критическую для Греціи эпоху, когда обнаружился одновременно упадокъ и старой, основанной на рабствѣ, демократіи, организованной въ городскую республику, и традиціоннаго, національно-религіознаго міровоззрѣнія. Подъ давленіемъ новыхъ условій греческой общественной жизни явились новые умственные запросы, новые взгляды, новыя теоріи. Выразителями ихъ стали платные учители мудрости и краснорѣчія—софисты, говорившіе, что всѣ старинные устои греческой жизни условны и необязательны: что традиціонныя національныя божества—простыя выдумки людей (или, по крайней мѣрѣ, что нельзя сказать съ увѣренностью, дѣйствительно ли эти божества существуютъ); что добро и зло зависятъ отъ времени, мѣста и обстоятельствъ: что̀ сегодня здѣсь считается добромъ, то завтра и въ другомъ мѣстѣ будетъ считаться зломъ. Произвольности и случайности людскихъ мнѣній софисты противополагали особыя, независимыя отъ человѣческихъ, „естественныя" нормы добра и зла, уста-

навливаемыя самою природой. Природѣ, говорили они, напримѣръ, противно существованіе рабства: по природѣ всѣ люди равны между собою...

Противъ софистовъ-то и выступилъ Платонъ со своею теоріей „идей“; борьба съ ихъ теоріями была для него главною задачей и въ значительной степени опредѣляла самое содержаніе его ученій. Нѣтъ! — возражалъ онъ софистамъ, — нравственность, благо, красота, справедливость, мужество, благоразуміе, умѣренность и тому подобныя понятія—не выдумки людей, не условныя и измѣнчивыя случайности; все это дѣйствительно существуетъ въ качествѣ „реальныхъ вещей“, субстанцій (правда, невидимыхъ и неосязаемыхъ), и притомъ существуетъ въ гораздо болѣе строгомъ смыслѣ, чѣмъ все то, что мы обыкновенно называемъ „реальными вещами“, единичными „субстанціями“, т.-е. чѣмъ, напримѣръ, дерево, столъ, человѣкъ и т. п. Всѣ эти единичныя, конкретныя вещи—преходящи и измѣнчивы: онѣ возникаютъ и разрушаются, портятся и искажаются,—въ нихъ нѣтъ блеска и красоты вѣчной неизмѣнности. Напротивъ, невидимыя и неосязаемыя субстанціи блага, добродѣтели и т. п. — безсмертны и неизмѣнны; онѣ однѣ только и „существуютъ“ дѣйствительно въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова.

Этимъ ученіемъ Платонъ хотѣлъ поставить внѣ сомнѣнія, внѣ возможности отрицанія всѣ положительныя понятія морали и политики. Что на образованіе его теоріи „идей“ вліяло это соображеніе, видно изъ того, что Платонъ иногда колеблется признать существованіе идей, соотвѣтствующихъ предметамъ обыденнымъ, пошлымъ, низкимъ, но ни на минуту не задумывается настойчиво утверждать существованіе идей блага, красоты, добродѣтели и т. п. И въ лучшихъ его діалогахъ вся суть вертится именно на этихъ морально-политическихъ „идеяхъ“: съ точки зрѣнія ихъ существованія обсуждаются вопросы о добродѣтели и порокѣ, о государствѣ и о долгѣ повиновенія ему, объ обязанностяхъ политическаго дѣятеля, мыслителя, гражданина. Платону казалось, что только тогда всѣ будутъ повиноваться велѣніямъ нравственности и требованіямъ государства и общественнаго блага, когда признаютъ, что въ основѣ ихъ лежатъ идеи (въ видѣ „реальныхъ субстанцій“): только тогда люди будутъ вынуждены считаться съ ними, не будутъ въ состояніи не признавать ихъ обязательности. Софисты подвергали основныя понятія политики и морали критикѣ и сомнѣнію съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка; они были

индивидуалистами и *субъективистами*; Платонъ требовалъ отреченія отъ субъективизма въ пользу *общественной морали*, основанной на подчиненіи внѣшнимъ по отношенію къ человѣку *объективно* существующимъ идеямъ.

Платоново рѣшеніе вопроса объ общихъ понятіяхъ дѣлало ихъ *реальными* вещами (res); а потому и ученіе это называется *реализмомъ* [1]). Эту теорію Платона оспаривалъ уже Аристотель; но собственное ученіе Аристотеля по этому вопросу не вполнѣ опредѣленно.

Номинализмъ. Росцелинъ.

Первые мыслители среднихъ вѣковъ были реалистами, въ сейчасъ объясненномъ смыслѣ. Іоаннъ Скоттъ Эригена, Ансельмъ Кэнтерберійскій и др. были увѣрены, что „идеи", или общности (универсаліи) дѣйствительно существуютъ, какъ особые предметы. Но вскорѣ появилось и другое мнѣніе. Въ концѣ XI вѣка нѣкто Росцелинъ, каноникъ изъ Компьеня (во Франціи), сталъ учить, что „общности" — вовсе не предметы; это—просто слова, звуки (flatus vocis), имена (nomina). Поэтому, никакой „идеи" человѣка, отдѣльно отъ всѣхъ человѣческихъ личностей, нѣтъ. Ученіе это получило названіе *номинализма*. Росцелинъ былъ обвиненъ въ страшной ереси „троебожія", осужденъ на соборѣ въ Суассонѣ въ 1092 г. и изгнанъ изъ Франціи. По словамъ его обвинителей, эта ересь естественно вытекала изъ его номинализма: разъ номинализмъ содержитъ въ себѣ истину, то приходится признать, что въ Богѣ дѣйствительно, реально существуютъ только Его три Ипостаси; единая же Сущность ихъ, т.-е. то, что *общее* всѣмъ Ипостасямъ, становится не болѣе, какъ названіемъ; а такъ какъ каждая изъ Ипостасей есть истинный Богъ, то какъ будто выходило, что Боговъ три. Такое смѣшеніе того, что доступно человѣческому познанію, съ превышающими его истинами вѣры характерно для тогдашней неопытной мысли

Католическая церковь, услыхавъ, что изъ положеній номинализма можетъ вытекать такая ересь, отвернулась отъ этого ученія и долго впослѣдствіи поддерживала своимъ авторитетомъ реализмъ.

Абеляръ.

У Росцелина учился—положимъ, очень короткое время—наиболѣе замѣчательный изъ схоластиковъ XII в.—Петръ Абеляръ (1079—1142 г.). Абеляръ былъ рыцарскаго рода изъ Бретани (замокъ его

---

[1]) Это средневѣковое значеніе слова *реализмъ*. Теперь такое ученіе назвали бы скорѣе *идеализмомъ*, Но въ средніе вѣка, когда шелъ вопросъ о томъ, *что такое* идеи, придавали особенное значеніе утвержденію *реальнаго* существованія идей.

отца—Палэ, близъ Нанта). Красивый собой, смѣлый до дерзости и самоувѣренный до тщеславія, легко и изящно владѣвшій мыслью и словомъ, человѣкъ съ яснымъ и методическимъ умомъ—Абеляръ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе. Уже въ ранней юности онъ обошелъ нѣсколько тогдашнихъ школъ въ поискахъ знанія, а въ самомъ концѣ столѣтія мы видимъ его двадцатилѣтнимъ юношею въ Парижѣ. Здѣсь наибольшимъ успѣхомъ среди преподавателей пользовался архидіаконъ парижскій Гильомъ изъ Шампо, прозванный columna doctorum („столпъ учености"), начальникъ школы при соборѣ Notre Dame. По направленію своему Гильомъ былъ реалистъ; онъ признавалъ, что истинная сущность вещей—въ томъ, что въ нихъ есть общаго. Его и началъ слушать Абеляръ.

Въ то время были въ обычаѣ собесѣдованія учителей съ ихъ слушателями... И вотъ, однажды Абеляръ при полной аудиторіи вызвалъ своего учителя на споръ по вопросу о природѣ общихъ идей. Діалектика Абеляра была блестяща, и Гильомъ, по общему мнѣнію, потерпѣлъ пораженіе. Самъ Абеляръ держался по этому спорному вопросу средняго мнѣнія: онъ полагалъ, что, хотя идеи отдѣльно отъ вещей и не существуютъ, однако, ихъ нельзя признать и одними только словами: идеи—продукты (conceptio) ума и выражаютъ существенное свойство мысли. Это ученіе такъ и называется *концептуализмомъ*.

Послѣ побѣды надъ Гильомомъ Абеляръ уѣхалъ изъ Парижа и открылъ собственную школу сначала въ Мелёнѣ, а потомъ близъ Парижа, въ Корбейлѣ. Усиленная работа съ массой учениковъ, стекавшихся отовсюду послушать молодого, но уже гремѣвшаго славой ученаго, подорвала его здоровье, и ему пришлось нѣсколько лѣтъ провести на родинѣ, въ помѣстьѣ отца. Между тѣмъ Гильомъ ушелъ изъ школы Notre Dame и основалъ конгрегацію (впослѣдствіи аббатство) св. Виктора, гдѣ продолжалъ читать лекціи. Вернувшись въ Парижъ, Абеляръ вмѣшался въ толпу его слушателей, возобновилъ прежній споръ и заставилъ Гильома отказаться отъ нѣкоторыхъ его мнѣній. Это окончательно погубило популярность Гильома. Между тѣмъ Абеляръ прошелъ курсъ богословія въ Ланѣ подъ руководствомъ очень извѣстнаго тогда учителя Ансельма и, вернувшись въ Парижъ, получилъ разрѣшеніе преподавать какъ богословіе, такъ и философію.

Въ Парижѣ Абеляръ тотчасъ же затмилъ всѣхъ другихъ учителей и сталъ въ общемъ мнѣніи рѣшительно первымъ изъ ученыхъ своего времени. Его лекціи отличались живостью и яс-

ностью изложенія, оригинальностью и неожиданностью сравненій, свободой и рѣшительностью діалектики. Слушать его стекались отовсюду: изъ Англіи, Бретани, Нормандіи, Фландріи, изъ баскскихъ горъ, изъ Пуату, Анжу, изъ Испаніи и Германіи; въ Парижѣ всѣ его знали; одни гордились и любовались имъ, другіе завидовали ему.

Въ это время Абеляръ былъ приглашенъ преподавателемъ къ одной молодой дѣвушкѣ, совмѣщавшей въ себѣ замѣчательную красоту, нѣжность и величіе духа съ поразительными для того времени познаніями и съ замѣчательной чуткостью къ умственнымъ интересамъ. Это была Элоиза, племянница каноника церкви Notre Dame Фульберта. Общность симпатій, совмѣстныя занятія сблизили ученицу съ учителемъ, и они полюбили другъ друга. Абеляръ забросилъ лекціи въ школѣ, рѣдко туда являлся, а если и приходилъ, то чаще всего импровизировалъ стихи въ честь милой Элоизы; слухъ объ его любви къ ней пронесся по всему Парижу и дошелъ до ея дяди. Фульбертъ былъ страшно разгнѣванъ на Абеляра. Разныя недоразумѣнія обострили дѣло, и въ концѣ концовъ, какъ Абеляру, такъ и Элоизѣ пришлось отказаться отъ міра [1]). Абеляръ поступилъ въ монахи въ аббатство С.-Дени; Элоиза, по его желанію, также постриглась въ одномъ монастырѣ, такъ какъ, потерявъ Абеляра, она потеряла все на свѣтѣ. Впослѣдствіи Элоиза была аббатиссой монастыря св. Духа (Параклета), основаннаго Абеляромъ, и пользовалась величайшимъ почетомъ и уваженіемъ со стороны пастырей церкви за мудрое управленіе, прекрасный характеръ, за всѣ лучшія качества души. Имя Элоизы перешло въ пѣсни, романы и разсказы и извѣстно всему западноевропейскому міру. И дѣйствительно, ея умственныя и нравственныя

---

[1]) Вотъ что Элоиза впослѣдствіи писала Абеляру: „Я тотчасъ послушалась твоего приказанія (поступить въ монастырь)... Никогда я не искала въ тебѣ ничего, кромѣ тебя самого... Клянусь Богомъ, что, если бы Августъ, властитель цѣлой вселенной, счелъ меня достойной быть его женой и повергъ бы къ моимъ ногамъ свою власть надъ міромъ, я все-таки предпочла бы твою любовь... Да и кто, какая женщина или дѣвушка не горѣла желаніемъ видѣть тебя, не спѣшила взглянуть, когда ты являлся на улицахъ? Ты отлично владѣлъ тѣми двумя дарами, которые такъ высоко цѣнятся женщинами: прелестью разговора и изяществомъ пѣнія! Стихи, которые ты шутя сочинялъ въ часы отдыха отъ философскихъ занятій, сдѣлали мое имя извѣстнымъ во многихъ странахъ... И если бы ты очутился въ аду, то, видитъ Богъ, я не только не поколебалась бы послѣдовать за тобой туда по твоему приказанію, но даже съ радостью поспѣшила бы туда, чтобы предупредить тебя тамъ“.

качества, широкое образованіе, нѣжность чувствъ, сила и прочность любви дѣлаютъ ее одною изъ лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ женщинъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Постригшись въ монахи, Абеляръ продолжалъ заниматься богословіемъ и учить... Но его ученіе о Божественной Троичности вызвало вскорѣ сильное неудовольствіе противъ него.

Абеляръ говорилъ, что, такъ какъ всякій единичный предметъ можетъ имѣть три свойства, то то же можно сказать и о Единомъ Богѣ: можно считать три Лица св. Троицы свойствами, качествами Бога. Бога Отца Абеляръ называлъ божественною Силой, Бога Сына--божественнымъ Разумомъ, св. Духа—божественной Благодатью, Милостью и Любовью. Такимъ образомъ, съ одной стороны, Абеляръ какъ бы впадалъ въ давно осужденную церковью ересь единства Божественной Личности, а съ другой, выходило, что Лица св. Троицы какъ бы не равны между собой: св. Духъ, напримѣръ, являлся лишеннымъ всемогущества и мудрости, а это была уже самая страшная ересь—хула на св. Духа. Затѣмъ Абеляру поставили въ вину самое отношеніе его къ истинамъ и таинствамъ вѣры; онъ не хотѣлъ вѣрить просто, не разсуждая,—*вѣрить* и вѣрой понимать (какъ Ансельмъ) или *любить Бога* и познавать Его черезъ эту любовь (какъ учили мистики). Онъ хотѣлъ умомъ *понять* таинства вѣры, таинства, стоящія выше человѣческаго разумѣнія... Его противники, напротивъ, цѣнили только ту вѣру, которая вѣритъ помимо разума, даже вопреки ему; въ вѣрѣ же, согласной съ разумомъ, они не видѣли никакой заслуги передъ Богомъ... Самъ Абеляръ вовсе не считалъ себя еретикомъ и былъ пораженъ, когда на соборѣ въ Суассонѣ въ 1121 г. его осудили, какъ еретика, и приговорили къ заключенію.

Однако, въ заключеніи онъ пробылъ недолго. Выйдя на свободу, онъ устроилъ школу близъ Ножана на Сенѣ и основалъ здѣсь общину „Параклетъ“ (т.-е. Утѣшитель) во имя св. Духа; тутъ около него опять собралось множество учениковъ. Но вскорѣ онъ уступилъ Параклетъ Элоизѣ, которая устроила здѣсь женскій монастырь, а самъ принялъ мѣсто аббата въ одномъ изъ монастырей Бретани. Черезъ нѣсколько лѣтъ Абеляръ опять вернулся въ Парижъ и преподавалъ тамъ съ прежнимъ успѣхомъ. Тутъ-то выступилъ противъ него Бернардъ, аббатъ монастыря Клерво (Clairvaux, Clara vallis).

Бернардъ Клерваль-скій.

Бернардъ (1091—1153) былъ человѣкъ совсѣмъ иного закала, чѣмъ Абеляръ. Если Абеляръ всю жизнь училъ и учился, жилъ умомъ, то Бернардъ былъ весь олицетвореніемъ религіознаго чув-

ства. Ему казалось въ порывахъ этого чувства, что онъ какъ бы сливается своей душой съ Божествомъ... Такое настроеніе называется мистицизмомъ, и Бернардъ былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ *мистиковъ* среднихъ вѣковъ.

Съ дѣтства онъ отличался чрезвычайной задумчивостью, любилъ уединеніе, и хотя его рыцарское происхожденіе, красивая внѣшность и блестящій ораторскій талантъ—все сулило ему впереди успѣхи на военномъ или вообще мірскомъ поприщѣ, но онъ все бросилъ, отъ всего отказался и ушелъ въ бѣдный и строгій монастырь Сито. Потомъ онъ самъ основалъ монастырь Клерво и, будучи тамъ аббатомъ, ввелъ самый строгій уставъ. Онъ такъ ревностно исполнялъ всѣ аскетическіе подвиги, что уничтожилъ въ себѣ самое желаніе пищи, потерялъ совершенно вкусъ; всякое сношеніе съ грѣховнымъ міромъ было для него мученіемъ: онъ сталъ подъ монашескимъ капюшономъ закупоривать себѣ уши воскомъ, чтобы не слыхать суетныхъ разговоровъ близкихъ ему людей, когда они навѣщали его въ монастырѣ. Говорятъ, что, проѣзжая однажды съ нѣсколькими лицами возлѣ одного изъ красивѣйшихъ въ мірѣ озеръ—Женевскаго, онъ совершенно его не замѣтилъ и былъ очень удивленъ, когда потомъ услыхалъ, что его спутники говорятъ о какомъ-то озерѣ... Выше всего Бернардъ ставилъ любовь къ Богу; всѣ остальныя добродѣтели, безъ любви, говорилъ онъ, сколько бы ихъ ни было, нисколько не безпокоятъ демоновъ... Высшая ступень любви къ Богу—это когда человѣкъ и самого себя любитъ только ради Бога; ея не достигаетъ никто изъ смертныхъ, но въ ней высшее блаженство человѣка.

Бернардъ былъ великій религіозный поэтъ и ораторъ; и его сильная личность, его горячее слово покоряли всѣ сердца и неотразимо дѣйствовали на окружающихъ. Онъ твердо и пламенно отстаивалъ свой монашескій подвигъ противъ мірскихъ стремленій и всѣхъ звалъ къ Богу, всѣхъ убѣждалъ всецѣло Ему отдаться. И его проповѣдь была не напрасна... Онъ увлекъ за собой въ монастырь своего отца, двухъ братьевъ, замужнюю сестру. Одному изъ братьевъ, когда тотъ отказывался постричься, Бернардъ приложилъ палецъ къ груди и предсказалъ, что скоро здѣсь пройдетъ копье и откроетъ волѣ Божіей путь къ непокорному сердцу. Дѣйствительно, вскорѣ молодой рыцарь былъ раненъ и далъ обѣтъ постричься въ монахи. Бернардъ пользовался громаднымъ уваженіемъ у своихъ современниковъ, которые считали его пророкомъ и святымъ. Онъ громилъ монаховъ-клюнійцевъ за ихъ богатство,

епископовъ, съ Сугеріемъ во главѣ,—за свѣтскость и вмѣшательство въ политику, давалъ указанія папамъ и государямъ, вдохновлялъ массы. Такъ, когда въ 1130 г. вслѣдствіе интригъ въ коллегіи кардиналовъ были избраны заразъ двое папъ, французскій король Людовикъ VI созвалъ въ Этампѣ соборъ, и рѣшеніе вопроса о томъ, который папа законный, было съ общаго согласія предоставлено, какъ Божье дѣло, Божьему человѣку—Бернарду... Бернардъ разсмотрѣлъ ходъ выборовъ того и другого папы, права на папство и личныя достоинства каждаго изъ нихъ... Простой монахъ сталъ такимъ образомъ судьей надъ высшимъ учрежденіемъ церковнымъ — надъ коллегіей кардиналовъ — и цензоромъ жизни обоихъ соперниковъ изъ-за апостольскаго престола. Бернардъ призналъ законнымъ папой Иннокентія II, и соборъ, ждавшій рѣшенія Бернарда, какъ „слова, исходящаго отъ св. Духа“ (по выраженію современника), принялъ съ восторгомъ его рѣшеніе и безъ голосованія присягнулъ Иннокентію.

Бернардъ былъ однимъ изъ вождей и въ томъ великомъ движеніи, которое увлекало Западъ въ крестовые походы. Онъ, по просьбѣ перваго магистра военно-монашескаго ордена тампліеровъ, написалъ трактатъ „во славу новаго воинства“, гдѣ въ сильныхъ словахъ и образахъ представилъ идеалъ, къ которому должны были стремиться эти рыцарскіе ордена... Но кромѣ того, Бернардъ принялъ и болѣе активное участіе въ этомъ дѣлѣ: онъ проповѣдовалъ второй крестовый походъ (1147 г.). Около этого времени владѣнія христіанъ въ Палестинѣ подвергались страшной опасности, и сельджуки были уже недалеко отъ Іерусалима. Папа для проповѣди и организаціи похода выбралъ Бернарда. Больной, изможденный, едва передвигавшій ноги, Бернардъ повиновался. Въ городкѣ Везеле во Франціи собралась громадная толпа людей всѣхъ сословій, расположившаяся по склону холма. На вершинѣ этого холма былъ поставленъ деревянный помостъ, и туда взошелъ Бернардъ въ сопровожденіи французскаго короля Людовика VII. Уже одинъ видъ Бернарда, болѣе похожаго на духа, на привидѣніе, чѣмъ на человѣка, поразилъ всѣхъ; онъ началъ говорить,—и слова огненнымъ потокомъ полились изъ устъ его... Толпа дрогнула отъ религіозно-воинственнаго энтузіазма... раздался крикъ: „крестовъ! крестовъ!“—и у Бернарда не хватило заготовленнаго заранѣе запаса ихъ.

Этотъ порывъ обезпечилъ участіе Франціи въ задуманномъ крестовомъ походѣ. Оставалось склонить къ тому же Германію. Императоръ Конрадъ III и слышать не хотѣлъ о походѣ, но Бернардъ

явился къ нему и угрозой Страшнаго Суда заставилъ принять крестъ... Чтобы возбудить религіозную ревность въ нѣмецкомъ народѣ, Бернардъ предпринялъ путешествіе по Рейну... Нѣмцы не понимали ни слова изъ его рѣчей, но звукъ его голоса и выраженіе лица производили потрясающее впечатлѣніе,—и во Франкфуртѣ на Майнѣ народъ, тѣснясь въ пылу восторга, едва не задавилъ вдохновеннаго проповѣдника, такъ что мощный Конрадъ Гогенштауфенъ, сбросивъ съ плечъ свой императорскій плащъ, схватилъ его въ свои объятія и, высоко поднявъ надъ толпой, вынесъ изъ собора.

Таковъ былъ человѣкъ, выступившій противъ Абеляра. Въ лицѣ ихъ здѣсь столкнулись два главныхъ и кореннымъ образомъ противоположныхъ умственныхъ теченія среднихъ вѣковъ: мистическое и схоластическое. Схоластики мыслили, работали надъ расчлененіемъ и соединеніемъ понятій; мистики молились и созерцали, трепетали и каялись; тамъ была увѣренность въ силахъ своего ума,—здѣсь сознаніе своего ничтожества; тамъ бойкій, веселый школьникъ-клирикъ, здѣсь — угрюмо-восторженный отшельникъ; тамъ школа, хотя и тѣсно связанная съ церковью, здѣсь—монастырь.

Понятно, что Бернардъ не могъ сочувствовать ученіямъ Абеляра. Въ 1140 г. онъ выставилъ противъ него обвиненія въ самыхъ страшныхъ ересяхъ: онъ называлъ его послѣдователемъ заразъ и Арія и Савелія, говорилъ, что Сына Божія по Его воплощеніи Абеляръ уже не считаетъ Лицомъ св. Троицы, что вѣру онъ называетъ просто „мнѣніемъ“ (opinio), грѣхомъ считаетъ не самый поступокъ, а намѣреніе, не грѣховное дѣло, а только грѣховную волю, такъ что зло, сдѣланное по невѣдѣнію, по его мнѣнію,—не грѣхъ... Значитъ, по ученію Абеляра, не виновны евреи, распявшіе на крестѣ Христа, такъ какъ они казнили въ Немъ не Мессію, а простого преступника—съ ихъ точки зрѣнія! Таковы были главные изъ пунктовъ обвиненія.

Схоластика и мистика.

Въ основѣ всего этого преслѣдованія лежало убѣжденіе, что Абеляръ подрываетъ самую религію, что онъ отыскиваетъ въ ней все, что могло ее уронить, и въ ущербъ христіанству превозноситъ язычество и древнюю мораль... Дѣйствительно, въ одномъ сочиненіи („Разговоръ философа, еврея и христіанина“) Абеляръ язычество ставилъ выше іудейства и признавалъ, что лучшіе изъ языческихъ философовъ войдутъ въ царствіе Божіе вмѣстѣ съ христіанами; но отсюда, конечно, еще далеко до того, въ чемъ его обвиняли противники.

Особеннымъ нападкамъ подверглось сочиненіе Абеляра, озаглавленное „Sic et Non“ („Да и нѣтъ“). Въ этомъ сочиненіи Абеляръ собралъ 158 пунктовъ, по которымъ можно найти противорѣчія въ источникахъ ученій католической церкви. Надо замѣтить, что противорѣчія эти были часто болѣе кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя; кромѣ того, далеко не всѣ церковные писатели, которыхъ цитируетъ Абеляръ, имѣютъ одинаковый авторитетъ... Такимъ образомъ это сочиненіе Абеляра было вовсе не такъ страшно, какъ казалось его противникамъ. Напротивъ, такое сопоставленіе было необходимо для того, чтобы намѣтить главные пункты, подлежащіе разъясненію, безъ чего нельзя было начать разработки богословія. Дѣйствительно, такая разработка скоро началась, и „Sic et Non“ послужило основой для многихъ трудовъ, признанныхъ католической церковью совершенно свободными отъ всякой ереси и создавшихъ въ слѣдующемъ вѣкѣ полную систему католическаго вѣроученія. Въ числѣ 158 вопросовъ, намѣченныхъ Абеляромъ, есть и болѣе важные, есть и очень второстепенные... Такъ, вопросъ 52-ой состоитъ изъ сопоставленія нѣсколькихъ мѣстъ Библіи, при чемъ оказывается, что въ одномъ случаѣ сказано, что Адамъ созданъ въ раю, а въ другомъ—что внѣ рая; вопросъ 147-й, напр., сопоставляетъ мнѣнія двоихъ изъ св. Отцовъ, изъ которыхъ по одному выходитъ, что грѣхъ Каина будетъ когда-нибудь прощенъ, а по другому — что этого быть не можетъ, и т. п. Вопросы у Абеляра остаются нерѣшенными; самъ онъ не даетъ на нихъ никакого отвѣта; онъ выставляетъ только пункты для критики. Надо замѣтить, что форма положенія и противоположенія не представляла вообще чего-либо необычайнаго въ средніе вѣка: она была любимою формой изложенія у всѣхъ схоластиковъ.

Соборъ въ Сансѣ. Смерть Абеляра.

Но хотя Абеляра можно было защищать, нисколько не погрѣшая противъ своей религіозной совѣсти, однако, общее мнѣніе, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ Бернарда, было враждебно обвиняемому. По просьбѣ самого Абеляра, король Людовикъ VII созвалъ для суда надъ нимъ соборъ въ г. Сансѣ на Троицынъ день 1141 года. Туда съѣхалось множество епископовъ, графовъ и рыцарей, аббатовъ, пріоровъ, декановъ, архидіаконовъ и простыхъ клириковъ. Сансъ былъ городомъ вполнѣ церковнымъ; вліяніе епископа было всесильно, и народъ уже прежде привыкъ слышать, какъ Абеляра въ проповѣдяхъ называютъ антихристомъ и сатаной... И вотъ оба противника вступаютъ въ городъ... въ одни ворота Бернардъ, одѣтый въ грубое платье своего монастыря, ему

предшествуетъ молва о его святости и чудесахъ; съ другой стороны въѣзжаетъ Абеляръ, еще гордо, несмотря на свои годы и несчастья, несущій свою красивую голову, окруженный учениками далеко не монашескаго вида... Всюду, гдѣ проходилъ святой аббатъ, народъ падалъ на колѣни и головы склонялись подъ благословеніе чудотворной руки; напротивъ, если кто любопытствовалъ взглянуть на Абеляра, всякаго охватывалъ ужасъ при мысли о томъ, что онъ интересовался столь ужаснымъ еретикомъ...

Абеляръ, однако, не думалъ, что его дѣло окончательно проиграно: онъ надѣялся на поддержку тѣхъ, чьи религіозныя мнѣнія были менѣе нетерпимы, надѣялся на общественное мнѣніе, вѣровалъ въ свой великій діалектическій талантъ... Но теперь все было противъ него, даже полная торжественности обстановка собора... и среди нея—этотъ монахъ, уже возведенный въ святые народной молвой...

Бернардъ обвинялъ; но едва начали читать 17 положеній, извлеченныхъ изъ сочиненій Абеляра и признанныхъ еретическими, какъ Абеляръ прервалъ чтеніе, сказавъ, что онъ не признаетъ другого судьи, кромѣ папы, и вышелъ съ учениками изъ засѣданія. По настоянію Бернарда, соборъ призналъ Абеляра еретикомъ...

Теперь вопросъ былъ въ томъ, какъ посмотритъ на дѣло Римъ... Бернардъ имѣлъ большое вліяніе на папу, который былъ ему обязанъ признаніемъ законности своего избранія, и теперь онъ воспользовался этимъ вліяніемъ. По его внушенію были составлены два письма къ папѣ отъ епископовъ, засѣдавшихъ на соборѣ; кромѣ того, онъ писалъ лично отъ себя: онъ думалъ окончить жизнь спокойно, но онъ не зналъ, что здѣсь долина скорби, земля забвенія... Возсталъ Голіаѳъ, тѣмъ болѣе смѣлый, что противъ него нѣтъ Давида; Голіаѳъ этотъ—Абеляръ. Пусть папа вспомнитъ о своемъ долгѣ защищать церковь, пусть раздавитъ ярость еретиковъ, пусть онъ схватитъ, пока они еще малы, лисенятъ, портящихъ виноградники Господа!.. Бернардъ писалъ также многимъ кардиналамъ, рѣзко обличая Абеляра, называя его творцомъ лжи, создателемъ превратныхъ ученій, еретикомъ еще болѣе опаснымъ по упорству, чѣмъ по зловредности своихъ ученій.

Абеляръ отправился было самъ въ Римъ искать суда у папы, но по дорогѣ попалъ въ монастырь въ Клюни, гдѣ аббатомъ былъ Петръ Почтенный (Petrus Venerabilis), кроткій и просвѣщенный пастырь церкви, проникнутый истинно-христіанской любовью... Абеляръ остался здѣсь и прожилъ почти два года, исполняя всѣ

самыя тяжелыя работы въ монастырѣ, грустный, молчаливый, задумчивый. Вскорѣ онъ написалъ здѣсь отреченіе отъ своихъ мнѣній, осужденныхъ Санскимъ соборомъ, примирился съ Бернардомъ и умеръ 21 апрѣля 1142 года. Впослѣдствіи прахъ его былъ положенъ въ одну гробницу съ останками Элоизы; надпись гласила: Requiescant a labore doloroso et amore.

Дѣло Абеляра не пропало: онъ создалъ тотъ „діалектическій" методъ, который утвердился съ тѣхъ поръ въ католической церкви и которымъ работали всѣ свѣтила схоластическаго богословія и философіи. Одинъ изъ учениковъ Абеляра — Петръ Ломбардъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ парижскимъ, написалъ 4 книги „Мнѣній" (Sententiarum), гдѣ свелъ взгляды св. Отцовъ на главные вопросы богословія. Это сочиненіе послужило основой для дальнѣйшихъ трудовъ въ томъ же родѣ; его изучали въ позднѣйшее время въ школахъ больше, чѣмъ даже Библію. Къ числу учениковъ Абеляра принадлежали еще очень многіе наиболѣе выдающіеся люди слѣдующаго поколѣнія: знаменитый Арнольдъ изъ Брешіи, выдающіеся ученые и писатели — Іоаннъ Сольсберійскій, Оттонъ Фрейзингенскій, Гильбертъ изъ Поррэ, бывшій епископомъ Пуатье, и др. Возбужденное Абеляромъ умственное движеніе дало богатые плоды особенно въ слѣдующемъ (XIII) столѣтіи.

В. Ивановскій.

XLIII.

Народное образованіе и университеты въ средніе вѣка.

Система школъ, развившаяся въ Римской имперіи, погибла вмѣстѣ съ многими другими учрежденіями въ эпоху такъ называемаго „великаго переселенія народовъ". Полудикіе германцы стояли по своему развитію неизмѣримо ниже древнихъ римлянъ и романизованныхъ варваровъ, и общая грубость ихъ быта и умственной жизни долго не вызывала серьезной потребности и не давала подходящихъ условій для возникновенія болѣе или менѣе обширной системы образовательныхъ учрежденій. Клирики.

Въ общемъ крушеніи древней культуры уцѣлѣли, правда, формы христіанскаго богослуженія, для передачи которыхъ отъ поколѣнія къ поколѣнію требовалось по крайней мѣрѣ умѣнье читать по-латыни, т.-е. выговаривать непонятныя слова чуждаго германцамъ языка. Грамотность и хотя бы очень скудныя познанія требовались, правда, и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей: для составленія актовъ гражданскаго обихода — всякаго рода дѣловыхъ писемъ и

Пособія: *Николай Сперанскій.* Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. (Возникновеніе народной школы. Строй западно-европейскаго образованія въ средніе вѣка). М., 1896; *H. Denifle.* Die Universitäten des Mittelalters bis 1400. I Band. Berlin, 1885; *Fr. Paulsen.* Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. 2 Auflage. Leipzig, 1896; *К. Шмидтъ.* Исторія педагогики, т. II, перев. Э. Циммермана. М., 1879; *проф. Ѳ. Я. Фортинскій.* Борьба парижскаго университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка (Журналъ Мин. Нар. Просв., сентябрь, 1892 г.).

грамотъ, для цѣлей гражданскаго управленія и т. п. Но все-таки основнымъ мотивомъ къ пріобрѣтенію тѣхъ крайне скромныхъ познаній, какія только и были доступны въ началѣ среднихъ вѣковъ, являлись потребности богослуженія. И хотя далеко не все духовенство той грубой эпохи было не только образовано, но и просто грамотно, во всякомъ случаѣ, внѣ духовенства людей, умѣвшихъ читать, уже вовсе не было. Отсюда, по преобладающей профессіи грамотныхъ людей, всѣхъ ихъ относили къ духовенству: всѣ они назывались „клириками“ (clerici, отъ clerus, κλῆρος, клиръ, т.-е. духовенство); всѣ имѣли право и на одно изъ внѣшнихъ отличій духовенства отъ мірянъ—на тонзуру (выстриженіе макушки головы), и почти всѣ грамотные изъ низшихъ классовъ пользовались имъ [1]). Болѣе того, почти всѣ получившіе образованіе люди, чѣмъ бы они въ жизни ни занимались, должны были въ средніе вѣка оставаться безбрачными, по примѣру духовенства въ собственномъ смыслѣ слова. Вступая въ бракъ, ученый клирикъ навсегда терялъ право на полученіе какого-нибудь „бенефиція“ или „пребенды“ (т.-е. дохода съ какой-либо церковной должности)—главныхъ источниковъ существованія для ученыхъ. Такимъ образомъ, въ Парижскомъ университетѣ, напр., даже доктора медицины, дальше другихъ ученыхъ стоявшіе отъ религіи, получаютъ разрѣшеніе жениться только въ половинѣ XV вѣка, а для женитьбы одного вѣнскаго профессора въ XIV вѣкѣ современники не могли подыскать другого объясненія, кромѣ сумасшествія: „uxorem duxit, versus in dementiam“ („сошелъ съ ума—женился“). Такъ долго не могло общество отдѣлить понятіе образованности отъ понятія принадлежности къ церкви.

Школа, какъ хозяйственное предпріятіе.

Но хотя средневѣковая школа возникла и все время жила въ нѣкоторой связи съ церковью, однако это не дѣлало ее простымъ придаткомъ къ церковной организаціи. „Обязанность заботиться о распространеніи и содержаніи школъ, про которую твердятъ своимъ прелатамъ католическіе законодатели, превращается жизнью въ одно изъ феодальныхъ правъ „полезнаго“ характера. Привн-

---

[1]) „Это своеобразное свидѣтельство объ окончаніи начальной школы, не налагая никакихъ обязанностей, давало очень серьезныя жизненныя преимущества, такъ какъ ставило человѣка подъ особое покровительство могучей духовной власти. Не даромъ купцы, которымъ много приходилось путешествовать, иногда самовольно выбривали себѣ макушки, чтобы въ случаѣ бѣды сойти за клириковъ“ (Н. Сперанскій, Очерки по исторіи народной школы въ Зап. Европѣ, стр. 181—182).

легированные духовные и свѣтскіе сеньёры „держатъ школы“ такъ же, какъ они держатъ общественныя хлѣбопекарни и мельницы, т.-е. на полныхъ правахъ частной собственности въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ средніе вѣка. Школа не знаетъ ни государственной, ни церковной организаціи; она представляетъ собою видъ промышленнаго предпріятія и подчиняется общему характеру экономическаго строя своей эпохи... Количество школъ, нужныхъ для данной мѣстности, выборъ учителей, установленіе школьной таксы—все это зависѣло не отъ духовнаго управленія, а отъ школьныхъ патроновъ. Ими часто являлись духовныя лица и государи, но не какъ представители государственнаго или церковнаго начала, а какъ всѣ другіе феодальные собственники... Право „школьнаго патроната“ очень цѣнилось: оно постоянно поминается въ купчихъ крѣпостяхъ, его даютъ въ ленъ, дарятъ, имъ дѣлятся; школы приносятъ патронамъ доходъ, патроны даютъ ихъ за деньги или какъ награду за услуги, и патронатъ не только дарится, но и продается отдѣльно отъ имѣній. Одинъ нормандскій сеньёръ, Ивъ де-Вьепонъ, пишетъ въ 1403 году: „въ силу моей половинной бароніи есть у меня право давать въ свой чередъ школу въ Нефбургѣ: дается она на три года, и разъ даю ее я, а другой разъ сеньёръ де-Камбонъ, и такъ далѣе, по-очереди“ [1]).

Однако, не всѣ школы зависѣли такимъ образомъ отъ мѣстныхъ сеньёровъ: съ XII вѣка начали возникать свободныя, самоуправляющіяся образовательныя корпораціи, зависѣвшія уже не отъ мѣстныхъ, а непосредственно отъ одной изъ всемірныхъ властей: отъ папы или отъ императора; это—„университеты“. Возникновеніе университетовъ не уничтожило, конечно, прежнихъ школъ; оно только придало имъ еще одну новую функцію: старыя школы стали подготовительными къ университетамъ. Но все-таки эпоха возникновенія первыхъ университетовъ, т.-е. конецъ XII и начало XIII вѣка, составляетъ грань въ исторіи средневѣковаго образованія.

Низшія школы.

Надо отмѣтить одну основную черту средневѣковой школы, естественно вытекавшую изъ положенія ея относительно церкви и государства: школа эта не была регламентирована. „Мы привыкли разсматривать дѣленіе образованія, а въ связи съ этимъ и школъ, на три ступени: начальную, среднюю и высшую, — какъ что-то, само собою разумѣющееся и неизбѣжно вытекающее изъ сути дѣла. Эти ступени у насъ строго разграничены путемъ законодательныхъ

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 211—214.

постановленій. Но средніе вѣка не знали еще ни школьнаго законодательства, ни строгаго дѣленія школъ на разряды. Только одно образовательное учрежденіе выдѣлялось ясно очерченными границами изъ совокупности всѣхъ тогдашнихъ школъ: это былъ университетъ, который поэтому и назывался „привилегированной школой". Всѣ прочія училища не подчинялись никакой регламентаціи: въ нихъ совсѣмъ не было установленныхъ задачъ преподаванія, не было и разъ навсегда опредѣленнаго круга учебныхъ предметовъ. Въ каждомъ изъ нихъ преподавалось то, что было желательно и возможно по общему положенію вещей въ каждое данное время. Никакихъ правъ по образованію тогда не было въ поминѣ. Даже къ поступавшимъ въ число студентовъ университета не предъявлялось тогда никакихъ опредѣленныхъ требованій въ смыслѣ образовательной подготовки... Самое отдѣленіе университета отъ низшихъ школъ носило въ средніе вѣка совершенно иной характеръ, чѣмъ теперь. Теперь гимназія и университетъ различаются между собою по составу и формѣ самаго преподаванія. Въ средніе же вѣка ихъ раздѣленіе основывалось преимущественно на внѣшнемъ признакѣ автономнаго управленія, которое и ставило университетъ выше всѣхъ прочихъ школъ" [1]). Этимъ объясняется неустойчивый и пестрый характеръ средневѣковыхъ школъ; въ нихъ лишь постепенно и самобытно складывается то, что принимаетъ твердыя формы въ теченіе Новой исторіи.

Мы остановимся сначала на школахъ стараго типа, а затѣмъ перейдемъ къ университетамъ.

Что представляли собою эти старыя школы? Какіе мотивы вызвали ихъ учрежденіе? Были ли эти школы „начальными училищами" въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ такія училища теперь? Долженъ ли былъ проходить черезъ нихъ, по возможности, весь народъ, чтобы почерпнуть тамъ нѣкоторыя, хотя бы скудныя познанія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, нѣкоторые элементы общаго образованія въ духѣ той эпохи?—Нѣтъ; такого характера средневѣковая начальная школа не имѣла. Она была *латинской* школой; она учила латинскому языку по латинскимъ руководствамъ, что дѣлало ее совершенно чуждой народу въ его цѣломъ. Кромѣ того, въ средніе вѣка, при общей бѣдности и малочисленности учебныхъ учрежденій, нечего было и думать провести черезъ школу сколько-

---

[1]) Paulsen, статья въ Historische Zeitschrift, 1881, стр. 400; Н. Сперанскій, Очерки, стр. 99—100.

нибудь значительную часть народа. Въ то время даже простая грамотность представляла необыкновенныя трудности: надо было безграмотнаго человѣка научить читать непонятныя ему латинскія слова неразборчивыхъ рукописей. Это дѣлало искусство чтенія столь труднымъ, что даже школьное преподаваніе шло въ средніе вѣка такимъ образомъ: дѣти сначала выучивали съ голоса не только главнѣйшія молитвы, но и всю латинскую псалтирь, и затѣмъ уже только учили азбуку и садились читать по той же псалтири [1]). И хотя католическая церковь никогда не упускала окончательно изъ виду воспитательнаго воздѣйствія на народъ, однако она пользовалась для этого другими, менѣе дорого стоившими и болѣе доступными народу средствами: проповѣдью, исповѣдью, совершеніемъ богослуженія, таинствъ и обрядовъ. Школа же имѣла въ средніе вѣка другое назначеніе: она должна была готовить пастырей церкви, а также лицъ всѣхъ профессій, соприкасавшихся въ средніе вѣка съ церковью: школьныхъ учителей, переписчиковъ рукописей и т. д. Это была школа для подготовки духовенства, набиравшагося при целибатѣ изъ всего народа, и только въ этомъ смыслѣ ее можно назвать „народной“.

Извѣстны заботы Карла Великаго объ учрежденіи школъ въ своей имперіи [2]). Но приказанія его часто оставались мертвой буквой; а если гдѣ въ его время и были заведены школы, то большинство ихъ погибло въ неурядицахъ и смутахъ IX-го вѣка. Поэтому, если не считать немногихъ школъ въ деревняхъ, то всѣ образовательныя учрежденія первой половины среднихъ вѣковъ сводятся къ монастырскимъ и капитульнымъ [3]) школамъ. И тѣ, и другія дѣлились на „внутреннія“ и „внѣшнія“. Во внутреннихъ воспитывались ученики, которые уже въ дѣтскомъ возрастѣ были приняты въ монахи или каноники (pueri oblati); во внѣшнихъ учились „свѣтскія“ дѣти. Но и эти свѣтскія дѣти шли лишь за

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 26.

[2]) См. объ этомъ въ „Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“, I вып., ст. XVI, стр. 384 и сл.

[3]) „Капитулы каноников—особаго рода духовныя конгрегаціи, дѣлившія съ епископами дѣло управленія епархіями; они держали въ своихъ рукахъ всѣ крупныя церкви. Капитулъ собора того города, гдѣ была резиденція епископа, назывался соборнымъ, остальные назывались коллегіальными“ (Н. Сперанскій, Очерки, стр. 200). Устройство капитула близко напоминало монастырь, съ однимъ отличіемъ: монахи отрекались отъ права личной собственности, сохраняя его за монастыремъ, члены же этихъ духовныхъ конгрегацій одновременно располагали правомъ собственности и личной и конгрегаціонной.

тѣмъ, чтобы впослѣдствіи пополнять собой ряды того же духовенства... Обученіе во всѣхъ этихъ школахъ было безплатное, жили же ученики „внутреннихъ“ школъ на средства учрежденій, державшихъ школы, а ученики „внѣшнихъ“ школъ—на средства родителей или на доброхотныя даянія. Обыкновенно способнѣйшіе изъ учениковъ маленькихъ школъ отправлялись для завершенія своего образованія въ „большія“ школы того же типа, прославленныя талантами и ученостью своихъ преподавателей; туда стекались, такимъ образомъ, тысячи учениковъ. Изъ соборныхъ (иначе каѳедральныхъ, или епископальныхъ, или капитульныхъ) школъ славились въ XI и XII вѣкахъ школы Реймса, Лана, Парижа (при соборѣ Notre Dame) и нѣкоторыхъ другихъ городовъ; изъ монастырскихъ — школа аббатства Бекскаго (въ Нормандіи) и школы при парижскихъ монастыряхъ св. Виктора и св. Женевьевы.

Учителя. Во главѣ монастырскихъ школъ становились болѣе образованные изъ братіи монастыря; для преподаванія же въ соборныхъ школахъ капитулы выбирали изъ своей среды особое лицо, носившее различные титулы: scholasticus (схоластикъ), magister scholarum (начальникъ школъ), cancellarius (канцлеръ), cantor (канторъ, т.-е. начальникъ хора; см. ниже), rector и т. д. „Съ XI вѣка у членовъ соборныхъ капитуловъ замѣчается стремленіе къ выдѣлу изъ конгрегаціонныхъ имѣній особыхъ бенефицій, пріурочиваемыхъ къ той или иной должности, какую кто исполнялъ въ конгрегаціи. Чѣмъ важнѣе была должность, тѣмъ болѣе доходная доставалась ей бенефиція; а такъ какъ схоластикъ или канцлеръ, завѣдывавшій епископальной школой, считался вторымъ лицомъ въ капитулѣ послѣ декана, то и предоставляемая ему бенефиція была одною изъ самыхъ богатыхъ“. Ставши богатымъ человѣкомъ, „схоластикъ“ терялъ интересъ къ преподаванію и сталъ ограничиваться ролью наблюдателя за ходомъ преподаванія. Схоластики, мѣста которыхъ бывали заняты, по большей части, младшими членами вліятельныхъ дворянскихъ фамилій, нанимаютъ за себя учить въ школахъ другихъ учителей — изъ людей менѣе обезпеченныхъ. Пользуясь бенефиціей за свои труды по школѣ, которыхъ схоластикъ фактически почти не несъ, онъ, тѣмъ не менѣе, ничего не давалъ на содержаніе школы и учителей, и они жили на то, что имъ удавалось выговорить или выпросить себѣ у состоятельныхъ учениковъ. Бѣдняковъ они учили даромъ и принимали въ школы довольно охотно, такъ какъ тѣ помогали имъ въ преподаваніи, а часто и замѣщали ихъ.

Эти подручные учителя, школьные „подмастерья“, „провизоры“, „локаты“ и т. п. набирались, по большей части, или изъ старшихъ учениковъ той же школы, или изъ недоучившихся въ высшихъ школахъ и въ университетахъ клириковъ. Положеніе этихъ фактическихъ учителей было очень жалкое. Ничтожное вознагражденіе и всеобщее пренебрежительное отношеніе къ нимъ — таковъ былъ удѣлъ этихъ просвѣтителей молодежи. Чаще всего учительское званіе было только временнымъ — впредь до пріисканія какой-либо церковной должности или же до продолженія своего личнаго образованія въ университетѣ. Нерѣдко попадали въ учителя и „бродячіе“ клирики (clerici vagantes); они составляли цѣлый шутовскій орденъ (Ordo vagorum) и называли себя „голіардами“, паствой невидимаго епископа Голіи, патрона своего ордена. Когда такому бродячему клирику наскучивало ходить изъ одного города въ другой, ночевать тамъ, куда пускаютъ изъ милости, а то и просто подъ стогомъ сѣна или въ канавѣ подлѣ большой дороги, когда ему надоѣдало питаться впроголодь и какъ попало—то какимъ-нибудь случайнымъ заработкомъ, то подаяніемъ, а то и прямо воровствомъ,—онъ часто нанимался въ звонари или причетники и въ то же время въ школьные учителя въ деревнѣ или въ учительскіе помощники (socii, secundarii, Gesellen) въ городскія школы. Уровень нравственнаго развитія и педагогическіе пріемы такихъ учителей часто были очень низки и грубы.

Курсъ начальной школы.

Посмотримъ теперь, чему учила эта начальная профессіонально-духовная школа. Школьныя занятія шли въ такомъ порядкѣ. „Всякій садившійся за науку ребенокъ долженъ былъ прежде всего выучить наизусть по-латыни Отче Нашъ, молитву Богородицѣ, Символъ Вѣры и всѣ полтораста псалмовъ. Покончивъ съ псалмами, мальчикъ садился за азбуку. Учитель давалъ ему въ руки дощечку, на которой были написаны по порядку буквы алфавита и нѣкоторые склады, а затѣмъ переводилъ его на псалтирь... По мѣрѣ успѣховъ въ чтеніи, ученики мало-по-малу переходили къ письму, а затѣмъ присоединяли пѣніе и счетъ“ [1]). Пѣніе занимало самое выдающееся мѣсто въ средневѣковой школѣ: „второй по важности сана членъ капитула, сосредоточивавшій въ своихъ рукахъ права и обязанности попечителя учебнаго округа, такъ же часто является съ титуломъ кантора, какъ и съ титуломъ схоластика. Кантору собора Парижской Божіей Матери

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 100 и сл.

оставались подвѣдомственными всѣ парижскія начальныя школы вплоть до Революціи". Изученіе счета ограничивалось почти одной таблицей умноженія.

Къ этому и сводился курсъ начальной школы, кругъ тѣхъ знаній, „которыя требовались отъ каждаго желавшаго приступить къ изученію настоящей премудрости, знаменитыхъ „семи свободныхъ искусствъ". Знанія эти имѣли, впрочемъ, цѣну и сами по себѣ. Присовокупивъ къ нимъ Святцы, Малую Пасхалію да немного Устава, школьникъ могъ уже представляться къ посвященію въ духовный санъ и разсчитывать на полученіе одной изъ низшихъ церковныхъ должностей... Къ изученію же septem artes liberales приступали только наиболѣе одаренные и въ тоже время наиболѣе настойчивые изъ тѣхъ, кто пробовалъ свои силы въ ученіи".

Эти „семь свободныхъ искусствъ", семь ступеней лѣстницы премудрости (septemplex sapientia) дѣлились на trivium и quadrivium. Тривіумъ, циклъ словесныхъ предметовъ (artes sermonicales), предшествовалъ квадривіуму; въ составъ его входили: грамматика, реторика и діалектика. Квадривіумъ (artes reales или materiales) состоялъ изъ ариѳметики, астрономіи, музыки и геометріи [1]).

Вотъ краткая „объяснительная записка" къ этимъ семи искусствамъ, выраженная въ двухъ гекзаметрахъ (названія предметовъ сокращены):

Gram. loquitur; dia. vera docet; rhe. verba colorat;
Mus. canit; ar. numerat; geo. ponderat; as. colit astra,

т. е. грамматика говоритъ; діалектика учитъ истинѣ; реторика украшаетъ рѣчь; музыка поетъ, ариѳметика считаетъ; астрономія изучаетъ звѣзды.

Грамматика. „Матерью и основой семи свободныхъ наукъ всю первую половину среднихъ вѣковъ считалась грамматика. На картинахъ того времени она изображалась въ видѣ царицы, покоящейся подъ древомъ познанія добра и зла; на головѣ у нея корона, въ правой рукѣ ножъ, служившій для подчистокъ ошибокъ въ рукописяхъ, а въ лѣвой бичъ—необходимѣйшая принадлежность средневѣковаго учителя. На изученіе грамматики тратилась тогда безусловно большая часть всего школьнаго времени. Занятія ею открывались чтеніемъ Эзоповыхъ басенъ и сборника нравственныхъ изреченій, приписывавшихся Катону Старшему, а также заучиваньемъ руковод-

---

[1]) Дѣленіе это установлено въ V вѣкѣ по Р. Х. Маркіаномъ Капеллой и извѣстнымъ Кассіодоріемъ, авторомъ энциклопедическаго сочиненія „De septem disciplinis".

ства Доната, римскаго грамматика половины IV вѣка по Р. Х... Кромѣ Доната, въ средніе вѣка былъ еще цѣлый рядъ самостоятельныхъ элементарныхъ руководствъ: Es tu scolaris, Arcubius, Fundamentum scolarium и т. п. Вотъ начало одного изъ такихъ руководствъ:

„Es tu scolaris? — Sum. — Sum какая часть рѣчи? — Глаголъ. — Почему?—Потому, что эта часть рѣчи со временемъ и лицомъ, безъ падежа, означающая дѣйствіе или страданіе или ни то, ни другое. — Какой это глаголъ? — Неправильный. — Сколько неправильныхъ глаголовъ? — Четыре. — Какіе? — Sum, volo, fero и edo. — Что значитъ sum?—Я есмь... Откуда происходитъ sum?—Отъ греческаго слова *hemi* [1]): измѣняя h въ s, e въ u и отбрасывая i, мы имѣемъ sum"... и т. д.

Послѣ изученія элементарныхъ руководствъ ученики переходили къ чтенію болѣе трудныхъ авторовъ. Толкованіе этихъ послѣднихъ носило почти исключительно грамматическій характеръ и сопровождалось безконечнымъ заучиваніемъ ихъ наизусть. Затѣмъ начинали высшій курсъ грамматики, который проходился сначала по Присціану, а съ XIII вѣка по самостоятельнымъ средневѣковымъ руководствамъ, знаменитѣйшимъ изъ которыхъ было Doctrinale Александра de Villa Dei.

Чтобы дать понятіе объ этомъ руководствѣ, заимствуемъ изъ него начало правилъ объ окончаніяхъ падежей перваго склоненія (изъ I части):

„Rectis *as*, *es*, *a* tibi dat declinatio prima...
Dans *ae* diphthongum genetivus atque dativus,
Am servat quartus; tamen *an* aut *en* reperimus,
Cum rectus fit in *as*, vel in *es*, vel cum dat *a* Graecus" и т. д.

т. е. „первое склоненіе въ прямыхъ падежахъ (именительномъ и звательномъ) даетъ тебѣ окончанія as, es, a... Между тѣмъ какъ родительный и дательный даютъ двугласную ae, четвертый (винительный) падежъ имѣетъ am; однако, мы находимъ an и en тогда, когда прямые падежи оканчиваются на as или es или на a въ словахъ, взятыхъ съ греческаго"...

Изъ отдѣловъ грамматики латинскаго языка наиболѣе разработанъ былъ самый философскій — синтаксисъ. Вѣнцомъ занятій грамматикой служило dictamen metricum, т. е. искусство писать латинскіе стихи размѣромъ древнихъ авторовъ.

---

[1]) Т.-е. собственно *eimi* (εἰμί).

Реторика и діалектика.

Реторикѣ, въ смыслѣ стилистики и теоріи ораторскаго искусства, средневѣковая школа долго вовсе не учила; вмѣсто того, подъ названіемъ реторики преподавалось dictamen prosaicum, т.-е. искусство составлять въ образцовомъ видѣ письма, грамоты и вообще акты дѣлового и правового характера... Тутъ же читались и разбирались и сборники духовныхъ законовъ, а равно и другіе юридическіе источники.

Діалектика, т.-е. собственно логика, „въ первую половину среднихъ вѣковъ была развита очень слабо; она служила только для подготовленія учащихся къ пониманію тѣхъ остатковъ умственнаго творчества предшествующихъ поколѣній, безъ которыхъ средневѣковому обществу нельзя было обойтись въ практической жизни". И тѣмъ не менѣе, діалектика „дѣйствительно была disciplina disciplinarum, какъ ее называетъ Рабанъ Мавръ; она одна изъ всѣхъ „семи свободныхъ наукъ" сохранила образовательный характеръ; она одна имѣла въ виду развитіе мыслительной способности учениковъ. Не мудрено, что на нее и оперлось умственное движеніе второй половины среднихъ вѣковъ, что изъ нея и сдѣлалъ пробудившійся человѣческій разумъ главное орудіе для перестройки всей системы образованія и что ее онъ положилъ краеугольнымъ камнемъ новаго университетскаго зданія" [1]).

Ариѳметика и астрономія.

Въ ариѳметику, помимо дѣйствій надъ числами, которыя были необыкновенно трудны (особенно дѣленіе многозначныхъ чиселъ) при римской системѣ нумераціи, входило еще символическое толкованіе чиселъ. Вотъ, напр., какъ объяснялъ извѣстный ученый IX вѣка Рабанъ Мавръ тайный смыслъ того, что Моисей, Илія и самъ Христосъ постились по 40 дней. Число 40 содержитъ въ себѣ 4 раза число 10. Этимъ указывается на все, что относится къ временной жизни. Ибо по числу 4 протекаютъ времена дня и года. Времена дня распадаются на утро, день, вечеръ и ночь; времена года—на весну, лѣто, осень и зиму. „И хотя мы живемъ во временной жизни, но ради вѣчности, въ которой мы хотимъ жить, мы должны воздерживаться отъ временныхъ удовольствій и поститься". Далѣе, въ числѣ 10 намъ можно распознать Бога и твореніе. Троица указываетъ на Творца, семерка—на твореніе, которое состоитъ изъ тѣла и духа. Въ послѣднемъ мы опять находимъ троичность, такъ какъ мы должны любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душою, и всѣмъ помышленіемъ. Въ тѣлѣ же ясно

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 78—79.

выступаютъ четыре элемента, изъ которыхъ оно состоитъ. „Итакъ, тѣмъ, что указано въ числѣ 10, приглашаемся мы въ этой временной жизни (ибо число 10 взято 4 раза) жить цѣломудренно и воздерживаться отъ плотскихъ похотей: вотъ что значитъ поститься 40 дней“.

„Въ тѣснѣйшей связи съ ариѳметикой стояла астрономія. Средневѣковый школьный терминъ Computus обнимаетъ собою по большей части основы обѣихъ этихъ наукъ заразъ... Геометрія до XI вѣка совсѣмъ почти не преподавалась въ средневѣковыхъ школахъ; по большей части, подъ именемъ геометріи школа преподавала описаніе земли и существъ, ее населяющихъ. Въ эту геометрію и входили тѣ „Физіологи“ и „Бестіаріи“, гдѣ такъ пышно разыгрывалась средневѣковая фантазія, гдѣ можно было найти растущихъ на корню барановъ, птицъ, рождающихся изъ плодовъ, и т. п.“. Таковъ былъ циклъ „семи свободныхъ искусствъ“, исчерпывавшій почти всѣ знанія того времени. Измѣнился, расширился объемъ преподаванія и вообще науки уже только съ возникновеніемъ университетовъ.

Ученики.

Посмотримъ теперь на то, какъ жилось средневѣковому школьнику, какіе воспитательные пріемы, какіе способы возбужденія интереса примѣняли къ нему учащіе, каковы были отношенія между учителями и учениками. Обстановка средневѣковой школы необыкновенно тяжело отзывалась на учащемся. Крайне примитивные пріемы и мертвенный характеръ преподаванія, недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и руководствахъ, неясность и неуклюжая форма этихъ руководствъ, выраженныхъ по большей части въ латинскихъ стихахъ съ различными сокращеніями и условными знаками,—все это приводило къ тому, что заставлять учениковъ учиться можно было почти однимъ только страхомъ въ самой грубой его формѣ—въ формѣ страха тѣлеснаго наказанія. „Розга въ средніе вѣка является символомъ школы. Sub virga degere, sub virga magistri constitutum esse („жить подъ розгой, вырости подъ розгой учителя“)—вотъ средневѣковыя выраженія для нашего понятія „получать образованіе“... Средніе вѣка не соглашались допустить, чтобы самъ Христосъ могъ учиться безъ розги. Одна поэма XII вѣка разсказываетъ, что когда Онъ мальчикомъ сталъ ходить въ начальную школу и при первой же буквѣ Алефъ хотѣлъ объяснить ея значеніе, то учитель высѣкъ Его за преждевременное знаніе... „Поистинѣ, къ мученикамъ должны мы приравнять дѣтей, которыя живутъ въ невинности и охотно учатся“, говоритъ въ XIII вѣкѣ

Цезарій Гейстербахскій. „Кромѣ битья, ученики часто страдали отъ гигіенической обстановки въ закрытыхъ школахъ, отъ недостаточнаго и неправильнаго питанія, отъ болѣзней, и многіе изъ нихъ или совсѣмъ погибали, или уходили, не кончивъ своего образованія, или же кончали его больными, калѣками. И для того, чтобы пройти полный курсъ образованія въ средніе вѣка, надо было обладать не только выдающимися духовными качествами; хорошей памятью, большой способностью къ формально-логическому, или діалектическому мышленію, необыкновенной усидчивостью, вниманіемъ и терпѣніемъ, но и „желѣзнымъ здоровьемъ и устойчивой нервной системой. Средневѣковая школа выпускала не мало людей и съ большими знаніями, и съ характерами, но она достигала этого не столько воспитаніемъ, сколько подборомъ“.

Этой необыкновенной трудностью и тяжестью средневѣковой школы объясняется одна замѣчательная черта ея: въ нее охотно принимали бѣдноту, которая и составляла главную массу учащихся. И хотя образованіе и въ средніе вѣка въ значительной степени обезпечивало лучшее положеніе въ жизни, однако болѣе состоятельные люди часто сторонились отъ этой жестокой школы, и пастыри церкви и помощники свѣтскихъ правителей набирались въ значительной степени изъ дѣтей „простыхъ“, „среднихъ“ людей.

Таковъ былъ характеръ той школы, которая до XII—XIII вв. была въ Западной Европѣ единственной, а съ этого времени стала еще подготовительной ступенью къ университетамъ. Къ характеристикѣ университетовъ мы и переходимъ.

Университетъ.

Высшія учебныя заведенія того типа, который мы называемъ „университетомъ“, назывались въ средніе вѣка чаще всего *studium generale* [1]), что значило „общая (или всеобщая) школа“. Это была „школа для всѣхъ“ желающихъ пріобрѣтать познанія, безъ различія тѣхъ мѣстностей, учрежденій, націй и государствъ, изъ которыхъ происходилъ учащійся. Признакомъ „доступности для всѣхъ“ studium generale противополагалось мѣстнымъ или частнымъ школамъ, учреждавшимся для надобностей извѣстной округи или корпораціи: монастыря, города, того или другого капитула и т. д. Первыя studia generalia (въ Салерно, Болоньѣ, Парижѣ, отчасти въ Оксфордѣ) возникли естественнымъ процессомъ развитія; остальныя учреждались по образцу одной изъ этихъ школъ. Еще въ XII вѣкѣ

---

[1]) Школу въ средніе вѣка называли какъ schola, такъ и studium (собственно „занятія“), обозначая вещь по ея назначенію.

нѣкоторыя изъ монастырскихъ и соборныхъ училищъ и нѣкоторыя школы отдѣльныхъ преподавателей (напримѣръ, Абеляра въ Мелёнѣ и Параклетѣ) стали получать громкую извѣстность въ Европѣ, стали пользоваться всеобщимъ признаніемъ. Эти большія школы можно считать предтечами „университетовъ". Universitas въ средніе вѣка значило „корпорація", „обладающая извѣстной долей самостоятельности община"; universitates и назывались всякія такого рода корпораціи: городскія, ремесленныя и др. „общества". Поэтому и личный составъ даннаго studium generale назывался universitas studii (ученая корпорація) или universitas magistrorum et scholarium (корпорація магистровъ и учащихся). И вотъ, въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка школы въ Парижѣ и Болоньѣ, пользовавшіяся общей славой и служившія потребностямъ всего западно-европейскаго міра, организуются въ корпораціи съ цѣлымъ рядомъ правъ и привилегій и такимъ образомъ становятся universitates.

Посмотримъ теперь, какими чертами характеризовались studia generalia въ отличіе отъ прежнихъ школъ. Такъ какъ первыя studia generalia были признаны всѣмъ западно-европейскимъ міромъ и принимали слушателей отовсюду, то было совершенно естественно, что и пріобрѣтаемыя въ нихъ познанія и выдаваемыя ими ученыя степени также получали всеобщее признаніе. Выдававшееся руководителями прежнихъ школъ (канцлерами, схоластиками и т. д.) „позволеніе преподавать" (licentia docendi, учительскій дипломъ) превратилось въ Парижѣ и Болоньѣ въ „право преподавать повсемѣстно" (facultas ubique docendi). Парижъ и Болонья очень дорожили этой привилегіей своихъ studia generalia, и когда, съ конца первой трети XIII вѣка, начали основываться новыя studia generalia, дипломированные тамъ ученые могли преподавать вездѣ, кромѣ Парижа и Болоньи (это преимущественное положеніе старѣйшихъ университетовъ исчезло лишь впослѣдствіи). Далѣе, studium generale должно было быть признано какою-либо изъ всемірныхъ властей: либо папой, либо императоромъ; нѣкоторые же университеты имѣли указы отъ обѣихъ властей. И мы видимъ, дѣйствительно, что изъ 44 studia generalia, возникшихъ до 1400 года, 21 были открыты на основаніи однихъ папскихъ указовъ. а еще другія 10 имѣли какъ папскіе, такъ и императорскіе (или королевскіе) указы. Короли и территоріальные князья основывали университеты, только испросивъ предварительно согласіе и благословеніе у папы или разрѣшеніе у императора.

Само собою разумѣется, что въ studia generalia число какъ

учащихся, такъ и учащихъ скоро стало весьма значительнымъ; это обстоятельство содѣйствовало процвѣтанію университетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя названія преподававшихся въ университетахъ предметовъ остались тѣ же, какія были и въ прежней школѣ (прибавилась одна медицина), но объемъ каждаго предмета значительно расширился, и они стали преподаваться систематичнѣе и болѣе методически. Въ то же время все болѣе и болѣе выступаетъ на первый планъ „діалектика", т.-е. то, что мы теперь называемъ средневѣковой (схоластической) философіей: Аристотель начинаетъ вытѣснять латинскихъ поэтовъ и ораторовъ. Измѣняется и методъ богословской науки. Вмѣсто чтенія и толкованія Отцовъ церкви, все болѣе утверждается „діалектическій" методъ разработки вѣроученія, впервые введенный Абеляромъ,—методъ, прославившій Парижскій университетъ. Абеляръ требовалъ вѣры для того, чтобы придти черезъ нее къ уразумѣнію. Такая постановка дѣла открывала просторъ для приложенія разума въ цѣляхъ обработки и развитія истинъ вѣры и оказалась очень плодотворной.

Какъ корпораціи, studia generalia обладали цѣлымъ рядомъ весьма существенныхъ правъ и привилегій: они въ значительной степени пользовались самоуправленіемъ, имѣли своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, свой судъ, свою печать, имѣли право производить экзамены на ученыя степени, издавать обязательныя для своихъ членовъ постановленія и т. д.; они составляли какъ бы особое государство въ государствѣ.

Древнѣйшимъ изъ studia generalia была медицинская школа въ Салерно, время возникновенія которой въ точности неизвѣстно. Салернскіе врачи уже въ XI вѣкѣ пользовались славой въ Европѣ.

Въ XII вѣкѣ возникъ университетъ въ Болоньѣ изъ школы римскаго права знаменитаго Ирнерія. Этотъ университетъ былъ главнымъ центромъ изученія римскаго права для всей Европы. Здѣсь университетская корпорація состояла не изъ однихъ магистровъ (какъ это было въ Парижѣ), а изъ магистровъ и слушателей вмѣстѣ. Этимъ обусловливалась демократическая, такъ сказать, организація университета [1]).

Парижскій университетъ.

Какъ Болонскій университетъ былъ прообразомъ для одной группы позднѣйшихъ университетовъ, такъ для другой—образцомъ былъ Парижъ. Парижскія школы славились еще со временъ Гильома изъ Шампо, учившаго въ началѣ XII вѣка въ каѳедральной школѣ

---

[1]) См. слѣдующую статью.

при Notre Dame, а потомъ въ школѣ аббатства св. Виктора. Еще болѣе прославилъ ихъ рыцарь схоластики—Абеляръ. Во главѣ парижскихъ школъ стоялъ канцлеръ капитула собора Notre Dame. Обладая богатыми бенефиціями и давно не занимаясь въ школѣ самъ, канцлеръ наблюдалъ за ходомъ преподаванія, набиралъ учителей въ школы, выдавалъ имъ учительскіе дипломы (licentiam docendi). Въ XII в. въ Парижѣ было также много частныхъ учителей, учившихъ у себя на дому или просто подъ открытымъ небомъ; большинство ихъ жило около „Малаго моста", соединявшаго Сите (центральную часть города, расположенную на островѣ Сены) съ лѣвымъ берегомъ Общность интересовъ у нихъ, общее всѣмъ имъ стремленіе заставить канцлера Notre Dame давать licentiam docendi только достойнымъ людямъ—такимъ, которыхъ они сами были бы не прочь принять въ свою среду, сплачивало этихъ магистровъ въ societates (общества, кружки). Наконецъ, въ концѣ XII вѣка образовались четыре корпораціи магистровъ четырехъ дисциплинъ (facultates): богословія, права, медицины и того, что въ средніе вѣка называлось artes liberales. „Источникъ мудрости" въ Парижѣ, говоритъ Littera Universitatis magistrorum et scholarium Parisius studentium, дѣлится „на четыре факультета: богословіе, юриспруденцію, медицину и философію раціональную, естественную и нравственную; это какъ бы четыре райскихъ рѣки". Магистры, читавшіе на этихъ факультетахъ, „получили отъ обѣихъ властей (т.-е. отъ папы и отъ свѣтской власти) корпоративный или университетскій строй (corpus collegii sive universitatis) и много привилегій и льготъ, такъ какъ имъ свободнѣе и спокойнѣе можно было заниматься, когда они были соединены какими-либо особыми юридическими отношеніями". Слово facultas (буквально „способность") обозначало сначала особую область знаній; потомъ оно было перенесено и на самую корпорацію, преподававшую эту группу знаній, на коллегію магистровъ данной спеціальности, т.-е. стало обозначать то, что называется „факультетомъ" въ наше время.

Изъ четырехъ факультетовъ Парижскаго университета истинную славу и гордость его составлялъ богословскій факультетъ. Здѣсь именно выработалась та система католическаго вѣроученія, которая была санкціонирована папами и за которую католицизмъ держится до сихъ поръ; здѣсь послѣдовательно другъ за другомъ преподавали всѣ свѣтила схоластической философіи и теологіи; здѣсь считалъ необходимымъ закончить свое образованіе каждый клирикъ, мечтавшій о видной ученой или духовной карьерѣ, и

всякій гордился, если онъ могъ сказать, что изучалъ богословіе въ Парижѣ. Парижъ въ средніе вѣка почтили названіемъ „города науки“, „новыхъ Аѳинъ“, и говорили, что „Италія имѣетъ папство, Германія—имперію, Парижъ—университетъ (studium). Парижскій богословскій факультетъ „представлялъ собой не только всемірно-знаменитое учебное учрежденіе, но въ то же время въ теченіе долгаго ряда лѣтъ являлся душой католической церкви и истиннымъ руководителемъ религіозной жизни Европы. Чтобы оцѣнить силу его вліянія, стоитъ только припомнить его роль во время великой церковной схизмы и эпоху реформаціонныхъ соборовъ. Глава этого факультета, крестьянскій сынъ Герсонъ, былъ главнѣйшимъ руководителемъ того движенія, которое суждено было довести до конца рудокопу Лютеру“ [1]).

Факультеты въ Парижѣ состояли изъ магистровъ, преподававшихъ однородныя науки; студенты причислялись къ факультетамъ черезъ своихъ магистровъ. Во главѣ факультетовъ стояли деканы, избиравшіеся магистрами изъ своей среды на одно полугодіе. Деканы наблюдали, чтобы магистры исправно читали лекціи, завѣдовали экзаменами, руководили собраніями факультетовъ, заботились о доходахъ, о льготахъ и правахъ своихъ факультетовъ. Въ концѣ каждаго курса члены факультета распредѣляли между собою чтеніе лекцій на слѣдующее полугодіе или годъ, устанавливали лекціонные часы и размѣры студенческой платы за слушаніе лекцій (honorarium).

Организація Парижскаго университета, какъ цѣлаго, была въ то время еще очень несовершенна; университетъ не имѣлъ ни собственнаго помѣщенія, ни залы для общихъ собраній своихъ членовъ, ни постоянныхъ доходовъ и расходовъ, ни своихъ собственныхъ служителей. Когда приходилось вести процессъ или отправлять депутацію, дѣлали прямо сборъ со всѣхъ пользовавшихся университетскими привилегіями. Излишекъ доходовъ надъ расходами дѣлили между магистрами и педелями или пропивали въ таверне...

Факультеты. Философскій или артистическій факультетъ (facultas artium) былъ не равноправенъ съ тремя остальными: по отношенію къ нимъ онъ былъ только подготовительнымъ, и въ студенты „старшихъ“ факультетовъ поступали почти исключительно клирики, окончившіе курсъ и получившіе степень магистра артистическаго

---

[1]) П. Сперанскій, Очерки, стр. 175.

факультета. Такимъ образомъ, часто одно и то же лицо читало лекціи на факультетѣ artium и въ то же время было студентомъ того или другого изъ старшихъ факультетовъ.

Само собою разумѣется, что далеко не всѣ „артисты“ поступали впослѣдствіи на высшіе факультеты. Вотъ статистическія свѣдѣнія относительно процента студентовъ, достигавшихъ ученыхъ степеней въ Лейпцигскомъ университетѣ въ XV и началѣ XVI вѣка. „Изъ 100 имматрикулировавшихся (т.-е. записавшихся на слушаніе лекцій въ „матрикулъ“, университетскіе списки) экзаменъ на бакалавра артистическаго факультета, къ которому студенты допускались послѣ двухъ лѣтъ слушанія лекцій, держало около 30 человѣкъ. На этомъ экзаменѣ обыкновенно проходили почти всѣ. Но изъ этихъ 30 бакалавровъ къ магистерскому экзамену, который имѣлъ мѣсто на шестомъ году пребыванія въ университетѣ и по своему характеру соотвѣтствовалъ больше всего нашему экзамену зрѣлости, являлось всего 6 человѣкъ. Что же касается лицъ, получавшихъ ученыя степени на старшихъ факультетахъ, то число ихъ было совершенно ничтожно“. Замѣчательно, что богословіе въ средніе вѣка вовсе не занимало въ университетахъ первенствующаго положенія. „Обыкновенно принято считать богословіе вѣнцомъ и даже ядромъ всего университетскаго преподаванія въ средніе вѣка. Но это вовсе не такъ. Изъ 46 университетовъ, которые возникли до 1400 года, въ 28, т.-е. почти въ двухъ третяхъ ихъ числа, богословіе совсѣмъ не было допущено въ программу занятій“ [1]). Насколько малолюдны были старшіе факультеты, видно, напр., изъ того, что вь „въ Лейпцигѣ въ концѣ XV вѣка было 700 съ небольшимъ студентовъ, и изъ нихъ слишкомъ 600 были „артисты“; около 100—юристы; богослововъ всего 6—7 человѣкъ, а медиковъ—5“. Богатые слушатели группировались, повидимому, преимущественно на юридическомъ факультетѣ; богословскій состоялъ почти сплошь изъ бѣдноты.

Нація. Ректоръ.

Параллельно соединенію магистровъ въ факультеты, и студенты начали мало-по-малу соединяться въ кружки, съ цѣлью возможно дешевле и лучше устроиться на житье въ Парижѣ. Пріѣхавъ или придя пѣшкомъ съ котомкой за плечами въ Парижъ—часто Христовымъ именемъ, молодой человѣкъ первымъ дѣломъ разыскивалъ земляковъ и при ихъ помощи оріентировался въ городѣ, нанималъ себѣ помѣщеніе, записывался слушателемъ къ тому или другому

---

[1]) Denifle, Die Universitäten des Mittelalters, I, 703.

профессору и т. д. Выгоды такого сплоченія для студентовъ были очевидны, и мелкіе кружки — землячества — стали группироваться въ „провинціи“, а провинціи—въ „націи“. Въ націи входили студенты всѣхъ факультетовъ, а также магистры „артистическаго“ факультета (magistri in artibus legentes), большинство которыхъ были студентами или бакалаврами старшихъ факультетовъ. Во главѣ каждой изъ націй стоялъ „прокураторъ“, выбиравшійся изъ своей среды магистрами artium. Позже 4 націи стали выбирать себѣ одного главу—„ректора“. Сначала его выбирали изъ своей среды одни бакалавры богословія (т.-е. магистры artium, получившіе первую ученую степень на богословскомъ факультетѣ), а затѣмъ ректора начинаютъ выбирать „прокураторы“. Какъ прокураторы, такъ и ректоръ обязаны были защищать студентовъ, если ихъ привлекали къ суду, имѣть надзоръ за ихъ поведеніемъ и нравственностью, за порядкомъ въ университетѣ и т. д. Ставши главою четырехъ націй, ректоръ мало-по-малу дѣлается такимъ же предсѣдателемъ „артистическаго“ факультета, какими на другихъ факультетахъ были „деканы“, а затѣмъ объединяетъ (около половины XIV вѣка) подъ своей властью и весь университетъ. Это было совершенно естественно, такъ какъ „артистическій“ факультетъ былъ самымъ многолюднымъ [1]); при всякомъ спорѣ или столкновеніи „артисты“ могли выставить наибольшее число людей, собрать больше всего денегъ и т. д. И вотъ постепенно ректоръ забираетъ въ свои руки управленіе всѣмъ университетомъ: начинаетъ созывать общія собранія, предсѣдательствуетъ на нихъ и приводитъ въ исполненіе ихъ постановленія. Первое время ректоръ ходилъ еще лично приглашать декановъ старшихъ факультетовъ на общія собранія, но потомъ сталъ посылать педелей. И, наконецъ, около половины XIV вѣка является формула: Rector et universitas magistrorum et scholarium Parisiensium, формулирующая положеніе ректора во главѣ всего университета.

Впослѣдствіи на обязанности ректора лежало ближайшее управленіе всѣмъ университетомъ, поддержаніе въ немъ порядка, изданіе обязательныхъ для студентовъ постановленій, разборъ столкновеній между членами университета, устройство торжественныхъ процессій, празднествъ и т. под.; ему были подчинены педеля, ему

---

[1]) Наприм., въ 1348 г. магистровъ на богословскомъ факультетѣ (magistri regentes in theologia) было 32, докторовъ каноническаго права—18, магистровъ медицины—46, а магистровъ artium—514. Denifle, Die Univ. des Mittelalters, I, 123.

приносили присягу вновь поступавшіе студенты, у него они записывались въ „матрикулы“ и т. д.

Четыре націи парижскаго университета назывались—галльской, никардійской, нормандской и англійской. Къ „галльской“ націи принадлежали также и студенты изъ испанцевъ, итальяцевъ и жителей Востока; къ „англійской“—кромѣ англичанъ, студенты изъ занятыхъ англичанами провинцій Франціи, изъ Ирландіи, Шотландіи и Германіи. Такое искусственное распредѣленіе указываетъ на то, что эти парижскія „націи“ не развились самопроизвольно, а были нарочно установлены, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ началѣ XIII вѣка, въ цѣляхъ лучшаго надзора за студентами. Естественныя же земляческія соединенія были составными частями, подраздѣленіями этихъ „націй“.

Корпоративныя права.

Едва сформировавшись, университетская корпорація сразу почувствовала свою силу. И она начинаетъ постепенно освобождаться отъ подчиненія мѣстнымъ властямъ, опираясь то на короля, то на папу. Первое крупное столкновеніе—съ горожанами—университетъ имѣлъ въ 1200 г. Дѣло было такъ: студентъ-нѣмецъ отправилъ своего слугу въ погребокъ за виномъ; слугу поколотили пировавшіе тамъ горожане. Тогда студенты-нѣмцы избили горожанъ, а тѣ пожаловались „прево“; прево явился арестовать студентовъ; студенты защищались, и пятеро изъ нихъ были убиты въ свалкѣ. По жалобѣ магистровъ, университетъ получилъ отъ короля Филиппа-Августа первую привилегію, по которой всѣ учащіе и учащіеся признаны были подлежащими лишь церковной юрисдикціи (церковному суду).

Освободившись такимъ образомъ отъ власти свѣтскаго суда, университетъ вскорѣ освобождается и отъ подчиненія канцлеру капитула Notre Dame. Магистры подаютъ папѣ цѣлый рядъ жалобъ на канцлера, обвиняя его въ неправильной раздачѣ „права на преподаваніе“ (licentia docendi). Тогда папы предписываютъ канцлеру давать это право лишь тѣмъ, за кого выскажется большинство магистровъ, а этимъ послѣднимъ даруютъ право сходокъ для обсужденія вопросовъ, касающихся преподаванія и дисциплины, при чемъ постановленія этихъ собраній становятся обязательными для всѣхъ учащихъ и учащихся. Канцлеръ сначала упорствовалъ и попробовалъ налагать отлученіе на всѣхъ участниковъ этихъ сходокъ, какъ на заговорщиковъ; магистры опять пожаловались папѣ, и канцлеру запрещено было самовольно налагать отлученіе на университетъ и его членовъ, такъ какъ „университетъ есть главный защитникъ церкви отъ ересей“.

Около того же времени большая часть магистровъ и студентовъ мало-по-малу переселяется изъ Сите, находившагося подъ юрисдикціей канцлера, на лѣвый берегъ Сены, во владѣнія аббатства св. Женевьевы, гдѣ быстро выростаетъ „латинскій кварталъ“; знаменитая улица Фуарръ, центръ парижскаго студенческаго населенія, была застроена около 1225 г. Около половины XIII в. папы назначаютъ университету второго канцлера—изъ аббатства св. Женевьевы, такъ что съ тѣхъ поръ въ Парижѣ всегда было два канцлера. На обязанности канцлеровъ съ тѣхъ поръ лежала забота о поддержаніи достоинства, чести, свободы и независимости университета, о сохраненіи его привилегій, данныхъ папами или королями, объ улаженіи недоразумѣній въ отношеніяхъ къ властямъ и т. п. Это были попечители, представители и защитники университета.

Справившись съ горожанами при помощи короля, съ канцлеромъ и епископомъ—при помощи папы, университетъ оказался въ состояніи бороться и съ королевской властью. На масленицѣ 1229 года студенты, поссорившись съ хозяиномъ одного погребка въ мѣстечкѣ С.-Марсель и побитые сосѣдями, разгромили этотъ и другіе погребки и исколотили многихъ жителей мѣстечка. Пріоръ аббатства св. Марцелла и парижскій епископъ пожаловались королевѣ-регентшѣ Бланкѣ Кастильской; она распорядилась, чтобы прево арестовалъ студентовъ. Тотъ двинулся въ латинскій кварталъ съ большимъ отрядомъ полиціи. Захваченные врасплохъ на улицахъ, студенты защищались, какъ могли; но перевѣсъ остался на сторонѣ полиціи, и студентамъ пришлось искать спасенія въ окружавшихъ Парижъ огородахъ и каменоломняхъ. Въ результатѣ оказалось множество раненыхъ и изувѣченныхъ и нѣсколько убитыхъ, въ числѣ которыхъ были члены всѣхъ „націй“, тогда какъ въ с.-марсельскомъ буйствѣ была виновата одна Пикардія. Университетъ потребовалъ въ мѣсячный срокъ удовлетворенія за нарушеніе своихъ привилегій, грозя иначе закрыть на 6 лѣтъ университетъ. Королева не выдала прево, и университетъ закрылся: магистры и студенты разошлись по Франціи, нѣкоторые уѣхали въ Оксфордъ. Всѣ винили королеву въ такомъ несчастіи для страны, приносящемъ „ущербъ церкви и государству и позоръ французской коронѣ“. Тогда вмѣшался въ дѣло папа Григорій IX; онъ настоялъ, чтобы королева дала удовлетвореніе университету и утвердила всѣ его привилегіи, а самъ разрѣшилъ магистровъ отъ данной ими клятвы 6 лѣтъ не возвращаться въ Парижъ, утвердилъ и расширилъ льготы университета въ знаменитой буллѣ 13 апрѣля 1231 г.

„Parens scientiarum“, которая и послужила какъ бы хартіей парижскаго университета.

Образъ жизни и поведеніе значительной части парижскаго студенчества оставляли много желать; это и понятно было—при полной неорганизованности студенческаго быта, среди соблазновъ такого большого города. Канцлеры университета часто жаловались на то, что студенты артистическаго факультета бѣгаютъ ночью по улицамъ вооруженные, разбиваютъ двери домовъ, устраиваютъ попойки, драки и другія безчинства, сами сидятъ въ таверн ахъ, а классы превращаютъ въ спальни. Жизнь студентовъ.

Поводовъ къ разнаго рода столкновеніямъ у студентовъ всегда было много; до чего доходили эти столкновенія и какъ страдали отъ нихъ сами студенты, можно видѣть хотя бы по двумъ слѣдующимъ происшествіямъ. „У могущественнаго аббатства Сенъ-Жерменъ де-Прэ шли вѣчныя пререканія съ университетомъ изъ-за прилегавшаго къ монастырю угодья Pré-aux-Clercs, гдѣ студенты проводили все свое свободное время. Въ 1278 г. отношенія этихъ двухъ корпорацій настолько обострились, что дѣло дошло до кроваваго столкновенія. Разсерженные жалобой въ судъ, которую подалъ на нихъ университетъ за возведеніе ими новыхъ построекъ, монахи рѣшились основательно проучить своихъ назойливыхъ сосѣдей. 13 мая студентамъ дана была „рекреація“, и они, ничего не подозрѣвая, по обычаю отправились гулять кругомъ монастырскихъ стѣнъ. Вдругъ въ монастырѣ забили въ набатъ, заиграли сборъ, и сбѣжавшіеся на этотъ призывъ вооруженные вассалы аббатства съ обнаженными мечами ринулись на студентовъ, крича: „смерть, смерть клирикамъ!“ Студенты пустились было бѣжать обратно въ Парижъ, но предусмотрительные монахи заняли всѣ трое ближайшихъ городскихъ воротъ и перехватывали тамъ бѣглецовъ. Студентовъ ловили, били и сѣкли до полусмерти, а потомъ кидали въ монастырскую тюрьму. Множество студентовъ получило при этомъ тяжкія увѣчья, и двое изъ нихъ черезъ нѣсколько дней скончались отъ полученныхъ ранъ“ [1])... Дѣло доходило до короля: „Филиппъ III сталъ рѣшительно на сторону студентовъ, и властямъ аббатства пришлось поплатиться за свое самоуправство“.

Другое избіеніе студентовъ имѣло мѣсто въ Оксфордѣ. Тамъ шла постоянная война у студентовъ съ горожанами; наконецъ, рѣшено было прекратить раздоры; но какъ разъ въ это же время одному

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 142—3.

изъ студентовъ вздумалось на какомъ-то диспутѣ отнять булаву у одного изъ городскихъ стражниковъ. Другіе стражники заступились за своего товарища,—произошла схватка со студентами. На другой день вышла новая свалка въ одной церкви, при чемъ былъ убитъ какой-то совсѣмъ непричастный распрѣ крестьянинъ, пріѣхавшій изъ деревни въ городъ съ продуктами. Горожане жаловались канцлеру университета, но не получили удовлетворенія. Между тѣмъ, студенты торжественно пропѣли за упокой всѣхъ именитыхъ гражданъ Оксфорда, ссылаясь на то, что имъ все равно не долго осталось жить. Тогда горожане вышли изъ терпѣнія: ударили въ набатъ, затрубили въ рога, массы народа вышли на улицы съ ножами, палками и косами, напали на студентовъ, разгромили ихъ квартиры, изорвали книги.

Коллегіи.

Подобные факты, а, съ другой стороны, совершенно естественное желаніе дать бѣднымъ студентамъ возможность заниматься при сколько-нибудь сносной обстановкѣ заставили благотворителей XIII вѣка учреждать въ университетѣ коллегіи или пріюты для бѣдняковъ. „Такъ понималось благочестіе въ этомъ вѣкѣ“, говоритъ Дю-Буле. „Въ прежніе вѣка оно устремлялось на основаніе монастырей, а теперь стало направляться на учрежденіе коллегій для бѣдныхъ школьниковъ, этого общаго питомника профессоровъ, служителей королевской власти, церковныхъ прелатовъ и монаховъ“ [1]). Одной изъ первыхъ коллегій была знаменитая Сорбонна, основанная духовникомъ короля Людовика IX, Робертомъ Сорбонномъ, на 16 бѣдныхъ студентовъ богословскаго факультета (по 4 изъ каждой націи). Вскорѣ она была расширена, благодаря новымъ пожертвованіямъ, а также потому, что въ нее стали принимать и платныхъ пансіонеровъ, желавшихъ пользоваться ея удобствами. „За Сорбонной въ скоромъ времени открылся рядъ другихъ коллегій, къ которымъ затѣмъ присоединились и такъ называемыя „педагогіи“, куда ученики принимались только за плату. По мѣрѣ возрастанія числа подобныхъ заведеній, университетъ все больше и больше начинаетъ стѣснять „стрижей“, т.-е. студентовъ, жившихъ на вольныхъ квартирахъ, и, наконецъ, въ половинѣ XV вѣка прямо требуетъ, чтобы всѣ ученики наиболѣе многочисленнаго, младшаго, „артистическаго“ факультета, родители которыхъ жили не въ Парижѣ, помѣщались исключительно въ университетскихъ коллегіяхъ и педагогіяхъ... Попутно съ этимъ интернированіемъ учениковъ,

---

[1]) Н. Сперанскій, Очерки, стр. 171.

мѣняется и организація преподаванія. Вмѣсто того, чтобы водить учениковъ на профессорскія лекціи, ректоры многолюдныхъ коллегій стали приглашать профессоровъ къ себѣ въ заведенія. Это превратилось затѣмъ въ общее правило, и такимъ образомъ университетъ изъ вольнаго союза учениковъ и учителей, какимъ онъ былъ вначалѣ, обратился въ рядъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ развились теперешніе французскіе лицеи и высшія спеціальныя школы... Съ конца XII до конца XIV вѣка въ Парижскомъ университетѣ было основано, исключительно на частныя пожертвованія, 50 коллегій съ 1000—1100 стипендіями",—такъ сильно развивалось это дѣло.

Нищенствующіе монахи въ университетѣ.

Много блеска и славы придали Парижскому университету богословы изъ „нищенствующихъ" орденовъ, въ числѣ которыхъ были такія знаменитости, какъ доминиканцы—Альбертъ Великій и Ѳома Аквинскій, францисканцы—Бонавентура, Дунсъ Скотъ и др. Но эти же нищенствующіе вызвали въ половинѣ XIII вѣка сильную внутреннюю борьбу въ университетѣ, въ которой они, при помощи папы, побѣдили остальную университетскую корпорацію. Доминиканцы явились въ Парижъ въ 1217 г., были радушно приняты университетомъ и получили отъ него даже домъ въ приходѣ св. Іакова, гдѣ и устроили школу съ обширной аудиторіей и библіотекой.

Когда въ 1229 г. университетъ былъ закрытъ, у доминиканцевъ преподаваніе продолжалось, при чемъ одинъ изъ нихъ получилъ даже одну изъ 12 штатныхъ каѳедръ богословія, составлявшихъ предметъ упорной борьбы между соискателями. Въ это же время пріоръ парижскихъ доминиканцевъ получилъ право снимать отлученіе, налагаемое за чтеніе запрещенныхъ книгъ, и тотчасъ разрѣшилъ изучать въ своей школѣ запрещенныя еще тогда (недавно переведенныя съ арабскаго и еврейскаго) физическія и метафизическія сочиненія Аристотеля. Это привлекло къ доминиканцамъ массу учениковъ и прославило ихъ школу. Вскорѣ доминиканцы получили и вторую штатную каѳедру: три другихъ каѳедры принадлежали каноникамъ соборнаго капитула (при Notre Dame), еще четыре—другимъ монашескимъ орденамъ, такъ что на долю остальныхъ магистровъ, считавшихъ себя основателями университета и создателями его славы, оставалось всего три штатныхъ каѳедры.

Въ 1252 г. на общемъ собраніи университета было постановлено, чтобы ни одинъ орденъ монаховъ, имѣющій свою коллегію, не владѣлъ болѣе, чѣмъ одной каѳедрой теологіи. Доминиканцы отказались отдать назадъ свою вторую каѳедру, и университетъ

объявилъ ихъ исключенными изъ своей среды. Обѣ стороны жаловались папѣ Иннокентію IV, при чемъ со стороны университета былъ посланъ спеціальный прокураторъ, магистръ Гильомъ де-Сентъ-Амуръ (Вильгельмъ де-Санкто Аморе), а дѣло нищенствующихъ вели Альбертъ Великій, Ѳома Аквинскій и др. Иннокентій IV склонялся на сторону университета; но онъ скоро умеръ (1254 г.). Его преемникъ Александръ IV рѣшилъ споръ въ пользу нищенствующихъ буллой „Quasi lignum“ (14 апрѣля 1255 г.), въ которой университету было приказано немедленно принять опять нищенствующихъ въ свой составъ, а относительно каѳедръ постановлено, что утвержденіе въ нихъ должно зависѣть отъ канцлера и опредѣляться способностями и знаніями претендента, а не какимъ-либо комплектомъ.

Но университетъ не покорился, и Гильомъ де-Сентъ-Амуръ издалъ памфлетъ „De periculis novissimorum temporum“, въ которомъ нападалъ на самый принципъ „нищенства“ и указывалъ на непослѣдовательность въ его примѣненіи новыми орденами, которые богатѣютъ, принимая наслѣдство по завѣщаніямъ, получая плату за требы и т. д. [1]). Тогда папа выступилъ на защиту нищенствующихъ, велѣлъ сжечь памфлетъ Гильома, его самого и двухъ другихъ магистровъ лишить сана, бенефицій и изгнать изъ Франціи; кромѣ того, онъ приказалъ исполнить постановленія буллы „Quasi lignum“ и не давать никому „права на преподаваніе“, пока онъ не обяжется соблюдать эту буллу (1256 г.). Университетъ долженъ былъ покориться и принять снова нищенствующихъ въ свой составъ. Слѣдствіями этой борьбы было уничтоженіе прежнихъ комплектовъ каѳедръ и утвержденіе свободы преподаванія.

Ученыя степени. Внутренняя организація университетовъ была, въ сущности, обычной цеховой: та же замкнутость и корпоративный строй; то же раздѣленіе занятій; та же лѣстница степеней съ особыми, строго опредѣленными для каждой правами и обязанностями; тѣ же испытанія и аттестаты; тѣ же ученики, подмастерья и мастера (magistri); словомъ, это былъ „ученый цехъ“. Различіе между учащимися и учащими не было строго проведено: часто подъ studentes разумѣлись и тѣ, и другіе. Университетскія степени и званія были слѣдую-

---

[1]) Надо замѣтить, что папы вскорѣ послѣ возникновенія нищенствующихъ орденовъ позволили имъ если не владѣть собственностью, то все-таки пользоваться ею (не possessio, а usus), настоящими же собственниками имѣній этихъ орденовъ папы объявили себя.

щія: бакалавръ, лиценціатъ и магистръ или докторъ. Бакалаврами (латинизированное bachelier, т.-е. bas chevalier, молодой рыцарь) „артистическаго“ факультета дѣлались студенты, сдавшіе экзаменъ изъ формальнаго отдѣла философіи: грамматики, діалектики, реторики и элементовъ математики и астрономіи; тогда они должны были выдержать нѣсколько диспутовъ (въ Вѣнѣ—10) и получали искомую степень. Медики производились въ бакалавры послѣ двухъ лѣтъ занятій медициной, если они были magistri in artibus; если же нѣтъ, то черезъ три года и т. д. Бакалавры назначались магистрами для занятій съ младшими студентами и имѣли право носить круглую шляпу безъ полей, какъ отличительный знакъ своего званія. Въ лиценціаты производились бакалавры послѣ нѣсколькихъ лѣтъ занятій и соотвѣтствующихъ испытаній. Такъ, въ Вѣнѣ, напр., на теологическомъ факультетѣ бакалавръ обязанъ былъ прочесть библейскій курсъ, потомъ пробыть годъ или два сентенціаріемъ (т.-е. объяснять „Liber sententiarum“ Петра Ломбарда), затѣмъ три года упражняться при университетѣ въ диспутахъ и проповѣдяхъ, и тогда уже только онъ допускался къ испытаніямъ. Лиценціатъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія и особаго экзамена (на артистическомъ факультетѣ—изъ реальныхъ наукъ квадривіума), получалъ степень магистра. Магистры и доктора теологіи титуловались обыкновенно „magistri nostri“.

Дарованіе степени магистра (или доктора) совершалось очень торжественно. Магистрантъ (или докторантъ), т.-е. выдержавшій соотвѣтствующій степени экзаменъ, долженъ былъ сказать рѣчь въ соборѣ, прочесть лекцію и выдержать диспутъ; если диспутъ проходилъ удачно, то канцлеръ приводилъ диспутанта къ присягѣ и провозглашалъ его удостоеннымъ искомой степени. Всѣ присутствовавшіе на диспутѣ магистры цѣловали новаго члена своей корпораціи, въ знакъ принятія въ нее, и вручали ему знаки его достоинства: книгу, какъ символъ науки, кольцо и докторскую шляпу (широкополый беретъ), а затѣмъ возводили его на каѳедру; тѣмъ и кончалась церемонія.

Лекціи и диспуты.

Преподавательская дѣятельность магистровъ состояла изъ lectio и disputatio. Lectio (чтеніе) состояло изъ объясненія текстовъ св. Писанія или какого-либо автора; тексты должны были быть въ рукахъ у слушателей, по крайней мѣрѣ, одинъ на троихъ. Вотъ мнемоническая формула для процедуры объясненія юридическаго текста, чрезвычайно хорошо передающая въ латинскомъ дистихѣ духъ тогдашняго преподаванія:

Praemitto, scindo, summo, casumque figuro,
Perlego, do causas, connoto, obicio,—

т.-е. „объясняю термины и даю общую характеристику мѣстамъ, откуда взятъ текстъ (praemitto); дѣлю его на части (scindo); резюмирую его содержаніе (summo); привожу (дѣйствительный или воображаемый) случай приложенія данной юридической нормы (casum figuro); читаю текстъ (perlego); излагаю причины для пониманія его въ данномъ смыслѣ (do causas); объясняю его побочными и ограничивающими его положеніями и общими соображеніями (connoto); наконецъ, излагаю и обсуждаю возраженія (obicio)...“

Чтеніе лекцій продолжалось обыкновенно съ 19—20 октября до 7-го сентября; это время и составляло учебный годъ, а сентябрь и октябрь продолжались „большія вакаціи“. Кромѣ того, отъ занятій были свободны: двѣ недѣли на Пасхѣ, 11 дней на Святкахъ и четверги на тѣхъ недѣляхъ, въ срединѣ которыхъ не было праздниковъ.

Диспутированіе (disputatio) дополняло лекціи; цѣлью его было изощреніе ума на рѣшеніи частныхъ вопросовъ, на приложеніи общихъ положеній къ отдѣльнымъ случаямъ. Диспуты устраивались обыкновенно по субботамъ; въ большую залу собирался весь факультетъ—и студенты, и магистры. Кто-нибудь изъ магистровъ говорилъ вступительную рѣчь и, въ заключеніе, предлагалъ тезисы для спора. Магистры по порядку возражали на эти тезисы аргументами въ силлогической формѣ и давали контръ-тезисы; это называлось—arguere (возражать). Бакалавры, при помощи магистровъ, разрѣшали это столкновеніе мнѣній новыми рядами силлогизмовъ; это значило—respondere (отвѣчать). Иногда, кромѣ того, устраивались диспуты между студентами, подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ бакалавровъ. Всѣ эти диспуты, при тогдашней скудости въ средствахъ просвѣщенія, при маломъ числѣ книгъ и новыхъ сочиненій, были незамѣнимымъ средствомъ провѣрять и пускать въ обращеніе новые научные взгляды и идеи; здѣсь сталкивались и выяснялись самыя разнообразныя убѣжденія, возбуждались и подготовлялись новыя точки зрѣнія на вещи... Съ другой стороны, диспуты были своего рода спортомъ: прибѣгали къ самымъ коварнымъ уловкамъ, изобрѣтали самые неожиданные силлогизмы, лишь бы разбить, запутать противника. Иногда страсти разгорались слишкомъ сильно, такъ что на диспутахъ, напр., реалистовъ съ номиналистами, приходилось отдѣлять барьеромъ каѳедры главныхъ

бойцовъ, такъ какъ безъ этого ученый турниръ могъ бы обратиться въ кулачный бой.

До какой степени на этихъ диспутахъ изощрялись умы и оттачивалась логика, можно видѣть изъ слѣдующаго преданія. Въ 1304 г. пришелъ изъ Оксфорда въ Парижъ францисканецъ Дунсъ Скотъ, знаменитый противникъ Ѳомы Аквинскаго, и защищалъ здѣсь на большомъ диспутѣ одно богословское положеніе. Противъ него были выставлены очень сильные аргументы, притомъ—въ числѣ около 200. Внимательно и спокойно выслушалъ онъ ихъ безъ перерыва, потомъ повторилъ на память всѣ по порядку и разрѣшилъ самыя невѣроятныя трудности, распуталъ самые замысловатые силлогизмы „такъ же легко, какъ Самсонъ разорвалъ узы филистимлянъ", говоритъ одинъ современникъ. Университетъ былъ пораженъ тонкостью его мысли и силою его доказательствъ и въ знакъ особаго отличія почтилъ его прозваніемъ „doctor subtilis" (тонкій, утонченный ученый).

Вся эта научная и преподавательская дѣятельность совершалась на латинскомъ языкѣ, общемъ въ средніе вѣка для ученыхъ всѣхъ западно-европейскихъ націй. Но это былъ совсѣмъ особый языкъ,— отнюдь не классическій стиль Цицерона, Ливія, Вергилія и другихъ римскихъ авторовъ. Бо̀льшая часть матеріала была, правда, взята изъ древне-латинскаго, но изъ этого матеріала было выстроено совсѣмъ новое зданіе, созданъ новый живой языкъ. Языкъ Цицерона былъ, можетъ быть, болѣе изященъ, но онъ вовсе не годился средневѣковымъ магистрамъ ни тогда, когда они въ коллегіяхъ и бурсахъ разсуждали о своихъ личныхъ дѣлахъ, ни тогда, когда они излагали тонкія логическія различенія. Отъ долгаго употребленія средневѣковая латынь совершенно приспособилась къ идеямъ и обстановкѣ своей эпохи: форма стала вполнѣ соотвѣтствовать содержанію. Эта латынь стала новымъ, живымъ языкомъ, чего отнюдь нельзя сказать, напримѣръ, о латыни гуманистовъ, у которыхъ новое содержаніе часто не укладывалось въ чуждую ему „цицероновскую" форму. Какъ и всякій живой языкъ, средневѣковую латынь изучали на практикѣ посредствомъ разговора.

Нѣмецкіе университеты.

Число университетовъ быстро росло въ XIV и XV вѣкахъ, особенно въ Германіи, гдѣ передъ реформаціей считалось уже 20 университетовъ; общее же число ихъ въ Западной Европѣ было къ этому времени 65 (во Франціи—16, въ Италіи—15, въ Испаніи—6, въ Англіи—5 и по 1 въ Португаліи, Швеціи и Даніи).

Германскіе университеты въ общемъ моложе прочихъ: первый

изъ нихъ—Пражскій—основанъ въ 1346 г. императоромъ Карломъ IV—при двухъ профессорахъ теологіи, трехъ—философіи и свободныхъ искусствъ (artes) и по одному для каноническаго, для гражданскаго права и для медицины. Университетъ состоялъ изъ четырехъ націй: чешской, баварской, польской и саксонской, прокураторы которыхъ, какъ обычно, выбирали ректора. Въ общемъ, уставы Пражскаго и большей части остальныхъ германскихъ университетовъ списаны съ парижскихъ; лишь позже—Тюбингенскій, Виттенбергскій и Гельмштедтскій получили организацію по образцу Болонскаго. Мѣсто коллегій при германскихъ университетахъ занимали „бурсы", т.-е. пансіоны для студентовъ въ семьяхъ нѣкоторыхъ изъ магистровъ, которымъ факультеты въ видѣ отличія давали право держать бурсаковъ. Эти магистры, „ректоры" своихъ бурсъ, слѣдили за посѣщеніемъ студентами лекцій, повторяли съ ними изучаемые предметы, вели за обѣдомъ или послѣ него диспуты по-латыни и наблюдали, чтобы бурсаки и между собою говорили на этомъ языкѣ. Бурсаки платили своему хозяину, большею частью, по одному грошу въ недѣлю, не считая особыхъ подарковъ въ извѣстные сроки; за повтореніе лекцій полагалась особая плата.

Замкнутая организація, корпоративный строй, независимое положеніе между свѣтской и духовной властью—все это ставило университеты очень высоко въ глазахъ современниковъ, обусловливало ихъ силу и общественное значеніе. Университеты были очагами научнаго движенія: здѣсь билась свободная мысль, здѣсь жило идейное творчество—двигатель и основа какъ частной, такъ и общественной жизни. Потому-то университеты и оказались однимъ изъ самыхъ жизненныхъ явленій среднихъ вѣковъ,—и изъ бурь „возрожденія" и реформаціи вышли преобразованными, укрѣпленными и способными къ плодотворному развитію въ будущемъ.

XLIV.

Болонскій университетъ и римское право въ средніе вѣка.

Римское право отъ V по XI в.

Ко времени паденія Западной Римской имперіи населеніе ея провинцій было вполнѣ романизовано. Туземцы Африки, Испаніи, Галліи, частью Британіи, всѣ равно усвоили торгово-промышленную и земледѣльческую технику римлянъ, переняли говоръ Италіи—народную, вульгарную латынь, и восприняли римскія юридическія воззрѣнія, въ частности—римскія понятія о гражданскихъ сдѣлкахъ, порядкѣ ихъ совершенія и объ отношеніяхъ, изъ нихъ вытекающихъ. Таково отправное положеніе средневѣковой исторіи Запада.

Римская рѣчь и римское право не вымерли и послѣ вторженія варваровъ. Германцы-побѣдители настолько отличались своимъ культурнымъ развитіемъ отъ населенія, среди котораго они осѣли, такъ ясно сознавали это отличіе, что не попытались даже навязать покореннымъ „романамъ“ своихъ воззрѣній, своего права.

Пособія: *Н. Сперанскій*. Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Москва 1896 (Роль школы, бытовыя условія, положеніе учащихъ и учениковъ.) *P. Denifle*, Die Geschichte der Universitäten. I. Berlin 1885 (Обстоятельная исторія университетовъ всѣхъ странъ до 1400 г.). *A. Esmein*, Cours élémentaire d'histoire du droit français. 2 éd. Paris 1895 (Значеніе римскаго права для Франціи, роль легистовъ). *R. Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, 2 Auf. Leipzig 1894 (Рецепція въ Германіи) *F. Pollock and Maitland*, The History of English Law before the time of Edward I. T. I. Oxford 1895 (Есть превосходная глава о положеніи римскаго права въ средніе вѣка вообще и въ частности объ его значеніи для Англіи).

Само собою [1]), какъ естественный исходъ изъ конфликта двухъ цивилизацій, въ основанныхъ варварами на римской почвѣ государствахъ установилось такъ называемое „личное начало“: несмотря на объединеніе населенія одною государственною властью, общими для всѣхъ административными и судебными учрежденіями, въ области гражданскихъ отношеній каждая національность продолжала жить и судиться согласно своему природному праву. Такимъ образомъ, знаніе римскаго права или его обломковъ, уцѣлѣвшихъ при общемъ пониженіи культуры, сохранялось среди провинціальнаго населенія. Оно, правда, слабо поддерживалось также народной школой, которая, будучи преемницей древне-римской школы, включала въ свою программу, какъ часть риторики, *ars dictaminis*, искусство составлять дѣловыя бумаги, въ особенности примѣнять юридическія формулы. Мѣстами, въ Римѣ, напримѣръ, сохранились спеціальныя, какъ бы высшія, юридическія школы.

Со временемъ, однако, примѣнять „личное начало“ становилось все труднѣе. Разноплеменные подданные одного государства жили въ перемежку, въ невольномъ экономическомъ общеніи, сближались, смѣшивались. Многое перенимали у варваровъ римляне (напримѣръ, институтъ соприсяжниковъ, conjuratores), но гораздо значительнѣе было вліяніе на германцевъ все еще болѣе культурныхъ римлянъ. Когда у германцевъ назрѣла потребность записать положенія ихъ обычнаго права и придать ему новую санкцію со стороны организованной государственной власти, они прибѣгли къ готовымъ формуламъ, какими могъ снабдить ихъ сосѣдній римскій нотаріусъ: рядъ варварскихъ Правдъ былъ редактированъ на латинскомъ языкѣ. Такой кодификаторскій пріемъ придалъ зачаточнымъ, неуклюжимъ еще юридическимъ представленіямъ германцевъ, которыя были приравнены къ отчетливымъ римскимъ понятіямъ, болѣе устойчивое, но видоизмѣненное значеніе. Не довольствуясь этимъ, варвары заимствовали рядъ отдѣльныхъ институтовъ, искажая, правда, и приноравливая ихъ къ своимъ потребностямъ. Первенствующее, громадное значеніе имѣло, напримѣръ, заимствованіе письменной формы для сдѣлокъ между живыми (договоровъ, дареній, передачи имущества) и распоряженій на случай смерти (завѣщаній). Послѣднія раньше были совершенно чужды германскому праву и введены уже подъ вліяніемъ церкви.

---

[1]) Была сдѣлана только одна попытка—въ обратномъ направленіи: Теодорихъ подчинилъ готовъ римскому праву.

Первые вѣка послѣ вторженія варваровъ были эпохой разложенія тѣхъ культурныхъ центровъ, которые римская цивилизація создала въ провинціи: городовъ — муниципій — и помѣстій — виллъ. Когда въ X и XI вѣкахъ, благодаря ряду внѣшнихъ толчковъ (походы норманновъ), этотъ процессъ быстро завершился, когда старый, римскій въ своей основѣ, строй окончательно рушился, пали уцѣлѣвшія еще перегородки между различными группами населенія. Онѣ слились и выработали для каждой отдѣльной мѣстности общій говоръ и рядъ общихъ, несложныхъ обычаевъ. Образовалось новое, территоріальное, обычное право, особенности котораго, какъ и мѣстнаго говора, обусловливались привычками численно преобладавшей въ округѣ національности. Во Франціи, напримѣръ, преобладаніе германскихъ началъ на сѣверѣ и римскихъ на югѣ почти совпадаетъ съ распространеніемъ нарѣчій langue d'oil и langue d'oc—въ зависимости отъ племенного состава населенія по обѣ стороны пограничной линіи этихъ областей.

Роль церкви.

Римское право, тѣмъ не менѣе, сохранило практическое значеніе. При наступившемъ смятеніи, пока еще только нарождавшійся феодальный строй медленно стягивалъ новые узлы культурной жизни, пока вырабатывался новый укладъ народной жизни и хозяйственнаго быта, среди общаго хаоса окончательно сложилась могущественная и стройная общественная организація — католическая церковь. По ея ученію, церковь есть societas perfecta, т.-е. по современной терминологіи, суверенное государство. Какъ таковое, она имѣетъ свое особое право и только римскимъ и весьма близкимъ къ нему каноническимъ могло быть право этого римскаго по происхожденію, строю и духу учрежденія. „Secundum legem Romanam quam ecclesia vivit“, говоритъ уже Рипуарская Правда. При господствѣ такъ называемаго „личнаго начала“ римское право стало какъ бы національнымъ правомъ церкви и ея служителей. Оно примѣнялось притомъ не только по отношенію къ этимъ послѣднимъ, но всегда, когда въ дѣлѣ затрогивались ихъ интересы. Церковь даже расширила примѣненіе римскаго права, постепенно увеличивая, особенно въ XII в., кругъ вѣдомства своихъ судовъ и подчиняя имъ рядъ свѣтскихъ отношеній.

Возрожденіе римскаго права.

Юридическія познанія духовенства были, однако, ничтожны. Уровень образованія его глубоко палъ, и научное возрожденіе и возстановленіе авторитета римскаго права въ свѣтскихъ судахъ не было вызвано имъ.

Первые слѣды изученія римскаго права мы можемъ прослѣдить

въ Италіи, въ XI столѣтіи. Къ тому времени города сѣверной Италіи, ближайшіе преемники античной культуры, первые на Западѣ, достигли болѣе высокой степени общественнаго развитія. Политическій строй ихъ пріобрѣлъ нѣкоторую устойчивость, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стало изумительно быстро увеличиваться народное благосостояніе. Отдѣльныя отрасли торговли и промышленности, получая самостоятельное значеніе, обособлялись и распредѣлялись между различными хозяйствами; послѣднія чаще, чѣмъ прежде, обмѣнивались своими произведеніями, и торговыя сношенія между ними росли и осложнялись. Возобновились также сношенія съ высококультурною еще Византіей и съ Востокомъ. Благодаря всему этому поднялся общій уровень образованія, и сказалась потребность въ болѣе совершенномъ и развитомъ правѣ. Въ многочисленныхъ вновь возникавшихъ городскихъ школахъ преподаваніе его оживилось. Въ Павіи, напримѣръ, въ X столѣтіи рядъ юристовъ занялся истолкованіемъ мѣстныхъ лангобардскихъ обычаевъ и законовъ.

Въ сѣверо-восточной Италіи, въ Равеннской области, гдѣ населеніе, во время продолжительнаго господства Византіи, успѣло нѣсколько освоиться съ сборниками Юстиніана, введенными имъ въ 554 году,—вновь обратились къ изученію уцѣлѣвшихъ частей этихъ сборниковъ. Работы равеннскихъ юристовъ возбудили, однако, и за предѣлами Равенны общій интересъ къ заброшеннымъ памятникамъ римскаго права, о высокихъ достоинствахъ котораго въ обществѣ сохранилось смутное преданіе, среди образованнаго духовенства, быть можетъ, даже ясное представленіе. Этого было достаточно. Среда была подготовлена хозяйственнымъ строемъ и общимъ умственнымъ развитіемъ, и ознакомленіе съ древней юридической мыслью быстро вызвало широкое научное движеніе.

Глоссаторы. Уже въ концѣ XI вѣка въ сосѣдней съ Равенной Болоньѣ возникла школа „глоссаторовъ“, которая произвела рѣшительный переворотъ въ пріемахъ изученія права. Основатель этой школы Ирнерій былъ сначала преподавателемъ риторики; но по почину маркграфини Матильды Тосканской, союзницы папы Григорія VII, онъ около 1088 года сталъ читать въ Болоньѣ римское право, какъ самостоятельный предметъ, отдѣльно отъ риторики, въ связи съ которой оно преподавалось раньше. Сохранилось преданіе, что Ирнерію первому удалось по частямъ вновь собрать полный текстъ Юстиніановыхъ сборниковъ. Но допуская даже, что это преданіе невѣрно, что у него были неизвѣстные намъ предшественники, все же за Ирнеріемъ и его учениками мы должны признать великую

заслугу возрожденія послѣ вѣкового перерыва обширной и плодотворной отрасли знанія [1]).

По словамъ одного изъ преемниковъ его, Ирнерій былъ знатокъ логики (logicus fuit) и человѣкъ тонкаго ума (vir subtilis). Онъ быстро занялъ вліятельное положеніе, какъ судья и какъ преподаватель. Число его слушателей было, вѣроятно, весьма значительно: уже въ 1159 году папа Александръ III, преподававшій въ молодости римское право въ Болоньѣ, шлетъ извѣщеніе о своемъ избраніи цѣлому ряду болонскихъ ученыхъ. Не зная, однако, какъ долго преподавалъ Ирнерій,—повидимому, до 1125 года,—мы не можемъ рѣшить, его ли учениками были тѣ четыре глоссатора, которые, опираясь на римское ученіе о неограниченности государственной власти, отстаивали въ 1158 году на Ронкальскомъ сеймѣ права императора Фридриха I, какъ законнаго преемника римскихъ кесарей. Цѣня поддержку со стороны преподавателей римскаго права, императоры оказывали школѣ особое покровительство, которое много содѣйствовало быстрому ея росту. Съ этого времени извѣстные изслѣдователи и преподаватели непрерывно смѣняли другъ друга въ теченіе полутора столѣтій. Изъ нихъ наиболѣе прославился Ацо, юристъ начала XIII вѣка. При немъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Болонью со всѣхъ концовъ Европы собиралось до 10.000 слушателей ежегодно. Толкованія Ацо пользовались общепризнаннымъ, рѣшающимъ значеніемъ въ судахъ, примѣнявшихъ римское право. Ученикомъ его Аккурсіемъ († въ 1260 г.) заканчивается рядъ глоссаторовъ. Какъ бы подводя итогъ дѣятельности своихъ предшественниковъ, Аккурсій составилъ полный сводъ ихъ толкованій, и этимъ сводомъ, „glossa ordinaria“, почти исключительно пользовались всѣ позднѣйшіе юристы.

Своимъ названіемъ глоссаторы обязаны внѣшнему пріему работы, привычкѣ заносить свои объясненія между строкъ или на поляхъ рукописи памятника въ формѣ „глоссъ“ [2]). Но быстрый и прочный успѣхъ ихъ объясняется новыми, для той эпохи, пріе-

---

[1]) Въ 1894 году нѣмецкій ученый Фиттингъ издалъ нѣсколько юридическихъ сборниковъ, составленныхъ около XI вѣка, замѣчательныхъ по своему высокому совершенству, которые онъ приписываетъ Ирнерію. Вопросъ этотъ споренъ, но сборники, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что изученіе римскаго права стало сразу на значительную высоту.

[2]) Glossa—на средневѣковой латыни — иностранное, непонятное слово, а также его истолкованіе.

мами изслѣдованія права. Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, они стали изучать римское право во всемъ его объемѣ, какъ одно цѣлое. Они подыскивали съ изумительной и понынѣ едва ли превзойденной тщательностью сродные по содержанію отрывки и обнаружили, при истолкованіи ихъ, много находчивости и остроумія. Значеніе ихъ работъ умаляется, правда, тѣмъ, что они, подобно всѣмъ средневѣковымъ ученымъ, какъ и художникамъ [1]), были лишены всякаго представленія объ историческомъ развитіи и, ничѣмъ не смущаясь, отыскивали въ законахъ римскихъ императоровъ постановленія о ленномъ владѣніи или находили въ нихъ оправданіе родовой мести. Но сознательно они не рѣшались отступать отъ положеній римскаго права. Они съ набожною почтительностью усвоивали его, какъ воплощенный разумъ, какъ ratio scripta. Увѣренные въ предстоящемъ возрожденіи Римской имперіи, глоссаторы думали и учили, что всѣ христіанскіе народы обязаны вновь подчиниться римскому праву. Поэтому они ограничивались попытками найти въ немъ отвѣтъ на запросы мѣстной жизни, разрѣшеніе отдѣльныхъ случайно возникавшихъ юридическихъ задачъ; съ самаго же начала они излагали римское право, какъ право единое и общее для всего латинскаго Запада. И въ ихъ аудиторіяхъ стали собираться ученики со всего Запада.

Первое увлеченіе римскимъ правомъ.

Не связанное болѣе узкими рамками мѣстныхъ интересовъ, тщательное изученіе римской юридической литературы, которая, къ тому же, сохранилась почти полностью въ отличіе отъ литературы другихъ наукъ [2]), — изумительно быстро подняло уровень юридическаго мышленія. Въ короткое время юристы перешли отъ примѣненія отрывочныхъ, скудныхъ положеній средневѣковаго права къ послѣдовательному, подчасъ тонкому, разбору сложныхъ (юридическихъ) понятій. Глоссаторы, наряду съ парижскими схоластиками, ознаменовали возрожденіе научнаго мышленія, переходъ отъ

---

[1]) Одинъ итальянскій художникъ, современникъ постъ-глоссаторовъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, изобразилъ Сципіона Младшаго, въ доспѣхахъ, рядомъ съ пушкою, направленной противъ готическихъ башенъ Кароагена, — несмотря на то, что, какъ не могъ не знать и художникъ, пушки вошли въ употребленіе за нѣсколько десятковъ лѣтъ всего. Подобно этой картинѣ разсужденія глоссаторовъ рисуютъ намъ иногда бытъ средневѣковой Италіи, а не древняго Рима.

[2]) Чтобы оцѣнить значеніе этого обстоятельства, стоитъ вспомнить о вліяніи, которое оказало на развитіе (схоластической) философіи, появленіе на Западѣ, хотя плохого, но полнаго перевода Аристотеля.

механическаго усвоенія безсвязныхъ отрывковъ къ сознательному, систематическому сопоставленію и согласованію унаслѣдованныхъ ученій [1]). То была первая, еще непосильная ихъ уму, но смѣлая попытка варваровъ самостоятельно разобраться въ богатомъ наслѣдіи древняго міра.

Подобную задачу первыми поставили себѣ юристы-глоссаторы. Благодаря ихъ трудамъ, изученіе права получило характеръ научной работы раньше, чѣмъ изученіе другихъ отраслей знанія. Въ средніе вѣка, пока философія считалась какъ бы введеніемъ къ богословію и изучалась только богословами, а естествознанія, какъ науки, не существовало, право было единственной свѣтской наукой, способной сообщить уму изслѣдователя научную выправку и широкое развитіе. Поразительные успѣхи юристовъ, столь же блестящіе и болѣе прочные, чѣмъ успѣхи парижскихъ схоластиковъ, не могли не придать особаго обаянія римскому праву и не вызвать увлеченія имъ въ обществѣ, среди котораго съ необычайной силой пробудилась жажда научнаго знанія [2]).

Движеніе, возникшее въ Болоньѣ, быстро охватило всю Западную Европу потому, конечно, что воззрѣнія глоссаторовъ были послѣдовательнымъ выраженіемъ настроенія средневѣковаго общества, которое смотрѣло на свой міръ, какъ на непосредственное продолженіе міра римскаго. Обязанные Риму почти всѣмъ своимъ культурнымъ багажомъ, своей литературной рѣчью, письменностью, естествознаніемъ и техникой, своими нравственными и религіозными идеалами, средніе вѣка, подчиняясь во всемъ вліянію Рима, не могли, очевидно, не подчиниться и его праву. Для нихъ рим-

---

[1]) Мы привыкли обвинять глоссаторовъ и ихъ учениковъ въ слѣпомъ подчиненіи авторитетамъ. Этотъ упрекъ дѣлали имъ уже въ эпоху Возрожденія (Раблэ жестоко потѣшался надъ ними за это). Не то думали въ XII-мъ столѣтіи. Стефанъ, епископъ Турнейскій, въ письмѣ къ папѣ, какъ водится, обличаетъ новое направленіе въ наукѣ и жалуется, что-де „нынѣ въ церковныхъ судахъ простыя, установленныя издревле правила презираются новыми учеными; стали они противополагать имъ, къ немалому смущенію вѣрующихъ, непроходимый лѣсъ декретовъ, папскихъ посланій и тому подобныхъ документовъ, выбирая изъ нихъ, по своему усмотрѣнію, то, что имъ кажется болѣе подходящимъ“.

[2]) Пусть читатель вспомнитъ тутъ значеніе и роль отвлеченныхъ богословскихъ споровъ въ ту эпоху, готовность многотысячной толпы, напримѣръ, учениковъ Абеляра, съ напряженнымъ вниманіемъ, при самыхъ неудобныхъ внѣшнихъ условіяхъ, слѣдить за сложными схоластическими разсужденіями. Ничего подобнаго никогда больше не наблюдалось. Въ 1228 году доминиканцы включили въ свои орденскія правила обѣтъ воздержанія отъ изученія права.

ское право имѣло значеніе не одной изъ юридическихъ системъ, между которыми возможенъ выборъ; то было высшее, даже единственное культурное право, имъ доступное. Можно ли еще спрашивать, почему оно было реципировано?

Уже при первомъ ознакомленіи съ правомъ, изложеннымъ въ сборникахъ Юстиніана, глоссатора поражало превосходство его надъ средневѣковыми обычаями; онъ угадывалъ тѣ высокія достоинства его, которыя понынѣ заставляютъ юристовъ обращаться къ этимъ сборникамъ, чтобы овладѣть мастерствомъ римлянъ въ разработкѣ юридическихъ задачъ. На рядъ вопросовъ и правовыхъ задачъ, которые ставилъ впервые общественный или частный бытъ въ своемъ поступательномъ развитіи, средневѣковый юристъ находилъ тутъ готовые отвѣты, находилъ ихъ по двумъ причинамъ. Въ основу средневѣковой культуры легла та античная культура, которую нѣкогда регулировало римское право, и привитая варварамъ античная гражданственность не могла не приводить къ аналогичнымъ отчасти результатамъ. Второю причиною былъ *универсальный* характеръ римскаго права. Въ эпоху Имперіи оно лишилось своихъ узко-національныхъ особенностей: развиваясь на почвѣ тѣснаго общенія ряда высоко-культурныхъ народностей, связанныхъ господствомъ Рима, воспринимая лучшія черты ихъ права, оно, по мѣрѣ разработки смѣнявшимися поколѣніями юристовъ-философовъ, выростало въ право „общенародное“, т.-е. въ право, общее для всѣхъ народовъ римской имперіи и тѣмъ самымъ для всего цивилизованнаго міра. Въ лучшую его эпоху оно регулировало отношенія, основанныя на товарномъ производствѣ и денежномъ хозяйствѣ, сложности и многообразія которыхъ средніе вѣка стали достигать лишь весьма медленно и неравномѣрно въ разныхъ странахъ Европы.

По сборникамъ Юстиніана средневѣковые юристы знакомились и съ основами римскаго государственнаго строя временъ Имперіи, такъ успѣшно обезпечившаго ея мирное развитіе, ту Pax Romana, символъ имперіи, которой многочисленныя области ея были обязаны цвѣтущимъ состояніемъ въ теченіе первыхъ вѣковъ нашей эры. Преданіе объ этомъ сохранилось среди варваровъ, и долго государственные дѣятели ихъ мечтали о возрожденіи искусно и крѣпко слаженнаго правительственнаго механизма Рима. Германскій императоръ, французскій король, сотрудники ихъ по осуществленію нелегкой для того времени задачи—усиленія государственной власти и обезпеченія политическаго и нравственнаго объединенія на-

рода, — всѣ они поэтому неуклонно стремились поднять значеніе римскаго права.

Итакъ, научный интересъ къ римскому праву, нравственное обаяніе его, практическая польза, поддержка свыше, — все это, дѣйствуя одновременно, побуждало лучшія силы того времени, какъ нѣкогда въ Римѣ, посвящать себя изученію права. XII вѣкъ, въ особенности, когда интересы общества еще не сосредоточились на богословскихъ спорахъ, какъ въ XIII и слѣдующихъ столѣтіяхъ, сталъ *вѣкомъ юриспруденціи*; на немъ отозвалось первое, страстное увлеченіе римскимъ правомъ. Большинство папъ — наиболѣе даровитыхъ личностей своей эпохи — вышло тогда изъ рядовъ юристовъ [1]).

Болонская школа.

Въ эту именно эпоху увлеченія римскимъ правомъ одни только болонскіе глоссаторы преподавали его какъ самостоятельную отрасль знанія, какъ *науку*, систематически и въ полномъ объемѣ; только болонская юридическая школа могла получить обще-европейское значеніе — и получила его. Съ самаго же основанія школы въ Болонью стали стекаться ученики не только изъ Италіи, но также изъ-за Альпъ, изъ романскихъ и славянскихъ земель,—всѣхъ тѣхъ странъ, умственная жизнь которыхъ находилась подъ вліяніемъ римской культуры. Число иностранцевъ быстро превысило во много разъ число мѣстныхъ учениковъ. Иностранцы получили рѣшительное преобладаніе. Подъ ихъ вліяніемъ болонская школа изъ *городской*, какой она была первоначально, превратилась въ школу *общую* для всѣхъ народовъ, въ „*Studium generale*“. Эта первая перемѣна въ характерѣ и значеніи школы повлекла за собою рядъ другихъ. Постараемся прослѣдить теперь важнѣйшія изъ нихъ, тѣ, которыя оказали замѣтное вліяніе на развитіе школы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на судьбы римскаго права.

Ея покровители.

Значеніе новой, высшей школы скоро было сознано свѣтской и духовной властью. Нуждаясь въ поддержкѣ людей съ научнымъ образованіемъ, императоръ и папа даровали школѣ рядъ „привилегій“, т.-е. преимуществъ въ правовомъ ея положеніи.

Чтобы обезпечить, по возможности, безопасность учениковъ-иностранцевъ, почти безправныхъ, императоръ Фридрихъ I издалъ въ 1158 году законъ, извѣстный подъ названіемъ „Authentica Habita“, въ силу котораго ученики и преподаватели школы ставились подъ особое покровительство императора на пути въ школу

---

[3]) Напримѣръ: Александръ III, Иннокентій III, Григорій IX, Иннокентій IV.

и обратно и за все время ученія. Слушатели получили также право требовать, чтобы возбуждавшіеся противъ нихъ иски и обвиненія разбирались передъ мѣстнымъ епископомъ или тѣмъ преподавателемъ, у котораго каждый изъ нихъ занимался.

Еще серьезнѣе было значеніе поддержки, оказанной высшей школѣ папскою властью. У папы, могущественнаго покровителя научныхъ занятій, университетъ искалъ защиты отъ притѣсненій со стороны города. Не разъ папы прибѣгали къ суровымъ (духовнымъ) карамъ, чтобы заставить городскую общину отказаться отъ враждебныхъ университету мѣръ, и спасали его отъ грозившей ему гибели. Къ папѣ обращались за рѣшеніемъ споровъ, возникавшихъ между преподавателями и слушателями, среди которыхъ долго преобладали клирики. Рядомъ мѣръ папы облегчали послѣднимъ доступъ въ высшую школу [1]). Университету оказывалась, наконецъ, широкая помощь изъ церковныхъ средствъ. Для бѣдныхъ студентовъ былъ основанъ рядъ общежитій (collegia или bursae), а преподавателямъ, плохо обезпеченнымъ взносами слушателей, часто предоставлялись бенефиціи, т.-е. извѣстные доходы съ церковнаго имущества.

Происхожденіе ученыхъ степеней.

Заботливое попеченіе о высшей школѣ дало возможность папамъ упорядочить многое въ ея быту—въ особенности же значеніе такъ называемыхъ „ученыхъ степеней“.

Болонскій университетъ развился на почвѣ городской, свѣтской школы, и во главѣ его не стоялъ особый духовный сановникъ, какимъ былъ, напримѣръ, въ Парижѣ канцлеръ университета. Но съ 1215 года аналогичное положеніе занялъ архидіаконъ (затѣмъ епископъ) болонскій. Папа предоставилъ ему исключительное право сообщать „licentiam docendi“, т.-е. разрѣшать чтеніе лекцій лицу, признанному преподавателями достойнымъ соотвѣтствующаго ученаго званія. Мѣра эта не вызвала возраженій, и подобныя полномочія стали передаваться затѣмъ мѣстному епископу всюду, гдѣ возникали высшія школы по образцу болонской, — въ Падуѣ по просьбѣ самихъ слушателей. Тѣмъ самымъ представители духовной власти получили во всѣхъ университетахъ извѣстное вліяніе на

---

[1]) Папы дѣлали исключеніе въ пользу Болоньи. Вообще же они предупреждали богослововъ не увлекаться римскимъ правомъ, иногда воспрещали слушать его. Въ буллѣ „Dolentur“ (1254 г.) папа съ укоризною говоритъ: tota clericorum multitudo ad audiendas seculares leges concurrit, но признаетъ, что—nunc in plerisque mundi climatibus ad ecclesiasticas dignitates nullus assumitur, nisi qui secularis scientiae professor vel advocatus existat.

присужденіе ученыхъ степеней. Обычай этотъ установился рано. По примѣру цеховыхъ мастеровъ-ремесленниковъ, преподаватели отдѣльныхъ наукъ стали принимать въ свою среду новыхъ лицъ только послѣ предварительнаго испытанія ихъ познаній. Ученикамъ, успѣшно выдержавшимъ искусъ, они торжественно присуждали затѣмъ „ученое званіе". Ихъ было нѣсколько и они пріобрѣтались въ извѣстной послѣдовательности, по степенямъ. Высшей степенью было званіе „доктора", т.-е. „ученаго". Оно соотвѣтствовало званію „мастера" и сообщало право преподавать вполнѣ самостоятельно, въ свою очередь брать въ ученіе другихъ.

Необходимость, сверхъ одобренія товарищей, получить особое разрѣшеніе отъ духовенства ограничивала права преподавателей,— но это стѣсненіе окупалось тѣмъ, что, благодаря участію въ ихъ присужденіи духовной власти, ученыя степени получили обще-европейское значеніе.

Прежде всего было признано право преподавать всюду за богословомъ, получившимъ разрѣшеніе отъ канцлера въ Парижѣ: докторъ парижскаго университета былъ doctor universalis ecclesiae, докторомъ всей церкви. Съ начала XIII столѣтія папы [1]), подтвердивъ аналогичный обычай, установившійся въ пользу болонскихъ юристовъ, даровали всѣмъ вновь возникавшимъ университетамъ привилегіи, въ силу которыхъ присужденная ими степень сообщала право преподавать и въ другихъ высшихъ школахъ (jus ubique docendi).

Впослѣдствіи, когда возникъ рядъ новыхъ университетовъ, указанное право очень много содѣйствовало установленію тѣсной связи между ними. Лучшіе университеты Запада стали привлекать еще бо́льшее число слушателей—безъ различія подданства. Установился даже обычай посѣщать, въ теченіе многолѣтнихъ иногда занятій, по нѣсколько университетовъ въ разныхъ странахъ. Часто, впрочемъ, безпечная и разгульная молодежь среднихъ вѣковъ увлекалась не ученіемъ, а веселой бродячей жизнью во время этихъ кочевокъ. Сохранились свѣдѣнія о „странствующихъ студентахъ", перебывавшихъ въ 15 и болѣе университетахъ.

Одновременно и преподаватели, по особому приглашенію или по своему почину, стали нерѣдко переходить изъ университета въ университетъ. Какъ и слушатели, они понимали, что работа ка-

---

[1]) Подобныя привилегіи давались иногда и свѣтскою властью; но онѣ получали обще-европейское значеніе только тогда, когда ихъ подтверждали папы.

бинетная, надъ рукописью, не могла тогда дать уединенному изслѣдователю того богатства познаній, какъ переѣзды изъ одного центра научной дѣятельности въ другой.

Послѣдствіемъ всего этого было постоянное живое общеніе между университетами, установленіе общеевропейской respublica litterarum. Средневѣковая наука, тѣсно связанная еще со школой, не знала національнаго обособленія, и мы увидимъ на примѣрѣ римскаго права, что новыя познанія и пріемы изслѣдованія, несмотря на отсутствіе печати, поразительно быстро распространялись по всей Западной Европѣ.

Происхожденіе и организація университетскихъ корпорацій.

Папы оказали также замѣтное вліяніе на общее развитіе строя болонской школы. Они первые приняли подъ свое покровительство возникшія при ней товарищества, общества преподавателей и слушателей. Въ XII столѣтіи въ Западной Европѣ, на развалинахъ прежняго строя, среди общаго хаоса, зародилось настойчивое стремленіе къ сплоченію, къ объединенію вновь нарождавшихся политическихъ и общественныхъ группъ. Возникали однѣ за другими городскія коммуны (общины), купеческія ганзы (союзы), торгово-промышленные цехи и гильдіи. Это движеніе сказалось также среди преподавателей и слушателей высшихъ школъ. Почти одновременно, притомъ независимо другъ отъ друга, на исходѣ XII столѣтія, какъ въ Парижѣ, такъ и въ Болоньѣ, они стали соединяться въ рядъ „обществъ“ или „товариществъ“. Подобно упомянутымъ выше политическимъ и торгово-промышленнымъ союзамъ, эти товарищества разсматривались какъ самостоятельные носители гражданскихъ и публичныхъ правъ, отличныхъ отъ правъ отдѣльныхъ участниковъ. Они были, слѣдовательно, „корпораціями“ или „universitates“, по терминологіи римскихъ юристовъ.

Въ Болоньѣ особое значеніе получили союзы слушателей. Въ составъ этихъ союзовъ долго входили одни лишь студенты-юристы, которые пользовались рядомъ привилегій на томъ основаніи, что болонская школа первоначально была исключительно юридическою школой [1]). Такой составъ долженъ былъ возвысить значеніе болонскихъ корпорацій сравнительно съ парижскими націями, гдѣ преобладали студенты-артисты,—уже потому, что къ изученію права переходили, пройдя предварительно курсъ свободныхъ искусствъ (artes). Юристы были людьми сравнительно пожилыми, и болонское студенчество отличалось гораздо менѣе безпокойнымъ нравомъ,

[1]) Преподаваніе богословія было введено только съ 1360 года.

чѣмъ парижское. Оно, наконецъ, могло свободнѣе развиваться въ вольномъ итальянскомъ городѣ, чѣмъ подъ суровою властью парижскаго канцлера, занимавшаго по отношенію къ корпораціямъ положеніе сюзерена [1]).

Такимъ образомъ, рядъ причинъ содѣйствовалъ тому, что въ Болоньѣ, въ отличіе отъ Парижа, вся власть со временемъ перешла въ руки корпораціи слушателей. Въ предѣлахъ университета повторился процессъ, который можно прослѣдить въ исторіи городской общины: къ концу среднихъ вѣковъ власть переходитъ къ одной изъ группъ союзовъ, изъ которыхъ слагалась община,— къ цехамъ.

Первое товарищество было образовано, вѣроятно, слушателями-нѣмцами, по образцу „ганзъ“ (союзовъ, гильдій) нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ за предѣлами отечества. Ихъ примѣру вскорѣ послѣдовали представители другихъ сѣверныхъ націй, а затѣмъ уроженцы Ломбардіи и средней Италіи (Toschi), такъ что всего возникло не менѣе четырехъ товариществъ. Но около 1250 года, по неизвѣстнымъ намъ побужденіямъ, онѣ слились въ двѣ большія „корпораціи“. Въ составъ одной, корпораціи „ультрамонтановъ“, вошли студенты, родомъ изъ-за Альпійской цѣпи. Они дѣлились на 14 націй, группъ, сохранявшихъ, повидимому, нѣкоторую самостоятельность. То были: Gallici, Picardi, Burgundiones, Pictavenses et Vascones, Turonenses et Cenomanenses, Normanni, Catelani, Ungari, Poloni, Theotonici, Ispani, Provinciales, Anglici—словомъ, представители всѣхъ областей средневѣковой Европы. Другая, корпорація „цитрамонтановъ“, объединяла всѣхъ уроженцевъ Италіи, за исключеніемъ слушателей изъ самой Болоньи. Какъ граждане родного города, они не нуждались въ защитѣ и помощи, которую оказывала корпорація, и поэтому совсѣмъ не входили въ составъ обществъ.

Наиболѣе древній уставъ болонской корпораціи (націи), дошедшій до насъ полностью, относится къ 1497 году. Но постановленія его носятъ явный отпечатокъ эпохи происхожденія корпорацій. Общество студентовъ именуетъ себя братствомъ (fraternitas). Оно избираетъ изъ своей среды двухъ прокураторовъ для представительства вовнѣ и для управленія ея дѣлами. Этимъ прокураторамъ поручается также судебная власть надъ товарищами и,

---

[1]) По терминологіи нѣмецкаго права, парижскія корпораціи были hofrechtliche Genossenschaften, а болонскія—stadtrechtliche.

подъ страхомъ высокаго денежнаго штрафа, воспрещается привлекать товарища къ общему суду, помимо своего корпоративнаго суда. Уставъ обязываетъ товарищей питать другъ къ другу братскую любовь (fraterna caritas), ухаживать за больными, оказывать поддержку нуждающимся товарищамъ, сопровождать ихъ къ докторскому испытанію и затѣмъ домой, складываться, чтобы справлять достойно похороны умершихъ товарищей, наконецъ, сообща праздновать торжественные въ жизни общества дни. Каждый вновь поступающій членъ общества долженъ принести присягу строго соблюдать уставъ. Эта черта, въ связи со всѣмъ вышеизложеннымъ, доказываетъ, что корпораціи были не чѣмъ инымъ, какъ древнегерманскими Schwurbrüderschaften (присяжными братствами), обычной формой соединенія средневѣковыхъ купцовъ и ремесленниковъ.

Борьба ихъ съ городомъ.

Не такъ рано и легко, какъ внутренній распорядокъ корпораціи, слушателямъ удалось упрочить внѣшнее положеніе ихъ и вліяніе на общеуниверситетскія дѣла. Этого вліянія они добились только послѣ продолжительной и упорной борьбы съ городскою общиной и съ обществомъ (цехомъ) преподавателей.

Городскія власти считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ управленіе университетомъ на томъ основаніи, что онъ первоначально былъ городскою школой. Къ студенческимъ же обществамъ онѣ относились враждебно преимущественно изъ опасенія, что, сплотившись, слушатели легче могутъ исполнить обычную во время нерѣдкихъ столкновеній съ гражданами города угрозу—выселиться и перенести всю школу въ другое мѣсто, къ немалому ущербу доходовъ Болоньи и ея домовладѣльцевъ въ особенности. Эти опасенія не были лишены основанія. Студенты на самомъ дѣлѣ нѣсколько разъ уходили и торжественно клялись, что уже не вернутся болѣе. Въ такихъ случаяхъ въ дѣло вмѣшивался постоянный покровитель студентовъ—папа. Онъ заставлялъ городъ уступать, а студентовъ разрѣшалъ отъ данной клятвы. Не всѣ, однако, соглашались на компромиссъ, и нѣкоторые оставались въ сосѣднихъ городахъ, образуя тамъ ядро новаго университета. Такъ возникли первые послѣ Болоньи итальянскіе университеты—въ Виченцѣ (1204 г.) и въ Падуѣ (1222 г.) Послѣ того, какъ было улажено особенно рѣзкое столкновеніе въ 1321 г., долго угрожавшее окончательнымъ закрытіемъ болонскаго университета, студенты-юристы построили въ память этого событія церковь S. Maria della Pace (Маріи Миротворицы). Въ этой церкви былъ поставленъ сохранившійся понынѣ памятникъ, на которомъ рельефомъ изображено поклоненіе студентовъ

Богоматери. По правую сторону стоятъ ректоръ ультрамонтановъ, nobilis vir dominus Bartholomaeus Lambertus, каноникъ изъ Фамагусты, на островѣ Кипрѣ [1]), и помощники его—Jaroslaus de Polonia et Petrus Revorii de Burgundia. По лѣвую сторону изображены ректоръ цитрамонтановъ, dominus Bernardus Catenacius, каноникъ церкви св. Антонія въ Плаценціи, и два помощника его. Этотъ памятникъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о томъ значеніи, которое клирики и въ XIV столѣтіи сохранили среди студентовъ-юристовъ.

Споры между преподавателями и слушателями.

Преподаватели, которыхъ слушателямъ къ концу среднихъ вѣковъ удалось даже подчинить власти избраннаго изъ своей среды ректора, имѣли, конечно, еще больше поводовъ бороться противъ возраставшаго вліянія обществъ слушателей. Они опирались при этомъ, главнымъ образомъ, на постановленія римскихъ императоровъ. Императоры, говорили глоссаторы, даровали право суда и власть надъ своими членами только обществамъ, состоящимъ изъ лицъ, занятыхъ какой-либо профессіей. Такими являются однако не ученики, а только преподаватели, „доктора“, и только ихъ корпорація можетъ пользоваться всѣми правами цеха. Въ началѣ XIII столѣтія глоссаторъ Ацо напоминаетъ слушателямъ, что „ни у скорняковъ, ни у другихъ ремесленниковъ ученики (подмастерья) не составляютъ товариществъ, а цехи состоятъ изъ ихъ мастеровъ“. На какомъ же основаніи, спрашиваетъ онъ, наши ученики считаютъ себя въ правѣ основывать особыя общества? Но къ концу XIV вѣка начинаютъ признавать законность общества студентовъ. Постъ-глоссаторъ Бальдо, считая ихъ вполнѣ законными, лишь убѣждаетъ слушателей, что не слѣдовало бы избирать ректора всего университета (rector studii) исключительно изъ своей среды. Выборъ общаго главы, думаетъ Бальдо, долженъ быть предоставленъ слушателямъ совмѣстно съ преподавателями, ибо они всѣ части одного тѣла—ad universitatem studentium, id est doctorum et scolarium, id est ad caput cum membris.

Образованіе единаго университета и значеніе корпоративнаго строя.

Только что приведенная цитата указываетъ, между прочимъ, на знаменательный переворотъ, завершившійся въ болонской школѣ къ концу XIV вѣка. Корпораціи слушателей еще тѣснѣе сплотились и образовали изъ всѣхъ „studentes“, какъ средніе вѣка называли не только слушателей, но также самостоятельныхъ уже

---

[1]) Кипръ былъ въ это время самостоятельнымъ государствомъ, основаннымъ *сѣверными* крестоносцами.

изслѣдователей-преподавателей, одно общество съ однимъ ректоромъ во главѣ. Это охватывающее весь составъ школы общеуниверситетское общество — universitas totius studii — и привыкли тогда короче называть „universitas“ (studentium), пока, къ концу среднихъ вѣковъ, это названіе не вытѣснило прежняго „studium generale“. Не случайно, конечно, произошла эта смѣна названій. Въ ней отразилась и мѣтко указана наиболѣе характерная и цѣнная особенность средневѣковой школы. Корпоративныя права учащихъ и учениковъ были основной причиной и единственнымъ залогомъ ея процвѣтанія и культурнаго вліянія. И раньше, до возникновенія университетовъ, въ школахъ нерѣдко вокругъ даровитаго преподавателя или извѣстнаго ученаго собирались многочисленные ученики. Но когда такой преподаватель смѣнялся или когда наступали неблагопріятныя внѣшнія условія, большинство ихъ уходило, а школа, послѣ непродолжительнаго расцвѣта, приходила въ упадокъ и въ забвеніе. Подобная же участь грозила школѣ, основанной глоссаторами, пока она не превратилась въ самостоятельный и независимый общественный союзъ, съ своей особой жизнью, особыми обычаями и преданіемъ, связывавшими послѣдовательныя поколѣнія преподавателей и слушателей. Тогда только было обезпечено, на многіе вѣка, преемство научной работы и непрерывное существованіе школы среди смутъ и борьбы среднихъ вѣковъ. Университетскіе города въ Италіи много разъ переходили отъ одного завоевателя къ другому и нерѣдко при этомъ опустошались; но университеты въ нихъ развивались почти безостановочно.

Распространеніе университетовъ.

Эта организація высшей школы, одновременно и независимо другъ отъ друга возникшая въ Болоньѣ и Парижѣ, настолько соотвѣтствовала потребностямъ эпохи, что немедленно вызвала подражаніе. До конца XIV вѣка въ разныхъ странахъ Западной Европы возникло около 50 университетовъ — и всѣ они были основаны по образцу первыхъ двухъ. Благодаря этому самая организація болонской школы оказала значительное вліяніе на распространеніе римскаго права.

На югѣ, въ Италіи и въ Испаніи, повсюду былъ заимствованъ строй болонскаго университета цѣликомъ. Вмѣстѣ съ нимъ получало преобладающее значеніе, какъ въ Болоньѣ, преподаваніе римскаго права. Особенно наглядно это вліяніе сказалось при основаніи въ 1300 г. университета въ Леридѣ Яковомъ II, королемъ Арагонскимъ, который пожелалъ избавить отъ далекаго и опаснаго

путешествія многочисленныхъ подданныхъ своихъ, стремившихся получить высшее образованіе. Въ Арагоніи въ то время воспрещалось ссылаться въ судахъ на римское право; дѣла рѣшались на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, fueros. Тѣмъ не менѣе въ Леридѣ основнымъ предметомъ преподаванія было римское право и членами университетскихъ корпорацій могли быть только студенты-юристы—была, словомъ, создана точная копія знаменитой болонской школы. И вотъ, со временемъ увлеченіе римскимъ правомъ привело въ Арагоніи къ полной его рецепціи.

Менѣе значительно было вліяніе Болоньи на сѣверѣ [1]), гдѣ образцомъ служилъ строй парижской школы. Но и тамъ юридическіе факультеты всѣхъ университетовъ еще долго находились подъ сильнымъ вліяніемъ Болоньи, которой они слѣдовали въ пріемахъ какъ научной работы, такъ и преподаванія.

Комментаторы и рецепція.

Болонскій университетъ, такимъ образомъ, ознакомилъ средневѣковое общество съ римскимъ правомъ; онъ подготовилъ почву къ воспріятію его; онъ же воспиталъ лицъ, которыя должны были провести его въ жизнь.

Эти лица, по крайней мѣрѣ главная масса ихъ, вышли уже не изъ школы глоссаторовъ. Послѣднихъ смѣнили къ концу XIII вѣка постъ-глоссаторы или „комментаторы“ [2]); ихъ учениками были французскіе „легисты“ и нѣмецкіе „юристы“, дѣятельные поборники господства римскаго права на своей родинѣ. Этою активною, практическою ролью ея опредѣляется историческое значеніе школы комментаторовъ. Они нерѣдко, безпорно гораздо чаще даже глоссаторовъ, искажали и перетолковывали постановленія римскаго права. Но они дѣлали это, удовлетворяя назрѣвшей потребности примѣнить его къ жизни. Эту трудную задачу комментаторы въ общемъ разрѣшили успѣшно, благодаря обширнымъ знаніямъ и, несомнѣнно, блестящимъ способностямъ отдѣльныхъ представителей школы. Поэтому лучшіе изъ нихъ—назовемъ Бартола († 1357 г.) и Бальдо (1400 г.)—пользовались небывалымъ почетомъ и какъ юристы-практики. Къ нимъ обращались за рѣшеніемъ не только споровъ въ области частнаго права, но нерѣдко также международныхъ, даже церковныхъ вопросовъ, и такъ велико было ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, что ихъ рѣшеніямъ приходилось

---

[1]) Только въ Оксфордѣ и Кембриджѣ университеты развились до извѣстной степени самостоятельно.

[2]) Это названіе объясняется обычнымъ пріемомъ литературнаго изложенія ихъ ученій—въ безчисленныхъ „комментаріяхъ“.

подчиняться, хотя никто не облекалъ ихъ судебною властью. Теперь только наступила эпоха, когда римское право получило внѣшній авторитетъ дѣйствующаго права, когда его старались „рецепировать“, принять и, по возможносми, цѣликомъ примѣнить къ жизни. Суды стали слѣпо преклоняться передъ нимъ—даже тамъ, гдѣ государственная власть не предписывала этого. Въ эту эпоху поэтъ, чтобы какъ можно ярче изобразить полную безпомощность грѣшника на Страшномъ судѣ, могъ воскликнуть: ему не помогутъ даже ссылки на Кодексъ и Дигесты—

ibi nihil proderit allegare,
ubi nullus Codici locus aut Digestis!

Но всюду равномѣрное, теоретическое увлеченіе римскимъ правомъ не привело къ столь же равномѣрному практическому примѣненію его. Время и ходъ рецепціи были весьма различны въ зависимости, прежде всего, отъ степени развитія хозяйственнаго быта отдѣльныхъ странъ.

Римское право во Франціи.

Остановимся нѣсколько на судьбахъ римскаго права во Франціи. На югѣ Галліи послѣ вторженія варваровъ старое провинціальное, римское населеніе сохранило преобладающее значеніе. Сложившіеся здѣсь къ XI вѣку обычаи воспроизводили основныя черты привычнаго населенію римскаго права. Когда возродилось научное изученіе его, то подъ вліяніемъ всеобщаго увлеченія сборники Юстиніана, *силою того же обычнаго права* и вопреки волѣ королей [1]), получили значеніе дѣйствующаго *закона*—и южную Францію стали называть „pays de droit écrit“. Тамъ, напротивъ, гдѣ сплошными массами осѣли франки, образовалось обычное право германскаго типа, и за областью къ сѣверу отъ Луары (приблизительно) сохранилось названіе „pays de droit coutumier“, такъ какъ эти обычаи примѣнялись до самаго паденія „стараго порядка“. Впослѣдствіи, однако, римское право оказало и на нихъ сильное вліяніе, а въ XIX столѣтіи удалось уже объединить обычаи сѣвера и юга въ одно общефранцузское право.

Французскіе короли признавали за римскимъ правомъ въ судѣ только силу мѣстнаго обычая южныхъ областей; но они желали, чтобы оно преподавалось во всемъ королевствѣ: и имъ оно казалось „raison écrite“, идеальнымъ правомъ. Въ указѣ 1312 года

---

[1]) Они опасались, какъ бы это обстоятельство не было истолковано въ смыслѣ доказательства принадлежности Прованса Римской имперіи.

Филиппъ Красивый говоритъ: „Подобно тому какъ свободныя искусства служатъ необходимой подготовкой къ занятіямъ богословіемъ, такъ ученія римскаго права подготовляютъ къ познанію того, что разумно, развиваютъ добрые нравы, указуютъ путь къ достиженію справедливости и подготовляютъ къ пониманію обычнаго права (ad consuetudinem intellectum propriant)“.

Несмотря на ограниченное практическое примѣненіе его, интересъ къ римскому праву быстро возрасталъ во Франціи. Какъ только первые ученики болонскихъ глоссаторовъ стали читать его въ Парижѣ, въ XII столѣтіи, послышались жалобы на то, что имъ увлекаются всѣ студенты-богословы. Въ 1219 году папа буллою „Super speculam“ долженъ былъ закрыть юридическій факультетъ парижскаго университета, чтобы устранить соблазнъ и заставить слушателей возвратиться къ изученію богословія. Немедленно, однако, преподаваніе римскаго права оживилось въ Орлеанѣ, расположенномъ, подобно Парижу, въ области кутюмнаго права. Одновременно на югѣ процвѣтало нѣсколько университетовъ (въ Монпелье, Тулузѣ, Кагорѣ и др.), которые сохраняли тѣсное общеніе съ итальянскими юридическими школами.

Легисты и ихъ вліяніе на развитіе гражданскаго права.

Многочисленные воспитанные на римскомъ правѣ „легисты“, какъ назывались во Франціи и въ Англіи ученые юристы, въ своемъ увлеченіи были склонны придавать ему еще большее значеніе, чѣмъ сами короли. Многіе изъ нихъ думали, что всякій вообще пробѣлъ въ обычномъ правѣ долженъ быть дополненъ изъ римскаго права. Часть легистовъ признавала, однако, за римскимъ правомъ лишь значеніе ratio scripta, наиболѣе разумнаго права, постановленія котораго нуждались для практическаго примѣненія въ особой санкціи. Но какъ тѣ, такъ и другіе, на дѣлѣ широко черпали изъ богатыхъ сокровищницъ Юстиніановыхъ сборниковъ. Особенно много и успѣшно они заимствовали при составленіи сборниковъ обычнаго права, которые въ разное время, съ XIII по XVI вѣкъ, были составлены почти для всѣхъ судебныхъ округовъ сѣверной Франціи. Первые составители ограничивались простою вставкой, на ряду съ обычаями и королевскими указами, отдѣльныхъ постановленій римскаго и близкаго ему каноническаго права. Такъ поступили авторы древнѣйшихъ сборниковъ, напримѣръ, такъ называемыхъ Etablissements de St. Louis (сборника, составленнаго частнымъ лицомъ около 1272 года). Обходя трудный вопросъ объ основаніи дѣйствія римскаго права, авторъ другого сборника — Livre de Jostice et de Plet (Книги о правдѣ и судѣ)—прямо при-

писываетъ Людовику Святому рескриптъ императора Адріана. Но уровень научныхъ знаній французскихъ легистовъ быстро возрасталъ подъ вліяніемъ университетскаго преподаванія. Бомануаръ, славный юристъ и поэтъ, уже въ концѣ XIII вѣка пользовался римскимъ правомъ при разработкѣ обычаевъ округа города Бовэ, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ (бальи), съ замѣчательнымъ искусствомъ заимствуя не отрывки, а основныя идеи римскихъ юристовъ и духъ ихъ твореній.

Особенно много римскихъ понятій заимствовалъ сборникъ „Coutumes de Beauvoisis“ (1283 года) въ области обязательственнаго права, въ частности по вопросу о порядкѣ заключенія и исполненія договоровъ. Вотъ примѣръ. Въ теченіе тысячелѣтней исторіи своей римское право выработало весьма простыя, цѣлесообразныя формы заключенія сдѣлокъ, которыя теперь, но только теперь, когда онѣ усвоены всѣми цивилизованными народами, кажутся намъ какъ бы естественными, почти неизбѣжными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, римское право давало возможность въ извѣстныхъ случаяхъ оспаривать сдѣлку, когда исполненіе ея оскорбляло чувство справедливости,—но не жертвовало также, какъ древне-греческое право, прочностью гражданскаго оборота; оно разрѣшало, напримѣръ, просить объ уничтоженіи договора, заключеннаго подъ вліяніемъ страха, возбужденнаго угрозами, если послѣднія были противозаконны и серьезны. Древне-французскіе кутюмы, какъ всякое неразвитое право, были менѣе гибки и не содержали соотвѣтствующихъ постановленій. Договоры, которые они знали, требовали торжественной формы заключенія, т. - е. произнесенія опредѣленныхъ формулъ при извѣстной обстановкѣ, и подлежали исполненію во всякомъ случаѣ. Но Бомануаръ уже держится римскихъ началъ и говоритъ въ своемъ сборникѣ: „Сдѣлки, заключенной подъ вліяніемъ принужденія или страха, можно не исполнять. Но принужденіе и страхъ бываютъ различны. Говоря: „я сдѣлалъ это по принужденію“, слѣдуетъ указать принужденіе и—въ чемъ оно состояло, и доказать, если противная сторона будетъ отрицать его. Тогда надлежитъ разсмотрѣть, таково ли было принужденіе, чтобы можно было уничтожить сдѣлку. То же—если кто заключитъ договоръ подъ вліяніемъ страха“ [1]).

Позже стали видоизмѣняться, подъ вліяніемъ римскихъ взгля-

---

[1]) Beaum. 34, 26: Convenence, qui est fete par force ou par peur n'est pas à tenir. Mais force et peur si sont de manieres car en dire „je le fis par force“, il convient dire le force et quele et prover.

довъ, и другія постановленія обычнаго права, напримѣръ, порядокъ наслѣдованія. Кутюмы, какъ всѣ средневѣковые обычаи, при раздѣлѣ наслѣдства, въ особенности недвижимаго имущества, отдавали предпочтеніе сыновьямъ передъ дочерьми (ср. такъ называемый Салическій законъ), а иногда еще старшему сыну въ ущербъ младшимъ. Въ сборникахъ Юстиніана указывалось другое болѣе справедливое начало равнаго надѣленія всѣхъ дѣтей безъ различія пола. По мѣрѣ культурнаго роста страны эти постановленія пріобрѣтали все бо̀льшія симпатіи населенія. Примѣненіе ихъ вмѣстѣ съ другими, тѣсно съ ними связанными постановленіями, постоянно расширялось, пока они, съ конца прошлаго столѣтія, не легли въ основу общефранцузскаго права.

Политическая роль легистовъ.

Во Франціи легистовъ вывелъ на почву практической дѣятельности Людовикъ Святой. Онъ искалъ ихъ дѣйствія, думая, что они болѣе способны водворить правду и справедливость на судѣ, чѣмъ невѣжественные феодалы; но онъ не предвидѣлъ еще той политической роли, которую имъ суждено было сыграть. При преемникахъ Людовика почти всѣ отрасли государственнаго управленія перешли въ ихъ руки. Они засѣдали въ королевскомъ совѣтѣ (conseil) и въ верховномъ судѣ (parlement). Они же занимали обыкновенно должности бальи и прево, которымъ поручалось мѣстное управленіе, сборъ податей и отправленіе суда. Постепенно легисты составили какъ бы особый классъ—многочисленное и сомкнутое чиновничество, сильное своимъ знаніемъ права и дѣловымъ навыкомъ. Опираясь на авторитетъ римскаго права, легисты упорно проводили почерпнутые въ немъ идеалы, враждебные средневѣковымъ идеямъ и формамъ, но отвѣчавшіе потребностямъ новаго времени, стремленіямъ того класса (tiers état), который шелъ на смѣну феодальному барону.

Такъ, вопреки средневѣковому представленію, что и въ области частныхъ, гражданскихъ отношеній лица разныхъ состояній должны имѣть различныя права, дворянинъ—одни, мужикъ—другія, легисты стремились создать, по образцу римскаго, равное для всѣхъ, общее право Франціи. Они послѣдовательно старались освободить личность и собственность отъ стѣснительныхъ оковъ феодальной или общинной зависимости. Въ области государственнаго управленія легисты ставили себѣ задачей возвышеніе королевской власти, которая одна могла побороть феодальную смуту и обезпечить Франціи внутренній миръ и общую безопасность, необходимыя для роста народнаго благосостоянія. Строй Римской имперіи, такъ

удачно и крѣпко сочлененный, казался имъ идеаломъ и служилъ образцомъ, по которому они созидали строй французской монархіи. Король не только верховный сюзеренъ — онъ императоръ своихъ владѣній, источникъ и блюститель всего права,—таково основное положеніе легистовъ. Бомануаръ говоритъ: „ce qui li plest à fere doit estre tenu por la loi“ (Beaum. 30, 29) Отсюда стремленіе послѣдовательно ограничивать всѣми средствами кругъ вѣдомства феодальныхъ судовъ и подрывать самостоятельность какъ феодальныхъ бароновъ, такъ и городскихъ общинъ (коммунъ). На смѣну средневѣковому разновластію создавалось „централизованное“ управленіе. Исподволь подготовляя монархію Людовика XIV, они хотѣли, чтобы король, при помощи своихъ органовъ, изъ одного центра могъ направлять и согласовать жизнь отдѣльныхъ частей государства. Легисты отважились даже на столь опасную тогда открытую войну съ церковною властью. Они оспаривали и послѣдовательно суживали свѣтскія полномочія духовенства; они рѣшились даже засудить своимъ свѣтскимъ судомъ духовный орденъ тампліеровъ и папу Бонифація VIII. Правда, къ насильственнымъ пріемамъ, какъ въ этихъ случаяхъ, они прибѣгали только въ царствованіе Филиппа Красиваго. Но всегда они были неразборчивы на средства въ борьбѣ съ церковью и феодализмомъ и вызывали въ своихъ противникахъ сильное озлобленіе. Ненависти ихъ могущественныхъ враговъ каждый почти король долженъ былъ жертвовать помощниками своего предшественника. Ликовалъ и народъ при видѣ казни легистовъ, такъ какъ онъ винилъ ихъ въ возрастаніи налоговъ. Но легисты упорно продолжали свою работу. „Сынъ казненнаго смѣло садился на мѣсто отца и дѣйствовалъ въ томъ же духѣ и направленіи, не заботясь, повидимому, о предстоящей ему участи“. Увлеченіе идеалами римской древности внушало этимъ жесткимъ представителямъ закона непоколебимую увѣренность въ правотѣ своего дѣла. И они дѣйствительно способствовали прогрессу своего отечества,

„Теоретическая“ рецепція въ Германіи.

Въ Германіи римское право стало оказывать замѣтное вліяніе на общественный и частный бытъ страны позже, чѣмъ во Франціи.

Правда, убѣжденіе, что Германская имперія есть продолженіе имперіи Римской, уже рано, еще до возникновенія болонской школы, заставляло императоровъ пользоваться римскимъ правомъ для обоснованія и расширенія своихъ правъ. Эти стремленія ясно сказались въ дѣятельности, напримѣръ, Фридриха II въ его сицилійскихъ владѣніяхъ и въ попыткѣ Карла IV дать Богеміи граждан-

ское уложеніе по римскимъ образцамъ. Вполнѣ опредѣленно они изложены Фридрихомъ III въ указѣ 1484 года: „Наша воля и самыя энергичныя усилія наши направлены къ тому, чтобы безконечно мудрые законы и указы нашихъ предковъ, священной памяти римскихъ императоровъ, все болѣе усвоивались нашими подданными, такъ какъ мы убѣждены, что только при послѣдовательномъ примѣненіи ихъ наше государство будетъ крѣпнуть и расти. Только могущественная королевская власть, опирающаяся на это право, можетъ укротить необузданныя страсти подданныхъ и обезпечить будущность государства". Но долго условія экономическаго развитія не создавали въ Германіи почвы для примѣненія римскаго права—и когда они наступили, ими воспользовалась не имперская власть.

Въ Болоньѣ студенты изъ Германіи стали заниматься, какъ мы видѣли, съ самаго основанія школы. Тогда итальянцы называли нѣмцевъ еще gens agrestis et indomita, народомъ деревенскимъ и дикимъ, который на родинѣ всюду еще довольствовался своими стародавними обычаями. Эти обычаи тогда еще не вполнѣ даже сложились. Они только въ XIII столѣтіи были собраны, при чемъ, напримѣръ, авторъ наиболѣе цѣннаго изъ сборниковъ, „Саксонскаго Зерцала" (Spigel der Saxen), зналъ о римскомъ правѣ только по наслышкѣ. Въ позднѣйшемъ „Швабскомъ Зерцалѣ" 1275 г. еле замѣтны слѣды знакомства съ нимъ. Какимъ значительнымъ ни казалось бы число студентовъ, ежегодно отправлявшихся въ болонскую школу, послѣдняя не могла замѣнить своихъ мѣстныхъ школъ, не могла воспитать, какъ многочисленные французскіе университеты, цѣлаго сословія юристовъ. Тѣ *сравнительно* немногіе юристы, которые кончали курсъ въ Болоньѣ, всѣ поглощались дипломатической и канцелярской службой при императорскомъ дворѣ. Да и такъ мало настоятельна была еще потребность въ нихъ, что первые нѣмецкіе университеты, въ XIV столѣтіи, были основаны по образцу парижскаго, и римское право, исключенное изъ программы послѣдняго буллою 1219 года, не преподавалось въ нихъ до половины XV вѣка.

Практическое усвоеніе римскаго права въ Германіи.

Лишь около этого времени произошелъ рѣшительный переворотъ въ хозяйственномъ быту Германіи [1]). На югѣ ея, въ особенности, горное дѣло и обрабатывающая промышленность достигли высокаго

[1]) См. книгу *Янсена*: Экономическое состояніе германскаго народа наканунѣ реформаціи (Спб. 1898). Авторъ — ревностный католикъ и сгущаетъ краски, чтобы доказать гибельныя послѣдствія реформаціи.

развитія. Выдѣлка домашней утвари того времени, напримѣръ, и понынѣ не превзойдена въ Германіи по роскоши и художественности исполненія. Города въ Баваріи, по Дунаю, на Рейнѣ приняли широкое участіе въ международной торговлѣ, служа посредниками между Венеціей на югѣ и Брюгге и Антверпеномъ на сѣверѣ и сосредоточивая въ своихъ рукахъ значительную часть торговли съ Востокомъ и Новымъ Свѣтомъ. По свидѣтельству француза Фруассара и итальянца Макіавелли, западная Германія временно превзошла уровень культуры Франціи и Италіи.

Этотъ переходъ совершился поразительно быстро. Старое, обычное право сразу оказалось совершенно непригоднымъ для новыхъ отношеній, возникавшихъ на почвѣ торгово-промышленнаго оборота, техника котораго (формы кредита и т. д.) была заимствована у итальянцевъ. Почти не пытались даже пополнить его пробѣлы или развить его, а пренебрежительно отбрасывали его совсѣмъ. Горожане нерѣдко добровольно, минуя суды, прибѣгали къ посредничеству юристовъ, чтобы регулировать взаимныя права и обязанности согласно римскому праву. Теперь наступила дѣйствительная потребность въ немъ и въ его истолкователяхъ. Послѣдніе могли опереться теперь на могущественный, сочувствовавшій имъ классъ горожанъ, которые нуждались не только въ болѣе совершенномъ гражданскомъ правѣ, но также въ объединенной, сильной государственной власти, которая обезпечила бы имъ миръ и безопасность. Аналогичное движеніе, какъ мы видѣли, усилило во Франціи власть центральнаго правительства; но въ Германіи имперія уже не могла или не сумѣла воспользоваться имъ. Напротивъ того, оно выдвинуло и укрѣпило въ XV и XVI столѣтіяхъ власть областныхъ владѣтелей (Territorialfürsten). Послѣдніе взяли на себя задачу образовать на германской почвѣ государство новаго времени, они создали новое управленіе, новые суды и воспитали умѣлое чиновничество. При помощи и участіи „юристовъ“ областные владѣтельные князья побороли какъ феодально-общинный міръ, такъ и самостоятельность духовенства [1]). По условіямъ развитія Германіа эта борьба была особенно жестока. Не было сильной единой верховной власти, и никѣмъ не уравновѣшиваемое развитія Германіи шло

[1]) Въ Германіи духовенство въ ту эпоху пустило въ оборотъ поговорку: „Juristen — böse Christen“ (юристы — плохіе христіане). Этого убѣжденія держится понынѣ только что цитированный авторъ. Но, какъ мы видѣли раньше, о какой-либо принципіальной, постоянной враждѣ католической церкви къ римскому праву въ средніе вѣка не можетъ быть рѣчи.

чрезвычайно неравномѣрно. Деревня, иногда цѣлыя области продолжали жить прежнею жизнью, вести хозяйство по-старому. Дворянство и крестьянство съ трудомъ примѣнялись къ новому строю. Вотъ основаніе тѣхъ рѣзкихъ протестовъ противъ введенія римскаго права, которые раздавались со всѣхъ сторонъ въ Германіи въ теченіе XVI столѣтія. Непрерывной цѣпью тянутся они—и до нашихъ дней находятъ себѣ отзвукъ въ литературѣ—со времени учрежденія имперскаго суда (Reichskammergericht) въ 1495 г. и окончательнаго при этомъ признанія римскаго права дѣйствующимъ „des Reichs gemaines Recht“. Продолжительность процесса рецепціи объясняется тѣмъ, что, послѣ кратковременнаго ея процвѣтанія, культурный уровень Германіи опять понизился, и она возвратилась къ простѣйшему натуральному хозяйству, обѣднѣла. Рецепція частью пріостановилась, частью приняла характеръ простого подражанія. Окончательное, полное усвоеніе Германіей римскаго права было дѣломъ лишь новаго времени.

А. Вормсъ.

XLV.

Рыцарство.

1. Рыцарская поэзія.

антилены.

Рыцарство было не столько учрежденіемъ, сколько идеаломъ для всего военнаго сословія среднихъ вѣковъ. Поэтому не въ лѣтописяхъ, а въ народной эпической поэзіи ярче всего запечатлѣлись образы этого времени. Еще во времена Тацита воспѣвали германцы родоначальниковъ своего племени, а Карлъ Великій даже велѣлъ записывать древнѣйшія варварскія былины о войнахъ и дѣяніяхъ предковъ. Но съ принятіемъ христіанства германская эпическая поэзія стала проникаться христіанскимъ духомъ. Во Франціи былинамъ о поколѣніяхъ героевъ (Chansons de geste) предшествовали небольшія кантилены, посвященныя отдѣльнымъ лицамъ и событіямъ. Такова, наприм., кантилена VII в. о св. Фаронѣ, которую сохранилъ въ житіи святого Гельгарій, епископъ города Мо при Карлѣ Лысомъ. Эта кантилена похожа на духовный стихъ и разсказываетъ объ обращеніи саксонскихъ пословъ въ христіанство. Самое событіе случилось около 620 г. Клотаръ II принималъ въ Мо пословъ Бертоальда, короля саксонскаго. Послы принесли вызовъ Клотару отъ имени короля и всего своего племени и возвѣщали, что саксы съ своимъ государемъ придутъ взять у Клотара его землю, которая принадлежитъ будто бы имъ. Клотаръ разгнѣвался и велѣлъ бросить пословъ въ тюрьму; онъ сгоряча назна-

---

Источники: *Gautier,* La Chevalerie; *Schultz,* Das Höfische Leben zur Zeit der Minnesinger; *Gautier,* Les Epopées françaises; *Weinhold,* Die Deutschen Frauen in dem Mittelalter; *Kervyn de Lettenhove,* Étude sur la vie de Froissart; *Köhler,* Die Entwickelung des Kriegswesens und der Kriegführung in der Ritterzeit; *Roth von Schreckenstein,* Die Ritterwürde und der Ritterstand.

чилъ даже на слѣдующій день ихъ казнь. Дружинники (leudes) короля тщетно пытаются сопротивляться этому нарушенію международныхъ обычаевъ. Тогда Фаронъ, не будучи еще даже посвященъ въ духовный чинъ, идетъ въ тюрьму къ несчастнымъ посламъ. Онъ былъ молодъ, владѣлъ даромъ слова и ревностно трудился надъ обращеніемъ язычниковъ. Изложивъ саксамъ все ученіе католической церкви, Фаронъ склонилъ ихъ принять крещеніе, которое должно было спасти сразу и отъ смерти вѣчной, и отъ казни земной. На другой день, когда Клотаръ думалъ было привести въ исполненіе казнь, Фаронъ поднялся и сказалъ, что кто-то ночью успѣлъ крестить заключенныхъ: онъ самъ видѣлъ ихъ въ бѣлыхъ одеждахъ новообращенныхъ. Король былъ тронутъ, простилъ крестившихся пословъ, но предпринялъ походъ противъ саксовъ-язычниковъ и избилъ множество. По словамъ Гельгарія, побѣда Клотара надъ саксами была разсказана въ народной пѣснѣ (rustico carmine), которую пѣвали женщины, собравшись въ кружокъ и хлопая въ ладоши. Гельгарій приводитъ отрывки кантилены на латинскомъ языкѣ, но, вѣроятно, она пѣлась на романскомъ, потому что при Меровингахъ въ Бретани преобладало кельтическое вліяніе, въ Австразіи—нѣмецкое, а въ остальной Франціи — романское. Личность Карла В. дала неистощимый матеріалъ для поэзіи, и романскія кантилены становятся съ этого времени очень распространенными. Но всѣ эти кантилены поются еще не пѣвцами по ремеслу (жонглерами), какъ Chansons de geste, а живутъ въ устахъ всего народа. Слѣды собственно героическихъ эпопей начинаются во Франціи съ X в., а для XI в. ихъ существованіе уже несомнѣнно. Но нельзя сказать, чтобы первыя Chansons de geste произошли путемъ сшиванія отдѣльныхъ кантиленъ. Эпопеи возникали прямо изъ преданій, хотя, можетъ быть, внушены онѣ кантиленами. Если историческое событіе поразитъ народъ, тогда легенда овладѣваетъ имъ, а при переложеніи легенды въ поэтическое произведеніе надъ легендой, связанной еще преданіемъ, беретъ уже верхъ свободная фантазія. Такъ и возникли главные циклы французской эпической поэзіи—Chansons de geste о Карлѣ В., о Гильомѣ д'Оранжъ и Рено де-Монтобанъ Къ этимъ тремъ крупнымъ цикламъ примыкаютъ уже провинціальные—„Лотарингцы" (Lorrains) въ Австразіи, Рауль де-Камбрэ въ Вермандуа и т. д. Послѣдній кругъ эпопей сложился вокругъ Крестовыхъ походовъ. Однако, кантилены не были убиты эпопеями: онѣ съ своей стороны превратились въ маленькія былины духовнаго

содержанія, въ духовный стихъ, въ родѣ, наприм., Житія Алексѣя Божьяго человѣка, возникшаго въ Нормандіи въ XI вѣкѣ; такіе стихи пѣлись затѣмъ слѣпцами подъ звуки ихъ „лиры“ (vielle à roue).

Пѣвцы. Расцвѣтъ эпическаго творчества во Франціи относится къ періоду съ XI в. до восшествія Валуа на престолъ, т.-е. до 1328 г. Авторами эпопей бывали чаще всего свѣтскіе люди, которые на сѣверѣ Франціи назывались труверами (trouvères), а на югѣ, гдѣ ихъ было гораздо меньше, трубадурами. Но этихъ эпическихъ поэтовъ не надо смѣшивать съ труверами лирическими, въ родѣ Бернара де-Вантадуръ или Бертрана де-Боринъ. Поэты-лирики не пользовались расположеніемъ церкви: они прославляли любовь, вели безнравственный образъ жизни, отдавая дань всякимъ увлеченіямъ, и оканчивали жизнь въ раскаяніи гдѣ-нибудь въ монастырѣ. Но въ рукописи XIII в., которая служила руководствомъ для исповѣди, церковь позволяетъ исповѣдникамъ относиться снисходительно къ эпическимъ поэтамъ: „есть другіе пѣвцы, которые зовутся жонглерами и поютъ дѣла князей и житія святыхъ на утѣшеніе людей; ихъ можно терпѣть, какъ сказалъ папа Александръ“. Есть эпопеи, связанныя съ именами опредѣленныхъ поэтовъ; наприм., былина о Раулѣ де-Камбрэ принадлежала пѣвцу Бертолэ изъ Леона. Но вся масса французской эпической поэзіи относится къ области безыменнаго творчества. Изъ сотни слишкомъ былинъ развѣ только 19 дошли съ именами поэтовъ. Первые труверы вдохновлялись преданіями, но послѣдующіе перерабатывали и увеличивали уже поэмы своихъ предшественниковъ. Послѣднее поколѣніе труверовъ иногда совершенно отрѣшается отъ преданій и создаетъ героевъ и ихъ подвиги исключительно силою фантазіи. Иногда труверъ самъ пѣлъ свою эпопею, тщательно скрывая ее отъ другихъ, а иногда онъ давалъ возможность и право пѣть ее какому-нибудь жонглеру, пѣвцу по ремеслу. Древнѣйшія рукописи дошедшихъ до насъ пѣсенъ относятся уже къ XII в. Это объясняется тѣмъ, что часто пѣсни разучивались наизусть и хранились только въ памяти жонглера. Древнѣйшія рукописи предназначены какъ разъ для жонглеровъ: онѣ маленькаго формата, такъ что ихъ легко брать съ собой въ дорогу, и заключаютъ въ себѣ по одной пѣснѣ. Съ XIII вѣка число читателей растетъ, и тогда начинаютъ переписывать сразу цѣлыя группы поэмъ.

Chansons de geste. Chansons de geste пишутся обыкновенно въ 10 или 12 слоговыхъ стихахъ, съ созвучіемъ послѣдней гласной (ассонан-

сомъ) [1]), а риѳма появляется позднѣе. Напр., древняя былина о Роландѣ (Chanson de Roland), возникшая среди норманновъ въ Англіи послѣ побѣды Вильгельма Завоевателя при Гастингсѣ, написана стихомъ въ десять слоговъ, съ отдыхомъ послѣ 4-го слога и ассонансомъ послѣдней гласной (напр., lune—pasture и т. д.). Группа въ извѣстное число стиховъ образуетъ куплетъ или laisse. Иногда цѣлый куплетъ въ 13 строкъ оканчивается на 13 *e*, а слѣдующій—на 13 *a* (напр., merveiller, vielez, и т. д.; grant, blancs, anz и т. д.). Въ сущности, это строфы-синонимы, т.-е. обѣ строфы разсказываютъ почти то же самое, но содержаніе это въ каждой строфѣ выражено по-своему. Chansons de geste значитъ въ сущности „пѣсни о поколѣніяхъ героевъ". Первоначально geste (отъ латинскаго gesta) былъ вообще разсказомъ о событіяхъ, т.-е. синонимомъ для анналъ и хроникъ. Но въ самыхъ былинахъ geste означаетъ уже семью, поколѣніе героевъ, потому что сначала циклъ эпопей создавался вокругъ событія, но позднѣе онъ разростался по генеалогіи. Поэты любили отъ сына восходить къ отцу, дѣду и наоборотъ: отъ Гильома д' Оранжъ восходили къ его отцу Эмери де-Нарбоннъ, затѣмъ дѣду Гаренъ де-Монгланъ и т. д. Благодаря этому маленькія эпопеи поглощались большими, и все сводилось въ сущности къ тремъ поколѣніямъ—Карла В., Гарена и Доона де-Майансъ. Къ поколѣнію Карла В. (Geste du Roi) относятся былины о Роландѣ и походъ въ Испанію; циклъ Доона образуется изъ былинъ Рено де-Монтобанъ, Ожье де-Данемаршъ и т. п. Къ XIII в. былины, благодаря вставкамъ, объединенію нѣсколькихъ въ одну и неоднократнымъ переработкамъ, уже достигаютъ 8—10 тысячъ стиховъ каждая. Въ XIV в. поэты переходятъ къ болѣе длинному стиху въ 12 слоговъ и доводятъ каждую эпопею до 20 тысячъ стиховъ. Позднѣе эти эпопеи начинаютъ перелагаться въ прозаическіе романы; въ этой формѣ онѣ распространяются, благодаря изобрѣтенію книгопечатанія, и, наконецъ, предаются забвенію въ XVII в.

Поучительно сравнить одну и ту же эпопею въ ея различныхъ формаціяхъ, напр., былину о датчанинѣ Ожье (Ogier le Danois). Возьмите старую поэму, написанную Рэмберомъ Парижскимъ (Raimbert de Paris): все сжато, психологически правдиво, энергично. Карлъ В. посылаетъ пословъ къ Гофруа, герцогу Даніи. Но Гоф-

---

[1]) Въ былинахъ ассонансъ составляютъ: passages, vasselage, rage, Danemarche; chevalchet, guardet, facet и т. п.

руа не боится императора, передъ которымъ склоняются другіе, и отсылаетъ пословъ назадъ, обрѣзавъ имъ волосы и бороду. Карлъ негодуетъ и хочетъ отомстить. При его дворѣ живетъ заложникомъ сынъ герцога—молодой Ожье, и вотъ императоръ осуждаетъ на казнь юношу, дрожащаго передъ смертью. Но какъ разъ въ это время приходятъ вѣсти изъ Италіи: сарацины угрожаютъ Риму. Императоръ принужденъ отсрочить казнь Ожье, и эта отсрочка даетъ датчанину возможность совершить свои подвиги. Возьмите теперь другую редакцію. Король жонглеровъ Аденэ переложилъ на „хорошій французскій языкъ“ первую часть поэмы Рэмбера: стихъ изящнѣе, но внутренней правды меньше, больше растянутости. Здѣсь Карлъ склоняется на просьбы дяди Ожье о помилованіи, но Ожье самъ не трепещетъ: Аденэ боялся обезчестить рыцаря человѣческимъ чувствомъ. Въ третьей редакціи XIV в. Ожье говоритъ уже безъ конца, какъ адвокатъ, бароны толкуютъ Карлу о соображеніяхъ государственнаго разума, и слушателю остается только зѣвать.

Жонглеры.

Пѣлись эпопеи чаще всего пѣвцами по ремеслу, которые назывались жонглерами (joculatores) или менестрелями [1]). Древнѣйшіе жонглеры и chansons de geste встрѣчаются во Франціи, откуда этотъ типъ пѣвцовъ и пѣсенъ распространился уже въ Испанію и Англію. Бывали жонглеры, которые соединяли съ умѣньемъ пѣть шансонъ де-жестъ еще искусства акробатовъ и музыкантовъ. Это видно изъ поэмъ, посвященныхъ жизни жонглеровъ. Такова, напр., южная поэма Дорель и Ветонъ конца XII в.; она мало оригинальна, подражаетъ героическому эпосу, но въ ней есть любопытныя бытовыя черты. Вотъ ея содержаніе: измѣнникъ убиваетъ своего товарища по оружію и, чтобы овладѣть его леномъ, хочетъ убить и его наслѣдника-сына. Но жонглеръ Дорель выдаетъ своего ребенка за сына своего сеньёра и тайно воспитываетъ юношу (дамуазо). Этотъ Дорель, вѣроятно, прежде всего пѣвецъ шансонъ де-жестъ, но онъ играетъ на скрипкѣ, на арфѣ, поетъ любовныя лирическія пѣсни, самъ сочиняетъ (trouve) и въ то же время можетъ дѣлать прыжки акробата. Другая поэма принадлежитъ сѣверу Франціи—

---

[1]) Слово „menestrel“—уменьшительное отъ minister, т.-е. министеріалъ, или человѣкъ незнатнаго происхожденія, служащій барону. Одинъ изъ этихъ слугъ долженъ былъ забавлять господина игрой на музыкальныхъ инструментахъ и пѣніемъ; его уменьшительное названіе стало синонимомъ для имени жонглера.

это „Два трувера-соперника“ (Les deus trobèors ribauz). Здѣсь два жонглера соперничаютъ, грубо издѣваясь другъ надъ другомъ (можетъ быть, только для увеселенія публики) и хвастаясь своимъ ремесломъ. Первый жонглеръ пересчитываетъ сначала всѣ пѣсни своего репертуара, путаясь и коверкая имена: „Я знаю Ожье де-Монтобанъ, я знаю Рено ле-Дануа и т. д.“. Но онъ, кромѣ того, играетъ на цитрѣ, пускаетъ кровь кошкамъ, ставитъ банки быкамъ, дѣлаетъ перчатки для собакъ, шлемы для зайцевъ, уздечки для коровъ и т. д. Затѣмъ начинаетъ выхвалять свои таланты другой жонглеръ: онъ прежде всего музыкантъ и притомъ на струнныхъ и на духовыхъ инструментахъ; онъ магъ и пѣвецъ; „онъ знаетъ сказки и фабліо, сирвенты и пастурели, онъ знаетъ исторію про Парсеваля и умѣетъ плясать на канатѣ, играть ножами и, наконецъ, умѣетъ пѣть всѣ шансонъ де-жестъ про Карла В. и Роланда и т. д.“ Въ этомъ состязаніи много шутовского, но основа для карикатуры взята, несомнѣнно, изъ дѣйствительности. По своему общественному положенію жонглеры были крайне разнообразны: между ними были свѣтскіе люди и духовные, были свободно блуждавшіе и менестрели, привязанные къ одному какому-нибудь сеньёру, дому или поэту, были пѣвцы, были музыканты, conteors и fableors (т.-е. разсказчики легендъ и повѣстей), были жонглеры, пѣвшіе чужое, и жонглеры, изобрѣтавшіе свое. Жизнь всѣхъ этихъ пѣвцовъ проходила въ странствованіяхъ и была полна случайностей. Жонглеръ ночуетъ въ гостиницѣ и пѣснями расплачивается за все. Онъ охотно попросилъ бы ночлега у священника, но церковь находила опаснымъ для своихъ членовъ сближеніе съ жонглерами и запрещала давать имъ пріютъ. Зовутъ жонглера чаще всего просто по имени, ну хоть Жанъ. Онъ всегда бритый, но не надѣваетъ, какъ его шутливые товарищи, ни масокъ, ни пестрой одежды съ поддѣльными разноцвѣтными камнями. Въ путь онъ запасается рекомендательными письмами. Идти пѣшкомъ жонглеръ считаетъ унизительнымъ; у него часто бываютъ въ карманѣ деньги, и вотъ онъ запасается конемъ и слугой. Память у него превосходная, и онъ помнитъ пѣсни въ тысячи стиховъ, умѣя варьировать ихъ, но все-таки этотъ запасъ нужно освѣжать отъ времени до времени, и вотъ у жонглера есть маленькіе списки шансонъ де-жестъ. Вотъ онъ слѣзъ съ лошади передъ гостиницей, отдохнулъ, подкрѣпился, его смычковый инструментъ (vielle)) при немъ, и онъ направляется на площадь, уже окруженный толпой. „Слушайте меня, рыцари и солдаты, горожанки и горожане, бароны и мудрые клерики, умѣющіе читать, дамы и

дѣвушки, и вы, маленькія дѣтки, слушайте меня всѣ мужчины и женщины, малые и большіе!"—такъ созываетъ жонглеръ свою публику. Жонглеръ не читаетъ былины, а поетъ, но поетъ всѣ строки поэмы всего на какія-нибудь двѣ-три музыкальныя темы, которыя онъ тутъ же беретъ на своемъ музыкальномъ инструментѣ. За деньги жонглеръ поетъ похвалу сеньёру, но иногда задѣваетъ насмѣшкой свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ. Въ 1395 г. французскій король запретилъ менестрелямъ касаться въ пѣсняхъ папы, короля и сеньёровъ Франціи подъ страхомъ двухмѣсячнаго тюремнаго заключенія на хлѣбъ и на воду. Иногда посрединѣ пѣсни жонглеръ останавливается и собираетъ деньги со слушателей, прежде чѣмъ окончитъ былину. Рыцари, во дворцахъ которыхъ часто поютъ жонглеры, кромѣ денегъ, дарятъ имъ одежды, лошадей. Но жонглеры далеко не всегда сами отыскиваютъ себѣ сеньёра или созываютъ толпу: часто, напротивъ,—ихъ зовутъ на крестины, на свадьбу, на пиры, на турниры и посвященія рыцарей. Выбираютъ ли папу, собираются ли въ крестовый походъ, празднуютъ ли церковный праздникъ, или съѣзжаются на ярмарку, жонглеры должны поспѣть всюду: у нихъ свой собственный календарь. Какъ и всѣ другіе средневѣковые ремесленники, жонглеры мѣстами образуютъ цехи для своей защиты. Въ 1321 г. были утверждены прево города Парижа статуты, поданные 37 жонглерами съ „королемъ менестрелей" Паризэ во главѣ. Всѣ доходы ремесла сосредоточены были въ рукахъ этой корпораціи, и каждый новый членъ долженъ былъ присягать статутамъ. Во главѣ корпораціи всегда стоялъ „король менестрелей": онъ подвергалъ испытанію новыхъ пѣвцовъ, домогавшихся званія жонглера. Вмѣстѣ съ цехами явились и школы для менестрелей.

2. Происхожденіе рыцарства.

Взглядъ церкви на войну.

Рыцарство возникло изъ германскаго обряда, который былъ идеализованъ церковью. Рыцарство—это христіанская форма для военнаго сословія; рыцарь—это воинъ-христіанинъ.

Церковь считала войну для войны грѣхомъ. Бл. Августинъ не разъ высказывалъ подобные взгляды на войну: „Начинать войны съ сосѣдями и затѣмъ идти войной дальше и истреблять или покорять безобидные народы только по страсти къ войнѣ, какъ это иначе назвать, если не чудовищнымъ разбоемъ!". Впрочемъ этотъ отецъ западной церкви не безусловно осуждалъ военное ремесло: „Воля должна направлять къ миру, а къ войнѣ развѣ только не-

обходимость". — „Не думай, однако, чтобы никто изъ несущихъ оружіе и военную службу не могъ угодить Богу. Оружіе носилъ св. Давидъ, оружіе носилъ и сотникъ Корнелій. Не мира ищутъ, чтобы возжечь войну, а напротивъ, война ведется, дабы снискать миръ. Итакъ, будь и въ самыхъ войнахъ миролюбивъ, чтобы всѣхъ, съ кѣмъ ты сражаешься, своей побѣдой привести къ благамъ мира". Отсюда и идеалъ христіанскаго воина: „Гораздо больше славы въ томъ, чтобы убивать войны словомъ, чѣмъ убивать воиновъ мечомъ". Въ глазахъ церкви война имѣла смыслъ только въ трехъ отношеніяхъ: это могла быть справедливая кара, полезное искупленіе или вообще воспитательное средство Провидѣнія; напр., тотъ же Бл. Августинъ даетъ совѣтъ: „Всѣ тягости и страданія, которыя кто-либо перенесъ отъ враговъ, пусть онъ приписываетъ Божественному Провидѣнію: оно обыкновенно исправляетъ, или искореняетъ посредствомъ войнъ испорченные нравы людей и путемъ такихъ испытаній дѣлаетъ жизнь смертныхъ болѣе справедливой и достойной похвалъ". Народы искупаютъ бѣдствіями не только свои грѣхи, но иногда страдаютъ и за другія племена. Одно государство гибнетъ за другимъ, и такимъ образомъ на ихъ развалинахъ утверждается церковь: это подготовленіе на землѣ Провидѣніемъ царства Божія. Церковь терпитъ войны, но законными считаетъ только войны справедливыя. По Бл. Августину, „справедливыми называются обыкновенно тѣ войны, которыя мстятъ за несправедливости, если, напр., какое - либо племя или община пренебрегаетъ обязанностью возмѣстить за нечестіе, совершенное его членами, или возвратить то, что отнято несправедливо. Но, безъ сомнѣнія, справедлива и всякая война, предписываемая Богомъ, у котораго нѣтъ неправды. Въ такой же войнѣ ведущее ее войско или даже весь народъ должны считаться не столько зачинщиками войны, сколько ея слугами". Въ эпоху гоненій со стороны римскихъ цезарей церковь теоретически подымала сомнѣнія относительно совмѣстимости военной службы съ христіанской религіей, но на дѣлѣ только меньшинство христіанъ уклонялось отъ службы безусловно. Напр., Тертулліанъ восклицаетъ съ жаромъ: „Неужели можно жить мечомъ, когда Господь возвѣстилъ, что отъ меча погибнетъ каждый, кто возьмется за мечъ"; но тотъ же Тертулліанъ сознается передъ язычниками: „мы, христіане, появились какъ бы только со вчерашняго дня, а вотъ мы уже наполняемъ ваши крѣпости и лагери". Послѣ прекращенія гоненій исчезли и сомнѣнія церкви; соборъ въ Арлѣ отъ 314 г., гдѣ присутствовали всѣ епи-

скопы Запада, постановилъ отлучать отъ причастія тѣхъ, кто будетъ уклоняться отъ военной службы. Въ сущности Бл. Августинъ только систематизировалъ все ученіе церкви о войнѣ, когда написалъ: „Въ чемъ грѣхъ войны? Неужели въ томъ, что умираютъ люди, которые все равно когда-нибудь умрутъ. Осуждать смерть— это трусость, а не набожность. Нѣтъ, страсть вредить, жестокость мщенія, неукротимость и непримиримость духа, дикость въ борьбѣ, похоть господства,—вотъ что по справедливости считается грѣхомъ въ войнахъ". Мѣстами Бл. Августинъ какъ бы предсказываетъ рыцарство: „Кто считаетъ ученіе Христа враждебнымъ государству, пусть создадутъ только войско такихъ воиновъ, какими велитъ имъ быть ученіе Христа". Въ 865 г. болгары совѣтовались съ папой Николаемъ I, можно ли вести войну во время поста. Папа отвѣчалъ имъ, что войны и битвы и состязанія несомнѣнное изобрѣтеніе хитрости діавольской. Поэтому, если нѣтъ настоятельной нужды, то не только Великимъ постомъ, но вообще всегда надо воздерживаться отъ битвъ. „Но если побуждаютъ къ тому неизбѣжныя обстоятельства, то приготовленія къ войнѣ для защиты своей жизни, или родины, или законовъ отеческихъ можно, безъ сомнѣнія, допустить даже Великимъ постомъ". Безъ всѣхъ войнъ, которыя провозглашала или поддерживала церковь, европейское человѣчество могло бы остаться варварскимъ, языческимъ, стать мусульманскимъ. Не имѣя возможности обойтись безъ войнъ, церковь постаралась по крайней мѣрѣ сдѣлать солдата христіанскимъ воиномъ.

Рыцарство, какъ конница вассаловъ.

Рыцарство, какъ военное и землевладѣльческое сословіе, возникло у франковъ въ связи съ переходомъ въ VIII в. отъ народнаго пѣшаго войска къ конному войску вассаловъ. Еще въ VII в. у франковъ преобладаетъ пѣшее войско свободныхъ, а на коняхъ являются только дружинники короля (антрустіоны); но затѣмъ отъ вестготовъ, въ связи съ нападеніямъ арабовъ, проникаетъ и во франкское государство конный строй. Такъ какъ свободнымъ крестьянамъ было не подъ силу нести конную службу въ отдаленныхъ походахъ, то Каролингамъ для созданія конницы пришлось опираться на сеньоратъ, на отношеніе между сеньоромъ и его зависимыми людьми. Карлъ Мартеллъ и его сыновья раздавали церковныя земли своимъ зависимымъ людямъ въ условную собственность и требовали отъ нихъ конной службы. Затѣмъ на тѣхъ же условіяхъ стали раздаваться и коронныя земли, какъ бенефицій. Съ VIII-го вѣка для зависимыхъ людей является имя вассовъ,

вассаловъ. Свободный, но по недостатку собственности неспособный къ несенію конной службы, человѣкъ могъ стать вассаломъ, принести своему сеньёру присягу на вѣрность (fidelitas) и получить отъ него бенефицій, или позднѣе ленъ. Подвергшись воздѣйствію церкви и поэзіи, это раннее рыцарство, т.-е. сословіе конныхъ вассаловъ, выработало себѣ нравственный и эстетическій идеалъ воина, а въ эпоху крестовыхъ походовъ, подъ вліяніемъ возникшихъ тогда духовно - рыцарскихъ орденовъ, замкнулось въ наслѣдственную аристократію, сознававшую себя международнымъ военнымъ орденомъ. Вліяніе церкви на военное сословіе шло сначала черезъ присягу на вѣрность, которую вассалъ приносилъ сеньёру, черезъ присягу Земскому или Божьему миру, устанавливаемому государями или соборами, наконецъ—черезъ обрядъ освященія оружія передъ врученіемъ его воину при достиженіи зрѣлости. „Вѣрность“ вассала включала въ себя исполненіе христіанскаго долга служить Богу, соблюденіе государева мира по отношенію къ церквамъ, вдовамъ, сиротамъ, обязанность блюсти справедливость и т. п. Земскій и Божій миръ (treuga и pax), скрѣпляемый присягой, устанавливается государями и соборами. Божій миръ охраняетъ отъ насилій все невоенное населеніе: клериковъ, женщинъ, купцовъ, крестьянъ; Земскій миръ ограничиваетъ распри между самими рыцарями. Но нагляднѣе всего церковь воздѣйствовала на воиновъ черезъ обрядъ посвященія въ рыцари.

Германскіе обычаи.

Тацитъ описалъ германскій обычай вооруженія юноши при достиженіи имъ совершеннолѣтія. „Всѣ общественныя и частныя дѣла германцы ведутъ въ вооруженіи; но надѣть оружіе обычай позволяетъ каждому только тогда, когда община признаетъ его созрѣвшимъ. Тогда среди самаго собранія кто-либо изъ главъ племени, или отецъ, или родственникъ украшаетъ юношу щитомъ и копьемъ. У нихъ это все равно что тога: это первая почесть для юности. До этого обряда юноши считаются какъ бы частью семьи, отнынѣ—государства“. При Каролингахъ еще часто встрѣчается старый германскій обычай. Людовику, старшему сыну Карла В., въ 791 г. было тринадцать лѣтъ, и онъ уже три года несъ корону Аквитаніи; наконецъ, король франковъ нашелъ, что пора посвятить его въ воины: онъ вызвалъ сына въ Ингельгеймъ, оттуда въ Регенсбургъ и торжественно опоясалъ здѣсь мечомъ. Въ 838 г. въ Кьерси повторилась та же сцена; на этотъ разъ старый Людовикъ опоясываетъ сына Карла оружіемъ мужа, а затѣмъ вѣнчаетъ короной Невстріи; Карлу было тогда 15 лѣтъ. Этотъ германскій

обычай и легъ въ основаніе средневѣковаго посвященія въ рыцари. Самое названіе рыцаря—шевалье (chevalier, caballarius) происходитъ отъ боевой лошади (caballus). Сдѣлать кого-либо рыцаремъ обозначалось въ средневѣковыхъ латинскихъ текстахъ оборотомъ—„надѣть воинскій поясъ“ (cingulum militare). Терминъ этотъ—чисто римскій: рѣчь идетъ о томъ поясѣ, на которомъ держался мечъ, равно какъ и о перевязи, на которой висѣлъ черезъ плечо мечъ простого римскаго солдата. Германцы рано стали носить въ подражаніе римлянамъ поясъ и перевязь (balteus); а хроникеры часто называли латинскимъ именемъ соотвѣтствующія явленія германской жизни. По-французски въ средніе вѣка „опоясать мечомъ“ (ceindre l'épée) тоже значило сдѣлать рыцаремъ. Итакъ, подъ латинскимъ названіемъ удержался въ сущности обычай германскій.

Доступъ въ рыцарство.

Не каждый вассалъ былъ рыцаремъ; встрѣчались вассалы, которые ради избѣжанія расходовъ на всю жизнь оставалиеь „дамуазо“. Съ другой стороны, рыцарство давалось иногда мелкимъ людямъ, которые ни въ какомъ отношеніи не входили въ систему леновъ. Вездѣ ниже панцырныхъ рыцарей свободнаго состоянія (milites) стояли легко вооруженные всадники, не свободные по происхожденію (vavassores, caballarii). Изъ оброчнаго населенія можно было подняться въ министеріалы, получивъ должность при дворѣ сеньора, нести службу легковооруженнаго всадника, а затѣмъ, заслуживъ соотвѣтствующій ленъ, перейти въ тяжелую конницу и стать рыцаремъ. Переходъ новыхъ слоевъ несвободныхъ классовъ или свободнаго, но не военнаго населенія въ рыцарство былъ задержанъ въ половинѣ XII вѣка. Съ Гогенштауфеновъ нѣмецкое рыцарство замыкается въ наслѣдственное сословіе. Постановленіе Фридриха I отъ 1156 года запрещало крестьянамъ носить копье и мечъ; даже купецъ не смѣетъ опоясываться мечомъ, а долженъ привязывать его къ сѣдлу. Эта „конституція“ вводитъ и понятіе о рыцарскомъ происхожденіи; miles (всадникъ) имѣетъ право на поединокъ, если можетъ доказать свое рыцарское происхожденіе. По Саксонскому зерцалу у истиннаго рыцаря уже отецъ и дѣдъ должны были быть рыцарями. Другое постановленіе Фридриха I (1187—88 гг.) запрещало сыновьямъ священниковъ, діаконовъ и крестьянъ опоясываться мечомъ по-рыцарски. Во Франціи знатными людьми считались собственники знатныхъ земель, т.-е. феодовъ (fief-terre); вторымъ признакомъ знатности сдѣлалось допущеніе къ посвященію въ рыцари. Хотя простые люди и попадали иногда въ рыцари, но преобладающимъ правиломъ было, что

въ рыцари посвящался владѣлецъ лена. Въ Англіи право посвящать въ рыцари (knight) рано стало прерогативой короны. Генрихъ III и Эдуардъ I требовали обязательнаго посвященія въ рыцари отъ любого ленника, владѣвшаго ежегоднымъ доходомъ съ земли не ниже 20 или 40 фунтовъ стерлинговъ. Фактъ владѣнія цензомъ взялъ верхъ надъ происхожденіемъ лица. Въ шансонъ де-жестъ часто встрѣчаются примѣры, что вилланы становятся рыцарями. Въ средневѣковой литературѣ Франціи очень популяренъ былъ герой былины графъ Ами (Amis et Amiles). Ами пораженъ проказой; это наказаніе постигло его за ложную клятву, которую онъ далъ для спасенія жизни Амиля. Несчастный прокаженный, всѣми забытый, приходитъ однажды въ страну, гдѣ живетъ его другъ, и проситъ провести себя къ нему. Амиль издали слышитъ звуки трещетки, возвѣщающей приближеніе прокаженнаго; тронутый участью прокаженныхъ, Амиль посылаетъ бѣдняку кубокъ превосходнаго вина. Но у Ами есть совершенно такой же кубокъ, подаренный ему, какъ и Амилю, папой въ Римѣ. По этому знаку Амиль узнаетъ своего освободителя, лучшую половину самого себя, и падаетъ въ объятія Ами, покрываетъ его поцѣлуями. Прокаженный тотчасъ же введенъ въ домъ Амиля, и его уговариваютъ остаться здѣсь на всю жизнь. Такъ этотъ Ами, по былинѣ, посвящаетъ въ рыцари двухъ рабовъ, которые ухаживали за нимъ во время болѣзни. На древнѣйшее рыцарство поэзія смотритъ не какъ на сословіе, а какъ на коллегію, на братство, всѣ члены котораго солидарны между собою. Дикость нравовъ.

Древнѣйшія Chansons de geste, которыя черпаютъ изъ традицій IX и X вв., рисуютъ тѣхъ дикихъ феодаловъ, которыхъ воспитать взялась церковь. Рауль де-Камбрэ, герой старой поэмы, самый страшный, самый необузданный представитель этого типа: онъ готовъ бросить вызовъ самому Господу. Вотъ онъ однажды врывается въ предѣлы Вермандуа вопреки всѣмъ правамъ законныхъ наслѣдниковъ. Онъ грабитъ, жжетъ, убиваетъ; всюду онъ жестокъ, безжалостенъ, ужасенъ; въ особенности въ мѣстечкѣ Ориньи является онъ во всемъ блескѣ своей свирѣпости: „Раскинуть мою палатку посреди церкви“, приказываетъ Рауль: „устроить мнѣ ложе передъ престоломъ, посадить моихъ соколовъ на золотое распятіе!“ Церковь эта принадлежитъ къ женскому монастырю. Что ему за дѣло до этого? Онъ сожигаетъ монастырь, сожигаетъ церковь, сожигаетъ монахинь. Среди монахинь находится мать Бернье, его вѣрнаго вассала, его преданнѣйшаго товарища, его друга, почти

брата: онъ сожигаетъ и ее. Пламя еще трещитъ. Рауль, несмотря на постный день, садится на самомъ мѣстѣ своихъ дикихъ подвиговъ за пиръ съ руками, замаранными кровью, съ надменнымъ челомъ, бросающимъ вызовъ небу. Средневѣковому дикарю Раулю не уступаетъ въ жестокости и Ожье (Ogier), другой герой эпопей. Сынъ Ожье былъ убитъ сыномъ Карла В., имя которому въ преданіи Шарло̀. Ожье только и думаетъ о мести и соглашается спасти христіанскій міръ отъ сарацинъ - завоевателей единственно подъ условіемъ, чтобы ему выдали Шарло: онъ хочетъ убить его и радуется этому заранѣе. Напрасно Шарло унижается передъ этимъ дикаремъ и на колѣняхъ пытается тронуть его силой своего раскаянія; напрасно самъ императоръ шлетъ къ Господу горячія молитвы; напрасно старый Нэмъ вызывается служить Ожье въ теченіе всей своей жизни и умоляетъ датчанина „вспомнить о томъ Богѣ, который родился въ Виолеемѣ отъ Дѣвы". Всѣ жертвы, всѣ мольбы безполезны. Неумолимый Ожье кладетъ свою тяжелую руку на голову юноши и другой рукой держитъ надъ Шарло мечъ, страшный мечъ Куртэнъ. Таковы же и другіе герои французскихъ эпопей. Раскройте наудачу „Лотарингцевъ" и читайте: „Бегъ (Begue) наноситъ Изорэ ударъ по черному шлему, перерубаетъ золотой ободъ, проламываетъ черепъ и расщепляетъ его надвое до самыхъ челюстей. Затѣмъ онъ вонзаетъ ему въ тѣло свой мечъ Фламбержъ съ головкой изъ чистаго золота, вырываетъ обѣими руками сердце изъ груди и еще теплое бросаетъ его въ голову Гильому: „Держите", кричитъ онъ: „вотъ сердце вашего кузена. Вы можете его посолить или зажарить!" Еще одинъ шагъ—и онъ, кажется, дойдетъ до людоѣдства. Таковъ былъ матеріалъ, изъ котораго церковь рѣшилась образовать рыцарство. Эти герои дѣйствовали, какъ стихійная сила, какъ ураганъ, не знающій сожалѣнія. Рыцарь въ законченномъ, совершенномъ, лучезарномъ образѣ является передъ нами уже въ древнѣйшей редакціи пѣсни о Роландѣ (которая возникла, вѣроятно, между 1066 и 1095 гг.). Какой длинный путь, какая упорная школа отъ Рауля до Роланда, и кончая Жирардомъ де-Руссильонъ, который однажды падаетъ къ ногамъ стараго священника и искупаетъ затѣмъ свою прежнюю гордость 22 годами покаянія. „Дайте смыслъ вашей удали", говорила церковь феодаламъ. И вотъ возникла первая рыцарская доблесть— „мужество" (prouesse); къ ней присоединились одна за другой „лояльность" (loyauté), „щедрость" (largesse), „разумность" (le sens въ смыслѣ умѣренности), наконецъ, та утонченная общитель-

ность рыцаря, которая называлась „courtoisie“; все увѣнчивалось „честью“ (honneur). Но всѣ эти доблести вѣнкомъ располагались вокругъ одной центральной: когда рыцари бывали у обѣдни, то передъ началомъ чтенія Евангелія они молча вынимали мечи изъ ноженъ и держали ихъ обнаженными до конца чтенія; это какъ бы значило: „если понадобится защищать Евангеліе, то мы тутъ“. Въ этомъ весь духъ рыцарства.

3. Заповѣди рыцарства.

Въ 1330 г. Гильомъ, графъ д'Остреванъ, получилъ, какъ рыцарь, слѣдующія наставленія отъ епископа города Камбрэ: ежедневно слушать натощакъ обѣдню; если нужно, то умереть за вѣру; покровительствовать вдовамъ и сиротамъ; не начинать войны безъ причины; не поддерживать несправедливаго дѣла, но защищать невинно угнетенныхъ; во всѣхъ дѣлахъ соблюдать смиреніе; охранять имущество своихъ подданныхъ; не предпринимать ничего враждебнаго противъ своего сеньёра. Почти тѣ же самыя заповѣди рыцаря можно извлечь и изъ Chansons de geste, которыя въ сущности заключаютъ въ себѣ характеристику рыцарства XII в.; позднѣе романы „Круглаго Стола“ распространили идеалъ рыцарства болѣе утонченнаго, но менѣе мужественнаго — рыцарства театральнаго.

Христіане и безбожники.

Нельзя было стать рыцаремъ, не будучи христіаниномъ, не получивши крещенія: это первая заповѣдь рыцарства. Впрочемъ, во французскомъ средневѣковомъ эпосѣ изрѣдка выводятся безбожники. Такъ, напр., дикій Рауль Камбрейскій впадаетъ иногда на мгновенія въ безбожіе. Въ древней былинѣ, сохранившей, можетъ быть, традицію X в., разсказанъ его поединокъ съ Эрно, графомъ де-Дуэ, у котораго Рауль убилъ племянника и погубилъ однажды двоихъ дѣтей. Въ этомъ поединкѣ Эрно воплощаетъ собою право, Рауль—силу. Бѣдному графу Дуэ не подъ силу долго бороться съ своимъ врагомъ: одинъ кулакъ у него отрубленъ, и онъ бѣжитъ по полю, исходя кровью и близкій къ смерти. Отъ его гордости не осталось и слѣда; онъ предчувствуетъ свою гибель и трогательно молитъ о пощадѣ: „я еще молодъ, мнѣ еще не хочется умирать“ (Juenes hom sui, ne vuel encor morir). Онъ готовъ сдѣлаться монахомъ и представить свою землю побѣдителю; но Рауля нельзя умилостивить, и самое слово „Богъ“ доводитъ его, какъ отверженнаго, до бѣшенства: „Я отрекаюсь отъ Бога,—кричитъ онъ:—

я отрекаюсь". „Если это такъ,—отвѣчаетъ тогда Эрно,—то ты для меня только бѣшеная собака, а ко мнѣ сама земля и травы прійдутъ на защиту, и Господь Славы, быть можетъ, сжалится надо мной". И вотъ, дѣйствительно, умираетъ не Эрно, а свирѣпый Рауль. Въ послѣднюю минуту въ этомъ дикарѣ внезапно вспыхиваетъ вся горячая вѣра его дѣтства. „Богъ-Отецъ, сіяющій славой, всемірный Судія, и ты, кроткая Дѣва небесъ, прійдите ко мнѣ на помощь!" таковы его послѣднія слова. Закоснѣлымъ безбожникомъ былъ Гомадрà (Gaumadras въ былинѣ „Garin de Montglane"); это типъ отверженнаго: когда имя Господа произносится передъ нимъ, онъ падаетъ вдругъ въ судорогахъ. Въ борьбѣ съ Гарэномъ на его сторонѣ демоны, съ которыми онъ заключилъ феодальный договоръ (hommage lige); онъ отдался имъ душой и тѣломъ и радуется этому. Когда приближается смертный часъ, онъ рѣшается умереть отступникомъ, сатаной, какъ и жилъ; его не убьютъ, онъ самъ убьетъ себя. Его смерть—это цѣлое зрѣлище. Онъ садится со своими на корабль и направляетъ его прямо на скалы; теченіе увлекаетъ роковой корабль къ гибели; несчастные спутники видятъ грозящую имъ опасность и въ ужасѣ обращаются съ мольбой къ Господу. „О нѣтъ, нѣтъ,—кричитъ имъ Гомадрà:—здѣсь нужно призывать дьявола!" и убиваетъ ихъ, словно одержимый дьяволомъ. Затѣмъ онъ осѣняетъ себя крестнымъ знаменемъ „наоборотъ", слѣва направо, снизу вверхъ, и, стоя на кораблѣ, съ вызывающимъ челомъ, поднятымъ къ небу, непримиримый, наводящій ужасъ, безстрашно прислушивается къ удару корабля о скалу; корабль разбивается и идетъ ко дну. „Сюда, демоны, сюда,—кричитъ Гомадрà:—я вашъ вассалъ, я предаюсь вамъ, я...", но волна захлеснула ему кощунствующія уста и безбожникъ умираетъ. Такимъ же отступникомъ описываетъ эпосъ (былина „Doon de Maience") измѣнника Гершамбò: „да, я отрекаюсь отъ тебя,—кричитъ онъ:—отъ тебя и всѣхъ твоихъ милостей. Ни тебя, ни твоихъ, я васъ никогда не полюблю". Такое отреченіе отъ Господа создаетъ, наконецъ, цѣлую секту, догму которой излагаетъ Гардрэ (въ „Amis et Amiles"): „не смѣй служить Господу,—говоритъ онъ своему крестнику Алори:—и никогда не говори правды. Если встрѣтишь честнаго человѣка, обезчести его. Жги города, крѣпости, дома. Низвергай алтари, ломай распятія!" Въ противоположность всѣмъ этимъ средневѣковымъ язычникамъ рыцарь и долженъ быть прежде всего глубоко вѣрующимъ христіаниномъ.

Исповѣдь имѣла важное значеніе въ рыцарской жизни: рыцарь исповѣдуется передъ судебнымъ поединкомъ, исповѣдуется, отправляясь въ далекое путешествіе, исповѣдуется передъ священникомъ, или, если не найдетъ священника, то передъ родственникомъ, передъ товарищемъ по оружію. Этого требуетъ, наприм., Петръ Ломбардскій въ книгѣ, которая служила классическимъ руководствомъ для богослововъ среднихъ вѣковъ (Livre de sentences). Баярдъ передъ смертью за недостаткомъ священника исповѣдуется своему слугѣ. Рука объ руку съ рыцарской исповѣдью идетъ во французской поэзіи и символическое „рыцарское" принятіе таинствъ—„пріобщеніе тремя былинками и тремя листиками". Напр., въ „Лотарингцахъ" Бегъ передъ смертью беретъ три листика травы, благословляетъ ихъ во имя Неба и пріобщается ими, какъ тѣломъ Христовымъ. Въ силу первой рыцарской заповѣди рыцарь обязанъ былъ умереть въ христіанской вѣрѣ,—умереть, если нужно, за вѣру. Въ одной мало извѣстной поэмѣ (Mort d'Aimeri de Narbonne) старый Эмери Нарбонскій, столѣтній старикъ безъ страха и упрека, по чувству долга отказывается повиноваться нехристямъ, которые взяли его въ плѣнъ, и не хочетъ преклониться передъ именемъ Магомета. Старца бьютъ прутьями шиповника и лозой, рвутъ заживо его мясо, воздвигаютъ ему костеръ, и несчастный слышитъ уже трескъ пламени, которое сожжетъ его. Но ничто не дѣйствуетъ: увидавъ на укрѣпленіяхъ города свою жену Эрменгартъ, которая въ слезахъ смотритъ на его страшную казнь, онъ кричитъ ей: „оставьте меня умирать, но ради любви къ Господу, сыну Дѣвы Маріи, не сдавайте города".

Вторая заповѣдь рыцарства—охранять церковь—ясно выражена въ Римскомъ понтификалѣ, гдѣ описывается образъ посвященія въ рыцари. Церковь, вручая будущему рыцарю мечъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, говорила: „Пользуйся этимъ мечомъ для защиты себя и Св. Церкви Господа и для пораженія враговъ креста Христова и вѣры христіанской. Иди и помни, что святые завоевали царства не мечомъ, а вѣрой". Итакъ, для церкви рыцарство было вооруженною силой къ услугамъ безоружной Истины. Для средневѣковыхъ этиковъ христіанское человѣчество состояло изъ безчисленной толпы слабаго народа, за который нужно молиться, который слѣдуетъ защищать. Надъ этою толпой возвышаются двѣ семьи, двѣ аристократіи, два общества свѣтлыхъ и могущественныхъ — клерики, которые должны молиться, и рыцари, которые должны охранять тѣхъ, кто молится, и тѣхъ, за кого молятся. Охрана церкви.

Въ началѣ былины о „Лотарингцахъ“ (Garin le Loherain) это ученіе излагаетъ арх. Реймскій: „Мы—клерики, и нашъ долгъ—служить Богу, которому мы молимся за вашихъ друзей. А вы, рыцари, не забывайте, что Богъ создалъ васъ для защиты церкви“.

Защита слабыхъ.

Въ силу третьей заповѣди рыцарства—защищать слабыхъ—вдовы и сироты—подъ охраной церкви и рыцарей. Въ пѣснѣ „Charrio de Nîmes“ сынъ Карла В. цинично предлагаетъ графу Гильому дать ему лены кое-кого изъ умершихъ бароновъ. Но Гильомъ не изъ тѣхъ рыцарей, которые терпѣливо выслушиваютъ подобныя предложенія. Онъ возмущается, онъ содрогается, онъ даже отпрянулъ въ сторону: „а вдовы? а сироты?“ Король блѣднѣетъ и трепещетъ подъ тягостью презрѣнія Гильома. „Если кто тронетъ малыхъ сихъ или ихъ земли,—говоритъ истинный рыцарь,—то вотъ этотъ мечъ отрубитъ головы измѣнникамъ и разбойникамъ“. Когда въ XIII в. въ Римѣ посвящали рыцаря въ базиликѣ Св. Петра, то архипастырь произносилъ торжественно: „будь защитникомъ и мужественнымъ борцомъ за церкви, за вдовъ и сиротъ“.

Любовь къ родинѣ.

Любовь къ родинѣ — четвертая заповѣдь рыцарства. Рыцари считали обыкновенно свою родину лучшей страной. Это очень характерно выразилъ графъ Фландрскій (въ эпопеѣ „Jerusalem“) при видѣ пустыни, окружающей Іерусалимъ: „я очень дивлюсь, что Господь, сынъ Св. Маріи, могъ обитать въ такой пустынѣ. О, насколько предпочитаю я ей большой замокъ въ моей крѣпости Аррасъ!“ Онъ, очевидно, готовъ былъ сожалѣть, что Христосъ родился не въ Аррасѣ. Это даже не патріотизмъ, а привязанность къ колокольнѣ своего села. Подъ вліяніемъ любви къ родинѣ у французскихъ рыцарей создалось преувеличенное понятіе о Франціи: „корона Франціи—первая изо всѣхъ коронъ; первый король Франціи былъ коронованъ поющими ангелами; ты будешь моимъ воиномъ на землѣ,—сказалъ ему Господь,—и ты дашь побѣду справедливости и закону“. Авторъ пѣсни о Роландѣ перечисляетъ отдѣльныя полчища христіанской арміи; въ лагерѣ Карла три полка изъ десяти состоятъ изъ французовъ: „Десятый рядъ состоитъ изъ бароновъ Франціи. Ихъ сто тысячъ, изъ среды лучшихъ главъ. У нихъ крѣпкія тѣла и гордая осанка, голова совершенно бѣлая и борода словно осыпана снѣгомъ. Они садятся на лошадь и требуютъ битвы. Это тѣ французы, которые завоевываютъ царство“.

Мужество, которое налагается на рыцарей пятой заповѣдью, они въ силу шестой должны были особенно проявлять въ борьбѣ съ сарацинами: „Если бы мы были въ раю“, говорятъ воины XIII в.,

„мы спустились бы, чтобы сражаться съ сарацинами“. Спутники Годфрида Бульонскаго въ порывѣ энтузіазма восклицали: „Хотя бы онѣ были изъ стали, стѣны Іерусалима, хотя бы онѣ были изъ стали, мы ихъ укусимъ“.

Вассальная вѣрность.

До чего доходила обязанность повиновенія вассала сеньёру, налагаемая на рыцаря седьмой заповѣдью, это ярко рисуетъ шансонъ „Рауль де-Камбрэ“. Когда Рауль собрался жечь монастырь Ориньи, его вассалъ Бернье соглашается слѣдовать за нимъ, хотя его мать—монахиня въ этомъ монастырѣ. „Мой сеньёръ Рауль—предатель хуже Іуды“, говоритъ онъ; „но онъ мой сеньёръ; низа что на свѣтѣ я не ослушаюсь его“. Когда Ориньи уже въ пламени, сто монахинь умираютъ въ этомъ страшномъ кострѣ; и мать Бернье не нашла пощады: вотъ она лежитъ бездыханная, и у нея на груди догораетъ ея псалтырь. А Рауль ни въ чемъ не раскаивается; онъ называетъ Бернье незаконнорожденнымъ и наноситъ ему страшный ударъ по головѣ, такъ что кровь струится по лицу сына, оплакивающаго мать. И что же? Вассалъ кротко выноситъ эту высшую обиду и только разрываетъ связь со своимъ прежнимъ сеньёромъ, хотя тотъ униженно проситъ уже у Бернье прощенія. Впослѣдствіи Бернье убиваетъ на поединкѣ Рауля, но чтобы искупить вину, тогда же предпринимаетъ паломничество за море, въ Св. Землю. Узы вассальной зависимости сильнѣе связей родства. Въ шансонъ де-жестъ есть такой разсказъ (въ „Jourdains de Blaivies“). Измѣнникъ Фромонъ убиваетъ однажды своего сеньёра Жирара Де-Блэвъ и въ своемъ безуміи хочетъ затѣмъ истребить всю семью до послѣдняго отпрыска. Остается только младенецъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, сынъ Жирара, порученный заботамъ преданнаго вассала Ренье и его жены. Измѣнникъ велитъ, наконецъ, привести сына Жирара, маленькаго Журдэна, и хочетъ убить его. Но вѣрные вассалы отказываются выдать его и, въ концѣ концовъ, жертвуютъ собственнымъ ребенкомъ, котораго выдаютъ за сына своего сеньёра.

Восьмая заповѣдь предписывала рыцарю говорить правду и держать свое слово. Среди эпитетовъ, которые даются Богу въ рыцарской поэзіи, очень часто встрѣчается клятва Богомъ, который не лжетъ. Поэмы XIII вѣка о правилахъ рыцарства (Ordene de Chevalerie) требуютъ также, чтобы рыцарь вообще соблюдалъ чистоту и непорочность нравовъ.

Щедрость.

„Милостыня“, вообще щедрость въ широкомъ смыслѣ слова—вотъ девятая, чисто христіанская заповѣдь рыцарства. „Вѣжли-

вый, благоразумный, щедрый“ (Cortois et saige et larges bour doner)—обычная похвала для рыцаря въ средневѣковой поэзіи. Одна легенда бичуетъ рыцарство, которое забываетъ заповѣдь щедрости: это легенда объ урокѣ, который сарацинъ преподалъ будто бы христіанскому королю Карлу; она разсказана у аскета кардинала Петра Даміани и въ эпопеяхъ (Anseis de Carthage). Сарацинскій царь Марсилій попалъ въ плѣнъ къ великому императору. „Обратись въ христіанство или ты умрешь“, восклицаетъ тогда Карлъ. Языческій царь не колеблется и отказывается отъ обращенія. Лучше пусть смерть, нежели крещеніе; у него на то свои причины. „Что это за вельможи,, разодѣтые въ мѣха, сидятъ у васъ за столомъ?“ спрашиваетъ онъ Карла. „Это епископы и аббаты“, отвѣчаетъ императоръ.—„А кто вотъ эти такіе тощіе люди, одѣтые въ черные и сѣрые цвѣта?“—„Это нищенствующая братія, которая молится за насъ“.—„А кто же, наконецъ, эти сидящіе на землѣ, которымъ отдаютъ остатки отъ вашего пиршества?“—„Это—бѣдные“.—„А, такъ вотъ какъ обращаетесь вы съ бѣдняками!“ восклицаетъ въ свою очередь сарацинъ Марсилій: „у васъ нѣтъ ни чести, ни уваженія къ Тому, отъ Кого вы приняли вѣру. Такъ нѣтъ же, я не хочу креститься и выбираю смерть“.

Десятая заповѣдь—бороться противъ зла и защищать добро—часто встрѣчается въ эпопеяхъ въ видѣ отрицательной формулы. Напр., въ поэмѣ „Gaidon“ излагается сатанинскій сводъ заповѣдей, противоположный христіанскому своду рыцарства; здѣсь въ уста отступника влагается и заповѣдь „возвышать зло и принижать добро“. Но церковь хорошо помнила эту десятую заповѣдь рыцарства и въ ея положительной формулѣ. Когда въ Римѣ въ базиликѣ Св. Петра посвящали новаго рыцаря, то торжественно вручали ему мечъ, „чтобы онъ проявлялъ силу права и громилъ твердыню несправедливости“. „Рыцарь, мсти за несправедливость и утверждай добрый порядокъ“, говорила Римская церковь: „тогда и ты, живой образъ Христа, будешь вѣчно царить на небеси съ своимъ божественнымъ Первообразомъ!“

Заповѣди сатаны.

Таковъ сводъ заповѣдей христіанскаго рыцаря, извлеченный въ наши дни историками изъ поэзіи среднихъ вѣковъ. Но, какъ царству Божію противопоставлялось царство діавола, такъ и въ скрижаляхъ рыцарства средневѣковая поэзія подобрала противоположныя заповѣди сатаны: „Не соблюдайте закона никогда и ни передъ кѣмъ, не соблюдайте вѣрности своему сеньёру. Предавайте и продавайте честныхъ людей. Возвышайте зло и принижайте добро,

издѣвайтесь надъ бѣдняками, у сиротъ отнимайте наслѣдство, у вдовъ — ихъ вдовью долю, поддерживайте убійцъ и разбойниковъ и помогайте оскорблять Св. Церковь, избѣгайте священниковъ, обижайте монаховъ, бросайте въ грязь дѣтей, бейте и травите стариковъ, смѣло лгите и давайте ложную присягу". Таковы заповѣди цѣлаго рода измѣнниковъ (la race des Mayencais въ поэмѣ „Gaydon"). Откуда взяла средневѣковая поэзія эту ужасную проповѣдь отверженныхъ? Очевидно, она отвлекла ихъ отъ дѣйствительныхъ чувствъ и нравовъ тѣхъ грубыхъ воиновъ, тѣхъ германцевъ - варваровъ, которыхъ очистить нравственно и должна была школа рыцарства.

4. Дѣтство барона.

Младенчество барона.

Большая была всегда радость для средневѣковаго барона, когда у него родится сынъ, наслѣдникъ его леновъ; иначе со смертью феодала эти земли отойдутъ назадъ въ родъ верховному сюзерену, императору, королю или какому-либо герцогу. Вотъ къ Фромону (герою былины „Garin le Loherain") прибѣгаетъ вѣстникъ: „Да хранитъ васъ Господь, сеньёръ, во имя вашего сына, который родился третьяго дня, такой маленькій мальчикъ! Ради Бога, скажите, какое имя хотите вы, чтобы ему нарекли?"—„Его имя будетъ Фромондинъ", отвѣчаетъ Фромонъ, „потому что послѣ меня онъ наслѣдуетъ мои земли". Затѣмъ Фромонъ созываетъ всѣхъ своихъ вассаловъ и говоритъ; „Радуйтесь и будьте отнынѣ спокойны. „Онъ" родился—сеньёръ, которому вы будете обязаны вашими ленами, родился тотъ, кто будетъ одарять васъ богатыми мѣхами. Черезъ пятнадцать лѣтъ мой сынъ будетъ рыцаремъ!"

Матери не всегда сами выкармливали этихъ сыновей-рыцарей; иногда къ знатному ребенку приставляли по нѣскольку кормилицъ [1]). Но встрѣчались матери, которыя не допускали къ своему ребенку чужой женщины. Такова была въ эпопеѣ „Годфридъ Бульонскій" мать героя—графиня Ида: она сама вскормила всѣхъ своихъ дѣтей, по совѣту ангела, данному еще ея матери Беатрисѣ. Однажды маленькій Годфридъ проснулся съ крикомъ, и какая-то женщина, чтобы унять его, дала было ему молока. Мать увидѣла это: сердце

---

[1]) Назидательный романъ „О семи мудрецахъ" осуждаетъ легкомысліе своего времени въ выборѣ кормилицы: „Въ прежнее время были умнѣе, и тогда было въ обычаѣ, чтобы сына короля выкармливала жена герцога, ребенка герцога—графиня, дитя вавассера—горожанка и т. д.".

у нея забилось, она сама потемнѣла, какъ зола, и должна была даже сѣсть на мгновеніе. Но графиня Ида тотчасъ же подымается снова, какъ львица бросается къ своему ребенку, хватается за него, вырываетъ у кормилицы, кладетъ на столъ и заставляетъ отрыгнуть „чужое“ молоко, можетъ быть, всего какой-нибудь глотокъ. У дѣтей XII—XIII вв. были подъ руками тѣ же игрушки, какъ и теперь: мячи, ходули, воланы, кубари, качели, а для кого постарше—триктракъ (tables), кости и шахматы, но будущихъ рыцарей съ малолѣтства влекло болѣе къ доспѣхамъ и вызолоченнымъ перчаткамъ, а главное—поскорѣе на лошадь. Вѣдь уже тѣ сказки и тѣ дѣтскія былины, которыя давали воображенію ребенка первые образы, говорили не о покоѣ и мирномъ трудѣ, а о борьбѣ и опасностяхъ, о беззащитности и коварной измѣнѣ. Такова, напр., былина XIII в. „Доонъ Майнцскій“ (Doon de Maience).

Доонъ Майнцскій.

Старый графъ Гвидо Майнцскій жилъ на берегахъ Рейна не далеко отъ устья, у самаго „соленаго моря“. Это былъ неустрашимый охотникъ; за всю жизнь онъ зналъ только двѣ страсти—войну и охоту. Однажды графъ преслѣдовалъ оленя въ глубину лѣса и вдругъ съ изумленіемъ увидалъ, что животное укрылось въ маленькій дворикъ какой-то кельи; а вотъ и самъ отшельникъ палъ къ ногамъ графа и молитъ о пощадѣ для оленя, близкаго къ издыханію. „Нѣтъ, нѣтъ“, кричитъ неумолимый охотникъ: „нѣтъ пощады!“ и бросаетъ въ оленя большой дротикъ; но дротикъ невѣрно направленъ: вмѣсто животнаго остріе попадаетъ въ отшельника и вонзается ему въ сердце; ангелы спускаются съ неба, чтобы принять душу умирающаго. Невольный убійца-графъ самъ теперь въ отчаяніи. „Я даю обѣтъ“, говоритъ онъ: „занять мѣсто отшельника, котораго я убилъ, и остаться въ кельѣ до конца дней моихъ“. Между тѣмъ пропавшаго графа дома считаютъ уже погибшимъ, а его сенешалъ предательски думаетъ овладѣть женой и землями своего сеньёра. Но графиня сопротивляется; измѣнникъ начинаетъ бить ее и, кажется, убилъ бы ее на смерть, если бы не семилѣтній мальчикъ Доолэнъ (Doolin), старшій изъ трехъ сыновей графа Гюи: Доолэнъ, какъ маленькій львенокъ, бросается на злодѣя, поднявшаго руку на жену своего сеньёра. Чтобы отдѣлаться отъ дѣтей, сенешалъ пытается утопить ихъ, но ему удается погубить только самаго младшаго. Двое старшихъ на утломъ челнѣ пущены въ открытое море, и волны уносятъ ихъ все дальше и дальше. Доолэнъ не унываетъ, но его братишка слишкомъ малъ и слабъ для такого испытанія: бѣдняжкѣ едва

минуло пять лѣтъ; онъ такъ хорошъ съ своими соколиными глазами; но голодъ дѣлаетъ свое дѣло: ребенокъ блѣднѣетъ, глаза закрываются, вотъ онъ уже мертвъ, и Доолэнъ одинъ, томимый голодомъ, среди безбрежнаго океана въ непроглядную ночь. Къ утру показывается вдали полоса земли, но Доолэнъ такъ слабъ, что едва подымаетъ руки до головы. А тутъ начинается буря, громъ, дождь, градъ. Ребенокъ вручаетъ уже свою жизнь Господу и Небесной Дѣвѣ; жажда и голодъ становятся невыносимы. Доолэнъ подбираетъ градины и сосетъ ихъ, ловитъ вѣтки, плавающія по волнамъ, и обгладываетъ листья. Но всему бываетъ конецъ, и вотъ вѣтеръ прибиваетъ ладью къ берегу. На берегу дремучій лѣсъ; дикими яблоками и орѣхами мальчикъ утоляетъ свой голодъ. Однако въ лѣсу волки: „Ба, пусть они приходятъ, я имъ засажу мой ножъ въ самую пасть“, думаетъ Доолэнъ. Куда же укрыться на̀ ночь? А вотъ старый, дуплистый дубъ: здѣсь и постель, и кровъ для Доолэна. Средневѣковые поэты не стѣснялись ни географіей, ни естествознаніемъ, и вотъ пѣвецъ былины о Доолэнѣ населяетъ этотъ лѣсъ при устьѣ Рейна тиграми, львами, леопардами. Мальчикъ изъ своего логова слышитъ и видитъ, какъ они грызутся, пока, наконецъ, не занялась зоря. Это былъ, конечно, тотъ самый лѣсъ, гдѣ скрывается въ кельѣ отецъ Доолэна. Графъ Гюи встрѣчается съ сыномъ, и оба узнаютъ другъ друга. Забывая объ обѣтѣ, данномъ Богу, отшельникъ думаетъ теперь покинуть келью и снова стать рыцаремъ: онъ торопится освободить жену и наказать измѣнника, завладѣвшаго его наслѣдіемъ. Но Господь караетъ графа за нарушеніе обѣта: ангелъ спускается съ неба и поражаетъ его слѣпотой. И вотъ Доолэнъ, словно маленькій Робинзонъ, остается теперь жить въ глухомъ лѣсу, одинъ со слѣпымъ отцемъ, котораго нужно и кормить, и водить. Каждый день ходитъ мальчикъ на охоту, приноситъ къ вечеру дичь для слѣпца, солитъ мясо въ прокъ морскою солью, плететъ циновки изъ лыкъ, шьетъ одежды изъ звѣриныхъ шкуръ. Но однажды въ лѣсу застучали копыта рыцарскаго коня; это ѣдетъ посланный злого сенешала, измѣнника, бросившаго въ тюрьму мать Доолэна. Ребенокъ бросается на врага и убиваетъ его ударомъ палицы: теперь впервые съ восхищеніемъ видитъ онъ вызолоченный щитъ, блестящій шлемъ, кольчугу, сколоченную изъ мелкихъ желѣзныхъ колецъ, а главное—мечъ, стальной мечъ! Рыцарская кровь закипаетъ въ немъ, сердце воина бьется, и чутьемъ, со словъ природы и Бога, постигаетъ онъ трудную науку рыцарскаго облаченія. Че-

резъ нѣсколько мгновеній Доолэнъ уже на конѣ, шлемъ на головѣ, мечъ въ рукѣ. Слѣпецъ слышитъ лошадиный топотъ и ощупью выходитъ навстрѣчу всаднику; по голосу онъ узнаетъ сына: „О Господи!“ восклицаетъ онъ: „дай мнѣ прозрѣть, дай увидать мнѣ моего сына!“ Въ средневѣковой поэзіи чудеса—не рѣдкость, и вотъ, у стараго графа вдругъ открываются его прекрасные глаза. Доолэну нечего больше дѣлать въ лѣсу, ему еще нужно вернуть наслѣдство, отмстить за мать и покарать измѣнника! Вотъ какъ рисуется бурное дѣтство рыцаря пѣвцу XIII в. Домашній кровъ, наслѣдство, семья—все непрочно; съ малолѣтства вся надежда рыцаря только на свой ножъ, да на свою молитву. Къ такой только жизни и готовитъ юнаго барона домашнее воспитаніе, которое начинается съ 7 лѣтъ.

Ученье. Развитіе отвлеченнаго мышленія, накопленіе разнородныхъ знаній въ области природы и исторіи тутъ не такъ важны. Не всякій рыцарь зналъ даже грамотѣ, рѣдкій умѣлъ читать по-латыни. У кого и были домашніе учителя или школа, такъ не хватало времени идти дальше краткихъ начатковъ. И вся-то средневѣковая наука XI—XII вв., сосредоточенная въ рукахъ духовенства, вращалась преимущественно около вопросовъ богословскихъ; свѣтскія знанія даже у ученыхъ были скудны, полны заблужденій и предразсудковъ. А между тѣмъ до рыцарей на урокахъ въ дѣтствѣ изъ разсказовъ бывалыхъ людей и былинъ жонглеровъ или изъ романовъ, прочитанныхъ между битвами, и наскоро перелистанныхъ энциклопедій (всякихъ Image, Bibliothèque, Miroir du monde) доносились только отголоски этой жалкой науки. Въ географіи для рыцаря выдѣляются три города—Римъ, Византія и Іерусалимъ, но этотъ Іерусалимъ лежитъ будто бы въ центрѣ обитаемой земли, которая на раннихъ картахъ рисовалась правильнымъ плоскимъ кругомъ. Изъ древней исторіи онъ знаетъ, можетъ быть, Трою, Александра Великаго, Цезаря, да и то въ баснословной оправѣ, созданной неразборчивыми поэтами среднихъ вѣковъ: ихъ Александръ Великій выбираетъ себѣ 12 пэровъ, подобно легендарному Карлу Великому, ускользаетъ отъ сиренъ, подобно Улиссу, покоряетъ амазонокъ, подобно Тезею или Геркулесу; ихъ Цезарь убитъ предками того Ганелона, который предалъ Роланда въ Ронсевальскомъ ущельѣ. Вся исторія Франціи до Крестовыхъ походовъ сливается для рыцарей въ одинъ мощный образъ Карла Великаго, словно мозаика, сложенный изъ всѣхъ Карловъ, а, можетъ быть, и всѣхъ императоровъ вообще. Этотъ Карлъ Великій въ эпопеяхъ—

почти великанъ; онъ торжественно ведетъ изгнаннаго папу въ Римъ, достигаетъ Византіи и даже Іерусалима, гдѣ орошаетъ слезами Гробъ Господній, борется съ арабами на югѣ Италіи и на поляхъ Апремона видитъ первые подвиги своего племянника Роланда. Походъ Карла Великаго на Пиренейскій полуостровъ олицетворяется въ образѣ этого Роланда, умирающаго рядомъ съ одиннадцатью трупами пэровъ на вершинѣ, съ которой онъ обозрѣваетъ всю Испанію. Даже съ уроковъ священной исторіи рыцари уносили только отрывки, какъ запасъ на всю жизнь, потому что рѣдко кто изъ нихъ могъ читать латинскую Библію или понимать церковную службу все на томъ же латинскомъ языкѣ. Весь Ветхій Завѣтъ сводился, можетъ быть, къ образамъ земного рая и жизни прародителей да къ тремъ прообразованіямъ: Даніилъ во рву львиномъ, Іона во чревѣ китовѣ и три отрока въ пещи огненной; развѣ что рыцарственный Іуда Маккавей привлекалъ еще къ себѣ вниманіе барона. Зато жизнь Христа онъ долженъ былъ помнить хорошо: снова и снова пересказывается она во всѣхъ крупныхъ эпопеяхъ. Таковъ-то скудный, мутный запасъ мірскихъ знаній у средняго рыцаря XI—XII вв. Но и эти убогія представленія о мірѣ отравлены еще, какъ и вся наука того времени, зловѣщей вѣрой въ чудовища, въ страны безъ солнца и луны, въ людей съ львиными когтями на рукахъ и на ногахъ, людей рогатыхъ, людей лающихъ, подобно собакамъ, и т. п.

Но не объ умѣ заботилось средневѣковое воспитаніе, а о силѣ и вѣрѣ. И вотъ фехтованіе и охота возведены были на степень науки. Съ дѣтства сражались на мечахъ, сражались на копьяхъ, бились на палкахъ; съ дѣтства одни охотились съ собаками, другіе—съ соколами. Были даже особые учителя для соколиной охоты: у нихъ перенимали дѣти, какъ кормить птицу, какъ носить, какъ выпускать, какъ кликать. Мальчики почти что жили въ лѣсу и учились выслѣживать дичь; а, воротясь домой съ охоты, они шли къ своимъ борзымъ, къ своимъ конямъ или къ соколамъ своихъ отцовъ. Такой молодой баронъ, на радость ему равныхъ, становился уже неспособнымъ къ другой наукѣ. Одна французская былина разсказываетъ, какъ хотѣли было перевоспитать Вивьена, племянника того великаго Гильома д'Оранжъ, который дважды сражался съ невѣрными на поляхъ Аликана и побѣдилъ ихъ во второй битвѣ. Бѣдный Вивьенъ еще ребенкомъ ради спасенія отца былъ выданъ сарацинамъ; потомъ его захватилъ датскій пиратъ, король Гормондъ, и продалъ за сто марокъ женѣ купца Годефруа. Эта добрая жен-

щина, воспользовавшись семилѣтнимъ отсутствіемъ мужа, стала впослѣдствіи выдавать ему Вивьена за ихъ сына, родившагося будто бы послѣ отъѣзда отца, и попыталась дать мальчику хорошее купеческое воспитаніе. Но въ ребенкѣ заговорила кровь, заговорило призваніе. „Я научу тебя, какъ покупать и продавать“, говоритъ Вивьену купецъ.—„О нѣтъ, нѣтъ“, сопротивляется восьмилѣтній мальчикъ, „дайте мнѣ только коня, двухъ борзыхъ да сокола!“ Годефруа все-таки приставилъ его къ торговлѣ, но Вивьенъ вымѣнялъ себѣ за сто кипъ товару сокола и свору собакъ. Купецъ бьетъ за это своего пріемнаго сына, но мальчикъ только кротко повторяетъ: „отецъ, повѣрь мнѣ, что это превосходныя борзыя!“ Вотъ онъ сынъ, внукъ и племянникъ героевъ-рыцарей.

Охота. Уваженіе къ охотѣ изъ рыцарской среды проникло даже въ кругъ ученыхъ. Въ подраздѣленіи наукъ XII в. (Didascalion и Eruditiones didascalicae Гугона отъ св. Виктора) среди отраслей практическаго знанія, обозначавшихся словомъ „механика“, числились, между прочимъ, земледѣліе, мореплаваніе, изготовленіе оружія и охота. Императоръ Фридрихъ II написалъ даже латинское разсужденіе „Объ искусствѣ охоты“ (De arte venandi), переведенное въ XIV в. на французскій языкъ. Вотъ, наприм., его краткія указанія объ уходѣ за соколами. Различаютъ нѣсколько породъ охотничьихъ птицъ. Между всѣми птицами съ высокимъ и благороднымъ полетомъ кречетъ самый красивый по соразмѣрности сложенія; перо у него сѣрое или бѣлое, при чемъ бѣлымъ отдаютъ предпочтеніе. Соколъ, пойманный дикимъ, называется „чиркунъ“ (ramage), соколъ, вынутый изъ гнѣзда,—„глупышъ“ (niais; въ древней русской охотѣ это „челигъ“ или гнѣздарь). Птицамъ, вынутымъ изъ гнѣзда и выкормленнымъ безъ матери, тяжело дается линяніе (мытъ, la mue); лучшіе соколы о 4 мытахъ. Кормить сокола надо преимущественно мясомъ дикихъ животныхъ; мясо дается сырымъ, еще теплымъ или подогрѣтымъ, безъ нервовъ и сухожилій. Если мяса нѣтъ, то можно замѣнять его сыромъ или яйцомъ. Приручать хищную птицу называется „вынашивать“ (adebonairir). Если имѣютъ дѣло съ соколомъ, взятымъ изъ гнѣзда, то его лишаютъ свободы, какъ только онъ въ состояніи уже летать, и дня черезъ четыре ночью приступаютъ къ „зажмуриванью“ (cilieüre) и „закупориванью“ (rebouchage). Если соколъ взятъ съ воли, то его пеленаютъ, т.-е. сажаютъ въ маленькій полотняный мѣшокъ, изъ котораго выходятъ только голова да кончикъ хвоста, и тогда совершаютъ надъ нимъ „зажмуриванье“ и „закупориванье“. Первая ступень приученія

состоитъ въ томъ, что птицѣ зашиваютъ глаза, зажмуриваютъ (ciller). Потомъ слѣдуетъ „закупориванье“ (rebouchage), т. е. птицѣ подрѣзаютъ когти. Такому соколу надѣваютъ уже „обнасцы“, т. е. ременную петлю вокругъ лапы; на другомъ концѣ ремня два кольца, черезъ которыя пропускается поводъ для привязыванія птицы къ насѣсти. Выше „обнасцовъ“ укрѣпляютъ бубенчикъ на случай, если бы соколъ заблудился. Для отдыха сокола сажаютъ на жердь (perche), т.-е. перекладину въ уровень съ глазомъ человѣческимъ и привязываютъ поводомъ, „вервью“, или на стоячій желѣзный шестъ (sedile) съ деревянной шишкой и кольцомъ для повода. Соколу раскрываютъ глаза постепенно и съ большими предосторожностями, чтобы пріучить къ свѣту. Сокольникъ уже раньше упражняется въ томъ, чтобы носить сокола, пѣшкомъ и верхомъ. Верхняя часть руки (чаще правой) спускается вдоль тѣла, не касаясь его; передняя часть руки сгибается подъ прямымъ угломъ. Не надо приближать сокола къ своему лицу, дабы онъ не пугался, а слѣдуетъ держать его грудью противъ вѣтра. Птицу выносятъ по утрамъ, въ мелкій дождь, и, чтобы раздразнить, даютъ клевать кусочки мяса или кости и мускулы съ перьями. Теперь пріучаютъ птицу повиноваться голосу сокольника, его свисту и даже жесту. Чтобы пріучить сокола во-время бросаться на живую добычу, употребляютъ „вàбило“ (le leurre), т.-е. чучело птицы изъ краснаго сукна съ крыльями куропатки или въ заячьей шкуркѣ; чучело привязано на привязи такъ, чтобы сокольникъ могъ вертѣть его вокругъ себя. Есть еще другой способъ прирученія съ „капюшономъ“ (avec chapel), который Фридрихъ II, по его словамъ, вывезъ съ Востока. Капюшонъ дѣлается изъ мягкой кожи и охватываетъ голову птицы до шеи, оставляя на свободѣ только клювъ да ноздри. Чтобы освѣжать голову птицѣ, Фридрихъ II придумалъ пробивать въ капюшонѣ отдушины. Капюшонъ надѣваютъ соколу, когда глаза у него еще закрыты, чтобы снимать и надѣвать когда угодно, и не раскрываютъ ему глазъ, пока птица не привыкнетъ къ нему. Все остальное зависитъ отъ ловкости сокольника, отъ его умѣнья пріучить птицу взгонять дичь, ударять въ нее, даваться въ руки охотнику или даже ворочаться на кулакъ.

На ряду съ физическими упражненіями шло изо дня въ день наставленіе мальчика въ ученіи Христа и заповѣдяхъ добраго рыцаря; это лежало уже на обязанности матери, отца, духовника. Въ нравственной жизни молодого барона важнымъ шагомъ была всегда первая исповѣдь и пріобщеніе св. Тайнъ. Средневѣковый

Духовное воспитаніе.

поэтъ трогательно описалъ первое пріобщеніе Вивьена вечеромъ послѣ первой, несчастной битвы при Аликанѣ. Французы, христіане, были разбиты, и побѣда осталась за невѣрными. Безконечные ряды мертвыхъ рыцарей и лошадиныхъ труповъ указываютъ еще тѣ мѣста, гдѣ происходили тысячи единоборствъ, изъ которыхъ слагалось средневѣковое сраженіе. Всѣ французы полегли здѣсь, кромѣ четырнадцати, а между тѣмъ язычниковъ еще 100 тысячъ. Надъ полемъ битвы носятся мучительные вопли, предсмертное хрипѣніе умирающихъ, ржаніе лошадей, потерявшихъ всадниковъ, радостные крики побѣдителей. А тутъ же рядомъ, на зеленой лужайкѣ у родника, куда еще долетаетъ бряцанье послѣднихъ ударовъ, недвижимо лежитъ юноша, почти ребенокъ, съ блѣднымъ челомъ, съ руками, сложенными крестомъ: это Вивьенъ, племянникъ героя Гильома д'Оранжъ. И дядя находитъ его; грусть овладѣваетъ суровымъ воиномъ при мысли, что юноша не дожилъ до перваго причастія. Но Вивьенъ еще живъ, рука его изрѣдка ударяетъ еще въ грудь, глаза открываются и смотрятъ на небо, а губы шепчутъ имя Господне. У Гильома всегда есть при себѣ освященная облатка. „Не хочешь ли ты пріобщиться хлѣбомъ, освященнымъ священникомъ?“ спрашиваетъ онъ юношу. — „Я никогда еще не вкушалъ этого хлѣба“, отвѣчаетъ умирающій: „но вотъ вы здѣсь, и я чувствую, что Богъ посѣтилъ меня“. Тогда Гильомъ становится для него священникомъ: „Исповѣдуйся передо мной“, говоритъ онъ племяннику: „потому что я твой ближайшій родственникъ, и нѣтъ здѣсь священника“.—„Я готовъ“, шепчетъ Вивьенъ: „но прислоните мнѣ голову къ вашей груди. Я алчу; да, я алчу этого хлѣба, но торопитесь, я умру, я умираю“. Онъ исповѣдуется и можетъ припомнить только одинъ грѣхъ: „Я далъ обѣтъ никогда не отступать ни на шагъ передъ невѣрными, и вотъ я боюсь, что сегодня нарушилъ свой зарокъ“. Наступаетъ минута таинства, Гильомъ вынимаетъ изъ сумочки облатку, преклоняется передъ ней, какъ при возношеніи даровъ, и пріобщаетъ Вивьена. Лицо умирающаго озаряется послѣднею радостью, а затѣмъ смерть спускается отъ головы къ сердцу; юноша склоняется и со вздохомъ предаетъ душу ангеламъ, спустившимся за ней отъ Господа.

5. Юность барона.

Пажи и оруженосцы.

Лѣтъ съ двѣнадцати молодого барона посылали ко двору его будущаго сеньёра, гдѣ онъ и проходилъ на дѣлѣ главную школу

рыцарства. Это называлось „вскармливать“ (nourrir). Вотъ мой „выкормокъ“, говаривали сеньёры; впослѣдствіи они дѣлали этихъ (domicellus) выкормковъ (nourri) своими оруженосцами (écuyer). Но до зачисленія въ экюйе такого молодого барона звали просто „отрокомъ“ (enfant), „барчукомъ“ (damoiseau); дамуазо—это маленькій баринъ (domicellus подобно dominus). Синонимомъ для дамуазо былъ „валэ“ (valet), т.-е. маленькій вассалъ [1]) (vassalet). Впослѣдствіи слово „валэ“ (слуга) стало унизительнымъ, но не ранѣе XIV в.; напротивъ, слово „пажъ“ (page, pagius) первоначально могло означать и прислугу низменнаго происхожденія, на кухнѣ и на конюшнѣ, но потомъ значеніе слова „пажъ“ стало подыматься и при Валуа употреблялось уже въ нашемъ смыслѣ. Словомъ „экюйе“ (écuyer, scutarius) назывался тотъ же отрокъ. Эта школа при дворѣ сюзерена продолжалась лѣтъ 5—7, но часто гораздо меньше. Дамуазо (scutarius) не смѣли вооружаться ни мечемъ, ни копьемъ, ни шлемомъ, ни кольчугой; имъ оставалось только сражаться съ рогатиной или пикой; позднѣе эти строгости были смягчены, и только шпоры навсегда остались отличіемъ „рыцаря“ (miles). Въ битву оруженосецъ дѣйствительно несъ щитъ своего рыцаря, становился сзади него и подавалъ ему запасное оружіе, стерегъ плѣнныхъ. Иногда удары противниковъ доставались и оруженосцу, иногда самъ оруженосецъ повиновался внутреннему призванію, вмѣшивался въ битву на защиту своихъ и тутъ же на полѣ сраженія поставлялся въ рыцари. Но и дома, въ замкѣ своего рыцаря, у экюйе бывало много дѣла.

Чуть свѣтъ экюйе съ скребницей и щеткой въ рукахъ торопится въ конюшню чистить лошадей рыцаря, а подъ конецъ и свою собственную; иногда ему же приходилось и объѣзжать молодыхъ лошадей. Потомъ онъ идетъ будить рыцаря и помогаетъ ему одѣваться. Ожидали ли гостя въ замокъ, экюйе шелъ ему навстрѣчу, бралъ у него оружіе и коня, велъ самого гостя въ приготовленную для него комнату, снималъ съ него доспѣхи и помогалъ переодѣваться. Протрубитъ ли рогъ къ обѣду, экюйе подаетъ рыцарю и гостямъ воду для мытья рукъ передъ ѣдой, разноситъ хлѣбъ, рѣ-

---

[1]) Напротивъ, слово „башелье“ (bachelier, baccalarius) первоначально—мелкопомѣстный рыцарь, затѣмъ—неженатые сыновья бароновъ при жизни отцовъ, затѣмъ—молодежь вообще. Итакъ, башелье въ поэмахъ XI—XIII вв. уже рыцарь. Напротивъ, не у всѣхъ дамуазо бывали достаточныя средства, чтобы принять дорого стоившее посвященіе въ рыцари. Отсюда въ Арагоніи ниже рыцарей былъ особый классъ „отроковъ“ (enfançons).

жетъ мясо, наливаетъ вино или внимательно стоитъ за кресломъ рыцаря. Отправляется ли рыцарь въ путь, за его вещами присматриваетъ все тотъ же оруженосецъ. Рыцарь и экюйе неразлучны, экюйе—тѣнь рыцаря. Иногда экюйе посылается вѣстникомъ ко двору другого барона съ письмомъ. Конечно, не всѣ дамуазо несли такую тяжелую службу, въ особенности, гдѣ ихъ было много; а сеньёры любили окружать себя цѣлой свитой красивыхъ и безупречныхъ дамуазо.

Испытанія.

Въ чемъ же заключалась красота этихъ отроковъ? Всѣ матери желали себѣ сына рослаго, съ литымъ тѣломъ, стройнымъ, гибкимъ, подвижнымъ; съ правильными чертами лица, съ золотыми кудрями и „зелеными“ соколиными глазами, бѣлой, слегка розоватой кожей. Труверы всегда восторгались станомъ дамуазо, широкимъ въ плечахъ, тоненькимъ въ таліи. Но главнымъ считалась все-таки сила, а не красота. Какъ рисовался, наприм., Карлъ В. пѣвцамъ рыцарской эпохи? Великаномъ въ 7—8 футовъ роста, легко сгибающимъ по три—четыре подковы, подымающимъ двумя руками рыцаря въ полномъ вооруженіи. Каковы должны быть внутреннія, душевныя качества дамуазо? Самымъ важнымъ для дамуазо было внутреннее „призваніе“; поэтому старые бароны любили иногда подвергнуть испытанію отроковъ. Такому испытанію герцогъ Жираръ подвергаетъ, напр., своего племянника Эмери де-Нарбоннъ (въ былинѣ „Girars de Viane“). Герцогъ Жираръ (Girard) сидитъ въ день своего рожденія въ своемъ замкѣ Вьеннъ и смотритъ въ окно на окрестности. Вдругъ между двухъ холмовъ, въ глубокой долинѣ, онъ видитъ группу всадниковъ, молодыхъ, красивыхъ дамуазо, которые сидятъ на узорчатыхъ сѣдлахъ и правятъ къ замку своихъ арагонскихъ лошадокъ. Вотъ они остановились у подъѣзда, и ихъ молодой, красивый вождь слѣзаетъ и весело подымается по лѣтницѣ въ залу, съ соколомъ, бѣлымъ, какъ листъ тополя, на рукѣ. Жираръ почему-то начинаетъ волноваться и, наконецъ, восклицаетъ, мѣняясь въ лицѣ: „Какъ онъ похожъ на нашу семью!“ Герцогъ Вьенскій, мучимый догадками, хочетъ во что бы то ни стало испытать новаго пришельца: „Не идите встрѣчать его, не привѣтствуйте, не заговаривайте съ нимъ“, приказываетъ онъ своимъ воинамъ. Этотъ молчаливый, холодный пріемъ раздражаетъ Эмери, и гнѣвъ вспыхиваетъ въ немъ. „Если вы такъ-то принимаете вашихъ гостей“, говоритъ онъ: „такъ знайте, что въ городкѣ есть гостиницы, а у меня наберется еще ливровъ пятнадцать золота“. Жираръ еле сдерживаетъ смѣхъ и съ важностью обра-

щается тогда къ племяннику: „Ты, вѣроятно, жонглеръ; ну, такъ покажи намъ свое искусство“, и тутъ же кричитъ ключнику замка: „гляди, мальчикъ не умѣетъ даже нести сокола; возьми у него птицу и посади на жердь“. Гнѣвъ Эмери растетъ: „Право, я лучше вернусь къ отцу, потому что дяди моего, конечно, уже не можетъ быть здѣсь!“—„Если ты жонглеръ“, продолжаетъ свою шутку герцогъ: „такъ теперь какъ разъ время спѣть намъ пѣсню. Смотри, вотъ горностаевая шубка: это будетъ твоя награда. Начинай же!“ Долѣе дамуазо уже не можетъ сдерживаться и своимъ соколомъ, какъ молоткомъ, ударяетъ Жирара прямо въ лицо. „На висѣлицу его“, кричитъ герцогъ, у котораго кровь струится по лицу: „на висѣлицу!“. Шестьдесятъ экюйе и воиновъ бросилось было на Эмери, но тотъ, блѣдный, дрожащій, гордымъ взглядомъ заставляетъ ихъ остановиться: „Я сынъ барона, дона Гэрно, я племянникъ Жирара. Назадъ!“ Герцогъ слышитъ это, бѣжитъ къ нему съ распростертыми объятіями. „О да, поистинѣ ты нашего рода, и у тебя сердце барона“. И вотъ испытаніе оканчивается поцѣлуями и слезами.

Скитанія молодого рыцаря.

Но самое суровое испытаніе, которое только выпадаетъ на долю дамуазо, это, когда родители скажутъ имъ: „мы вамъ не передадимъ леновъ, ищите сами, гдѣ сумѣете“. Средневѣковыя былины и хроники полны разсказовъ объ обездоленныхъ дамуазо, которые силою копья завоевываютъ себѣ цѣлыя государства или сразу, благодаря удачной женитьбѣ, получаютъ и славу, и богатство. Таковъ разсказъ объ отъѣздѣ сыновей Эмери (былина „Departement des enfans Aimeri“). Эмери самъ не богатъ, у него только область Нарбонна, которую онъ хочетъ оставить самому младшему изъ своихъ сыновей. „Возьми сто рыцарей“, говоритъ онъ старшему сыну Бернару: „и отправляйся прямо въ Брюбантъ (Brubant). Тамъ правитъ гордый герцогъ, а у него дочь—самая красивая дѣвушка въ свѣтѣ. Иди и проси ея руки у отца“. Бернаръ отвѣчаетъ только: „Такова ваша воля, батюшка, и я иду!“ и кричитъ уже рыцарямъ: „На коней!“ Гдѣ лежалъ Брюбантъ, этого, конечно, не зналъ и самъ поэтъ XII в., но Бернаръ и сто рыцарей Нарбонна видятъ его, наконецъ, передъ собой, этотъ пышный городъ. Въ тѣни оливъ у подъѣзда дворца рыцари слѣзаютъ съ коней и по каменной лѣстницѣ подымаются въ сводчатый залъ, гдѣ сидитъ герцогъ среди своихъ бароновъ. „Дорогой и прекрасный сиръ“, говоритъ громко Бернаръ: „графъ Эмери проситъ васъ отдать мнѣ вашу красавицу-дочь въ жены. Я буду служить тогда вамъ всю мою жизнь“. Герцогъ тотчасъ же соглашается, и тутъ кстати вы-

ходитъ и дочь, которая уже узнала о пріѣздѣ Бернара. „Дочь моя, красавица моя, я нашелъ тебѣ мужа“, говоритъ отецъ. „Да будетъ благословенъ Господь“, отвѣчаетъ дочь: „назовите мнѣ его, дорогой сиръ“.—„Вотъ онъ, Бернаръ изъ богатаго Нарбонна“.— „Я согласна, батюшка“. Тотчасъ зовутъ епископа благословить жениха и невѣсту, а на слѣдующій день уже пиръ подъ сводами замка. Тотъ же разсказъ повторяется и еще для двухъ сыновей Эмери (для Garin и Hernaut). Счастье четвертаго сына Бёвъ (Beuves) устраивается еще проще. Умираетъ герцогъ Великой Гаскони и оставляетъ только одну дочь—красавицу Элиссанъ (Helissent). По обычаю феодальныхъ временъ, сирота-дочь идетъ къ своему сеньёру королю Карлу въ Парижъ: „Мой отецъ умеръ; я пришла просить у васъ мужа“. Король тутъ же беретъ ее за руку и обращается къ Бёвъ: „Возьми эту дѣвушку себѣ въ жены“.— „Благодарю, сеньёръ“, отвѣчаетъ сынъ Эмери и зоветъ епископа, который ихъ и благословляетъ.

Но дамуазо рвется изъ дому, даже когда родители и не гонятъ его, потому что храбрость—его ремесло. Наприм., у рыцарственнаго Вивьена, о которомъ такъ часто разсказываютъ жонглеры, былъ еще маленькій 15-тилѣтній братъ; его оставляютъ въ замкѣ передъ рѣшительной битвой съ невѣрными при Аликанѣ. „Ты еще слишкомъ молодъ и малъ, чтобы идти навстрѣчу язычникамъ“, говоритъ ласково Гильомъ д'Оранжъ отроку Гишардэ: „гдѣ тебѣ вынести зрѣлище битвы и поля, покрытаго мертвыми. Оставайся лучше съ своей теткой Гибуръ“ (Guibourc). Но Гишардэ пробирается въ конюшню, сѣдлаетъ боевого коня и пускается одинъ безъ оружія въ путь. Гибуръ, „графиня со строгимъ ликомъ“, посылаетъ за нимъ въ погоню сто башелье. Но отрокъ самъ ворочается домой окольными путями и проситъ тетку „посвятить его въ рыцари“! Какая тутъ смѣсь ребячества и героизма! Однако, самымъ законченнымъ типомъ рыцаря-ребенка въ средневѣковой поэзіи былъ все-таки Роландъ, племянникъ Карла В.: варварство, грубость, немного шаловливой хитрости и много отваги — все это смѣшалось въ душѣ такого дамуазо XI — XII вв. Вотъ воинство Карла В. идетъ въ походъ на невѣрныхъ: это походъ въ Италію, который существовалъ только въ фантазіи поэтовъ и заканчивался въ былинахъ знаменитой битвой при Аспремонтѣ. Но отрока Роланда и его сверстниковъ заперли въ замкѣ въ Лапѣ: они еще слишкомъ молоды для войны. До отроковъ доносятся звуки роговъ, ржаніе и топотъ коней; они видятъ сквозь узкія окна оруженосцевъ,

отыскивающихъ помѣщенія для своихъ рыцарей. Терпѣнію ихъ наступаетъ конецъ; пять отроковъ съ Роландомъ во главѣ рвутся къ удаляющейся арміи, но въ замкѣ Ланскомъ нарочно оставленъ для присмотра привратникъ. Роландъ думаетъ сначала обмануть привратника, подкупить его обѣщаніями, называетъ его благороднымъ, зоветъ монсеньёромъ. „Дай намъ", говоритъ онъ: „поиграть немного за воротами. Знаешь, что? Когда мы выростемъ, мы сдѣлаемъ тебя рыцаремъ". Но привратника трудно провести: „Рыцаремъ?" переспрашиваетъ онъ: „жалкое ремесло! Зарабатываешь только жестокіе удары. Я предпочитаю спать", и тутъ же прибавляетъ строгимъ голосомъ: „Идите къ себѣ и забавляйтесь вашими соколами."—„ Намъ бы только взглянуть на рыцарей, добрый отецъ-привратникъ", ластится Роландъ: „выпусти насъ; ну, пожалуйста." Привратникъ упорствуетъ, и отроки отбрасываютъ тогда всякое притворство: „А, ты не хочешь повиноваться намъ, такъ получи же, что заслужилъ!" Съ этими словами Роландъ съ товарищами набрасываются на несчастнаго, осыпаютъ его ударами палокъ, замертво оставляютъ на мѣстѣ, а сами скрываются за воротами. Между тѣмъ армія Карла В. уже далеко, а пятеро дамуазо идутъ пѣшкомъ. Какъ нарочно показываются пятеро бретонцевъ. „Намъ нужны лошади", говоритъ Роландъ: „такъ вотъ намъ и работа, скорѣе на нихъ, на нихъ!" Дамуазо бросаются на испуганныхъ бретонцевъ, выбиваютъ ихъ изъ сѣдла и овладѣваютъ конями. Ограбленные рыцари идутъ между тѣмъ жаловаться къ своему королю Саломону. Что это за отроки? Надо узнать, и тысяча людей отправляется въ погоню. Ихъ окружаютъ, стѣсняютъ, приглядываются къ нимъ. „Ахъ, да это Роландъ", вскрикиваетъ вдругъ со смѣхомъ король Бретани, узнавши племянника Великаго Карла. „Это Роландъ", повторяютъ кругомъ со смѣхомъ бароны: „это Роландъ!" Никто не хочетъ знать, что отроки избили привратника и ссадили съ коней пятерыхъ бретонцевъ; ихъ прощаютъ, даже чествуютъ, позволяютъ имъ остаться въ лагерѣ и принять участіе въ крестовомъ походѣ. Роландъ торжествуетъ (См. эпопею „Aspremont"). Но при всей своей грубости, страстности, эти дамуазо XII в. сохраняютъ чистоту нравовъ. У нихъ нѣтъ и той чувствительности, мечтательности, которой надѣляетъ своихъ героевъ поэзія XIV в. Всѣ они слишкомъ любятъ охоту и военныя упражненія, чтобы обращать большое вниманіе на женщинъ.

Когда же оканчивается отрочество? Традиція германская различна, смотря по племени. У Салійскихъ франковъ оружіе вруча-

лось съ 12 лѣтъ, у Рипуарскихъ — съ 15. Во многихъ средневѣковыхъ сборникахъ обычаевъ, „кутюмовъ“, говорится о двадцати одномъ или двадцать первомъ годѣ, какъ о совершеннолѣтіи; однако въ Бовэзи сохранилось совершеннолѣтіе въ 15 лѣтъ. Рыцарство давалось долгое время скорѣе по германской традиціи въ 12, 13, 14, 15, 17, 19 лѣтъ, т.-е. средній возрастъ можно принять въ 15. Но замѣтно стремленіе отодвинуть его въ XIII вѣкѣ къ возрасту совершеннолѣтія, т.-е. 21 году.

6. Посвященіе въ рыцари.

Древнѣйшее посвященіе.

Въ сущности рыцаремъ долгое время [1]) могъ быть сдѣланъ каждый, но на дѣлѣ обыкновенно посвящались только сыновья рыцарей (дамуазо). Посвященіе чаще всего совершалось въ праздники Рождества, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, въ Ивановъ день. Обычай „ночной стражи“ (veillée des armes) наканунѣ посвященія вытекъ изъ этой привычки, потому что подъ Пасху и подъ Троицынъ день шло обыкновенно всенощное бдѣніе до утра; какъ разъ въ эти дни крестились въ древнехристіанскія времена вновь обращавшіеся. Однако, случались посвященія и на полѣ битвы. Каждый рыцарь могъ посвящать въ рыцари, но чаще всего это дѣлали родственники, сеньёры; короли и императоры стремились утвердить за собой монополію въ этомъ дѣлѣ. Иногда бывало по нѣскольку воспріемниковъ: одинъ привязываетъ правую шпору, другой—лѣвую, третій опоясываетъ новаго рыцаря мечемъ. Обыкновенно обрядъ посвященія излагаютъ по поэмѣ XIII в. „Ordene de Chevalerie“ или по католическимъ обрядникамъ, но это болѣе позднее рыцарство, а посвященіе XI—XII вв. гораздо проще. Къ германскому обычаю врученія оружія прибавились сначала только обрядъ подвязыванія шпоръ, облаченіе кольчуги, каски, ванна передъ облаченіемъ безъ всякаго символическаго значенія; даже „colée“, ударъ ладонью по шеѣ, прибавился позднѣе и не составлялъ сначала такой необходимой части посвященія, какъ опоясываніе мечемъ. Но colée сопровождалось уже краткимъ наставленіемъ: будь храбръ. Къ концу обряда рыцарь вспрыгивалъ на лошадь такъ, чтобы не касаться стремени, скакалъ немного галопомъ и ударомъ копья поражалъ

---

[1]) Въ Германіи конституціи императора Фридриха I закрывали доступъ въ рыцари дѣтямъ духовныхъ и крестьянъ.

манекены, утвержденные на столбахъ (quintaine) [1]). Иногда сами рыцари обращались за освященіемъ оружія къ церкви; такимъ образомъ, стало проникать христіанское начало въ чисто варварскій, военный обычай.

Посвященіе Годфрида Плантагенета.

Въ исторіи Годфрида Плантагенета (Johannis Turonensis, monachi Majoris Monasterii, Historia Geoffredi Plantagenistae, Andegavensis comitis et ducis Normannorum) есть разсказъ о посвященіи молодого Годфрида въ рыцари и врученіи ему оружія англійскимъ королемъ Генрихомъ въ 1129 г. Годфриду было 15 лѣтъ, когда отецъ его Фулькъ Анжуйскій получилъ приказъ отъ англійскаго короля прислать сына къ Троицыну дню въ Руанъ: король хотѣлъ посвятить его заодно съ другими сверстниками въ рыцари и женить на своей дочери. Пять бароновъ должны были проводить Годфрида къ королю, а 25 дамуазо, однихъ лѣтъ съ женихомъ, составляли его свиту. Король посылаетъ къ нему навстрѣчу знатныхъ придворныхъ, а когда Годфридъ вступаетъ во дворецъ, то Генрихъ Анжуйскій, который обыкновенно ни передъ кѣмъ не подымался, встаетъ съ своего трона, идетъ къ будущему зятю и обнимаетъ его. Затѣмъ начинается пиръ; за бесѣдой король испытуетъ отрока различными вопросами и остается доволенъ и его умомъ, и его рѣчью. На другой день съ разсвѣта Годфриду и его спутникамъ готовятъ ванны. Вымывшись, женихъ надѣваетъ льняную рубашку, полукафтанъ, шитый золотомъ, пурпуровую мантію, обуваетъ ноги въ шелкъ и башмаки, украшенные золотыми львами; да и всѣ другіе дамуазо облачаются въ льняныя рубашки и пурпуровыя мантіи. И вотъ Годфридъ выходитъ со свитою, „словно бѣлоснѣжный цвѣтокъ лиліи, осыпанный лепестками розъ“. Приводятъ лошадей, приносятъ оружіе. Для жениха приготовили испанскаго коня, который на бѣгу обгоняетъ летящихъ птицъ; отрока облачаютъ теперь въ кольчугу изъ двойныхъ колецъ, которую не пробить ни одному копью; на ноги надѣваютъ поножи, тоже сколоченныя изъ двойныхъ колецъ, и золотыя шпоры; на шею вѣшаютъ щитъ съ изображеніями золотыхъ львовъ; голову прикрываютъ шлемомъ, выложеннымъ драгоцѣнными камнями и притомъ такимъ крѣпкимъ, что его не пробьетъ никакой мечъ; приносятъ копье съ ясеневымъ древкомъ и остріемъ изъ стали, закаленной въ Пуатье, приносятъ мечъ, работы знаменитаго мастера Галана, о которомъ говорятъ

[1]) Quintaine чаще всего состояли изъ укрѣпленныхъ на столбахъ доспѣховъ—щитовъ, кольчугъ, которые молодой рыцарь долженъ былъ пробивать, разбивать или опрокидывать.

всѣ былины. И вотъ молодой рыцарь вскакиваетъ на лошадь безъ помощи стремянъ и цѣлый день предается воинскимъ забавамъ со своими сверстниками, одновременно посвященными въ рыцари. Таково посвященіе XI—XII вв.: нѣтъ ни colée, ни sermon, т.-е. поученія при врученіи оружія, ни quintaine.

Совершенно также описываютъ обрядъ и древнія былины, напр., „Garin le Loherain". Суровый Фромонъ посвящаетъ здѣсь въ рыцари сына Фромондина. Въ замкѣ готовятъ ванны, наполняютъ ихъ водой, и Фромондинъ съ товарищами омываются въ нихъ; между тѣмъ шамберлэны приносятъ одежды, а оруженосцы держатъ уже лошадей. Фромонъ посылаетъ для сына своего боевого коня Босанъ (Beaucent) съ тулузскимъ сѣдломъ. Фромондинъ однимъ прыжкомъ вскакиваетъ на коня, пускаетъ лошадь галопомъ и ударяетъ мимоѣздомъ дядю Бернара де-Нэзиля въ шутку такъ, что тотъ чуть не падаетъ. „Старый сиръ", кричитъ онъ со смѣхомъ: „будьте у меня гостемъ!" И Бернаръ отвѣчаетъ: „Благодарю васъ; но съ условіемъ: умѣйте пришпоривать коня, чтите благородныхъ рыцарей и не забывайте подливать бѣднымъ и молодого, и стараго вина." Этимъ наставленіемъ новому рыцарю и общимъ пиромъ заканчивается посвященіе.

Colée. Въ былинахъ и хроникахъ XII в. встрѣчаются часто и посвященія съ colée, которое пришло, вѣроятно, съ Сѣвера не раньше XI в. Историкъ XII в. (Lambert d' Ardres) описываетъ посвященіе въ рыцари Арнульфа II, графа д' Ардръ и де-Гинъ: отецъ молодого принца даетъ ему при всѣхъ la colée, но такъ что новый рыцарь не можетъ отвѣтить тѣмъ же (et ei militarem, non repercutiendus, dedit alapam). Это происходило въ Гинь на Троицынъ день 1181 г. Такой же обрядъ знаетъ былина „Эли де-С. Жиль". У отца Эли— у Жюльена де-С. Жиль борода совершенно сѣдая: онъ съ честью уже сто лѣтъ носитъ оружіе рыцаря, не измѣняя ни сеньёру, ни Христу, но, наконецъ, хочетъ и отдохнуть. Вотъ онъ начинаетъ укорять сына, болѣе чтобы раздражить и испытать силу его духа. „Въ твои годы", говоритъ Жюльенъ: „я завоевывалъ замки, крѣпости, города". Задѣтый за живое, Эли собирается навсегда покинуть отцовскій замокъ, но старикъ останавливаетъ его: „Куда пойдешь ты безъ боевого коня и оружія; въ Парижѣ и въ Шартрѣ всѣ скажутъ: вотъ сынъ Жюльена Бородатаго, изгнанный своимъ отцомъ". Жюльенъ велитъ приготовить quintaine, принести оружіе и посвящаетъ Эли въ рыцари. Старикъ опоясываетъ его мечомъ и, замахнувшись ладонью, даетъ сыну такой ударъ, что

тотъ еле-еле удерживается на ногахъ. Новый рыцарь сдерживаетъ закипѣвшій было въ немъ гнѣвъ и только цѣдитъ сквозь зубы: „Если бы это былъ кто другой, такъ я отплатилъ бы ему; но вы—мой отецъ, и я не долженъ негодовать". Эли вскакиваетъ затѣмъ на лошадь и поражаетъ всѣхъ разставленныхъ болвановъ. „Изъ него выйдетъ богатырь", восклицаетъ тогда съ восторгомъ старикъ.

Религіозное посвященіе.

Подъ вліяніемъ церкви этотъ военный обрядъ становится сначала религіознымъ, когда церковь только благословляетъ мечъ (bénir l'épée), а затѣмъ и прямо-таки литургическимъ, когда церковь сама опоясываетъ рыцаря мечомъ (ceindre l'épée). Отсюда въ древнихъ „понтификалахъ" (епископскихъ обрядникахъ) и различаютъ Benedictio ensis et armorum (благословеніе оружія) отъ Benedictio novi militis (посвященіе рыцаря). Былины знаютъ обычай бодрствовать въ молитвѣ ночь передъ посвященіемъ, просить у церкви благословенія для новаго рыцаря, класть его оружіе для освященія на престолъ, но богослужебный обрядъ Benedictio novi militis совершается уже только на латинскомъ языкѣ.

Наиболѣе распространенный разсказъ о посвященіи въ рыцари и притомъ съ толкованіемъ символическихъ обрядовъ заимствуется обыкновенно изъ поэмы XIII в. „Ordene de Chevalerie". Но это литературное произведеніе даетъ въ сущности свою собственную теорію, которая отразилась на позднемъ рыцарствѣ, но не опирается на факты дѣйствительной жизни, изображаемой въ былинахъ. Поэма „Ordene de Chevalerie" излагаетъ бесѣду плѣннаго христіанскаго рыцаря Гю Тиверіадскаго (Hue de Tabarie) съ великимъ государемъ невѣрныхъ, завоевателемъ и побѣдителемъ Саладиномъ. Саладинъ хочетъ будто бы сдѣлаться рыцаремъ и разспрашиваетъ рыцаря объ обрядахъ. „Святой орденъ рыцарства—не для васъ", отвѣчаетъ тотъ: „вы другого закона; у васъ нѣтъ ни вѣры, ни крещенія. Сдѣлать васъ рыцаремъ—такое же безуміе, какъ накрыть шелкомъ кучу навоза, чтобъ не воняло". Но Саладинъ настаиваетъ, приказываетъ, и плѣнникъ повинуется. Вотъ тутъ и начинается символическое толкованіе всѣхъ обрядовъ. Омовеніе—первый символъ. „Какъ ребенокъ выходитъ безъ грѣха изъ святой воды при крещеніи", говоритъ посвящающій рыцарь: „такъ и вы должны выйти изъ этой ванны, смывши съ себя всякія пятна чести и всякія скверны". Посвящаемый выходитъ изъ ванны уже преображеннымъ и сіяющимъ и сажается на торжественное *ложе*. „Завоевать себѣ *ложе* въ раю—такова цѣль рыцарства". Саладинъ послушно облачается въ *бѣлыя* одежды: „если рыцари хотятъ до-

стичь царства Небеснаго, они должны быть *чисты* душой и тѣломъ". Затѣмъ Гю де-Табари набрасываетъ *багровую* мантію на плечи повелителя: „Помните, что вы должны проливать кровь вашу на защиту Святой Церкви". Саладинъ протягиваетъ ноги, а рыцарь обуваетъ ихъ въ *черное*, „чтобы напомнить ему о землѣ, изъ которой онъ созданъ и въ которую обратится, и предохранить отъ гордости". Потомъ Саладина опоясываютъ *бѣлой* перевязью, опять-таки въ знакъ нравственной чистоты, какъ перваго долга рыцарей. Къ темной обуви прикрѣпляютъ золотыя шпоры: „Отнынѣ рыцарь долженъ быть настолько же послушенъ шпорамъ Божественной воли, какъ его лошадь—ударамъ этихъ матеріальныхъ шпоръ". Теперь время вручить рыцарю и мечъ о двухъ лезвеяхъ: „однимъ лезвеемъ онъ будетъ поражать богача, который угнетаетъ бѣднаго, другимъ—карать сильнаго, который преслѣдуетъ слабаго". Голову новому рыцарю окутываютъ бѣлымъ покрываломъ, дабы онъ помнилъ о важности душевной чистоты, соблюдая непорочность или очищаясь покаяніемъ; наконецъ, весь обрядъ оканчивается наставленіемъ Гю: „Четыри заповѣди долженъ блюсти рыцарь, если онъ хочетъ сохранить честь свою незапятнанной: никогда не итти заодно съ измѣнниками; никогда не давать дурныхъ совѣтовъ дамѣ или дѣвушкѣ, напротивъ, всегда относиться къ нимъ съ большимъ уваженіемъ и защищать ихъ противъ всѣхъ; затѣмъ, соблюдать благочестиво посты и воздержаніе и, наконецъ, слушать ежедневно обѣдню и щедро одарять монастыри". Послѣ этого Саладинъ освобождаетъ на волю своего плѣнника.

Средневѣковая церковь постепенно накладывала свою руку на военный германскій обычай. Сначала епископъ благословлялъ только оружіе, но, въ концѣ концовъ, онъ самъ сталъ опоясывать посвящаемаго мечомъ и, смягчая colée въ легкое прикосновеніе руки, дѣлалъ его рыцаремъ, произнося: „Будь рыцаремъ" (Sois chevalier). Въ Римѣ (въ библіотекѣ Vallicellane) хранится манускриптъ, возникшій не позже первой половины XI в. [1]). Это обрядникъ, гдѣ цѣлый подборъ военныхъ молитвъ: здѣсь благословеніе военнаго знамени (Benedictio vexilli bellici), затѣмъ благословеніе меча съ молитвами „Exaudi" и „Benedic" и тотчасъ же антифонъ со стихомъ „Accingere gladio tuo super femur" (Да будутъ препоясаны чресла твоимъ мечомъ), которые встрѣчаются во всѣхъ епископ-

---

[1]) Вѣроятно, онъ возникъ при Оттонѣ III между 983—1002 г. Это „Ceremoniale antiquum sive Ordo romanus et Rituale".

скихъ служебникахъ (понтификалахъ) и обозначаютъ мгновеніе, когда посвященный опоясывается; наконецъ, молитва съ обращеніемъ къ Господу: „Ты, Господи, повелѣлъ рабу твоему препоясаться мечомъ“. Кто же препоясывалъ здѣсь будущаго рыцаря? Кажется, что епископъ. Но затѣмъ до XIII вѣка нѣтъ слѣдовъ „Benedictio novi militis“. Вѣроятно, что обрядъ этотъ возникъ въ Римѣ и распространился именно оттуда. Въ позднихъ понтификалахъ встрѣчается нѣсколько разныхъ редакцій „Benedictio novi militis“; вотъ, напр., ритуалъ по епископскому обряднику Гильома Дюранъ. Послѣ обѣдни епископъ приступалъ къ благословенію меча и произносилъ „Benedic“: „Благослови, Господи, мечъ сей, дабы рабъ Твой былъ отнынѣ защитникомъ церквей, вдовъ, сиротъ и всѣхъ служащихъ Тебѣ противъ злобы еретиковъ и невѣрныхъ“. Между тѣмъ мечъ лежитъ обнаженнымъ на жертвенникѣ; наконецъ, епископъ беретъ его и влагаетъ въ правую руку будущему рыцарю со словами: „Пріими мечъ сей во имя Отца и Сына и Св. Духа и т. д.“. Потомъ, вложивши мечъ въ ножны, епископъ опоясываетъ посвященнаго мечомъ въ ножнахъ со словами: „Accingere gladio tuo super femur etc.“ (Да будутъ препоясаны чресла твои мечомъ...). Опоясанный, въ свою очередь, вынимаетъ теперь мечъ изъ ноженъ и дѣлаетъ имъ три взмаха по воздуху, вытираетъ его о лѣвую руку, словно онъ уже въ крови враговъ Истины, и снова влагаетъ. Епископъ братски цѣлуетъ затѣмъ новаго рыцаря, произнося: „Будь рыцаремъ миролюбивымъ, бодрымъ, вѣрнымъ и Богу преданнымъ“. Затѣмъ слѣдуетъ alapa, но теперь это легкое прикосновеніе, которымъ священнослужитель какъ бы пробуждаетъ воина отъ сна бодрствовать во славѣ и вѣрѣ Христовой. Тутъ окружающіе старые рыцари привязываютъ новому шпоры, и поется антифонъ со стихомъ „Accingere gladio etc.“ Все оканчивается врученіемъ vexillum'a.

7. Бракъ рыцаря.

Феодализмъ и браки.

Въ бракахъ феодальной эпохи чаще всего бывало мало поэзіи. Каждый баронъ старался главнымъ образомъ упрочить свое положеніе и заручиться большимъ числомъ леновъ; выгодная женитьба на богатой наслѣдницѣ бывала при этомъ обыкновеннымъ средствомъ. Съ другой стороны, для верховныхъ сюзереновъ было важно, чтобы каждый ленъ находился въ рукахъ сильнаго ленника, способнаго нести военную службу; поэтому дочери-наслѣдницы и

вдовы ленниковъ должны были скорѣе выходить замужъ, дабы сохранить лены по наслѣдству. Хорошо еще, если онѣ были свободны выбирать одного изъ трехъ бароновъ, предложенныхъ сюзереномъ въ мужья, а то иногда верховный собственникъ прямо навязывалъ имъ своихъ любимцевъ. Короли охотно раздавали свободные лены вмѣстѣ съ ихъ наслѣдницами баронамъ, которые вѣрно служили имъ. Вотъ какой случай разсказываетъ, напр., былина „Charroi de Nîmes“: „На этихъ дняхъ“, говоритъ здѣсь король графу Гильому въ отвѣтъ на его страшныя угрозы: „умретъ одинъ изъ моихъ пэровъ; если хотите, я подарю вамъ его земли и его жену“. Затѣмъ, подъ вліяніемъ страха, онъ начинаетъ послѣдовательно предлагать ему всѣ свободныя наслѣдства. „Возьмите землю маркиза Беранже, который только что умеръ, и возьмите его жену вмѣстѣ съ его леномъ“. Это предложеніе приводитъ Гильома въ бѣшенство. „У васъ память коротка, сиръ“, отвѣчаетъ онъ королю: „Помните ли вы еще тотъ день, когда въ битвѣ съ сарацинами вы были сбиты съ коня, и уже смерть висѣла надъ вами. Одинъ изъ вашихъ графовъ увидѣлъ васъ въ этой опасности: онъ подбѣжалъ и своимъ мечомъ прорубилъ среди враговъ просѣку вокругъ васъ, словно кабанъ между собакъ; затѣмъ онъ сошелъ съ коня и держалъ его, помогая вамъ сѣсть въ сѣдло. Это былъ маркизъ Беранже, жену котораго вы мнѣ теперь предлагаете. Однако послѣ него остался маленькій сынъ. Я убью перваго, кто обидитъ ребенка“. Неудивительно, что этотъ обычай навязывать наслѣдницамъ мужей часто служилъ причиной продолжительныхъ войнъ. Въ поэмѣ „Garins li Loherains“ король Тьерри на смерть раненъ стрѣлой, пущенной изъ сарацинскаго арбалета. Онъ чувствуетъ, что умираетъ, и хочетъ выбрать своей дочери Бланшефлоръ мужа и могущественнаго защитника. Выборъ Тьерри падаетъ на лотарингца Гарэна: „Я вамъ даю Бланшефлоръ, мои земли и мою страну“. Гарэнъ согласенъ, конечно, если императоръ Пипинъ утвердитъ за нимъ земли; женихъ и невѣста даютъ другъ другу обѣты надъ мощами, а Тьерри говоритъ: „ну, теперь выньте стрѣлу изъ моего тѣла“. Стрѣлу вынимаютъ, и король умираетъ. Гарэнъ отправляется къ императору въ Лангръ просить утвержденія для своего брака съ Бланшефлоръ. Но тутъ изъ среды придворныхъ раздается голосъ противъ брака: „Вы забываете, сиръ, что обѣщали уже мнѣ первый свободный ленъ. Мнѣ и только мнѣ одному принадлежитъ Бланшефлоръ“. Такъ говоритъ Фромонъ изъ Бордо, который и становится смертельнымъ врагомъ

лотарингцевъ. Гарэнъ сначала было сдерживаетъ себя, но потомъ разражается проклятіями, бросается на Фромона и готовъ уже нанести ударъ, но самъ императоръ удерживаетъ его за плащъ. Гарэнъ не женился на Бланшефлоръ, но съ тѣхъ поръ возгарается страшная распря, какая-то война дикарей, о которой и поетъ эпопея „Lorrains". Вотъ изъ-за чего умирали рыцари, горѣли замки, города разрушались, а дѣти оставались безъ наслѣдства. Только церковь проводила настойчиво требованіе, чтобы браки были добровольными. Въ одной поэмѣ („Beuves d' Hanstonne") аббатъ спрашиваетъ Гюидемера: „Хотите вы взять въ жены эту дѣвушку съ яснымъ челомъ?" — „Да", отвѣчаетъ онъ: „и я дарю ей, какъ вдовью часть, всю Бургонь".—„А ты, дѣвственница,—я вижу, ты плачешь? Хочешь ты взять этого барона въ мужья?"—„Нѣтъ", отвѣчаетъ она: „мнѣ не нужно этого предателя"—и бракъ не состоялся.

Женскіе типы.

Ранняя рыцарская поэзія, какъ и ея герои, мало обращаетъ вниманія на женщинъ; однако, и она создала нѣсколько идеальныхъ женскихъ типовъ: прекрасную Одъ (Aude), которая умираетъ, узнавши о смерти своего нареченнаго Роланда; настойчивую Германгаръ (Hermengart) изъ Павіи, дочь короля Бонифація, которая можетъ выйти замужъ только за Эмери, избранника своего сердца; Берту, жену Жирара Руссильонскаго, образцовую хозяйку-швею и въ то же время примѣрную христіанку по добротѣ и простотѣ. Но типъ жены средневѣковаго барона, владычицы замка въ отсутствіе мужа, съ особенной силой воплотился въ Гибуръ (Guibourc), женѣ Гильома д' Оранжъ (въ поэмѣ „Aliscans"). Гильомъ д' Оранжъ разбитъ при Аликанѣ и одинъ только остался въ живыхъ и на свободѣ изъ всѣхъ христіанскихъ рыцарей. Его жена Гибуръ далеко отъ поля битвы, въ замкѣ Оранжъ, ждетъ исхода борьбы съ сарацинами. Вдругъ привратникъ докладываетъ, что какой-то мужчина проситъ впустить его въ замокъ и выдаетъ себя за Гильома. Дрожь пробѣгаетъ у Гибуръ по жиламъ. Еще сомнѣваясь, не довѣряя, но все-таки взволнованная, она бросается на маленькую башенку. На другомъ берегу рва недвижимо стоитъ рыцарь высокаго роста, въ арабскихъ доспѣхахъ. „Это невѣрный", шепчетъ Гибуръ: „не надо отворять ему нашихъ дверей. Невѣрный! ты не войдешь сюда", кричитъ она рыцарю. Но тотъ тихо и грустно отвѣчаетъ: „Я Гильомъ". Ему некогда разсказывать теперь, какъ ради спасенія надѣлъ онъ сарацинское оружіе. „Я Гильомъ", повторяетъ онъ, и слезы крупными каплями падаютъ ему на щеки. Его руки побагровѣли отъ крови, отъ плача распухли

его глаза: „Двадцать тысячъ турокъ преслѣдуютъ меня по пятамъ, отворите, отворите мнѣ!“ И правда, издали доносится сначала неопредѣленный, но вотъ уже все сильнѣе и сильнѣе разростающійся гулъ тысячи скачущихъ коней. Гибуръ все еще колеблется: „вашъ голосъ напоминаетъ немного Гильома, но вѣдь множество людей походитъ другъ на друга рѣчью и голосомъ“. Тогда графъ отстегиваетъ забрало, откидываетъ шлемъ за плечи и обнажаетъ передъ Гибуръ свою прекрасную, окровавленную отъ ранъ голову. „Взгляните на меня“, говоритъ онъ теперь: „я ли это“. Она наклоняется и съ ужасомъ узнаетъ Гильома; а между тѣмъ вблизи уже слышны крики христіанскихъ плѣнниковъ, которыхъ сарацины гонятъ, какъ стадо, передъ собой, въ цѣпяхъ, подъ ударами. Кровь бросается Гибуръ въ голову. „Какъ“, кричитъ она снова пришельцу: „ты выдаешь себя за барона Гильома, хочешь слыть за гордую десницу, покрытую славой, и можешь спокойно выносить это унизительное зрѣлище! Нѣтъ, нѣтъ, ты не Гильомъ. Гильомъ никогда не допустилъ бы, чтобы при его жизни, у него на глазахъ, обращались такъ съ христіанами! Нѣтъ, ты не Гильомъ“. Тогда этотъ побѣжденный, обезсиленный бѣглецъ, бьющійся уже шестьдесятъ часовъ и потерявшій не мало крови, молча накидываетъ шлемъ, укрѣпляетъ забрало и съ копьемъ въ рукѣ снова бросается въ толпу невѣрныхъ. Онъ настигаетъ ихъ, наноситъ удары, убиваетъ, бьется одинъ противъ сотни и освобождаетъ плѣнныхъ. „Что я— Гильомъ?“ спрашиваетъ онъ тогда снова Гибуръ. Двери Оранжскаго замка отворяются, наконецъ, передъ несчастнымъ. Однако, Гибуръ все еще какъ-то не вѣрится: ей чуждо видѣть Гильома побѣжденнымъ; она такъ привыкла къ его торжеству и побѣдамъ. Пятнадцать ранъ, изрубленное и окровавленное тѣло, крупныя слезы на щекахъ—вызываютъ въ ней жалость, но одна мысль о пораженіи снова дѣлаетъ ее нечувствительной. „Нѣтъ, это все-таки невозможно, чтобы ты былъ Гильомъ: иначе ты былъ бы побѣдителемъ“.—„Гдѣ же, наконецъ, всѣ французы?“ продолжаетъ Гибуръ.—„Убиты“.—„Гдѣ твои бароны?“—„Убиты“.—„Гдѣ твои племянники?“—„Убиты“.—„Гдѣ Вивьенъ, котораго я такъ любила?“— „Убитъ“. Съ рыданьями и слезами Гильомъ, какъ ребенокъ, повторяетъ только: „Убиты, убиты, они всѣ убиты при Аликанѣ“. Къ Гибуръ первой возвращается мужество. „Ну, такъ теперь не до отдыха“, торопитъ она, сдерживая слезы: „надо отмстить за Господа и за мужей Франціи. Въ путь, иди и проси помощи въ Парижѣ у императора, съ Богомъ!“—„Не отправить ли мнѣ вѣстника

вмѣсто себя?“ раздумываетъ Гильомъ. Но Гибуръ не помнитъ ни пятнадцати ранъ, ни 60 часовъ битвы. „Нѣтъ, отправляйся самъ!“— „Но я боюсь оставить тебя одну“.—„Я одна сумѣю выдержать осаду турокъ: я взойду на укрѣпленія и сверху буду убивать ихъ. Иди!“ Но настала минута прощанья, и графиня чувствуетъ, что мужество внезапно покидаетъ ее, и на мгновеніе она опять становится женщиной; мужъ и жена нѣжно обнимаютъ другъ друга: „Ахъ, ты увидишь тамъ другихъ, болѣе молодыхъ и красивыхъ“, говоритъ Гибуръ мужу: „ты забудешь меня“. Тогда Гильомъ, чтобы утѣшить ее, даетъ клятву отпустить себѣ бороду и волоса, не стричь ихъ, пока онъ не вернется къ ней, и никогда во время путешествія не касаться другихъ устъ. И вотъ старый побѣжденный герой опять на конѣ и скачетъ отъ Оранжа къ Лану, гдѣ самъ король императоръ Людовикъ. Гильомъ освободилъ его нѣкогда отъ враговъ, посадилъ на престолъ, далъ ему свою сестру въ жены. Отъ кого же, какъ не отъ Людовика, ожидать побѣжденному Гильому помощи! Но во дворцѣ никто изъ пирующихъ не хочетъ узнать Гильома, въ его лохмотьяхъ, на загнанномъ конѣ, съ головой, покрытой ранами; никто не подымается, никто не идетъ навстрѣчу. „Я вамъ говорю, что христіане побѣждены при Аликанѣ, что Вивьенъ убитъ, что всѣ французы пали!“ Но даже сама королева, сестра Гильома, гордо остается на своемъ тронѣ; у нея нѣтъ ни улыбки, ни ласковаго слова для побѣжденнаго брата, пришедшаго смущать торжество въ день ея коронованія. Гильомъ чувствуетъ, что кровь изъ всѣхъ жилъ стала бить ему въ голову: онъ бросается на неблагодарную сестру, хватаетъ ее за бѣлокурыя косы, волочетъ ее по полу, вынимаетъ изъ ноженъ мечъ и готовъ уже нанести послѣдній ударъ: но вдругъ въ дверяхъ показывается озаренная свѣтомъ молодая, красивая дѣвушка, съ мягкимъ взглядомъ и улыбкой на устахъ. Это дочь королевы, племянница Гильома—Аэли (Aélis). На глазахъ у испуганныхъ зрителей среди гробового молчанія Аэли идетъ прямо къ изступленному дядѣ и, молча, опускается на колѣни. Гильомъ какъ бы замираетъ на мѣстѣ, и дѣвушка рѣшается заговорить: „Я не подымусь, пока вы не простите мою мать!“ Но Гильомъ чувствуетъ уже, что слезы навертываются ему на глаза, роняетъ мечъ, обнимаетъ племянницу и самъ бормочетъ какія-то извиненія. „Господи, какъ радуется прекрасная Аэли!“ заканчиваетъ поэтъ. Первообразомъ такихъ идеальныхъ женщинъ средневѣковья и для нихъ самихъ, и для рыцарей, и для поэтовъ всегда оставалась—Дѣва Марія.

8. Рыцарскій замокъ.

Замокъ IX вѣка. Древнѣйшія укрѣпленія Западной Европы возникли еще при римскихъ императорахъ; это тѣ постоянные лагери (castra stativa), которые строили римляне, отступая передъ германскими варварами. Гдѣ не было естественныхъ высотъ, тамъ дѣлалась насыпь, укрѣпленная валомъ и рвомъ. Въ V в. римскія провинціи были уже усѣяны такими „городищами"; даже послѣ паденія З. Римской имперіи они продолжали служить въ Галліи убѣжищами для мирнаго галло-римскаго населенія при вторженіяхъ варварскихъ дружинъ. Династія Карла В. только не надолго дала франкамъ единство и обезпеченность; разложеніе его имперіи на королевства Италію, Францію, Германію, на графства и герцогства, на мелкіе феоды, опять ведетъ къ раздробленности, даетъ мѣстной жизни перевѣсъ надъ центромъ, вызываетъ междоусобія и потребность въ убѣжищахъ. И вотъ въ IX в. Европа снова начинаетъ покрываться крѣпостями. Эти первые замки сооружались только изъ дерева и глины, безъ камня: прежде всего насыпается искусственный холмъ (motte,) а на немъ ставятъ уже срубъ о четырехъ стѣнахъ въ три-четыре этажа вышиной; подъ этой башней въ глубинѣ насыпи дѣлается еще одинъ подземный этажъ съ колодцемъ, необходимымъ для продолжительной осады. Таково жилище господина (domnio, donjon); вокругъ него, кромѣ рва, устраиваютъ валъ, или живую изгородь, или грубый палисадъ; отсюда и названія всѣхъ этихъ замковъ—„la Haye", „le Plessis", „la Motte" и т. д. Но къ XII в. рыцарскіе замки стали гораздо сложнѣе. Дерево всюду замѣняется камнемъ. Четыреугольная деревянная башня (donjon) превращается въ каменную самыхъ разнообразныхъ формъ. Палисадъ остался, но сзади него выростаютъ стройныя стѣны съ стѣнными зубцами, бойницами, окружной дорожкой, башнями.

Замокъ XII вѣка. Ворота въ замокъ XII в. защищались обыкновенно самостоятельной маленькой крѣпостцей (barbacane), выдвинутой за ровъ; когда крѣпостца взята, тогда спускаютъ большой подъемный мостъ, и защитники ея отступаютъ уже въ самый замокъ. Позади рва идетъ сначала валъ съ деревяннымъ палисадомъ, а затѣмъ дорога вокругъ замка; только за дорогой начинаются стѣны. Часть стѣны между двумя башнями называлась „куртиной"; обыкновенно низъ стѣнъ и башенъ сильно скашивали, а верхъ украшали зубьями (créneaux; въ сущности créneau—это пустота, а зубецъ—merlon). Такъ какъ зубецъ между двумя амбразурами долженъ былъ скры-

вать человѣка, то ему и давали вышину человѣческаго роста, а для стрѣлы арбалета пробивали въ немъ бойницу. Сзади зубьевъ шла дорожка кругомъ всѣхъ стѣнъ, но при входѣ въ башни она часто прерывалась пустымъ пространствомъ, черезъ которое можно было продолжать путь только по подъемному мосту; надъ дорожкой часто дѣлали покатую крышу, опиравшуюся на деревянные брусья, вдѣланные въ стѣны снаружи подъ зубцами. Башни въ стѣнахъ бывали четырехстороннія, но чаще предпочитали какую-либо другую форму; внутри онѣ дѣлились на нѣсколько этажей съ каменными сводами. Большое вниманіе обращали строители на ворота замка, помѣщавшіеся между двухъ башенъ, и подвижный подъемный мостъ, находившійся въ вѣдѣніи привратника. Кромѣ чугунныхъ или деревянныхъ воротъ, входъ въ замокъ въ крайнемъ случаѣ задвигается еще желѣзной рѣшеткой. Иногда самая дверь поворачивалась не вертикально, а горизонтально, втягивалась вверхъ на цѣпяхъ и падала внизъ въ силу своей тяжести. Съ обязанностью привратника и тайной подъемнаго моста связано много воспоминаній для пѣвца средневѣковыхъ былинъ. Вотъ, напр., Рено де-Монтобанъ: оглянувшись мысленно на всю свою прошлую жизнь, онъ рѣшается однажды ночью разстаться съ міромъ и посвятить себя Богу. Его преслѣдуетъ раскаяніе, что онъ убилъ такъ много людей; война сразу вдругъ представилась ему грубой страстью и преступленіемъ. Рено спокойно можетъ покинуть семью и замокъ: онъ самъ оставляетъ послѣ себя большое богатство, а его дѣти взяли верхъ надъ измѣнниками, которые было угрожали имъ, и вступили во владѣніе своими ленами; его братья мирно наслаждаются славой прежнихъ подвиговъ. Въ то время, когда весь замокъ погруженъ въ глубокій сонъ, Рено подымается, надѣваетъ одежды нищаго и на босу ногу безшумно спускается къ двери. Привратникъ, однако, просыпается и съ изумленіемъ узнаетъ сеньёра: „Я пойду разбужу вашихъ сыновей и братьевъ“, говоритъ онъ. „Подожди, не буди пока, но передай имъ послѣ, что я шлю мой привѣтъ, и пусть они молятся за меня“.—„Ну, а что же сказать имъ еще?“—„Какъ послѣдній совѣтъ, какъ послѣднюю волю, я завѣщаю имъ: пусть они стараются дѣлать добро“.—„Но куда же уходите вы?“—„Я иду спасать мою душу и жить свято“. Тогда привратникъ опускаетъ передъ нимъ подъемный мостъ; и герой Рено, внушавшій, бывало, страхъ Карлу В., пускается въ путь, не смѣя оглянуться назадъ, не рѣшаясь даже поднять глазъ. Онъ торопливо проходитъ поля и лѣса, питаясь дикими яблоками и

ежевикой, и раздумываетъ только о томъ, въ какомъ монастырѣ лучше всего искупить ему свои грѣхи. Въ Кельнѣ, наконецъ, налагаетъ онъ на себя тяжелую службу среди каменщиковъ Св. Петра.

Пройдя подъемный мостъ и привратника, можно, наконецъ, проникнуть въ нижній дворъ замка. Здѣсь цѣлая деревушка: посрединѣ церковь, передъ ней колодезь, а кругомъ избушки ремесленниковъ, кузнецовъ, плотниковъ и сельскихъ рабочихъ, мельница, пекарня и т. д. При первой опасности все это населеніе спасается во внутренній (верхній) дворъ или даже въ самую замковую башню. Верхній дворъ опять-таки отгороженъ отъ нижняго зубчатой стѣной, и проникнуть въ него можно только черезъ укрѣпленныя ворота. Здѣсь на внутреннемъ дворѣ конюшня барона, къ стѣнѣ пристроены погреба и амбары, клѣтки съ медвѣдями, шесты и жерди для соколовъ, господская часовня и кухня въ видѣ какого-то колокола съ трубой; отсюда должны экюйе съ жаренымъ въ рукахъ пробѣгать дворъ и взбираться по ступенямъ подъѣзда (perron). Въ королевскихъ замкахъ между часовней (капеллой) и замковой башней возвышается еще дворецъ (palais) съ парадной лѣстницей и сводчатыми окнами. Но въ обыкновенныхъ замкахъ среди верхняго двора помѣщается только главная башня, однако въ ней вся сила: это послѣднее убѣжище феодала, котораго враги преслѣдуютъ въ его собственномъ замкѣ. Эта главная башня (donjon) всегда изъ камня, всегда на скалѣ или искусственномъ холмѣ, всегда господствуетъ не только надъ укрѣпленіями замка, но и надъ всей округой; во Франціи бывали башни футовъ въ 100 слишкомъ въ вышину, 72—76 футовъ въ ширину. Донжонъ замка де-Куси, оконченный въ 1230 г., возвышается на 64 метра при діаметрѣ въ 31 метръ; это самое красивое сооруженіе средневѣковаго рыцарства. Такія башни рѣдко имѣютъ правильную квадратную форму; чаще всего поперечникъ ихъ—удлиненный прямоугольникъ съ башенками по угламъ, иногда восьмиугольникъ, иногда—въ XIII в. чаще всего—кругъ. Центральная башня окружена опять-таки своей собственной стѣной („la chemise du donjon“) и глубокимъ рвомъ. Входъ въ главную башню лежалъ обыкновенно футовъ на 20—40 надъ землей; взбираться можно было только по лѣстницѣ, которая убиралась вверхъ при первой опасности. Иногда отъ главной башни шелъ подъемный мостъ въ какое-нибудь другое строеніе рядомъ, и другого входа уже не было, какъ по подъемному мосту. Въ башнѣ три этажа, не считая подземелья;

въ каждомъ этажѣ—одна-двѣ комнаты со сводами. Окна тоже со сводами, но вслѣдствіе толщины стѣнъ это скорѣе какія-то бойницы футовъ 8—10 глубиной. Въ первомъ этажѣ помѣщается парадная зала, гдѣ собираются вассалы, гдѣ поютъ жонглеры, гдѣ ѣдятъ или играютъ въ шахматы. Во второмъ и третьемъ этажахъ спятъ баронъ, его жена, дѣти, гости. Въ подвальномъ полутемномъ этажѣ—тоже еще жилье, но если спуститься ступеней 20—30 въ глубь, то тамъ уже полный мракъ; только при свѣтѣ восковой свѣчи можно различить желѣзную дверь, которая ведетъ въ тюрьму. Рыцарскія былины не щадятъ красокъ, чтобы описать ужасы этихъ подземелій: сырость, духота, жабы, тарантулы. Но жестокость бароновъ не знаетъ предѣловъ: узникамъ наглухо завязываютъ глаза, связываютъ руки за спину, надѣваютъ ошейникъ, цѣпи на руки, кольцо на ногу, ихъ пытаютъ, выжимаютъ кровь изъ-подъ ногтей, вонзаютъ въ тѣло желѣзныя спицы и т. д. Въ нѣкоторыхъ замкахъ изъ подземелья идутъ еще тайные ходы куда-нибудь за предѣлы стѣнъ, чтобы поддерживать сношенія во время осады (напр., въ замкѣ Куси). Въ ежедневной жизни барона большое значеніе имѣетъ и каменная лѣстница съ площадками (perron), которая ведетъ къ парадной залѣ дворца или башни, гдѣ она замѣняетъ въ такомъ случаѣ деревянный подъемный мостъ (plancher) IX—X вв. На площадкѣ этой лѣстницы баронъ творитъ судъ, посвящаетъ въ рыцари и т. д. Замки бывали хороши болѣе снаружи, нежели внутри, гдѣ узкія окна, прорубленныя въ толстыхъ стѣнахъ, пропускали мало воздуха и свѣта. Поэтому бароны за предѣлами своихъ замковъ, у подножія наружныхъ стѣнъ разбивали тѣнистый паркъ (verger) съ фруктовыми деревьями, цвѣтами; въ этотъ паркъ выходилъ черезъ потайной ходъ баронъ съ семьей подышать воздухомъ полей и лѣсовъ.

Рыцари-грабители.

Въ Германіи лучшіе замки воздвигались территоріальными князьями или даже императорами для защиты всего окружающаго населенія на случай вторженія враговъ (Reichsburgen). Прежде всего старались выбрать мѣсто, которое укрѣплено самой природой—недоступныя скалы или островъ среди озера, какъ при Шильонскомъ замкѣ, или хотя бы среди болотъ, только бы затруднить подвозъ осадныхъ орудій. Рыцарскіе замки не всегда служили охраной для барона и окрестнаго населенія: иногда они превращались, наоборотъ, въ разбойничьи гнѣзда, въ опорный пунктъ для систематическаго грабежа сосѣдей и проѣзжающихъ. Нѣмецкій рыцарь-поэтъ Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ разсказываетъ, напр., слѣдующій эпи-

зодъ. 26 августа 1248 г. его посѣтили въ замкѣ Фрауенбургѣ два друга — Пильгеринъ изъ Карса (Pilgerin v. Kars) и Вейнольтъ. Ульрихъ только что принялъ ванну и легъ было отдыхать, когда они явились. Онъ наскоро одѣлся, принялъ гостей и предложилъ имъ поѣсть. Послѣ ѣды они уговариваютъ Ульриха вмѣстѣ отправиться на соколиную охоту; но, пока его люди были заняты сборомъ собакъ и соколовъ, гости мигнули своимъ оруженосцамъ, обнажили мечи, напали на хозяина, перевязали ему у горла шубу и потащили въ его же собственную башню. Слуги рыцарей-грабителей (Raubritter) изгоняютъ челядь Ульриха изъ замка; даже супруга Лихтенштейна лишается крова, а ея драгоцѣнности подвергаются разграбленію; только одного сына грабители удерживаютъ въ залогъ. Въ тотъ же день на выручку поэта поспѣшили друзья. Но Пильгеринъ вывелъ тогда Ульриха на балконъ съ петлей на шеѣ и пригрозилъ тотчасъ же сбросить его съ балкона, если онъ самъ не удалитъ друзей. На слѣдующій день грабитель потребовалъ съ хозяина выкупъ, а до поры до времени наложилъ на плѣнника тяжелыя цѣпи. Годъ и три недѣли Ульрихъ оставался взаперти и только въ сентябрѣ 1249 г. былъ, наконецъ, освобожденъ по ходатайству графа Мейтарта фонъ-Герцъ. Но двухъ сыновей и двухъ знатныхъ мальчиковъ ему пришлось оставить въ залогъ, пока онъ не выкупилъ сполна и ихъ и замокъ. Императору Рудольфу Габсбургскому принадлежитъ честь уничтоженія въ Германіи большого числа разбойничьихъ гнѣздъ такихъ рыцарей-грабителей.

9. Домашняя жизнь рыцаря.

Одежда.

„Qui trop dort au matin maigre devient et las“ (Кто долго спитъ поутру, становится худъ и вялъ), говорила средневѣковая пословица. И вотъ королей приходилъ будить сенешалъ, а простыхъ рыцарей—шамбелланъ; они дергали за изголовье, а экюйе помогали уже одѣваться. Сверхъ рубашки рыцарь надѣвалъ короткіе штаны (bruoch, braie), доходящіе до колѣнъ и поддерживаемые поясомъ; нижняя часть ноги прикрывалась чѣмъ-то въ родѣ очень длинныхъ чулокъ, прикрѣпленныхъ ремнями къ поясу штановъ (это и есть chauce); на ноги надѣвались башмаки со шнурками или пуговицами. Сверхъ бѣлья рыцарь натягиваетъ льняной камзолъ, затѣмъ blianb (côte), т.-е. суконный или шелковый кафтанъ, который до пояса плотно прилегаетъ къ тѣлу, а затѣмъ спускался складками на ноги; верхняя часть кафтана шнуровалась и къ ней при-

стегивались на ремняхъ широкіе рукава, какъ и у женщинъ. Въ холодъ поверхъ него рыцари носили еще surkôt на мѣху, а въ дорогѣ „карре“, т. - е. плащъ съ капюшономъ. Но офиціальная верхняя одежда, которую носилъ и рыцарь и его жена,—это мантія (mantel) безъ рукавовъ изъ шелковыхъ тканей съ горностаевой выпушкой. Мантія на правомъ плечѣ скрѣплялась пряжкой, а самъ рыцарь слегка придерживалъ ее рукой на высотѣ груди. Голову рыцарь прикрывалъ шапочкой.

Умывшись или даже взявши ванну и одѣвшись, рыцарь начинаетъ молиться. Рыцарская молитва долго сохраняла характеръ восточнаго поклоненія: феодалъ распростирался крестомъ на землю, головой къ востоку; только постепенно перешли въ средніе вѣка къ простому колѣнопреклоненію. Но не довольствуясь одиночной молитвой, рыцарь шелъ затѣмъ слушать мессу въ сосѣдній монастырь или въ капеллу, которая находилась тутъ же у башни замка.

Забавы.

Но чѣмъ наполнялъ рыцарь весь остальной день, когда не было войны? Вѣдь уединенная жизнь въ мрачномъ замкѣ должна была наводить мучительную скуку? Нисколько; феодалы умѣли изобрѣтать забавы, и рыцарскія былины насчитываютъ ихъ болѣе десятка. Рыцарь посѣщаетъ всѣ турниры въ округѣ, хотя бы расходы на вооруженіе и путь поглощали половину его дохода; охотится въ лѣсахъ или по болотамъ; ловитъ рыбу то въ прудахъ, то въ быстро бѣгущихъ ручьяхъ, или просто предпринимаетъ безконечныя прогулки въ луга и по степи. Но даже оставаясь въ предѣлахъ замка, рыцарь можетъ зимой по цѣлымъ часамъ сидѣть и грѣться у своего камина, переживая мысленно свои походы и турниры или прислушиваясь къ разсказу какого-нибудь паломника, а лѣтомъ—прохаживаться въ тѣни своего парка среди павлиновъ и лебедей. Онъ открываетъ свои двери для всевозможныхъ жонглеровъ, принимаетъ и угощаетъ гостей, упражняется на рапирахъ или даетъ другимъ уроки фехтовки; устраиваетъ травли дикихъ звѣрей, медвѣдей и вепрей, играетъ на день по двадцати партій въ шахматы, перемежая ихъ триктракомъ и игрой въ кости, а главное, хорошо ѣстъ, долго ѣстъ и много пьетъ, или, наконецъ, просто сидитъ подъ окномъ и смотритъ вдоль дороги на проѣзжихъ. Впрочемъ, и въ мирное время можетъ набѣжать какое-нибудь дѣло барону — судъ надъ зависимыми вилланами, хлопоты по хозяйству, надзоръ за челядью. У каждаго сеньёра есть, вѣдь, свой „дворъ“, хотя бы его башня и была изъ дерева. Первое мѣсто среди этихъ придворныхъ принадлежитъ сенешалу (dapifer); бывало, у Меровинговъ онъ

завѣдывалъ столомъ и хозяйствомъ ихъ помѣстій, но съ теченіемъ времени чуть было не превратился въ вице-короля, такъ что мнительные Капетинги уничтожили въ 1191 г. самый санъ. Но при простыхъ рыцаряхъ сенешалы не были такъ опасны и удержались: рыцарь вручалъ имъ иногда свое знамя, но и здѣсь они, главнымъ образомъ, оставались управляющими, экономами, стольниками. За сенешаломъ идетъ маршалъ, завѣдующій конюшнями, передвиженіями и палатками; шамбріэ, на отвѣтственности котораго лежитъ все внутреннее убранство комнатъ; бутельэ, распоряжающійся въ подвалахъ и погребахъ; ниже на цѣлую ступень стоятъ депансьэ, покупающій провизію, maître-queux и sorqueux, хозяйничающіе на кухнѣ, и, наконецъ, вся мелкая челядь: псари, курьеры, дозорщики, привратники и всякіе слуги безъ названій. Иногда среди всѣхъ этихъ министеріаловъ (domestici) встрѣчался еще и менестрель, т.-е. пѣвецъ былинъ. Управленіе такой многочисленной челядью требовало часто непосредственнаго вмѣшательства барона и немного развлекало его въ свободное отъ войны время.

Обѣдъ. Время обѣда было особенно удобно для того, чтобы на дѣлѣ наблюдать за усердіемъ и ловкостью всего этого двора. Съ VI в., т.-е. съ окончательнаго торжества варваровъ, античные триклиніи исчезаютъ вмѣстѣ съ обычаемъ возлежать во время ѣды. Для пира въ рыцарскомъ замкѣ разставляютъ теперь обыкновенно вдоль и поперекъ большой залы столы изъ досокъ, укрѣпляемыхъ на складныхъ козлахъ, а вдоль столовъ ставились скамьи. Одинъ изъ столовъ возвышался надъ всѣми другими: это было мѣсто для сеньёра и его избранныхъ гостей; передъ главнымъ столомъ ставили и самую высокую, роскошную скамью съ узорчатой спинкой. На другихъ скамьяхъ разсаживались вассалы. Кто же размѣщалъ эти столы и лавки, кто прислуживалъ во время обѣда? Челядь, отчасти знатная, отчасти вышедшая изъ крѣпостной среды. Знатную челядь составляли тѣ „башелье“, рыцари безъ леновъ, которые жались къ могущественнымъ сеньёрамъ, затѣмъ экюйе и варлэ, еще только добивавшіеся рыцарства. Къ незнатной челяди принадлежали депансьэ, бутельэ и просто слуги. Прежде чѣмъ садиться за столъ, всѣ направлялись мыть руки при входѣ въ залъ, а затѣмъ каждый гость шелъ уже къ своей скамьѣ, гдѣ лежали для него ножъ, ложка и хлѣбъ. Рыцарскіе обѣды, а тѣмъ болѣе пиры бывали продолжительны: подавалось по 6, 7, 10 и болѣе блюдъ, больше все мясо и рыба, сильно приправленныя пряностями. Мясо домашнихъ животныхъ, убитыхъ на бойнѣ, встрѣчалось за сто-

ломъ гораздо рѣже, чѣмъ дичь четвероногая и пернатая. Подается ли олень цѣликомъ или плечо дикаго кабана, или четверть медвѣдя, чиненая пряностями, всякое жареное мясо безъ различія обливается горячимъ соусомъ изъ перца, куда иногда прибавляютъ еще немного гвоздики. Тутъ же надъ этой поѣдаемой дичью начинаются разсказы охотниковъ, при чемъ, конечно, много и преувеличеній („Assès i mentent li plusor",—замѣчаетъ поэтъ). За лѣсной дичью идутъ любимыя, хотя и жесткія, блюда рыцарей—жареные павлины и лебеди, которыми гости, можетъ быть, еще только наканунѣ любовались въ паркѣ хозяина, и всякая другая птица—домашняя и дикая. Потомъ идутъ какіе-нибудь пироги, но опять-таки съ начинкой все изъ тѣхъ же фазановъ, пулярокъ и голубей. Иногда хозяинъ взрѣзаетъ колоссальный паштетъ, а изъ него вылетаетъ сотня мелкихъ пташекъ, на которыхъ охотники тутъ же притравляютъ соколовъ. Неудивительно, если послѣ всѣхъ этихъ мясныхъ блюдъ рыцари, можетъ быть, холоднѣе отнесутся къ поданнымъ теперь лещамъ, головлямъ, форелямъ; развѣ только что пирогъ съ угрями, какъ новинка, оживитъ на мгновеніе потухающій уже аппетитъ. Въ концѣ обѣда, вслѣдъ за вафлями и тортами, подаютъ, конечно, и фрукты: яблоки, винныя ягоды, гранаты, но гости барона охотнѣе набрасываются опять на самыя ѣдкія пряности, на мушкатный орѣхъ, перецъ, гвоздику, инбирь, чтобы только заглушить вкусъ жира и мяса. Иногда подаютъ какіе-нибудь напитки, приправленные этими произведеніями Востока. Разумѣется, такой обѣдъ будитъ жажду, и громадные кубки наполняются послѣ каждаго блюда. Но чистому вину рыцари предпочитаютъ пряную, ароматичную смѣсь вина, меду и духовъ, въ особенности кларетъ [1]).

Отъ среднихъ вѣковъ дошло много поученій, какъ держать себя въ обществѣ, въ особенности за столомъ (напр., Reineri Phagifacetus sive de facetia comedendi; Altdeutsche Tischzuchten; Contenance de la table и т. п.). Наставленія, которыя даются въ такихъ сборникахъ, свидѣтельствуютъ о грубости общества, собиравшагося къ столу въ средніе вѣка. Не слѣдуетъ съѣдать хлѣбъ, прежде чѣмъ успѣютъ подать первое блюдо. Если сосѣдъ сидитъ справа, то надо ѣсть лѣвой рукой. Пальцы надо держать въ чистотѣ и коротко стричь ногти, потому что мясо приходится брать съ общаго блюда руками. Во время ѣды не чесать уже себѣ руками ни шеи, ни ушей, ни чистить носа. Не мокать въ общую

[1]) Кларетъ готовится тоже изъ вина, меду и пряностей.

чашу кусковъ хлѣба, которые обкусываешь, не бросать назадъ обглоданныхъ костей, не распускать за столомъ пояса и т. п. Roman de la Rose даетъ совѣты дамамъ: хозяйка должна заботиться по хозяйству такъ, чтобы это было всѣмъ замѣтно, опаздывать нарочно къ столу, садиться послѣдней. Дамы не должны совать въ чашу пальцы до самыхъ суставовъ; онѣ могутъ брать куски кончиками пальцевъ, пить маленькими глотками, не обливаться и передъ кубкомъ обтирать жиръ съ губъ. Каковы должны были быть гости, нуждавшіеся въ подобныхъ совѣтахъ! Но въ залѣ, гдѣ идетъ пиръ, уже темнѣетъ, и появляются мальчики съ факелами въ рукахъ: употребленіе восковыхъ и сальныхъ свѣчей началось только преимущественно со второй половины среднихъ вѣковъ.

10. Военная жизнь рыцаря.

Турниры.

Война, охота и турниры наполняли большую часть жизни рыцаря. Когда церковь нападала на турниры, то ихъ защитники отвѣчали, что врядъ ли безъ этой предварительной школы молодые башелье рѣшились бы итти въ битву. Нѣтъ, съ увѣренностью бросается въ схватку только тотъ, кто не разъ видалъ свою кровь брызжущей на землю; кто испыталъ, какъ хрустятъ зубы подъ кулакомъ противника; кто знаетъ тяжесть врага, когда тотъ навалится вдругъ со всѣми своими доспѣхами; кто двадцать разъ былъ сбитъ и двадцать разъ подымался съ новой отвагою и бодростью.

Турниры нельзя вести ни отъ германскихъ игръ, описанныхъ Тацитомъ, гдѣ обнаженные юноши прыгаютъ среди мечей, ни отъ военныхъ маневровъ, описанныхъ Нитгардтомъ по поводу Страсбургской присяги. Средневѣковыя хроники приписываютъ иногда ихъ изобрѣтеніе Жофруа де-Прельи, умершему въ 1066 г., но Дюканжъ доказалъ, что турниры существовали уже раньше. Одно можно сказать съ достовѣрностью: турниры зародились во Франціи и оттуда проникли уже въ Германію и Англію; не даромъ назывались они „галльскими схватками“ (conflictus gallici у Матвѣя Парижскаго). Гильомъ де-Ньюбёри († 1208 г.) разсказываетъ, будто бы Ричардъ Львиное Сердце ввелъ турниры въ Англіи, убѣдившись въ томъ, что французы именно имъ обязаны своимъ военнымъ превосходствомъ; то же передаетъ и Матвѣй Парижскій подъ 1194 г. Первоначально турниръ былъ примѣрнымъ сраженіемъ, гдѣ сталкивались два войска рыцарей. Отъ такого турнира средневѣ-

ковыя былины всегда отличаютъ joute, т.-е. поединокъ двухъ рыцарей. Турниры навсегда остались опасною забавой; но въ XIII в. убитыхъ считали здѣсь десятками, не говоря о разрубленныхъ лицахъ и цѣлыхъ повозкахъ раненыхъ. Впослѣдствіи стали, впрочемъ, притуплять мечи и копья, назначенные для турнира. Средневѣковыя дамы не боялись крови и наполняли ложи и ступени на подмосткахъ для зрителей, убранныя коврами и знаменами. Но церковь никогда не могла примириться съ кровавой забавой. Уже Клермонскій соборъ, собравшійся въ Оверни въ 1130 г., при папѣ Иннокентіи II, запретилъ своимъ постановленіемъ турниры, потому что они не рѣдко стоятъ жизни людямъ. Если кто раненъ на такихъ играхъ, то ему не слѣдуетъ отказывать въ исповѣди и предсмертномъ причащеніи, но его надо лишить церковнаго погребенія, прибавляли отцы собора. Александръ III и оба великіе Иннокентія (III и IV) слѣдовали этому примѣру борьбы противъ турнировъ. Николай III въ 1279 г. велѣлъ кардиналу Симону де-С.-Сесиль отлучить отъ церкви всѣхъ рыцарей, принявшихъ участіе въ турнирѣ, который французскій король Филиппъ III разрѣшилъ исключительно по своей слабости. Впрочемъ, у короля передъ глазами былъ теперь живой примѣръ тому, какъ гибельны всѣ эти забавы. Его младшій братъ Робертъ де-Клермонъ сошелъ съ ума вслѣдствіе удара по головѣ на турнирѣ 1279 года и умеръ въ безуміи слишкомъ тридцать лѣтъ спустя. Подъ вліяніемъ уроковъ жизни и проповѣди церкви французскіе короли уже съ Филиппа Августа и Людовика Св. начали съ своей стороны безуспѣшную борьбу противъ любимой потѣхи французской знати.

Приглашенія на турниръ разсылались обыкновенно по всѣмъ сосѣдямъ на 20—30 лье въ округѣ. Кругомъ четырехугольнаго ристалища ставили два крѣпкихъ деревянныхъ барьера; между ними оставалась широкая дорога для людей, которые, съ одной стороны, не допускали народъ проникать за высокій внѣшній барьеръ, съ другой—черезъ низенькій внутренній помогали рыцарямъ, сбитымъ съ коней; сюда допускаются и избранные зрители изъ толпы, остающейся за барьеромъ. Для дамъ и для судей турнира воздвигались наскоро ложи на подмосткахъ изъ дерева. Вся мѣстность кругомъ ристалища покрывается на время турнира множествомъ палатокъ, а въ самомъ городѣ, который устраиваетъ празднество, надъ всѣми окнами, надъ всѣми дверями укрѣпляются знамена гостящихъ рыцарей. На турниръ каждый рыцарь снаряжался точно такъ же, какъ и на битву. Подъ доспѣхи онъ сначала надѣвалъ senftenier,

т.-е., вѣроятно, туго набитый набрюшникъ въ родѣ тѣхъ нагрудниковъ, которые надѣваются у насъ при фехтовкѣ; онъ, должно быть, опускался и на верхнія части ногъ. Затѣмъ рыцарь натягиваетъ кольчугу изъ желѣзныхъ колецъ, доходившую въ XII в. до колѣнъ, съ рукавами до кулака и капюшономъ изъ мелкихъ колецъ на голову (hersenier), изъ-подъ котораго видны только носъ, глаза, ротъ; иногда при капюшонѣ была еще особая полоса изъ колецъ, которую въ случаѣ опасности можно было натянуть на нижнюю часть лица (ventaille). Ноги защищаются голенищами, или, вѣрнѣе, штанами изъ такихъ же колецъ, какъ и кольчуга (chauce de fer) и наколѣнниками. Голова прикрывается шлемомъ въ видѣ конической каски, опоясанной внизу широкимъ металлическимъ кольцомъ, отъ котораго отдѣляется длинная пластинка (nasal) для защиты носа. Рыцарское оружіе состояло изъ меча, копья, чтобы колоть, съ ясеневымъ древкомъ и желѣзнымъ наконечникомъ, и щита съ гербомъ. Гербы на щитахъ первоначально дѣлались изъ мѣху, а потому и цвѣта назывались именами животныхъ (черный цвѣтъ—Zobel, бѣлый—härmin и т. д.). Впослѣдствіи гербы расписывались золотомъ и серебромъ и красками бѣлой, черной, красной, голубой, зеленой. Изъ рисунковъ чаще всего встрѣчались въ гербахъ левъ, леопардъ, пантера, медвѣжья лапа, волкъ, орелъ и т. д. До начала XIII ст. лошади не защищались броней. Но затѣмъ стали на лошадь надѣвать кольчужку, которая прикрывала голову, шею, грудь, часть живота, а подъ кольчужку натягивали попону изъ толстой матеріи; грудь, крестецъ и лобъ лошади защищались броней.

Руководятъ турниромъ и слѣдятъ за порядкомъ герольды, которые заранѣе объѣзжаютъ окрестности и оповѣщаютъ день праздника, а передъ началомъ турнира выкрикиваютъ имена рыцарей, выѣзжающихъ на состязаніе. По мѣрѣ того, какъ турниры изъ простой кровопролитной битвы превращаются въ искусственное состязаніе и, съ цѣлью уменьшить опасности и неудобства этихъ жестокихъ военныхъ упражненій, подчиняются опредѣленнымъ правиламъ, герольды, „глашатаи“, выростаютъ въ церемоніймейстеровъ. Самый обычай провозглашать имя рыцаря, выѣзжающаго на ристалище, разростается въ хвалебныя рѣчи въ честь бойца, за которыя рыцари щедро платятъ прославляющему ихъ герольду. Герольдъ вторгается тутъ уже въ область менестрелей или жонглеровъ. Общественное положеніе герольдовъ повышается вмѣстѣ съ расширеніемъ круга ихъ обязанностей. Благодаря турнирамъ, они накопляютъ много спеціальныхъ свѣдѣній о различныхъ странахъ,

войнахъ и рыцарскихъ родахъ. Литература XV в. обязана этому сословію нѣсколькими изъ своихъ выдающихся произведеній. Передъ началомъ турнира герольды ѣхали впереди всей процессіи рыцарей; во время битвы они постоянно ободряли сражающихся, напоминая имъ подвиги ихъ предковъ, или взывали къ дамамъ, чтобы тѣ имѣли жалость къ своимъ рыцарямъ и не щадили знаковъ любви. И вотъ дамы, которыя уже до начала состязаній раздавали знакомымъ рыцарямъ свои шелковые рукава на знамена, теперь, во время битвы, постоянно бросаютъ на арену платки, перчатки, вѣера, мантильи.

Условія турнировъ бывали различны. Иногда побѣда сводилась къ тому, что рыцарь ломалъ три копья, нанося противнику мѣткіе удары то въ центрѣ щита между четырехъ гвоздей, то въ грудь, или, что считалось уже верхомъ искусства, въ шею подъ подбородокъ, туда, гдѣ оканчивался шлемъ и оставалось мѣсто наименьшаго сопротивленія. Но въ другихъ случаяхъ старались вышибить противника изъ сѣдла, свалить на землю, пролить немного крови. Турниръ распадался на 100—200 отдѣльныхъ состязаній. Передъ каждой схваткой рыцарь садился на боевого коня, наклонялъ копье книзу, пригиналъ голову и, закрывшись щитомъ, пришпоривалъ коня на противника; первое столкновеніе двухъ рыцарей бывало обыкновенно ужасно. Важно было вѣрно нацѣлить копьемъ, чтобы оно не пошло вверхъ, не уклонилось слишкомъ внизъ или не скользнуло бы въ сторону. Иногда состязаніе оканчивалось въ нѣсколько мгновеній, и при первомъ же столкновеніи одинъ изъ рыцарей чувствовалъ, что копье противника, обезвреженное шишкой на концѣ, ударилось ему въ ротъ и выбило зубы; зато, можетъ быть, онъ самъ сломалъ другому рыцарю ключицу. Оба лежатъ безъ чувствъ на землѣ, а испуганные кони шарахнулись въ сторону. Но все это еще не главный турниръ; это только поединки. Послѣ нѣсколькихъ дней такихъ схватокъ страсти разгораются, и рыцари требуютъ настоящаго турнира. Тогда всѣ участники дѣлятся на двѣ шеренги, которыя выстраиваются другъ противъ друга, чаще всего по національностямъ: нѣмцы противъ французовъ, бургундцы противъ уроженцевъ Гэно. Бой идетъ уже не на аренѣ, а въ открытомъ полѣ. Горе тому, кого сшибутъ здѣсь съ лошади: его растопчутъ. Отъ одной пыли можно здѣсь задохнуться. Герольды молятъ дамъ сжалиться и прекратить кровопролитіе. Иногда только ночь останавливала разгорѣвшихся бойцовъ. Побѣдители не удовлетворяются одной только славой, которую разгла-

шаютъ герольды. Они берутъ противниковъ въ плѣнъ и заставляютъ платить выкупъ; у побѣжденнаго отнимали лошадь, оружіе. Для ловкихъ, но бѣдныхъ рыцарей турниръ превращался прямо въ наживу. Зато другіе, несмотря на всѣ свои побѣды, только разорялись на турнирахъ, бросая громадныя деньги на путевыя издержки, на костюмъ своей дамы, на свою роскошную жизнь во время празднества. Послѣ турнира дамы раздавали иногда награды побѣдителямъ, но въ XIII в. такой наградой былъ развѣ какой-нибудь соколъ, поясъ или щитъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

Смерть рыцаря.

Настоящія битвы первой половины среднихъ вѣковъ мало чѣмъ отличаются отъ такихъ турнировъ. Правда, мечи тогда отточены, на остріяхъ копій нѣтъ предохранительныхъ шишекъ, и смерть гораздо чаще слѣдуетъ за ловкимъ ударомъ, чѣмъ на состязаніяхъ. Но смерть на полѣ сраженія, въ особенности въ битвѣ съ невѣрными на защиту христіанства—лучшее завершеніе славной жизни рыцаря. Только мученичество стоитъ выше подобной смерти. Вотъ, какъ, напр., изображается смерть истиннаго рыцаря въ поэмѣ „Бургонецъ Обери“ (Auberi le Bourgoing).

Идетъ большая битва между сарацинами и баварцами, которыми предводительствуетъ король Орри. Баварцы бьются хорошо, но ничего не могутъ сдѣлать, потому что противъ нихъ вышло 20 тысячъ невѣрныхъ. Всѣ христіане побиты или попали въ плѣнъ, кромѣ тридцати. Эти заставили бы сарацинъ дорого заплатить за себя, но врагъ слишкомъ многочисленъ, и вотъ они пускаются въ бѣгство. Они спасаются въ городъ, но, о ужасъ, ворота заперли слишкомъ поспѣшно, и король Орри остался на полѣ битвы среди сарацинъ. Орри отбивается, но невѣрные убили уже подъ нимъ коня и тутъ же схватили и короля, упавшаго на землю. „Хочешь ли ты увѣровать въ Магомета?“ спрашиваетъ его король невѣрныхъ Анкетенъ. Орри слышитъ, и вся кровь возмутилась въ немъ: если бы онъ былъ свободенъ, онъ охотно ударилъ бы невѣрнаго. „Не захочетъ Христосъ, чтобы ради тѣла я потерялъ душу“, говоритъ Орри. „Иди со мной на Францію“, искушаетъ Анкетенъ: „мы наведемъ такой ужасъ на короля Пипина, что я возьму у него Францію и отдамъ тебѣ“.—„Нѣтъ, нѣтъ“, отвѣчаетъ Орри: „я никогда не пойду противъ Франціи и никогда не отрекусь отъ Христа. Никогда я не совершу такого преступленія—сразу предать двухъ сеньёровъ“. Тогда невѣрные начинаютъ жечь городъ, убивать жителей и ведутъ за собой Орри съ ошейникомъ на шеѣ. Защитники города укры-

ваются въ башню замка. „Сдайте мнѣ дворецъ и башню, и я верну вамъ Орри, вашего сеньёра“, кричитъ громко король невѣрныхъ. Гибуръ (Guibourc) издаетъ громкій крикъ, который слышатъ многіе; крикъ этотъ долетаетъ и до ея горячо любимаго мужа: „Добрый сиръ и король“, спрашиваетъ она: „во имя Создателя, слѣдуетъ ли сдать замокъ и башню?“ И нѣжно, съ любовью король Орри отвѣчаетъ: „нѣтъ, супруга, нѣтъ, это было бы безуміемъ. Если бы даже Анкетенъ владѣлъ всей землей до великой Индіи, я все-таки лучше умеръ бы сегодня же“. Когда Анкетенъ услыхалъ эти слова Орри, то кровь закипѣла въ немъ отъ гнѣва. Онъ велитъ снять платье съ баварскаго короля; на глазахъ у его жены, которая сильно страдаетъ, невѣрные дѣлаютъ кипящую смѣсь изъ сѣры и смолы и капля за каплей льютъ ее по всему тѣлу Орри. Этотъ ужасный жаръ такъ мучителенъ, что король христіанскій не можетъ произнести ни слова и падаетъ почти безъ чувствъ. „Отрекаешься ли ты?“ повторяетъ невѣрный.—„Нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ пусть не будетъ и рѣчи“, возражаетъ снова Орри: „всѣ, кто вѣруетъ въ Магомета, обнаженными сойдутъ прямо въ пекло“. Услышавши это, Анкетенъ приходитъ въ бѣшенство. Онъ велитъ бросить короля Орри на землю и горячимъ желѣзомъ вырвать у него глаза изъ головы. Король Баваріи кричитъ отъ боли, вопитъ, но не отчаивается и начинаетъ молиться Христу. Его жена все видитъ и слышитъ и близка къ безумію... Невѣрные продолжаютъ мучить Орри. Они привязываютъ его къ калиновому кусту на распутьѣ, окружаютъ его всѣ и начинаютъ бросать въ него каждый свое копье. Постепенно они покрываютъ его ранами со всѣхъ сторонъ. Орри опускается на колѣни и съ молитвой предаетъ свою душу Господу. Ангелы спускаются, чтобы отнести ее къ Творцу. Такъ умирали, бывало, только мученики во время гоненій римскихъ цезарей.

II. Культъ женщинъ. Утонченное рыцарство XIII в. и упадокъ стараго феодальнаго рыцарства.

Любовь.

Извѣстно, что уже германцы эпохи Тацита, въ отличіе отъ другихъ варваровъ, съ уваженіемъ относились къ женщинамъ своего племени. На войнѣ германцы часто щадили женщинъ даже непріятельскаго племени. Такую пощаду оказалъ Тотила женщинамъ Неаполя и Рима, а когда знатный готъ оскорбилъ неаполитанскую дѣвушку, то король велѣлъ казнить виновнаго, а имущество его

отдать обиженной. Скандинавы узаконили этотъ „миръ для женщинъ“ на случай всѣхъ своихъ войнъ и семейныхъ раздоровъ. Германскіе поэты, конечно, высоко ставили женскую красоту. Какова же должна быть эта германская красавица? Золотые волосы падаютъ у нея на лобъ, бѣлѣе снѣга; тонкія, прямыя брови тянутся надъ глазами, обаяніе которыхъ неотразимо; щеки и уста и бѣлы, и румяны; зубы безупречные, словно точеные изъ слоновой кости. Глаза разставлены у красавицы широко другъ отъ друга, носъ прямой, не слишкомъ тупой, не слишкомъ острый, подбородокъ округлый, съ бѣлоснѣжной ямочкой; шея и затылокъ, какъ у лебедя; станъ длинный, стройный, но все же полный, а въ поясѣ тонкій, нѣжный, гибкій, какъ у муравья и т. д. Любовь, о которой говорила древнѣйшая германская поэзія, была чужда и страстности и вычурности. Это болѣе довѣріе, дружба, преданность, теплота; она вспыхиваетъ не сразу, но за то, вспыхивая, охватываетъ всю душу, разумъ и сердце и никогда уже не угасаетъ. Самое слово для такой любви „Minne“ производится отъ корня, означающаго умственную дѣятельность—помнить „о любимомъ человѣкѣ (по-мин-ать)“. До половины XIII в. сохраняетъ это слово свой духовный, чистый смыслъ; только постепенно подъ вліяніемъ извращенной поэзіи примѣшивается къ слову „Minne“ оттѣнокъ грубой чувственной страсти, и оно исчезаетъ изъ языка высшихъ сословій. Правда, и древняя поэзія знала мгновенно вспыхивающую страсть, болѣе мучительную, нежели отрадную, но она представлялась поэту какою-то болѣзненною слабостью человѣка, объяснялась чарами, волхвованіемъ надъ рунами [1]). Сѣверная поэзія знала особыя „руны любви“.

Скальдъ Эгиль Скалагримссонъ приходитъ во время странствованій къ крестьянину Торфиниру и находитъ, что дочь его Гельга больна. Онъ чуетъ колдовство и, дѣйствительно, находитъ на постели у дѣвушки брусокъ съ рунами. Тотъ, кто вырѣзывалъ ихъ, не зналъ, какъ слѣдуетъ, этого искусства и вмѣсто „рунъ любви“, которыми думалъ приворожить дѣвушку, вырѣзалъ руны, отъ которыхъ чахнутъ. Народный проповѣдникъ XIII в. Бертольдъ Регенсбургскій смѣется еще надъ этими предразсудками: „многія берутся за злыя чары, думая приворожить сына крестьянскаго или слугу. Ахъ ты, дурочка, отчего не приворожишь ты себѣ лучше графа или короля; вѣдь тогда ты была бы королевой“.

---

[1]) Руны—древній германскій алфавитъ.

Но уваженіе къ женщинамъ у германцевъ носило болѣе религіозный оттѣнокъ, не давая имъ никакого свѣтскаго вліянія. На женщину смотрѣли, какъ на существо, слабое силами тѣлесными, но сильное духовно и имѣющее право на снисхожденіе, почтительность, защиту. Но женщина у германцевъ рѣдко выдвигалась въ первые ряды свѣтскаго общества и никогда не становилась средоточіемъ умственной или политической жизни. Веледа принадлежала болѣе къ существамъ сверхчеловѣческимъ. Женщина всегда стояла въ зависимости отъ какого-либо мужчины, какъ ребенокъ въ домѣ отца, какъ жена въ замкѣ рыцаря. Не въ законахъ, а въ чистотѣ нравовъ коренилось почетное положеніе германской дѣвушки. Съ ней часто обходились жестоко, грубо, но не распутно, ей могли наносить побои, но не безчестіе. Вотъ въ чемъ стояла она неизмѣримо выше женщины греко-римской. Среди скандинавскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ стихотворную эдду, выдаются по древности, простотѣ и поэтической силѣ двѣ пѣсни о Гельги, сынѣ Сигмунда, сводномъ братѣ Сигфрида; онѣ поютъ о любви въ древне-германскомъ духѣ.

Гельги—истый отпрыскъ рода Вольсунговъ. На радость друзьямъ юноша выростаетъ, какъ вязъ; онъ не бережетъ золота для товарищей, не щадитъ меча для враговъ. Когда ему минуло 15 лѣтъ, онъ мститъ за своего отца Сигмунда королю Гундингу, который отнялъ у того и жизнь, и имущество. Сыновья Гундинга испугались и предлагаютъ виру за Сигмунда, хотя имъ слѣдовало бы кровью воздать за убійство ихъ отца. Но юноша не беретъ золота... Алчно воютъ волки бога битвъ, сѣется богатая жатва труповъ, и молодой герой избиваетъ весь родъ враговъ. Вдругъ молніи засверкали надъ горами, и на небесныя поля выѣзжаютъ въ шлемахъ, окровавленныхъ кольчугахъ и съ сіяющими копьями дѣвы битвъ (валькиріи). Гальги окликаетъ ихъ и зоветъ на ночной пиръ. Но съ лошади отвѣчаетъ молодому герою Сигруна, дочь Гагена: „намъ не до пиршествъ; съ нелюбимымъ человѣкомъ, со свирѣпымъ Гёдброддромъ обручилъ меня отецъ, и черезъ нѣсколько ночей онъ возьметъ меня себѣ въ жены, если ты не похитишь меня или не вызовешь короля на бой. Не тебѣ бояться этого короля съ кошачьей храбростью“. Гельги вызвалъ Гёдброддра на бой, и оба плывутъ со своими отрядами на избранное мѣсто. Корабли шумятъ по морю, но начинается буря, и волны грозно бьютъ въ киль Гельги. Сами скалы готовы разбиться въ куски въ бушующей влагѣ, но Сигруна охраняетъ любимаго человѣка и спасаетъ

корабли и войско. Безчисленное множество судовъ и народовъ собралъ Гёдброддръ; на его сторонѣ отецъ и братья Сигруны, негодующіе на отважнаго похитителя невѣсты. Земля дрожитъ, когда сталкиваются копья и щиты, но Гельги не знаетъ страха и впереди всѣхъ въ схваткѣ. Враги падаютъ, ворону и волку достается роскошная трапеза, но самого героя охраняетъ дѣва битвъ. Сигруна, которая въ былые дни на гибель воинамъ направляла стрѣлы, шепчетъ теперь Гельги: „ты невредимымъ выйдешь со своими воинами изъ битвы, и добычей будетъ тебѣ невѣста, дочь Гагена, и его земля“. Когда умолкаетъ шумъ битвы, Сигруна блуждаетъ по полю сраженія; къ радости о побѣдѣ любимаго человѣка примѣшивается горькая скорбь о смерти отца и братьевъ, изъ которыхъ Гельги пощадилъ только одного. Никто не смѣетъ теперь болѣе разлучить возлюбленныхъ, но ихъ счастье длится не долго, потому что оно замарано кровью. Дагъ, братъ Сигруны, поклялся, правда, зятю блюсти миръ, но чувство кровной мести сильнѣе клятвы. Даже Одинъ зоветъ его къ дѣлу и даетъ ему свое собственное копье. Гельги падаетъ отъ оружія, противъ котораго нѣтъ защиты. Дагъ самъ приходитъ къ сестрѣ, чтобы обвинить себя: да, онъ убилъ лучшаго изъ князей міра. Тщетно предлагаетъ онъ самую богатую виру, тщетно сваливаетъ вину на Одина. Сигруна проклинаетъ брата: да будетъ онъ волкомъ въ лѣсу, пусть бѣжитъ отъ него всякая радость; лошадь, корабль пусть не трогаются подъ нимъ съ мѣста, мечъ пусть становится тупымъ у него въ рукѣ, но острымъ, когда ударитъ его самого по черепу.

Надъ трупомъ Гельги насыпается могильный холмъ. Вечеромъ дѣвушка, служащая Сигрунѣ, идетъ около гробницы, и вдругъ передъ ней ѣдетъ къ могильному холму умершій повелитель съ большой дружиной. „Не видѣніе видишь ты передъ собой, — говоритъ онъ дѣвушкѣ, — и не послѣдній день міра; мы гонимъ быстрыхъ коней шпорами, потому что герои отпущены домой на побывку“. Дѣвушка идетъ домой и говоритъ Сигрунѣ: „Спѣши. Могильный холмъ раскрытъ. Явился Гельги и зоветъ тебя исцѣлить ему раны“. Сигруна спускается въ холмъ къ супругу и обнимаетъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ снять окровавленную кольчугу, цѣлуетъ и жалуется, что руки его холодны и весь онъ мокрый отъ могильной росы. А Гельги отвѣчаетъ: „ты сама виновата въ этомъ, ибо каждая вечерняя слеза твоя горькой каплей крови падаетъ на мою ледяную грудь и жжетъ ее. Но давайте пить, и пусть никто не жалуется на рану у меня въ груди, потому что супруга со мной, съ мерт-

вымъ". Сигруна хочетъ дремать теперь въ могилѣ на его груди, какъ она дѣлала это бывало при его жизни, а Гельги, тронутый любовью, которая не боится даже мертваго, восклицаетъ: „сбылось, чего никто не ожидалъ; царственная дочь Гагена, живая, дремлетъ въ объятіяхъ мертвеца"; и такъ дремлютъ они до зари, но, пока не прокричалъ еще пѣтухъ, Гельги долженъ торопиться въ путь въ Валгаллу, а Сигруна ворочается въ свое одинокое жилище. Вечеромъ снова ждетъ она возвращенія возлюбленнаго, но ждетъ напрасно. Не долго, однако, сидитъ она одиноко съ тоской у могильнаго холма: сердце ея разрывается отъ разлуки съ мужемъ. Такова любовь въ древнѣйшей поэзіи германцевъ. Мужчина завоевываетъ ее подвигами, а женщина любитъ мужа за его доблесть, цѣнитъ его привязанность, а не играютъ ею, какъ придворныя дамы эпохи миннезингеровъ и трубадуровъ. Эта „Minne" и длится по гробъ, слѣдуетъ даже въ могилу. Не даромъ выработался погребальный обрядъ, гдѣ женщина, пережившая любимаго человѣка, слѣдовала за нимъ на костеръ, пожиравшій покойника съ его конемъ, оружіемъ и ладьей.

Вліяніе Юга и Востока.

Но вся рыцарская жизнь и въ особенности отношеніе къ женщинѣ перерождается въ XII—XIII вв. подъ вліяніемъ Крестовыхъ походовъ. Вмѣсто грубыхъ воиновъ появляются утонченные придворные рыцари; женщины перестаютъ скромно удаляться въ семейную среду и выдвигаются на первое мѣсто въ обществѣ, начинаютъ даже повелѣвать мужчинами, изнывающими въ преклоненіи передъ ними. Походы на Востокъ, въ Византію и Іерусалимъ, впервые раскрыли феодальному рыцарству глаза на весь необъятный міръ, въ противоположность узкому міру римско-католическому. Въ бывшихъ византійскихъ провинціяхъ, Малой Азіи, Сиріи, остатки умственной и художественной жизни античнаго человѣка ярко смѣшивались съ пылкостью и роскошью восточной фантазіи, съ чувственностью и изнѣженностью нравовъ магометанъ. Поэзія и наслажденіе переплетались здѣсь въ чарующую дымку, прикрывавшую всѣ грубыя стороны быта. Дикой и узкой должна была сразу представиться феодалу вся его прежняя уединенная жизнь въ мрачномъ замкѣ. Подъ южнымъ небомъ, среди благословенной природы, гдѣ на ряду съ опасностями рыцарство находило и небывалую по богатству добычу, впервые запала въ его душу страсть къ наслажденіямъ, къ утонченному удовлетворенію и всѣхъ своихъ пяти низшихъ чувствъ, и самыхъ высокихъ потребностей ума и сердца. Но средневѣковый человѣкъ, пройдя школу германской

семьи и христіанскаго рыцарства, не погрязъ въ наслажденіи для наслажденія, подобно Востоку, и даже не увлекся одностороннимъ эстетическимъ идеаломъ античнаго міра. Впервые взглянувши на вселенную, какъ на кубокъ радости, рыцарство не удовлетворялось тѣмъ, что давала ему дѣйствительность. Вѣдь церковь призывала рыцарство трудиться надъ осуществленіемъ на землѣ идеала царства Небеснаго; такъ и въ своемъ стремленіи къ счастью рыцари стали искать неземныхъ, идеальныхъ радостей. Исканіе идеаловъ въ соединеніи съ потребностью наслаждаться уже дѣйствительностью и составляетъ особенность рыцарскаго духа XIII в. Въ душѣ рыцаря уживались эти два противоположныхъ стремленія и порождали между прочимъ вычурный культъ женщины. Окружая раболѣпнымъ поклоненіемъ какую-нибудь даму сердца, рыцарь въ сущности служилъ не ей, а тому идеалу женщины, котораго искала его душа и не находила; онъ обманывалъ себя самого и свои чаянія чего-то безконечно совершеннаго, чему стоило бы посвятить всю жизнь, наивно переносилъ на живую женщину, обратившую на себя его вниманіе, можетъ быть лишь одной красотою тѣлесною. Какъ разъ въ это время распространяется въ Западной церкви культъ Дѣвы Маріи, вѣроятно, подъ вліяніемъ знакомства съ византійской церковью, гдѣ поклоненіе Богородицѣ развилось и раньше и въ болѣе строгихъ формахъ. Бросаясь изъ крайности въ крайность, неуравновѣшанное рыцарское общество все чаще и чаще стало отъ женщинъ дѣйствительнаго міра восходить съ своимъ поклоненіемъ къ Св. Дѣвѣ, какъ къ идеалу всего женственнаго. Только этотъ небесный идеалъ, парившій надъ всѣми увлеченьями его несовершенными подобіями, и удерживалъ рыцарскую поэзію отъ полнаго матеріализма.

Культъ дамы.

Феодальное рыцарство, столкнувшись въ Крестовыхъ походахъ, перестаетъ сидѣть по своихъ замкамъ и жмется къ дворамъ тѣхъ сюзереновъ, которые раньше другихъ были охвачены новымъ духомъ. Такъ возникали впервые общественные центры, гдѣ стали царить женщины. Рыцарь попрежнему обязанъ здѣсь служить всѣмъ женщинамъ, какъ существамъ слабымъ, но одной онъ посвящаетъ себя по преимуществу, какъ воплощенію идеала. Не женщина преклоняется теперь передъ доблестью героя, а рыцарь передъ красотой своей дамы сердца. Провансальскіе трубадуры выработали цѣлую систему культа женщины и различали въ немъ нѣсколько ступеней. На первой стоитъ робкій рыцарь, который носитъ уже въ сердцѣ тайную любовь, но не смѣетъ еще открыться

возлюбленной; если ободряемый своей дамой, онъ рѣшается на признаніе, то онъ подымается уже на вторую ступень и становится „молящимъ". Если дама допускаетъ его къ открытому служенію себѣ, рыцарь превращается въ „услышаннаго" и т. д. Итакъ, допущенію къ культу предшествовало болѣе или менѣе продолжительное испытаніе въ доблести и вѣрности. Выдержавъ искусъ, рыцарь становился вассаломъ своей дамы. Какъ при заключеніи вассальной зависимости, такъ и здѣсь, онъ преклонялъ колѣно, влагалъ свои руки въ руки „сюзерена" сердца, а сюзеренъ давалъ ему поцѣлуй и кольцо, какъ символъ соединенія душъ. Отнынѣ рыцарь начиналъ носить цвѣта дамы и гербъ, который она дала ему. Гербомъ бывало ея кольцо, поясъ, ея вуаль или рукавъ. Рыцарь укрѣплялъ даръ любви на щитѣ или копьѣ, и, чѣмъ больше рубили этотъ символъ въ битвѣ, тѣмъ сильнѣе радовалась дама. Иногда дамы требовали отъ своихъ рыцарей какого-либо чрезвычайнаго доказательства любви и послушанія, чаще всего участія въ крестовомъ походѣ. Избалованныя всеобщимъ культомъ, дамы не всегда соблюдали границы уваженія, которое должна была бы внушать имъ доблесть ихъ поклонниковъ. Онѣ привыкали играть чувствомъ, которое относилось даже не къ нимъ, а къ идеалу. Тангейзеръ, лирикъ XIII в., смѣется надъ этимъ женскимъ высокомѣріемъ: „То я долженъ принести красавицѣ саламандру, то заставить Рону течь къ Нюренбергу, а Дунай перебросить черезъ Рейнъ. Едва скажу я „да", какъ она говоритъ уже „нѣтъ"... Одна надежда осталась еще у меня: если гора растаетъ, какъ снѣгъ, тогда отвѣтитъ она мнѣ любовью. Дерево стоитъ гдѣ-то далеко въ Индіи; если я принесу его ей, тогда исполнитъ она мое желаніе... Ей нуженъ и св. Граль, который охранялъ Парсиваль, и яблоко, которое Парисъ далъ Венерѣ... О горе мнѣ, я буду ей отнынѣ ненавистенъ, если не достану сейчасъ же ковчегъ, откуда Ной выпускалъ голубей", и т. п. Въ „Frauenbuch und Frauendienst" нѣмецкій рыцарь-поэтъ XIII в., Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ, самъ воспѣлъ всѣ причуды своей дамы и все свое собственное юродство во имя ея. Еще будучи экюйэ, избираетъ онъ себѣ даму сердца и съ восторгомъ пьетъ воду, въ которой она мылась. Съ годами растетъ и его безуміе: онъ отрѣзаетъ себѣ слишкомъ широкую верхнюю губу, потому что этого требуетъ дама. Ульрихъ укололъ палецъ, но дама находитъ, что эта рана пустякъ; тогда Лихтенштейнъ отрубаетъ весь палецъ и посылаетъ его дамѣ въ богатой коробочкѣ: но дама видитъ теперь въ этомъ только верхъ безраз-

судства. А между тѣмъ у этого Ульриха фонъ-Лихтенштейна въ замкѣ есть жена, къ которой онъ сердечно привязанъ, но для отвлеченнаго культа въ духѣ времени онъ избралъ другую женщину.

Упадокъ рыцарства.

Не удивительно, если жалобы на упадокъ стараго феодальнаго рыцарства начались очень рано. Его расцвѣтъ въ сущности XII в., а въ XIII вѣкѣ начинается уже переутонченность. Романы „Круглаго Стола“ (о королѣ Артурѣ и его 12 паладинахъ, о волшебникѣ Мерлинѣ, о Тристанѣ и Изольдѣ и т. д.) не имѣютъ ничего общаго со старымъ рыцарствомъ, какъ его рисуетъ французскій эпосъ. Школа Кретьена де-Труа (Chretien de Troyes), трувера конца XII в., стала черпать сюжеты изъ кельтическихъ преданій Бретани и Уэльса и внесла новый духъ эпохи Крестовыхъ походовъ въ рыцарскую поэзію, которая раньше была представлена германско-христіанскими Chansons de geste. „Les Romans de la Table Ronde“, изображающіе рыцарство XIII в., кельтическаго происхожденія. Чувственные и легкомысленные, остроумные и тонкіе, чарующіе въ своихъ описаніяхъ, эти пріятные романы никогда не отличались мужественностью, а скоро становятся прямо изнѣженными. Темы всегда почти однѣ и тѣ же. Среди красивыхъ пейзажей, оживляемыхъ птицами и цвѣтами, гордо ѣдетъ молодой рыцарь въ поискахъ чего-то неизвѣстнаго и переживаетъ много приключеній, слишкомъ похожихъ другъ на друга; тутъ наглые вызовы, прекрасныя дуэли, заколдованные замки, тонкія любовныя похожденія, таинственные талисманы; чудесное мѣшается со сверхъестественнымъ, волшебники со святыми, феи съ ангелами; все это разсказывается языкомъ чистымъ, отшлифованнымъ, обработаннымъ въ совершенствѣ. Эта утонченная поэзія существовала уже и въ XII в. (въ особенности, напр., Парсиваль) на ряду съ шансонъ дежестъ, но съ XIII в. она взяла верхъ въ литературѣ, а въ XIV в. рыцари Круглаго Стола, въ лицѣ Валуа, сѣли на тронъ Франціи.

Кромѣ переутонченности, причиной упадка стараго рыцарства нужно считать и богатство, которое раньше всего пріобрѣли себѣ рыцари въ орденахъ. Уже Пьеръ де-Блуа, французскій богословъ конца XII в., бичуетъ алчность и жажду удовольствій въ средѣ рыцарей: „Едва успѣютъ они получить рыцарскую перевязь, какъ уже подымаются противъ помазанниковъ Господа, протягиваютъ руки къ наслѣдію Распятаго и грабятъ бѣдныхъ. Нужно ли имъ отправляться на войну, такъ ихъ вьючныя лошади нагружены виномъ, а не желѣзомъ, бурдюками, а не мечами, вертелами, а не копьями. Право, можно подумать, что они идутъ на обѣдъ, а не

въ битву. Конечно, ихъ щиты вызолочены въ совершенствѣ, но они приносятъ ихъ назадъ новенькими и безъ зазубринъ. Что касается до рыцарскихъ сраженій, такъ битвы изображены на ихъ доспѣхахъ и сѣдлахъ, но и только". Въ литературѣ появляются сатиры на рыцарство, которыя, въ свою очередь, содѣйствуютъ упадку рыцарскаго духа и торжеству—въ глазахъ общественнаго мнѣнія—будничныхъ добродѣтелей горожанъ.

Уже въ XIII в. появился Одижье (Audigier), шуточная поэма, издѣвающаяся надъ обрядами рыцарства. Вотъ какъ, напр., братья посвящаютъ здѣсь Одижье въ рыцари: воина возводятъ на кучу навоза, оружіе приносятъ ему въ корзинахъ, на голову надѣваютъ стальной шлемъ, который года три пролежалъ въ закладѣ изъ-за какого-то динарія; лошадь его съ толстой головой, шея воронкой, а спина остра, какъ рыбья кость; она дѣлаетъ три шага, а на четвертомъ уже останавливается. „Какой борзый конь", не безъ страха восклицаетъ Одижье: „о Господи! спасите мою голову, сохраните ее для смертнаго боя" и т. д. Такіе жалкіе рыцари стали, однако, встрѣчаться не только въ сатирѣ, но и въ жизни; явилась необходимость лишать ихъ званія, которое они унижали, и вотъ вырабатывается особый обрядъ разжалованія (въ XIV—XVI вв.). Рыцаря возводили на эшафотъ, гдѣ ломали и топтали ногами его оружіе, а щитъ, лишенный герба, бросали въ грязь; духовенство служило панихиду, какъ по мертвомъ, и читало надъ головой виновнаго псаломъ съ проклятіями измѣнникамъ. Герольдъ бралъ сосудъ съ теплой водой и выливалъ ее на голову опозорившагося рыцаря, дабы смыть съ него печать святости, дарованную ему при посвященіи. Затѣмъ разжалованнаго клали на носилки, покрытыя погребальными покровами, и несли въ церковь, гдѣ его уже отпѣвали, какъ „умершаго". Правда, въ XII в. этотъ обрядъ еще былъ гораздо проще: провинившемуся рыцарю только отрубали шпоры у самыхъ пятокъ.

12. Рыцарство въ эпоху Столѣтней войны и его конецъ.

Развитіе европейскихъ національностей послѣ Крестовыхъ походовъ скоро ведетъ къ борьбѣ между ними. Столѣтняя война между Франціей и Англіей въ XIV вѣкѣ вноситъ идею „національной чести" въ среду рыцарства обѣихъ враждебныхъ странъ, которое раньше составляло міровой, общечеловѣческій орденъ. Эта новая идея національнаго соперничества въ рыцарской доблести оживляетъ въ Фруассаръ.

своеобразныхъ формахъ лучшія стороны всего учрежденія—воинское мужество, вѣрность сюзерену, любовь къ родинѣ, сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ низшимъ классамъ, принадлежащимъ къ тому же племени. Напротивъ, внѣшность рыцарства—напр., вычурный культъ женщинъ—входитъ въ разумныя рамки и удерживается ровно на столько, чтобы сообщить мягкость, гуманность и долю поэзіи общественнымъ отношеніямъ между людьми.

Хроникеръ XIV в. Фруассаръ, каноникъ Лестинскій и Шимейскій, въ хроникахъ, посвященныхъ преимущественно исторіи Столѣтней войны, прославлялъ современное ему французское и англійское рыцарство, подобно тому, какъ Chansons de geste воспѣвали феодальное рыцарство XI - XII вв., а миннезингеры и всѣ труверы легендъ о королѣ Артурѣ и орденѣ Круглаго Стола—утонченное придворное рыцарство XIII вѣка. Фруссаръ радовался, что онъ родился въ эпоху полнаго расцвѣта военнаго рыцарства: „Я родился на свѣтъ заодно съ подвигами и приключеніями“, пишетъ онъ и вспоминаетъ слова, сказанныя ему лично однимъ рыцаремъ эпохи – графомъ Гастономъ де-Фуа по поводу его хроникъ: „въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ совершено болѣе военныхъ подвиговъ и чудесъ въ мірѣ, нежели въ предыдущія 300 лѣтъ“. Графъ де-Фуа предсказывалъ поэтому, что хроника Фруассара о войнахъ Франціи и Англіи будетъ со временемъ цѣниться выше всякаго другого подобнаго труда. Подвиги рыцарей за первые годы Столѣтней войны были еще у всѣхъ въ памяти, когда Фруассаръ задумывалъ свой трудъ, и хроникеръ, сталкиваясь съ англичанами и французами, участвовавшими въ битвахъ, прямо изъ устныхъ разсказовъ черпалъ свою хронику. Во время своего путешествія на Югъ въ Беарнъ къ графу Гастону де-Фуа Фруассаръ недалеко отъ Анжера встрѣчается съ рыцаремъ Гильомомъ д'Ансени. Чтобы спокойнѣе разговаривать, они ѣдутъ вмѣстѣ шагомъ отъ Муліэрнъ (Mouliherne) до Рильи (Rilly) и, наконецъ, останавливаются для отдыха передъ открытой луговиной. „Видите вы тамъ эту башню?“—говоритъ рыцарь хроникеру:—„это замокъ Рильи, который англичане и гасконцы укрѣпили однажды, чтобы отягощать поборами всю область Лоары. Видите вы также вонъ эту маленькую рѣчку и лѣсъ, который отѣняетъ ее? Мы перешли ее въ бродъ, прятались подъ этими вѣтвистыми деревьями, чтобы перехватить ихъ въ одинъ прекрасный день, когда они должны были ѣхать къ Сомюру. На этой самой лужайкѣ, гдѣ пасутся наши лошади и гдѣ мы съ такимъ удовольствіемъ спокойно бесѣдуемъ теперь на сво-

бодѣ, напали мы тогда на грабителей. Ихъ было 900 человѣкъ, у насъ насчитывалось до 500 копій. Мессиръ Жанъ де-Бейль развернулъ свое знамя, подъ которымъ въ этотъ день угодно было сражаться и Бертрану дю-Геклэну, на ряду съ Морисомъ де-Трезгиди (Trèseguidi), Жоффруа де-Кермель и другими доблестными рыцарями бретонскими, которые шли всюду за его шпорами. Схватка была кровавая и жестокая, но три сотни нашихъ враговъ остались распростертыми вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы разговариваемъ. Съ тѣхъ поръ не было больше въ этой странѣ ни англичанъ, ни гасконцевъ". Разсказъ продолжался, потому что Гильомъ д'Ансени перешелъ къ дѣтству и къ предкамъ Бертрана дю-Геклена. „Ахъ, дорогой сиръ,—повторялъ только Фруассаръ:—вы мнѣ доставляете большое удовольствіе вашими воспоминаніями, я запомню все это и никогда не позабуду". Отъ Памьэ до Ортеца (Orthez) Фруассаръ ѣхалъ десять дней по пути съ рыцаремъ Эспеномъ де-Ліонъ (Espaing de Lyon), однимъ изъ самыхъ мудрыхъ совѣтниковъ графа де-Фуа. Рыцарь показывалъ хроникеру самые знаменитые замки по пути и все время, пока они ѣхали лугами вдоль Гаронны, не переставалъ разсказывать кровавыя приключенія, свидѣтелями которыхъ бывали эти мѣста. „Святая Дѣва,—восклицалъ Фруассаръ,—какъ дорого для меня каждое ваше слово. Вѣрьте, вы не бросаете на вѣтеръ ваши разсказы, потому что всѣ они будутъ занесены на память и переданы въ исторіи, надъ которой я тружусь". Если разсказы у Эспена де-Ліонъ, казалось, истощались, хроникеръ вопросами снова оживлялъ широкій потокъ рѣчи. Каждый вечеръ Фруассаръ записывалъ все, что онъ узналъ за день, и время путешествія летѣло незамѣтно.

Гастонъ де-Фуа—идеалъ рыцаря XIV в.

Рыцарь разсказывалъ про графа Гастона де-Фуа, къ которому они оба ѣхали въ Ортецъ, что у него въ сокровищницѣ хранится 3 милліона флориновъ и что каждый годъ онъ раздаетъ 60 тысячъ, такъ какъ на подарки онъ самый щедрый сеньёръ изъ всѣхъ живущихъ. „Какимъ же людямъ раздаетъ онъ свои подарки", спросилъ Фруассаръ и, вѣроятно, не безъ удовольствія услыхалъ отвѣтъ: „Чужестранцамъ, рыцарямъ и экюйе, которые идутъ и ѣдутъ черезъ его землю, герольдамъ и менестрелямъ и всѣмъ, кто обращается къ нему. Никто не разстанется съ нимъ безъ подарка". Хроникеръ на себѣ испыталъ, что для чужестранцевъ (Гэно и Блуа были для Беарна уже чужими странами!) это самый благосклонный сеньёръ въ мірѣ. Графъ де-Фуа задержалъ его у себя въ замкѣ на 12 недѣль слишкомъ, и среди пестрой толпы рыцарей и экюйэ въ Ортецѣ Фруас-

саръ могъ разспросами пополнить разсказы Эспена де-Ліонъ. У хроникера было, впрочемъ, порученіе къ графу отъ Гюи де-Блуа—письма и 4 борзыхъ: Brun, Tristan, Hector, Roland—въ подарокъ („accointances d'amours"). У графа Гастона было и безъ того не менѣе 1.600 собакъ; онъ самъ написалъ разсужденіе объ охотничьихъ потѣхахъ (Déduits de la chasse), гдѣ старался доказать, что если праздность дѣйствительно развиваетъ безпорядочныя страсти, то охота едва ли не путь къ спасенію. Самого Гастона де-Фуа охота не спасла отъ заблужденія страстей; своей подозрительностью и суровымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ онъ довелъ собственнаго сына до рѣшимости умереть голодной смертью. На глазахъ у Фруассара утро въ Ортецѣ уходило на охоты въ равнинахъ и по горамъ, а вечера посвящались пирамъ, чтенію стиховъ и пѣснямъ менестрелей. Гастону де-Фуа было теперь уже подъ 60 лѣтъ; смолоду поэты прославляли его за красоту подъ именемъ Феба, а графъ взялъ тогда себѣ девизомъ солнце. Фруассаръ неумѣренно восхваляетъ въ немъ всѣ рыцарственныя добродѣтели, щедрость, высокое понятіе о чести, доступность, вѣжливость, гостепріимство, умъ и практическую мудрость, краснорѣчіе и проницательность къ тому, что̀ таилось въ душѣ собесѣдника (sens, honneur, largesse), склонность къ разсказамъ о войнѣ и любви. Хроникеръ былъ отчасти и труверомъ; онъ привезъ съ собой книгу подъ названіемъ Меліадоръ (Méliador), въ которой самъ обработалъ пѣсни, баллады, рондо и вирелэ Венцеслава Чешскаго, герцога Люксембургскаго и Брабантскаго. Каждый вечеръ послѣ ужина Фруассаръ читалъ графу Гастону нѣсколько страницъ этихъ стиховъ, а „Фебъ" иногда прерывалъ его, чтобы развить какое-нибудь правило изъ теоріи поэзіи, и говорилъ тогда уже „не на своемъ гасконскомъ нарѣчіи, а на чистомъ и хорошемъ французскомъ языкѣ".

Итакъ, „loyauté, honneur, courtoisie" попрежнему остается лозунгомъ рыцарства; но военная доблесть выдвигается сильно впередъ. Примѣры этихъ добродѣтелей подаютъ сами короли. Эдуардъ III, рыцарственный король Англіи, идетъ, наприм., за море подъ знаменемъ Готье де-Мони и избираетъ себѣ противникомъ Эсташа де-Рибемонъ (Eustache de Ribemont), потому что тотъ слылъ рыцаремъ сильнымъ и смѣлымъ. Эсташъ дважды низверженъ на колѣна и дважды подымается и возобновляетъ бой. „Рыцарь, я сдаюсь вамъ плѣнникомъ", кричитъ, наконецъ, сиръ де-Рибемонъ своему противнику, котораго онъ еще не знаетъ. Онъ узнаетъ, что это былъ самъ король, только тогда, когда ему приносятъ въ даръ отъ Эдуар-

да III новое платье и приглашаютъ на ужинъ въ замокъ Калэ. Король хочетъ, чтобы его собственный сынъ принцъ Валлійскій служилъ рыцарю за столомъ и по окончаніи ужина говоритъ сиру де-Рибемонъ: „Сиръ Эсташъ, я дарю вамъ эту нитку жемчуга, какъ лучшему бойцу сегодняшняго дня, и прошу носить ее изъ любви ко мнѣ. Я хорошо знаю, что вы веселый и влюбчивый рыцарь, охотно вращающійся въ обществѣ дамъ и дѣвицъ. Такъ говорите же всюду, куда пойдете, что я подарилъ вамъ этотъ жемчугъ".

Соединеніе рыцаря съ труверомъ представлялъ собой маршалъ Бусико (Bouciquault). Когда онъ только что окончилъ свое паломничество въ Іерусалимъ, предпринятое съ сиромъ де-Каружъ (Carouges), и готовился было уже отплыть обратно во Францію, Бусико узналъ, что графъ д'Э (Eu) захваченъ невѣрными въ Дамаскѣ и отведенъ въ Каиръ. Бусико тотчасъ отказался отъ всякой мысли о возвращеніи на родину и отправился въ добровольный плѣнъ, гдѣ въ теченіе 4 мѣсяцевъ развлекалъ графа своими поэтическими произведеніями—балладами, рондо, вирелэ и т. п. Эти „Cent ballades", начатыя въ Египтѣ и оконченныя въ Парижѣ, дошли до насъ.

Вообще послѣ трудовъ битвы рыцари любили поговорить о войнѣ и любви. Однажды во время осады города Реннъ (Rennes) англичанами рыцарь Оливье де-Мони (Manny) переплылъ въ полномъ вооруженіи крѣпостной ровъ, чтобы только отнять у англійскаго рыцаря 6 куропатокъ, зарѣзанныхъ его ястребомъ, и поднести ихъ дамамъ города. И дѣйствительно, куропатки вмѣстѣ съ англійскимъ рыцаремъ взяты въ плѣнъ, но самъ сиръ де Мони тяжело раненъ во время подвига. Тогда онъ позвалъ своего плѣнника, вернулъ ему свободу, но за это попросилъ пропуска въ лагерь осаждающихъ, чтобы излѣчиться тамъ отъ своихъ ранъ. Въ лагерѣ его радушно принялъ герцогъ Ланкастерскій и осыпалъ на прощанье богатыми подарками: „Мони, передайте, пожалуйста, мой привѣтъ вашимъ дамамъ и дѣвицамъ,—сказалъ герцогъ:—и скажите, что мы часто отъ души желали имъ куропатокъ". Дамы города Реннъ много смѣялись приключенію Оливье де-Мони, но всего болѣе смѣялся его кузенъ, знаменитый коннетабль Бертранъ дю-Гекленъ.

Трактатъ Жоффруа де-Шарни.

Другой французскій рыцарь изъ эпохи Столѣтней войны—шамбелланъ Карла V Жоффруа де-Шарни (Charny) написалъ цѣлый трактатъ о рыцарствѣ, гдѣ нападаетъ на привязанность ко всему внѣшнему и причудливую условность въ рыцарскихъ нравахъ, ста-

раясь выдвинуть внутреннія нравственныя основы этого средневѣковаго учрежденія. Не слѣдуетъ забывать Бога изъ-за дамы сердца. „Любить любовью уваженія— это истинный путь для тѣхъ, кто хочетъ пріобрѣсти почести. Не рѣчами, а благородными подвигами служатъ лучше всего дамамъ, которыя будутъ въ большей чести, если онѣ сдѣлали рыцаря доблестнымъ“. „Aime loyalment, si tu veula estre amés“, „Qui plus fait, miex vault“—таковы начала, положенныя Шарни въ основу его разсужденія. „Право, это такъ хорошо— дѣлать добро“,—пишетъ онъ,—„что, кто дѣлаетъ его, тотъ поистинѣ не можетъ утомиться, потому что, чѣмъ больше дѣлаешь добра, тѣмъ меньше кажется, что сдѣлалъ; такова сила удовольствія, въ которое втягиваешься, дѣлая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе добра“. Первые короли, отъ которыхъ ведутъ свой родъ наши сюзерены (разсуждаетъ сиръ де-Шарни), были избраны Провидѣніемъ и призваны на тронъ только за то, что они были самыми мужественными и наиболѣе добродѣтельными. „Думаете ли вы,— спрашиваетъ онъ:—что первые избранники призваны въ сеньёры для удовольствій и наслажденій? Конечно, нѣтъ. Призваны они, чтобы не любить и забыть Бога, его дѣла и Св. Церковь? Конечно, нѣтъ. Сдѣланы они сеньёрами, чтобы угнетать простой народъ? Конечно, нѣтъ. Сдѣланы они сеньёрами, чтобы разорять подданныхъ, чтобы въ судѣ и справедливости дѣлать различіе между вельможами и маленькими людьми, чтобы быть жестокими, безжалостными, немилосердными? Конечно, нѣтъ“.

Столѣтняя война.

Но Столѣтняя война, вдохнувшая было сначала новыя силы въ рыцарство Франціи и Англіи, въ концѣ концовъ, дала перевѣсъ началамъ, враждебнымъ ему. Война эта въ XV столѣтіи вызвала къ дѣятельности коммуны и крѣпостныхъ крестьянъ Франціи, повела къ усиленію королевской власти и основанію постояннаго войска, вооруженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ. Фруассаръ дожилъ до вымиранія того поколѣнія рыцарей, которое онъ изучалъ и прославлялъ въ свои молодые годы. Ему было уже за 60 лѣтъ, когда онъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Англію послѣ смерти Эдуарда III. „Куда дѣвались грандіозныя предпріятія и мощные рыцари, чудныя битвы и дивныя завоеванія“, говорили теперь въ странѣ. „Гдѣ найти въ Англіи рыцарей, способныхъ на что-либо подобное? Въ тѣ дни англичанъ боялись, и молва говорила о нихъ по всему міру, а теперь приходится молчать о нихъ. Все измѣнилось для насъ къ худшему со смерти добраго короля Эдуарда. Справедливость соблюдалась и строго охранялась въ его дни. А

теперь король Ричардъ думаетъ только объ отдыхѣ, покоѣ и потѣхахъ для дамъ; скоро, кажется, не останется ни одного мощнаго рыцаря въ Англіи, а будутъ процвѣтать только раздоры и предательства".

Въ отдѣльныхъ воинахъ первоначальный идеалъ рыцарства воскресалъ иногда и въ XVI вѣкѣ, напр., въ Баярдѣ, рыцарѣ безъ страха и упрека, но, какъ учрежденіе, рыцарство умерло въ сущности вмѣстѣ со средними вѣками. Рыцарскій духъ, однако, не погибъ съ учрежденіемъ: изъ замкнутаго круга орденовъ и феодальной знати онъ перешелъ сначала ко всему знатному сословію Западной Европы. Путемъ пожалованія въ знакъ за выслугу или за деньги рыцарскій идеалъ вмѣстѣ съ дворянскимъ достоинствомъ сталъ распространяться подъ именемъ дворянской чести, военной чести на цѣлыя группы горожанъ. Когда въ концѣ прошлаго вѣка привилегіи знати начали, наконецъ, терять свое значеніе и высшіе слои войска и общества вообще пополнялись уже выходцами изъ низшихъ классовъ, тогда останки рыцарскаго духа стали общимъ достояніемъ независимо отъ сословности и смѣшались съ понятіями свѣтскости, общественной порядочности, т.-е. чести джентльменской. Рыцарскій кодексъ съ его требованіями вѣрности слову, вѣжливости, вниманія къ слабымъ, въ особенности уваженія къ женщинамъ, требованіями любви къ отечеству, храбрости, щедрости, покровительства правдѣ—до сихъ поръ исполняетъ свое исконное назначеніе и сдерживаетъ именемъ условной общественной „чести" грубыя или малодушныя натуры, мало развитыя или недостаточно еще установившіяся для того, чтобы безъ всякаго давленія со стороны общественнаго мнѣнія добровольно слѣдовать въ своихъ поступкахъ внутреннему безусловно нравственному закону.

13. Войско и тактика рыцарской эпохи.

Средневѣковое войско состояло обыкновенно изъ свободныхъ тяжеловооруженныхъ рыцарей (miles) и несвободныхъ легковооруженныхъ министеріаловъ (cliens, serviens, Knecht). Но самое понятіе „рыцарь" и составъ тяжелой рыцарской конницы не разъ измѣнялись въ теченіе столѣтій, вслѣдствіе того, что подъ вліяніемъ нужды въ войскѣ, ряды рыцарства пополнялись изъ низшихъ классовъ, т.-е. изъ зависимыхъ министеріаловъ (наприм., въ Германіи) или изъ людей хотя бы и свободныхъ, но не находившихся въ ленной зависимости (фригольдеровъ, какъ въ Англіи). „Рыцарь" XI— Составъ войска.

XII вв. былъ по преимуществу „вассаломъ“ какого-либо сеньёра, а потому зависимые классы сравнительно рѣдко попадали въ слой тяжеловооруженнаго рыцарства. Наприм., при Конрадѣ II въ Германіи существовало два класса рыцарей въ смыслѣ всадниковъ (Ritter): milites primi, т.-е. свободные вассалы которые несли конную службу въ тяжеломъ вооруженіи (собственно рыцари), и milites gregarii, т.-е., вѣроятно, министеріалы; но этотъ второй разрядъ являлся въ битву безъ оборонительныхъ доспѣховъ и только съ одной легкой лошадкой. Съ XII в. слово „рыцарь“ начинаетъ обозначать члена ордена, охватывающаго всю Западную Европу, но въ этотъ орденъ посредствомъ посвященія получаютъ доступъ и несвободные классы. Такимъ путемъ министеріалы изъ легковооруженныхъ всадниковъ повышаются въ разрядъ тяжеловооруженныхъ рыцарей, а это усиленное пополненіе рыцарскаго сословія ведетъ къ его расцвѣту въ XIII в. Къ концу XII в. оба класса всадниковъ-рыцарей, т.-е. какъ старые вассалы, такъ и министеріалы, получившіе рыцарство, окончательно сливаются въ Германіи въ одно сословіе. Точно такъ же и во Франціи въ началѣ XIII в. различаютъ уже только milites, т.-е. рыцарей, которые стремятся превратиться въ замкнутое военное сословіе, и servientes, или зависимыхъ людей, обязанныхъ только къ легкой конной службѣ, хотя и тѣ и другіе надѣляются теперь ленами. Въ теченіе XIII в. совершается второй важный переворотъ въ составѣ рыцарской конницы. Съ одной стороны, рыцарству удается къ XIV в. замкнуться въ наслѣдственное сословіе: отнынѣ только сыновья рыцарей, прослуживши нѣкоторое время легковооруженными оруженосцами (scutifer, écuyer, esquire), удостоиваются посвященія въ рыцари (въ Англіи knight). Но, съ другой стороны, въ отношеніи вооруженія въ рядахъ войска происходитъ опять сближеніе между двумя разрядами milites и servientes (Ritter и Knecht): и тѣ и другіе появляются теперь въ битвахъ на тяжелыхъ лошадяхъ въ латахъ (armures de fer, à cheval) и въ XIV в. получаютъ одинаковое жалованье. Но такъ какъ рыцарство въ соціальномъ отношеніи замкнулось въ высшій слой военной знати, то несвободные легковооруженные всадники (sergent à cheval), повышаясь и получая тяжелое рыцарское вооруженіе, не называются „рыцарями“ (chevalier, Ritter, knight), а попадаютъ въ среду знати, какъ низшій слой, подъ именемъ „оруженосцевъ“ (écuyer, Knecht, Knappe, esquire, armiger). Всѣ они надѣляются ленами, политически уравниваются съ рыцарями, но они на этотъ разъ не получаютъ рыцар-

ства, какъ это случилось съ министеріалами въ XII в. Среди тяжелой конницы навсегда остается различіе между рыцаремъ и кнехтомъ (Ritter, Knecht, Knappe). Но къ знати причисляются и сыновья рыцарей, хотя бы они еще и не получили собственно рыцарства („оруженосцы", armiger nobilis). Они служатъ или легковооруженными всадниками (Speerknappen), или дѣйствительно пѣшими оруженосцами въ битвѣ (scutarius), или, если владѣютъ ленами, то призываются даже къ конной службѣ въ тяжеломъ вооруженіи; но, не будучи рыцарями, они до поры до времени зачисляются тогда только въ отдѣлъ „кнаппе" (Knappe) наравнѣ съ тѣми вѣчными экюйе ((armiger, militaris, Knecht), которые никогда не получатъ рыцарства. Таковы три соціальныхъ періода, черезъ которые прошло тактическое различіе между тяжеловооруженными и легковооруженными всадниками. Но и самое тяжелое вооруженіе рыцаря не осталось за это время безъ перемѣнъ.

Вооруженіе.

Было время (до конца XII в.), когда панцырь, шлемъ да кольчужки на рукахъ и на ногахъ считались уже тяжелыми доспѣхами рыцаря. Первоначально кольчужка для защиты шеи (halsberge, haubert), прикрѣплявшаяся сзади у шлема, капюшонъ изъ желѣзныхъ колецъ на голову (hersenier) и кольчужная рубаха составляли три отдѣльныя части доспѣховъ. Надъ капюшономъ (hersenier) помѣщалась желѣзная шапочка (Haube, cervellière), на которой сидѣлъ уже шлемъ. Перчатки изъ колецъ прикрѣплялись къ рукавамъ кольчужной рубахи; на ноги спереди накладывались кольчужныя голенища, или штанины (chauce), и зашнуровывались сзади; точно такъ же кольчужная обувь клалась сверхъ ступней и стягивалась снизу подъ подошвами. Но въ дальнѣйшемъ развитіи кольчужка на шею срослась съ капюшономъ на голову, и все тяжелое вооруженіе (lorica) состояло уже только изъ двухъ частей—halsberge, т.-е. капюшона на голову, падающаго пелеринкой на шею и плечи, и Brünne, т.-е. собственно панцыря, а въ XII в. и эти двѣ части соединялись въ одно подъ именемъ все той же halsberge (haubergon). Въ XII в. шлемъ изъ коническаго становится цилиндрическимъ, а его полоса для защиты носа (nasal) разростается въ цѣлую желѣзную маску на лицо; въ концѣ этого столѣтія появляется и „нагрудникъ"(plastron) изъ желѣзныхъ полосъ, стягиваемыхъ сзади поверхъ кольчуги: это зародышъ будущихъ латъ. Въ XIII в. нагрудникъ развивается въ цѣлый корсетъ, одинаково защищающій и грудь, и спину. Въ XIV в. латы изъ желѣзныхъ полосъ все болѣе и болѣе укореняются. Полосы покрываютъ теперь

и руки, и ноги поверхъ кольчуги и соединяются посредствомъ шпиньковъ; кираса XIV столѣтія дѣлалась даже не изъ отдѣльныхъ полосъ, а изъ двухъ желѣзныхъ плитъ—нагрудника (pansière) и спинки (dossière). Такъ выросло мало-по-малу поверхъ кольчугъ—сплошное одѣяніе XV в. изъ металлическихъ листовъ. Это развитіе латъ ускорилось подъ вліяніемъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлали стрѣлки во время Столѣтней войны. Битвы при Кресси и Пуатье составили поворотный пунктъ въ исторіи рыцарскихъ доспѣховъ. Когда тяжеловооруженные рыцари защищали себя однѣми только кольчугами, тогда въ XI—XII вв. легковооруженные всадники являлись въ битву совершенно еще безъ металлическихъ доспѣховъ; но въ XIII в., по мѣрѣ того, какъ тяжеловооруженная конница запасается нагрудниками и корсетами, у легковооруженныхъ всадниковъ появляется кольчуга. Наконецъ, въ XIV в. въ отличіе отъ двойныхъ доспѣховъ тяжеловооруженныхъ рыцарей легкая конница защищаетъ себя или нагрудникомъ, или кольчугой, и каждый всадникъ пріѣзжаетъ не съ тремя, а только съ одной лошадью. Вотъ что называлось легкимъ вооруженіемъ въ средніе вѣка; всѣ эти ступени развитія въ рыцарскомъ вооруженіи отражались обыкновенно и на пѣхотѣ, которая, наприм., прикрывала себѣ голову круглой, плотно прилегающей къ черепу каской (Haube), развившейся изъ желѣзной шапочки подъ шлемомъ рыцаря.

Строй. Какъ же строились во время битвы легкіе всадники и тяжелые рыцари съ ихъ оруженосцами? Каждый тяжело вооруженный рыцарь бралъ съ собой въ битву трехъ лошадей и одного или даже двухъ-трехъ оруженосцевъ (scutarius—названіе должности, но не сословія и даже не временнаго состоянія рыцарскихъ сыновей), которые обыкновенно набирались изъ зависимыхъ людей или рыцарскихъ сыновей, не получившихъ еще посвященія въ рыцари; эти оруженосцы первоначально шли въ битву пѣшими и оставались во время схватокъ своихъ рыцарей сзади линіи съ запасными лошадьми и оружіемъ. Когда въ XIV в. укоренился среди рыцарей обычай спѣшиваться во время битвы, то оруженосцы стали набираться изъ легкихъ всадниковъ; вслѣдствіе этого легкая кавалерія, какъ самостоятельная боевая сила, стала исчезать. Тогда счетъ рыцарскому войску сталъ идти по „копьямъ“, считая три всадника на одно рыцарское копье. На Рейнѣ для той же рыцарской единицы появилось названіе gleve, которое означало рыцаря „selb dritt mit dreien Pferden“, т.-е. состояло изъ трехъ лицъ и

трехъ лошадей. Но отдѣльные рыцари, были ли у нихъ пѣшіе оруженосцы или конные, никогда не бились въ сраженіяхъ обособленно другъ отъ друга и даже рѣдко выстраивались развернутымъ фронтомъ въ линію (en haye). Обыкновеннымъ построеніемъ для отряда рыцарей въ средніе вѣка былъ cuneus, т.-е. „клинъ". На такой „клинъ" иногда клали нѣсколько сотенъ рыцарей, а иногда нѣсколько тысячъ. Но въ сущности въ самый „клинъ", т.-е. остріе колонны, уходило немного рыцарей, напр., человѣкъ 35—45 (иногда первый рядъ клина—въ 5 человѣкъ, затѣмъ два ряда по 7, затѣмъ ряды по 9, 11, 13 человѣкъ), а затѣмъ вся масса рыцарской конницы тянулась правильнымъ каррэ (по 13—14 человѣкъ въ каждомъ изъ слѣдующихъ рядовъ). Чаще всего все рыцарское войско выстраивалось передъ битвой въ три боевыя линіи одна за другой, а каждая боевая линія распадалась уже на „клинья" и имѣла центръ и два крыла, правое и лѣвое. Поэтому дробленіе войска на 9 клиньевъ было самымъ обычнымъ. Но многочисленная армія, напр., французы при Бувинѣ, дѣлились на большее число клиньевъ, и каждая изъ девяти частей боеваго построенія слагалась тогда уже изъ нѣсколькихъ cunei. Это было тѣмъ болѣе удобно, что каждый герцогъ и графъ приходилъ съ цѣлымъ отрядомъ своихъ рыцарей (banneret). Впрочемъ, совокупная дѣятельность всѣхъ этихъ клиньевъ и боевыхъ линій и отрядовъ пѣхоты, присоединявшихся къ рыцарской конницѣ, яснѣе всего обрисовывается при описаніи отдѣльныхъ средневѣковыхъ битвъ, напр., битвы при Бувинѣ и при Кресси.

Битва при Бувинѣ.

Битва при Бувинѣ произошла 27 іюля 1214 г. между французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ, съ одной стороны, и союзными войсками императора Оттона IV, графа Фердинанда фландрскаго и англичанъ подъ начальствомъ графа Сольсбери, по прозванію „Длинный Мечъ" (Longépée),—съ другой.

Французскій король Филипъ Августъ, достигши Турнэ вечеромъ 26-го іюля, узналъ о близости союзныхъ враговъ; но мѣстность была неудобна для французскихъ рыцарей, которые не привыкли сражаться, спѣшившись, подобно ихъ нѣмецкому врагу. Не желая давать битвы при обстоятельствахъ, неблагопріятныхъ для французовъ, король рѣшился на слѣдующій день, 27 іюля, отступить на юго-западъ къ Лиллю черезъ Бувинъ (Bouvines), гдѣ находился единственный въ округѣ мостъ на рѣчкѣ (Marcq). Императоръ Оттонъ, находившійся въ мѣстечкѣ Мортинь (Mortegne), принялъ, кажется, это отступленіе за бѣгство и, несмотря на воскресный

день, рѣшился тотчасъ же преслѣдовать французовъ, чтобы достичь ихъ по сю сторону моста. Авангардъ союзной арміи, состоявшій изъ рыцарей Фландріи, напиралъ съ юго-востока на послѣдніе отряды французовъ, и герцогъ бургундскій, командовавшій арьергардомъ Филиппа Августа, принужденъ былъ пять разъ останавливаться и отбиваться отъ фламандцевъ при помощи своихъ арбалетчиковъ. Достигши высотъ (Wannehain), господствующихъ надъ дорогой къ Бувину, императоръ Оттонъ съ изумленіемъ увидалъ передъ собой всю французскую армію, и притомъ не въ безпорядочномъ бѣгствѣ, а въ стройномъ боевомъ порядкѣ фронтомъ на сѣверо-востокъ. Чтобы выстроиться параллельно врагамъ, императоръ принужденъ былъ, подъ охраной авангарда изъ фламандцевъ, повернуть свои войска фронтомъ на юго-западъ: такъ какъ было уже по крайней мѣрѣ часа три пополудни, то солнце било прямо въ глаза его рыцарямъ. Оба войска были выстроены одинаково—каждое въ три боевыя линіи (acies) другъ за другомъ, а у всѣхъ линій былъ центръ и крылья, такъ что у каждаго изъ противниковъ насчитывалось 9 отрядовъ. Длина французскаго фронта достигала 1.040 шаговъ, а фронтъ союзниковъ растянулся на 2.000 шаговъ. Къ правому крылу французовъ Филиппъ Августъ послалъ своего канцлера и личнаго друга Іоннита Гарэна (Garin), который только что былъ выбранъ въ епископы города Санлиса. Чтобы сравняться съ линіей враговъ, Гарэнъ отодвинулъ все правое крыло сильно въ сторону отъ центра и выстроилъ первую линію (acies) этого крыла цѣпью съ развернутымъ фронтомъ (en haye). Обѣ остальныя линіи праваго крыла, равно какъ и центръ съ лѣвымъ крыломъ, состояли изъ „cunei“, т.-е. клинообразно построенныхъ отрядовъ. Мѣстность была здѣсь ровная и крайне удобная для конной битвы. Центромъ французовъ командовалъ самъ король, собравшій вокругъ себя всю мелкую доманіальную знать. Французская пѣхота, образовавшаяся изъ горожанъ коммунъ Корби, Амьенъ, Аррасъ, Бовэ и Компьенъ, выстроилась впереди конницы центра. Здѣсь находилась и государственная хоругвь (oriflamma), между тѣмъ какъ въ линіи короля—знамя съ золотыми лиліями по лазоревому полю. Судя по длинѣ фронта, число рыцарей врядъ ли превышало $6^1/_2$ тысячъ человѣкъ [1]). Что касается до союзниковъ, то тамъ въ центрѣ коман-

---

[1]) Вѣроятно, $2^1/_2$ тысячи тяжеловооруженныхъ, 4 тысячи легковооруженныхъ и 50 тысячъ пѣхоты.

довалъ самъ императоръ Оттонъ; первая линія центра состояла изъ нѣмецкой пѣхоты, сосредоточившейся тремя группами вокругъ Carròccio, запряженной 4 лошадьми; эта колесница везла на высокомъ древкѣ старое саксонское боевое знамя - дракона съ парящимъ надъ нимъ орломъ. Битва началась раньше всего на правомъ крылѣ французскаго войска. Гарэнъ отдалъ здѣсь приказъ 300 легковооруженнымъ рыцарямъ, министеріаламъ аббата де-С. Медардъ, броситься на фламандское рыцарство, дабы привести его въ безпорядокъ и тѣмъ подготовить почву для аттаки со стороны рыцарства французскаго. Но фламандское рыцарство не захотѣло даже тронуться съ мѣста ради какихъ-нибудь сателлитовъ. Рыцари закалывали незащищенныхъ доспѣхами лошадей подъ своими легко вооруженными противниками, наносили имъ самимъ раны, топтали спѣшившихся и ждали себѣ болѣе серьезнаго врага. Тогда пошла въ аттаку первая линія праваго крыла французовъ—рыцарство графовъ Шампаньи и Сансерръ; эти одержали побѣду послѣ упорной борьбы: два вождя фламандскаго рыцарства попали въ плѣнъ. Но потери французовъ были тоже значительны; Мишель де-Гармъ такъ сильно столкнулся съ однимъ фламандскимъ рыцаремъ, что копье фламандца пробило ему щитъ, кольчугу, поранило въ лядвію и вонзилось еще въ лошадь, которая свалилась вмѣстѣ со всадникомъ. Первая линія французовъ отступила, дабы привести свои ряды въ порядокъ. Къ тому же приближалась уже вторая линія фламандскихъ рыцарей съ графомъ фландрскимъ во главѣ. Имъ навстрѣчу бросились графъ де-С. Поль и виконтъ де-Мелёнъ. Натискъ французскихъ рыцарей второй линіи былъ настолько силенъ, что они со своими тѣсно сомкнутыми клиньями прорвали два отряда фламандцевъ, убивая налѣво и направо, повернули сзади линіи враговъ и съ тылу пробились еще черезъ два отряда рыцарей Фландріи обратно на свои мѣста. Послѣ этого вторыя линіи отступили для отдыха за третьи. Сраженіе третьихъ линій на правомъ крылѣ французовъ было еще упорнѣе. Подъ герцогомъ бургундскимъ была убита лошадь, но рыцари окружили его и помогли толстому герцогу сѣсть на другую лошадь и снова принять участіе въ битвѣ. Перевѣсъ остался на сторонѣ французовъ только благодаря тому, что графъ С. Поль, отдохнувши, поспѣшилъ на помощь третьей линіи и окончательно оттѣснилъ фламандцевъ и валонцевъ. Однако и графъ Фердинандъ фландрскій не уступалъ въ доблести врагамъ. Три часа шла уже битва на правомъ крылѣ. Гарэнъ, не принимая лично участія въ

схваткахъ, систематически руководилъ французами издали; напротивъ, графъ Фердинандъ бился безъ отдыха. Покрытый ранами и совершенно истощенный, онъ былъ сбитъ, наконецъ, на землю и долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Это положило конецъ битвѣ на правомъ крылѣ; кто не бѣжалъ, попадалъ теперь въ плѣнъ. Тѣмъ временемъ бой завязался и между другими частями войскъ. Вожди союзниковъ сговорились сообща пробиться, во что бы то ни стало, до самого короля Филиппа. Графа фландрскаго задержала французская атака, но графъ де-Булонь бросился прямо къ королю; однако, когда онъ очутился передъ Филиппомъ Августомъ, тогда у него не хватило духу поднять руку на своего верховнаго сюзерена, и онъ повернулъ къ лѣвому крылу враговъ, гдѣ былъ отбитъ. Еще хуже досталось графу Сольсбери съ его второй линіей праваго крыла союзниковъ. Епископъ города Бовэ, вооруженный палицей, встрѣтилъ его со второй линіей лѣваго крыла французовъ и нанесъ графу такой ударъ своей палицей, что тотъ свалился на землю. Епископъ велѣлъ своему министеріалу связать графа, а самъ продолжалъ свою убійственную дѣятельность. Сопротивленіе англичанъ было сломлено, и они позорно вовсе удалились съ поля сраженія вмѣстѣ съ Гюго де-Бовъ.

Въ центрѣ король Филиппъ Августъ тщетно ждалъ нападенія императора. Наконецъ, онъ велѣлъ коммунамъ аттаковать нѣмецкую пѣхоту въ центрѣ. Коммуны стали осыпать враговъ стрѣлами. Но нѣмецкая пѣхота неожиданно отвѣтила такимъ натискомъ на горожанъ коммунъ, что въ одно мгновеніе прорвала ихъ и привела въ смятеніе стоявшихъ сзади коммунъ рыцарей, такъ что самъ король очутился въ опасности. Нѣмецкіе пѣхотинцы были вооружены особаго рода сѣкирами съ крючкомъ позади и штыкомъ сверху, такъ что наносили удары тремя концами орудія, которое въ силу своей тяжести могло пробить любые доспѣхи. Такимъ крючкомъ стащили короля Филиппа Августа съ лошади, и онъ погибъ бы, если бы Пьеръ Тристанъ не соскочилъ съ коня и не защитилъ государя. Тогда знаменосецъ Вало де-Монтиньи сильными взмахами лазореваго знамени обратилъ вниманіе на опасность, угрожавшую королю. Хорошіе доспѣхи короля и ловкость, съ которой онъ вскочилъ на лошадь Пьера Тристана, спасли его. Но отчаянная битва продолжалась. Стефанъ де-Лоншанъ (Longchamp) былъ на смерть раненъ на глазахъ у короля; нѣмецкій пѣхотинецъ воткнулъ ему штыкъ своей сѣкиры черезъ забрало въ мозгъ. Но, въ концѣ концовъ, пѣхота все-таки была обращена въ бѣг-

ство или перебита рыцарской конницей. Освободившись отъ натиска пѣхоты, Филиппъ Августъ перешелъ теперь самъ въ наступленіе. Ряды нѣмецкой конницы были прорваны, и опасность угрожала теперь, въ свою очередь, самому императору. Впереди всѣхъ подскакали къ Оттону IV Гильомъ де-Барръ, Пьеръ де-Мовуазенъ и Жераръ Скрофа. Пьеръ схватилъ подъ уздцы лошадь императора и пытался увести ее вмѣстѣ съ всадникомъ. Скрофа (Scropha) кольнулъ Оттона въ грудь, а другимъ ударомъ на смерть ранилъ его лошадь, такъ что она бѣшеными прыжками рванулась въ сторону. „Вы его нынче больше не увидите“, сказалъ Филиппъ Августъ окружающимъ. Но лошадь Оттона пала въ нѣкоторомъ отдаленіи. Императоръ вскочилъ на другую и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Дважды нагонялъ его де-Барръ и схватывался съ нимъ, но свита каждый разъ оттѣсняла французскаго рыцаря. Наконецъ, де-Барръ былъ сброшенъ съ лошади и вырванъ изъ рукъ враговъ только подоспѣвшими товарищами. Вестфальскіе графы пытались было продолжать битву и послѣ бѣгства императора, но на помощь французамъ явились заднія линіи центра и взяли графовъ въ плѣнъ. Колесница съ саксонскимъ знаменемъ была изрублена въ куски. На полѣ сраженія остался изъ среды союзниковъ еще только графъ де-Булонь съ шестью рыцарями. Они укрылись въ середину своихъ брабантцевъ-наемниковъ и рѣшились дорого продать жизнь. Надо было прорвать это желѣзное кольцо пѣхоты, вооруженной аллебардами и мечами, чтобы добраться до рыцарей. Графъ де-Понтье повелъ на нихъ въ аттаку своихъ рыцарей, но брабантцы убивали лошадей и спѣшивали всадниковъ. Только когда на помощь подоспѣлъ еще Тома де-С.-Валери со своими, было пробито это кольцо пѣхоты. На графа де-Булонь напалъ теперь пѣшій экюйэ Пьеръ де-Турель, лошадь котораго была убита, и, приподнявши желѣзныя латы у графскаго коня, вонзилъ ему въ брюхо свой мечъ по рукоятку. Одинъ изъ рыцарей графа взялъ было еще лошадь подъ уздцы и повелъ ее въ сторону, но противники стащили его съ собственной лошади. Какъ разъ въ это время конь подъ графомъ упалъ, всадникъ самъ очутился подъ конемъ, и его только съ трудомъ высвободили. Экюйэ, по имени Комо, въ числѣ другихъ рыцарей подбѣжалъ къ графу де-Булонь, сорвалъ съ него шлемъ и нанесъ тяжелую рану въ голову. Экюйэ убилъ бы графа, если бы не появился его господинъ — Гарэнъ, епископъ Санлиса, которому графъ и сдался въ плѣнъ. Въ общемъ французы взяли въ плѣнъ 5 графовъ, 25 другихъ высокопоставленныхъ бароновъ,

много простыхъ рыцарей и экюйэ. Главная причина пораженія союзниковъ заключалась, несомнѣнно, въ томъ, что каждая часть ихъ войска сражалась отдѣльно, не поддерживая другъ друга.

Англійскій строй.

Между битвами при Бувинѣ и при Кресси прошло болѣе столѣтія. За это время и въ англійскомъ и во французскомъ войскѣ совершилось много перемѣнъ. Англійскіе рыцари до начала царствованія Эдуарда III стояли невысоко во мнѣніи материка. Короли Англіи вели свои войны XII ст. почти исключительно посредствомъ чужеземныхъ наемниковъ и добывали себѣ на то средства, облагая вассаловъ scutage'емъ. Если въ Германіи рыцарство достигло наиболѣе блестящаго развитія при Гогенштауфенахъ, а во Франціи еще раньше, то въ Англіи оно расцвѣтало въ сущности впервые при рыцарственномъ Эдуардѣ III; во Франціи оно впадало въ эту пору уже въ крайности и, несмотря на доблесть отдѣльныхъ рыцарей, было обезсилено своей обособленностью отъ другихъ сословій. Правда, рыцарская знать Англіи должна была подчиниться военной тактикѣ Эдуарда III, въ которой пѣхота являлась уже главной боевой силой. Знать должна была спѣшиваться и сражаться въ качествѣ тяжелой пѣхоты. Да и въ качествѣ пѣхоты все значеніе рыцарей сводилось болѣе къ тому, чтобы оборонять стрѣлковъ; на стрѣлкахъ покоился весь боевой расчетъ Эдуарда III. Англійскіе стрѣлки изъ лука довели упражненіемъ свое искусство до особаго совершенства, которое дало имъ перевѣсъ надъ арбалетами и луками другихъ націй. Но стрѣлки нуждались въ защитѣ и получали ее отъ той части рыцарства, которая спѣшивалась; къ ней они и жались, въ то время какъ другая часть рыцарей оставалась иногда на лошадяхъ. Обычай спѣшиваться не былъ впервые введенъ Эдуардомъ III: уже норманны, побѣдители при Гастингсѣ, усвоили его отъ англо-саксонцевъ (впрочемъ, напр., въ битвѣ при Льюисѣ (Lewes) 1264 г. англійское рыцарство сражалось на коняхъ). Да и стрѣлки не исчезали уже изъ англійскаго войска послѣ битвы при Гастингсѣ, но на первый планъ они выдвинулись только съ половины XIII ст. Англійскій стрѣлокъ XIV в. бросалъ стрѣлу на 600 метровъ, а на 200—билъ навѣрняка. Ихъ перевѣсъ надъ генуэзскими арбалетчиками объясняется тѣмъ, что къ арбалетамъ не была еще приспособлена въ это время стальная дуга, да и натягивались они одной или обѣими ногами, а не особыми машинами. Спеціально для охраны стрѣлковъ стояли въ англійскомъ войскѣ тотчасъ позади ихъ валлійскіе пѣхотинцы, вооруженные пиками. Глубина строя спѣшившихся рыцарей и стрѣл-

ковъ бывала незначительна, человѣкъ въ десять, а при Азенкурѣ англичане стояли только въ четыре человѣка. Боевой порядокъ въ три пѣшія линіи съ двумя крылами всадниковъ по малочисленности войска не всегда могъ примѣняться. Поэтому при Кресси боевыя линіи стояли другъ за другомъ, но отодвигаясь все болѣе и болѣе къ лѣвому флангу, а при Азенкурѣ въ одну линію, такъ что авангардъ составлялъ правое крыло и арьергардъ — лѣвое по отношенію къ bataille du roi въ центрѣ; въ обоихъ случаяхъ у англичанъ не было крыльевъ изъ конницы. Существенную часть англійскаго боевого построенія составлялъ лагерь для обоза и лошадей въ тылу арміи. Генрихъ V пренебрегъ въ битвѣ при Азенкурѣ сооруженіемъ подобнаго лагеря и былъ наказанъ тѣмъ, что лошади и его драгоцѣнности были похищены во время битвы отрядомъ непріятеля.

Такое дружное совокупное дѣйствіе пѣхоты и конницы, какъ оно проявлялось въ англійской арміи XIV в., было возможно только въ странѣ, гдѣ между сословіями не было такой розни, какъ во Франціи и въ Германіи. Въ XIII в. въ Англіи выработался уже государственный строй, при которомъ въ общественныхъ дѣлахъ имѣли голосъ не только духовенство и высшая знать, но также простое рыцарство и города; въ то же время крѣпостные стали освобождаться отъ своей зависимости по отношенію къ знати. Напротивъ, во Франціи между городами и феодальной знатью образовалась пропасть, вслѣдствіе того, что короли опирались на буржуа въ борьбѣ съ феодалами, а суровыя формы крѣпостной зависимости вели къ враждѣ между вилланами и ихъ сеньёрами. Отсюда арендаторы и мелкіе земельные собственники (фригольдеры и іомены), которые на ряду съ горожанами являлись въ англійскомъ войскѣ въ качествѣ легкой конницы (hobilars) и стрѣлковъ, не получали никакого значенія во Франціи, а войско коммунъ отодвигалось здѣсь все еще на задній планъ. Въ сущности только вассалы обязаны были слѣдовать за королемъ Англіи въ завоевательныя войны и служить ему сорокъ дней, по истеченіи которыхъ они распускались или вознаграждались уже жалованьемъ. Всеобщее ополченіе англичанъ, не находящихся въ ленной зависимости, предназначено было только для защиты самой Англіи. Статутъ Эдуарда III отъ 1334 г., возобновляя статуты Генриха III и Эдуарда I относительно ополченія, внесъ только то дополненіе, что 1-й классъ, имѣвшій 15 фунтовъ и болѣе годового дохода и обязанный нести конную службу, раздѣлялся теперь на три разряда: первый (въ 40 фун. дохода) долженъ

былъ нести службу въ рыцарскомъ вооруженіи съ 2 лошадьми, второй разрядъ (съ 20 фун.)—являлся въ тяжеломъ вооруженіи съ одной лошадью, третій (съ 15 фун.)—въ легкомъ вооруженіи съ одной легкой лошадкой (hobby-horse, отсюда hobilars). Все остальное населеніе служило только въ пѣхотѣ; а именно разряды въ 10 фунтовъ годового дохода и въ 100 солидовъ—болѣе или менѣе тяжело вооруженными; разрядъ въ 40—100 солидовъ дохода—съ лукомъ, мечемъ, ножемъ; разрядъ ниже 40 солидовъ—съ косами, ножами и другими „menues armes"; наконецъ, самые бѣдные, кто только вообще могъ еще пріобрѣтать оружіе,—просто съ однимъ лукомъ. Дважды въ годъ происходилъ смотръ такому ополченію; войско вассаловъ не входило уже сюда. Всѣ землевладѣльцы, владѣвшіе не менѣе трехъ лѣтъ участками съ доходомъ въ 40 ф., должны были при Эдуардѣ III зачисляться прямо въ рыцари. Въ исключительныхъ случаяхъ Эдуардъ III водилъ ополченіе и во Францію; такъ, напр., въ 1346 г. онъ потребовалъ личной службы отъ всѣхъ, кто имѣлъ 5 фунтовъ ежегоднаго дохода. Парламентъ сопротивлялся и добился въ 1354 г. постановленія, что только съ его согласія могутъ набираться „men-at-arms, hobilars nec archers"; жалованье должно было выплачиваться ополченію съ перваго же дня послѣ выступленія изъ графства.

Во Франціи ополченіе не играло такой важной роли въ битвахъ Столѣтней войны. Филиппъ Красивый установилъ въ 1304 г. порядокъ созыва ополченія во Франціи: когда отечество было въ опасности, то каждый французъ, способный владѣть оружіемъ, долженъ былъ нести службу. Этотъ особый случай былъ обобщенъ его преемниками, и Филиппъ Валуа прибѣгъ къ нему въ 1337 г. Но въ сущности на дѣлѣ принципъ ополченія (arrière-ban) проводился для знати; горожанамъ, ради увеличенія королевской казны, позволено было откупаться, а для сельскаго населенія требованіе всеобщаго ополченія вообще понижалось (въ 1338 г. было потребовано, чтобы 100 очаговъ выставили 20 сержантовъ - пѣхотинцевъ). На деньги, которыми французы откупались отъ ополченія, король собиралъ наемныя войска. Такое пренебреженіе пѣхотой коренилось въ соціальныхъ отношеніяхъ французовъ. При враждѣ между знатью и горожанами тактическая комбинація пѣхоты съ рыцарской конницей дѣлалась невозможной. Въ 1351 году король Іоаннъ не велѣлъ болѣе созывать коммунальныхъ войскъ; печальный опытъ битвы при Кресси далъ къ тому поводъ. Зато въ отдѣльныхъ коммунахъ основывались теперь братства (sermens)

стрѣлковъ изъ лука и арбалета. Даже когда въ разгаръ Столѣтней войны король Карлъ VI сталъ было покровительствовать стрѣлкамъ, то знать настояла на запрещеніи упражненій въ стрѣльбѣ изъ лука; она, очевидно, боялась, что народъ сознаетъ, наконецъ, свою силу. Когда передъ битвой при Азенкурѣ горожане Парижа (1415 г.) вызвались было выставить 6 тысячъ арбалетчиковъ, то знать рѣзко отказалась: „На что намъ помощь этихъ лавочниковъ", выразился Жанъ де-Бомонъ. Обычай спѣшивать рыцарей ведется во Франціи лишь съ битвы при Пуатье. Французы стали одерживать верхъ надъ англичанами только съ тѣхъ поръ, когда Карлъ V, а затѣмъ въ особенности Карлъ VII положили начало постоянному войску. Различіе между англійскимъ и французскимъ войскомъ ясно сказалось въ битвѣ при Кресси.

Битва при Кресси.

Битва при Кресси была дана въ субботу 26 августа 1346 г. французскимъ королемъ Филиппомъ VI Валуа, чтобы не допустить Эдуарда III идти на Парижъ. 26 августа утромъ англійскій король Эдуардъ III покинулъ съ войскомъ южную окрайну лѣса близъ Кресси, двинулся на сѣверо-востокъ къ самому мѣстечку, перешелъ въ 6 часовъ утра по мостамъ рѣчку Мэ (la Maye) и сталъ на цѣпи холмовъ между Кресси (Crécy) и Вадикуромъ (Wadicourt). Такъ какъ линія эта въ своемъ протяженіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ была слишкомъ длинна по числу англійскаго войска, то король отступилъ отъ обычнаго расположенія въ три боевыя линіи, одна за другой. Впереди, фронтомъ на юго-востокъ, откуда ожидали французовъ, наступавшихъ отъ Аббевилля, Эдуардъ III выстроилъ англійскихъ стрѣлковъ изъ лука длинною цѣпью съ сѣверо-востока на югъ-западъ, которая правымъ крыломъ примыкала къ Кресси, а свое лѣвое прикрывала лѣсистыми окрестностями Вадикура. За стрѣлками шли уже обычныя три боевыя линіи англійскаго рыцарства, но такъ, что первая линія примыкала къ Кресси, вторая сзади нея отодвигалась дальше на сѣверо-востокъ, а третья, самая задняя, уходила еще дальше въ ту же сторону и касалась Вадикура. Лошади спѣшившихся рыцарей и всѣ вьючныя животныя помѣщались въ особомъ обозномъ укрѣпленіи сзади войска. Въ первой боевой линіи находился 16-лѣтній принцъ валлійскій, графъ Варвикъ, баронъ Годефруа де-Гаркуръ и другіе съ 1200 hommes d'armes, 4 тысячами стрѣлковъ изъ лука и тысячью валлійцевъ. Во второй линіи находился епископъ дёргамскій, графы Герфордъ и Нортгамптонъ, баронъ Перси и другіе, въ цѣломъ 1200 hommes d'armes съ 4 тысячами стрѣлковъ изъ лука. Въ

третьей линіи стоялъ самъ Эдуардъ III съ 1500 hommes d'armes и 6 тысячами пѣхоты (въ томъ числѣ и стрѣлки изъ лука). Все это были почти исключительно англичане (3900 hommes d'armes, 10 тысячъ стрѣлковъ, 5 тысячъ валлійцевъ).

Французскій король Филиппъ VI Валуа съ вечера собралъ вокругъ себя въ Аббевиллѣ войско по крайней мѣрѣ въ 12 тысячъ hommes d'armes, столько же наемной чужеземной пѣхоты (въ числѣ ея 6 тысячъ генуэзскихъ стрѣлковъ изъ лука) и около 50 тысячъ горожанъ коммунъ. Во французскомъ войскѣ находился Іоаннъ, король богемскій, Донъ Хаймэ (Jaime), король майоркскій, графъ Людвигъ фландрскій, Жанъ Бомонтъ графъ де-Гэно (Геннегау), графъ де-Гаркуръ (братъ англійскаго маршала) и французскіе графы. Король еще съ вечера сообщилъ вождямъ войска свое намѣреніе напасть на слѣдующій день на англичанъ. Король Филиппъ выступилъ рано утромъ 26 августа изъ Аббевилля на сѣверо-западъ къ мѣстечку Ле-Титръ, гдѣ онъ еще думалъ застать англійскую армію. Но войско двинулось не дружно, и было уже около полудня, когда послѣдніе отряды покидали городъ. Англичанъ уже не было у Ле-Титръ; пришлось повернуть войско на востокъ къ большой дорогѣ (изъ Аббевилля въ Hesdin) и отрядить четырехъ рыцарей впередъ на развѣдки. Было уже далеко за полдень, когда Филиппъ Валуа и его блестящее окруженіе собрались выслушать разсказъ лазутчиковъ. Рыцарь Ле-Муань (le Moyne de Bazeille) разсказалъ, что около Кресси стоятъ англичане, выстроившись въ три боевыя линіи — очевидно, въ ожиданіи нападенія, и совѣтовалъ въ виду поздняго времени отложить лучше битву до слѣдующаго дня. Это мнѣніе поддержали въ свитѣ короля графы Гэно и Алансонъ, а потому Филиппъ Валуа отдалъ маршаламъ приказъ — остановить войско, все еще находившееся въ движеніи. На высотахъ около Эстрэ (Estrées) можно было удобно стать лагеремъ на ночь. Но войско уже знало, что англичане близко. Передовой отрядъ, повинуясь маршаламъ, остановился было, но отряды, слѣдовавшіе за нимъ, хотѣли непремѣнно быть въ той же близи отъ врага, какъ и авангардъ, и продолжали напирать. Тогда и авангардъ (tête), въ свою очередь, не захотѣлъ уступить первенства и тронулся снова дальше. Увлекаемые гордостью и завистью, безъ порядка, обгоняя одинъ другого, французы двигались все впередъ, пока не увидали, наконецъ, англичанъ, выстроенныхъ въ три линіи въ ожиданіи врага. Тутъ было бы уже величайшимъ позоромъ повернуть назадъ, когда они видѣли своихъ враговъ такъ близко передъ собой. Между тѣмъ

горожане коммунъ, разсѣянные по всей дорогѣ отъ Аббевилля, обнажили шпаги и кричали: „смерть, смерть этимъ предателямъ, англичанамъ!“ Когда король Филиппъ достигъ высотъ около Эстрэ и увидалъ англичанъ, то и онъ забылъ свое первое благоразумное рѣшеніе и, несмотря на позднее время, отдалъ приказъ къ нападенію. Впередъ должны были выдвинуться генуэзскіе стрѣлки, и ряды французовъ разступились, чтобы дать имъ мѣсто. Сзади нихъ, но впереди трехъ линій рыцарей, поставлена была цѣпь всадниковъ (gens d'armes). Было уже около 5 часовъ пополудни, и надъ полемъ битвы разразилась мимолетная гроза. Вѣтеръ гналъ дождь въ лицо стрѣлкамъ, а когда снова показалось солнце, то оно только ослѣпляло французовъ.

Неохотно и вяло подвигались впередъ генуэзцы. Они устали отъ предыдущаго перехода въ 6 льё, да и щиты ихъ лежали на возахъ, такъ какъ битвы не ждали болѣе на этотъ день. Вожди стрѣлковъ изъ арбалета роптали на новыя распоряженія. Тогда графъ д'Алансонъ сказалъ окружавшимъ его рыцарямъ: „Вотъ вамъ и вся польза отъ этой сволочи; она годится только на то, чтобы ѣсть, а для насъ будетъ больше помѣхой, чѣмъ подспорьемъ“. Приблизившись къ англичанамъ, генуэзцы трижды издали свой страшный военный крикъ, надѣясь навести на тѣхъ ужасъ. Но англичане уже поднялись съ мѣста и выстроились. Съ ихъ стороны сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ, тоже болѣе для устрашенія врага. Англійскіе стрѣлки стали спускаться теперь съ вершинъ холмовъ и открыли убійственную стрѣльбу изъ своихъ луковъ. Ихъ длинныя стрѣлы съ перьями поражали ряды генуэзцевъ раньше, нежели тѣ успѣли подойти на выстрѣлъ арбалета. Генуэзцы стали было натягивать свои отсырѣвшіе арбалеты, но англійскія стрѣлы пронизывали ихъ панцыри. Тогда многіе перерѣзали тетивы на своихъ арбалетахъ, побросали ихъ и обратились въ бѣгство. Но линія французскихъ рыцарей преградила имъ дорогу. Король угадалъ намѣреніе генуэзцевъ и велѣлъ рубить ихъ, такъ какъ они теперь дѣйствительно только заграждали путь для атаки конницей. Всадники изъ передовой цѣпи (gens d'armes) бросились на нихъ, но такимъ образомъ сами попали подъ дождь англійскихъ стрѣлъ. Французы устремились было на непріятельскихъ стрѣлковъ, но теперь, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ битвахъ, гдѣ конница сражалась со стрѣлками, обнаружилось, что съ лошадьми, которыя почувствовали у себя въ тѣлѣ длинную стрѣлу, никоимъ образомъ нельзя было уже справиться. Одинъ

конь не хотѣлъ идти впередъ, другой несся прыжками въ гору, какъ бѣшеный, многіе поворачивались къ врагамъ крупомъ, несмотря на всѣ усилія всадниковъ. Вскорѣ передъ рядами англичанъ образовалась безформенная масса изъ упавшихъ лошадей, съ лежащими подъ ними всадниками, и изъ убитыхъ генуэзцевъ. Сюда устремились валлійцы съ ихъ длинными ножами и начали рѣзать немилосердно.

Французы, разбитые въ битвѣ при Креси, никогда не могли ясно разсказать хроникерамъ, что произошло дальше. Но по англійскимъ источникамъ, французы сдѣлали одно за другимъ еще три сильныхъ нападенія, а англичане отбили ихъ всѣ три раза, не сдвинувшись съ мѣста. Первую аттаку повели Іоаннъ, король богемскій, графъ д'Алансонъ и графъ фландрскій съ первой боевой линіей. Всѣ трое пали тутъ. Слѣпой король выбралъ себѣ въ поводыри храбраго Муань де-Базейль и сказалъ ему: „Сеньёръ, вы мой вассалъ и мой другъ, и мой товарищъ на нынѣшній день. Я прошу и требую, проведите меня какъ можно дальше впередъ, чтобы я могъ нанести хоть одинъ ударъ мечемъ".—„Охотно, монсеньёръ", отвѣчалъ рыцарь. И вотъ всѣ окружающіе слѣпца перевязали другъ съ другомъ свои поводья и тѣснымъ сомкнутымъ строемъ двинулись впередъ. Ле-Муань де-Базейль сумѣлъ такъ ловко вести короля, что, обойдя стрѣлковъ, всѣ они очутились передъ первымъ рядомъ англійскихъ рыцарей. Король богемскій осуществилъ здѣсь свое желаніе и нанесъ не одинъ ударъ, а три—четыре. Но и король и всѣ окружающіе его были тутъ перебиты; только два экюйэ уцѣлѣли и разсказали, какъ погибли другіе. О графахъ фландрскомъ и д'Алансонъ Фруассаръ говоритъ только: они проявили всю доблесть свою; ихъ нашли на другой день убитыми, но не во время бѣгства, а съ мечемъ въ рукѣ и лицомъ къ врагамъ. Вѣроятно, отъ ихъ свиты не осталось въ живыхъ ни одного рыцаря, чтобы разсказать подробности доблестной смерти. Но французы продолжали наступать. Теперь очередь была за второй линіей. Ее вели герцогъ лотарингскій и его зять графъ де-Блуа. Имъ удалось отбросить стрѣлковъ и проложить себѣ путь до ряда gens d'armes. Вѣроятно, какъ разъ при этомъ натискѣ былъ сбитъ наземь принцъ валлійскій, такъ что его знаменосецъ Ричардъ Фисъ де-Симонъ (Fils de-Symon) долженъ былъ положить знамя къ ногамъ принца, и замахнувшись мечомъ, который онъ держалъ обѣими руками, броситься на враговъ. Храбрые рыцари поспѣшили со всѣхъ сторонъ къ нему на помощь, такъ что онъ снова могъ схватить знамя.

Однако, опасность, которой подвергалась первая линія англичанъ, показалась графу Варвику настолько значительной, что онъ отрядилъ рыцаря Томаса Норвичскаго къ королю съ просьбой о помощи. „Скажите, сиръ Томасъ“, спросилъ тогда король Эдуардъ рыцаря: „убитъ мой сынъ или безъ чувствъ, или раненъ, что онъ не можетъ помочь?“ — „О, нѣтъ, но онъ выдерживаетъ тяжкую борьбу и нуждается въ вашей помощи“, отвѣчалъ Томасъ Норвичскій. „Ну, такъ вернитесь къ нему и къ тѣмъ, кто послалъ васъ, и передайте имъ, чтобы они избавили меня отъ подобныхъ посланій, пока сынъ мой живъ; ибо мой приказъ имъ — дать ребенку случай заслужить рыцарскія шпоры. Я хочу, чтобы нынѣшней побѣдой мы были обязаны ему, а слава дня принадлежала тѣмъ, кому я довѣрилъ сына“. Этотъ отвѣтъ вдохнулъ англійскимъ рыцарямъ новую силу, и они побѣдоносно отбросили враговъ. Потери французовъ были ужасны: герцогъ лотарингскій и графъ де-Блуа со многими другими легли на мѣстѣ.

У французовъ оставалась еще третья и самая сильная боевая линія самого Филиппа Валуа. Никто не сталъ здѣсь дожидаться приказа начать аттаку, никто не спрашивалъ, можно ли еще поправить дѣло: всѣ ждали только, чтобы поле битвы немного расчистилось передъ ними. Между тѣмъ наступала уже ночь, а путь къ непріятелю былъ прегражденъ мертвыми тѣлами рыцарей и лошадей. Англійскіе стрѣлки неослабно продолжали свое дѣло. Подъ королемъ Филиппомъ была убита лошадь, по англійскимъ извѣстіямъ, даже онъ самъ былъ раненъ въ шею. Жану де-Гэно удалось было убѣдить короля отказаться отъ своего безсмысленнаго намѣренія лично принять участіе въ битвѣ. „Вы потеряете эту битву, но можете выиграть другую. Вы одни, вѣдь, не можете помочь горю“. Но король все еще порывался впередъ. Тогда рыцари, приставленные къ поводьямъ королевскаго коня (Жанъ де-Гэно и маршалъ Шарль де-Монморанси), взяли лошадь подъ уздцы и вывели ее вмѣстѣ съ всадникомъ изъ сѣчи. Но не вся свита послѣдовала за ними. Сиръ де-Пти-Варньи далъ шпоры коню, бросился въ битву и погибъ, какъ и многіе другіе, какъ графы д'Оксерръ, де-С.-Поль и хоругвеносецъ де-Нойэ (Noyers). Ночь положила конецъ битвѣ. Кто оставался еще въ живыхъ, считалъ свое дѣло проиграннымъ и старался уйти по незнакомой мѣстности. Кучками по три-по четыре блуждали по полямъ французы, ничего не ѣвшіе уже цѣлый день, и не знали, что сталось съ ихъ сеньёрами, друзьями, братьями. Король благополучно достигъ Ла-Бруа (La Broye),

на сѣверо-востокѣ отъ Креси за рѣчкой Оти (Authie). Комендантъ крѣпости узналъ его по голосу и велѣлъ спустить подъемный мостъ. Между тѣмъ король Эдуардъ въ виду ночи отдалъ приказъ не выходить изъ рядовъ и не преслѣдовать врага. Съ своимъ отрядомъ онъ спустился теперь къ принцу валлійскому, обнялъ и поцѣловалъ его. „Богъ далъ тебѣ твердость“, сказалъ онъ: „ты воистину мой сынъ и доказалъ, что достоинъ стать моимъ преемникомъ“. Принцъ опустился на одно колѣно и этимъ почтилъ отца. Велика была радость въ англійскомъ лагерѣ. Но король отдалъ приказъ всю ночь провести еще съ оружіемъ въ рукахъ.

Любопытно, что въ битвѣ при Креси англичане стрѣляли уже изъ пушекъ. Правда, огнестрѣльное оружіе не сразу получило рѣшающее значеніе въ европейскихъ войнахъ. Но въ сущности именно оно измѣнило въ XV в. всю тактику рыцарской эпохи.

Евг. Щепкинъ.

XLVI.

Средневѣковая лирика.

Область, куда входитъ не только Провансъ въ собственномъ смыслѣ слова, но и весь провансальскій округъ, т.-е. Аквитанія, Лимузенъ, Пуату, Керси и Овернь, другими словами сказать, вся область языка *ос* [1]) составляетъ собою ту южную Францію, которая положила начало такъ называемой провансальской поэзіи. Это было давно, въ началѣ среднихъ вѣковъ. Тамъ, на югѣ Франціи, никогда не вымирала культура, водворенная греками и потомъ взлелѣянная римлянами, тамъ рано началось благосостояніе страны и ожили ремесла, промыслы и торговля, а южный французскій языкъ сдѣлался раньше сѣвернаго пригоднымъ для литературныхъ произведеній: въ немъ сохранились окончанія на гласныя буквы, характеризующія южные языки и облегчающія риѳму и сложныя поэтическія формы. Эти условія благопріятствовали развитію поэзіи въ южной Франціи, тамъ скоро зазвучали лирическія пѣсни, къ которымъ сводится почти вся провансальская поэзія и которыя въ продолженіе среднихъ вѣковъ давали образцы всей остальной Европѣ, такъ какъ послѣдовательно переходили въ сѣверную Францію, далѣе въ Германію, гдѣ особенно пришлись по вкусу, потомъ въ Италію, а, наконецъ, и въ Испанію. Какъ бы то ни было, а южная Франція должна по справедливости считаться родиной средневѣковой лирики. Югъ Франціи.

Пособія: *Карьеръ, Кирпичниковъ,* Исторія всеобщей литературы.

[1]) На югѣ Франціи „ос“ (hoc) значило „да“, а на сѣверѣ въ томъ же значеніи употребляли „oil“ (теперешнее „oui“). Поэтому южную Францію называли иногда Languedoc, а сѣверную—Langued'oil.

Лирика Прованса, начавшись съ деревенской, народной пѣсни, въ продолженіе одного XI столѣтія преобразовалась въ искусственную. Въ это время она получила названіе „*искусство изобрѣтать* (art de trobar)“, почему и поэтъ провансальскій назывался „*изобрѣтателемъ*“ или „*трубадуромъ*“. Такихъ трубадуровъ въ южной Франціи было очень много, — по крайней мѣрѣ, до насъ дошли имена почти пятисотъ изъ нихъ, — но они издавали свои произведеніе не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ, и временемъ процвѣтанія провансальской поэзіи слѣдуетъ считать XII и XIII столѣтія. Стихотворенія трубадуровъ были въ полномъ смыслѣ слова пѣснями, потому что они слагались не для чтенія, а для пѣнія: трубадуры, знавшіе музыку, сами бывали композиторами и исполнителями, другіе же пользовались услугами *жонглеровъ*, которые и распѣвали ихъ произведенія передъ публикой; часто тѣ же жонглеры распространяли пѣсни трубадуровъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда сами авторы не попадали. Въ числѣ трубадуровъ встрѣчались люди всякихъ сословій, но рыцари и феодалы, даже владѣтельные князья, составляли между ними весьма большой процентъ, и, во всякомъ случаѣ, положеніе трубадуровъ, изъ какого бы сословія они ни происходили, было очень хорошо: къ нимъ относились всегда съ уваженіемъ.

Виды лирическихъ стихотвореній.

Благодаря обилію гласныхъ и мелодическихъ кадансовъ въ языкѣ провансальской лирики, она отличается удивительнымъ разнообразіемъ и красотой своихъ формъ, но содержаніемъ эта лирика гораздо бѣднѣе: въ качествѣ рыцарей, трубадуры долго только и дѣлали, что воспѣвали любовь и войну, но извѣстныя политическія событія начала XIII-го вѣка порождаютъ новые мотивы для ихъ стихотвореній: у нихъ появляется сатира. Перечислить всѣ виды провансальской лирики очень трудно: этихъ видовъ слишкомъ много, и слишкомъ неустойчива основа ихъ дѣленія, такъ какъ для нея служитъ столь же часто форма, какъ и содержаніе, и если, съ одной стороны, тутъ встрѣчаются *сестины*, стихотворенія, состоящія изъ 6 строфъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ 6 стиховъ, то съ другой,—*альбы*, т.-е. утреннія пѣсни, и *серены*, т.-е. вечернія пѣсни. Поневолѣ приходится ограничиваться самыми распространенными видами лирики трубадуровъ, а такими являются: *кансона*, выработанная весьма искусно и служившая чаще всего для любовныхъ стихотвореній; *тенсона*, представляющая собой поэтическій діалогъ двухъ поэтовъ или поэта съ лицомъ, имъ вымышленнымъ, о темахъ, касающихся той же любви; *баллада* (отъ

balar—плясать), означающая плясовую пѣсню, и *сирвентъ*, пѣсня, содержащая какъ похвалу, такъ и порицаніе, а потомъ только порицаніе и обличеніе, т.-е. сатира.

Въ творчествѣ трубадуровъ часто сквозитъ тонкое пониманіе красоты, чуткій инстинктъ въ выборѣ выраженій и искреннее увлеченіе простой и нѣжной мелодіей; если же вся эта поэзія, воспѣвающая, какъ сказано выше, любовь и войну, по своему содержанію подчасъ до того однообразна, что ее можно счесть рядомъ произведеній одного и того же поэта, то не слѣдуетъ забывать о рыцарствѣ трубадуровъ. Трубадуры прежде всего рыцари, у которыхъ сердце всегда принадлежало дамѣ, а рука—мечу, и потому вполнѣ естественно, что основными мотивами ихъ пѣсенъ остаются любовь и война. Тѣмъ не менѣе, провансальская поэзія не всегда отличалась субъективнымъ и личнымъ характеромъ: иногда, и главнымъ образомъ съ начала XIII вѣка, подъ вліяніемъ историческихъ событій, она имѣла и общественное значеніе, и трубадурамъ выпадало на долю быть вождями и руководителями общественнаго мнѣнія, когда они возбуждали къ крестовымъ походамъ или высказывали горячій гнѣвъ, нападая на папскій престолъ и на испорченность духовенства. Такимъ образомъ, содержаніе провансальской лирики не исчерпывается любовью, и образцами ея могутъ служить, кромѣ любовныхъ, не только военныя пѣсни, но и пѣсни, бичующія пороки. Для примѣра остановимся на нѣсколькихъ пѣсняхъ, сначала имѣющихъ предметомъ любовь, а потомъ и съ другимъ содержаніемъ.

Когда по вѣткамъ зелень выбѣгаетъ,
То здѣсь, то тамъ распустится цвѣтокъ,
Щебечетъ птичка, спрятавшись въ кустокъ,—
Тогда душа въ блаженствѣ утопаетъ;
Но вотъ убралъ деревья пышный цвѣтъ,
И соловьи запѣли хоромъ дружнымъ,
Тогда глядишь, и съ сердцемъ сладу нѣтъ,
Любви властительной подслужнымъ.

Такъ поетъ провансалъ о любви, но чаще онъ выражается о ней гораздо сильнѣе, потому что видитъ въ ней источникъ всякой человѣчности,—напримѣръ:

Счастливъ, кому досталося блаженство!
Любовь—источникъ всякаго добра:
Не отъ нея ль душа становится бодра,
Кротка, правдива, утонченна,

Способнѣй во сто кратъ въ совѣтѣ и войнѣ?
Да будетъ же любовь благословенна!

Въ только что приведенной пѣснѣ трубадуръ не даромъ упомянулъ о войнѣ, потому что иногда его ничто такъ не веселитъ, какъ боевой кличъ, и онъ съ воодушевленіемъ рисуетъ войну:

Вотъ всадниковъ убитыхъ кони
Блуждаютъ по полю дрожа;
За недругомъ несясь въ погоню
И славой предковъ дорожа,
Герой о томъ лишь помышляетъ,
Чтобы побольше снять головъ
И рукъ отсѣчь, безъ дальнихъ словъ,
А самъ нигдѣ не отступаетъ.

Что касается до нападеній на духовенство и его алчность, то относительно этого предмета въ провансальской поэзіи попадаются и такія мѣста:

Кто зло добру въ дѣлахъ предпочитаетъ,
Безумецъ тотъ: не дологъ счастья срокъ,
Его, глядишь, на сутки не хватаетъ,
Да нѣтъ, не вразумить намъ скаредныхъ глупцовъ,
Безъ пользы для себя вѣкъ алчущихъ скупцовъ!

До насъ дошло много біографій провансальскихъ трубадуровъ, и по нимъ можно составить себѣ совсѣмъ ясное понятіе о провансальской поэзіи, которая, представляя изъ себя несомнѣнное проявленіе личности, требуетъ, кромѣ знакомства со своими произведеніями, знанія условій жизни авторовъ этихъ произведеній. Для подобной цѣли можно было бы разсмотрѣть цѣлый рядъ біографій трубадуровъ; можно было бы ознакомиться съ жизнью замѣчательнаго поэта и крайне эксцентричнаго Петра Видаля, нарядившагося однажды волкомъ въ честь своей дамы, имя которой было Loba (волчиха), и бродившаго нѣкоторое время въ этомъ видѣ; можно было бы извлечь много интереснаго изъ біографіи Понса де Кандюэля, автора энергическихъ и сильныхъ стихотвореній по поводу крестовыхъ походовъ, или Вильгельма Фигвейраса, бичующаго Римъ и его нравственное паденіе; но достаточно остановиться на прославленномъ Бертранѣ де-Борнѣ, который можетъ назваться выразительнымъ представителемъ трубадуровъ.

Бертранъ де-Борнъ.

Родившись, какъ предполагаютъ, въ 1145 году въ родовомъ

замкѣ своего отца, барона средней руки, Бертранъ де-Борнъ 9-ти лѣтъ былъ посланъ въ сосѣдній монастырь для обученія грамотѣ, гдѣ учился 5 лѣтъ, потомъ изучалъ военное дѣло, 21 года былъ посвященъ въ рыцари, а въ 1179 году женился; отъ этого брака у него было двое дѣтей.

Какъ истый трубадуръ, Бертранъ знаетъ идеальную рыцарскую любовь и является авторомъ многихъ кансонъ, внушенныхъ ему самымъ утонченнымъ культомъ любви, но цѣль и задача всей его жизни—война. Онъ то и дѣло или самъ воюетъ, или возбуждаетъ къ войнѣ, и честь для него дорога такъ же, какъ и обнаженіе меча за святое дѣло. Это сильный не только тѣломъ, но и духомъ человѣкъ. Бертранъ не только постоянный союзникъ непокорныхъ сыновей Генриха II Плантагенета, короля Англіи и владѣтеля лучшей половины Франціи; онъ не пропускаетъ ни одного случая, чтобы не обнаружить своей страсти къ войнѣ, и въ своихъ сирвентахъ, распѣваемыхъ жонглеромъ Папіолемъ, то упрекаетъ королей Ричарда и Филиппа за медленность, которая мѣшаетъ имъ вооружиться ради святого дѣла, то старается „пришпорить", какъ онъ выражается, т.-е. побудить къ войнѣ тѣхъ же Ричарда и Филиппа, льстя первому и унижая, сколько возможно, второго. Временами можетъ показаться, что Бертранъ любитъ войну для войны, но зато иногда его сирвенты совсѣмъ другого направленія: по поводу, напримѣръ, смерти Генриха Юнаго онъ пишетъ рядъ грустныхъ сирвентовъ, въ которыхъ видно искреннее чувство и сильная привязанность къ принцу со стороны Бертрана. Послѣ смерти своей второй жены онъ передалъ свои владѣнія сыновьямъ и ушелъ въ монастырь, гдѣ въ 1215 году его поминали уже за упокой.

Бертранъ—вполнѣ типичный трубадуръ, если, кромѣ любви, его такъ воодушевляетъ война, въ которой онъ видитъ самое живое дѣло. Одно приготовленіе къ бою приводитъ его въ восторгъ, и онъ поетъ:

Какъ сладокъ мнѣ разгулъ весны!
Вновь листъ и цвѣтъ оживлены;
Опять веселый птичекъ хоръ
Лѣсъ пѣснью свѣжей оглашаетъ,
Куда ни обратится взоръ,
Избушки, хутора встрѣчаетъ;
Но сладокъ мнѣ и поля видъ,
— Будь это осенью, весною,—
Гдѣ строй людей, коней стоитъ,
Вполнѣ готовый къ бою!

Но вотъ война началась, и восхищеніе Бертрана становится безграничнымъ:

Мнѣ любо видѣть: лишь мелькнутъ
Въ дали бойцы передовые—
И люди и стада бѣгутъ
Укрыться въ чащи вѣковыя;
Ахъ, любо! тамъ навстрѣчу имъ
Вонъ съ шумомъ выдвинулось войско,
И бой теперь необходимъ;
Иль гдѣ съ отвагою геройской
Надежный замокъ силой взятъ,
Когда стѣна, вдругъ треснувъ, рухнетъ,—
Не оторвался бы мой взглядъ!

Трубадуры всегда довольно охотно переходили границу и странствовали по чужимъ землямъ, а послѣ ужасовъ альбигойской войны они массами стали покидать родину для переселенія къ сосѣдямъ, и прежде всего въ сѣверную Францію, гдѣ и поспѣшили распространить провансальскую поэзію. Ранѣе была и у сѣверныхъ французовъ лирика, и не народная только, но и искусственная; однако, эта лирика и незначительна по количеству стихотвореній, и слишкомъ сбиваетъ на эпосъ; истинная же искусственная лирика появилась въ сѣверной Франціи одновременно съ появленіемъ въ ней трубадуровъ. Провансальцы такимъ образомъ остаются всегда учителями, и ихъ пѣсни и громче, и мелодичнѣе пѣсенъ сѣверныхъ французовъ; однако все же этихъ послѣднихъ нельзя считать только переводчиками: во всякомъ случаѣ, въ сѣверной Франціи привились почти всѣ виды провансальской поэзіи.

Тибо Шампанскій.

Встрѣчаются и среди сѣверныхъ французовъ хорошіе поэты. Таковъ графъ Тибо Шампанскій, внукъ короля наваррскаго и самъ впослѣдствіи король наваррскій. Онъ сыгралъ роль посредника между югомъ и сѣверомъ Франціи и своими произведеніями хорошо выражаетъ сѣверо-французскую лирическую поэзію.

Этотъ богатый и вліятельный человѣкъ родился въ 1201 году, былъ воспитанъ на югѣ, а большую часть жизни провелъ на сѣверѣ; труверамъ, т.-е. эпическимъ поэтамъ сѣверной Франціи, онъ принадлежитъ по языку и своей способности играть словами и шутить, а у трубадуровъ заимствуетъ тѣ или иныя формы своихъ стихотвореній. Вообще Тибо не пользовался популярностью; быть можетъ, потому, что въ качествѣ владѣтеля обширныхъ земель помогалъ матери св. Людовика, Бланкѣ Кастильской, поддерживать королевскую власть въ разъединенной странѣ; но поэзія его всегда

заслуживала интереса, такъ какъ многія изъ его пѣсенъ отличаются не просто искренностью, но и задушевностью. Во всякомъ случаѣ онъ перебралъ въ этихъ пѣсняхъ всѣ три главныхъ мотива провансальской поэзіи; только провансальскія описанія весны ему и не нравятся, на все же другое онъ отзывчивъ, хотя любовь въ его произведеніяхъ занимаетъ, конечно, первое мѣсто. Такъ, Тибо воспѣваетъ прекрасные глазки своей дамы и раны, которыя они нанесли его сердцу; онъ спрашиваетъ себя, когда онъ увидитъ этихъ *враговъ*, отъ которыхъ такъ пострадалъ, и замѣчаетъ при этомъ, что „на свѣтѣ еще никогда не бывало человѣка, который бы такъ по-христіански любилъ своихъ враговъ". Далѣе онъ проповѣдуетъ въ стихахъ крестовый походъ, послѣ чего и отправляется въ этотъ походъ; наконецъ, онъ обличаетъ и всеобщую испорченность нравовъ, при чемъ довольно рѣшительно заявляетъ, что „дьяволъ закинулъ въ міръ четыре удочки: роскошь, жадность, гордость и вѣроломство, и мошенникъ, къ несчастью, ловитъ удачно". Умеръ Тибо въ 1253 году.

Миннезингеры.

Приблизительно около того же времени, когда провансальская лирика оказала свое вліяніе на сѣверную Францію, она проникла и въ Германію. Впервые пѣсенное искусство трубадуровъ занесено было сюда еще ранѣе 1190 года поэтомъ Генрихомъ фонъ-Фельдекэ, а затѣмъ, благодаря постояннымъ политическимъ сношеніямъ Германіи и Франціи, рыцарству и крестовымъ походамъ, искусство это и вовсе переселилось къ нѣмцамъ, и искусственная нѣмецкая лирика, которая начала было развиваться изъ народной, совершенно подчинилась провансальской. Тогда-то нѣмцы вдохновились поэзіей трубадуровъ и стали употреблять всяческія старанія, чтобы сравняться съ провансалами въ ихъ искусствѣ. Появились такъ называемые *миннезингеры*, такъ какъ любимой темой ихъ пѣсенъ была „Minne" — любовь.

Миннезингеры быстро размножились, но существовали не долго: черезъ два, черезъ три поколѣнія нѣмецкая лирика возвращается снова къ народному направленію. Что касается до сословія, изъ котораго появлялись миннезингеры, то это было почти исключительно дворянство, почему и поэзія ихъ находила себѣ пріютъ въ рыцарскихъ замкахъ и княжескихъ дворцахъ, отъ которыхъ и получила названіе *придворной*. Правда, императоры слишкомъ рѣдко сидѣли на мѣстѣ, чтобы ихъ дворы играли роль центровъ поэзіи миннезингеровъ, но были дворы мелкіе, какъ, напримѣръ, тюрингенскій, при которомъ миннезингеры собирались десятками.

Миннезингеры обращаютъ большое вниманіе на форму, почему, между прочимъ, они и ставили такъ высоко своего Генриха фонъ-Фельдекэ, обрабатывавшаго всегда весьма старательно стихъ; они больше трубадуровъ заботятся о риѳмѣ, и метры ихъ стихотвореній разнообразнѣе. Среди видовъ этихъ стихотвореній особенно часто встрѣчаются простые, попарно риѳмованные стихи безъ строфъ, или такъ называемые *лейхи,* сопровождаемые музыкой, и *шпрюхи,* соотвѣтствующіе *сирвентамъ* въ Провансѣ.

По содержанію своихъ пѣсенъ, миннезингеры еще бѣднѣе трубадуровъ: любовь почти единственная ихъ тема, и мы напрасно стали бы искать у нихъ мотивовъ свободы или оппозиціи, проявляющихся иногда въ провансальской поэзіи. Но и самая любовь въ нѣмецкой рыцарской лирикѣ — робкая, сентиментальная и мечтательная; большею частью миннезингеръ прославляетъ возлюбленную, излагаетъ обязанности любовнаго служенія и никогда не говоритъ объ измѣнѣ или ревности. При этомъ, какъ сѣверный человѣкъ, онъ поетъ отнюдь не весело о любви: онъ всегда вдумчивъ и наклоненъ къ рефлексіи, и его любовь въ большинствѣ случаевъ выходитъ душевнымъ настроеніемъ, тогда какъ у трубадура она полна пыла и страсти. Отсюда въ нѣмецкой рыцарской поэзіи постоянно звучитъ глубоко-грустная нота, отсюда же въ ней постоянно изслѣдуются психологія и тайны любви. Миннезингеры хорошо сознавали суетность земныхъ наслажденій, а это приводило ихъ, съ одной стороны, къ религіи, съ другой—къ созерцанію природы, и они отводятъ иногда въ своихъ стихотвореніяхъ мѣсто то религіи, то природѣ. Такимъ образомъ миннезингеры подражаютъ трубадурамъ, но въ этомъ подражаніи основныя черты ихъ характера всегда остаются при нихъ; задумчивость съ мягкостью и расплывчатостью вѣчно присущи нѣмецкой рыцарской поэзіи, и потому слѣдующая пѣсня можетъ назваться характернымъ образцомъ ея:

Кому не знакома вражда,
Тотъ жесткаго слова иль слова презрѣнія
Не скажетъ о женщинѣ, ей въ осужденіе,
Но будетъ ей ласки привѣта дарить
И кротко о ней говорить.
Блаженство и радость въ жизнь нашу вносящая,
Скромна и безмолвна любовь настоящая!
Какъ дымъ, улетаетъ страданье отъ насъ,
Испуганно женской улыбкой единою;
Въ насъ сердце трепещетъ любовной кручиною
Отъ взгляда плѣнительныхъ глазъ.

Воздайте же должное образу чистому,
Челу молодому лилейно-лучистому,
Рубиновымъ, нѣжнымъ устамъ
И алымъ, какъ розы, щекамъ.
Видъ милыхъ созданій съ ихъ чудными взорами
Насъ все заставляетъ забыть,
И нѣтъ тѣхъ восторженныхъ пѣсенъ, которыми
Мы ихъ не готовы почтить;
Но все же того, что я думаю, чувствую,
И самой хвалою стоустою
Не выразить людямъ вполнѣ:
Того, какъ прекрасны онѣ.

Все на одни и тѣ же мотивы пѣли и Фридрихъ фонъ-Гузенъ, и Гартманъ фонъ-Ауэ, и Ульрихъ фонъ-Зингенбергъ, и Христіанъ фонъ-Гамле, и очень многіе еще другіе миннезингеры; но эта литература любовныхъ пѣсенъ произвела одного художника съ болѣе обширнымъ кругозоромъ, художника, который вполнѣ заслуживаетъ уваженія среди своихъ современниковъ: имя этого художника— Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, и на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе, такъ какъ ему принадлежитъ первое мѣсто среди миннезингеровъ.

Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде.

Къ сожалѣнію, тогда какъ французы хорошо знаютъ жизнь своихъ трубадуровъ, матеріалы для біографій нѣмецкихъ средневѣковыхъ поэтовъ крайне скудны, и все, что извѣстно о жизни Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде, почерпнуто большею частью изъ его же собственныхъ сочиненій. Родился онъ, какъ предполагаютъ, въ южномъ Тиролѣ около 1168 года и юность свою провелъ при дворѣ австрійскаго герцога Фридриха Католика; когда же этотъ послѣдній умеръ въ Палестинѣ въ 1198 году, Вальтеръ началъ скитальческую жизнь, во время которой исходилъ не только Германію, но и многія чужія земли, при чемъ, становясь на сторону того или другого государя, принималъ участіе, благодаря своему уму и таланту, въ политическихъ событіяхъ. Между прочимъ, въ это время Вальтеру пришлось побывать и при дворѣ извѣстнаго покровителя поэтовъ, ландграфа Германа Тюрингенскаго и участвовать въ знаменитомъ Вартбургскомъ состязаніи поэтовъ. Вскорѣ онъ принимаетъ сторону императора Оттона противъ папы Иннокентія III и съ этихъ поръ въ своихъ произведеніяхъ очень часто возвращается къ вопросу о притязаніяхъ Рима и о поведеніи духовенства. „Хорошо папѣ смѣяться въ Римѣ“, восклицаетъ между прочимъ Вальтеръ, „въ то время какъ добродушные нѣмцы опо-

ражниваютъ кошельки въ пользу его казны! Боюсь я только, что деньги эти никогда не увидятъ Святой Земли, и въ одномъ Римѣ будутъ знать, сколько еще есть въ Германіи дураковъ и дуръ!“ Съ теченіемъ времени Вальтеръ покинулъ Оттона и перешелъ на сторону Фридриха II и отъ этого послѣдняго получилъ въ собственность ленное помѣстье, о которомъ давно умолялъ своихъ прежнихъ покровителей. Однако не долго прожилъ онъ на одномъ мѣстѣ и снова принялся за свои странствія; когда же Фридрихъ II двинулся въ Св. Землю, отправился вмѣстѣ съ нимъ и Вальтеръ. Умеръ Вальтеръ въ Вюрцбургѣ послѣ 1230 года.

Уже изъ сказаннаго можно заключить, что Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде, не въ примѣръ другимъ миннезингерамъ, затрогивалъ въ своихъ стихахъ предательство духовенства; но не въ одномъ только этомъ отношеніи онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Вальтеръ вообще принадлежалъ къ болѣе мужественнымъ характерамъ и, не ограничиваясь обычной темой лирической поэзіи своей эпохи, т.-е. любовью, онъ съ энтузіазмомъ воспѣвалъ свое отечество, столь горячо любимое имъ, и не былъ чуждъ въ своихъ шпрюхахъ политики, при чемъ онъ пѣлъ всегда съ убѣжденіемъ, а не изъ того или другого расчета. О легкости и красотѣ стиховъ его, равно какъ и о силѣ его чувства и искренности можетъ свидѣтельствовать слѣдующее стихотвореніе:

Въ чужихъ краяхъ нерѣдко я блуждалъ,
Но, увлеченъ чарующею силой,
Я никогда нигдѣ не забывалъ
Ни дѣвъ, ни женъ своей отчизны милой.
Къ чему мнѣ лгать? Въ сердечной глубинѣ
Носилъ я образъ женщины нѣмецкой,
И былъ всегда онъ милъ и дорогъ мнѣ
Своею непорочностію дѣтской.
Чей жаждетъ духъ любви и красоты,
Пускай спѣшитъ въ нашъ край благословленный.
О край родной! могилой будь мнѣ ты:
Тебя прекраснѣй нѣтъ во всей вселенной.

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ.

Послѣ Вальтера фонъ-деръ-Фогельвейде нельзя не упомянуть о Вольфрамѣ фонъ-Эшенбахѣ, который, хотя и знаменитъ своими эпическими поэмами, но и по таланту, и по характеру былъ чистѣйшимъ лирикомъ Не говоря уже о томъ, что Вольфрамъ — авторъ многихъ лирическихъ стихотвореній, и поэмы его—„Парцивалъ“, „Виллегальмъ“ и „Титурэль“—представляютъ изъ себя не что

иное, какъ сборники лирическихъ порывовъ, такъ какъ каждая отдѣльная строфа въ нихъ дышитъ самымъ горячимъ лиризмомъ. Такимъ образомъ Вольфрамъ — въ полномъ смыслѣ слова миннезингеръ, и доказательствомъ этого можетъ послужить слѣдующая пѣсня Сигуны изъ поэмы „Титурэль“:

Бывало, подъ вечеръ съ тоской въ окошко на степь я глядѣла,
Долина, теряясь вдали, одна предо мною бѣлѣла.
Онъ рѣдко ко мнѣ приходилъ, и горькой, обильной слезой
Платить приходилося мнѣ за счастье минуты одной.

Брожу отъ окошка къ стѣнѣ я взадъ и впередъ въ нетерпѣньѣ,
Съ востока на западъ брожу, какъ будто въ меня убѣжденье
О томъ, что случилось со мной, уже поселилось давно,
И много ли, мало ль часовъ печалюсь я—все мнѣ равно!

На бурныхъ я волнахъ подчасъ плыву по пучинѣ глубокой
И думаю: если бъ ко мнѣ примчалась изъ дали широкой
Внезапно счастливая вѣсть, въ утѣху печали живой,
Что горя сердечную боль утѣшитъ мнѣ другъ дорогой.

Куда улетѣли навѣкъ утѣхи мои золотыя?
Гдѣ бодрость былая моя? гдѣ радости сердца живыя?
Одна намъ досталась судьба: онъ нуженъ одинъ мнѣ; но я—
Вѣдь также ему дорога—что жъ онъ избѣгаетъ меня?

Къ XIV вѣку проходитъ время процвѣтанія средневѣковой лирики во Франціи, а нѣмецкая рыцарская лирика, доведенная до смѣшныхъ крайностей Ульрихомъ фонъ-Лихтенштейномъ въ его „служеніи дамамъ“ и вызвавшая рядъ пародій со стороны Нитгарта и Тангейзера, сначала принимаетъ дидактическое направленіе, потомъ изгоняется изъ княжескихъ дворцовъ и дворянскихъ замковъ, ютится нѣкоторое время въ городахъ и, наконецъ, замираетъ, уступая мѣсто народной пѣснѣ. Можно было бы посмотрѣть, какъ привилась провансальская лирика въ другихъ странахъ Европы, но повсюду это были только отзвуки лирики трубадуровъ. Во всякомъ случаѣ эта лирика сдѣлала свое дѣло: оставляя слѣды по всей Европѣ, она оказала большое вліяніе на образованіе всей средневѣковой и новѣйшей литературы.

И. Казанскій.

XLVII.

Театральныя предетавленія во Франціи въ концѣ XV вѣка.

Вопросъ о представленіи мистеріи.

Въ монотонной жизни средневѣковаго города не было событія, глубже захватывавшаго общее вниманіе, сильнѣе увлекавшаго все населеніе, безъ различія сословія и состоянія, чѣмъ представленіе мистеріи, т.-е. драмы съ сюжетомъ изъ Св. Писанія. Такое представленіе, вполнѣ отвѣчая общей набожности эпохи и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяя наивной страсти къ пышнымъ зрѣлищамъ, считалось религіознымъ и общественнымъ подвигомъ, за осуществленіе котораго брались съ благоговѣніемъ, молитвою и горячимъ усердіемъ. Всѣ классы общества, начиная съ блестящей знати и кончая сѣрымъ деревенскимъ людомъ, пылали истиннымъ энтузіазмомъ къ этому дѣлу и, забывъ на время сословные личные счеты и застарѣлыя взаимныя недоразумѣнія, сходились, — лишь только зарождалась гдѣ-нибудь мысль о представленіи мистеріи,—въ единодушномъ страстномъ желаніи содѣйствовать всѣми силами успѣху и блеску сложнаго и грандіознаго предпріятія.

Мистеріи были предметомъ горячей симпатіи всей Западной Европы съ XIV до начала XVI столѣтія, но нигдѣ и никогда онѣ не пользовались такою популярностью, какъ во Франціи во второй половинѣ XV вѣка. Перенесемся мыслью въ какой-нибудь изъ французскихъ городовъ этой эпохи; представимъ его себѣ со всѣми особенностями средневѣковой своеобразной обстановки, свидѣтельствующей на каждомъ шагу о необезпеченной полу-военной жизни и тревожномъ, исполненномъ суевѣрія порываніи къ нетлѣнному и вѣчному существованію. Войдемъ въ одинъ изъ до-

мовъ, похожихъ на неприступныя крѣпости, которые тѣснятся въ узкихъ и кривыхъ улицахъ, почтительно уступивъ обширную площадь громадному, величественному и таинственному готическому собору, съ возносящимися къ небу остроконечными башнями, красноречиво говорящему о томъ, что здѣсь выше всего ставятся интересы вѣры и благочестія. Въ одной изъ комнатъ, по убранству которой легко догадаться о зажиточности и солидности владѣльца дома, собралось нѣсколько почтенныхъ, пожилыхъ людей, принадлежащихъ къ мѣстной духовной и свѣтской аристократіи. Хозяинъ, серьезный и степенный старикъ, представитель уважаемой буржуазной фамиліи, члены которой нерѣдко занимали видныя судебныя и административныя должности въ городѣ, пригласилъ ихъ къ себѣ для совмѣстнаго обсужденія очень важнаго вопроса. Дѣло въ томъ, что прошло уже около пятнадцати лѣтъ съ того времени, какъ въ городѣ была представлена въ теченіе трехъ дней „великолѣпная и поучительная“ мистерія „Страстей Господнихъ“. Воспоминаніе объ этомъ торжественномъ и благочестивомъ зрѣлищѣ начало уже блѣднѣть, вотъ почему было бы умѣстно и желательно позаботиться о новомъ представленіи мистеріи, назидательность которой для народа не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ того, благополучное окончаніе разорительной войны, бремя которой тяготѣло нѣсколько лѣтъ надъ населеніемъ, и счастливое избавленіе отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ другихъ городахъ, обязывало всѣхъ истинно-вѣрующихъ возблагодарить Бога достойнымъ образомъ за всѣ благодѣянія. Но неужели возможно лучше почтить Создателя, какъ „представивъ въ лицахъ земную жизнь, страданія, крестную смерть и воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа?“ Правда, это дѣло не легкое, поглощающее массу и труда, и денегъ; но въ христіанскомъ усердіи горожанъ нельзя сомнѣваться, въ средствахъ же, навѣрно, не будетъ недостатка: едва только въ городѣ узнаютъ о задуманномъ благочестивомъ предпріятіи, какъ отовсюду польются щедрыя пожертвованія. Что касается до самаго текста мистеріи (rollet), то сочинить его любезно согласился всѣмъ извѣстный почтенный каноникъ, краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ теологіи, пользующійся литературною славою за свои духовныя стихотворенія, въ особенности въ честь Св. Дѣвы Маріи.

Собраніе одобрило всѣ приведенныя соображенія уважаемаго хозяина; всѣ были согласны въ томъ, что ничто не содѣйствуетъ до такой степени преуспѣянію вѣры, славѣ Св. Церкви и спасенію

души, какъ именно представленіе мистеріи. Чтобы не затягивать дѣла, рѣшено было завтра же обратиться къ городскимъ властямъ за разрѣшеніемъ и содѣйствіемъ.

Городской мэръ и старшины (échevins) отнеслись къ проекту съ величайшимъ сочувствіемъ. „Принимая въ соображеніе, что, по милости Божіей, королевство французское обрѣтается въ добромъ мирѣ, хлѣбъ и вино дешевы и всѣ припасы, слава Богу, въ изобиліи“, они нашли вполнѣ своевременнымъ разрѣшить представленіе св. мистеріи „для назиданія вѣрующихъ и въ благодарность Господу за избавленіе отъ повальной болѣзни“. Изъ городской кассы была ассигнована значительная сумма для постройки сцены и мѣстъ для зрителей, подъ открытымъ небомъ, на самой обширной изъ городскихъ площадей. Для распоряженія хозяйственною стороною предпріятія и общаго завѣдыванія всѣмъ дѣломъ была избрана комиссія изъ 12 лицъ, честныхъ и набожныхъ гражданъ, въ составъ которой вошло большинство иниціаторовъ предпріятія съ титуломъ „главныхъ распорядителей“ (superintendants). Режиссеромъ (meneur du jeu) назначенъ уже знакомый намъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ теологіи“, взявшійся написать мистерію, а декораторомъ и машинистомъ (maitre des secrets)— искуснѣйшій мастеръ плотничьяго цеха.

Составленіе пьесъ.

Такимъ образомъ осуществленіе затѣяннаго предпріятія было обезпечено, и ученый докторъ могъ приняться за сочиненіе обѣщанной мистеріи. Понятія о литературной собственности въ средніе вѣка не существовало, всякій бралъ свое добро, гдѣ его находилъ, пользуясь трудами предшественниковъ, какъ общественнымъ достояніемъ. Поэтому и нашъ авторъ, засѣвъ за литературную работу, мало заботился о самостоятельности. Въ основу своей пьесы онъ положилъ двѣ мистеріи „Страстей Господнихъ“ Арнуля Гребана и Жана Мишеля, уже прославленныя по всей Франціи. Приходилось лишь нѣсколько передѣлать ихъ, сообразно съ мѣстными условіями и личнымъ вкусомъ: кое-что сократить, исключивъ нѣкоторые эпизоды, слишкомъ затягивавшіе ходъ дѣйствія, и кое-что прибавить, увлекшись нѣкоторыми счастливыми находками собственной фантазіи и желаніемъ блеснуть обширною ученостью и начитанностью какъ въ отцахъ церкви, такъ и въ свѣтскихъ писателяхъ. Такимъ образомъ на старой канвѣ были выведены опытною рукою новые узоры, и мистерія вышла на славу, превосходнѣйшая и поучительнѣйшая, написанная притомъ весьма искусно риомованными стихами, общее число которыхъ

доходило до 20.000. Но этимъ литературныя обязанности „краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго“ доктора еще не кончились: ему предстояло выбрать или написать вновь два-три веселыхъ фарса, безъ которыхъ по принятому обычаю, требовавшему соединенія полезнаго съ пріятнымъ, не могло обойтись ни одно представленіе серьезной мистеріи. Въ виду этого онъ выписалъ изъ Парижа нѣсколько новыхъ фарсовъ, игравшихся тамъ съ большимъ успѣхомъ „Базошскими клерками“. Такъ называлось одно изъ обществъ актеровъ-любителей, игравшихъ исключительно веселые фарсы, шутки (sotties) и т. п., въ противоположность „Братству Страстей Господнихъ“ (Confrérise de la passion), ставившему на своей сценѣ мистеріи. Одинъ изъ нихъ, называвшійся „Maitre Patelin“, показался ему забавнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ; читая его, почтенный каноникъ посмѣялся отъ души, забывъ свою обычную серьезность и сдержанность. Итакъ одинъ превосходный фарсъ былъ налицо, второй сохранился въ архивѣ городской ратуши послѣ предыдущаго представленія мистеріи; что касается до третьяго, то нашъ авторъ рѣшился пустить въ ходъ, нѣсколько исправивъ и передѣлавъ, фарсъ собственнаго сочиненія, написанный въ дни молодости, когда подобныя „свѣтскія“ произведенія ему не казались еще грѣховными.

Оглашеніе.

Когда вся литературная работа, занявшая нѣсколько мѣсяцевъ, была окончена, распорядители назначили традиціонное „оглашеніе“ (cry) на первый день Пасхи. Такъ называлось объявленіе всему народу о задуманной постановкѣ мистеріи, совершавшееся съ большою торжественностью.

Утромъ, послѣ обѣдни, когда праздничныя группы народа наполняли всѣ улицы, тяжелыя ворота растворились и выпустили блестящую кавалькаду, сразу приковавшую всеобщее вниманіе. Впереди ѣхали шесть трубачей, а за ними отрядъ городскихъ стражниковъ въ кафтанахъ, обшитыхъ серебрянымъ галуномъ и украшенныхъ гербами. Далѣе слѣдовали два герольда, на обязанности которыхъ собственно и лежало „оглашеніе“; ихъ легко было узнать по одеждѣ, сшитой изъ чернаго бархата и атласа трехъ, присвоенныхъ себѣ устроителями мистеріи, цвѣтовъ: голубого, желтаго и сѣраго. Затѣмъ ѣхали сами „распорядители“ на коняхъ, убранныхъ „сообразно ихъ положенію и состоянію“ (bien montés selon leur estat et capacité); общее вниманіе привлекалъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ теологіи“, державшій въ рукахъ тяжелый свитокъ своей мистеріи. На каждомъ перекресткѣ всад-

ники останавливались; послѣ троекратнаго сигнала трубачей герольды выступали впередъ и громогласно читали стихотворное объявленіе о томъ, что въ ближайшій праздникъ Св. Пятидесятницы и слѣдующіе за нимъ дни (въ большинствѣ случаевъ мистеріи разыгрывались въ Троицынъ и Духовъ дни, но нерѣдко представленія бывали и въ другое время, преимущественно лѣтомъ или осенью послѣ уборки жатвъ) имѣетъ быть представлена „честно и благочестиво“ (honnestement et devostement) святая мистерія „Страстей Господнихъ“; всѣ вѣрующіе,—богатые и бѣдные, знатные и простые,—желавшіе принять личное участіе въ такомъ душеспасительномъ и богоугодномъ дѣлѣ, приглашались явиться въ назначенную церковь, гдѣ будутъ происходить репетиціи, подъ руководствомъ самого автора мистеріи (facteur du mystére). Объѣхавъ главныя улицы города, блестящая кавалькада скрылась въ воротахъ ратуши.

Роли. Не прошло и часа, какъ вѣсть о необычайномъ и завлекательномъ предпріятіи достигла самыхъ отдаленныхъ городскихъ закоулковъ. Все оживилось, встрепенулось, зашумѣло и заговорило. Почти въ каждой семьѣ нашлись жаждавшіе завидной чести хотя разъ въ жизни фигурировать на сценѣ въ роли какого-нибудь святого, мученика или просто знатнаго лица. Для мистеріи требовалось до двухсотъ исполнителей, но желающихъ было гораздо болѣе: въ назначенную церковь явилось такое количество претендентовъ, что громадному большинству пришлось уйти ни съ чѣмъ, въ полномъ разочарованіи. Тѣмъ сильнѣе была радость счастливцевъ, которыхъ режиссеръ счелъ годными для какой-нибудь роли, хотя бы и очень маленькой и незначительной.

Наиболѣе важныя и священныя роли, какъ Спасителя, апостоловъ, пророковъ, были уже ранѣе поручены лицамъ духовнаго званія; роль Божіей Матери была отдана красивому и моложавому священнику, такъ какъ обычай вплоть до XVI вѣка не дозволялъ женщинамъ участвовать въ представленіи мистеріи. Другія женскія роли были розданы юношамъ и мальчикамъ. Всѣ удостоившіеся избранія должны были дать торжественную клятву на Св. Евангеліи въ томъ, что будутъ безпрекословно подчиняться режиссеру и исправно посѣщать репетиціи; на нерадивыхъ налагался штрафъ.

Разучиваніе ролей, изъ которыхъ нѣкоторыя заключали въ себѣ не одну тысячу стиховъ, было дѣломъ не легкимъ. Поэтому прошло не мало времени, прежде чѣмъ явилась возможность присту-

пить къ репетиціямъ. Послѣднія доставили почтенному режиссеру не мало труда и хлопотъ, такъ какъ неопытные любители, за исключеніемъ немногихъ, съ большимъ трудомъ постигали даже элементарныя тайны сценическаго искусства. Дѣло не обошлось и безъ досадныхъ помѣхъ. Когда все уже было слажено, вдругъ любитель, взявшій на себя отвѣтственную роль Іуды, обиженный чѣмъ-то, закапризничалъ и отказался играть. Это поставило режиссера въ большое затрудненіе. Трудно было найти другого любителя, который бы такъ удачно совмѣщалъ въ себѣ требуемыя отъ этой роли качества: безобразную наружность и зычный голосъ. Къ тому же, роль предателя не принадлежала къ числу популярныхъ, и на нее немного находилось охотниковъ: кому же пріятно было провисѣть добрый часъ на воздухѣ, изображая самоубійцу, а потомъ въ аду получить изрядную потасовку отъ черезчуръ расходившихся чертей. Недавно былъ случай въ сосѣднемъ городкѣ, окончившійся очень печально: Іудѣ, вынутому изъ петли полуживымъ, дьяволы такъ усердно намяли бока, что черезъ три дня онъ отдалъ Богу душу. Подобная неожиданность, не входившая въ программу мистеріи, хоть кого могла смутить. Къ счастію, нашъ любитель во-время одумался: получивъ отъ дьяволовъ обѣщаніе обойтись съ нимъ возможно деликатнѣе, онъ взялъ свой отказъ назадъ.

Костюмы.

Не мало также труда и времени было потрачено на сооруженіе сценическихъ костюмовъ, отличавшихся въ средніе вѣка такой роскошью и великолѣпіемъ, какія почти неизвѣстны современной сценѣ, довольствующейся нерѣдко поддѣлками всякаго рода. На средневѣковой сценѣ блестѣло настоящее золото и серебро и настоящіе драгоцѣнные камни. По обычаю, каждый изъ играющихъ долженъ былъ самъ позаботиться о своемъ костюмѣ, но тѣ, которые не имѣли для этого средствъ, получали поддержку отъ богатыхъ сотоварищей и другихъ гражданъ. О соблюденіи исторической вѣрности въ костюмахъ никто и не думалъ, такъ какъ вообще въ средніе вѣка на всѣ предшествующія эпохи смотрѣли не иначе, какъ сквозь призму своего времени, и могли понять прошедшее только въ формахъ современной жизни.

Вслѣдствіе этого, напримѣръ, новозавѣтный Лазарь выѣзжалъ на сцену на богато убранномъ конѣ, въ костюмѣ средневѣковаго рыцаря съ охотничьимъ соколомъ на одной рукѣ; весело напѣвая рыцарскую пѣсенку, онъ ѣхалъ на охоту въ сопровожденіи доѣзжачаго со сворою гончихъ. Точно также Марія Магдалина изображалась средневѣковой красавицей, прекрасной обладательницей фео-

дальнаго замка, одѣтой со всею роскошью средневѣковой моды и окруженной толпою поклонниковъ-рыцарей, жаждущихъ преломить за нее копье на турнирѣ. „Виѳлеемскіе“ пастухи были точною копіею съ французскихъ не только по костюму, но и по особенностямъ быта и т. д. Только костюмы наиболѣе священныхъ для христіанъ лицъ копировались не съ живой современности, а съ иконъ и скульптурныхъ изображеній, украшавшихъ средневѣковые храмы. Соборная ризница, любезно предоставленная духовенствомъ въ распоряженіе режиссера, давала возможность, съ большимъ удобствомъ и безъ значительныхъ затратъ, одѣть порядочное количество играющихъ въ приличные ролямъ костюмы. Бывали случаи, что для представленія мистеріи изъ церквей отпускались не только облаченія, но и священные сосуды и даже мощи.

Смотръ. Когда пьеса была срепетована и костюмы готовы, наступило время для второго торжественнаго акта предпріятія, такъ называемаго „смотра“ (monstre), который долженъ былъ состояться ровно за недѣлю до Троицына дня. Утромъ городской герольдъ, сопровождаемый трубачемъ, объѣхалъ весь городъ, приглашая участниковъ мистеріи явиться, въ своихъ сценическихъ костюмахъ, въ церковь, гдѣ происходили репетиціи, откуда они должны были направиться въ торжественной процессіи къ каѳедральному собору. Въ ожиданіи этого великолѣпнаго зрѣлища, всѣ попутныя улицы были запружены народомъ. Имѣя во главѣ почтеннаго доктора, блестящая процессія въ строгомъ порядкѣ потянулась отъ церкви къ собору, при всеобщемъ ликованіи и звонѣ всѣхъ колоколовъ. Процессія была такъ длинна, что, когда апостолы, замыкавшіе шествіе, вышли изъ церкви, демоны, бывшіе впереди всѣхъ, уже успѣли достигнуть соборной паперти, хотя разстояніе между обоими храмами было довольно значительное. По общему признанію костюмы были такъ великолѣпны, что лучшаго невозможно было и представить. Масса бархату, атласу и шелку прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, богатое и блестящее оружіе, драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя украшенія — все это при яркихъ лучахъ весенняго солнца производило чарующее впечатлѣніе на восхищенныя толпы народа. На свѣтломъ фонѣ процессіи темнымъ пятномъ выдѣлялась группа дьяволовъ. Они имѣли рога, хвосты и раздвоенныя копыта и были одѣты въ волчьи, бычачьи и бараньи шкуры, къ поясамъ были привѣшены колокольчики и погремушки, производившіе странный шумъ; въ рукахъ у нихъ были длинныя горящія головни на которыя они часто бросали воспламеняющіяся вещества, произво-

дившія огонь и дымъ. (Такъ описываетъ костюмъ „дьяволовъ“ Раблэ въ своемъ знаменитомъ романѣ „Гаргантюа и Пантагрюэль“). Кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, дьяволы въ мистеріяхъ исполняли роль шутовъ, потѣшавшихъ публику; вотъ почему во время „смотра“ ихъ встрѣчали взрывами смѣха, хотя инстинктивно и сторонились отъ нихъ подальше, тѣмъ болѣе, что обитатели ада пользовались привилегіей выдѣлывать и надъ публикой не особенно пріятныя шутки: случалось, что невнимательнаго слушателя дьяволы увлекали на сцену и немилосердно тормошили. Когда вся процессія, не исключая и дьяволовъ, размѣстилась въ таинственномъ полумракѣ готическаго собора, начался торжественный молебенъ, всѣ участвующіе въ представленіи молились „съ большою набожностью (moult devostement) о томъ, чтобы погода оказалась благопріятной для приведенія въ исполненіе ихъ добраго и благочестиваго намѣренія относительно мистеріи“. Изъ собора процессія въ прежнемъ порядкѣ прослѣдовала обратно, вновь вызывая удивленіе и похвалы.

Полицейскія распоряженія.

Въ послѣднюю недѣлю передъ представленіемъ въ городѣ замѣчалось необыкновенное оживленіе. Мѣста для зрителей и сцена были уже выстроены; оставалось декорировать и украсить ихъ дорогими матеріями, коврами и флагами. Богатые граждане доставили всѣ необходимые для этого матеріалы, а также и разнаго рода вещи, требовавшіяся для обстановки сцены. Упомянутый „искуснѣйшій мастеръ“ плотничьяго цеха превзошелъ самого себя въ устройствѣ такъ называемыхъ „секретовъ“, т.-е. механическихъ приспособленій для поднятія нѣкоторыхъ актеровъ на воздухъ, для внезапнаго исчезновенія, чудесъ и т. п., согласно съ ходомъ дѣйствія. Къ концу недѣли стали уже съѣзжаться приглашенные изъ сосѣднихъ городовъ, и толпами приходить крестьяне изъ окрестныхъ деревень. Въ виду ожидаемаго громаднаго стеченія народа, городскимъ мэромъ было издано распоряженіе объ экстренныхъ мѣрахъ для поддержанія порядка и безопасности. Въ дни представленія всѣ городскія ворота должны быть заперты, исключая двухъ, охраняемыхъ усиленною стражею; для защиты имущества горожанъ „отъ воровъ и иныхъ недобрыхъ людей“ наряжаются частые патрули, нѣкоторыя улицы затягиваются цѣпями. Всѣ жители приглашались выставлять по вечерамъ фонари въ окнахъ своихъ домовъ для того, чтобы облегчить движеніе по улицамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выразить свою радость по случаю такого торжественнаго событія. Занятіе торговлею и ремеслами въ эти дни, посвященные богоугод-

ному дѣлу, строго запрещалось; исключеніе дѣлалось только для булочниковъ, пирожниковъ, трактирщиковъ и вообще торговцевъ съѣстными припасами и напитками, приглашавшихся, напротивъ того, расположиться съ своими продуктами поближе къ площади, чтобы зрители благочестивой мистеріи имѣли возможность въ антрактахъ подкрѣпляться пищею и напитками. Пріѣзжимъ гостямъ угощеніе предлагалось отъ города, для чего было заготовлено нѣсколько бочекъ вина и соотвѣтственное количество закусокъ. Позаботились также и о духовной пищѣ: по распоряженію епископа, обычные часы церковныхъ службъ были измѣнены съ тою цѣлью, чтобы дать зрителямъ мистеріи возможность посѣщать и богослуженіе.

Сцена.

Наконецъ, наступилъ давно съ нетерпѣніемъ ожидаемый день Св. Троицы. Съ ранняго утра на площадь, гдѣ возвышалась сцена, стали стекаться толпы народа, спѣшившаго занять мѣста; каждый часъ приливали все новыя и новыя волны зрителей. Еще было далеко до начала представленія, когда не только уже самая площадь, но и всѣ прилегающіе къ ней улицы и переулки были переполнены; окна и даже крыши прилегающихъ къ площади домовъ тоже были усѣяны зрителями. Весь остальной городъ словно вымеръ, запертыя ворота и вооруженные отряды напоминали осадное положеніе. Вся жизнь сосредоточилась въ одномъ мѣстѣ. День выдался прекрасный. Подъ яркими лучами солнца обширная площадь представляла зрѣлище поистинѣ великолѣпное. На одномъ концѣ ея возвышались построенныя полукругомъ, въ два яруса, мѣста для зрителей, богато задрапированныя дорогими разноцвѣтными матеріями и коврами. Здѣсь собралось самое блестящее и избранное общество. Богатствомъ убранства выдѣлялась центральная ложа, украшенная городскими гербами; здѣсь находились почетныя лица: городскія власти, епископъ, аббатъ и другія. Все обширное пространство площади, отъ этихъ привилегированныхъ мѣстъ вплоть до барьера (créneau), отдѣлявшаго сцену, кишѣло безчисленными зрителями изъ простого народа, расположившимися, какъ попало: кто стоя, кто сидя. Какъ гигантскій пчелиный улей, гудѣла и волновалась многотысячная толпа, нетерпѣливо ожидая начала и устремляя любопытные взоры на таинственныя подмостки (échafauds), на которыхъ должно было происходить дѣйствіе. Бросимъ на нихъ взглядъ и мы.

Средневѣковая сцена поражала своими грандіозными размѣрами и сложнымъ устройствомъ. Подобно самимъ мистеріямъ, она про-

изводила съ перваго раза впечатлѣніе чего-то безпредѣльнаго и хаотическаго; только присмотрѣвшись внимательно, зритель начиналъ оріентироваться въ массѣ мелкихъ деталей и понимать ея общій планъ и расположеніе. Все обширное пространство средневѣковой сцены дѣлилось обыкновенно на три части, изъ которыхъ каждая имѣла свое спеціальное назначеніе. Первая часть (champ или parloir), ближайшая къ зрителямъ, представляла свободную отъ всякихъ декорацій площадку, игравшую роль нашей авансцены. По сторонамъ ея располагались тѣ изъ актеровъ, которые въ данный моментъ не были заняты въ пьесѣ; слѣдовательно, здѣсь стояли тѣ, до которыхъ не дошла еще очередь, а также и тѣ, которые уже сыграли свою роль. Кулисъ на средневѣковой сценѣ не было, а всѣ актеры, участвовавшіе въ представленіи, оставались постоянно на глазахъ зрителей, исключая тѣхъ случаевъ, когда, по ходу пьесы, нѣкоторыхъ нужно было удалить непремѣнно, чтобы не уничтожить сценической иллюзіи. Здѣсь же находился режиссеръ, заправлявшій всѣмъ представленіемъ и дававшій, въ случаѣ надобности, необходимыя поясненія зрителямъ. На этой же передней части сцены сбоку былъ устроенъ „адъ“, имѣвшій видъ башни съ окнами, защищенными желѣзными рѣшетками. Входомъ въ адъ служила огромная пасть дракона, которая раскрывалась и закрывалась сама собою и выпускала пламя и дымъ; по временамъ изъ этой пасти доносился до ушей зрителей оглушительный шумъ и ревъ: скрежетъ зубовный и стоны грѣшниковъ смѣшивались съ дикими завываніями дьяволовъ, лязгомъ желѣза и грохотомъ бочки, наполненной камнями, которую катали подъ сценой, производя шумъ, поистинѣ адскій.

Вторая часть сцены, лежавшая на одномъ уровнѣ съ предыдущей и непосредственно примыкавшая къ ней, служила главнымъ мѣстомъ дѣйствія. Вся она почти сплошь была застроена особаго рода декораціями (mansions), изъ которыхъ каждая имѣла вполнѣ самостоятельное значеніе, изображая какой нибудь городъ, храмъ, дворецъ, гору, садъ и т. п., вообще одинъ изъ пунктовъ дѣйствія. Въ этомъ и заключалось главное отличіе средневѣковой сцены отъ современной намъ; въ настоящее время, для обозначенія различныхъ мѣстъ дѣйствія, мѣняются декораціи: въ средніе вѣка всѣ послѣдовательныя мѣста дѣйствія были сразу изображены на сценѣ соотвѣтствующими декораціями, которыя были неподвижны и оставались неизмѣнными на все время представленія. Такимъ образомъ, не декораціи мѣнялись, а само дѣйствіе перемѣщалось послѣдова-

тельно, смотря по ходу пьесы, изъ одного пункта сцены въ другой, изъ одной „mansion“ въ другую. Средневѣковая сцена являлась, такъ сказать, сокращеннымъ изображеніемъ всей земли или, по крайней мѣрѣ, значительной ея части; какъ на географической картѣ, зритель могъ окинуть однимъ взглядомъ всѣ находящіеся на ней страны, города, моря и т. д. Какимъ же образомъ могло все это помѣститься на однихъ подмосткахъ? Надо имѣть въ виду, что устройство всѣхъ этихъ декорацій, изображавшихъ отдѣльные пункты дѣйствія, было крайне просто и даже наивно, и каждая изъ нихъ занимала очень небольшое пространство. Такъ, чтобы изобразить дворецъ Ирода, дѣлали маленькое возвышеніе, на которое ставили царскій тронъ,—вотъ и все. Для изображенія Іерусалимскаго храма считался достаточнымъ маленькій павильонъ, крыша котораго опиралась на легкія колонки. Труднѣе было представить цѣлый городъ, но и это ничуть не смущало средневѣковаго декоратора: онъ ставилъ стѣну, изъ-за которой виднѣлись двѣ-три крыши, продѣлывалъ въ ней дверь, а сверху помѣщалъ надпись — „Назаретъ“, „Виѳлеемъ“, „Римъ“ и т. д. При этомъ въ его глазахъ не имѣло никакого значенія то обстоятельство, что Римъ помѣстился бокъ-о-бокъ съ Назаретомъ, а отъ Іерусалима до Египта оказывалось не болѣе пяти шаговъ. Такою же наивною простотой отличались всѣ другія декораціи: на фантазію зрителей тогда разсчитывали гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Если мѣста на сценѣ не хватало, то нѣкоторыя изъ декорацій, изображавшія ту или другую мѣстность, устраивались прямо на площади, рядомъ со сценою.

На третьемъ планѣ отъ зрителей въ самой глубинѣ сцены на возвышеніи помѣщался рай, роскошно убранный шелковыми матеріями и уставленный красивыми растеніями и цвѣтами; за великолѣпнымъ золоченымъ трономъ здѣсь былъ поставленъ церковный органъ, величественные звуки котораго должны были раздаваться въ извѣстные моменты дѣйствія. Декораторъ, уже извѣстный намъ „искуснѣйшій мастеръ“ плотничьяго цеха, много потрудился надъ устройствомъ и украшеніемъ рая, который, дѣйствительно, привелъ публику въ полнѣйшій восторгъ.

Прологъ. Пока не началось представленіе, зрители съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣли на сцену, разглядывая все ея сложное устройство и стараясь угадать смыслъ и назначеніе декорацій, въ особенности тѣхъ, на которыхъ не было надписи. Оживленный гулъ стоялъ на площади. Вдругъ раздались звуки музыки, заста-

вившіе всѣхъ затихнуть и обратить глаза въ одну сторону: по площади двигалась уже знакомая намъ процессія исполнителей мистеріи, казавшаяся теперь, при торжественной обстановкѣ, еще великолѣпнѣе, чѣмъ во время „смотра". Подъ руководствомъ режиссера, всѣ играющіе стали размѣщаться на сценѣ. На золоченомъ тронѣ рая возсѣлъ священникъ, изображавшій Бога Саваоѳа; у его ногъ помѣстились аллегорическія фигуры Истины, Правосудія, Милосердія и Мира, направо и налѣво—ангелы съ арфами, флейтами и другими инструментами. Музыкальная часть мистеріи лежала на ихъ обязанности, вслѣдствіе чего роли ангеловъ поручались обыкновенно хорошимъ музыкантамъ. У подножія рая стали Адамъ и Ева, которые должны были начинать дѣйствіе. Въ средней части сцены, гдѣ были расположены такъ называемыя „mansions", всѣ заняли соотвѣтственныя ролямъ мѣста: Иродъ помѣстился въ своемъ „дворцѣ", Іосифъ въ „Назаретѣ", первосвященники Анна и Каіафа въ „Іерусалимѣ" и т. д. Дьяволы, конечно, нашли себѣ пристанище въ аду. Всѣ актеры, игравшіе второстепенныя роли, а также фигуранты (лица безъ рѣчей) столпились пока по сторонамъ передней части сцены. Сюда же вышелъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій" авторъ и режиссеръ мистеріи въ костюмѣ Пролога (такъ называлось лицо, произносившее вступительную рѣчь). Онъ былъ одѣтъ въ бархатный камзолъ фіолетоваго цвѣта съ красными рукавами, на ногахъ были желтые рейтузы и чулки и черные башмаки; въ одной рукѣ онъ держалъ палочку, въ родѣ дирижерской, а въ другой—свитокъ своей мистеріи. Когда, такимъ образомъ, сцена, наполненная дѣйствующими лицами въ яркихъ и роскошныхъ костюмахъ, явилась во всемъ своемъ блескѣ, восторгу и удивленію зрителей не было предѣловъ. Напрасно почтенный авторъ обращался къ публикѣ съ просьбою не шумѣть:

Silete! Silete! Silentium habeatis
Et per Dei Filium pacem faciatis!

Прошло не мало времени, прежде чѣмъ на площади водворилась тишина, и режиссеръ могъ начать, въ качествѣ Пролога, свою вступительную рѣчь. Въ ней онъ объяснилъ публикѣ всѣ декораціи, назвалъ и указалъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и очень обстоятельно разсказалъ содержаніе представляемой мистеріи; но особенно подробно остановился онъ на доказательствѣ той мысли, что подобныя зрѣлища являются высокимъ христіанскимъ подвигомъ, богоугоднымъ и душеспасительнымъ.

Пока толпа внимательно выслушиваетъ длиннѣйшую проповѣдь „краснорѣчивѣйшаго и ученѣйшаго доктора теологіи“, воспользуемся временемъ, чтобы заглянуть въ прошлое мистерій и объяснить, какъ онѣ возникли и развились въ средневѣковой жизни.

Праздничное богослуженіе.

Прежде чѣмъ занять выдающееся мѣсто въ обиходѣ средневѣковой жизни, прежде чѣмъ стать общенароднымъ дѣломъ, волнующимъ и увлекающимъ всѣ сословія, мистеріи пережили длинную и любопытную исторію. Впервые зародились онѣ въ стѣнахъ католическаго храма и долгое время развивались подъ исключительнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Въ первоначальномъ своемъ видѣ мистеріи входили въ составъ богослуженія; самое названіе ихъ происходитъ отъ латинскаго „ministerium“, т.-е. служба. Назначеніемъ ихъ было служить наглядной иллюстраціей къ евангельскому тексту, поясняющей народу то, что, благодаря употребленію латинскаго языка въ богослуженіи, не было ему вразумительно. Въ средніе вѣка была въ большомъ ходу такъ называемая „Библія бѣдныхъ“ (Biblia pauperum), состоявшая изъ однѣхъ картинъ безъ текста и назначавшаяся для „бѣдныхъ духомъ“, т.-е. неграмотныхъ, необразованныхъ людей. Картины должны были, хотя отчасти, вознаградить ихъ за невозможность читать Св. Писаніе. Приблизительно такую же цѣль преслѣдовала литургическая драма, вставлявшаяся въ богослуженіе и пояснявшая его для людей „бѣдныхъ духомъ“, т. е. не понимавшихъ латинскаго языка. Прослѣдимъ первые зачатки подобной драмы.

Праздничное богослуженіе въ средніе вѣка, въ особенности на Рождество и Пасху, отличалось необыкновенною торжественностью и великолѣпіемъ. Обычный чинъ службы казался недостаточнымъ въ праздникъ; его старались продолжить и осложнить особенными пріуроченными къ празднику священными пѣснями, гимнами, чтеніями. Такія праздничныя вставки, называвшіяся „тропами“, послужили главнымъ зерномъ, изъ котораго выросла богослужебная мистерія. Причиной этого было то, что тропы мало-по-малу стали пріобрѣтать характеръ драматическій. Праздничное чтеніе нерѣдко являлось въ формѣ драматическаго діалога, въ которомъ участвовало нѣсколько лицъ; отсюда былъ одинъ шагъ до мысли сопровождать такое чтеніе, для большой наглядности, соотвѣтствующимъ дѣйствіемъ. Во время пасхальнаго богослуженія, какъ только священникъ, читавшій Евангеліе, доходилъ до того мѣста, гдѣ разсказывается, какъ жены - мvроносицы отправились ко гробу Спасителя, двое клериковъ, одѣтыхъ въ костюмъ мvроносицъ, на-

правлялись къ плащаницѣ, около которой стоялъ священникъ, въ бѣломъ хитонѣ, изображавшій ангела. Между ними происходилъ діалогъ, заимствованный цѣликомъ изъ Евангелія. *Ангелъ*. Кого ищете въ гробницѣ, христолюбивыя жены? *Жены-мироносицы*. Іисуса Назарея распятаго, о небожитель! *Ангелъ*. Его здѣсь нѣтъ, Онъ воскресъ въ третій день, какъ предсказалъ, идите и возвѣстите о Его воскресеніи.—Послѣ этого жены-мироносицы уходили отъ плащаницы, распѣвая вмѣстѣ со всѣмъ хоромъ „Тебе Бога хвалимъ". Затѣмъ богослуженіе продолжалось обычнымъ порядкомъ. Подобная же драматическая вставка употреблялась и во время церковной службы на Рождество. Ставились за алтаремъ ясли, въ которыя клалось восковое изображеніе младенца; мальчикъ, одѣтый ангеломъ, возвѣщалъ пяти священникамъ, одѣтымъ пастухами, о рожденіи Спасителя словами Евангелія (Лук. II, 10—12); пастухи шли къ яслямъ, распѣвая гимнъ; на вопросъ, кого они ищутъ въ ясляхъ, они отвѣчали: „мы ищемъ Спасителя, Христа и Господа"; тогда имъ показывали младенца, они поклонялись ему и уходили, распѣвая „Аллилуія". Послѣ этого начиналась обѣдня.

Два указанныхъ „тропа" могутъ считаться истинными зародышами пасхальной и рождественской мистеріи. Эти простѣйшія формы литургической драмы стали постепенно осложняться посредствомъ прибавленія новыхъ лицъ и новыхъ событій. Такъ, на Рождествѣ, на ряду съ поклоненіемъ пастуховъ, стали также изображать драматически и поклоненіе волхвовъ, и избіеніе младенцевъ Иродомъ (officium pastorum, officium magorum, ordo Rachelis), а затѣмъ и другія событія, сопровождавшія, согласно евангельскому разсказу, Рождество Христово. Съ теченіемъ времени всѣ эти миніатюрныя драмы слились въ одну, такъ называемую „рождественскую мистерію". Подобнымъ же образомъ составилась и пасхальная мистерія, соединившая въ себѣ всѣ тѣ драматическія вставки, которыя имѣли мѣсто въ пасхальномъ богослуженіи.

Итакъ, въ начальный періодъ своего существованія (X—XI вв.), мистерія была составною частью праздничнаго богослуженія на Рождество и на Пасху. Она исполнялась въ церкви священниками и причтомъ на латинскомъ языкѣ и носила строго-религіозный характеръ. Возникнувъ въ церкви, подъ крыломъ духовенства, преслѣдовавшаго цѣли назиданія и нагляднаго поученія, эта христіанская драма ревниво оберегалась отъ всякаго соприкосновенія съ мірскою, свѣтскою жизнью. Тѣмъ не менѣе сохранить навсегда

свой строго-религіозный характеръ мистерія не могла: чѣмъ популярнѣе она становилась у падкаго до зрѣлищъ народа, тѣмъ болѣе ей приходилось невольно подчиняться народнымъ вкусамъ и требованіямъ. Въ теченіе XII и XIII столѣтій мистерія все болѣе и болѣе отступаетъ отъ прежняго строго-религіознаго типа и, порывая съ богослуженіемъ, стремится сдѣлаться свѣтскимъ зрѣлищемъ. Вмѣсто латинскаго языка мистеріи стали мало-по-малу писаться на языкѣ народномъ; вмѣсто церкви стали разыгрываться сначала на паперти, а затѣмъ около церкви въ предѣлахъ церковной ограды, при чемъ исполнителями являлись уже не одни духовныя лица, какъ прежде, но и свѣтскіе любители изъ горожанъ и другихъ классовъ общества. Подъ вліяніемъ сближенія съ народною жизнью, мистерія стала допускать въ свою область свѣтскія пѣсни и эпизоды комическаго содержанія, которые съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе развивались. Свобода поэтическаго творчества, стѣсненная въ литургической мистеріи узкими рамками разъ навсегда опредѣленныхъ текстовъ, начала заявлять свои права. Уже въ XII в. въ мистеріи „Адамъ“ мы видимъ попытку объяснить поступки дѣйствующихъ лицъ психологическими мотивами, самостоятельно нарисовать и оттѣнить характеры; художественный инстинктъ начинаетъ вторгаться въ мистерію, и изъ сухихъ и блѣдныхъ перечней библейскихъ фактовъ онѣ стремятся сдѣлаться живыми и свободными произведеніями искусства. Къ сожалѣнію, далѣе робкихъ попытокъ въ этомъ направленіи мистеріи не пошли.

Въ третій періодъ своего существованія (XIV и XV вв.) мистеріи порываютъ окончательно всякую связь съ богослуженіемъ. Перешагнувъ черезъ церковную ограду, онѣ разыгрываются на улицахъ и площадяхъ, въ самомъ центрѣ городской шумной жизни, и становятся любимѣйшимъ общенароднымъ зрѣлищемъ.

Такова была исторія мистерій до того момента, къ которому относится нашъ разсказъ.

Ветхозавѣтная драма.

Между тѣмъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ“ окончилъ вступительную рѣчь, богатую назиданіемъ и поучительностью и пригласилъ всѣхъ присутствующихъ помолиться передъ началомъ богоугоднаго дѣла. Всѣ зрители и актеры, обнаживъ головы, опустились на колѣни и благоговѣйно прослушали пропѣтую три раза хоромъ „ангеловъ“, подъ аккомпаниментъ органа, флейтъ и арфы, молитву „Ave Maria“. Лишь только замерли въ воздухѣ послѣдніе звуки величественной церковной музыки, режиссеръ, еще разъ

убѣдительнѣйше попросивъ зрителей соблюдать тишину и спокойствіе, подалъ знакъ актерамъ начинать дѣйствіе.

Передъ глазами зрителей стали проходить лица и событія Ветхаго Завѣта, представлявшія необходимой прологъ къ грандіознѣйшей христіанской драмѣ Искупленія рода человѣческаго Сыномъ Божіимъ. Адамъ и Ева блаженствуютъ въ раю, наслаждаясь первыми впечатлѣніями бытія. Но врагъ человѣческаго рода, сатана, не дремлетъ и придумываетъ средства погубить первыхъ людей. Темныя адскія силы торжествуютъ надъ беззащитною четою: грѣхопаденіе совершилось. Нѣтъ словъ, чтобы выразить глубину раскаянія прародителей. Но божественное правосудіе должно торжествовать: прародители изгнаны изъ рая и устами Создателя имъ произнесенъ строгій и неумолимый приговоръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дана и надежда, что грѣхопаденіе будетъ искуплено Сыномъ Божіимъ. Далѣе быстро мелькаютъ главные факты ветхозавѣтной исторіи: Каинъ убиваетъ Авеля, Ной спасается отъ потопа, Авраамъ приноситъ въ жертву Исаака, Моисей выводитъ евреевъ изъ Египта и получаетъ отъ Бога на горѣ Синаѣ заповѣди и т. д. Въ теченіе 3—4-хъ часовъ были представлены событія нѣсколькихъ тысячелѣтій. Въ заключеніе ветхозавѣтной исторіи на сценѣ была изображена „Процессія пророковъ“. Одинъ за другимъ: Валаамъ на ослицѣ, Давидъ, Исаія, Іеремія, Аввакумъ, Даніилъ и др.; каждый изъ нихъ произносилъ пророчество о пришествіи Мессіи. Въ числѣ „пророковъ“ фигурировалъ римскій поэтъ Виргилій, пользовавшійся въ средніе вѣка репутаціей чародѣя и предсказателя, а также и древне-римская волшебница Сивилла.

Около 12 часовъ дня утреннее представленіе окончилось. Послѣ краткаго эпилога, режиссеръ предложилъ всѣмъ идти пообѣдать и затѣмъ вернуться на продолженіе мистеріи. Одни отправились домой, другіе, боясь потерять мѣсто, наскоро поѣли тутъ же на площади, пользуясь услугами безчисленныхъ продавцевъ, обступившихъ со всѣхъ сторонъ площадь со всевозможными припасами и напитками.

Рождество Христово.

Во второмъ часу дня представленіе возобновилось. Прежде всего зрители присутствовали при „райскомъ преніи“ (Procès du paradis) между аллегорическими фигурами Истины, Правосудія, Милосердія и Мира. Первыя двѣ приходятъ къ престолу Бога и требуютъ примѣрнаго наказанія человѣческому роду за грѣхопаденіе прародителей, но Милосердіе и Миръ заступаются за человѣчество и молятъ о помилованіи людей. Обѣ стороны вступаютъ

въ споръ, который оканчивается обѣщаніемъ Бога послать въ міръ Искупителя, который принесетъ себя въ жертву за грѣхи людей и тѣмъ удовлетворитъ божественное правосудіе. Въ знакъ примиренія Истина и Правосудіе лобызаются съ Милосердіемъ и Миромъ. Въ средніе вѣка существовали особенныя пьесы аллегорическаго характера, называвшіяся *моралитé* (moralité); въ XV в. онѣ часто входили въ составъ мистерій, какъ въ данномъ случаѣ. На средневѣковой сценѣ время летѣло съ изумительною быстротою. Поэтому едва успѣло прозвучать божественное слово объ искупленіи, какъ зрители уже присутствуютъ при исполненіи обѣщанія. Драматизируется сначала Рождество Богородицы и Благовѣщеніе, а затѣмъ Рождество Христово; виѳлеемскіе пастухи идутъ поклониться Новорожденному; волхвы приносятъ свои дары; Иродъ издаетъ повелѣніе объ избіеніи младенцевъ, которое немедленно и совершается, а Іосифъ съ Маріей успѣваютъ спастись въ Египетъ; вотъ уже Христу 12 лѣтъ, и онъ приводитъ всѣхъ въ изумленіе толкованіемъ Св. Писанія въ Іерусалимскомъ храмѣ. Адъ, между тѣмъ, въ отчаяніи: дьяволы со злости терзаютъ другъ друга, къ великой радости благочестивыхъ слушателей. Въ заключеніе перваго дня представленія на особыхъ подмосткахъ, поставленныхъ на колеса и придвинутыхъ къ главной сценѣ, былъ разыгранъ фарсъ, сочиненный „краснорѣчивѣйшимъ и ученѣйшимъ докторомъ теологіи“, который оказался далеко не лишеннымъ комическаго дара и сатирической жилки. Въ фарсѣ были выведены смѣшныя сцены городской жизни, при чемъ не было недостатка въ сатирическихъ намекахъ на всѣмъ извѣстныхъ личностей. Единодушный хохотъ публики свидѣтельствовалъ о томъ, что фарсъ пришелся по вкусу.

Шелъ уже седьмой часъ вечера, и обращенный къ публикѣ совѣтъ режиссера позаботиться объ ужинѣ былъ какъ нельзя болѣе умѣстенъ. Народъ сталъ шумно расходиться съ площади, оживленно разговаривая о полученныхъ впечатлѣніяхъ. Вся ночь прошла въ лихорадочномъ возбужденіи; музыка и пѣніе не прекращались; почти никто не спалъ. Едва разсвѣло, какъ народъ уже потянулся на знакомую намъ площадь.

Миракли. Въ Духовъ день, по примѣру предыдущаго, были также назначены два представленія: до и послѣ обѣда. Утреннее представленіе началось по обычаю въ семь часовъ утра и было посвящено изображенію земной жизни Іисуса Христа отъ крещенія и до момента, когда Богочеловѣкъ былъ преданъ Іудою. Не довольствуясь раз-

сказомъ четырехъ Евангелистовъ, авторъ мистеріи обставилъ главное дѣйствіе массой подробностей, заимствованныхъ изъ богатаго средневѣковаго запаса легендъ и апокрифовъ. Зрители питали истинную страсть ко всему необыкновенному. Съ XIII в. во Франціи пользовались популярностью пьесы, сюжетомъ которыхъ служило чудо, совершенное какимъ-нибудь святымъ или Божіей Матерью. Такія пьесы назывались *мираклями* (отъ латин. miraculum, т.-е. чудо). Вотъ почему въ мистеріи съ особенною обстоятельностью изображались чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ: исцѣленіе слѣпорожденнаго, воскрешеніе Лазаря и др. Подобные эпизоды давали болѣе простора личному творчеству автора какъ въ рисовкѣ характеровъ, такъ и въ изображеніи дѣйствительной жизни. Наиболѣе священныя лица, какъ Христосъ и апостолы, изображались двумя-тремя традиціонными чертами, недостаточными для индивидуальнаго различія. Характеристики были крайне слабы: это были не живыя лица, а блѣдные силуэты, напоминавшіе безжизненные и безцвѣтные барельефы въ средневѣковыхъ храмахъ. Напротивъ того, въ изображеніи лицъ не священныхъ или окруженныхъ меньшимъ ореоломъ святости мы находимъ гораздо болѣе жизни и красокъ. Характеристики Маріи Магдалины, Марѳы, Іуды и Пилата принадлежали къ числу наиболѣе удачныхъ. Понятно, что всѣ эти лица далекаго прошлаго являлись въ современной автору средневѣковой оболочкѣ, дававшей возможность рисовать современную жизнь и современные нравы. Питая страсть къ чудесному и сверхъестественному, средневѣковая публика въ то же время желала видѣть на сценѣ воспроизведеніе собственнаго быта и обстановки во всѣхъ ея мелкихъ реальныхъ подробностяхъ. Соединеніе чудесности съ грубымъ реализмомъ, безудержнаго полета фантазіи съ рабскимъ копированіемъ дѣйствительности составляетъ одну изъ типичнѣйшихъ чертъ средневѣковаго театра.

Страсти.

Посвятивъ много мѣста эпизодамъ объ обращеніи Маріи Магдалины и воскрешеніи Лазаря, подавшимъ поводъ къ нѣсколькимъ сценамъ черезчуръ, можетъ быть, мірского характера, авторъ вернулся къ болѣе строгому тону въ изображеніи Входа Господня въ Іерусалимъ. Приближается время Страстей, и настроеніе зрителей становится серьезнѣе и вдумчивѣе. Іуда рѣшается предать Спасителя и входитъ въ заговоръ съ первосвященниками Анной и Каіафой. Отряжается нѣсколько воиновъ, чтобы схватить Христа. Между тѣмъ, происходитъ Тайная вечеря; Христосъ открываетъ тайну о предстоящихъ Ему страданіяхъ; Божія Матерь трогательно

умоляетъ Божественнаго сына отклонить отъ себя „чашу сію“. Идя по слѣдамъ своего талантливаго предшественника, Арнуля Гребана, нашъ авторъ сумѣлъ въ этой сценѣ раскрыть всю глубину материнскаго любвеобильнаго сердца, всю нѣжность женской любящей души. Безутѣшно звучатъ отвѣты Спасителя, говорящіе о неизбѣжной необходимости пострадать за грѣхи людей. Богоматерь умоляетъ Сына отсрочить, по крайней мѣрѣ, крестную смерть и смягчить ужасы предстоящихъ страстей. Но все должно совершиться по волѣ Всевышняго. Эта сцена, исполненная трагическаго величія и задушевнаго лиризма, взволновала и потрясла зрителей до глубины души; у многихъ на глазахъ виднѣлись слезы.

Послѣ обычнаго перерыва для обѣда, всѣ вновь стали слѣдить, затаивъ дыханіе, за дальнѣйшимъ ходомъ божественной драмы. Богочеловѣкъ въ рукахъ враговъ. Допросъ Христа и судъ изображается согласно Евангельскому разсказу; раскаяніе и самоубійство Іуды, напротивъ того, окружаются цѣлымъ рядомъ легендарныхъ сказаній. Слѣдуетъ сцена бичеванія, представляемая съ мельчайшими, нерѣдко возмущающими душу подробностями, какъ и всѣ другія мученія Христа, въ созерцаніи которыхъ средневѣковая публика, привыкшая къ зрѣлищу физическихъ страданій и кровопролитія, находила какое-то болѣзненное наслажденіе. Печальное, удручающее впечатлѣніе отъ этихъ сценъ еще болѣе усиливается грубыми шутками палачей, бывшихъ одними изъ главныхъ представителей комическаго элемента въ мистеріяхъ. Смѣшеніе высокотрагическаго съ грубо-комическимъ составляетъ главную особенность средневѣковой мистеріи, рѣзко отличающую ее отъ драмы античной и ложно-классической.

Изображеніемъ крестной смерти Спасителя закончился второй день представленія. Когда зрители стали расходиться, пошелъ дождь, не перестававшій всю ночь и почти весь слѣдующій день. По этому случаю представленіе, происходившее подъ открытымъ небомъ, не могло состояться. Только къ самому вечеру, когда небо очистилось отъ тучъ, былъ разыгранъ веселый фарсъ, которымъ „краснорѣчивѣйшій и ученѣйшій докторъ“ разсчитывалъ поднять настроеніе народа, начавшаго приходить въ уныніе.

Затянувшееся благодаря дождю представленіе мистеріи было окончено утромъ въ четвертый день. Передъ глазами зрителей — Христосъ, висящій на крестѣ, а подлѣ Божія Матерь и Св. Іоаннъ, горько оплакивающіе кончину Сына Божія. Слѣпой сотникъ Лонгинъ прозрѣваетъ, коснувшись копьемъ ребра Іисуса. Послѣ этого

чуда дѣйствіе вновь принимаетъ аллегорическій характеръ: Св. Церковь и Синагога оспариваютъ другъ у друга власть надъ міромъ, побѣда остается за Св. Церковью. Слѣдуетъ снятіе со креста, положеніе во гробъ и погребеніе Спасителя. Ко гробу поставлена стража. Но вотъ хоръ ангеловъ возвѣщаетъ о воскресеніи Христа. Сатана и Вельзевулъ укрѣпляютъ свои владѣнія; но Христосъ нисходитъ въ адъ и выводитъ оттуда души праведныхъ. Вознесеніемъ Христа на небо закончилась грандіозная мистерія.

Режиссеръ вновь вышелъ на сцену и обратился къ зрителямъ съ заключительною рѣчью, которая, подобно прологу, представляла изъ себя длиннѣйшую проповѣдь, обильно уснащенную цитатами изъ Св. Писанія. Затѣмъ всѣ присутствовавшіе пропѣли „Тебе Бога хвалимъ“.

Фарсъ о Пателенѣ.

Но этимъ не все еще кончилось. Послѣ обѣда было назначено представленіе фарса. Попрежнему была придвинута къ сценѣ подвижная платформа, и на ней былъ сыгранъ фарсъ о Пателенѣ, который ученѣйшій докторъ теологіи приберегъ для конца. Вотъ, что увидѣли напослѣдокъ жители.

Адвокатъ Пателенъ бесѣдуетъ со своей женой Гильметой о печальномъ положеніи дѣлъ: кліентовъ нѣтъ и жить нечѣмъ; нѣтъ даже приличнаго платья, чтобы показаться въ люди. Но нужда острить разумъ: въ головѣ пройдохи быстро составляется планъ ловкой мошеннической продѣлки. Вотъ уже онъ стучится въ дверь къ купцу Гильому, торгующему сукнами. Первымъ долгомъ хитрецъ освѣдомляется о здоровьѣ „почтеннѣйшаго“ хозяина, перебираетъ всю его родню, расточая ей похвалы, и съ особеннымъ чувствомъ говоритъ объ его отцѣ, на котораго Гильомъ похожъ, „какъ двѣ капли воды“. Со старикомъ они, вѣдь, были первые пріятели! То-то былъ добрый человѣкъ! (Пателенъ и въ глаза его не видѣлъ.) Слово за слово, и почва для дальнѣйшихъ дѣйствій подготовлена. Между тѣмъ, Пателенъ успѣлъ уже высмотрѣть штуку отличнѣйшаго брюссельскаго сукна. Какъ будто невзначай протягиваетъ онъ къ ней руку—начинаетъ разсыпаться въ похвалахъ ея изумительнымъ качествамъ, искусно перемѣшивая ихъ съ восхваленіемъ покойнаго старика. Поторговавшись изъ приличія (за сукно онъ рѣшилъ не платить ни су), Пателенъ проситъ отрѣзать отъ куска, сколько нужно на костюмъ ему и женѣ. Сукно отрѣзано и завернуто; настаетъ самый критическій моментъ: надо платить деньги. Чтобы выйти изъ затрудненія, Пателенъ начинаетъ распространяться о прелести истинной дружбы, въ родѣ той, какая была

у него съ отцомъ Гильома. Онъ хотѣлъ бы и съ сыномъ поддерживать такія же дружественныя отношенія; отчего бы Гильому сегодня же не прійти къ нему на обѣдъ: жена жаритъ жирнаго гуся, да и винцо у него недурное; кстати они тамъ разсчитаются и за сукно. Перспектива пообѣдать на чужой счетъ побѣждаетъ нерѣшительность Гильома, такъ какъ онъ былъ человѣкъ разсчетливый. Онъ придетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ захватитъ и купленное Пателеномъ сукно. Но Пателенъ не можетъ допустить, чтобы такой почтенный человѣкъ затруднялъ себя тяжелой ношей; со сверткомъ сукна подъ мышкой онъ уходитъ изъ лавки, не переставая разсыпаться въ любезностяхъ. Гильомъ очень доволенъ выгодной сдѣлкой: онъ порядочно надулъ Пателена въ цѣнѣ, да сверхъ того, пообѣдаетъ и выпьетъ даромъ. Между тѣмъ, Пателенъ, вернувшись домой, составляетъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Придуманная имъ уловка вполнѣ удается. Предвкушая сытный обѣдъ и полученіе денегъ, Гильомъ стучится въ домъ Пателена и, къ удивленію своему, узнаетъ отъ Гильметы, что мужъ ея уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ въ горячкѣ. „Да, вѣдь, онъ только что былъ у меня и купилъ шесть аршинъ сукна“, возражаетъ недовѣрчиво купецъ. „Грѣхъ смѣяться надъ несчастными“, прерываетъ его, всхлипывая, продувная Гильмета: „и бѣдняжка не нуждается въ сукнѣ: скоро ему придется надѣть бѣлый саванъ!“ Гильомъ начинаетъ думать, что не Пателенъ, а кто-нибудь другой сыгралъ съ нимъ злую шутку, а, можетъ быть, все это ему только приснилось. Онъ уходитъ домой, чтобы вновь смѣрить штуку сукна. Убѣдившись, что шести аршинъ дѣйствительно не хватаетъ, онъ, взбѣшенный, возвращается въ домъ Пателена. Послѣдній искусно притворяется, будто бредитъ въ горячкѣ: онъ несетъ невообразимую галиматью, заговариваетъ на всѣхъ французскихъ нарѣчіяхъ и т. д. Оглушенный всѣмъ этимъ, несчастный купецъ убѣгаетъ домой, убѣжденный, что самъ дьяволъ приходилъ къ нему въ лавку въ образѣ Пателена. Дома его ждетъ новое горе: пастухъ Аньеле, которому онъ поручилъ свое стадо, докладываетъ хозяину, что, по волѣ Божіей, всѣ овцы въ стадѣ подохли. Подозрѣвая обманъ, Гильомъ тянетъ пастуха въ судъ. И вотъ Аньеле направляется къ Пателену просить у него защиты. Продувной малый сознается адвокату, что овецъ извелъ онъ самъ: частью распродалъ, частью съѣлъ въ теченіе года. За приличную плату Пателенъ берется защищать пастуха на судѣ и рекомендуетъ ему слѣдующій образъ дѣйствій: онъ долженъ притвориться идіотомъ и на всѣ вопросы отвѣчать

однимъ овечьимъ блеяньемъ. Увидѣвъ на судѣ Пателена, котораго онъ только что оставилъ въ сильнѣйшемъ бреду, Гильомъ совершенно теряетъ голову и перепутываетъ два своихъ иска: Пателена онъ обвиняетъ въ кражѣ овецъ, а пастуха въ присвоеніи шести аршинъ сукна. Согласно инструкціи адвоката, Аньеле на всѣ вопросы судьи отвѣчаетъ овечьимъ блеяньемъ: бе! Ничего не понимая, разсерженный судья прогоняетъ отъ себя и истца, и отвѣтчика. Выигравъ процессъ, Пателенъ напоминаетъ пастуху объ условленной платѣ, но тотъ побиваетъ пройдоху его собственнымъ оружіемъ: на всѣ вопросы о деньгахъ онъ отвѣчаетъ все тѣмъ же „бе“. Одураченный Пателенъ грозитъ позвать полицію. „Попробуй-ка догнать меня сначала“, говоритъ Аньеле и убѣгаетъ.

Когда фарсъ, заставившій публику хохотать отъ души, былъ сыгранъ, наступилъ заключительный актъ колоссальнаго празднества, нѣсколько мѣсяцевъ волновавшаго все населеніе: всѣ участвовавшіе въ представленіи мистеріи, одѣтые попрежнему въ сценическіе костюмы, а также и всѣ зрители направились въ соборъ, чтобы возблагодарить Господа за благополучное окончаніе богоугоднаго и торжественнаго предпріятія.

Таково было значеніе мистерій въ средніе вѣка. Самостоятельно возникнувъ на почвѣ христіанской набожности и возросши подъ вліяніемъ оригинальныхъ условій средневѣковой жизни, онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій средневѣковой культуры.

М. Розановъ.

Рис. 1. Наружный видъ св. Софіи въ Константинополѣ.

XLVIII.

Средневѣковое искусство.

ВИЗАНТІЙСКОЕ ИСКУССТВО.

Условія, при которыхъ зародилось византійское искусство.

Эдиктомъ 312 года христіанству, дотолѣ гонимому, Константинъ даровалъ полную свободу вѣроисповѣданія. 16 лѣтъ спустя, въ 328—9 году, тотъ же императоръ рѣшился основать новую христіанскую столицу и остановилъ свой выборъ на Византіи. По по-

Пособія: *Strzygowski, J.*, Die Byzantinische Kunst въ Byzantinishe Zeitschrift 1892, 1. *Кондаковъ Н.*, Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей. *Байе*, Византійское искусство (изъ Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts). *Schnaase, C.*, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage, III Bd. Статьи Ѳ. Буслаева и Г. Филимонова въ Сборникѣ Общества Древнерусскаго искусства за 1866 г. Чтеніе А. Поливанова—въ Педагогическомъ Сборникѣ 1890, № 3.

велѣнію императора, римскіе художники украсили ее великолѣпными палатами, форумами, фонтанами, цирками, театрами, храмами, а богатые греческіе города для украшенія новой столицы отдали все, что только оставалось въ нихъ изъ античной скульптуры. Сюда были свезены лучшія статуи, изображавшія боговъ и героевъ классической древности. Эти два событія—дарованіе свободы исповѣданія и перенесеніе столицы на почву древней Эллады, ближе къ Востоку—имѣли большое значеніе для развитія христіанскаго искусства. Первое—дало ему возможность развиваться во всей полнотѣ

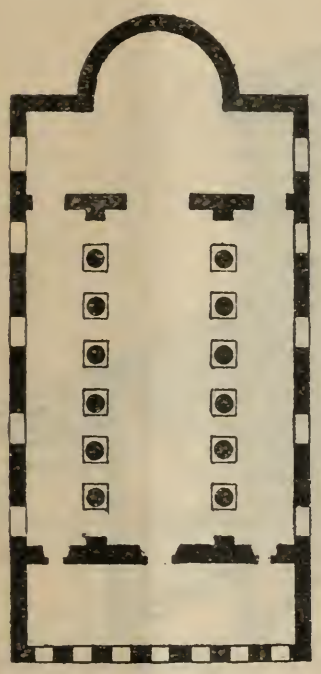


Рис. 2. Планъ гражданской базилики.

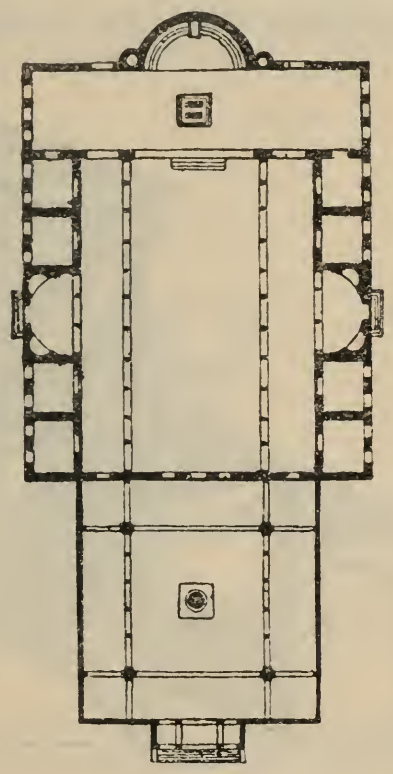


Рис. 3. Планъ христіанской базилики.

и свободѣ, второе—обусловило характеръ его развитія. Въ Византіи, въ преддверіи Востока, въ новой столицѣ, гдѣ христіанскіе догматы получили законченное развитіе и сохранились непрерывно греко-римскія художественныя преданія и вкусъ, создались впервые для воплощенія христіанскихъ идей своеобразныя новыя христіанскія формы, наиболѣе совершенныя въ архитектурѣ и живописи и менѣе удачныя въ скульптурѣ.

Формы архитектуры: базилика и центрально-купольный храмъ.

Не имѣя готовыхъ формъ, въ самомъ началѣ христіанская архитектура должна была обратиться, естественно, къ формамъ языческимъ. Образцомъ для первыхъ своихъ храмовъ она взяла базилику, зданіе, предназначенное для суда и торговыхъ сдѣлокъ,

по своей величинѣ наиболѣе подходившее къ цѣли христіанскаго храма, долженствующаго быть мѣстомъ собранія вѣрующихъ (рис. 2). Но, заимствовавъ основную форму, она значительно измѣнила ее, приспособивъ ее къ потребностямъ христіанскаго богослуженія (рис. 3). Эта измѣненная базилика представляла продолговатое четыреугольное зданіе, раздѣленное рядами колоннъ вдоль на 3 или 5 частей—кораблей (рис. 4). Болѣе широкій средній корабль, возвышаясь нѣсколько надъ боковыми, освѣщалъ внутренность рядомъ оконъ, помѣщенныхъ въ верхней части стѣны. Пристроенный къ поперечной стѣнѣ для трибунала судьи, выступъ, абсида, по-

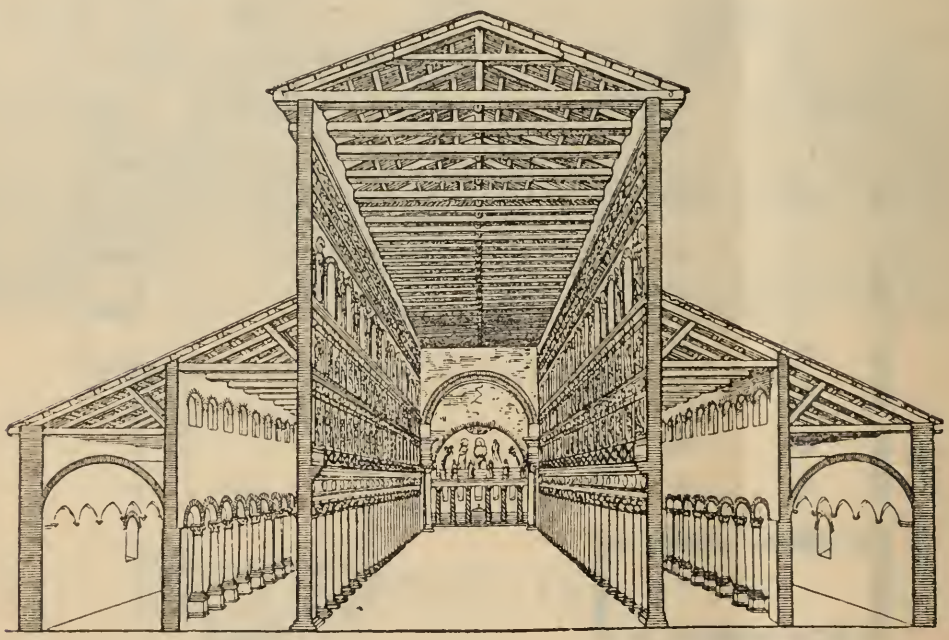


Рис. 4. Внутренній видъ базилики св. Петра въ Римѣ въ разрѣзѣ.

служилъ мѣстомъ для христіанскаго алтаря. Боковые корабли были назначены одинъ—для мужчинъ, другой—для женщинъ. Къ собственно храму съ западной стороны примыкалъ притворъ, нартексъ, для кающихся и оглашенныхъ, а къ нему обнесенный галлереею четыреугольный дворъ, атрій, съ водоемомъ посрединѣ для священныхъ омовеній. Когда послѣ явленія креста на небѣ Константину и обрѣтенія Еленою креста, на которомъ пострадалъ Спаситель, крестъ повсемѣстно сдѣлался предметомъ почитанія, базилика черезъ прибавленіе поперечнаго корабля получила новую, болѣе христіанскую форму, форму продолговатаго (латинскаго) креста. Длинныя залы базилики были покрыты первоначально плоскимъ

потолкомъ, а позднѣе—идущимъ во всю длину сводомъ. Рядомъ съ этими церквами базиличной формы была попытка создать, по образцу римской ротонды, согласно съ потребностями христіанскаго богослуженія, храмы, увѣнчанные куполомъ, гдѣ, въ противоположность длинной базиликѣ, всѣ главныя части группировались около центральнаго пункта (рис. 5). Круглые или восьмиугольные храмы, покрытые куполомъ, въ эпоху Константина и его ближайшихъ преемниковъ, появляются на ряду съ базиликами одинаково какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Въ IV-мъ вѣкѣ одинъ общій стиль господствовалъ отъ одного конца имперіи до другого. Но съ теченіемъ времени, съ большимъ отдѣленіемъ западной половины отъ восточной, эта общность слабѣетъ. По смерти Ѳеодосія, византійская

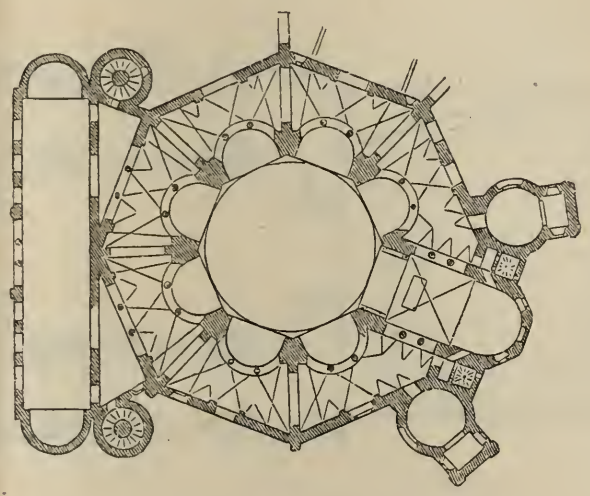


Рис. 5. Планъ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

половина примыкаетъ ближе къ сосѣднему Востоку, съ которымъ, кромѣ обширной торговли, связывали ее азіатскія провинціи, далеко превосходившія европейскія богатствомъ и блескомъ цивилизаціи. И въ то время, какъ на западѣ несчастія, постигавшія имперію въ IV и V вѣкахъ, отвлекали умы отъ художественныхъ заботъ, въ этой восточной ея части болѣе спокойныя обстоятельства благопріятствовали развитію искусства. Вмѣсто того, чтобы воспроизводить однѣ и тѣ же формы, византійскіе архитекторы не перестаютъ видоизмѣнять и усовершенствовать ранѣе принятые планы базиликъ, пробуютъ разрѣшать разнообразными средствами задачу соединенія купола не только съ круглымъ или восьмиугольнымъ основаніемъ, но берутся за разрѣшеніе гораздо болѣе трудной задачи—соединенія купола съ четыреугольнымъ основаніемъ храма.

Св. Софія.

Эта задача была разрѣшена блестящимъ образомъ въ храмѣ св. Софіи, воздвигнутомъ въ VI вѣкѣ, въ царствованіе Юстиніана, въ Константинополѣ (рис. 6).

Строителями этого храма были технически и эстетически образованные архитекторы, наслѣдники античной цивилизаціи, Исидоръ изъ Милета и Анѳимій изъ Траллеса — оба изъ тѣхъ азіатскихъ провинцій, въ которыхъ архитектура въ IV и V вв. развивалась съ наибольшею оригинальностью. Эти два строителя гармонично сумѣли сочетать элементы восточные, античные и христіанскіе, и создали настоящій христіанскій храмъ, который положилъ рѣзкую грань между языческой и христіанской архитектурой и разъ почти навсегда со всею полнотою опредѣлилъ восточный типъ

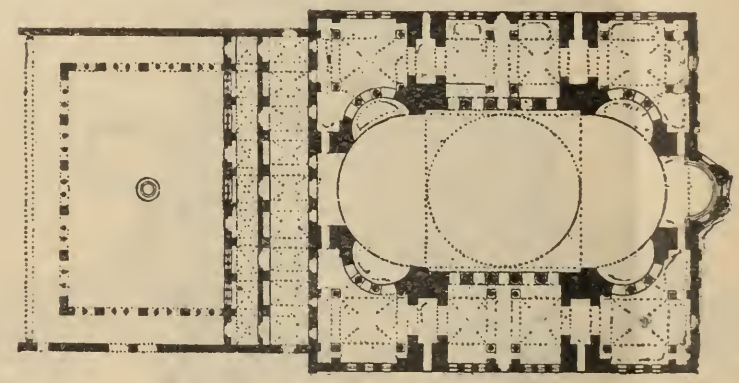


Рис. 6. Планъ св. Софіи въ Константинополѣ.

центрально-купольный, въ противоположность типу базиличному, съ этого времени окончательно утвердившемуся на Западѣ.

Внѣшность св. Софіи, даже куполъ, при всей грандіозности и смѣлости своей конструкціи, не производитъ особеннаго впечатлѣнія (рис. 1). Нужно войти внутрь храма, чтобы понять всю его оригинальность и великолѣпіе.

Входя въ св. Софію съ западной стороны, мы проходимъ атрій, обнесенный съ трехъ сторонъ колоннадой, а четвертою стороной примыкающій къ самому зданію, и, минуя водоемъ посрединѣ двора, чрезъ бронзовыя двери вступаемъ въ первый притворъ для кающихся, менѣе, чѣмъ другія части храма, украшенный. Пять роскошныхъ дверей ведутъ отсюда во второй, также продолговатый, но болѣе просторный нартексъ, который покрытъ сводомъ и украшенъ пестрымъ мраморомъ и мозаиками. Здѣсь раздѣляется

Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ

СВ. СОФІЯ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

путь женщинъ и мужчинъ: первыя по лѣстницѣ поднимаются въ назначенный для нихъ верхній ярусъ, а мужчины могутъ вступить черезъ 9 широкихъ и высокихъ дверей во внутренность храма (см. табл. I). Входящихъ встрѣчаетъ громадное открытое квадратное пространство среди четырехъ крѣпкихъ столбовъ; эти столбы связаны наверху четырьмя мощными дугами, а на нихъ покоится круглый карнизъ, надъ которымъ непосредственно и безъ подставки поднимается величественно, какъ бы вися въ воздухѣ, необъятный куполъ, имѣющій форму почти полушара, пронизанный 40 окнами при основаніи и весь залитый свѣтомъ. Съ востока и запада примыкаютъ къ этому центральному квадрату полукруглыя большія

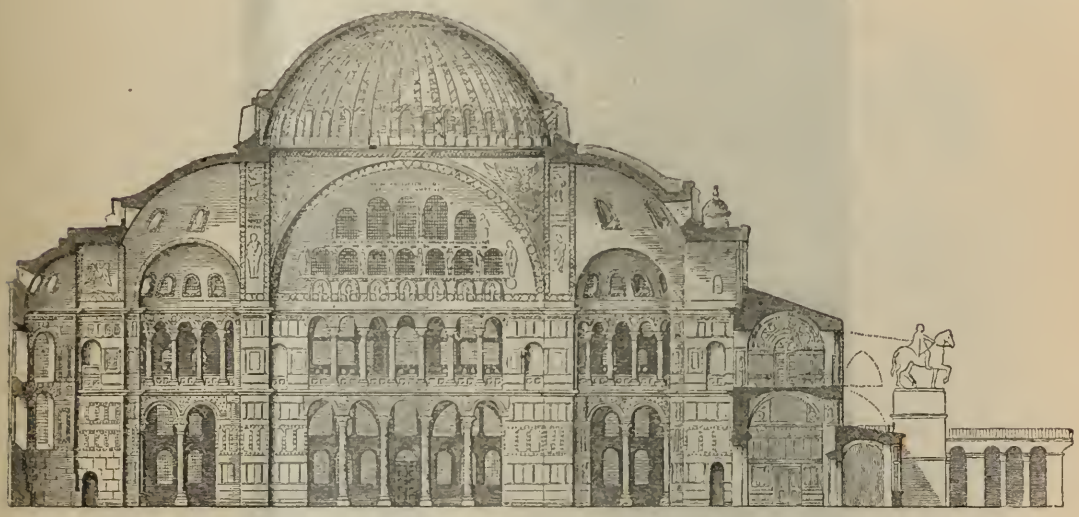


Рис. 7. Внутренній видъ св. Софіи (въ разрѣзѣ съ востока на западъ).

абсиды, покрытыя полукуполомъ. Въ восточной большой абсидѣ, въ глубинѣ противъ входа, выступаютъ еще три малыхъ абсиды, покрытыя также полукуполами, такія же двѣ полукупольныя малыя абсиды находятся въ западномъ большомъ полукружьѣ, которое примыкаетъ прямо къ нартексу и соединяется съ нимъ входными дверями. Справа и слѣва отъ входа, по сторонамъ сѣверной и южной, тянутся два ряда громадныхъ колоннъ, связанныхъ арками, на нихъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающія своды другими рядами величественныхъ арокъ (рис. 7). Эти ряды колоннъ отдѣляютъ отъ главнаго средняго корабля, покрытаго куполомъ, два крытые сводами болѣе низкіе корабля, раздѣленные на два этажа, изъ которыхъ верхній назывался гинекеемъ, такъ какъ былъ предназначенъ для женщинъ.

Впечатлѣніе разнообразно и художественно составленной постройки увеличивалось еще богатыми и блестящими украшеніями, безъ которыхъ не было оставлено ни одного мѣста. Темные стержни свезенныхъ отовсюду изъ античныхъ построекъ мраморныхъ колоннъ вѣнчаютъ напоминающія опрокинутую усѣченную пирамиду капители, окутанныя тончайшей филигранной рѣзьбой изъ бѣлаго мрамора (рис. 8). Эти бѣлыя капители и арки со сквозною вырѣзкой

Рис. 8. Капитель колонны св. Софіи.

выдѣляются на темномъ фонѣ, словно серебряныя. Своды абсидъ, полукуполовъ и купола заняли огромныя величественныя фигуры Христа, Богоматери, апостоловъ, херувимовъ, на золотомъ или синемъ фонѣ. Все, что могъ придумать пышный Востокъ,—все было употреблено въ изобиліи для украшенія храма. Но, несмотря на это излишество дорогихъ матеріаловъ, несмотря на все разнообразіе мраморовъ и камней всякаго цвѣта, нѣтъ непріятнаго впечатлѣнія пестроты: надъ роскошью Востока царитъ здѣсь гармоничный эллинскій вкусъ.

Но не блескъ матеріала, не исполненіе деталей давало то не-

отразимое впечатлѣніе, которое испытывали всѣ вступающіе въ храмъ. Общность зданія такъ могущественно поглощаетъ все, что нужно сильно напрячь вниманіе, чтобы замѣтить всю прелесть отдѣльныхъ деталей. Это впечатлѣніе общности, единства, грандіозности, величія, даетъ господствующій надъ всѣмъ куполъ (см. табл. I). При созданіи св. Софіи были приняты въ расчетъ два теченія, которыя доселѣ руководили церковнымъ зодчествомъ. Съ одной стороны, желали базилики, удобной для вмѣщенія множества вѣрующихъ, съ длинными кораблями, идущими и устремляющими взоръ

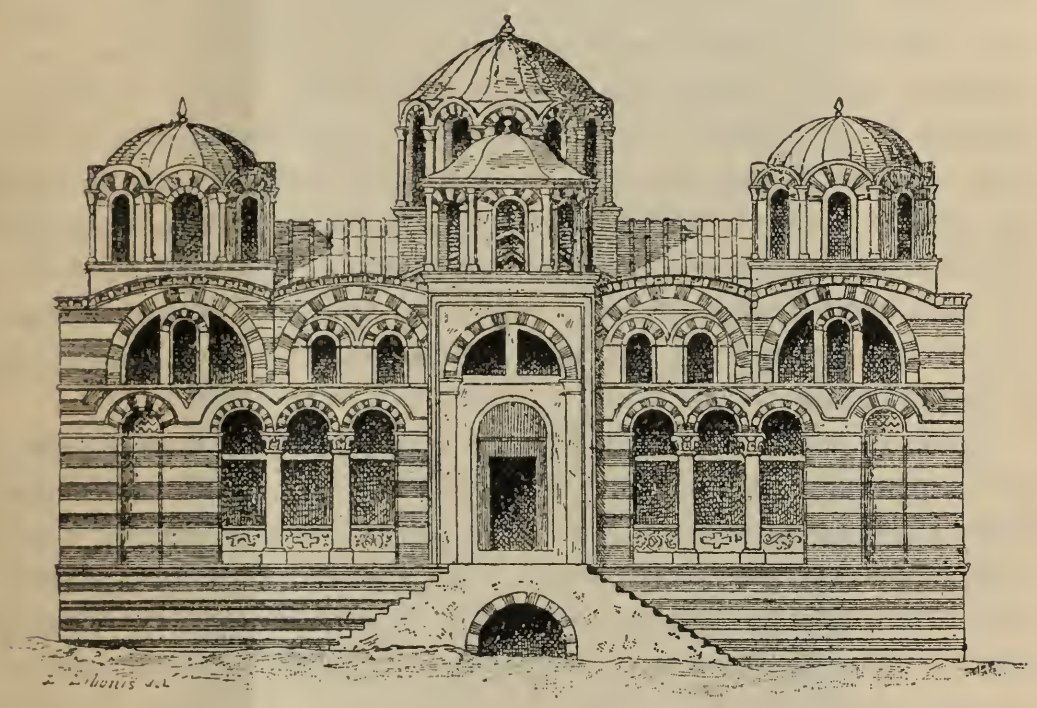


Рис. 9. Фасадъ церкви Теотокосъ въ Константинополѣ.

къ алтарю. Съ другой стороны, стремленіе художниковъ, свѣтскихъ и духовныхъ владыкъ направлялось къ тому, чтобы въ храмѣ было достигнуто впечатлѣніе поражающаго, мощнаго, всеобъемлющаго единства. Въ св. Софіи была дана впервые форма, которая, сколько возможно, слила преимущества базилики и центрально-купольнаго зданія. Громадный средній корабль ведетъ и влечетъ къ алтарю, а величественный куполъ, подчиняющій себѣ всѣ полукуполы, ниши и дуги, даетъ впечатлѣніе величія и единства.

Съ окончаніемъ этого громаднаго сооруженія архитектура христіанскаго Востока получила свой образецъ. Съ тѣхъ поръ до конца XII в. на Востокѣ нельзя указать ни одного храма въ видѣ ба-

зилики. Концентрическія постройки съ куполами на столбахъ множатся самыми разнообразными формами какъ въ планахъ, такъ и въ фасадахъ. Но при всемъ разнообразіи онѣ подчинены однимъ и тѣмъ же выработавшимся условіямъ расположенія. Квадратъ съ вписаннымъ равноконечнымъ (греческимъ) крестомъ въ планѣ, увѣнчанный посрединѣ куполомъ на четырехъ крѣпкихъ столбахъ, ограниченный со стороны алтаря полукруглой абсидой, а съ противоположной притворомъ, съ отдѣльнымъ помѣщеніемъ вверху для женщинъ, остался на долгое время принадлежностью восточной церкви.

Дальнѣйшее развитіе формъ византійской архитектуры.

Дальнѣйшее развитіе византійской архитектуры въ послѣ-юстиніановское время ограничивается почти только тѣмъ, что въ церквахъ число куполовъ увеличивается, что куполъ, высоко поднявшись надъ своимъ основаніемъ, получаетъ форму цилиндра, крытаго полусферой, и что на фасадахъ, представлявшихъ прежде одни горизонтальные карнизы, начали выказываться главные своды внутренности церкви (рис. 9). Эти черты характеризуютъ памятники византійской архитектуры преимущественно X столѣтія. Въ XIV в. мы замѣчаемъ возвращеніе къ главнымъ мотивамъ базилики, замѣщеніе византійской круглой арки аркою стрѣльчатою, готическою и мавританской.

Византійская живопись.

Подобно архитектурѣ, живопись и скульптура первоначально для выраженія христіанскихъ идей должна была прибѣгать къ формамъ античнымъ, языческимъ. И въ этихъ двухъ видахъ искусства, чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ больше античныхъ элементовъ, тѣмъ меньше индивидуальности въ изображеніи священныхъ лицъ и событій. Въ искусствѣ первыхъ четырехъ вѣковъ, въ живописи катакомбъ и скульптурѣ саркофаговъ, мы не находимъ ни опредѣлившихся типовъ Христа и Богородицы, ни подробныхъ изображеній евангельскихъ событій. Христосъ изображается юнымъ, безбородымъ, въ видѣ Орфея, играющаго на лирѣ, дивная гармонія которой чаруетъ птицъ и звѣрей, или въ видѣ „добраго пастыря“, несущаго на плечахъ агнца. Когда Христосъ совершаетъ чудеса, воскрешаетъ Лазаря, претворяетъ воду въ вино на бракѣ въ Канѣ, Онъ изображается одинъ, безъ исторической обстановки событій. Это не художественные типы, а символы.

Древне-христіанскій художникъ, хорошо владѣя техникою античнаго искусства, но не умѣя обнять во всей ясности полноту и глубину идей новой религіи, разными символическими намеками хочетъ только навести мысль на предметы, недоступные его изображенію. Съ IV в. восторжествовавшая надъ гоненіями церковь, освободив-

шись отъ мрака катакомбъ, выступаетъ въ блестящихъ мозаичныхъ изображеніяхъ на стѣнахъ громадныхъ храмовъ. Эти изображенія не намекаютъ уже на событія и священныя лица, а напечатлѣваютъ ихъ въ яркихъ образахъ, стремясь къ точнѣйшему, какъ бы историческому воспроизведенію. И по мѣрѣ того, какъ выясняется все подробнѣе содержаніе христіанства, и христіанскія изображенія принимаютъ все болѣе и болѣе точныя, соотвѣтственныя формы. Вмѣсто заимствованія готоваго изъ античнаго искус-

Рис. 10. Изображеніе Юстиніана на мозаикѣ въ церкви св. Аполлинарія въ Равеннѣ.

ства, появляются новыя формы, уже христіанскія. Таковы типы Христа, Богоматери, мучениковъ, апостоловъ, нѣкоторыхъ отцовъ церкви съ ихъ индивидуальными характерами, съ отличительными чертами лица, въ опредѣленномъ костюмѣ; таковы изображенія событій ветхаго и новаго завѣта, создаваемыя византійскимъ искусствомъ съ IV по VII вѣкъ.

Монументальный характеръ изображеній и христіанскіе типы.

Византійскіе художники этого времени охотно берутся за обширныя композиціи, въ которыхъ ясно выступаютъ всѣ подробности. Избѣгая сюжетовъ, въ которыхъ множество фигуръ мѣшается

между собой, они предпочитаютъ тѣ, въ которыхъ почти нѣтъ движенія, положеніе тѣла спокойно и правильно, фигуры можно расположить, не нарушая однообразія и единства впечатлѣнія, въ строгой симметріи. Благодаря этимъ свойствамъ, теряя много въ жизненности и свободѣ, эти композиціи монументальны и превосходно гармонируютъ съ монументальностью храмовъ. Въ этихъ композиціяхъ все спокойно, величественно и производитъ сильное впечатлѣніе (рис. 10). Въ нихъ художникъ - христіанинъ строго хранитъ преданіе античныхъ скульптурныхъ фризовъ, въ христіанскихъ храмахъ замѣненныхъ мозаиками.

Спокойныя, величавыя фигуры на одноцвѣтномъ фонѣ, безъ грунта и заднихъ плановъ, это—перенесеніе на плоскость скульптурныхъ изображеній. Священныя изображенія со многими лицами безъ соблюденія правилъ перспективы, со многими отдѣлами на первомъ планѣ, выражающими эпизоды одного и того же дѣйствія, это—барельефы, въ которыхъ обыкновенно не наблюдалось единства времени и мѣста. Даже самая потребность въ типическомъ обособленіи священныхъ личностей восходитъ къ эстетическимъ законамъ античной скульптуры, которая такъ отчетливо опредѣлила всѣ типы классическаго Олимпа.

Но черпая изъ художественной сокровищницы античнаго міра, византійскій художникъ-христіанинъ проходитъ мимо всего чувственнаго, случайнаго, заимствуя у антиковъ цвѣтущей эпохи достоинство, величіе, мощь. Создавая типъ, напримѣръ, Спасителя, онъ отклоняется отъ того, что создано было греческой скульптурой для типа Зевса. Высокій лобъ, раздѣленные посрединѣ, спускающіеся на плечи гладкіе волосы, выраженіе кротости и величія, все это было совершенно ново въ искусствѣ.

Скульптура.

Заслуга созданія этихъ новыхъ, чуждыхъ языческому міру, чисто христіанскихъ типовъ принадлежитъ византійскому искусству, тому его періоду, продолжавшемуся по VII вѣкъ, когда, съ одной стороны, оно было одушевлено творчествомъ въ свободѣ вѣрованія торжествующей церкви, а съ другой стороны—владѣло изяществомъ античной формы. Изящество это было прямымъ результатомъ того, что преданія классическаго искусства были еще во всей свѣжести, что изученіе памятниковъ античной скульптуры, въ изобиліи распространенныхъ передъ глазами константинопольскихъ мастеровъ, было во всей силѣ (рис. 11). Императоры не только покровительствовали художникамъ, но и сами упражнялись въ живописи и ваяніи. Скульптура, сближавшая искусство съ природою, жила въ Ви-

зантіи съ IV в. по VII в. Въ V вѣкѣ на площадяхъ воздвигали бронзовыя, серебряныя и золотыя статуи императоровъ и императрицъ. На ряду со статуями и еще охотнѣе высѣкали скульпторы рельефы и особенно много занимались рѣзьбой по слоновой кости. Одно изъ лучшихъ произведеній послѣдняго рода византійской пластики—изображеніе ангела, относящееся къ VI вѣку (рис. 12). Ангелъ представленъ стоящимъ на ступеняхъ, въ изящно задрапированной одеждѣ, съ скипетромъ въ лѣвой рукѣ и державою въ правой, съ широко распущенными крыльями за плечами. По этому произведенію можно судить о состояніи византійской скульптуры VI столѣтія. Тщательная разработка складокъ, свободная постановка фигуры, ея благородство, правильныя черты лица, его оживленность — все это свидѣтельствуетъ о томъ, что византійскіе скульпторы первой половины среднихъ вѣковъ обладали вкусомъ, развитымъ на изученіи антиковъ, что они не лишены были пластичности, свойственной древнимъ грекамъ. И хотя византійскіе ваятели любили античную скульптуру и византійскіе живописцы часто вдохновлялись ею въ позахъ, которыя они придавали фигурамъ на композиціяхъ, однако въ то время, какъ архитектура и живопись развивались параллельно съ развитіемъ христіанскаго ученія, скульптура приходила въ упадокъ. Юное христіанство наслѣдовало отъ іудейства боязнь скульптурныхъ произведеній. И по мѣрѣ того, какъ тѣлесная красота во всемъ ея совершенствѣ, изображеніе которой составляло цѣль и содержаніе античной пластики, теряла для христіанскаго художника цѣну, по мѣрѣ того, какъ все сильнѣе и сильнѣе противополагался духъ въ ущербъ тѣлу и требовалось умерщвленіе плоти, скульптура все менѣе и менѣе, конечно, могла дѣлать успѣховъ. Въ этихъ взглядахъ и въ отсутствіи покровительства церкви нужно искать причину того, что скульптурныя произведенія въ византійскомъ искусствѣ зани-

Рис. 11. Богоматерь съ Младенцемъ Христомъ (рѣзьба на слоновой кости).

маютъ второстепенное мѣсто и не только не идутъ много впередъ въ сравненіи съ позднѣйшей римской скульптурой, но во вторую половину среднихъ вѣковъ постепенно приближаются къ паденію.

Вліяніе иконоборства на развитіе византійскаго искусства.

Тяжелый ударъ развитію пластики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитію другихъ изобразительныхъ искусствъ былъ нанесенъ иконоборствомъ, которое было начато Львомъ Исавріаниномъ въ 726 г. и въ которомъ, быть можетъ, не безъ вины восточное мусульманское вліяніе. Скульптура была лишена религіозныхъ сюжетовъ и осуждена

Рис. 12. Ангелъ (рѣзьба на слоновой кости VI вѣка).

Рис. 13. Эмаль византійской работы.

была питаться пустою роскошью. Статуи и рельефы монументальнаго стиля были замѣнены красивымъ орнаментомъ и смѣлой рѣзьбой. И какъ ни велико было усердіе византійскихъ императоровъ послѣ иконоборства возстановить изящество стиля, они не могли сдѣлать болѣе того, сколько оказалось средствъ въ самихъ мастерскихъ и господствующемъ вкусѣ публики. Изящное должно было замѣниться роскошнымъ и монументальный стиль перейти въ мелкія украшенія. Скульпторъ сдѣлался золотыхъ дѣлъ мастеромъ, литейщикомъ, чеканщикомъ и, если занимался скульптурой, то въ мелкихъ размѣрахъ на слоновой кости. Въ этомъ родѣ, въ барельефѣ,

онъ еще производилъ работы высокаго достоинства, какъ показываетъ рельефъ, изображающій Богоматерь съ Младенцемъ Христомъ, относящійся, вѣроятно, къ IX—X в. (рис. 11). Въ теченіе этихъ столѣтій множество художественныхъ рукъ обратилось къ искусствамъ промышленнымъ. Съ отпечаткомъ большого вкуса и совершенства техники выходили изъ византійскихъ мастерскихъ этого времени тонкія эмали (рис. 13), роскошныя ткани, прекрасныя бронзовыя, керамическія и стеклянныя издѣлія. Эти промышленныя искусства, способствовавшія развитію восточнаго вкуса къ роскоши и сами имъ вызванныя къ расцвѣту, вполнѣ соотвѣтствовали тому

Рис. 14. Христосъ на престолѣ. Мозаика въ св. Софіи.

характеру роскоши и пышности, какой усвоилъ себѣ императорскій дворъ Константина Порфиророднаго.

Возрожденіе византійской живописи въ IX—X вв.

Въ области живописи паденіе сказалось не сразу. Вскорѣ послѣ окончанія иконоборства, возбужденная борьбою духовная жизнь временно даже вызвала возрожденіе искусства, продолжавшееся съ половины девятаго вѣка по десятый. Въ Константинополѣ въ это время было исполнено много мозаикъ. Мозаики свѣтскихъ зданій намъ извѣстны только по литературнымъ указаніямъ. Нѣкоторыя же изъ мозаикъ св. Софіи, относящіяся къ этой эпохѣ, дошли до насъ. Особенно хорошо сохранилась мозаика въ полукругѣ надъ главными дверьми нартекса св. Софіи (рис. 14). Она изображаетъ

Спасителя возсѣдающимъ въ бѣломъ одѣяніи на великолѣпномъ тронѣ. Онъ благословляетъ одною рукою входящихъ въ храмъ и держитъ въ другой рукѣ раскрытую книгу съ начертанными на ея страницахъ словами „Миръ вамъ! Азъ есмь свѣтъ міру“. Его лицо, окруженное нимбомъ, исполнено строгости, смягченной кротостью выраженія. Справа и слѣва въ медальонахъ изображены Божія Матерь и Архангелъ Михаилъ. У ногъ Христа распростерся поклоняющійся ему императоръ въ богатомъ одѣяніи, съ діадемою

Рис. 15. Давидъ и Мелодія. Миніатюра изъ Псалтири IX или X вѣка.

на головѣ и съ нимбомъ вокругъ нея. Эти лики вполнѣ проникнуты христіанскимъ духомъ, но тамъ, гдѣ не мѣшаетъ ему, античное искусство входитъ въ значительной степени. Оно проявляется въ вѣрномъ рисункѣ, въ правильныхъ благородныхъ пропорціяхъ, въ изяществѣ тѣлесныхъ формъ, въ драпировкѣ одежды. Еще яснѣе возрожденіе классической древности обнаруживается въ миніатюрахъ, гдѣ художникъ былъ свободнѣе, творилъ подъ меньшимъ контролемъ и могъ отдаваться своему влеченію. Псалтирь національной Парижской Библіотеки съ четырнадцатью большими картинами и Проповѣди св. Григорія Назіанскаго свидѣтельствуютъ, что худож-

ники IX—X вѣковъ прониклись антиками, сознательно перерабатывали ихъ, воспроизводили съ изяществомъ позы и драпировку одеждъ и не чуждались вводить аллегорическія изображенія, навѣянныя античною миѳологіею. Очень характерно выступаетъ это въ миніатюрѣ Псалтири, изображающей Давида (рис. 15). Онъ пасетъ стадо и играетъ на арфѣ. Подлѣ него, положивъ руку ему на плечо, сидитъ вдохновляющая его юная Мелодія. Она облечена въ красиво задрапированную античную одежду, рука и шея ея нарисованы хорошо, съ пониманіемъ анатоміи, лицу ея приданы правильныя черты. На второмъ планѣ изъ-за фонтана выглядываетъ фигура Эхо, которое Давидъ пробудилъ своею игрой. Внизу,

Рис. 16. Давидъ и Іеремія. Миніатюра изъ св. Григорія Назіанскаго.

вправо въ углу, лежитъ на землѣ полунагой богъ съ вѣнкомъ на головѣ, олицетворяющій по античному обычаю мѣсто событія— Виѳлеемскую гору. Менѣе, но все-таки достаточно ясно, видно античное вліяніе въ рукописи, заключающей проповѣди Григорія Назіанскаго. Одна изъ проповѣдей — семнадцатая, составленная на тексты изъ пророчествъ Іереміи и псалмовъ Давида, иллюстрируется картиною, содержаніемъ которой служатъ событія изъ жизни того и другого пророка (рис. 16). Слѣва отъ зрителя Іеремію два раба спускаютъ въ яму. Справа колѣнопреклоненнаго Давида увѣщеваетъ къ раскаянію Наоанъ. Посрединѣ — полуфигура Сусанны подъ роскошнымъ балдахиномъ въ купальнѣ и цѣльная фигура Ангела, а въ самомъ углу вверху налѣво видна вторая

фигура Давида. Двукратное появленіе на картинѣ Давида, то смотрящимъ изъ окна, то склоненнымъ передъ Наоаномъ, представляетъ обычный пріемъ художниковъ, желающихъ разсказать событіе и показать главные моменты. Такой пріемъ встрѣчается и въ произведеніяхъ эпохи процвѣтанія. Но несовсѣмъ удачное размѣщеніе сценъ, грубость нѣкоторыхъ фигуръ указываютъ на уменьшеніе художественнаго вкуса, на то, что вспыхнувшее временно возрожденіе живописи длилось недолго.

Орнаментальное и аскетическо-богословское направленіе живописи.

Лишившись опоры въ скульптурѣ, живопись стала терять свою силу и, слѣдуя общему направленію, при начинающемся ослабленіи античнаго изящества поражаетъ въ миніатюрахъ превосходною техникою, тонкою законченностью и необычайнымъ богатствомъ орнаментаціи. Это орнаментальное направленіе отражается даже на фигурахъ, гдѣ свѣта̀ переданы золотыми штрихами и одежды иногда сіяютъ металлическимъ отблескомъ. Но миніатюрамъ этого рода недостаетъ жизни и свободы, въ нихъ идеалъ, къ которому стремится художникъ, не натура и антикъ, а эмаль. Рукописи IX—X вѣковъ, вышедшія изъ монастырей и исполненныя подъ сильнымъ монашескимъ вліяніемъ, кромѣ того, открываютъ, что въ это время совершился и другой переворотъ: подлѣ исчезающаго античнаго направленія въ нихъ видно усиливающееся направленіе богословское, иконописное.

Опасеніе возбудить соблазнъ поставило художниковъ подъ руководство и надзоръ духовенства. „Не изобрѣтеніе живописцевъ производитъ иконы, а ненарушимый законъ и преданіе православной церкви, не живописецъ, а св. отцы изобрѣтаютъ и предписываютъ; очевидно, имъ принадлежитъ сочиненіе, живописцу же только исполненіе“,—гласило постановленіе Никейскаго 2-го собора 787 г. И чѣмъ дальше жило византійское искусство, тѣмъ болѣе оно теряло свободу художественнаго творчества и поэтическаго одушевленія, тѣмъ болѣе оно дѣлалось скованнымъ догматами ученія, подпадая все больше и больше подъ вліяніе богословія и аскетизма. Очищенные богословскою критикою, разработанные до мельчайшихъ подробностей иконописные сюжеты получаютъ окончательную форму, точное сохраненіе которой становится обязательнымъ для живописца, и его дѣятельность сводится къ копированію.

Наступленіе блестящаго политическаго состоянія имперіи вызываетъ вновь вторичное пробужденіе византійскаго искусства, продолжающееся съ конца XI в. по конецъ XII в. Но въ началѣ XIII в. крестоносцы наносятъ ему окончательный ударъ. Безцѣн-

ныя статуи были переплавлены или увезены. Совершенно лишенное античныхъ образцовъ, ослабѣвшее и изжившее свои силы византійское искусство, среди бѣдствій и опустошеній имперіи, не могло уже возродиться вновь. Съ XI в. найдя себѣ убѣжище на Аѳонѣ, оно здѣсь доживало послѣдніе дни. Просматривая византійскія миніатюры XIII и XIV вѣковъ, мы присутствуемъ при самомъ ясномъ процессѣ разложенія искусства, наблюдая, какъ техника ухудшается съ каждымъ поколѣніемъ мастеровъ, какъ краски мутнѣютъ и гамма свѣтлыхъ тоновъ смѣняется болѣе темной, какъ на смѣну изящныхъ ликовъ выступаютъ длинныя худощавыя фигуры, лица съ впалыми щеками, съ глубоко ушедшими глазами (рис. 17). Симметричность усиливается, движенія дѣлаются жесткими и неповоротливыми, окостенѣвшими, отдѣлки волосъ головы и бороды, складокъ одежды получаютъ оцѣпенѣлую правильность безъ малѣйшихъ слѣдовъ античнаго вкуса.

Рис. 17. Св. Іоаннъ Предтеча, аѳонской живописи.

Положеніе византійскаго искусства въ Европѣ X—XI вѣка.

И это съ перерывами падающее послѣ иконоборства искусство стояло во главѣ художественной жизни тогдашней Европы. Въ концѣ X вѣка греческихъ мастеровъ вызываютъ къ себѣ ко двору нѣмецкіе императоры. Въ началѣ второй половины XI столѣтія знаменитый аббатъ Монтекассинскаго монастыря Дезидерій, чтобы возстановить искусство въ Италіи, приглашаетъ изъ Константинополя греческихъ мастеровъ и подъ ихъ руководствомъ основываетъ въ своемъ монастырѣ художественныя школы.

Историческое значеніе византійскаго искусства.

Такъ жило и развивалось византійское искусство. Оно получило свое начало отъ искусства античнаго, оно родилось среди его памятниковъ. Художники византійскіе глубоко понимали ихъ прелесть и проникались тѣми основными правилами искусства, которыя обусловливали его процвѣтаніе въ древности. Въ лучшую пору они, подобно представителямъ цвѣтущей эпохи античнаго искусства, искали величія и гармоніи въ расположеніи своихъ композицій, бла-

городства въ позахъ, красоты типовъ, изящества драпировокъ, хотя и не всегда достигали этого въ должной степени.

Къ элементамъ греческаго происхожденія примѣшались еще иныя вліянія, шедшія съ крайняго Востока. Въ архитектурѣ эти вліянія очень замѣтны, то же нужно сказать и объ орнаментаціи, въ которой постоянно встрѣчаются заимствованные съ Востока мотивы, разработанные въ его духѣ и стилѣ. Отсюда особенно перешла къ византійскимъ художникамъ любовь къ богатству и роскоши, которыми отличаются всѣ ихъ произведенія, отсюда явилось стремленіе передавать всѣ детали орнаментовъ условнымъ образомъ. Въ немъ тѣ же сложныя сплетенія, тѣ же небывалые цвѣты, какіе часто встрѣчаются на индійскихъ и персидскихъ памятникахъ.

Но византійское искусство не ограничилось соединеніемъ этихъ элементовъ различнаго происхожденія, а обнаружило при этомъ творческую способность, и именно въ религіозной области. Благодаря геніальному соединенію купола съ четыреугольнымъ основаніемъ, византійская архитектура рѣшила задачу христіанскаго храма, придавъ внутренности зданія большую полноту, воздушность, богатство и впечатлѣніе нераздѣльнаго единства въ разнообразіи. Подобно тому, въ области живописи мы обязаны византійскому искусству первымъ и твердымъ созданіемъ христіанскихъ типовъ и строгаго церковнаго стиля. Красота античнаго искусства была освобождена отъ чувственности и внѣшности и сдѣлалась въ немъ послушна выраженію христіанскихъ идей.

Среди міра, опустошеннаго нашествіями варваровъ и населеннаго одичавшими народами, одной Византіи было суждено хранить и развивать преданія греко-римской культуры. И она выполнила это призваніе. То, чему она научилась у древнихъ, то, что могло служить для христіанства, она сохранила, сообщила и передала приходившимъ въ соприкосновеніе съ ней народамъ. Правда, византійское искусство не удержалось на той высотѣ, какой оно достигло въ VI и VII вѣкахъ, но самое его паденіе послужило на пользу другимъ; павшее искусство сдѣлалось болѣе удобнымъ для передачи, болѣе доступнымъ варварскимъ народамъ. Во всей исторіи мы не видимъ другого искусства, которое имѣло бы такой широкій кругъ вліянія и распространенія. Византія являлась центромъ, отъ котораго въ разныя стороны шелъ свѣтъ художественно-техническихъ знаній, и чѣмъ ближе, тѣмъ больше, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше. Совершенно различные народы въ теченіе тысячи лѣтъ находили постоянно въ ней исходный пунктъ для своей художествен-

ной дѣятельности. Италія и другія западныя государства, входившія съ Византіей въ общеніе, получали отъ нея художественныя знанія и технику. На сѣверо-востокъ Европы и въ азіатскія страны византійское искусство нашло себѣ доступъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, которое было принято изъ Византіи. Такъ получило начало искусство русское, славянскія, искусство Грузіи и Арменіи. Но вліяніе Византіи не ограничивалось только христіанскими народами. Когда мусульмане покорили страны отъ Персіи до Испаніи, повсюду они нашли родственныя ихъ духу византійскія зданія и въ ихъ стилѣ они сдѣлали первые свои опыты.

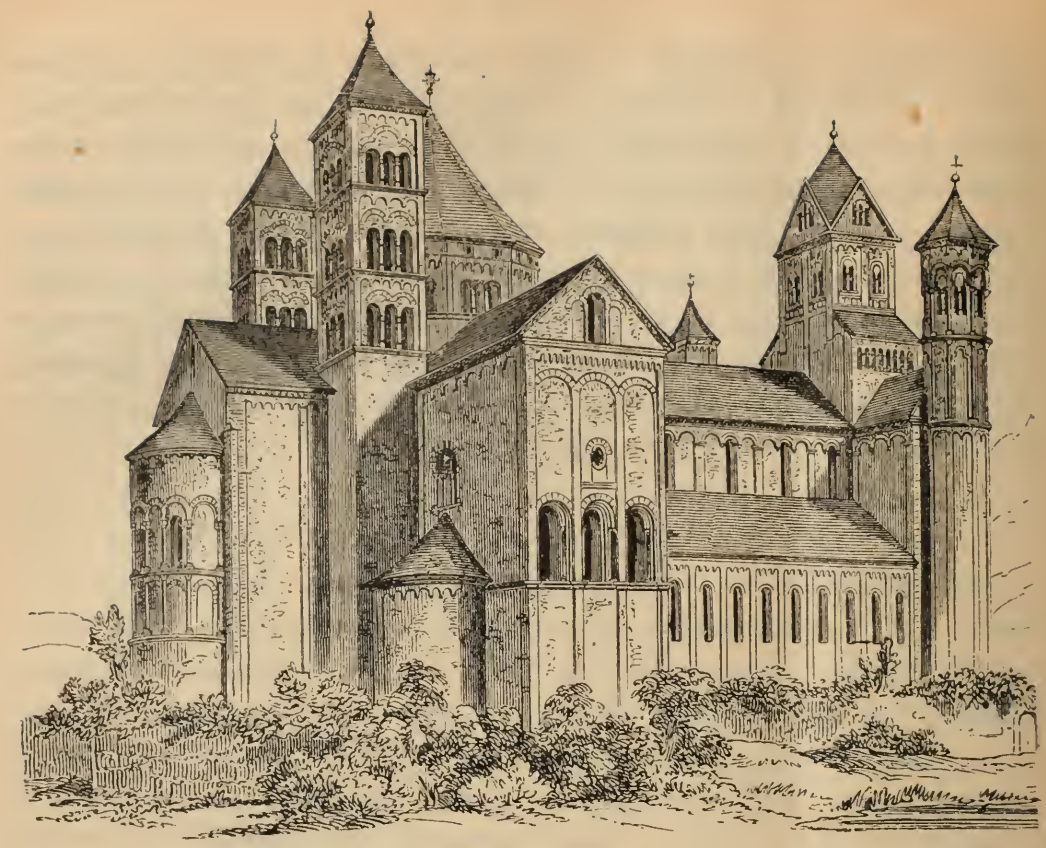


Рис. 18. Видъ храма въ Лаахѣ.

РОМАНСКІЙ СТИЛЬ.

Характеръ эпохи. Значеніе церкви.

Сильными, рѣзкими чертами отмѣчены X и XI вѣка. Это—время, когда среди безпрерывныхъ войнъ, при всеобщемъ невѣжествѣ и дикихъ нравахъ у склоннаго часто къ насилію общества просыпалась вдругъ совѣсть, страхъ передъ наказаніемъ Божіимъ вызывалъ сознаніе собственнаго безсилія и исканіе высшей помощи; когда раскаяніе въ грѣхахъ и благочестіе находило себѣ проявленіе въ страстныхъ порывахъ; когда, опираясь на это, создалось господство духовенства, и церковь наложила на всѣ явленія жизни свой отпе-

---

Пособія: *Schnaase, C.*, Geschichte der bildenden Künste, 2 Aufl., IV Bd. *Reber, F.*, Kunstgeschichte des Mittelalters. *Springer, A.*, Handbuch der Kunstgeschichte, II, Mittelalter. *Corroyer*, L'architecture Romaine (изъ Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts). Статьи *Ѳ. Буслаева* въ „Моихъ досугахъ". *Куглеръ, Ф.* Руководство къ исторіи живописи. *Любке, В.*, Исторія пластики. *Карьеръ, М.*, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества, III.

чатокъ. Въ это время искусство было всецѣло или почти всецѣло въ рукахъ духовенства и монаховъ. Въ монастырскихъ школахъ или въ школахъ епископовъ наряду съ науками изучали искусства и ремесла: отсюда выходили мастера, которые, въ эту эпоху религіознаго одушевленія, когда повсюду основывались и закладывались церкви и монастыри, являлись руководителями въ построеніи храмовъ. Они призывали себѣ на помощь своихъ мірскихъ братьевъ, которые съ радостью принимали участіе въ этой благочестивой дѣятельности, видя въ ней заслугу и самое вѣрное средство къ тому, чтобы загладить свои грѣхи. Эти мірскіе сотрудники не довольствуются только дарами и приношеніями, но несутъ службу лично, считая ее тѣмъ болѣе дѣйствительной для дѣла спасенія, чѣмъ ниже и труднѣе она. Поэтому къ строящемуся собору стекаются мужчины и женщины со всѣхъ сторонъ. Князья, рыцари и ихъ дамы вмѣстѣ съ народомъ доставляютъ камень и дерево для построенія храма, приготовляютъ пищу и раздаютъ ее работникамъ. Только тотъ допускался къ этому служенію, кто созналъ свои грѣхи и принесъ горячее раскаяніе, свято обѣщалъ христіанскую любовь ко всѣмъ сотрудникамъ-братьямъ, смиренное повиновеніе начальствующимъ при строеніи храма священникамъ. Кто не прощалъ охотно обиды или выказывалъ неповиновеніе, тотъ дѣлался недостойнымъ членомъ и изгонялся изъ этой общины. Дневная работа начиналась исповѣдью и молитвой, и ночью при свѣтѣ факеловъ въ опредѣленные часы раздавались торжественные гимны. Это имѣло мѣсто преимущественно въ Нормандіи и сѣверной Франціи, гдѣ съ конца XI до половины XII вѣка особенно сильно было это благочестивое рвенье. Но и въ другихъ мѣстахъ повторялось то же, только въ менѣе крупныхъ размѣрахъ.

Руководство при возведеніи постройки исключительно принадлежало духовенству: міряне были только помощниками и расходились, если они исполняли обѣтную работу и заслужили отпущеніе грѣховъ.

Характерныя черты романскаго стиля въ архитектурѣ.

Понятно, какіе это будутъ храмы; они—грубоваты, какъ храмы, созданные недостаточно развитыми художниками грубаго времени; они—крѣпки, массивны, какъ зданія опаснаго времени и эпохи насилія; величественны и спокойны, какъ отраженіе спокойнаго величія церкви. Понятно, что эти художники въ такое малоблагопріятное для развитія искусства время не создадутъ сразу совершенно новаго, а воспользуются въ значительной степени готовымъ старымъ. И они дѣйствительно воспользовались римскими формами, которыя и даютъ новому стилю названіе *романскаго*..

Но, взявъ для храма за основаніе римскую базилику, новое искусство подъ руководствомъ представителей церкви мало-по-малу

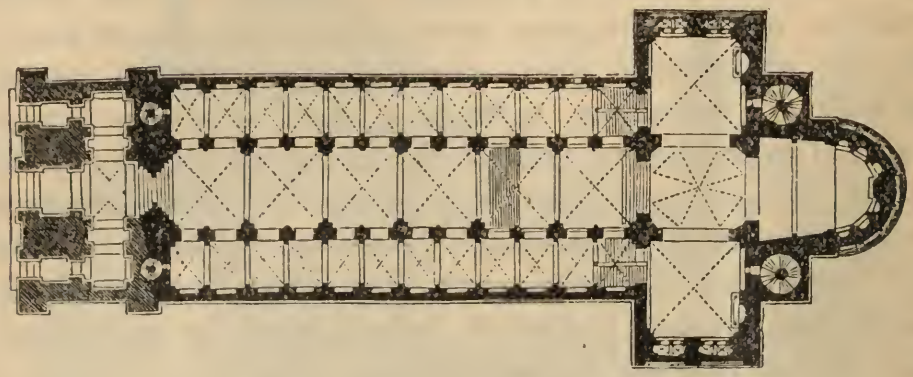


Рис. 19. Планъ собора въ Шпейерѣ.

развиваетъ новый типъ, сливая античное преданіе съ требованіями западнаго богослужебнаго обряда и настроеніемъ новыхъ народовъ.

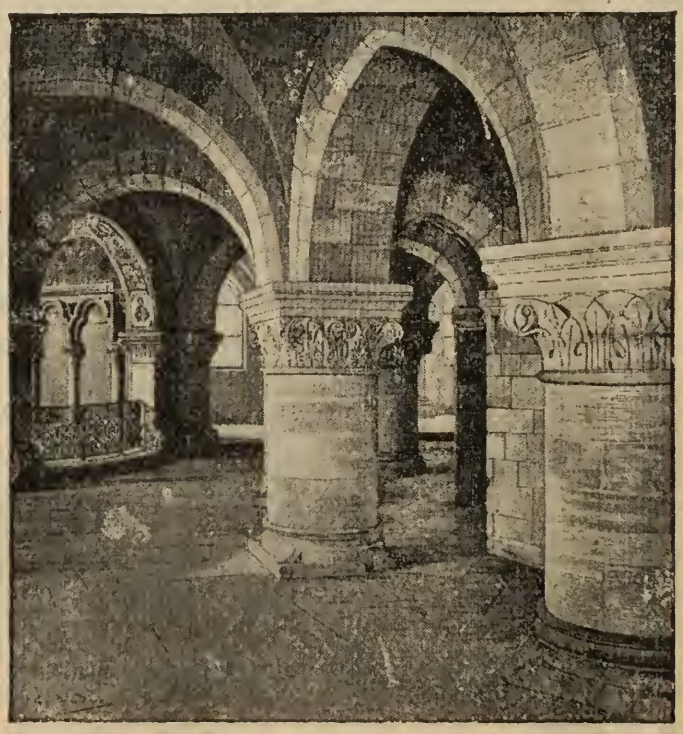


Рис. 20. Крипта въ Сенъ-Дени.

Продолговатая четыреугольная зала базилики измѣняется и получаетъ форму *продолговатаго латинскаго креста* пересѣченіемъ корабля продольнаго кораблемъ поперечнымъ и удлиненіемъ восточной части, гдѣ помѣщается *хоръ*, обнесенный полукруглой крѣпкой

Фототип. С. Рамеръ, въ Мюнхенѣ.

СОБОРЪ ВЪ ШПЕЙЕРѢ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Продолжается [illegible] оба боковых [illegible] и [illegible] дорогу [illegible] [illegible] [illegible]

Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

СОБОРЪ ВЪ ШПЕЙЕРѢ.

стѣною абсиды (рис. 19). Хоръ предназначенъ для многочисленнаго причта и алтаря; онъ приподнятъ и отдѣленъ нѣсколькими ступенями отъ пола остальной части храма подобно тому, какъ духовные отдѣляются и стоятъ выше мірянъ въ церковной іерархіи среднихъ вѣковъ. Подъ этимъ болѣе другихъ частей храма освѣщеннымъ возвышеніемъ хора — мрачный склепъ, нижняя церковь, крипта, несмотря на греческое свое названіе, не имѣющая ничего византійскаго въ своемъ происхожденіи (рис. 20). Если спустимся въ это подземелье храма съ немногими отверстіями для свѣта, мы

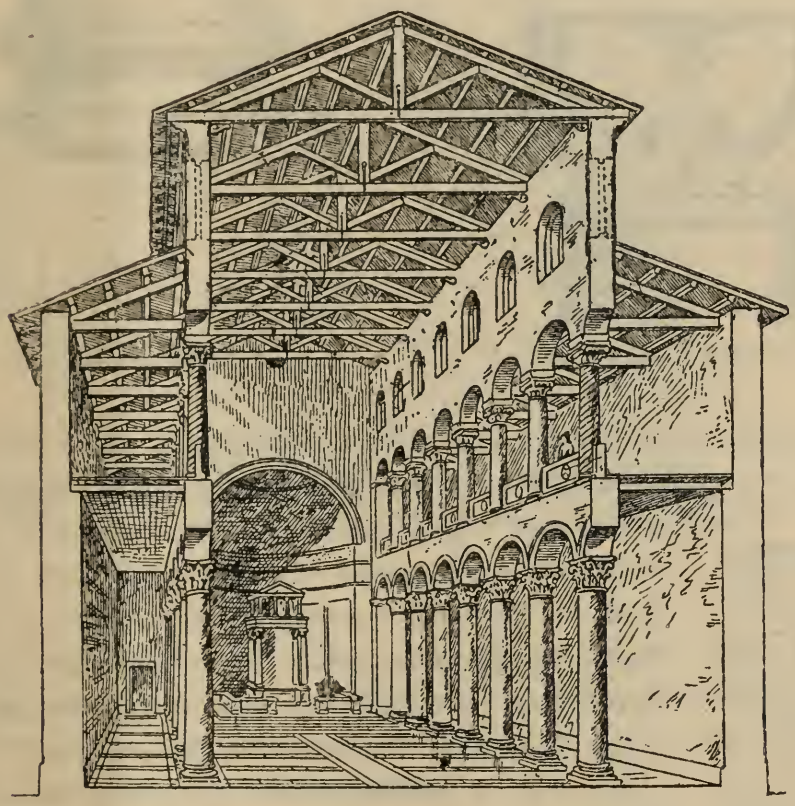


Рис. 21. Внутренній видъ романскаго храма.

во мракѣ увидимъ сотни свѣтящихся точекъ, будто звѣздочекъ, которыя слабымъ мерцаніемъ освѣщаютъ своды длинныхъ переходовъ подъ храмомъ, которые можно разсмотрѣть настолько, чтобы увидѣть гробницы съ лежащими на нихъ каменными фигурами здѣсь похороненныхъ епископовъ, аббатовъ и князей—строителей храма, алтарь, увѣшанный множествомъ небольшихъ зажженныхъ лампадъ, и положенныя здѣсь мощи святыхъ.

Поднявшись въ верхній этажъ храма, мы войдемъ въ громадную залу съ двумя или четырьмя продольными рядами столбовъ или колоннъ, которые дѣлятъ залу на три или пять кораблей, изъ ко-

торыхъ средній значительно возвышается надъ боковыми (рис. 21). Колонны массивны, толсты, на упругомъ базисѣ, укрѣпленномъ еще по четыремъ угламъ лапами льва или листами (рис. 23), съ коринѳской или широкой кубической закругленной книзу капителью (рис. 22).

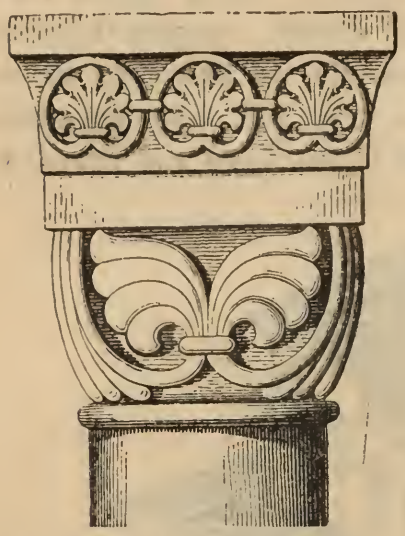


Рис. 22. Капитель романской колонны.

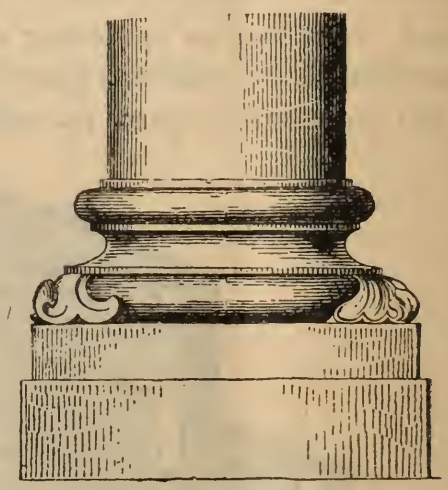


Рис. 23. Базисъ романской колонны.

Эти солидныя колонны съ солидными базисами и капителями нужны для того, чтобы поддержать при помощи широкой круглой арки массивныя продольныя стѣны главнаго средняго корабля, отдѣляющія его отъ боковыхъ (рис. 24). Какъ и главный средній корабль, такъ и боковые, болѣе низкіе, накрыты или деревяннымъ плоскимъ потолкомъ (рис. 21), или каменнымъ полукруглымъ (рис. 25), или крестовымъ сводомъ (рис. 26). А тамъ, гдѣ пересѣкается корабль продольный кораблемъ поперечнымъ, объединяя весь храмъ, высится массивный иногда многогранный куполъ, или башня, какъ бы отражая господствующее и давящее единство церкви (рис. 27). Стѣны тоже массивны: въ нихъ немного оконъ, онѣ малы, и въ храмѣ царитъ полумракъ (рис. 28).

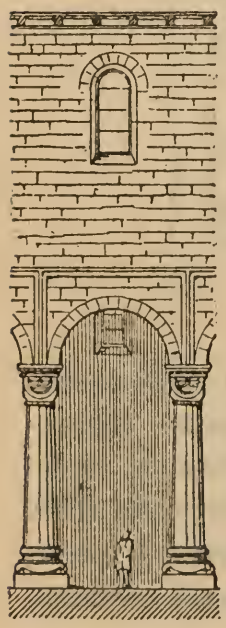


Рис. 24. Круглая арка.

Въ этихъ спокойныхъ очертаніяхъ храма мы поражены церковною строгостью; мы слышимъ здѣсь торжественные гимны, тихіе шаги молящихся, видимъ торжественныя шествія, въ длинной власяницѣ монаха, идущаго медлительной походкой, или всего закованнаго въ тяжелую броню рыцаря.

По витой лѣстницѣ, очень удобной для всхода, съ широкими ступенями, можно взобраться наверхъ, на одну изъ башенъ собора. Ихъ часто двѣ у главнаго входа. Массивныя, твердыя, онѣ поддерживаютъ зданіе собора подобно тому, какъ папа и императоръ поддерживаютъ единство средневѣковья, не давая распасться хри-

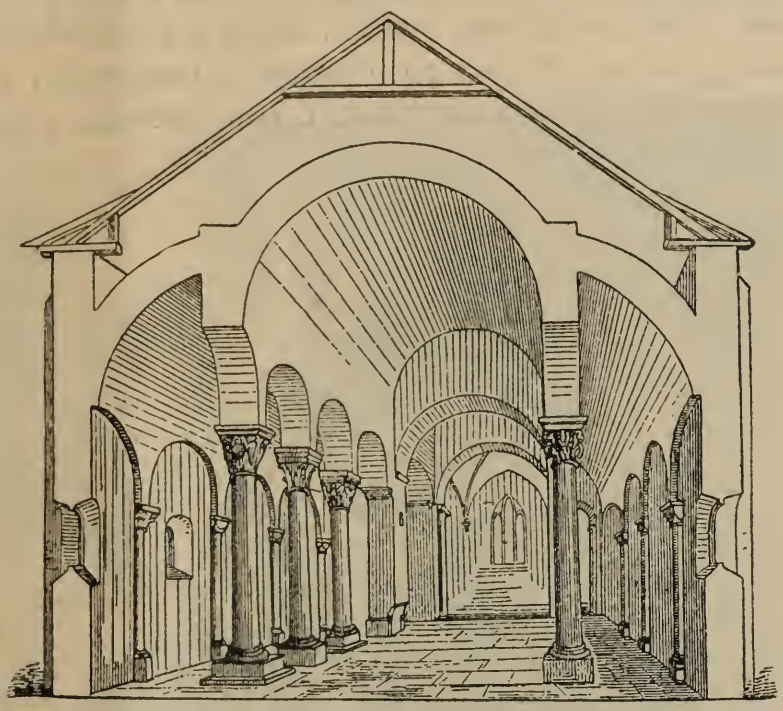


Рис. 25. Полукруглый сводъ.

стіанскому міру. И чѣмъ выше вы поднимаетесь, тѣмъ шире и шире открываются далекія окрестности, и вамъ становится вполнѣ понятно, почему средневѣковые соборы были не только храмы для молитвы, но и неприступныя крѣпости со сторожевыми башнями. Когда въ войну 1870 года пруссаки заняли Шартръ, жителямъ этого города запрещено было всходить на соборныя башни изъ опасенія, чтобы они не могли сообщаться черезъ сигналы съ французскими отрядами (рис. 29).

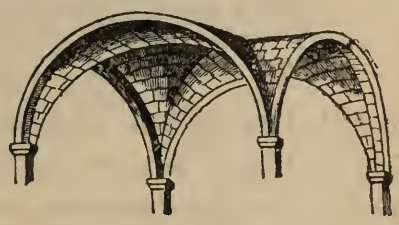


Рис. 26. Крестовый сводъ.

Снаружи простыя стѣны собора украшены фризомъ изъ ряда небольшихъ полукруглыхъ аркадъ (рис. 30). Все богатство скульптурныхъ украшеній сосредоточивается на главномъ фасадѣ зданія съ полукруглой романской аркою на невысокихъ столбахъ или колоннахъ широкаго портала (рис. 31). Надъ нимъ круглое окно—роза. А Скульптура.

самъ порталъ весь украшенъ орнаментомъ изъ листьевъ, фигурами чудовищъ, животныхъ, людей, которыя вставлены въ твердыя строгія рамки, данныя архитекурными линіями. Чтобы тронуть грубыя сердца, часто глухія къ словамъ учителя церкви, скульпторъ-монахъ старается подѣйствовать на входящихъ въ храмъ сильными рѣзкими скульптурными изображеніями мученій, страданій, чудесъ, вызвать ими ужасъ, изумленіе, страхъ, мысль о наказаніи (рис. 32). Онъ заботится здѣсь не столько о красотѣ, изяществѣ, вѣрности природѣ, сколько о силѣ впечатлѣнія, и онъ достигаетъ этого. Не-

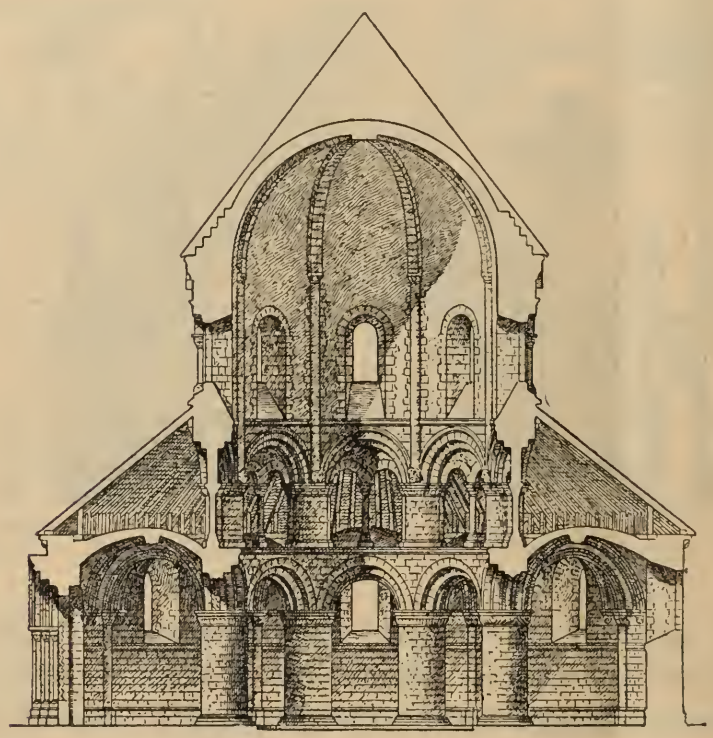


Рис. 27. Схема устройства купола въ романскомъ храмѣ.

большія рельефныя изображенія грѣхопаденія, изгнанія изъ рая, и другія сцены изъ св. исторіи на капителяхъ колоннъ, тяжелыя, короткія фигуры святыхъ и апостоловъ и наверху въ кругу надъ дверью пришедшій міръ судить Христосъ, окруженный символами евангелистовъ (рис. 33), уродливыя фигуры демоновъ и грѣшниковъ (рис. 32)—все это ярко раскрашено и сильно говоритъ въ камнѣ о мысли художника. Скульптурой украшены алтарь, каѳедра и капители колоннъ внутри храма. И здѣсь, подъ полутемными сводами храма, вы увидите фантастичныхъ животныхъ съ рогами, когтями, страшныя маски, кривляющагося демона и людей, подвергнутыхъ ужаснымъ му-

ченьямъ (рис. 34). Это—ужасы, грезы, которыя видѣлъ средневѣковой христіанскій міръ при наступленіи почти каждаго столѣтія и особенно при приближеніи тысячнаго года, когда ожидали кончины міра и наступленія страшнаго суда. И этотъ адъ, и эти чудовища, которыя грезились, весь ужасъ, который испытывали люди, окаменѣлъ въ фантастической, часто грубой, но всегда величавой скульптурѣ.

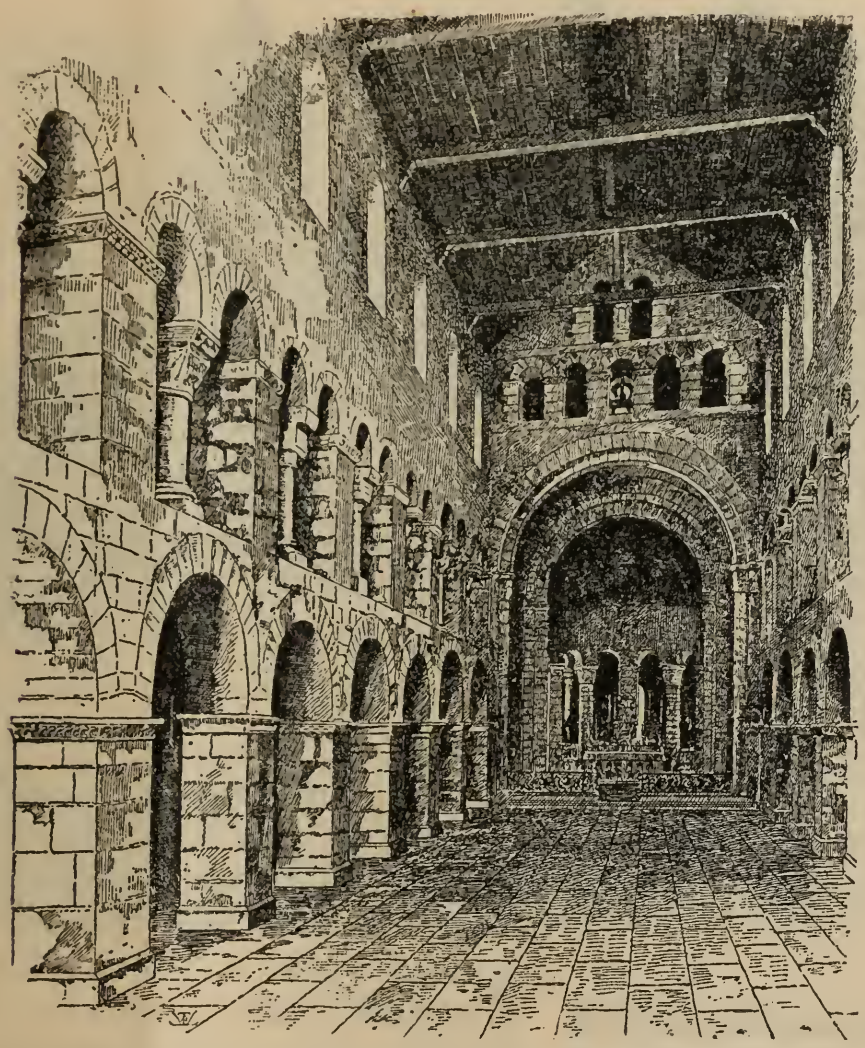


Рис. 28. Внутренній видъ романскаго храма.

Скульптурныя украшенія и здѣсь раскрашены яркими сильными красками, чтобы привести ихъ въ гармонію съ остальнымъ пестрымъ убранствомъ собора. Эту любовь къ пестрому украшенію храма романскій стиль унаслѣдовалъ отъ византійскаго и прибавилъ еще расписныя окна. Изрѣдка на стѣнахъ романскаго храма можно встрѣтить другой остатокъ византійскаго вліянія—мозаику,

чаще шитые или тканые ковры покрываютъ алтарь, сидѣнія на хорѣ и огромныя стѣны храма, а оставшимися свободными частями стѣнъ овладѣла вполнѣ живопись.

Живопись: античные элементы и народная фантазія.

На темно-синемъ или золотомъ фонѣ возсѣдаетъ въ абсидѣ Христосъ на престолѣ, по стѣнамъ стоятъ или движутся въ сія-

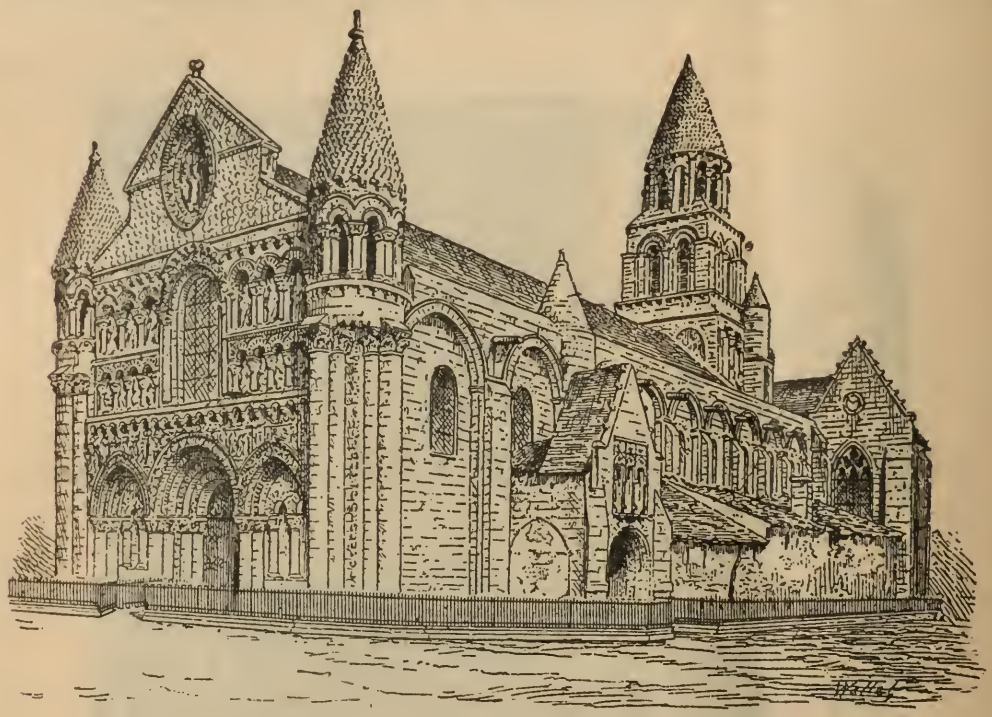


Рис. 29. Соборъ Богоматери въ Пуатье.

ніяхъ, мантіяхъ, иногда въ костюмахъ средневѣковаго покроя немного мѣстнаго типа, аскетически строгія, важныя фигуры святыхъ, апостоловъ съ неправильными, схематически-сильными контурами, которыя сплошь, безъ тѣней, покрылъ краскою, иногда съ золотыми бликами, художникъ-монахъ (рис. 35). Чтобы дать себѣ болѣе ясное представленіе о живописи романскаго стиля, намъ нужно обратиться въ библіотеку собора или монастыря и посмотрѣть рукописи древнихъ писателей, бестіаріи, молитвенники, извлеченія изъ св. отцевъ и Евангелія (рис. 36). Въ миніатюрахъ, служащихъ къ поясненію текста, мы найдемъ животныхъ въ позахъ, живо схваченныхъ любящимъ охоту художникомъ, аллегорическія, житейскія сцены, прихотливый орнаментъ заглавныхъ буквъ, со-

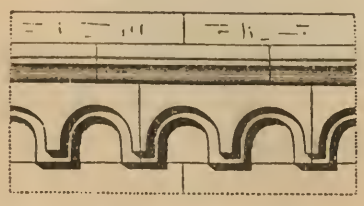


Рис. 30. Фризъ изъ аркадъ.

ставленный изъ фантастическихъ драконовъ, дикихъ людей, кентавровъ, символическія иллюстраціи къ Св. Писанію. Въ этихъ миніатюрахъ иногда сквозь формы, показывающія вліянія античныя и византійскія, ясно отражается внутренняя работа, мысль и чувства художника. Въ великолѣпномъ евангеліаріи, хранящемся въ Мюнхенской придворной библіотекѣ, есть очень интересная въ этомъ отношеніи картина. Сюжетъ ея—побѣда надъ смертью чрезъ крестную

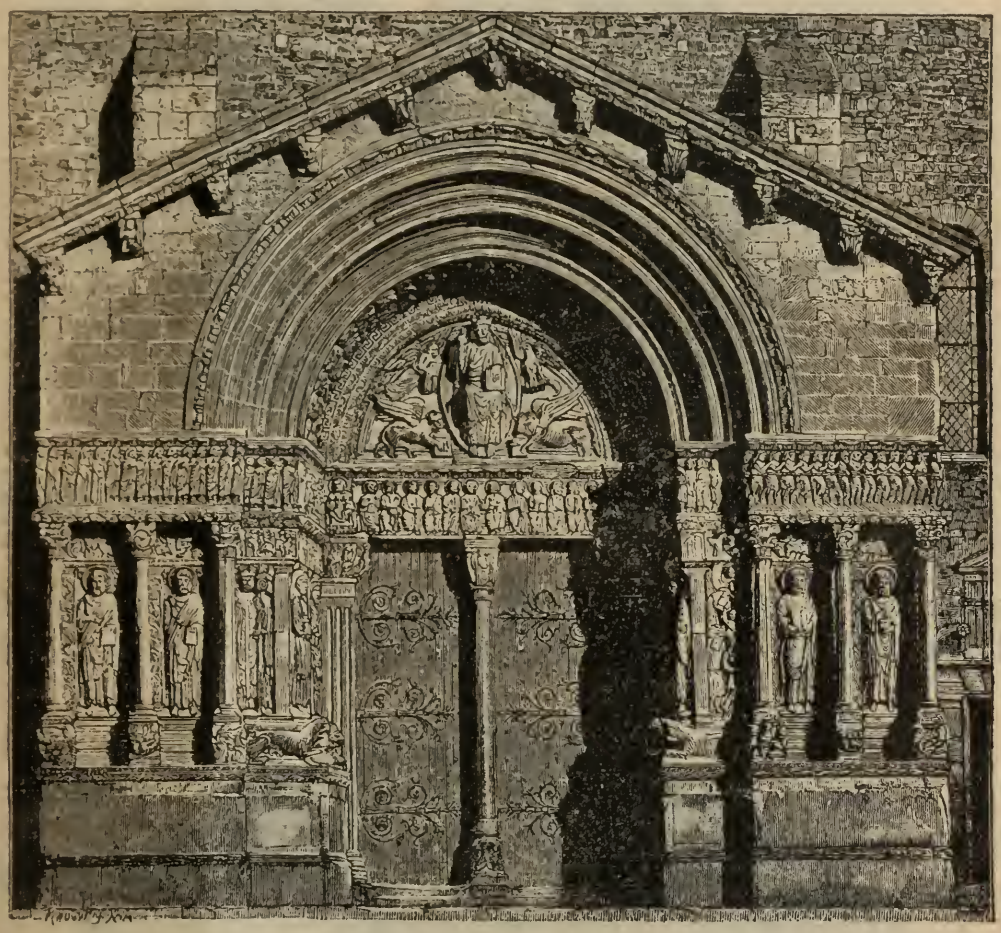


Рис. 31. Порталъ собора св. Трофима въ Арлѣ.

жертву І. Христа. Въ срединѣ картины І. Христосъ на крестѣ. На немъ красное одѣяніе, царская корона и священническая риза. Нѣсколько ниже по обѣимъ сторонамъ крестоваго дерева стоятъ слѣва vita—жизнь—женская фигура въ коронѣ, украшенной крестомъ, и въ богатой одеждѣ, съ поднятыми вверхъ лицомъ и руками; справа mors—смерть—блѣдная, съ растрепанными волосами, лицо наполовину закрыто, глубокая рана на шеѣ, тѣло полуобнаженное, она худо одѣта и готова упасть, съ изломаннымъ копьемъ и косою въ ру-

кахъ. Драконъ, выходящій изъ дерева, какъ будто кусаетъ фигуру въ руку. По обѣимъ сторонамъ картины помѣщены мелкія изобра-

Рис. 32. Скульптура въ порталѣ собора въ Отенѣ (часть изображенія Страшнаго суда).

женія: вверху—sol и luna—солнце и луна, закрывающія свое лицо. Потомъ справа—Новый Завѣтъ—женская фигура въ коронѣ съ по-

Рис. 33. I. Христосъ, окруженный символами евангелистовъ (съ портала св. Трофима въ Арлѣ).

бѣднымъ знаменемъ и чашею Евхаристіи на коронѣ; слѣва—Ветхій Завѣтъ, скрывающій свое лицо за рамку картины, со свиткомъ закона и жертвеннымъ ножемъ въ рукахъ. Внизу справа—воскресшіе мертвецы, слѣва—разодранная церковная завѣса. Несмотря на плохой рисунокъ, угловатыя преувеличенныя движенія, мы понимаемъ

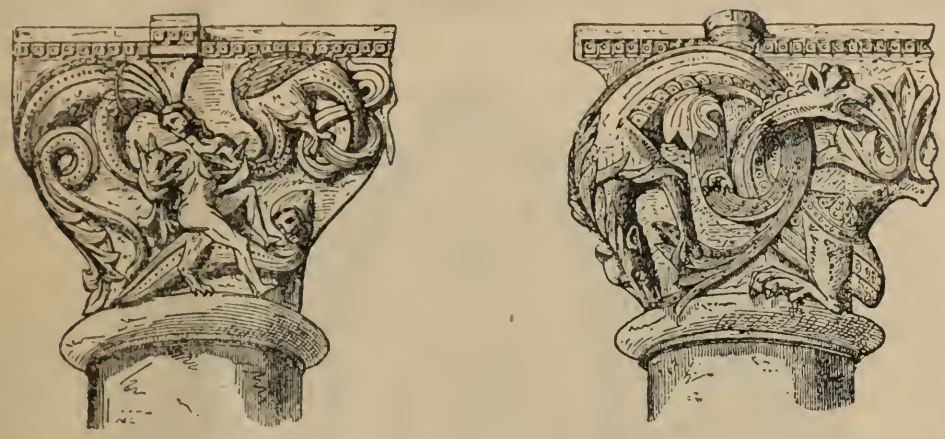


Рис. 34. Романскія капители.

въ этихъ изображеніяхъ идею замысла, глубину смиренія, строгость мысли, благоговѣніе передъ тѣмъ священнымъ ликомъ, которымъ былъ одушевленъ художникъ. Мы видимъ въ этихъ началь-

Рис. 35. Стѣнная роспись церкви въ Шварцрейндорфѣ.

ныхъ шагахъ искусства стремленіе къ сверхчувственному, которое ищетъ болѣе выраженія духа, чѣмъ красоты тѣла. Мы видимъ нарушеніе пропорцій, борьбу между строгою правильностью и грубостью, отраженіе сомнѣній и аскетизма монаха, жизненность, дѣтскую наивность и твердую вѣру того времени; мы чувствуемъ

глубокую правдивость изображенія даже тамъ, гдѣ при первомъ взглядѣ оскорбляется чувство изящнаго.

Техническія руководства.

Въ той же библіотекѣ найдется и рецептурная книга жившаго въ VIII—IX вѣкахъ Ираклія, гдѣ помѣщены въ стихахъ и прозѣ техническія наставленія, перемѣшанныя съ нѣкоторыми магическими и суевѣрными формулами, и сборникъ наставленій знаменитаго

Рис. 36. Генрихъ II. Миніатюра изъ служебника XI вѣка.

пресвитера Ѳеофила XI — XII вѣка по всѣмъ почти отраслямъ ремеслъ и искусствъ. Эти рукописи служили источниками, изъ которыхъ черпали свои знанія, подкрѣпляя ихъ опытомъ, строители храмовъ. Здѣсь же, въ этой библіотекѣ собора, можно найти и указаніе на то, какъ понималъ средневѣковый человѣкъ тотъ храмъ, который онъ строилъ, и его отдѣльныя части.

Въ рукописи XII вѣка, озаглавленной позднѣе „Manuale Magistri Petri Carnotensis de misteriis ecclesiae“, жившій въ Шартрѣ названный магистръ Петръ излагаетъ, какъ онъ понимаетъ храмъ. При средневѣковой склонности къ символикѣ онъ въ храмѣ видѣлъ образъ міра. Въ основаніе храма полагается, объясняетъ онъ, камень съ изображеніемъ храма и 12 другихъ камней въ знаменіе того, что церковь покоится на Христѣ и 12 апостолахъ. Стѣны означаютъ народы; ихъ четыре, потому что онѣ принимаютъ сходящихся съ 4-хъ сторонъ. Камни имѣютъ четыре угла, потому что главныхъ добродѣтелей 4: мудрость, сила, умѣренность и справедливость. Полировка ихъ означаетъ очищеніе святыхъ черезъ перенесеніе страданій. Камни, лежащіе непосредственно на фундаментѣ,—прелаты, держащіе на своихъ плечахъ всю церковь, которую составляютъ остальные камни—міряне. Цементъ, который связываетъ камни — любовь; столбы — апостолы и отцы церкви; дверь — Христосъ, какъ Онъ Самъ называетъ себя въ притчѣ. Кровля покрываетъ храмъ, какъ любовь покрываетъ бездну грѣха міра. Церковь дѣлится на двѣ части—хоръ и корабль. Послѣдній долженъ быть ниже перваго и назначенъ для мірянъ, ибо они еще въ морѣ мірской жизни. Символика храма.

Характерною чертой романскаго стиля является то обстоятельство, что нельзя указать ни мѣста его зарожденія, ни такой области, гдѣ бы онъ преимущественно развивался самостоятельно и постоянно. Онъ появляется почти одновременно повсюду въ Европѣ, и въ различныхъ мѣстахъ идетъ очень неравномѣрно его развитіе. Быстрѣе всего романскій стиль достигаетъ формальной законченности и могущественнаго величія въ Германіи и въ соборахъ Шпейерскомъ (см. табл. II), Майнцскомъ и Вормсскомъ. Ближе всего къ античнымъ памятникамъ стоятъ соборы южно-французскіе—въ Арлѣ, Пуатье, Клермонѣ. Но всѣ романскіе соборы, разсѣянные по Европѣ, отмѣчены одною общею печатью, несмотря на все разнообразіе мѣстныхъ особенностей. Впечатлѣніе величія и мощи, прочности и тяжести, грубоватости и силы, которое навѣваютъ они почти всегда, это впечатлѣніе есть отраженіе въ искусствѣ романской эпохи величія и силы церкви и всего жизненнаго строя X, XI и XII вѣковъ. Особенности и ходъ развитія романскаго стиля.

Рис. 37. Соборъ Парижской Богоматери.

ГОТИЧЕСКІЙ СТИЛЬ.

Характеръ эпохи. Значеніе городскихъ общинъ. Цехи.

Эпоха романскаго стиля, несмотря на отдѣльные рѣзкіе порывы, даетъ общее впечатлѣніе спокойствія. Эпоха же XIII, XIV и XV в., когда господствовалъ готическій стиль, до самаго своего конца представляетъ, напротивъ, непрерывное движеніе. Пробуждается національное чувство; національные языки, вытѣсняя варварскую

Пособія: *Schnaase, C.*, Geschichte der bildenden Künste, 2 Auflage, V Bd. *Springer, A.*, Handbuch der Kunstgeschichte, II, Mittelalter. *Reber, F.*, Kunstgeschichte des Mittelalters. *Corroyer*, L'architecture gothique (изъ Bibliothèque de l'enseignement des beaux arts). *Gonse*, L'art gothique. *Кугеръ, Ф.*, Руководство къ исторіи живописи. *Любке, В.*, Исторіи пластики. *Карьеръ, М.*, Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеалы человѣчества, т. III. Чтеніе А. Поливанова въ Педагогическомъ Сборникѣ 1890, № 4.

латынь монаховъ, начинаютъ радостно звучать и празднуютъ свою юность въ смѣлой поэзіи; схоластика овладѣваетъ не только школою, но дѣйствуетъ и въ жизни; религіозное чувство становится глубже, сильнѣе, яснѣе; образуется рыцарство; организуется королевская власть; князья стремятся къ укрѣпленію своихъ правъ; возникаютъ самостоятельныя городскія общины. Эти городскія общины, освободившіяся отъ преобладанія феодальнаго замка и монастыря, разбогатѣвшія, благодаря возникшей торговлѣ и промышленности, и давшія довольство мирнымъ гражданамъ, являются новой благопріятной для художественнаго развитія средой. Тотъ религіозный порывъ, который поднялъ тысячи въ крестовые походы, выразился у оставшихся въ построеніи храмовъ. Въ религіозномъ рвеніи всѣ жители города принимаютъ горячее участіе въ созданіи своего собора, вмѣняютъ себѣ въ благочестивый подвигъ своими руками переносить для сооруженія зданія кирпичи, камни и другіе матеріалы, а только что возникшіе въ городахъ университеты предлагаютъ научныя пособія въ объясненіи легендъ, энциклопедическихъ и схоластическихъ свѣдѣній, которыми пользовались каменщики въ скульптурныхъ украшеніяхъ храма. Папы и богатые монашескіе ордена, которые такъ способствовали развитію искусства въ предшествовавшую эпоху, оставались теперь безучастны къ художественной дѣятельности. Искусство изъ рукъ духовенства переходитъ совершенно въ руки мірянъ. Среди мірянъ образуются умѣлые каменщики, каменотесы и архитекторы, которые, какъ и другіе ремесленники, согласно съ духомъ времени объединяются въ отдѣльную корпорацію—цехъ. Здѣсь, въ цехѣ, распредѣлялся трудъ, выдавалась условная плата, рѣшались всѣ споры между рабочими. Въ цехахъ же производились испытанія ученикамъ и подмастерьямъ, и тотъ, кто выдерживалъ искусъ, получалъ право выставлять свое имя на исполненныхъ имъ строевыхъ частяхъ. Вступающій въ цехъ обѣщалъ вести себя чинно, честно, давалъ клятву соблюдать цеховой уставъ, получалъ условный пароль и рукопожатіе, которыми онъ могъ всегда доказать свою принадлежность къ цеху и въ другихъ городахъ. При щедрыхъ пожертвованіяхъ, благодаря цехамъ, преемственно передававшимъ другъ другу тайны и усовершенствованныя правила производства, благодаря цѣлымъ артелямъ работниковъ, трудолюбиво занимавшихся ремесломъ, и явилась возможность воздвигать эти сложные и многочисленные соборы. Въ каждомъ такомъ грандіозномъ соборѣ рядомъ съ изступленнымъ порывомъ художника виденъ са-

мый мелочной расчетъ, строгая трезвая осмотрительность ремесленнаго производства. Такъ рыцарски-фантастическое увлеченіе поддерживалось солидной работой средняго городского сословія.

Ходъ развитія готическаго стиля.

Проникнувшись всей силою и теплотою вновь пробужденной жизни, искусство создало новый стиль. Этотъ новый стиль, безъ достаточнаго основанія носящій названіе готическаго, зародился и сдѣлалъ первые шаги въ сѣверо-восточной Франціи въ XII вѣкѣ, въ королевскихъ областяхъ, гдѣ къ этому времени города достигли значительной степени процвѣтанія и началась энергическая строи-

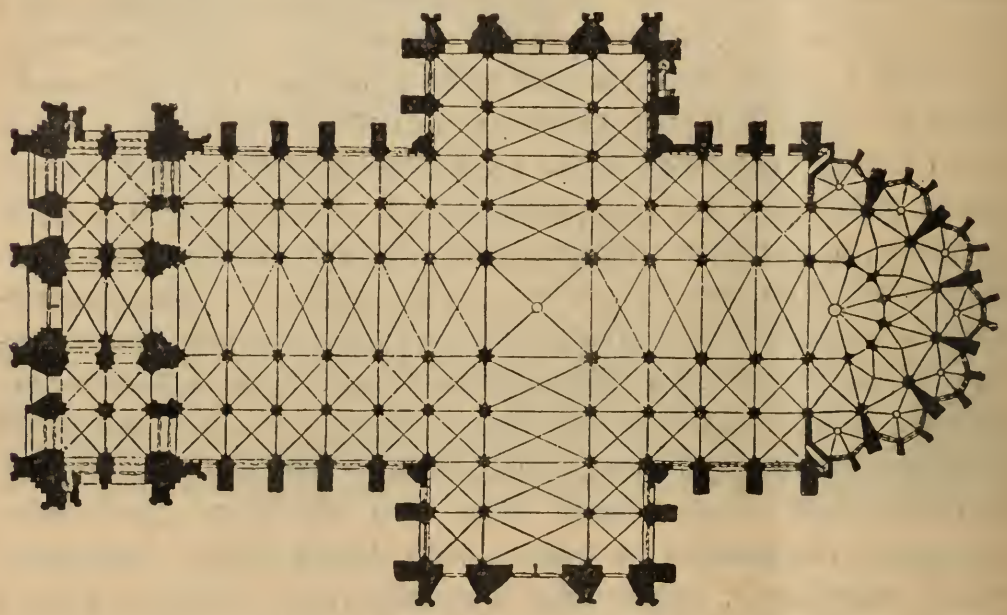


Рис. 38. Планъ Кёльнскаго собора.

тельная дѣятельность. Въ теченіе XIII вѣка готическій стиль во Франціи получилъ полное развитіе, создалъ пышные и изящные соборы въ Амьенѣ и Реймсѣ (см. табл. III) и разлился по всей католической Европѣ. Въ XIV и XV вѣкахъ онъ достигъ величественнаго расцвѣта въ Германіи въ соборахъ Фрейбургскомъ, Страсбургскомъ и Кёльнскомъ (см. табл. IV) и до половины XVI в. господствовалъ въ Англіи, медленно уступая стилю Возрожденія. Менѣе всего сочувствія готическій стиль нашелъ въ классической Италіи. Итальянцы XV в., противники этого стиля, называли его варварскимъ—готическимъ.

Архитектурныя особенности готическаго храма: а) внутри.

Яснѣе всего готическій стиль выразился въ архитектурѣ, главнымъ образомъ въ храмахъ. Время теперь стало болѣе безопасно, менѣе нужны крѣпкія стѣны, и зданія стали не такъ массивны; въ нихъ вмѣсто небольшихъ отверстій прорѣзаны громадныя

Foto E. Thomas & Co. Zürich.

CONDOR, AN ZÜRICH.

Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

СОБОРЪ ВЪ РЕЙМСѢ.

окна. Нѣтъ въ зданіяхъ мрачности романскаго стиля; страшный тысячный годъ минулъ, не принеся съ собой смерти и разрушенія міра; нѣтъ той грубости, такъ какъ архитекторъ сдѣлался опытнѣе, и развился значительно художественный вкусъ; нѣтъ давящаго единства строгой церковности, ибо теперь духовенство во многихъ случаяхъ начало уступать мѣсто мірянамъ и авторитетъ оно иногда дѣлитъ съ мірянами—рыцарями.

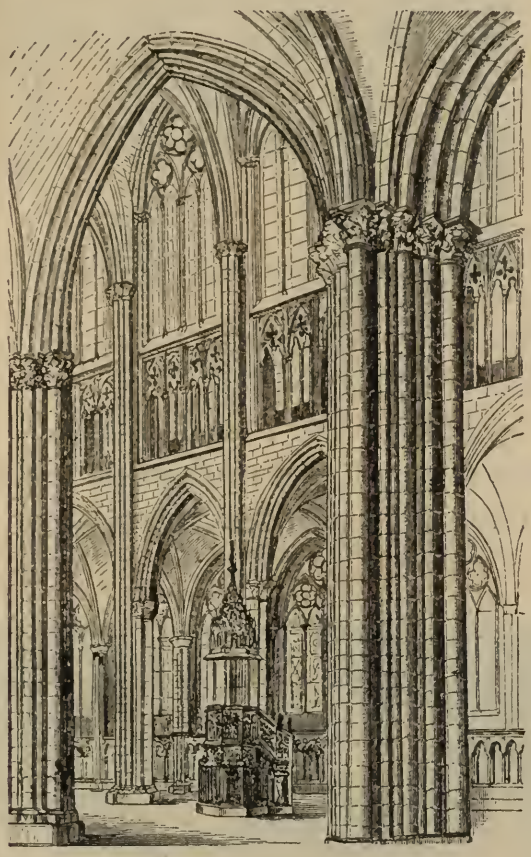


Рис. 39. Колонны изъ Страсбургскаго собора.

Основою плана грандіознаго храма новаго стиля служитъ, какъ и раньше, *продолговатый* латинскій крестъ, образованный пересѣченіемъ двухъ наиболѣе высокихъ кораблей (рис. 38). Сѣверный и южный концы креста—поперечные корабли—болѣе короткіе, чѣмъ продольный—заканчиваются каждый своимъ порталомъ. Восточный конецъ креста попрежнему занятъ хоромъ и алтаремъ. Но уже здѣсь мы замѣчаемъ, что на эту старую основу новый стиль наложилъ свою печать. Стремленіе къ воздушнымъ свѣтлымъ формамъ ясно сказывается въ устройствѣ этой части собора. Мрачная крипта почти

совершенно забыта, и если гдѣ еще сохраняется, то только какъ отзвукъ прошедшей романской эпохи. Съ криптой исчезло и зна-

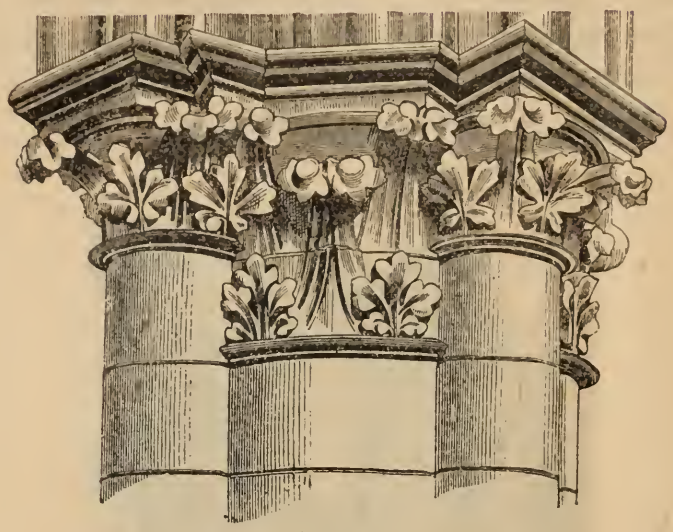


Рис. 40. Готическая капитель.

чительное поднятіе хора; въ жизни духовные стали ближе къ мірянамъ; на двѣ, на три ступени поднимается хоръ, отдѣленный отъ

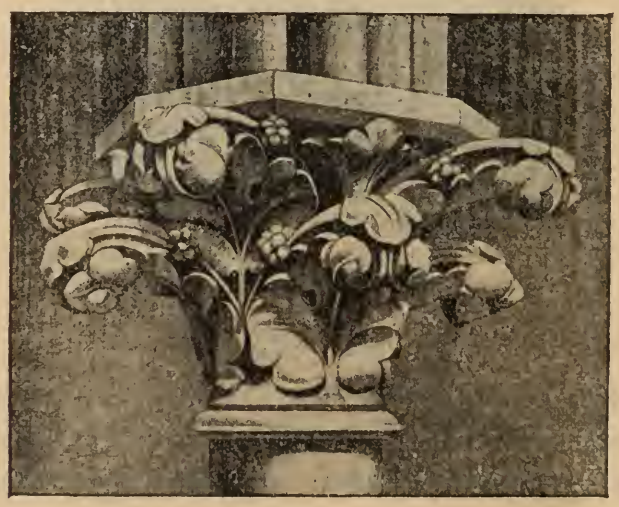


Рис. 41. Готическая капитель.

остальной части храма высокой рѣшоткой. Массивную полукруглую абсиду романскаго стиля въ новомъ храмѣ замѣнила болѣе легкая полигонная. Вокругъ этой абсиды можно пройти, выйдя изъ одного

бокового корабля и вернувшись въ другой по опоясывающему абсиду коридору съ цѣлымъ вѣнкомъ тоже полигонныхъ часовенъ. Въ этой части храма стало свѣтлѣе, просторнѣе, духъ строгости, жившій среди мощныхъ стѣнъ прежней абсиды, исчезъ, все оживилось, благодаря игрѣ цвѣта и отраженій, которую дали большія окна, благодаря глубокой, уносящей мысль въ даль перспективѣ, которую открыли просвѣты въ часовнѣ.

Западный, болѣе длинный конецъ креста — отъ хора до портала—занятъ главнымъ кораблемъ, къ которому примкнули съ боковъ болѣе низкіе корабли, а къ нимъ—десятки еще болѣе низкихъ часовенъ. Эти корабли отдѣлены другъ отъ друга длинными рядами колоннъ. Каждая изъ колоннъ представляетъ группу тон-

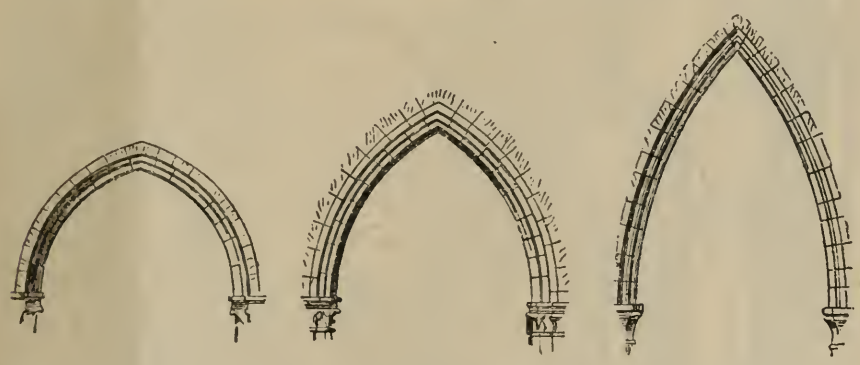


Рис 42. Стрѣльчатыя дуги.

кихъ, выходящихъ изъ одного общаго основанія полуколонокъ, столпившихся вокругъ главной центральной колонны (рис. 39). Верхъ этой сложной колонны украшенъ общею капителью изъ легкой туземной листвы и цвѣтовъ (рис. 40 и 41). Ни фантастическихъ фигуръ животныхъ, ни демоновъ, которыхъ мы видѣли на широкихъ капителяхъ колоннъ романскаго стиля, здѣсь мы не встрѣтимъ; тонкія полуколонны не даютъ для нихъ мѣста. Эти полуколонки сначала поддерживаютъ поддужины стрѣльчатыхъ арокъ [1]) (рис. 42), затѣмъ идутъ далѣе вверхъ. Тамъ, надъ капителью онѣ соединются съ другими еще болѣе тонкими, и всѣ вмѣстѣ снова тянутся вверхъ, разбѣгаясь, точно вѣтви деревьевъ, по своду храма навстрѣчу такимъ же полуколоннамъ сосѣднихъ колоннъ и, соединившись съ ними, создаютъ паутину стрѣльчатыхъ арокъ, образую-

[1]) Стрѣльчатая арка составлена изъ двухъ описанныхъ одинаковыми радіусами дугъ, образующихъ при пересѣченіи острый криволинейный уголъ.

щихъ стрѣльчатый сводъ (рис. 43). Въ этомъ стройномъ расчлененіи, въ переплетенныхъ арками, точно паутиной, высокихъ сводахъ—видна та же смѣлость, какая поражаетъ насъ въ рыцар-

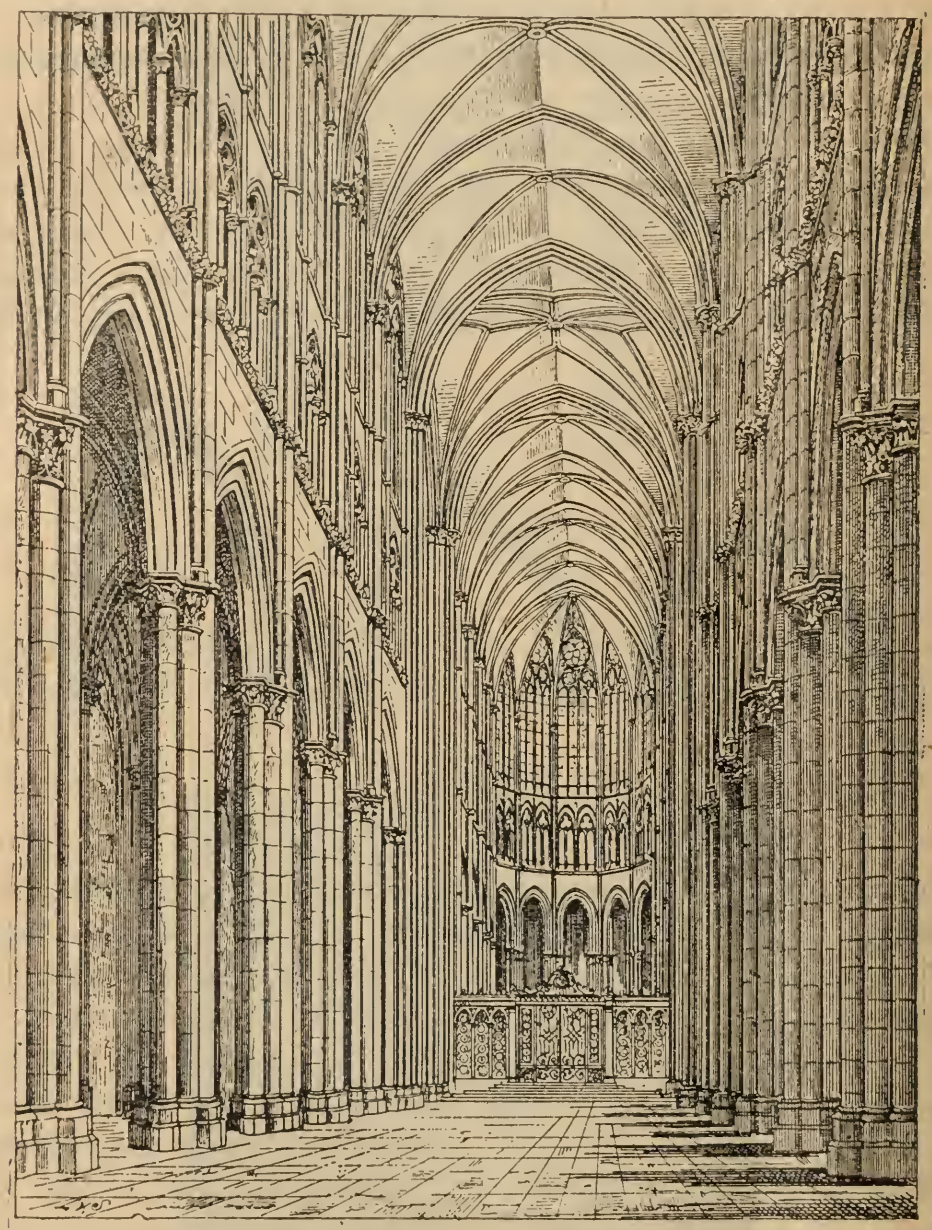


Рис. 43. Внутренность Амьенскаго собора.

скихъ подвигахъ, въ нѣжныхъ ихъ очертаніяхъ—то же мягкое, теплое чувство, которымъ вѣетъ отъ любовныхъ рыцарскихъ пѣсенъ.

И несущіяся какъ будто безпредѣльно вверхъ колонки, и смѣлые съ нѣжными очертаніями своды стали возможны потому, что

архитекторъ всюду даетъ мѣсто *стрѣльчатой аркѣ*. Насколько тяжелая полукруглая романская арка приковывала зданіе къ землѣ, удерживая его въ стремленіи вверхъ, настолько легкая остроконечная стрѣльчатая арка даетъ не только средства поднять храмъ въ высоту, почти не ставя предѣловъ, но какъ бы постоянно сама влечетъ зданіе ввысь. Въ этой стрѣльчатой аркѣ со всей силою выразился тотъ порывъ отъ земли къ небу, который былъ главной характерной чертой жизни и, какъ ея отраженіе, сдѣлался главнымъ принципомъ готической архитектуры. Этотъ принципъ нашелъ выраженіе въ стремленіи всѣхъ частей храма подняться возможно выше, въ постоянномъ преобладаніи линіи вертикальной надъ горизонтальной. Больше легкости, свѣта и стремленія ввысь—вотъ что главнымъ образомъ отличаетъ новый готическій стиль. Чтобы дать болѣе свѣта высокому храму, чтобы облегчить его громадныя стѣны, архитекторъ вырѣзалъ въ нихъ громадныя окна. Длинными тонкими колонками расчленилъ онъ эти окна на узкія, какъ бы тянущіяся вверхъ, полоски, а въ самомъ верху эти колонки сомкнулъ онъ въ острыя арки и заполнилъ сложнымъ, высѣченнымъ изъ камня тонкимъ узоромъ, придавъ его частямъ видъ стеблей съ распустившимися листьями и цвѣтами (рис. 44). Узкія, заполненныя стеклами полосы этихъ оконъ заняла живопись необычайной силы и яркости красокъ. Въ темныхъ каменныхъ рамахъ на ковровомъ фонѣ стоятъ длинныя одинокія фигуры Христа и святыхъ, среди красиваго бордюра вырѣзываются сцены изъ Св. Писанія или легендъ (рис. 45). Неумѣніе приготовлять большія стекла создало самыя мелкія сочетанія изъ стеколъ различныхъ цвѣтовъ. Благодаря этому сочетанію разноцвѣтныхъ стеколъ, даже тогда, когда солнце льетъ сильный свѣтъ, въ храмѣ нѣтъ ни глубокихъ тѣней, ни ярко и рѣзко освѣщенныхъ точекъ: всюду разсѣянъ мягкій по-

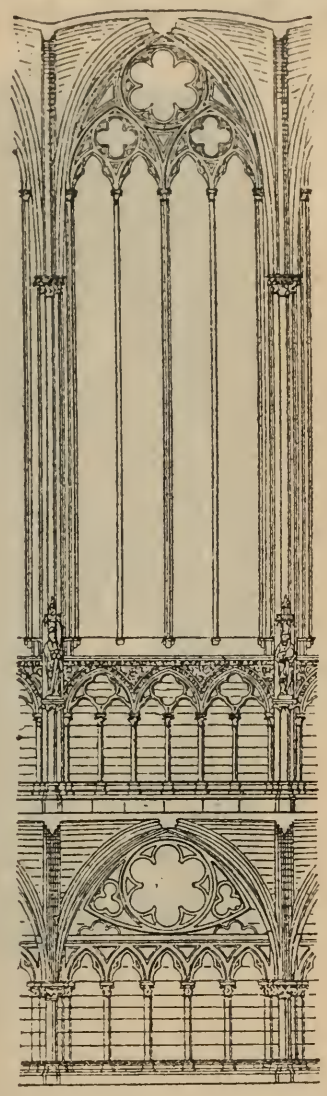


Рис. 44. Окно въ Св. Капеллѣ въ Парижѣ.

лусвѣтъ, замѣнившій суровый сумракъ романскаго храма. Въ этихъ длинныхъ, узкихъ полосахъ съ длинными фигурами святыхъ, въ тянущихся тонкихъ колонкахъ чувствуется движеніе вверхъ, господствуетъ вертикальная линія. Даже прежній романскій карнизъ, шедшій внутри храма между арками столбовъ и окнами въ видѣ простой горизонтальной линіи, и тотъ потерпѣлъ теперь измѣненіе. Вмѣсто него, подъ окномъ идетъ галлерея изъ остроконечной

Рис. 45. Окно въ Кёнигсфельденѣ. Поклоненіе царей.

аркады съ длинными вертикальными колонками, подобными оконнымъ, только нѣсколько болѣе тяжелыми, чѣмъ тѣ (рис. 46, d). Эта галлерея (трифорій) часто фальшивая—по ней нельзя пройти, и служитъ она для того, чтобы облегчить высокую стѣну и сдѣлать переходъ отъ болѣе тяжелыхъ энергично тянущихся вверхъ высокихъ столбовъ съ стрѣльчатыми арками къ болѣе мелкимъ воздушнымъ колонкамъ и аркадамъ оконъ, чтобы показать лишній разъ вертикальную линію и тѣмъ поддержать и усилить общее впечатлѣніе паренія вверхъ.

То же стремленіе вверхъ мы видимъ и въ наружныхъ частяхъ собора. б) снаружи.

Тяжесть громаднаго зданія слишкомъ велика: ея не въ силахъ

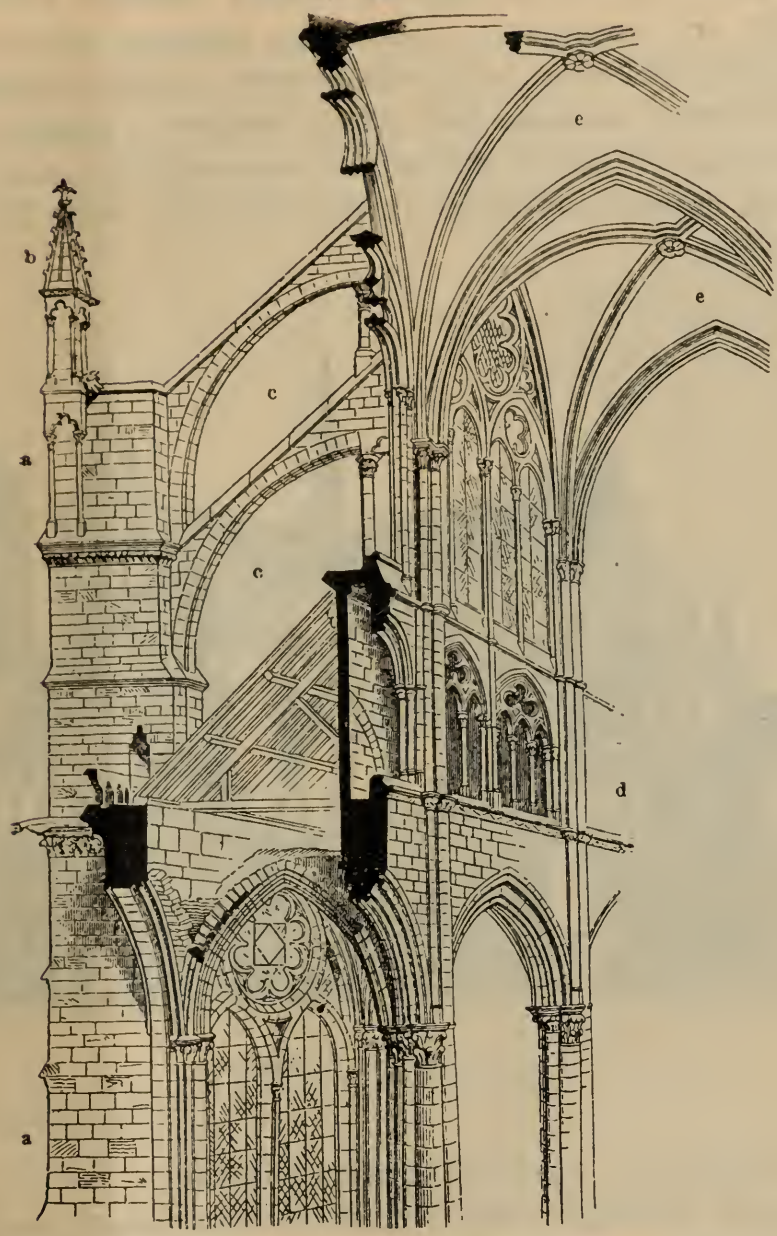


Рис. 46. Система готической постройки (Амьенск. соборъ). a. Упорные столбы, b. Фіалъ, c. Провислыя арки, d. Трифорій, e. Крестовый сводъ.

выдержать цѣлыя группы колоннъ и стѣны, въ помощь имъ архитекторъ приставилъ снаружи стѣны упорные столбы, принимающіе на себя часть тяжести внутреннихъ сводовъ (рис. 37 и 47). Но этого мало. Въ простѣнкахъ оконъ боковыхъ, болѣе низкихъ кораблей выдвинуты тоже крѣпкіе упорные столбы (рис. 46, a); они держатъ

не только тяжесть сводовъ боковыхъ кораблей, но, поднимаясь надъ ними почти въ уровень съ крышей средняго высокаго корабля, черезъ переброшенныя отъ его стѣны провислыя арки (рис. 46, c., и рис. 37), берутъ и несутъ еще часть тяжести сводовъ главнаго корабля (рис. 46, e). Всѣ эти поднявшіеся высоко надъ боковыми капеллами и кораблями упорные столбы, обступившіе храмъ, своими остроконечными пирамидальными крышами (рис. 46, b) говорятъ о движеніи вверхъ. То же стремленіе вверхъ чувствуется и въ остроугольныхъ фронтонахъ надъ окнами и дверями (вимбергахъ) (см. табл. III и IV) и

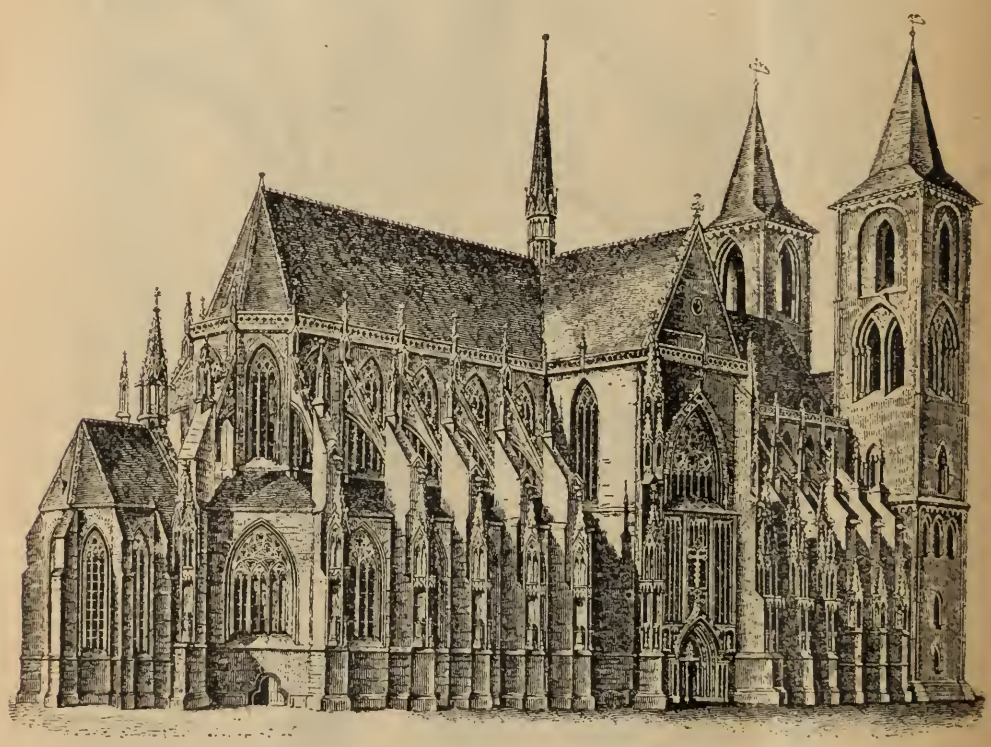


Рис. 47. Церковь въ Гальберштадѣ.

въ остроконечныхъ крутыхъ крышахъ главныхъ частей храма, и въ высокихъ башняхъ собора. Нижняя часть башенъ съ упорными столбами по четыремъ угламъ во второмъ ярусѣ переходитъ въ восьмигранную призму, а выше еще поднимается, круто суживаясь по мѣрѣ поднятія, вся вырѣзанная изъ камня, сквозная восьмиугольная пирамида, острый шпицъ которой, украшенный пышной розеткой, уходитъ далеко въ глубь небесъ (см. табл. IV). Здѣсь, въ этихъ башняхъ необычайной высоты и красоты, рѣшительнѣе всего выразилось идеальное, не связанное ни съ чѣмъ практическимъ, стремленіе къ небу. Если бы нужно было возвести постройку для коло-

Boyer & Fouquet et Dujardin

COLOGNE. ST. PÉTERS.

Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

СОБОРЪ ВЪ КЁЛЬНѢ.

кола, чтобы далеко разносился его звукъ, было бы достаточно для того надстройки надъ храмомъ. Если, сверхъ того, требовалось еще, чтобы башня служила и для наблюденія за ближайшими окрестностями, сторожа въ нихъ врага, для этого могла служить одна простая башня, не украшенная ничѣмъ, но высокая. Но ни на томъ, ни на другомъ не остановились: башни должны были выйти за предѣлы необходимаго, должны были доказать, что не житейская потребность, а слава Божія была главною цѣлью для воздвигавшей соборъ городской общины.

Если съ этой высокой башни вы бросите взглядъ внизъ, весь соборъ представится вамъ цѣлымъ кварталомъ какъ будто отдѣльныхъ каменныхъ зданій (см. табл. IV). Сначала трудно повѣрить, что эти террасы, окруженныя галлереями, остроконечныя крыши, идущія одна надъ другою, что это безчисленное множество верхушекъ, весь этотъ лѣсъ тянущихся вверхъ башенокъ со шпицами, точно сомкнутые ряды гигантскихъ копій, что это все принадлежитъ одному зданію. Но, всмотрѣвшись внимательнѣе, вы замѣчаете, что всѣ эти отдѣльныя самостоятельныя части суть члены одного цѣльнаго организма, связанные одной основной формой—продолговатымъ латинскимъ крестомъ, который образовали крыши главныхъ высокихъ кораблей храма (рис. 47). Такъ, среди воинственнаго рыцарства, среди различныхъ народовъ средневѣковья, разбитыхъ феодализмомъ на группы, сословія и корпораціи, стремящіяся къ обособленію и идущія въ разрѣзъ съ объединяющимъ стремленіемъ папъ и императоровъ, было одно объединяющее всѣхъ начало—благочестивый религіозный порывъ, стремленіе къ небу.

Нѣкоторые соборы точно внезапно остановились въ своемъ смѣломъ порывѣ къ небеснымъ высотамъ. Начатые страстно и энергично, когда былъ силенъ энтузіазмъ, они остались недовершенными, когда прекратился притокъ приношеній, изсякнувшій вмѣстѣ съ ослабленіемъ религіозныхъ порывовъ.

Скульптура.

Весь готическій соборъ точно обросъ скульптурой. Во всей пышности и красѣ развернулась она снаружи храма, въ особенности на главномъ фасадѣ собора (см. табл. III). На срѣзанныхъ наискось стрѣльчатыхъ аркадахъ трехъ порталовъ фасада стоитъ длинный рядъ статуй святыхъ, какъ бы приглашающихъ войти въ храмъ. Онѣ стоятъ, какъ на базисѣ, на кронштейнахъ, а надъ каждой изъ нихъ балдахинъ, который покрываетъ статую и вмѣстѣ съ тѣмъ выполняетъ декоративную роль капители (рис. 48). По верхнимъ линіямъ аркадъ пріютилось безчисленное множество статуй меньшаго

размѣра. Съ трудомъ глазъ можетъ пересчитать безконечные ряды фигуръ отъ самаго низа зданія и до верхнихъ гребней фронтоновъ, цѣлыя группы, которыя на недосягаемой высотѣ лѣпятся по сторонамъ или выступаютъ изъ открытыхъ галлерей между колоннами подъ готическими башенками, которыми, какъ зубчатымъ кружевомъ, убранъ верхъ зданія. Каменной рѣзьбой сквозятъ вимберги дверей и оконъ и громадная круглая роза —окно надъ среднимъ порталомъ.

Рис. 48. Статуи на сѣверномъ порталѣ Шартрскаго собора (вторая треть XIII в.).

Въ этихъ сонмахъ статуй, которыя оживляютъ и одухотворяютъ массы стѣнъ и порталовъ, нарушая линейныя очертанія архитектуры и придавая зданію жизнь, богатство и движеніе—отразились съ образцовою полнотою всѣ достоинства, всѣ прелести и недостатки скульптуры этой эпохи.

Для исполненія огромныхъ скульптурныхъ работъ было необходимо пользоваться всѣми бывшими на лицо художественными силами, какъ ни различны онѣ были по своему достоинству. Вотъ почему часто исполненіе ихъ представляетъ большія различія. Нѣкоторыя статуи неуклюжи и коротки; нѣкоторыя непріятно поражаютъ вытянутыми, не совсѣмъ складными пропорціями (рис 48). Но большинство украшающихъ соборъ статуй передаютъ человѣческую натуру гораздо полнѣе, чѣмъ статуи романской эпохи. Движенія развязнѣе; корпусъ и оконечности свободнѣе выступаютъ своею жизненностью изъ каменныхъ глыбъ, и самое одѣяніе, послушное движеніямъ фигуры, облекаетъ ее широкими волнами складокъ. Важныя, иногда осѣненныя кроткой улыбкой лица красивѣе, вы-

СКУЛЬПТУРА

VIII ВЕКА.

II

I

III

IV

V

I. [illegible]
[illegible]
II. [illegible]
III. [illegible]
IV. [illegible]
V. [illegible]
[illegible]

[illegible] Статуя [illegible] работы [illegible] (см. [illegible])

СКУЛЬПТУРА

XIII ВѢКА.

II

I

III

IV

V

I. Богоматерь (La Vierge dorée).
(Амьенскій соборъ).
II. Христіанская церковь.
III. Синагога.
IV. Неразумная дѣва.
V. Мудрая дѣва.
(Страсбургскій соборъ).

раженіе ихъ глубже и задушевнѣе. Самое размѣщеніе статуй какъ нельзя болѣе граціозно: чтобы придать этому множеству статуй, занявшихъ галлереи фасада, болѣе жизни, художникъ очень удачно выбралъ для нихъ такія позы, что почти ни одна статуя не стоитъ особнякомъ отъ другихъ, безъ всякаго къ нимъ отношенія, а всѣ онѣ соединяются въ свободныя группы: онѣ обращены другъ къ другу и, кажется, онѣ дружески бесѣдуютъ между собой. Въ разстановкѣ статуй, въ движеніи ихъ, въ драпировкѣ, въ выраженіи лицъ сказалась эпоха, та среда, которая окружала художника. Жизнь сдѣлалась болѣе удобною и пріятной; нравы смягчились; красивая внѣшность и вѣжливость въ обращеніи стали считаться достоинствами. Кавалеры и дамы одѣлись въ длинныя, падающія пышными складками одежды изъ мягкихъ матерій. Это окружало начинавшаго присматриваться и изучать натуру художника, и онъ отразилъ въ скульптурѣ свои впечатлѣнія. Мягкость чувствъ, рыцарскій культъ женщины, царившій въ XII и XIII вв., весь вылился у него въ статуѣ Богоматери. Она вся проникнута женственнымъ характеромъ: это прекрасная мать, безгранично любящая Сына, Котораго она ласкаетъ и прижимаетъ къ груди (см. табл. V).

Кроткая прелесть женщины, сердечность и чистота ангеловъ, тихое блаженство святыхъ, строгость апостоловъ, покорность и смиреніе мучениковъ, милосердіе Божественнаго Учителя и величіе Всемірнаго Судіи никогда не были изображены въ скульптурѣ такъ возвышенно и съ такою чистотою, какъ въ XIII столѣтіи.

Идеи и настроенія, отразившіяся въ храмовой готической скульптурѣ.

Горячее религіозное чувство, пробивающееся стремленіе къ изученію природы и громадная практика способствовали освобожденію скульптуры отъ условности и косности предшествовавшаго періода и создали особый пластическій стиль, техника котораго умѣла находить средства для выраженія настроеній, какія воодушевляли художника. Но на этомъ не остановился средневѣковый скульпторъ. Главною своею задачею онъ ставилъ при помощи этихъ отдѣльныхъ статуй выразить сложный кругъ идей. Все, что схоластика развила въ построенной ею догматической системѣ, основанной на глубокомъ изученіи Евангелія, все, что средневѣковая мистерія представляла въ дѣйствіи,—все это выразилъ рѣзецъ ваятеля на порталахъ и фасадахъ собора. Грѣхопаденіе и искупленіе составляютъ главную тему изображеній. Съ новозавѣтными событіями сопоставляются событія ветхаго завѣта; рядомъ съ изображеніями Христа, апостоловъ и святыхъ выступаютъ характерныя фигуры патріарховъ и пророковъ, аллегорическія изображенія хри-

стіанской церкви и синагоги (см. табл. V). Къ этому присоединяются изображенія временъ года и соотвѣтствующихъ имъ работъ и занятій науками и искусствами, даже забавъ и удовольствій. Такъ все приводится въ непосредственное отношеніе къ основной мысли и образно выражаетъ дѣйствіе Божественнаго промысла на землѣ. Въ этихъ сотняхъ статуй развертывается цѣлая энциклопедія знанія, вся сумма религіозныхъ вѣрованій эпохи, выраженныхъ символически. Эти символы служатъ для того, чтобы выразить глубочайшія мысли въ живомъ, ясномъ пластическомъ образѣ, безъ тяжелыхъ схоластическихъ формъ, и сдѣлать тѣмъ самымъ ихъ достояніемъ многихъ.

Рис. 49. Надгробный памятникъ архіепископа фонъ-Аспельта въ Майнцскомъ соборѣ.

Рядомъ съ выраженіемъ этихъ идей врывается въ скульптуру собора и остроуміе, и морализующій юморъ, и жгучіе интересы эпохи. Часто мы видимъ сцены изъ Рейнеке - Лиса, рыцарскихъ пѣсенъ, романовъ, легендъ, мистерій и сказокъ. Мы видимъ ворону въ вѣтвяхъ дерева, подъ которымъ сидитъ лиса; аиста, который изъ пасти волка тащитъ кость; лисицу, проповѣдующую курамъ; осла, читающаго, учащаго, играющаго на арфѣ и въ шахматы, въ монашескомъ клобукѣ или совсѣмъ въ одеждѣ духовныхъ. На надгробномъ памятникѣ архіепископа Петра фонъ-Аспельта въ Майнцскомъ соборѣ скульпторъ XIV-го вѣка изобразилъ покойнаго представителя папы возлагающимъ короны на германскихъ королей Генриха VII, Людовика Баварскаго и Іоанна Богемскаго и, чтобы еще нагляднѣе сдѣлать превосходство духовной власти надъ свѣтскою, фигуры королей представилъ въ нѣсколько меньшемъ размѣрѣ (рис. 49). Другое теченіе отразилъ скульпторъ на паперти монастыря въ Лаахѣ: діаволъ держитъ передъ пеликаномъ, символизирующимъ церковь, свитокъ, на которомъ написано „Peccata Romae“—грѣхи Рима.

Любовь къ фантастическому, которая въ жизни высказывалась

даже въ духовныхъ мистеріяхъ въ формѣ грубыхъ, часто непристойныхъ фарсовъ, вошла въ скульптуру собора, который служилъ отраженіемъ всей жизни эпохи. Эта любовь къ фантастическому нашла себѣ проявленіе и въ причудливыхъ фигурахъ (рис. 50), и въ забавныхъ формахъ, которыя давались рыльцамъ водосточныхъ трубъ, далеко выдвинувшихъ свои пасти, чтобы отбросить дальше отъ стѣнъ стекающую съ крутыхъ крышъ собора воду.

На этомъ оставимъ соборъ, гдѣ познакомились мы съ архитектурой, скульптурой и отчасти въ окнахъ его съ живописью этой эпохи. Чтобы дополнить представленіе о живописи, намъ нужно

Живопись готическаго стиля.

Рис. 50. Фантастическая фигура съ крыши собора Парижской Богоматери.

взглянуть на миніатюры рукописей и иконы. Наше вниманіе должны остановить не рукописи, предназначенныя для церковнаго употребленія или набожныхъ знатныхъ особъ съ заботливо исполненными сильными красками и золотомъ миніатюрами: эти миніатюры большею частью сдѣланы въ монастырской глуши, чуждой новыхъ теченій, и воспроизводятъ онѣ до конца XV в. древніе образцы въ старомъ романскомъ стилѣ. Намъ нужно остановиться на рукописяхъ съ рыцарскими или духовными стихотвореніями, поэтическими легендами, даже на Апокалипсисѣ, вообще на всѣхъ тѣхъ писаніяхъ, гдѣ художникъ не былъ связанъ благоговѣніемъ передъ

преданіемъ и имѣетъ дѣло съ предметами, которые возбуждаютъ его чувство. Въ этихъ легкихъ очеркахъ перомъ, слегка покрытыхъ краской безъ тѣней, новая жизнь бьетъ сильной струей.

Пѣснь миннезингера, въ которой онъ пѣлъ прелесть своей дамы и прелесть весны, вела къ тому, что пониманіе внутренняго міра постепенно усиливалось, природа открывалась глазамъ. И чѣмъ болѣе рыцарская поэзія дѣлается общимъ достояніемъ, тѣмъ сильнѣе развивается пониманіе красоты человѣческаго лица, формы дѣлаются полнѣе, выраженія яснѣе, движенія живѣе. Правда, иногда лица еще угловаты, глаза слишкомъ велики, одежды съ красивыми складками слишкомъ развѣваются, ноги почти всегда очень малы, деревья и постройки долго сохраняютъ свой условный видъ. Воодушевленный текстомъ художникъ стоитъ совершенно на почвѣ поэта и отражаетъ его достоинства и недостатки въ рисункѣ—та

Рис. 51. Королева, слушающая менестрелей. Миніатюра XIII вѣка.

же неопредѣленность выраженія лицъ, какъ у поэта, такъ же нѣтъ сильныхъ характеристикъ, нѣтъ глубокаго изученія натуры, и пониманіе ея обнаруживается болѣе въ лицахъ женскихъ, чѣмъ мужскихъ, болѣе въ миловидныхъ и пріятныхъ, чѣмъ въ выражающихъ спокойное достоинство (рис. 51). Но тамъ, гдѣ требуется изобразить фантастичное, неожиданное, страстное, тамъ рисунокъ живетъ. Существенное преимущество миніатюръ этихъ рукописей состоитъ въ ихъ драматической живости и выраженіи страсти, страданія. Мы часто поражены, какъ рисунокъ, при всемъ несо-

вершенствѣ пропорцій тѣла, движеніемъ рукъ умѣетъ выразить чувства въ извѣстный моментъ совершенно понятно и ясно.

Прежніе сюжеты изъ св. исторіи обработываются теперь глубже, полнѣе, къ нимъ присоединяются новые, до сихъ поръ не изображавшіеся, и здѣсь внутренняя жизнь начинаетъ сильнѣе себя заявлять, начинаетъ сильнѣе отражаться дѣйствительность.

Рис. 52. Стефанъ Лохнеръ. Богоматерь съ Младенцемъ.

Въ библіотекѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ есть маленькая икона начала XV вѣка, которая наглядно представляетъ переходъ, совершившійся къ этому времени отъ прежнихъ типичныхъ церковныхъ воззрѣній къ новымъ, инымъ. На этой иконѣ представленъ райскій садъ. Богоматерь сидитъ возлѣ каменнаго стола и читаетъ; на столѣ стоялъ стаканъ и плоды. Передъ Нею сидитъ одѣтый младенецъ Іисусъ посреди цвѣтовъ и играетъ на гусляхъ, которыя передъ Нимъ держитъ святая. Другая святая черпаетъ воду изъ родника, третья собираетъ вишни въ большую корзину. Съ другой стороны сидятъ архангелъ Михаилъ, покойно опершись на

руку, и св. Георгій. Подлѣ перваго—маленькая обезьяна, подлѣ второго лежитъ опрокинутый навзничь пораженный драконъ. Позади стоитъ, прислонившись къ дереву ухомъ, святой, весь отдавшійся слуху. Наполненный цвѣтами и птицами этотъ райскій садъ отдѣленъ отъ внѣшняго міра стѣною. То же измѣненіе настроенія прекрасно показываетъ съ менѣе сложнымъ сюжетомъ икона Кёльнскаго музея, приписываемая Стефану Лохнеру, выдающемуся кёльнскому художнику первой половины XV в.,—Божія Матерь съ младенцемъ Христомъ (рис. 52).

Свѣтская городская архитектура готическаго стиля.

Но не одни только грандіозные соборы съ стремящимися въ высь башнями характерны для эпохи готическаго стиля. Сознавшіе свою силу и значеніе горожане на площади рядомъ съ соборомъ сооружаютъ ратушу—думу, и скоро башня ратуши начинаетъ соперничать съ башней собора. Энергично и гордо она поднимается надъ городомъ, свидѣтельствуя о выросшемъ въ горожанахъ чувствѣ собственнаго достоинства, благосостояніи и силѣ. Роскошныя ратуши готическаго стиля сохранились до нашего времени въ Брюгге, Брюсселѣ, Лёвенѣ и многихъ другихъ городахъ (см. таблицу VI).

Тѣсная связь готическаго стиля съ жизнью.

Такова архитектура, скульптура и живопись эпохи готическаго стиля. Нельзя, конечно, думать, чтобы созданное въ теченіе трехъ столѣтій на всемъ пространствѣ Европы было совершенно похоже одно на другое: можно встрѣтить массу отклоненій въ нѣкоторыхъ частяхъ, то въ силу мѣстныхъ привычекъ, то въ силу слагающихся національныхъ особенностей, историческихъ преданій, то въ силу условій обработки матеріала, особеннаго назначенія зданія, стремленія къ необычайности или желанія сдѣлать архитектурную попытку. Особенно большимъ разнообразіемъ отличаются зданія той переходной эпохи, когда готическій стиль, образуясь постепенно, смѣнялъ прежній романскій. Но въ большей или меньшей степени основныя характерныя черты стиля остаются повсюду—въ зданіяхъ гражданскихъ, религіозныхъ, частныхъ, общественныхъ; мы встрѣчаемъ ихъ даже въ оружіи, одеждѣ, мебели и другихъ принадлежностяхъ обиходной жизни, однимъ словомъ, во всемъ томъ, чего хоть слегка коснулось искусство. Эта общность стиля, охватывающая всѣ стороны художественной жизни, ясно свидѣтельствуетъ, что этотъ стиль былъ какъ бы завершеніемъ и цвѣтомъ жизни, вышедшимъ непосредственно изъ нея самой и поэтому отразившимъ наиболѣе ясно, пластически ея главныя теченія.

Н. Тарасовъ.

Photo G. Fraipont et Renault.

PATRIA DE BROCÉRIE

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

РАТУША ВЪ БРЮССЕЛѢ.

Рис. 53. Орнаментъ изъ Альгамбры.

МАВРИТАНСКІЙ СТИЛЬ.

(Боткинъ, В. П., Письма объ Испаніи).

Восточные и античные элементы мавританскаго стиля.

...Давно кочевали арабы въ Азіи бродячими племенами, занимаясь скотоводствомъ, земледѣліемъ и разбоемъ или нанимаясь на службу у азіатскихъ и африканскихъ владѣтелей. Въ 610 г. по Р. Х. вдругъ просыпаются они на голосъ Магомета. Неслыханный доселѣ энтузіамъ потрясъ дикія племена пустынь; до того времени неподвижныя, они встаютъ, какъ неотразимый вихрь, разносить по всей землѣ слово пророка. Въ нѣсколько лѣтъ исламизмъ владѣетъ уже отъ береговъ Атлантическаго океана до Гангеса.

Новая религія принесла съ собой особый родъ богопочитанія, а оно создало новую форму искусства. Но тогда арабы, какъ и германцы, нахлынувшіе на римскую имперію, не имѣли никакой самостоятельной образованности и, слѣдовательно, невольно должны были взять въ образецъ тѣ формы искусства, которыя нашли въ завоеванныхъ ими странахъ. То были большею частію зданія временъ упадка римскаго зодчества; ихъ-то преимущественно исламизмъ и долженъ былъ взять себѣ въ образецъ: онъ, такъ же, какъ и христіанство, былъ врагомъ языческаго богослуженія. Къ этому присоединился еще и собственно восточный художественный элементъ. Даже на римскихъ постройкахъ въ Азіи и Африкѣ лежалъ всегда болѣе или менѣе ощутительный восточный колоритъ, и весьма естественно, что этотъ восточный элементъ еще болѣе развился у арабовъ въ завоеваніяхъ при соприкосновеніи ихъ съ старыми образованными народами Азіи. А такъ какъ потомъ арабы

начали уже развиваться самостоятельно, то изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ элементовъ, наконецъ, образовалось то, что теперь обыкновенно зовется *мавританскимъ* стилемъ.

Особенности мавританскаго стиля въ скульптурѣ и архитектурѣ.

По своему источнику, искусство магометанское находится въ близкой связи съ древнехристіанскимъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно отличается въ одномъ, а это одно такъ важно, что черезъ него именно задушено было въ самомъ зернѣ своемъ все дальнѣйшее совершенствованіе мусульманскаго искусства. Магометъ до такой степени боялся, чтобы арабы не воротились къ своему прежнему идолопоклонству, что непремѣннымъ догматомъ Корана запретилъ правовѣрнымъ представлять въ живописи и ваяніи людей и животныхъ. Вотъ причина, почему эти оба искусства были пренебрежены арабами. Ихъ искусство самое любимое, самое задушевное, была поэзія. Изъ пластическихъ искусствъ оставалась имъ одна архитектура; въ ней одной принуждена была во внѣшнихъ формахъ разыгрываться пламенная фантазія ихъ. Но архитектура неразрывно связана съ религіозными идеями. Религіозныя же идеи арабовъ кружились около: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его; Богъ единъ, Богъ всемогущъ, накажетъ злыхъ, наградитъ добрыхъ». При такомъ одинокомъ догматѣ негдѣ было разыгрываться религіозному воображенію; при этомъ ни миѳовъ, ни религіозныхъ преданій—одно голое сухое единство. Вотъ отчего архитектурные памятники арабовъ далеко не соотвѣтствуютъ ихъ образованности. Архитектура имѣетъ характеръ однообразный и совершенно чужда развитія.

Впрочемъ, навсегда оставшись при однѣхъ формахъ древнехристіанскаго зодчества, арабская архитектура запечатлѣла ихъ своимъ особеннымъ характеромъ. Я имѣю здѣсь въ виду высшее выраженіе мусульманской архитектуры—ея религіозные памятники—мечети. Въ нихъ особенно замѣтны два стиля: одинъ принадлежитъ древнехристіанской базиликѣ, другой болѣе приближается къ стилю византійскому. Памятники перваго находятся въ Европѣ; второй, сдѣлавшійся потомъ общимъ мусульманскимъ, принадлежитъ Востоку. Но этимъ первообразамъ своей архитектуры арабская фантазія слѣдовала не рабски, она преобразила ихъ по-своему, примѣшавъ еще къ нимъ нѣкоторыя формы архитектуры индѣйской. Всего болѣе оригинальность арабской фантазіи выразилась въ украшеніяхъ, въ подробностяхъ, гдѣ надобно было избѣгать всякихъ опредѣленныхъ формъ и образовъ, находящихся въ природѣ. То была задача, достойная арабской фантазіи, и она чудно разрѣшила

Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ.

МЕЧЕТЬ ВЪ КОРДОВѢ.

ее, создавъ свои безконечно клубящіяся и перевивающіяся вереницы линій и фигуръ, извѣстныхъ теперь подъ названіемъ арабесковъ.

Мечеть въ Кордовѣ.

Мечеть въ Кордовѣ принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ постройкамъ арабовъ: она начата была въ концѣ VIII вѣка, вскорѣ послѣ завоеванія Кордовы. Первымъ дѣломъ арабовъ при завоеваніи всякаго города было тотчасъ же построить мечеть и завести школу.

Въ противоположность другимъ народамъ, арабы какъ въ своихъ колоссальныхъ памятникахъ, такъ и въ простыхъ домахъ не только пренебрегали наружностью, но словно съ намѣреніемъ дѣлали ее какъ можно проще, какъ можно обыкновеннѣе, сосредоточивая всю роскошь украшеній на одну внутренность зданія. Такъ, наружность мечети нисколько не приготовляетъ къ тому поразительному впечатлѣнію, которое испытываешь, войдя въ нее. Вдругъ вступаешь въ лѣсъ мраморныхъ колоннъ: глаза разбѣгаются въ безчисленныхъ рядахъ ихъ, теряющихся въ сумрачной дали; рѣдкія маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полусумракъ, царствующій здѣсь, еще болѣе увеличиваетъ необыкновенность впечатлѣнія (см. табл. VII).

Верхъ этого огромнѣйшаго храма состоитъ изъ полукруглыхъ, подковою, арокъ, опирающихся на колонны изъ бѣлаго, желтаго, зеленаго мрамора, яшмы, порфира. Самымъ любимымъ украшеніемъ испанскихъ мавровъ была эта арка подковою, они расточали ее всюду. Спокойная и мягкая форма полукруга, употребляемая античнымъ и древнехристіанскимъ искусствомъ, словно не удовлетворяла ихъ: тревожный духъ восточныхъ племенъ требовалъ формы, которая представляла бы глазамъ живую игру силы, и, дѣйствительно, въ арабской аркѣ есть что-то смѣлое, игривое. Не стану говорить о прежнихъ украшеніяхъ мечети. Довольно сказать, что и теперь еще, несмотря на христіанскую передѣлку средины ея, здѣсь осталось болѣе 900 колоннъ! При арабахъ храмъ днемъ и ночью освѣщался висячими лампадами; ихъ было нѣсколько тысячъ. Ходишь словно по густому лѣсу колоннъ, разросшихся въ безчисленные, переплетающіеся своды. Онѣ не очень высоки, но чрезвычайно легки, изящны и безъ пьедесталовъ,—кажется, словно растутъ изъ земли. Колонны большею частью взяты изъ античныхъ зданій, частью сдѣланы по ихъ образцу, но съ примѣсью арабской фантазіи. Надъ ними и подъ навѣсомъ главныхъ арокъ находятся еще большія четырехугольныя колонки, соединенныя между собою полукруглыми маленькими дугами, и сверхъ того плоская дубовая крыша, нѣкогда украшенная роскошными рѣзными и золочеными

арабесками... И теперь видны нѣкоторые слѣды богослуженія мечети: три или четыре фонтана, служившіе для омовенія и mirhab, часовня созерцанія—довольно большая ниша, означавшая во всѣхъ мечетяхъ ту сторону, гдѣ находится Мекка; сюда должны были обращаться правовѣрные въ своихъ молитвахъ. Надобно видѣть, съ какою изящною роскошью украсила ее арабская фантазія! Вся она изъ самаго чистаго бѣлаго мрамора, съ маленькими колонками, окруженными мозаикою изъ цвѣтныхъ кристалловъ; всюду разбросаны изреченія Корана; буквы—изъ золоченыхъ кристалловъ, и около всего этого вьются самые роскошные, самые капризные арабески.

Алькасаръ въ Севильѣ.

Въ Севильѣ уцѣлѣлъ *Алькасаръ*, дворецъ мѣстныхъ арабскихъ владѣтелей: снаружи—высокая стѣна съ узкими воротами, внутри—изящныя, фантастически-легкія залы. Нельзя себѣ представить, до какой степени легкости арабы преобразовали камень: въ ихъ постройкахъ онъ теряетъ всю свою массивную плотность. Это кружевная ткань, самая тонкая филигранная работа. Основной характеръ мавританской нерелигіозной архитектуры есть изобиліе, расточительность мелкихъ украшеній, или точнѣе, вся эта архитектура ихъ есть одно только украшеніе. Правда, что къ ней скоро присматриваешься, но первое впечатлѣніе мило, увлекательно: точно всѣ эти комнаты сдѣланы изъ кисеи. Комнаты обыкновенно выходятъ на внутренніе дворы, съ колоннами, галереею и фонтаномъ. Въ нѣкоторыхъ потолки сдѣланы куполами, наподобіе сталактитовъ, въ иныхъ дубовые съ рѣзными арабесками и золоченые. Надобно замѣтить, что у арабовъ всѣ эти стѣны, выдѣланныя фантастическими узорами, были съ необыкновенною тщательностью расписаны разноцвѣтными красками съ позолотою. Къ Алькасару примыкалъ садъ въ восточномъ вкусѣ съ апельсинами, пальмами и кипарисами.

Альгамбра въ Гренадѣ.

Третій замѣчательный памятникъ мавританскаго стиля—это дворецъ *Альгамбра въ Гренадѣ*. Нѣсколько массивныхъ безъ всякаго порядка стѣснившихся башенъ, соединенныхъ высокою стѣною съ узкими отверстіями вмѣсто оконъ: это мавританскій дворецъ. Маленькая, дряпная дверь ведетъ внутрь этихъ стѣнъ, потомъ темный коридоръ и вдругъ входитъ на открытый внутренній дворъ мавританскаго дворца.

Этотъ первый дворъ мавританскаго дворца называется двояко—дворомъ миртъ и дворомъ купанья. Полъ устланъ гладкимъ бѣлымъ мраморомъ; вокругъ—галлерея съ легкими подковообразными арками, упирающимися на тонкія мраморныя колонки по двѣ въ рядъ.

Пьедесталы у нихъ низенькіе и гладкіе, а капители четырехугольныя и покрыты узорчатыми арабесками (рис. 54). Вдоль карниза галлереи идетъ арабская надпись. Въ надписи повторяются только слова Корана: «Единъ Богъ повелитель». Среди двора—бассейнъ съ чистѣйшей водой, сажень въ 10 длины. Вьющіяся арки на тоненькихъ колонкахъ имѣютъ необыкновенный характеръ легкости, а отраженіе ихъ въ водѣ еще болѣе увеличиваетъ воздушность впечатлѣнія. По обѣимъ сторонамъ бассейна фонтаны; вокругъ онъ густо обсаженъ митрами. Предполагаютъ, что бассейнъ этотъ служилъ для омовенія гренадскимъ владѣтелямъ и присутствовавшимъ при молитвѣ во внутренней мечети дворца (теперь уже не существующей). Отъ этого «двора миртъ» по обѣимъ сторонамъ идутъ комнаты;

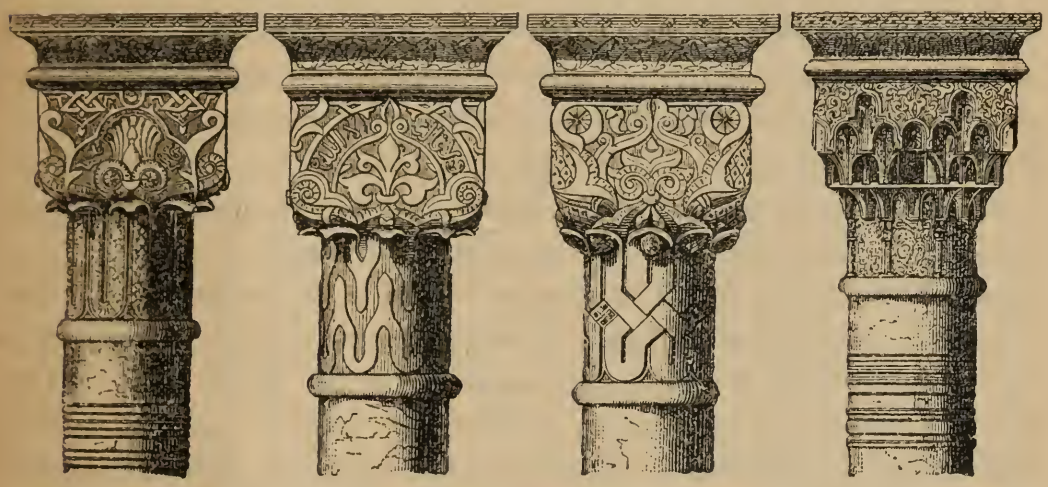
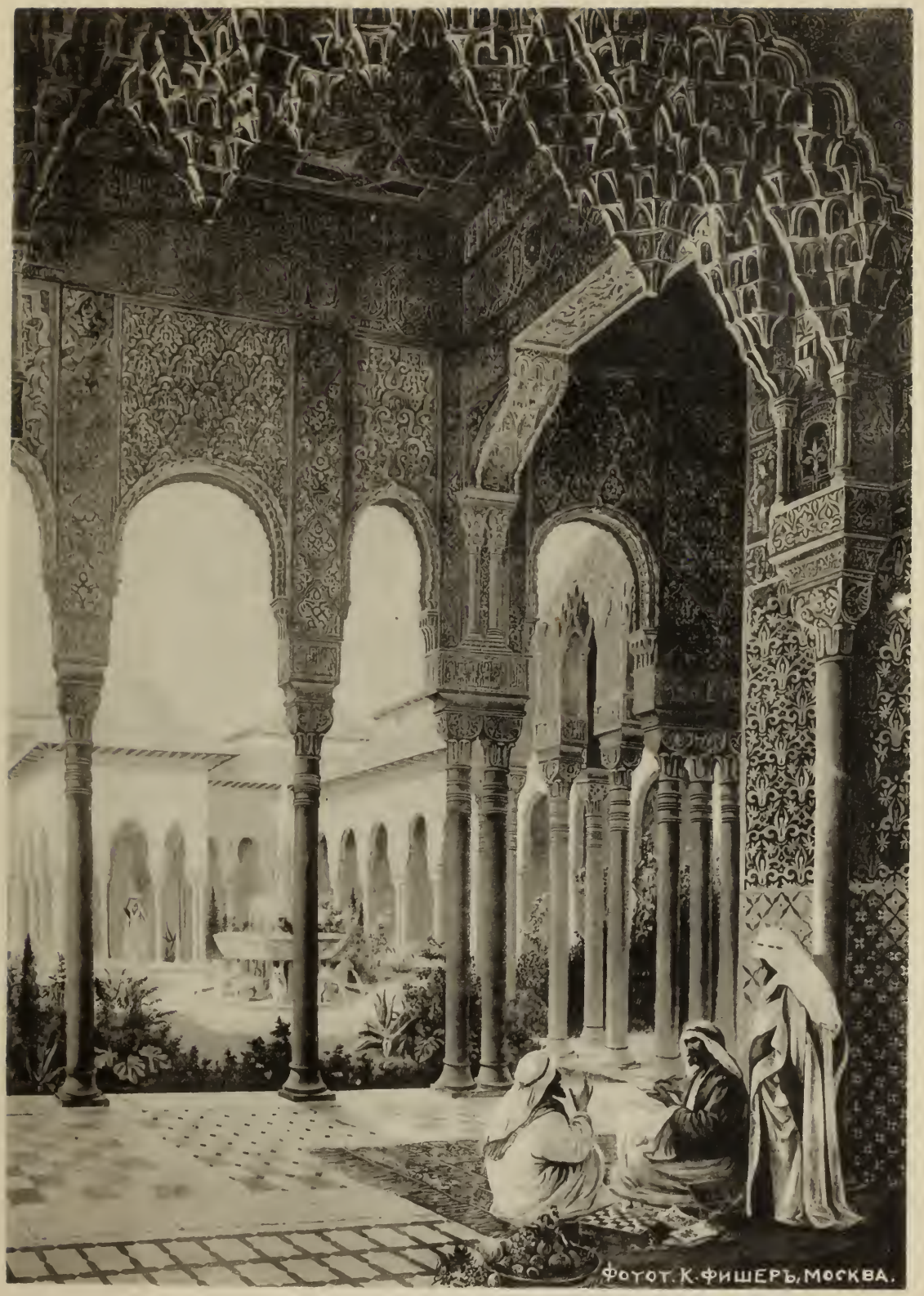


Рис. 54. Капители колоннъ изъ Альгамбры.

налѣво—башня, извѣстная подъ именемъ «Комаресъ» отъ украшеній ея въ персидскомъ вкусѣ, называвшихся у арабовъ комараки. Залы этой башни отдѣлывали нарочно выписанные персидскіе мастера. Самая большая и великолѣпная изъ нихъ называется «залою аудіенцій». На стѣнахъ вылѣплены уже не одни изреченія изъ Корана, а цѣлыя стихотворенія, въ которыхъ восхваляется строитель этого дворца. Арабскія буквы надписей, сами похожія на арабески, совсѣмъ слиты съ украшеніями, такъ что нужно особенное вниманіе, чтобы отличить ихъ (рис. 53). Одна изъ главныхъ особенностей мавританскаго стиля—нигдѣ не поражать глаза рѣзкостью: только всмотрѣвшись хорошенько въ эти украшенія, вы увидите всю отчетливую тонкость этой миніатюрной работы. Съ перваго взгляда кажется, будто потолокъ и стѣны обтянуты персидскими коврами или

вышитыми по канвѣ обоями съ мельчайшимъ рисункомъ. Изъ полусумрака залы видъ въ окна на сверкающія всею яркостью южныхъ красокъ природу, городъ и окрестности удивительно эффектенъ. Справа отъ «двора миртъ»—изящнѣйшій порталъ съ множествомъ тоненькихъ, точно изъ бѣлѣйшаго воска, колонокъ ведетъ въ знаменитый «дворъ львовъ», главный внутренній дворъ дворца (см. табл. VIII). Это обширный и продолговатый четырехугольникъ, окруженный галлереею съ частыми подковообразно согнутыми арками, опирающимися на тонкія мраморныя колонки (ихъ 168). По обѣимъ противоположнымъ сторонамъ въ длину сдѣланы два портала, гдѣ колонки сгруппированы и покрыты широкимъ фризомъ съ необыкновенною самою граціозною оригинальностью. Колонки, разсыпанныя въ какомъ-то симметрическомъ безпорядкѣ то по 4, то по 3, то по 2 вмѣстѣ, производятъ необыкновенный эффектъ игрою свѣта и тѣней подъ арками. Капители колонокъ и наружная сторона галлереи покрыты мельчайшими арабесками изъ гипса, на которыхъ еще сохранились слѣды красокъ. Мавры такъ искусно умѣли составлять этотъ гипсъ, что онъ теперь крѣпче мрамора и лоснится, какъ онъ. Едва ли востокъ произвелъ что-нибудь лучше этого «двора львовъ» по легкости, граціи и деликатности вкуса. Въ воздушности впечатлѣнія цѣлаго чувствуется характеръ подвижныхъ жилищъ пустыни, и тоненькія колонки эти по своей формѣ намекаютъ на шесты, на которыхъ укрѣпляютъ кочевые шатры. Между арабесками по фронтону галлереи идутъ арабскія надписи: «хвала Богу», «слава нашему Повелителю», «хвала Богу за ниспосланіе ислама». Посреди двора (онъ 17-ти саженъ въ длину и 10-ти въ ширину) стоитъ «фонтанъ львовъ»—большая чаша бѣлаго, прозрачнаго мрамора, покрытая арабесками и поддерживаемая 12-ю мраморными львами; надъ нею другая, поменьше, изъ средины которой бьетъ фонтанъ, такъ что струя его падаетъ сначала въ меньшую чашу; наполнивъ ее, вода бѣжитъ въ большую и потомъ черезъ пасти львовъ падаетъ въ нижній, обширный бассейнъ (см. табл. VIII). Львы сдѣланы очень дурно и не похожи ни на какихъ звѣрей, можетъ быть, отъ того, что исламизмъ заапрещалъ арабамъ представленіе живыхъ существъ. Вокругъ большой чаши вырѣзаны арабскіе стихи (которые мѣстами постерлись, отчего произошли пропуски и разногласія переводчиковъ). Вотъ ихъ смыслъ. «Да будетъ благословенъ давшій Магомету-повелителю жилище это, по красотѣ своей—украшеніе всѣмъ жилищамъ человѣческимъ. Если же ты сомнѣваешься въ этомъ, то взгляни на все, тебя окружающее; ты



Фотот. К. Фишеръ, въ Москвѣ

ЛЬВИНЫЙ ДВОРЪ ВЪ АЛЬГАМБРѢ.

увидишь такія чудеса, что Богъ не дозволилъ, чтобы существовали равныя имъ даже и въ самихъ храмахъ. Эта масса прозрачныхъ перловъ блеститъ и сіяетъ въ паденіи своемъ. Посмотри на воду и посмотри на чашу: невозможно отличить, вода ли стоитъ неподвижно, или то струится мраморъ...».

Внутри одной изъ галлерей сзади портика на потолкѣ есть картина, въ которой на позолоченномъ фонѣ представлена битва 4-хъ мавританскихъ рыцарей съ 4-мя кастильскими. Въ смежной комнатѣ есть еще 2 картины тоже на потолкѣ: на одной нарисованы мавры, сидящіе кружкомъ, на другой—сцена охоты за кабанами. Вѣроятно, онѣ писаны какимъ-нибудь христіанскимъ художникомъ, потому что Коранъ строго запрещалъ изображать людей, угрожая, что на томъ свѣтѣ написанные люди будутъ себѣ требовать душъ у писавшихъ ихъ. По рисунку картины, кажется, надобно отнести къ XIV вѣку, и замѣчательны онѣ только въ томъ отношеніи, что андалузскіе мавры, несмотря на запрещеніе Корана, имѣли однакожъ у себя картины. По обѣимъ сторонамъ «двора львовъ» находятся двѣ большія комнаты, называемыя: одна—«залою сестеръ, другая—залою Абенсерраховъ. Полъ въ «залѣ сестеръ» состоитъ изъ двухъ огромныхъ мраморныхъ плитъ, которыя почему-то вздумалось назвать «сестрами». Нижняя часть ея четырехугольная; по стѣнамъ—мозаики, между которыми въ медальонахъ сдѣланы гербы гренадскихъ владѣтелей. Верхъ восьмиугольный, оканчивающійся изящнѣйшимъ куполомъ, покрытымъ самою фантастическою лѣпною работой въ родѣ сталактитовъ и углубленій, какія бываютъ въ пчелиныхъ ульяхъ [1]). Все это было тщательно раскрашено синею и пунцовою красками съ позолотою... Свѣтъ проходитъ изъ 8 маленькихъ оконъ, сдѣланныхъ въ куполѣ между углубленіями лѣпныхъ украшеній, и проходитъ такъ эффектно, придаетъ такую необычайную воздушность куполу и стѣннымъ арабескамъ, что вся комната кажется сотканною изъ разноцвѣтныхъ кружевъ. Отсюда крытая галлерея ведетъ въ женскую половину дворца—во внутреннія комнаты гарема и спальни его, сдѣланныя въ землѣ, съ мраморными ваннами, альковами для постелей и неразлучными фонтанами. Свѣтъ сюда проникаетъ сквозь маленькія отверстія сверху, такъ что въ нихъ была постоянная прохлада и сумракъ, столь любимый восточной нѣгой... Въ мраморномъ полу бельведера одной изъ башенъ продѣланы маленькія скважинки,

---

[1]) Подобный потолокъ см. на табл. VIII.

сквозь которыя проходилъ дымъ сожигаемыхъ внизу ароматныхъ куреній: ясно, что обитатели такихъ комнатъ жили только для сладкихъ чувственныхъ ощущеній.

Характеръ мавританской архитектуры.

Мавританская архитектура совершенно чужда того характера величія, какой отличаетъ античное искусство; вся прелесть ея въ капризной изящности формъ, въ эффектномъ освѣщеніи, въ обиліи и нѣжности украшеній, всегда заключенныхъ въ самой грубой оболочкѣ, какова обыкновенно наружность ихъ зданій. Мавританскую архитектуру обыкновенно называютъ подражаніемъ римской и византійской Дѣйствительно, внутреннее расположеніе мавританскихъ домовъ отчасти сходно съ римскими, гдѣ также внутренніе дворики играли главную роль. Свои арки съ колонками могли они заимствовать у византійцевъ. Но у арабовъ арка имѣетъ совсѣмъ другое назначеніе, и, кажется, въ этомъ-то всего больше является особенность мавританской архитектуры; а въ архитектурѣ всего больше отражается народный характеръ. У византійцевъ арка несетъ на себѣ верхнюю часть зданія, у арабовъ она служитъ только однимъ украшеніемъ, потому что у нихъ верхъ зданія держится не на аркахъ, а на однѣхъ колоннахъ (см. табл. VII и VIII). Арка у арабовъ только для красоты, для ласканья глазъ. По самой своей подковообразной формѣ, эта арка безсильна что-нибудь держать на себѣ. У архитекторовъ арабскихъ, кажется, была только одна цѣль—придать всему характеръ легкости и какъ бы безпрестанно напоминать о кочевомъ шатрѣ пустынь. Въ этомъ именно и состоитъ величайшая оргинальность мавританской архитектуры, ея коренное отличіе отъ всѣхъ другихъ архитектурныхъ стилей. Существенный характеръ ея—необыкновенная легкость и капризъ, пренебрегающій всѣми законами и правилами зодчества. Вѣроятно, отсюда происходитъ и такая непрочность ихъ зданій. Въ самомъ дѣлѣ, ни малѣйшаго чувства долговѣчности, даже прочности не пробуждаютъ зданія арабовъ: это легко, это воздушно, это удивительно изящно, но все это, кажется, тотчасъ разлетится, какъ миражъ.

XLIX.

Болгарская письменность.

Начало славянской письменности.

Въ 862 г. прибыло въ Царьградъ посольство князей Моравіи и Паннонии Ростислава, Святополка и Коцела съ просьбой къ императору и патріарху о присылкѣ въ эти земли учителя христіанской вѣры, который на славянскомъ языкѣ, понятномъ народу, проповѣдывалъ бы христіанское ученіе. Императоръ и патріархъ избрали для этой цѣли славнаго ученаго миссіонера Константина Философа съ братомъ его Меѳодіемъ, какъ людей, знавшихъ славянскій языкъ, ибо они были родомъ изъ Солуни, гдѣ тогда всѣ умѣли говорить по-славянски. Принимая на себя это порученіе, Константинъ Философъ заявилъ, что невозможно проповѣдывать и утверждать христіанство только путемъ устной проповѣди; для этого необходима письменность на томъ языкѣ, на которомъ происходитъ проповѣдь. Съ этимъ согласилось и византійское правительство, но такъ какъ по справкамъ оказалось, что у славянъ письменности нѣтъ, то Константинъ Философъ получилъ новое порученіе—составить славянскую азбуку и примѣнить ее къ дѣлу. Константинъ Философъ тогда же взялся за осуществленіе этого порученія вмѣстѣ со своими сотрудниками, удачно его выполнилъ и уже въ Царьградѣ приступилъ къ переводу на славянскій языкъ Евангелія: «Искони бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу»—вотъ первыя слова, написанныя на славянскомъ языкѣ. Такъ положено было

Пособія: 1) *Иречекъ, К.* Исторія болгаръ. Переводъ Палаузова и Бруна. Одесса. 1878. 2) *Ягичъ*, Исторія сербо-хорватской литературы. Пер. Петровскаго. Казань. 1871. 3) *Малышевскій, Ив.* Св. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе. Кіевъ. 1886. 4) *Пыпинъ А. Н.* и *В. Д. Спасовичъ*, Исторія славянскихъ литературъ. Изд. 2-е. Т. I. Спб. 1879.

начало славянской письменности, по разсказу біографа Константина Философа, принадлежавшаго, вѣроятно, къ числу непосредственныхъ его учениковъ.

Въ Моравіи и Панноніи Константинъ и Меѳодій, вмѣстѣ со своими сотрудниками, какъ взятыми изъ Константинополя, такъ и набранными на мѣстѣ своей новой дѣятельности, успѣли многое перевести съ греческаго языка на славянскій. Переведены были необходимыя для богослуженія части Ветхаго и Новаго завѣта, суточное богослуженіе, молитвы при совершеніи таинствъ и важнѣйшихъ обрядовъ, «книги отечныя», или собраніе повѣстей о христіанскихъ подвижникахъ. Были переведены и нѣкоторыя другія книги, напр., Меѳодій переводилъ обширное сочиненіе брата своего Константина Философа, содержавшее его полемическія бесѣды съ еретиками, магометанами и іудеями при его прежнихъ миссіонерскихъ хожденіяхъ.

Славянское богослуженіе въ Болгаріи.

Въ періодъ времени отъ 862 г. до 885 г.—года смерти Меѳодія, возникла такимъ образомъ на славянскомъ языкѣ весьма значительная церковная литература, и образовался литературный славянскій языкъ, которые на много вѣковъ сдѣлались достояніемъ всѣхъ славянъ, усвоившихъ христіанство отъ греческихъ миссіонеровъ и сохранившихъ его, т. е. у всѣхъ православныхъ славянъ. Но это сдѣлалось возможнымъ только потому, что продолжатели дѣла Константина и Меѳодія нашли радушный пріемъ и благопріятную почву въ Болгаріи. По смерти Константина Философа, принявшаго въ монашествѣ имя Кирилла, а особенно по смерти Меѳодія, вслѣдствіе измѣнившихся внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ обстоятельствъ, введенное славянскими просвѣтителями на обширномъ пространствѣ земель, входившихъ тогда въ составъ Моравскаго государства, славянское богослуженіе подверглось гоненію, его стало вытѣснять богослуженіе на латинскомъ языкѣ, за которое стояло нѣмецкое духовенство, находившее сочувствіе у князя Святополка и поддерживаемое нѣмецкими королями. Многіе ученики и сотрудники Меѳодія должны были удалиться за предѣлы Моравскаго государства и разойтись по сосѣднимъ славянскимъ землямъ. Важнѣйшіе изъ учениковъ славянскихъ первоучителей ушли за Дунай въ Болгарію и были радушно приняты болгарскимъ княземъ Борисомъ.

Болгарія тогда была самымъ сильнымъ изъ всѣхъ принявшихъ христіанство славянскихъ государствъ. Русское и Польское племена были еще въ язычествѣ, сербы не имѣли государственнаго единства

и самостоятельности и только что приняли христіанство, Моравское государство подверглось сильному политическому и церковному вліянію нѣмцевъ и вскорѣ было разрушено вторженіемъ мадьяръ.

Болгаре приняли христіанство отъ грековъ во главѣ со своимъ княземъ Борисомъ въ 865 году. Богослуженіе сначала совершалось, по всей вѣроятности, на греческомъ языкѣ, такъ какъ объ употребленіи славянскаго языка въ богослуженіи извѣстій нѣтъ, да и духовенство вначалѣ было изъ грековъ. Но болгаре, какъ и славяне Моравіи и Панноніи, конечно, должны были предпочесть богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Прибывшіе изъ Моравіи ученики Меѳодія: Климентъ, Гораздъ, Ангеларій, Савва и Наумъ, нашли радушный пріемъ и стали въ Болгаріи дѣлать то же самое, что и въ Моравіи, т. е. вводить славянское богослуженіе и обучать славянской грамотѣ болгаръ. Въ Болгаріи легче, чѣмъ въ какой-либо другой славянской странѣ, могли найтись хорошіе сотрудники и преемники въ дѣлѣ распространенія и утвержденія славянскаго богослуженія и письменности. Изъ греческаго пространнаго житія епископа Климента знаемъ, что онъ, а по другимъ извѣстіямъ, и его сотрудники развивали свою дѣятельность въ теперешней Македоніи и южной Албаніи, въ мѣстахъ, которыя находились неподалеку отъ родины Кирилла и Меѳодія, значитъ, въ такой области, гдѣ славянскій языкъ въ употребленіи былъ тотъ самый, которымъ говорили Кириллъ и Меѳодій и который составилъ, конечно, основной элементъ церковно-славянскаго литературнаго языка. Здѣсь всего легче можно было распространять славянскую грамоту и письменность. Здѣсь же легче, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ Болгаріи, могли найтись ревностные послѣдователи христіанства, такъ какъ эти области незадолго передъ тѣмъ пріобрѣтены были болгарами, а ранѣе входили въ составъ Византійской имперіи, и, несомнѣнно, христіанство существовало здѣсь и до формальнаго крещенія Болгаріи при Борисѣ. Населеніе Болгаріи, особенно тѣхъ областей, которыя находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ византійскими владѣніями, несомнѣнно было болѣе развито, чѣмъ какое-либо другое славянское племя; среди этого населенія могло найтись не мало такихъ славянъ, которые знали по-гречески, а, можетъ быть, и такихъ, которые могли получить и греческое образованіе. Этимъ объясняется то важное обстоятельство, что славянская письменность, литература, основанная образованнѣйшимъ среди тогдашнихъ грековъ, Константиномъ Философомъ, не только не заглохла въ Болгаріи, но получила быстрое и сильное развитіе.

Нужно также имѣть въ виду и то обстоятельство, что примѣръ и поощреніе въ литературныхъ трудахъ подавали представители власти. Преемникъ Бориса, сынъ его Симеонъ, былъ человѣкъ образованный. Въ молодости онъ долго жилъ при византійскомъ дворѣ въ качествѣ заложника и получилъ тамъ и литературное образованіе. Впослѣдствіи онъ переписывался съ византійскими министрами на греческомъ языкѣ и состязался съ ними въ риторическомъ искусствѣ. Славянскіе современники прославляютъ его, какъ великаго книголюбца, который собиралъ библіотеку, поощрялъ литературные труды и самъ принималъ въ нихъ участіе, какъ, напр., въ составленіи сборника «Златоструй», содержащаго выборку правоучительныхъ словъ преимущественно изъ сочиненій Іоанна Златоуста.

Упадокъ Болгаріи.

Вѣкъ болгарскаго царя Симеона (893—927)—золотой вѣкъ болгарской письменности. Но, къ сожалѣнію, онъ былъ непродолжителенъ. Развитіе болгарской литературы стояло въ тѣсной связи съ политической исторіей Болгаріи, которая испытала много превратностей. Между Болгаріей и Византіей происходила ожесточенная борьба. Болгарское государство образовалось на территоріи, составлявшей часть Византійской имперіи. Хотя Византія и признавала независимость Болгаріи, но никогда не отказывалась отъ своихъ прежнихъ правъ на нее. Съ другой стороны, болгарскій князь Симеонъ, производя новыя завоеванія въ предѣлахъ Византійской имперіи, заявлялъ притязаніе на титулъ царя, но не только болгаръ, но и грековъ; онъ стремился даже утвердиться въ Константинополѣ и занять престолъ византійскихъ императоровъ. Такія притязанія, конечно, были не подъ силу болгарскому народу и только ожесточали грековъ, которые, превосходя болгаръ въ культурномъ отношеніи, имѣли на нихъ сильное вліяніе, какъ это обнаружилось при преемникѣ Симеона Петрѣ (927—968). Ослабленная войнами съ греками, внутренними несогласіями и походами русскаго князя Святослава Игоревича, Болгарія въ началѣ XI вѣка въ борьбѣ съ греками лишилась своей политической независимости и династіи; окончательное пораженіе нанесено было императоромъ Василіемъ, получившимъ прозваніе Болгаробойцы, въ 1019 году.

Потеря политической независимости повлекла за собой упадокъ славянской церкви и литературы. Хотя самостоятельность (автокефальность) болгарской церкви съ архіепископомъ въ Охридѣ (въ Македоніи) сохранилась, но высшее духовенство назначалось изъ грековъ. Такимъ образомъ, славянская литература не могла найти поддержки ни у высшаго духовенства, ни у династіи, которая была

уничтожена. Нѣкоторое возрожденіе болгарской литературы совершилось только съ возстановленіемъ политической независимости, что произошло черезъ полтора слишкомъ столѣтія (1185 г.) вслѣдствіе возстанія болгаръ подъ предводительствомъ братьевъ Петра и Асеня. Благодаря послѣдовавшему вскорѣ (1204 г.) завоеванію Константинополя западными крестоносцами, династія Асеней не только укрѣпила политическую независимость Болгаріи, но и снова добилась полной церковной самостоятельности, вступивши въ родственныя и договорныя отношенія съ никейскими греческими императорами; возстановленъ былъ болгарскій патріархъ (въ Терновѣ, въ 1234 г.). Но хотя и теперь болгарскіе государи титуловали себя царями «всѣхъ болгаръ и грековъ», соперничать съ греками болгаре, конечно, не могли, второе болгарское царство просуществовало не болѣе двухсотъ лѣтъ. Недостатокъ внутренняго единства, набѣги татаръ и усиленіе сербовъ подорвали могущество и прочность Болгаріи. Когда въ XIV вѣкѣ появились на Балканскомъ полуостровѣ турки, то Болгарія не могла оказать имъ сильнаго сопротивленія и была завоевана къ 1393 году, на полвѣка слишкомъ ранѣе паденія Византіи отъ тѣхъ же турокъ. Съ потерей политической независимости вновь прекращается въ ней и духовная дѣятельность. Болгарія была страшно опустошена и разорена; въ ея предѣлахъ расположились турки, чтобы отсюда нанести окончательный ударъ Константинополю. Съ утвержденіемъ турокъ на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, болгаре не могли оказаться важнымъ и вліятельнымъ элементомъ въ составѣ Турецкой имперіи, ихъ превосходили сербы, а въ культурномъ отношеніи оказались выше тѣхъ и другихъ, конечно, греки, которые въ духовномъ отношеніи снова забрали въ свои руки Болгарію.

Итакъ, географическія условія и историческія обстоятельства были причиною того, что болгарская литература не въ состояніи была стать долговѣчною и органически развиваться, но все-таки въ своемъ первоначальномъ періодѣ она достигла замѣчательнаго расцвѣта, и нажитое ею духовное богатство сдѣлалось достояніемъ шедшихъ за нею вслѣдъ литературъ сербской и русской, пользовавшихся до новѣйшаго времени (до XVIII в.) однимъ и тѣмъ же общимъ литературнымъ славянскимъ языкомъ съ нѣкоторыми отличіями въ подборѣ словъ (лексиконѣ), выговорѣ (фонетикѣ) и правописаніи.

Положеніе болгарской письменности.

Хронологическое обозрѣніе болгарской письменности встрѣчаетъ большія затрудненія, потому что во многихъ случаяхъ нѣтъ данныхъ для опредѣленія времени появленія какъ оригинальныхъ,

такъ и переводныхъ памятниковъ; по большей части неизвѣстны также и имена трудившихся надъ ними лицъ. При общности основного литературнаго языка для болгаръ, сербовъ и русскихъ иногда не легко опредѣлить, гдѣ появился тотъ или другой памятникъ первоначально. Многія произведенія, появившіяся въ Болгаріи, сохранились только въ сербскихъ или русскихъ спискахъ. Возможны и такіе случаи, когда дошедшій до насъ памятникъ въ рукописи болгарской есть позднѣйшая копія съ русскаго или сербскаго памятника. Поэтому затруднительнымъ является и точное распредѣленіе памятниковъ въ ихъ происхожденіи по народностямъ. Впрочемъ, это не представляетъ иногда большой важности въ виду однородности и даже тожественности культурныхъ началъ у всѣхъ православныхъ славянъ.

Вызванная потребностями христіанства славянская письменность естественно вся носитъ христіанско-религіозный характеръ и въ своемъ содержаніи не можетъ поэтому представлять оригинальности. Христіанство пришло къ славянамъ изъ Византіи, гдѣ существовала уже огромнѣйшая многовѣковая христіанская литература, явившаяся теперь непосредственнымъ источникомъ и образцомъ литературы славянской. Нужно было для славянъ умѣнье выбрать на этомъ обширномъ полѣ, гдѣ посреди пшеницы немало было и плевелъ, наиболѣе необходимое и наиболѣе цѣнное для новообращеннаго народа. Болгарская письменность въ этомъ смыслѣ представляетъ замѣчательное явленіе: изъ обзора ея увидимъ, что среди болгаръ нашлись люди, которые довольно удачно выбирали матеріалъ и предлагали его въ хорошо обработанномъ видѣ. Конечно, не могло быть выдержанной системы и равномѣрности, но въ общемъ замѣтно стремленіе дать наиболѣе цѣнное и необходимое.

Книги религіознаго содержанія.

Прежде всего нужно и важно было имѣть на славянскомъ языкѣ Священное Писаніе. Дѣло это въ значительной мѣрѣ исполнено было уже при Кириллѣ и Меѳодіи, но продолжалось и потомъ: дѣлались дополненія и исправленія перевода библейскихъ книгъ. Дѣлались переводы не только одного текста книгъ Священнаго Писанія, но и толкованій на нихъ отцовъ церкви. Продолжали пополняться переводы богослужебныхъ книгъ, содержащихъ молитвы, пѣснопѣнія и чтенія. Переводилось очень много житій святыхъ, сказаній о мученикахъ христіанскихъ и духовныхъ легендъ какъ въ видѣ отдѣльныхъ памятниковъ, такъ и въ составѣ спеціальныхъ сборниковъ, напр., миней-четьихъ, патериковъ. Эта литература,

проникнутая нерѣдко истинной поэзіей, доставляла обильный матеріалъ не только для церковнаго, но и для домашняго чтенія.

Для церковной проповѣди византійская литература представляла неисчерпаемый источникъ; мы встрѣчаемъ переводы произведеній этого рода въ большомъ изобиліи, рано появляются и самостоятельные опыты. Такъ еп. Климентъ составляетъ торжественныя и похвальныя слова на важнѣйшіе христіанскіе праздники, пресвитеръ и потомъ епископъ Константинъ выбираетъ изъ сочиненій І. Златоуста и другихъ отцовъ церкви бесѣды на евангельскія чтенія въ церкви въ воскресные дни на цѣлый годъ, приспособляя этотъ матеріалъ къ потребностямъ новообращенныхъ. При участіи царя Симеона составляется замѣчательный сборникъ «Златоструй», содержащій по преимуществу выборку нравоучительныхъ отдѣловъ изъ бесѣдъ І. Златоуста. Переводится не мало и другихъ словъ Златоуста, напр., сборникъ «Андріатисъ», содержащій собраніе словъ знаменитаго проповѣдника къ антіохійскому народу по поводу низверженія статуй Ѳеодосія. Дошло немало поученій безыменныхъ, которыя несомнѣнно переведены были въ Болгаріи въ очень раннее время.

Іоаннъ, экзархъ болгарскій.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей вѣка царя Симеона былъ пресвитеръ Іоаннъ, экзархъ болгарскій (т. е. уполномоченный отъ константинопольскаго патріарха—наблюдатель за духовными дѣлами). Онъ оставилъ нѣсколько обширныхъ трудовъ, въ предисловіяхъ къ которымъ объясняетъ ихъ задачи и характеръ. Зная, что трудами Кирилла и Меѳодія переведено на славянскій языкъ Священное писаніе, Іоаннъ экзархъ рѣшился заняться переводомъ «учительскихъ сказаній», поощряемый въ этомъ дѣлѣ однимъ знатнымъ черноризцемъ Дуксомъ, который указывалъ на то, что первая обязанность священника есть учительство. «Учительскими сказаніями» экзархъ называетъ руководства по наукамъ. Онъ прежде всего и перевелъ руководство по догматическому богословію, лучшее изъ существовавшихъ въ греческой литературѣ, именно знаменитую книгу св. Іоанна Дамаскина «О правой вѣрѣ»—богословскую систему, послужившую образцомъ для всего позднѣйшаго христіанскаго богословія. Іоаннъ экзархъ вполнѣ сознавалъ трудность перевода глубокаго и отвлеченнаго по содержанію своему сочиненія,—перевода на языкъ, не имѣвшій еще никакой литературы. Но помимо содержанія книги, трудности перевода происходили и отъ свойствъ языка. Вотъ какъ Іоаннъ экзархъ въ предисловіи излагаетъ свой взглядъ на трудъ переводчика: «Молю и прошу

васъ... извинять меня, гдѣ, по вашему мнѣнію, окажется, что я различно переводилъ одни и тѣ же слова, ибо не можетъ греческій языкъ переводиться на другой всегда одинаково; то же бываетъ при переводѣ и со всякаго другого языка. Слово, красивое въ одномъ языкѣ, въ другомъ не красиво, страшное въ одномъ, въ другомъ не страшно, имѣющее въ одномъ языкѣ хорошій смыслъ, въ другомъ имѣетъ дурной. Въ одномъ языкѣ слово мужескаго рода, въ другомъ—женскаго, напр., греческія слова «ватрахосъ» и «потамосъ» мужескаго рода, а славянскія слова «жаба» и «рѣка»—женскаго и т. д. Нельзя вездѣ обращать вниманіе только на греческое слово, но нужно наблюдать смыслъ; если случится иногда по-гречески имя муж. рода, а по-славянски женскаго рода, и при этомъ перевести словомъ мужескаго же рода, какъ въ греческомъ, то переводъ обратится въ великое искаженіе. Вслѣдствіе этого и мы, отказываясь иногда отъ тожества въ словахъ, наблюдали тожество смысла, ибо ради смысла переводимъ эти книги, а не ради тожества въ словахъ». Сознательное и разумное отношеніе Іоанна экзарха къ дѣлу перевода сказалось и въ томъ, что онъ не сполна перевелъ сочиненіе Дамаскина (изъ 100 главъ только 48), выпустивъ тѣ главы, въ которыхъ излагаются тонкости разногласій монофизитовъ и монофелитовъ.

Кромѣ «Богословія», въ рукописяхъ приписывается Іоанну экзарху переводъ «Философскихъ главъ» или «Діалектики» Іоанна Дамаскина (составленной по Аристотелю) и книги «Объ осмихъ частѣхъ слова», или «Грамматики», приписываемой тому же Іоанну Дамаскину. Такимъ образомъ, Іоаннъ экзархъ въ этихъ своихъ переводахъ далъ руководства по тремъ важнѣйшимъ наукамъ—богословію, философіи и грамматикѣ.

Тому же Іоанну экзарху принадлежитъ обширное сочиненіе «Шестодневъ», или объясненіе библейскаго разсказа о шести дняхъ творенія міра, при чемъ сообщаются разнообразныя свѣдѣнія и мнѣнія о Божествѣ, ангелахъ, мірѣ и человѣкѣ. Іоаннъ экзархъ воспользовался однородными трудами на греческомъ языкѣ Василія Великаго, Северіана Гевальскаго и другихъ христіанскихъ писателей, а также сочиненіями Аристотеля, преимущественно по естественной исторіи, при чемъ полемизируетъ съ послѣднимъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Это сочиненіе Іоанна экзарха, основанное на авторитетныхъ греческихъ писателяхъ и содержащее много интересныхъ свѣдѣній о Божествѣ, природѣ и человѣкѣ, проникнуто все одной мыслью—прославленія величія Божія, обнаруживающагося въ твореніи.

Въ рукописяхъ есть указанія, что Іоанну экзарху принадлежитъ переводъ обширныхъ и интересныхъ житій св. Антонія Великаго и св. мученика Панкратія. Съ именемъ Іоанна экзарха извѣстно также церковное «Слово на Преображеніе Господне».

Трудамъ Іоанна экзарха принадлежитъ весьма важное значеніе: по своему содержанію, они доставили обширный образовательный матеріалъ, а по изложенію много содѣйствовали выработкѣ славянскаго литературнаго языка; благодаря хорошему знанію греческаго языка и здравымъ воззрѣніямъ на задачи переводчика, многіе употребленные экзархомъ научные термины и слова для выраженія отвлеченныхъ понятій не только вошли въ церковно-славянскій литературный языкъ, но сохранились и до настоящаго времени въ литературномъ языкѣ русскомъ.

Подобное же значеніе въ выработкѣ славянскаго литературнаго языка имѣютъ и другіе переводы глубокихъ по содержанію сочиненій греческихъ отцовъ церкви, появившіеся въ то время; таковы, напр., переводы огласительныхъ поученій Кирилла Іерусалимскаго и четырехъ словъ Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ, переводъ послѣднихъ принадлежитъ упомянутому уже Константину Пресвитеру и отличается замѣчательною ясностью языка, несмотря на отвлеченность содержанія, требовавшаго составленія и примѣненія множества новыхъ словъ.

Стихотворные опыты.

Тому же Константину Пресвитеру принадлежитъ опытъ сочиненія стиховъ на славянскомъ языкѣ по образцу греческихъ, именно въ стихахъ написанъ имъ «Прологъ» къ его «Учительному Евангелію». Греки того времени въ теоріи стихотворства держались старой метрической системы, но на дѣлѣ должны были ее видоизмѣнять и искажать: такъ какъ греческій языкъ къ тому времени утратилъ количество, т.-е. долготу или краткость гласныхъ звуковъ, принимались въ расчетъ не звуки, а буквы; размѣръ стиховъ сводился къ извѣстному числу слоговъ въ стихѣ, особенно употребителенъ былъ шестистопный ямбъ или двѣнадцатисложный стихъ. Такимъ стихомъ написанъ и «Прологъ» Константина Пресвитера. Начальныя буквы стиховъ представляютъ акростихъ— славянскій алфавитъ; въ счетъ слоговъ входятъ буквы ъ, ь и й, впослѣдствіи утратившія значеніе гласныхъ звуковъ. Свойства славянскаго языка въ расчетъ приняты не были, какъ не были они приняты и въ переводѣ греческой грамматики Іоанна Дамаскина. Этимъ объясняется, что искусственное стихотворство въ славянской литературѣ не привилось, хотя извѣстны опыты и помимо

«Пролога» Константина Пресвитера, напр., похвала болгарскому царю Симеону, принадлежащая неизвѣстному автору и помѣщенная въ видѣ послѣсловія къ переводному энциклопедическому сборнику, извѣстному подъ названіемъ «Святославова сборника 1073 года». Эта русская рукопись XI вѣка представляетъ, однако, лишь копію съ переводнаго труда, появившагося въ Болгаріи при царѣ Симеонѣ. Сборникъ этотъ принадлежитъ къ числу весьма замѣчательныхъ памятниковъ древнѣйшаго періода болгарской письменности, содержа большое число цѣльныхъ статей и отрывковъ догматическаго, дидактическаго, философско-схоластическаго и историческаго содержанія, принадлежащихъ разнымъ византійскимъ писателямъ.

Историческія сочиненія.

Видное мѣсто занимаютъ въ болгарской письменности переводныя историческія сочиненія. Переводились византійскія хроники, излагавшія исторію человѣчества отъ Адама до позднѣйшихъ временъ по четыремъ великимъ монархіямъ. Сюда относятся хроники Іоанна Малалы, Георгія Амартола (переведенная вторично въ Сербіи) и Симеона Метафраста, а также краткій перечень византійскихъ императоровъ патріарха Никифора. Въ періодъ второго болгарскаго царства въ XIV вѣкѣ была переведена хроника Манассіи, снабженная интересными замѣтками болгарскаго переводчика. Извѣстенъ еще переводъ «Паралипоменона Зонары», но онъ былъ сдѣланъ въ Сербіи. Изъ этихъ сочиненій славянскіе читатели могли почерпать довольно обильныя свѣдѣнія по всеобщей исторіи, но въ Болгаріи историческая литература не развилась. Переводными трудами по исторіи обильно воспользовались составители русскихъ лѣтописей и разнообразныхъ компиляцій по всеобщей исторіи, извѣстныхъ подъ именемъ «хронографовъ».

На ряду съ сочиненіями историческими въ собственномъ смыслѣ переводились и историческія повѣсти. Важнѣйшія между ними— повѣсть о Троянской войнѣ и Александрія, или повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ. Повѣсть о Троянской войнѣ основана не на поэмахъ Гомера, а на позднѣйшихъ сухихъ компиляціяхъ, извѣстныхъ съ именами Диктиса—грека съ острова Крита—и Дарета—троянца. Сказанія о Троѣ входятъ въ составъ содержанія хроникъ Малалы и Манассіи, но въ послѣдней помѣщается, сверхъ того, особая, совершенно отличная повѣсть, въ языкѣ которой есть указанія на ея западное происхожденіе. Повѣсть о Троѣ при переписке не вызвала значительныхъ переработокъ. — Древнѣйшіе списки сказанія объ Александрѣ Македонскомъ встрѣчаются въ рукописяхъ хроники Малалы. Повѣсть эта есть переводъ грече-

скаго сочиненія, ложно приписываемаго сподвижнику Александра Каллисѳену и потому извѣстна подъ именемъ Псевдокаллисѳена. Первоначальный славянскій переводъ впослѣдствіи, въ Россіи, подвергался не разъ переработкамъ, что свидѣтельствуетъ о популярности этой повѣсти. Она интересовала читателя не только личностью героя, обрисованной симпатичными чертами въ христіанскомъ духѣ, но и разсказами о диковинкахъ и чудесахъ Востока, встрѣчающихся на пути Александру, который все хочетъ узнать, все изслѣдовать. У сербовъ появился впослѣдствіи переводъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ въ другой редакціи, которая сдѣлалась еще болѣе популярною среди русскихъ читателей и стала вытѣснять первую.

Дидактическія сочиненія.

Какъ въ византійской литературѣ, такъ и въ старо-славянской былъ чрезвычайно богатъ отдѣлъ дидактическихъ сочиненій въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Переводились сочиненія, написанныя въ формѣ «поученій» и «наставленій» отца къ сыну, какъ безыменныя, такъ и принадлежащія извѣстнымъ лицамъ, систематическіе сборники наставленій и разсужденій о добродѣтеляхъ и порокахъ (напр., Пандектъ Антіоха, Лѣствица Іоанна Синайскаго), сборники афоризмовъ и изреченій такого же характера (съ именами Соломона, Іисуса—сына Сирахова, Исихія, Геннадія), и не только библейскихъ и христіанскихъ лицъ, но и языческихъ, напр., Менандра Мудраго.

Въ большомъ ходу былъ сборникъ (извѣстный въ различныхъ редакціяхъ) подъ названіемъ «Пчела, рѣчи и мудрости отъ евангелія, апостола, святыхъ мужей и внѣшнихъ философовъ». Дидактическій характеръ имѣли также нѣкоторыя повѣсти восточнаго происхожденія; таковы: Стефанитъ и Ихнилатъ, Варлаамъ и Іоасафъ, Акиръ Премудрый. Первая изъ этихъ повѣстей есть сборникъ восточныхъ басенъ, восходящій къ знаменитому индійскому сборнику Панчатантра или Пятикнижіе. Названіе свое сборникъ получилъ отъ имени двухъ дѣйствующихъ лицъ—Стефанита, т.-е. Увѣнчаннаго, и Ихнилата, т.-е. слѣдящаго, являющихся въ греческомъ текстѣ, съ котораго былъ сдѣланъ переводъ славянскій; въ арабскомъ оригиналѣ греческаго перевода они называются Калила и Димна, т.-е. Прямодушный и Лукавый; въ Панчатантрѣ играютъ видную роль два шакала Karataka и Damanaka. Рамку повѣсти составляетъ разсказъ объ интригахъ Ихнилата при дворѣ царя Льва, который совѣтуется съ нѣкіимъ философомъ по разнымъ вопросамъ нравственно-практической жизни. Философъ отвѣ-

частъ въ формѣ примѣровъ и разсказовъ, въ которые вводятся новые разсказы и басни. Дѣйствующими лицами являются различныя животныя, которыя и высказываютъ разныя нравственныя правила и мнѣнія, нисколько не соотвѣтствующія ихъ естественнымъ качествамъ.

Духовный романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ по сюжету также восточнаго происхожденія: онъ признается христіанскою переработкою одного эпизода изъ жизни Будды. Въ немъ разсказывается объ обращеніи индійскаго царевича Іоасафа пустынникомъ Варлааамомъ въ истинную вѣру. Въ формѣ апологовъ Варлаамъ излагаетъ христіанское ученіе, заимствуя матеріалъ для нихъ какъ изъ евангельскихъ притчъ, такъ особенно изъ восточныхъ разсказовъ, сопровождая ихъ правоучительными иносказательными толкованіями. Это одно изъ самыхъ поэтическихъ произведеній, развивающихъ аскетическій идеалъ. На славянскій языкъ оно переведено съ греческаго.

Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ также переведена съ греческаго оригинала, который, однако, не отысканъ; по происхожденію же своему она принадлежитъ Востоку и находится въ ближайшемъ родствѣ съ арабской сказкой (въ сборникѣ «Тысяча и одна ночь») о Санхерибѣ и его мудромъ совѣтникѣ Гейкарѣ. Въ славянской редакціи повѣсть носитъ христіанско-поучительный характеръ. Наставленія Акира (Гейкара) племяннику его Анадану (Надану) напоминаютъ многочисленныя христіанскія поученія въ формѣ нравственно-практическихъ поученій отца къ сыну.

Апокрифы. Особенное богатство въ старо-славянской письменности представляетъ апокрифическая литература. Сюда относятся не только апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ, но также статьи и книги суевѣрнаго характера, напр., книги астрологическія и гадательныя. Нѣкоторыя изъ апокрифическихъ сочиненій возникли среди еретиковъ и преслѣдовались церковью, другія же, притомъ огромное большинство, ничего еретическаго не представляютъ и свободно распространялись какъ въ Византіи, такъ и у славянъ. Къ числу апокрифовъ такія сочиненія относятся лишь потому, что сообщаютъ о библейскихъ лицахъ такія подробности, которыхъ нѣтъ въ каноническихъ книгахъ, но предлагаютъ ихъ иногда въ художественной, поэтической обработкѣ, что и дѣлало ихъ особенно популярными. Апокрифы давали поэтому нерѣдко матеріалъ для церковной проповѣди, поэзіи (пѣснопѣній) и живописи. Славянская апокрифическая литера-

тура почти исключительно переводная. Но значеніе ея состоитъ не только въ томъ, что она была любимымъ чтеніемъ и вліяла на образованіе народныхъ воззрѣній на различные предметы природы и жизни человѣческой, а также на содержаніе народной устной словесности, но и въ томъ, что въ славянскихъ текстахъ нерѣдко сохранились древніе и важные памятники, оригиналы которыхъ утрачены или извѣстны въ другихъ редакціяхъ. Изъ ветхозавѣтныхъ апокрифовъ особенно замѣчательны сказанія объ Адамѣ, Енохѣ, Мелхиседекѣ, Авраамѣ, Моисеѣ, Давидѣ и Соломонѣ. Такъ, славянская «Книга святыхъ тайнъ Еноховыхъ» представляетъ собою особую редакцію древней (до-христіанской) книги Еноха, отъ которой дошли на греческомъ языкѣ лишь отрывки, а болѣе полный текстъ сохранился на эѳіопскомъ языкѣ. Въ славянской редакціи разсказывается о путешествіи Еноха по семи сферамъ небеснымъ, при чемъ сообщается своеобразная космографія, ученіе объ ангелахъ стихій, о паденіи ангеловъ; на седьмомъ небѣ Еноху самъ Богъ разсказываетъ о твореніи міра, и этотъ разсказъ сильно отличается отъ библейскаго. Находясь на седьмомъ небѣ, Енохъ подъ диктовку ангела въ 366 книгахъ описалъ все, что было, есть и будетъ какъ относительно природы, такъ и каждаго человѣка, и во всемъ нашелъ строго предустановленный порядокъ. Сошедши на землю, Енохъ поучаетъ своихъ дѣтей строгой нравственной жизни. Возвышенное нравственное ученіе книги Еноха очень близко къ ученію евангельскому. Продолженіе книги Еноха составляетъ замѣчательный разсказъ о рожденіи Мелхиседека отъ мертвой жены Нира Софонимы, неизвѣстный изъ другихъ источниковъ. Равнымъ образомъ неизвѣстны греческіе оригиналы для такихъ апокрифовъ, какъ «Откровеніе Авраама», «Исходъ Моисеевъ», «О Соломонѣ и Китоврасѣ» и мн. др. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ извѣстно нѣсколько апокрифическихъ евангелій: очень популярное протоевангеліе Іакова, Никодимово Евангеліе, Евангеліе Ѳомы (еретическаго происхожденія и потому довольно рѣдко попадающееся въ рукописяхъ), апокрифическія сказанія о хожденіяхъ апостоловъ на проповѣдь. Особенно много извѣстно апокрифическихъ сочиненій, трактующихъ о кончинѣ міра, страшномъ судѣ и загробной участи праведныхъ и грѣшныхъ; таковы: апокрифическій апокалипсисъ Іоанна Богослова, Видѣніе апостола Павла, Хожденіе Богородицы по мукамъ и др. Разнаго рода бѣдствія, особенно опустошенія христіанскихъ земель мусульманами, внутреннія смуты и физическія бѣдствія какъ въ Византіи, такъ и у славянъ внушали мысль о наступленіи послѣд-

нихъ временъ и давали поводъ въ современныхъ событіяхъ видѣть тѣ бѣдствія, которыя предсказывались въ сочиненіяхъ эсхатологическаго характера. Это вызвало переработку старыхъ сочиненій и составленіе новыхъ въ формѣ историческихъ пророчествъ post factum съ именами пророковъ, наприм., Исаіи, Даніила; особенною популярностью пользовались «Слово Меѳодія Патарскаго о царствіи языкъ послѣднихъ временъ», а также хризмы или прореченія съ именемъ Льва Мудраго. Такія сочиненія, изображавшія преимущественно борьбу Византіи съ восточнымъ мусульманскимъ міромъ и западнымъ—латинскимъ, охотно переводились болгарами, у которыхъ историческая литература въ собственномъ смыслѣ почти совсѣмъ не привилась, равно какъ и сербами, и подвергались вставкамъ и переработкамъ примѣнительно къ событіямъ своей исторіи. Въ одномъ изъ такого рода сочиненій, въ «Пандеховомъ пророческомъ сказаніи», между прочимъ, находится такая характеристика положенія Византіи и сосѣднихъ народовъ и государствъ: «Византія градъ есть; приде Костадинъ изъ Рима и развали и созда градъ и нарече имя ему по своему созданію Константинь градъ; и царствоваша въ немъ Ромѣи (т.-е. греки) до киръ Мануила царя, и потомъ не царствуютъ, дондеже придетъ число гнѣва лѣтомъ». «Тарта рѣка есть велія..., тѣмъ же халдѣисци языци наричются Татаріе два меча...: дважды бо имъ изыти на землю гнѣвомъ». «Кумани (т.-е. половцы) нигдѣ же речени будутъ и погибнутъ». «Руси волчки (т.-е. по-волчьи) повыютъ и розыдутся, люту казнь примутъ, истаютъ аки воскъ отъ лица огня». «Угры маловременны будутъ». «Сербинъ маломѣренъ и паки воззвенитъ; перво смирится съ великимъ царемъ (т.-е. византійскимъ) и потомъ воздвигнетъ оружіе на него и побѣдитъ его, яко Іисусъ Амалика и Гаваониты, и вознесется имя его въ живущихъ окрестъ его». «Болгаринъ младъ; и двумъ віющимся третій будетъ первый; младость же есть премѣненіе царства». Очевидно, что эта характеристика составлена около половины XIII вѣка и довольно вѣрно рисуетъ положеніе юго-востока Европы вскорѣ послѣ нашествія татаръ, но еще во время занятія Константинополя латинянами. Подобнаго рода памятники, вращавшіеся въ народной средѣ, представляютъ интересъ, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что въ нихъ выражается настроеніе народныхъ массъ подъ гнетомъ тяжелыхъ событій. Такое же значеніе имѣютъ и другія сочиненія апокрифическаго характера, особенно разнаго рода гадательныя и астрологическія книги, напр., громники, въ которыхъ по

появленію грома въ томъ или въ другомъ мѣсяцѣ и числѣ предсказываются разныя событія и, главнымъ образомъ—бѣдствія отъ враговъ христіанства—измаилитянъ, а также внутреннія смуты, насилія вельможъ, разбои на морѣ и сушѣ, землетрясенія, голодъ, моровое повѣтріе и т. д.; очень рѣдко предсказываются явленія благопріятныя; это показываетъ, что тяжелое настоящее мало сулило утѣшенія и въ будущемъ.

Богомильскія книги.

Распространенію апокрифическихъ сочиненій между болгарами и сербами содѣйствовало весьма раннее (около половины X в.) появленіе и продолжительное существованіе ереси богомильской, получившей свое названіе отъ имени ея основателя, болгарскаго попа Богумила. Ученіе богомиловъ признавало себя христіанскимъ, но въ своемъ основаніи имѣло принципъ дуализма, или признаніе двухъ началъ, добраго (Бога) и злого (діавола), изъ которыхъ злому началу приписывалось твореніе видимаго міра и безраздѣльное господство надъ людьми до пришествія Христа; богомилы, однако, и воплощеніе Христа признавали не дѣйствительнымъ, а призрачнымъ, отрицательно относясь ко всему матеріальному міру, какъ произведенію діавола, отвергали учрежденія христіанской церкви: таинства, обряды, іерархію, и проповѣдывали крайній аскетизмъ. Среди богомиловъ пользовались поэтому извѣстностью такія сочиненія древнихъ еретиковъ, въ которыхъ развивалась та или другая черта ихъ ученія. Такъ очень популярно было апокрифическое «Видѣніе Исаіи», въ которомъ разсказывается о сошествіи Христа на землю съ плотію, не дѣйствительною, а призрачною, и «Преніе діавола съ Господомъ», развивающее ученіе о силѣ и власти діавола. Собственно богомильскихъ сочиненій на славянскомъ языкѣ въ подлинномъ видѣ до насъ не дошло, но сохранились апокрифическіе памятники съ богомильскими вставками, или же богомильскія сочиненія, передѣланныя православными, но удержавшія нѣкоторыя черты богомильскихъ представленій. Таковы «Сказаніе о созданіи твари Божіей на морѣ Тиверіадскомъ», извѣстное во многихъ варіантахъ, «Видѣніе Варуха», нѣкоторыя редакціи апокрифической «Бесѣды трехъ святителей». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ отразились преимущественно космогоническія богомильскія воззрѣнія, приписывающія твореніе матеріальнаго міра діаволу. Въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ со славянскаго, вѣроятно, болгарскаго оригинала для западныхъ еретиковъ дуалистическаго толка—катаровъ или патаренъ, дошла «Книга св. Іоанна» (Liber sancti Iohannis), по своему содержанію

оказывающаяся, несомнѣнно, богомильскимъ сочиненіемъ. Въ формѣ бесѣды Іоанна Богослова съ І. Христомъ на Тайной вечери разсказывается въ этой книгѣ исторія творенія міра и человѣка, явленія Христа для избавленія рода человѣческаго отъ власти діавола, и дается откровеніе о кончинѣ міра. Богомильскій авторъ воспользовался апокрифическимъ откровеніемъ Іоанна Богослова, извѣстнымъ въ греческихъ и славянскихъ текстахъ, книгой Еноха въ славянской ея редакціи, крестными легендами, «Видѣніемъ Исаіи», и при помощи этого матеріала изложилъ основные пункты богомильскаго ученія.

Попъ Іеремія.

Апокрифы распространялись въ Болгаріи и не только проповѣдниками богомильскаго ученія. Такъ, извѣстенъ болгарскій попъ Іеремія, какъ усердный распространитель апокрифическихъ сочиненій, но нѣтъ прямыхъ указаній на то, чтобы онъ принадлежалъ къ богомильской сектѣ; содержаніе распространявшихся имъ апокрифовъ не развиваетъ богомильскаго ученія и даже прямо противорѣчитъ ему. Индексомъ апокрифическихъ книгъ, или «статьей о книгахъ истинныхъ и ложныхъ», Іеремія, болгарскій попъ, выдѣляется спеціально, какъ распространитель ложныхъ книгъ. Такъ, ему приписывается распространеніе лживыхъ молитвъ противъ болѣзней—трясавицъ и пежита, олицетворенныхъ въ образѣ демоническихъ существъ, причиняющихъ разнородныя болѣзни; такого рода молитвы до сихъ поръ находятся въ употребленіи среди болгаръ, сербовъ и русскихъ; подобныя же молитвы-заговоры извѣстны на Западѣ, да и приписываемыя Іереміи не представляютъ ничего оригинальнаго: это простые переводы съ греческаго. Гораздо важнѣе приписываемое индексомъ болгарскому попу Іереміи «Слово о древѣ крестнемъ—извѣщеніе св. Троицы». Это довольно обширное сочиненіе, въ которомъ по канвѣ крестной легенды, т. е. исторіи происхожденія и сохраненія древа, изъ котораго сдѣланъ былъ крестъ для распятія Спасителя и двухъ разбойниковъ, пересказано нѣсколько интересныхъ легендъ, отчасти извѣстныхъ по другимъ памятникамъ, а отчасти встрѣчаемыхъ только здѣсь. Большая часть этихъ легендъ извѣстны на греческомъ языкѣ, но для нѣкоторыхъ греческихъ оригиналовъ не отыскано. Исторія крестнаго древа въ этомъ сочиненіи начинается отъ дерева, которое выросло изъ посаженныхъ Моисеемъ для услажденія горькой воды въ Меррѣ крестообразно сплетенныхъ трехъ вѣтвей (обозначавшихъ Св. Троицу): кедра, певги и кипариса. Моисей пророчески предсказалъ назначеніе этого древа, какъ древа спасенія, и оно съ тѣхъ поръ

охранялось разбойниками, искавшими покаянія въ своихъ грѣхахъ и проповѣдывавшими другъ другу о назначеніи древа; изъ этихъ разбойниковъ одинъ, Амвросій, былъ при Моисеѣ, другой, Есромъ, при Давидѣ. Въ «Словѣ» Іереміи разсказаны интересныя легенды о сообщеніи Давидомъ Соломону модели іерусалимскаго храма, сдѣланной изъ восковыхъ свѣчей, и о построеніи храма Соломономъ, получившимъ черезъ ангела перстень съ таинственною надписью (для покоренія демоновъ и привлеченія ихъ къ работѣ по постройкѣ храма,—какъ разсказывается въ другихъ крестныхъ и иныхъ легендахъ). Собирая рѣдкіе и дорогіе матеріалы для построенія храма, Соломонъ узналъ о древѣ при Меррѣ, осмотрѣлъ его, удивился какъ его красотѣ, такъ еще болѣе тому назначенію, о которомъ пророчески предупреждалъ его разбойникъ Есромъ; съ величайшими трудностями доставлено было древо въ Іерусалимъ, гдѣ возбуждало всеобщее удивленіе своею красотою и «извитіемъ»; всѣ попытки употребить его для постройки храма были напрасны, такъ какъ, несмотря на тщательныя измѣренія, оно оказывалось то длинно, то коротко; древо было положено подлѣ храма для отдохновенія проходящимъ; разбойникъ Есромъ пришелъ вслѣдъ за древомъ и остался при немъ до смерти; послѣ него жили при древѣ другіе разбойники и продолжали проповѣдывать о назначеніи древа; самое мѣсто, гдѣ находилось древо, стало называться «разбоищемъ», и всякій, остававшійся служить при деревѣ, получалъ имя разбойника, хотя таковымъ и не былъ. Упомянувъ кратко о преемникахъ Соломона до Ирода, авторъ снова сообщаетъ нѣкоторыя легенды, относящіяся къ жизни Христа. Такъ, онъ разсказываетъ о нахожденіи Христомъ главы Адамовой на берегу Іордана, о спорѣ двухъ царей изъ-за этой главы, отличавшейся огромными размѣрами, такъ что одинъ изъ царей положилъ ее у воротъ своего дома, входилъ въ нее для отдыха и хотѣлъ сдѣлать въ ней себѣ усыпальницу, но Христосъ приказалъ похоронить ее за городомъ на мѣстѣ, прозванномъ съ тѣхъ поръ Краніевымъ. Здѣсь же разсказывается особо отмѣчаемая въ индексѣ легенда о томъ, «какъ Христосъ плугомъ оралъ»: при Августѣ шли обширныя работы по постройкѣ городовъ и дорогъ, никто не былъ безъ дѣла; тогда и Христосъ, встрѣтивъ человѣка, орущаго волами, взялъ плугъ и провелъ три борозды и тѣмъ освятилъ ручной трудъ. Далѣе слѣдуетъ очень интересная легенда, какъ Провъ, сынъ царя Селевка, назвалъ Христа братомъ во время купанья, какъ Провъ желчью и утробой пойманной Христомъ рыбы исцѣлилъ слѣпого отца и бѣсноватую

жену свою (разсказъ близко напоминаетъ библейскую исторію Товита и Товіи), какъ Христосъ помогалъ Прову въ сборѣ дани. Далѣе въ «Словѣ» излагаются извѣстныя легенды о сношеніяхъ со Христомъ Авгаря и о постановленіи Іисуса въ іерейство при іерусалимскомъ храмѣ. Въ концѣ «Слова», передъ краткимъ разсказомъ о распятіи, передается исторія послѣдняго разбойника, стерегшаго крестное древо, по имени Спутника, который, по завѣщанію отца, и былъ распятъ со Христомъ, какъ разбойникъ благоразумный. Всѣ эти легенды, ничего не имѣющія общаго съ библейскими и евангельскими повѣствованіями и потому отвергавшіяся церковью, какъ видно изъ индекса, однако не проводятъ никакихъ еретическихъ мыслей и ничего не содержатъ такого, что свидѣтельствовало бы объ ихъ богомильскомъ происхожденіи. Извѣстны другія крестныя легенды съ именами свв. Северіана и Григорія; въ нихъ встрѣчаются отчасти тѣ же мотивы, но исторія древа ведется не отъ древа при Меррѣ, а отъ райскихъ деревъ, въ насажденіи которыхъ участвовалъ Сатанаилъ.

Полемика противъ ересей.

Крестныя легенды были извѣстны богомиламъ, но онѣ передѣлывали ихъ по-своему: такъ, въ «Книгѣ св. Іоанна» (латинской) вручаетъ Моисею три вѣтви для насажденія древа креста діаволъ; онъ самъ изобрѣлъ крестъ, какъ орудіе своей мести.

Распространеніе ложныхъ сочиненій и мнѣній не оставалось безъ протеста, который выражался не только въ формѣ запрета, изданія офиціальнаго индекса, но и въ формѣ полемическихъ сочиненій. Изъ этихъ послѣднихъ особенно замѣчательны: одно—посланіе іерусалимскаго монаха Аѳанасія къ нѣкоему Панку, начитавшемуся басенъ попа Іереміи и распространявшему ихъ; другое, болѣе древнее и важное, именно «Слово Козьмы пресвитера на новоявившуюся ересь богомилю». Козьма пресвитеръ жилъ во 2-й половинѣ X в., какъ видно изъ его увѣщанія къ духовенству, изъ котораго многіе знали знаменитаго Іоанна экзарха, современника Симеона. Слово Козьмы пресвитера принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ самостоятельныхъ сочиненій во всей старо-славянской литературѣ. Оно свидѣтельствуетъ не только о хорошемъ знакомствѣ съ богомильскимъ ученіемъ и православной догматикой, но и съ лучшими пріемами полемики: опровергая ученіе еретиковъ, авторъ, обладая несомнѣнною начитанностью, ссылается только на тѣ книги, авторитетъ которыхъ признавался и противниками. Вторая часть слова посвящена горячему обличенію пороковъ среди православныхъ, преимущественно духовенства и монашества, что особенно было важно

въ виду строгой жизни еретиковъ. Сочиненіе Козьмы пресвитера пріобрѣло большое значеніе: изъ него дѣлались выписки отдѣльныхъ мѣстъ въ сборникахъ и заимствованія какъ въ полемическихъ, такъ и облечительныхъ сочиненіяхъ; особое вниманіе обращали на него у насъ на Руси въ XV вѣкѣ, когда приходилось полемизировать съ такими положеніями ученія жидовствующихъ, которыя совпадали съ богомильскими, хотя выходили изъ другихъ началъ, напримѣръ, о церковной іерархіи, иконопочитаніи, почитаніи святыхъ; обрядахъ и пр. Вообще, на Руси обильно пользовались юго-славянскою письменностью, которая здѣсь принесла не меньшую, если не большую пользу, чѣмъ на своей родинѣ.

М. Соколовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

34. Подготовка перваго крестоваго похода. *Н. Шамонинъ.* . 1

Анархія во Франціи. 1. Естественныя бѣдствія. 2. Ожиданіе конца міра. 3. Усиленіе религіознаго настроенія. 5. Вліяніе аскетизма. 6. Паломничество. 8. Положеніе Востока. 9. Главенство папъ. 12. Роль норманновъ. 14. Первыя попытки похода. 16. Клермонскій соборъ. 16.

35. Вожди перваго крестоваго похода. *Н. Шамонинъ.* . . . 18

Народное движеніе. 18. Петръ Амьенскій. 20. Рыцарское ополченіе. 22. Его вожди. 22. Организація. 24. Планы Комнина. 25. Споръ изъ-за Антіохіи. 28. Осада и взятіе Іерусалима. 33. Правленіе Готфрида Бульонскаго. 36.

36. Іерусалимское королевство. *Евг. Щепкинъ.* 41

I. Страна, населеніе, земледѣліе, торговля, колоніи, образованность. Населеніе Іерусалимскаго королевства. 41. Земледѣліе. 44. Сельское населеніе. 46. Городское населеніе. 48. Торговля. 49. Монета. 52. Итальянскія колоніи. 53. Смѣшанная культура. 55. II. Учрежденія и право. Іерусалимскія ассизы. — Составъ Іерусалимскаго королевства. 58. Престолонаслѣдіе. 60. Преданіе о „Письмахъ Гроба Господня". 62. Ассизы, какъ позднѣйшія записи обычаевъ. 63. Дѣйствительныя „Письма Гроба Господня". 66. Общій характеръ ассизъ. 68. Принудительныя средства противъ сеньёра. 69. Ассизы короля Амальриха. 70. III. Духовно-рыцарскіе ордена. Процессъ тампльеровъ.—Іоанниты. 73. Владѣнія іоаннитовъ. 77. Нѣмецкій орденъ. 79. Возникновеніе ордена тампльеровъ. 81. Возвышеніе тампльеровъ. 84. Булла Александра III. 86. Управленіе ордена. 87. Обособленность ордена. 89. Уклоненія отъ христіанства. 90. Филиппъ Красивый и орденъ. 92. Начало процесса тампльеровъ инквизиціей. 93. Вмѣшательство папы, 97. Уничтоженіе ордена. 101.

Стр.

37. Андроникъ Комнинъ. *Ѳ. Смирновъ* 104

I. Задачи Византійской имперіи въ XI вѣкѣ. 104. Алексѣй Комнинъ. 106. Іоаннъ. 108. Мануилъ. 109. Пристрастіе Мануила къ Западу. 110. Венеціанцы. 111. Война съ Килиджъ-Арсланомъ. 114. Алексѣй II. 115. II. Исаакъ Комнинъ. 116. Андроникъ. 118. Плѣнъ Андроника у турокъ. 120. Андроникъ въ Киликіи и Сербіи. 121. Тюрьма и бѣгство изъ нея. 122. Второе командованіе въ Киликіи. 124. Андроникъ на чужбинѣ. 125. III. Національная политика. 127. Возстаніе Маріи. 129. Походъ Андроника на Константинополь. 131. Избіеніе латинянъ. 133. Партія Андроника. 135. Преслѣдованіе знати. 137. Заговоръ противъ Андроника. 140. Вѣнчаніе на царство. 141. IV. Возстаніе въ Малой Азіи. 142. Цѣли Андроника. 144. Отношеніе къ чиновничеству. 146. Отмѣна берегового права. 149. Подъемъ благосостоянія. 150. Война съ сицилійскими норманнами. 150. Возстаніе Исаака Ангела. 154. Гибель Андроника. 157. Причины неудачи Андроника. 159.

38. Четвертый крестовый походъ и Латинская имперія. *М. Покровскій* 161

Разложеніе Византіи въ концѣ XII вѣка. 161. Крестовый походъ. 162. Планъ похода. 163. Договоръ съ Венеціей. 163. Филиппъ Швабскій. 164. Бонифацій. 165. Политика Венеціи. 166. Крестоносцы и Византія. 167. Венеція и папа. 167. Бунтъ и пожаръ Константинополя. 170. Второе взятіе Византіи. 173. Бонифацій Монферратскій. 174. Балдуинъ Фландрскій. 175. Война съ болгарами. 176. Владѣнія крестоносцевъ. 177. Никейская имперія. 178. Значеніе Латинской имперіи. 179.

39. Цезарій Гейстербахскій. (Черты средневѣкового настроенія и міровоззрѣнія.) *П. Ардашевъ* 181

Церковь и просвѣщеніе въ средніе вѣка. 181. Личность Цезарія. 182. „Бесѣды о чудесахъ“. 182. Чудесное въ жизни средневѣковаго человѣка. 183. Его внутренній міръ. 183. Аскетическое пониманіе жизни. 184. „Обращеніе“. 184. Сокрушеніе и покаяніе. 185. Искушеніе. 185. Смерть. 186. Матеріализація христіанскихъ представленій. 186. Злые духи. 187. Борьба съ демонами. 188. Добрые и благочестивые демоны. 190. Матеріализація чуда. 191.

40. Францискъ и Доминикъ. Возникновеніе нищенствующихъ орденовъ. *Р. Випперъ* 192

Монашескіе ордена въ средніе вѣка. 192. Францискъ Ассизскій. 193. Первая община францисканцевъ. 195. Утвержденіе ордена. 196. Смягченіе аскетизма. 197. Устройство и развитіе ордена. 199. Доминикъ. 201. Устройство доминиканскаго ордена. 203.

Стр.

41. Средневѣковыя ереси и инквизиція. *М. Покровскій* . . . 205

Аскетическіе идеалы. 205. Жизненная практика. 207. Отрицательное отношеніе къ церкви. 209. Катары. 211. Ученіе Мани. 211. Богомилы. 212. Сотвореніе міра и человѣка. 215. Судьба богомильства. 217. Переходъ ереси на Западъ. 219. Благопріятныя условія для распространенія ереси. 221. Совершенные и вѣрующіе. 222. Послѣдствія „утѣшенія". 224. Альбигойство. 227. Борьба католиковъ противъ ереси. 229. Крестовый походъ противъ альбигойцевъ. 231. Пораженіе еретиковъ. 233. Конецъ крестоваго похода. 235. Происхожденіе инквизиціи. 237. Инквизиція и аскетизмъ. 239. Организація „инквизиціоннаго трибунала". 243. Инквизиціонный допросъ. 245.

42. Мистика и схоластика XI—XII вѣковъ (Ансельмъ Кэнтерберійскій, Абеляръ и Бернардъ Клервальскій). *В. Ивановскій*. 249

Ансельмъ Кэнтерберійскій. 249. Онтологическое доказательство. 252. Средневѣковая и древняя философія. 253. Схоластика. 253. Вопросъ о природѣ универсалій. Реализмъ (Платонъ). 255. Номинализмъ. Росцелинъ. 259. Абеляръ. 259. Бернардъ Клервальскій. 262. Схоластика и мистика. 265. Соборъ въ Сансѣ. Смерть Абеляра. 266.

43. Народное образованіе и университеты въ средніе вѣка. *В. Ивановскій*. 269

Клирики. 269. Школа, какъ хозяйственное предпріятіе. 270. Низшія школы. 271. Учителя. 274. Курсъ начальной школы. 275. Грамматика. 276. Реторика и діалектика. 278. Ариѳметика и астрономія. 278. Ученики. 279. Университетъ. 280. Парижскій университетъ. 282. Факультеты. 284. Націи. Ректоръ. 285. Корпоративныя права. 287. Жизнь студентовъ. 289. Коллегіи. 290. Нищенствующіе монахи въ университетѣ. 291. Ученыя степени. 292. Лекціи и диспуты. 293. Нѣмецкіе университеты. 296.

44. Болонскій университетъ и римское право въ средніе вѣка. *А. Вормсъ*. 297

Римское право отъ V по XI в. 297. Роль церкви. 299. Возрожденіе римскаго права. 299. Глоссаторы. 300. Первое увлеченіе римскимъ правомъ. 302. Болонская школа. 305. Ея покровители. 305. Происхожденіе ученыхъ степеней. 306. Происхожденіе и организація университетскихъ корпорацій. 308. Борьба ихъ съ городомъ. 310. Споры между преподавателями и слушателями. 311. Образованіе единаго университета и значеніе корпоративнаго строя. 311. Распространеніе университетовъ. 312. Комментаторы и рецепція. 313. Римское право во Франціи. 314. Легисты и ихъ

Стр.

вліяніе на развитіе гражданскаго права. 315. Политическая роль легистовъ. 317. „Теоретическая“ рецепція въ Германіи. 318. Практическое усвоеніе римскаго права въ Германіи. 319.

45. Рыцарство. *Евг. Щепкинъ* 322

I. Рыцарская поэзія: Кантилены. 322. Пѣвцы. 324. Chansons de geste. 324. Жонглеры. 326. II. Происхожденіе рыцарства: Взглядъ церкви на войну. 328. Рыцарство какъ конница вассаловъ. 330. Германскіе обычаи. 331. Доступъ въ рыцарство. 332. Дикость нравовъ. 333. III. Заповѣди рыцарства: Христіане и безбожники. 335. Охрана церкви. 337. Защита слабыхъ. 338. Любовь къ родинѣ. 338. Вассальная вѣрность. 339. Щедрость. 339. Заповѣди сатаны. 340. IV. Дѣтство барона: Младенчество барона. 341. Доонъ Майнцскій. 342. Ученіе. 344. Охота. 346. Духовное воспитаніе. 347. V. Юность барона: Пажи и оруженосцы. 348. Испытанія. 350. Скитанія молодого рыцаря. 351. VI. Посвященіе въ рыцари: Древнѣйшее посвященіе. 354. Посвященіе Годфрида Плантагенета. 355. Colée. 356. Религіозное посвященіе. 357. VII. Бракъ рыцаря: Феодализмъ и браки. 359. Женскіе типы. 361. VIII. Рыцарскій замокъ: Замокъ IX вѣка. 364. Замокъ XII вѣка. 364. Рыцари-грабители. 367. IX. Домашняя жизнь рыцаря: Одежда. 368. Забавы. 369. Обѣдъ. 370. X. Военная жизнь рыцаря: Турниры. 372. Смерть рыцаря. 376. XI. Культъ женщинъ. Утонченное рыцарство XIII вѣка и упадокъ стараго феодальнаго рыцарства: Любовь. 377. Вліяніе Юга и Востока. 381. Культъ дамы. 382. Упадокъ рыцарства. 384. XII. Рыцарство въ эпоху Столѣтней войны и его конецъ: Фруассаръ. 385. Гастонъ де-Фуа—идеалъ рыцаря XIV в. 387. Трактатъ Жоффруа де-Шарни. 389. Столѣтняя война. 390. XIII. Войско и тактика рыцарской эпохи: Составъ войска. 391. Вооруженіе 393. Строй. 394. Битва при Бувинѣ. 395. Англійскій строй. 400. Битва при Креси. 403.

46. Средневѣковая лирика. *И. Казанскій* 409

Югъ Франціи. 409. Виды лирическихъ стихотвореній. 410. Бертранъ де-Борнъ. 412. Тибо Шампанскій. 414. Миннезингеры. 415. Вальтеръ фонъ-деръ-Фогельвейде. 417. Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ. 418.

47. Театральныя представленія во Франціи въ концѣ XV в. *М. Розановъ* 420

Вопросъ о представленіи мистеріи. 420. Составленіе пьесъ. 422. Оглашеніе. 423. Роли. 424. Костюмы. 425. Смотръ. 426. Полицейскія распоряженія. 427. Сцена. 428. Прологъ. 430. Праздничное богослуженіе. 432. Ветхозавѣтная драма. 434. Рождество Христово. 435. Миракли. 436. Страсти. 437. Фарсъ о Пателенѣ. 439.

Стр.

48. Средневѣковое искусство. *Н. Тарасовъ* 442

Византійское искусство. 442

Условія, при которыхъ зародилось византійское искусство. 442. Формы архитектуры: базилика и центрально-купольный храмъ. 443. Св. Софія. 446. Дальнѣйшее развитіе формъ византійской архитектуры. 450. Византійская живопись. 450. Монументальный характеръ изображеній и христіанскіе типы. 451. Скульптура. 452. Вліяніе иконоборства на развитіе византійскаго искусства. 454. Возрожденіе византійской живописи въ IX—X вв. 455. Орнаментальное и аскетическо-богословское направленіе живописи. 458. Положеніе византійскаго искусства въ Европѣ X—XI вѣка. 459. Историческое значеніе византійскаго искусства. 459.

Романскій стиль. 462

Характеръ эпохи. Значеніе церкви. 462. Характерныя черты романскаго стиля въ архитектурѣ. 463. Скульптура. 467. Живопись: античные элементы и народная фантазія. 470. Техническія руководства. 474. Символика храма. 475. Особенности и ходъ развитія романскаго стиля. 475.

Готическій стиль 476

Характеръ эпохи. Значеніе городскихъ общинъ. Цехи. 476. Ходъ развитія готическаго стиля. 478. Архитектурныя особенности готическаго храма: а) внутри. 478. б) снаружи. 485. Скульптура. 487. Идеи и настроенія, отразившіяся въ храмовой готической скульптурѣ. 489. Живопись готическаго стиля. 491. Свѣтская городская архитектура готическаго стиля. 494. Тѣсная связь готическаго стиля съ жизнью. 494.

Мавританскій стиль 495

Восточные и античные элементы мавританскаго стиля. 495. Особенности мавританскаго стиля въ скульптурѣ и архитектурѣ. 496. Мечеть въ Кордовѣ. 497. Алькасаръ въ Севильѣ. 498. Альгамбра въ Гренадѣ. 498. Характеръ мавританской архитектуры. 502.

49. Болгарская письменность. *М. Соколовъ* 503

Начало славянской письменности. 503. Славянское богослуженіе въ Болгаріи. 504. Упадокъ Болгаріи. 506. Положеніе болгарской письменности. 507. Книги религіознаго содержанія. 508. Іоаннъ, экзархъ болгарскій. 509. Стихотворные опыты. 511. Историческія сочиненія. 512. Дидактическія сочиненія. 513. Апокрифы. 514. Богомильскія книги. 517. Попъ Іеремія. 518. Полемика противъ ересей. 520.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продается

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ПО ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

Вып. I, изд. 3-е. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.
Вып. III, изд. 2-е. М. 1902. Ц. 2 р.
Вып. IV, изд. 2-е. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Цѣна 1 руб. 90 коп.

D 117 .K58 1903 2 pt.2, IMS

Kniga dlia chteniia po istor
srednikh vilekov
47094320

S